

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

1971

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР

Институт истории СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик М. В. НЕЧКИНА

(ответственный редактор),

Г. Д. АЛЕКСЕЕВА, М. А. АЛПАТОВ, | В. В. АЛЬТМАН |,
В. И. БОВЫКИН, М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Б. Г. ВЕБЕР,

Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ, В. А. ДУНАЕВСКИЙ,
член-корреспондент АН СССР М. П. КИМ,

Р. А. КИРЕЕВА,

член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,
|Б. Ф. ПОРШНЕВ|, академик Л. В. ЧЕРЕПНИН

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1973

Редакционная коллегия тома:

академик *М. В. Нечкина* (ответственный редактор),
М. А. Алпатов, В. И. Бовыкин, М. Г. Вандакловская,
Б. Г. Вебер, Е. Н. Гордцецкий, В. А. Дунаевский, Р. А. Киреева,
академик *Л. В. Черепнин*

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(20-е — начало 30-х годов XX в.)**

Г. Д. Алексеева

Большая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории России и всего человечества. Началась эпоха всеобщего обновления мира, эпоха перехода от капитализма к социализму. События всемирно-исторического значения поставили перед марксистами России, Коммунистической партией новые теоретические и идеологические задачи, от решения которых зависело продвижение страны по новому пути. Важнейшие из них определялись необходимостью всестороннего и глубокого познания закономерностей ликвидации последней антагонистической формации и создания бесклассового общества, уяснения характера переходной эпохи и становления нового общественного строя, выявления важнейших тенденций его развития, путей и средств построения социализма в России с учетом исторических особенностей и тех конкретных условий, в которых свершилась Октябрьская революция и началась борьба за социалистическое переустройство всех сторон общественной жизни. В эти боевые годы на историческом фронте выделился ряд историков-партийцев, занявшихся марксистской концепцией исторического процесса. Определяющее значение для разработки всей этой проблематики имели труды В. И. Ленина.

Общественно-политические условия, сложившиеся в результате победы диктатуры пролетариата, оказали решающее влияние на весь процесс развития исторической науки. Задачи борьбы с враждебной идеологией, потребности развернувшегося социалистичес-

кого строительства и коммунистического воспитания выдвинули на первый план изучение новой исторической проблематики. Перед русскими марксистами встала задача большого международного значения — всестороннее изучение новейшей эпохи всемирной истории, мирового революционного процесса, рабочего и коммунистического движения в странах Запада, национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран. Новая историческая проблематика потребовала выявления, введения в науку и осмысления огромного фактического материала (на основании которого можно было бы исследовать историческое прошлое), разработки научной методологии и методики изучения истории современности. Исследование новой проблематики историками-марксистами первого поколения шло в двух направлениях: по линии накопления и осмысления нового конкретного материала и по пути освоения ленинской методологии, разработки всего комплекса теоретико-методологических вопросов, связанных с выявлением и познанием исторических закономерностей и ведущих тенденций общественного развития в новое и новейшее время. Ответом историков-марксистов на назревшие потребности общественно-политической и идейной жизни страны явились их труды, вышедшие сразу же после революции. Работы М. Н. Покровского, Н. М. Лукина, В. И. Невского, В. В. Адоратского, В. П. Милютина, М. П. Павловича-Вельтмана и других по актуальнейшим проблемам отечественной и всемирной истории явились первым значительным шагом в становлении исторической науки новой формации. В них освещались важнейшие проблемы — история Великой французской революции, Парижской Коммуны, революции 1848 г., история возникновения и развития научного коммунизма, история рабочего класса и коммунистического движения, международные отношения и внешняя политика России и крупнейших стран мира. Продолжалась работа над созданием общей концепции истории России и других стран, начатая еще до революции.

Изучение исторической тематики в исследовательской работе первого поколения советских историков было органически связано с постановкой и решением важных теоретических вопросов, возникших под влиянием победы Октябрьской революции и развернувшихся революционных событий во всем мире. В обстановке острой идеологической борьбы вокруг вопросов общественного развития русские марксисты приступают к исследованию таких проблем, как роль революций в мировой истории; закономерности классовой борьбы на различных этапах общественного развития; отличие Великой Октябрьской социалистической революции от революций прошлого, ее характер, движущие силы, ее историческое значение для дальнейшего развития России и всего мира; роль народных масс в истории как создателей материальных ценностей и активной революционной силы. Вооруженные материалистической теорией и научной методологией исследования процессов общественного развития, советские историки-марксисты первого

поколения смогли дать решительный отпор различного рода фальсификациям и искажениям, оказав решающее влияние на разгром враждебных марксизму буржуазных и мелкобуржуазных концепций, каутскианских и троцкистских объяснений событий исторического прошлого¹. Поскольку в работах родоначальников советской исторической школы, историков 20-х годов, по конкретной тематике ставились и решались с материалистических позиций проблемы большого теоретического и методологического значения, они явились важным элементом в утверждении марксистско-ленинской концепции отечественной и всеобщей истории.

Если в изучении истории новейшего времени перед марксистами стояла задача создания новой отрасли марксистской историографии, располагающей и фактографической основой, и научной концепцией, объясняющей недавно свершившиеся исторические события, то в других областях истории необходимо было приступить, по словам Ф. Энгельса, к переписыванию всей истории заново. Советская историческая наука получила от буржуазного общества богатое историографическое наследие, всесторонне разработанную методику изучения конкретно-исторического материала. Однако это ценное наследие было отягощено идеалистическими концепциями и теориями, дополненными в последний, предреволюционный период развития буржуазной науки различного рода субъективистскими и эклектическими теориями и схемами². Следовательно, основа создания новой исторической науки по проблемам ранних периодов лежала прежде всего в области пересмотра и ликвидации буржуазных идеалистических концепций всемирно-исторического процесса и утверждения нового, марксистского понимания истории, на пути всестороннего изучения и переосмысления накопленного дореволюционной наукой конкретного исторического материала. К решению этой задачи русские марксисты приступили еще до революции³. Однако широкий размах эта работа получила в послеоктябрьское время.

Борьба за утверждение в советской исторической науке материалистической марксистско-ленинской концепции развернулась по трем важнейшим направлениям: особенно острой она была в области философии истории, теории исторического процесса; по проблемам методологии истории, т. е. по гносеологическим вопросам исторической науки; она сопровождалась широкой полемикой по конкретно-исторической тематике, в оценке и объяснении важнейших явлений, процессов и событий исторического прошлого. В различных областях и отраслях исторической науки эти столкновения принимали разные формы. В нашу задачу

¹ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, А. Г. Черныш. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969.

² «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, гл. IV.

³ Там же, гл. II.

не входит освещение всех сторон и направлений идейной борьбы, проходившей в советской исторической науке по теоретико-методологическим вопросам в переходный период. Мы рассмотрим лишь важнейшее из них — полемику, развернувшуюся в 1920-х — начале 1930-х годов вокруг важнейших вопросов общей теории исторического процесса и ее последствия для дальнейшего развития советской исторической науки; роль в этой полемике историков-марксистов, утверждавших своими работами и выступлениями в дискуссиях тех лет материалистическое, марксистско-ленинское понимание закономерностей общественного развития.

В советской исторической литературе одной из ранних попыток пересмотра существовавшей в буржуазной историографии концепции русского исторического процесса явилась «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского, подготовленная автором на основе предшествующей работы по созданию научной концепции истории России в дореволюционное время и достижений, которые имелись в русской исторической науке к началу второго десятилетия XX в.⁴ Решительно отвергнув основной принцип изложения истории России, принятый буржуазной наукой, — изложение по смене царей и их царствованию, Покровский выдвинул свой принцип освещения событий отечественной истории, который можно рассматривать и как принцип ее периодизации в понимании Покровского в начале 20-х годов. Он писал: «Автор взял настоящего царя, царя-капитала, самодержавно правившего Россией от Ивана Грозного до Николая Последнего»⁵. Всю историю России с древнейших времен Покровский делил на три больших этапа, им соответствуют три части «сжатого очерка»: «Возникновение в России торгового капитала и захват им власти», «Наследник торгового капитала, капитализм промышленный» и «Русский империализм и его крушение»⁶.

В другой своей работе, появившейся также после революции, Покровский, решительно выступив против буржуазно-либерального толкования истории революционного движения как борьбы за свободу и объяснения сущности самодержавия «как верхушки крепостнического государства», противопоставил ему идею борьбы торгового капитала с промышленным, объявив ее «стержнем русской истории»⁷. Эта схема противостояла идеалистическим интерпретациям истории России, поскольку в ее основе лежали экономический фактор, стремление дать материалистическое объяснение основных этапов развития общества, последовательное проведение классового принципа рассмотрения и оценки важнейших

⁴ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. 1—2. М., 1920, стр. 3.

⁵ Там же.

⁶ Подробнее об этом см.: О. Д. Соколов. Покровский и советская историческая наука. М., 1970, стр. 104—106, 111—143.

⁷ М. Н. Покровский. Очерки русского революционного движения XIX—XX веков. М., 1924, стр. 11—14, 18.

исторических событий. В то же время она не была вполне марксистской, поскольку в ней не было еще понимания всемирно-исторического процесса как закономерной смены общественно-экономических формаций. Понятием «формация» Покровский в этих работах не пользовался, однако отдельные элементы разработанной марксизмом исторической концепции он применил в работах 20-х годов весьма плодотворно: трактовка русского феодализма и его сущности как явления социально-экономического, а не юридического характера (как это утверждали историки буржуазного направления)⁸, раскрытие значения классовой борьбы как движущей силы исторического процесса, роль народных масс в истории и др.⁹ В изложенном в этих трудах Покровского понимании хода русского исторического процесса отразилась эволюция взглядов ученого по пути овладения марксистско-ленинской исторической концепцией и методологией. Позднее, в конце 20-х — начале 30-х годов, Покровский подверг критике эту схему, указал на необходимость ее пересмотра, но уже не успел осуществить этого намерения¹⁰.

Следует сказать, что схема развития русского исторического процесса, изложенная в «сжатом очерке» Покровского, была весьма популярной в 20-е годы, и ее можно встретить в работах историков тех лет как в полном воспроизведении, так и в заимствовании ее отдельных элементов (теории «торгового капитализма»). Однако у нее было немало противников среди как учеников Покровского (Н. Л. Рубинштейн, С. А. Слепков и др.), так и историков, иначе представлявших себе важнейшие этапы исторического развития общества вообще и России в частности.

Наличие в 1920-е годы различных, подчас резко отличающихся друг от друга взглядов на закономерности всемирно-исторического процесса и основные этапы развития человеческого общества с древнейших времен до XX в. в лагере историков-марксистов объясняется рядом причин. Важнейшие из них определялись, на наш взгляд, тем, что состав историков-марксистов по уровню теоретической подготовки, степени научной зрелости, связи с предшествующей наукой буржуазного общества был весьма неоднороден, что особенно рельефно проявилось в трактовке философских проблем исторического прошлого. Нельзя не отметить также сравнительную молодость марксистской историографии, находившейся в то время в стадии бурного формирования; неизученность ряда важных вопросов и тем с позиций истори-

⁸ Л. В. Данилова. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма.— «Исторические записки», т. 76, стр. 81—82.

⁹ О. Д. Соколов. Покровский и советская историческая наука, стр. 145—149.

¹⁰ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1938, стр. 3. Предисловие к 10-му изданию; *он же*. Ленинизм и русская история.— «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I. М., 1930, стр. 301—317.

ческого материализма (особенно древней и средневековой истории), что также отрицательно влияло на разработку теоретических вопросов истории, тормозило проведение этой важной работы. А это открывало возможность влияния враждебных и немарксистских взглядов на историков, только начинавших свою научную деятельность. Отсутствие изданий собраний сочинений основоположников научного коммунизма в первой половине 20-х годов затрудняло систематическое и всестороннее изучение материалистической марксистско-ленинской исторической концепции. Недостатки, связанные с периодом роста молодой советской исторической науки, особенно заметно проявились в середине 20-х годов и нашли свое выражение в теоретической работе историков марксистского направления. Определенная группа историков-марксистов 20-х годов еще находилась под влиянием буржуазной историографии, вульгарно-материалистической социологии и экономического материализма. Заметной популярностью среди части историков пользовалось понимание эволюции общественных форм А. Богдановым. Его схема включала: первобытный родовой коммунизм, авторитарную родовую коммуну, феодальное общество, рабство, крепостное хозяйство, ремесленно-городской строй, торговый капитализм, промышленный капитализм, финансовый капитализм, социалистическое общество¹¹.

В концепции историка Н. А. Рожкова каждое общество проходило в своем развитии следующие этапы: первобытное общество, общество дикарей, дофеодальное общество (или общество варваров), феодальная революция, феодализм, дворянская революция, господство дворянства, буржуазная революция, капитализм¹².

Известный ученый, работавший в области древней истории, А. И. Тюменев, усиленно занимавшийся в те годы проблемой периодизации всемирно-исторического процесса с точки зрения эволюции хозяйственных форм, выделял первобытное общество, общинное хозяйство, поместное хозяйство, городское хозяйство (ремесленный город, торговый город), национальное хозяйство, мировое хозяйство¹³.

Для большинства работ историков первой половины 20-х годов, освещавших вопросы периодизации всемирно-исторического процесса и закономерностей общественного развития, характерно отсутствие четкого понимания основных этапов развития человеческого общества как закономерной смены общественно-экономических формаций. В работах большинства ученых понятие «формация» как абстрактная категория отождествлялось и подменялось такими понятиями, как «способ производства», «хозяйствен-

¹¹ А. Богданов. Краткий курс экономической науки. М., 1922.

¹² Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. 1. М., 1923, стр. 21—22.

¹³ А. И. Тюменев. Очерк истории экономического быта. Пг., 1922, стр. 53.

ные формы», а иногда трактовалось как форма связи обществ различной степени развитости (Тюменев). Историки подходили в те годы с различными критериями к определению понятия «историческая эпоха», а поэтому в исторической литературе тех лет существовали различные точки зрения на количество исторических эпох, последовательность их смены друг другом и т. д. Так, в книге С. М. Дубровского, послужившей толчком к началу большой дискуссии в советской исторической науке об общественно-экономических формациях, развивалась точка зрения о наличии 10 способов производства, известных истории человечества. Эта схема включала: хозяйство первобытного общества, патриархальное хозяйство, рабовладельческое хозяйство, феодальное хозяйство, крепостничество, хозяйство мелких производителей, капитализм, хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму (эпохи диктатуры пролетариата), социалистическое хозяйство, хозяйство эпохи мирового коммунизма¹⁴.

Среди ученых, работавших над проблемами исторического развития стран Востока, была группа историков, которая выступала с обоснованием наличия особого, отличного от рабовладельческого и феодального общества так называемого азиатского способа производства (Л. И. Мадьяр, И. М. Рейснер, А. Я. Конторович, М. Д. Кокин и др.)¹⁵, тогда как другие историки рассматривали общественный строй, существовавший в странах Востока, как разновидность феодализма (А. Г. Пригожин, П. И. Кушнер и др.).

По-разному трактовали историки 20-х годов принципы и критерии выделения отдельных исторических эпох, причины смены одних общественных структур другими. В объяснениях А. А. Богданова, И. И. Скворцова-Степанова, Н. А. Рожкова в основе смены одних общественных форм другими лежали развитие обмена, демографический фактор, у других — степень развития производительных сил (П. Кушнер), у третьих — уровень развития производительных сил и связанных с ними производственных отношений (В. А. Быстрицкий).

Различные точки зрения существовали среди историков и на природу доклассового общества. П. И. Кушнер, С. И. Ковалев, П. Ф. Преображенский, Г. С. Зайдель сомневались в возможности применения к доклассовому обществу понятия «общественно-экономическая формация». В. К. Никольский, В. И. Равдоникас, С. А. Токарев различали в доклассовом обществе несколько фор-

¹⁴ С. М. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитализма. М., 1929, стр. 17—19.

¹⁵ Одной из ранних работ по этому вопросу была статья Е. Варги, не являвшегося специалистом в области истории стран Востока (Е. Варга. Экономические проблемы революции в Китае.— «Плановое хозяйство», 1925, № 12. Подробнее об этом см.: Л. В. Данилова. Дискуссия по важной проблеме.— «Вопросы философии», 1965, № 12; Ю. М. Гарушьянц. Об азиатском способе производства.— «Вопросы истории», 1966, № 2).

маций. Были различные точки зрения на природу и характер противоречий, свойственных архаической формации¹⁶.

Следует также сказать, что не только среди историков не было единства в понимании ведущих закономерностей всемирно-исторического процесса. Это в такой же мере было свойственно марксистам, работавшим в области философии, политической экономии, что особенно заметно обнаруживается в изложении этих вопросов в программах по марксизму для высших учебных заведений, в учебной литературе по вопросам марксистской теории. Так, автор популярной в 20-е годы и выдержавшей несколько изданий «Программы по основным вопросам марксизма» В. В. Адоратский брал за основу деления на исторические эпохи такой критерий, как уровень развития производительных сил. Он определял сменявшие друг друга важнейшие исторические эпохи: первобытный коммунизм, земледельческая община, феодальные отношения, общество мелких товаропроизводителей, рабский строй древности, торговый капитал и крепостнический строй, промышленный капитализм; финансовый капитал, империализм; крах капитализма и переходный период к коммунизму; коммунистический строй будущего¹⁷.

По-разному освещали эти вопросы авторы учебников по историческому материализму. Так, И. П. Разумовский в 8-й главе своих лекций «Исторические типы общественных структур» характеризовал их следующим образом: доклассовое общество, первобытный коммунизм; низшие формы антагонистических обществ (восточные деспотии, рабовладельческие общества, средневековый феодализм), высшие формы антагонистических обществ (капиталистический строй); коммунистическое общество¹⁸. Авторы учебных пособий для совпартшкол и марксистских кружков М. Б. Вольфсон и Г. М. Гак выделяли основные этапы развития человеческого общества по изменению в развитии производительных сил. Всемирно-исторический процесс, по их мнению, представлял собой смену различных обществ: первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, социалистическое, коммунистическое¹⁹. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что исторический материализм как учебная дисциплина, активно влияющая на формирование общефилософского мировоззрения историков-марксистов, переживал в 20-е годы период бурного формирования, что, естественно, отражалось на преподавании марксистской теории в высшей школе. Это особенно заметно про-

¹⁶ С. Н. Быковский. Ленин и основные проблемы истории доклассового общества. М.—Л., 1935, стр. 8—12.

¹⁷ В. Адоратский. Программа по основным вопросам марксизма, изд. 4-е. М.—Л., 1924, стр. 49—60.

¹⁸ И. П. Разумовский. Курс теории исторического материализма. М., 1924, стр. 210—231.

¹⁹ М. Б. Вольфсон, Г. М. Гак. Очерки по историческому материализму. М.—Л., 1929.

слеживается в изложении общих закономерностей всемирно-исторического процесса и теории общественно-экономических формаций в первую очередь. Так, в некоторых работах по историческому материализму, изданных в 20-е годы, теория формаций либо совсем не освещалась²⁰, либо излагалась кратко, без раскрытия ее важнейших положений и сторон, без оценки ее методологического значения для общественных наук²¹.

В преподавании исторического материализма, политической экономии и исторических дисциплин в 20-е годы преобладало изложение общего процесса исторического развития в виде смены важнейших хозяйственных форм, в основе которой лежит изменение в развитии производительных сил.

Изучение литературы 20-х годов позволяет сделать вывод, что углубленной исследовательской работы по вопросам общественно-экономических формаций марксисты-обществоведы еще не проводили, и это, естественно, сказывалось на преподавании гуманитарных дисциплин, особенно теории исторического материализма, обществоведения и истории. В этих условиях у некоторых преподавателей комвузов, понимавших, что невозможно серьезное воспитание кадров без овладения общей теорией исторического процесса, появилось стремление создать «новую дисциплину», которая давала бы представление об общих закономерностях развития человеческого общества и его важнейших этапах. Практически это вылилось в разработку и создание систематических курсов по истории развития общественных форм, целесообразность преподавания которых в совпартшколах и комвузах дискутировалась в 1921—1924 гг. и завершилась введением его в государственные программы²². Авторы появившихся в те годы учебников не только излагали историю развития основных этапов человеческого общества с древнейших времен до XX в.²³, но и занялись обоснованием права на существование особой науки — генетической социологии. Эта учебная литература дает особенно

²⁰ В. Сарбабянов. Исторический материализм. М., 1922; Б. И. Горев. Материализм — философия пролетариата. Харьков, 1925.

²¹ Б. И. Горев. Очерки исторического материализма. Харьков, 1925; М. Б. Вольфсон, Г. М. Гак. Очерки по историческому материализму.

²² Программа по истории развития общественных форм была выработана на конференции комвузов в апреле 1924 г. (Н. Н. Андреев. История развития общественных форм. Л., 1926, стр. 4); «Программные материалы Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова на 1923/24 уч. год». М., 1924, стр. 56—60, 202—207; «Коммунистический университет трудящихся Востока им. тов. Сталина». М., 1924, стр. 19—20; «Исторические науки в комвузе». М., 1929, стр. 7.

²³ П. Кушнер (Кнышев). Очерк развития общественных форм. М., 1924 (в 1929 г. вышло 6-е изд.). О. В. Трахтенберг, А. И. Гужовский. Фазы общественного развития. М., 1926 (в 1928 г. вышло 4-е изд.); В. Д. Преображенский. Очерк развития общественных форм (Научно-политической секцией комвузов допущено в качестве учебного пособия для комвузов), М., 1926 (в 1929 г. вышло 2-е изд.).

наглядное представление не только о характере преподавания общеисторических проблем в советской высшей школе, но и о состоянии научной разработки этой области, ибо эти вопросы неоднократно ставились на страницах советской научной печати, в обсуждениях и дискуссиях тех лет²⁴.

Нередко определение общества, основных этапов его развития, смены общественных эпох давалось в этой литературе с позиций не исторического, а экономического материализма, получившего в то время весьма значительное распространение, особенно среди молодых ученых и специалистов, порвавших с буржуазной историографией и двигавшихся к марксизму.

П. И. Кушнер пытался не только дать изложение истории развития общественных форм, но и сформулировать принципы ее изучения. Его определение общественных форм («хозяйствование человека является основной общественной формой»)²⁵ повторяли почти все авторы книг по истории общественных форм. Понимаемые таким образом «общественные формы» брались за основу периодизации всемирно-исторического процесса. «Чтобы подразделить весь ход развития общественных форм на отдельные этапы,— писал Кушнер,— необходимо положить в основу этого деления именно уровень развития производительных сил». С этих позиций он характеризовал отдельные исторические эпохи, сменявшие друг друга, давал весьма противоречивую и нечеткую оценку каждой из них. Каждую выделенную эпоху — первобытную, родовую, феодальную, капиталистическую, коммунистическую — он связывал с определенной формой хозяйства (присваивающее, производящее, крупное землевладение и т. д.). Не проводя последовательно выдвинутого им принципа, он прибегал к таким понятиям, как «коллективистическая собственность» (коммунистическая эпоха), «ремесленный способ производства» и т. п.²⁶ Сформулированный принцип периодизации всемирно-исторического процесса по общественным формам, отличавшийся от марксистского понимания всемирной истории как смены общественно-экономических формаций, основу которых составляет определенный тип производственных отношений, не позволил последовательно распространить его на все этапы развития человеческого общества и привел в конечном счете к натяжкам, противоречиям и ошибкам как в общей схеме смены историче-

²⁴ П. Кушнер (*Кнышев*). Нужно ли изучать общественные формы? — «Историк-марксист», 1927, № 6; «Дискуссия о марксистском понимании социологии». — «Историк-марксист», 1929, № 12.

²⁵ П. Кушнер (*Кнышев*). Очерк развития общественных форм, стр. 6. Историк Н. Н. Андреев давал иное определение: «Каждая данная общественная форма характеризуется определенным сочетанием хозяйственных, правовых, политических и идейных отношений между людьми» (*Н. Н. Андреев*. История развития общественных форм, стр. 8).

²⁶ П. Кушнер (*Кнышев*). Очерк развития общественных форм, стр. 8—10; см. также: *Н. Н. Андреев*. Указ. соч., стр. 11.

ских эпох, так и в характеристике сущности и содержания конкретной общественной структуры.

Особенно заметно проявилось непонимание сторонниками этой теории марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях в трактовке истории древнего мира. «Формы общественного развития древнего мира,— писал Кушнер в предисловии к работе О. В. Трахтенберга и А. И. Гуковского,— в данной книге совершенно не затронуты, и сделано это сознательно. По существу культурные народы древнего мира проходили те же фазы общественного развития, что и современные народы, закончив свое развитие эпохой торгового капитала»²⁷. Этот принцип был положен в основу учебного пособия В. С. Сергеева «Феодализм и торговый капитализм в античном мире». Раскрывая сущность социологических эпох, понимаемых с позиций «истории развития общественных форм», Сергеев писал: «Еще задолго до нашего летосчисления Средиземье прошло полный цикл развития феодального и торгово-капиталистического общества, по своей социологической сущности схожего с новоевропейским обществом. Социальные элементы, характерные для нового времени, в известных сочетаниях имели место также и в обществах античного мира»²⁸. По этому принципу были подобраны документальные материалы в трех разделах учебного пособия: феодализм, торговый капитализм, разложение торгового капитализма²⁹. Так история общественных форм нашла новое применение в виде обоснования изживавшей себя в советской науке теории цикличности. Эти попытки вызвали серьезную критику историков-марксистов, отстаивавших концепцию поступательного развития общества³⁰.

Особенно активно Кушнер выступил в конце 20-х годов с обоснованием науки «генетической социологии», ее предмета, научных и социальных функций. Он писал: «Чтобы найти для себя опору при решении вопроса о наилучшей (для данного времени) форме тех или иных людских отношений, приходится прибегать к помощи особой науки, которая называется „историей развития общественных форм“, или, иначе, „генетическая социология“». Она «изучает общественные формы не только в том виде, как мы их видим сейчас, но и их происхождение, причины развития или, наоборот, распада»³¹. Весьма примечательно и то обстоятельство, что чем больше ученые занимались разработкой этой проблемы, тем больше они заходили в тупик, противоречивее излагали свои

²⁷ О. В. Трахтенберг, А. И. Гуковский. Фазы общественного развития. М.—Л., 1926, стр. 4.

²⁸ В. С. Сергеев. Феодализм и торговый капитализм в античном мире. М., 1926, стр. 5.

²⁹ Там же, стр. 8 и др.

³⁰ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, стр. 579—581.

³¹ П. Кушнер (Кнышев). Очерк развития общественных форм. М., 1929, стр. 10.

позиции и принципы и отказались от этой попытки на первом же этапе дискуссии об общественно-экономических формациях.

Работавшая в составе Общества историков-марксистов социологическая секция (первоначально она называлась секцией по изучению общественных форм)³² посвятила этому вопросу ряд обсуждений, а в феврале 1929 г. провела дискуссию о марксистском понимании социологии. Она развернулась в условиях, когда была опубликована лекция В. И. Ленина «О государстве», оказавшая огромное влияние на все дальнейшее развитие советской исторической науки³³. Участники обсуждения (В. Н. Максимовский, П. И. Кушнер, В. Б. Аптекарь, И. П. Разумовский, А. Д. Удадьцов, А. В. Ефимов) рассмотрели такие вопросы, как марксистское понимание предмета и задач социологии, отношение марксистов к буржуазной социологии и философии истории, о соотношении исторического материализма и исторической науки, о характере исторических законов и др. На дискуссии решительное возражение вызвала попытка Кушнера доказать существование двух социологий: теории о законах общественного развития — исторического материализма (общая социология) и другая социология, более конкретная — «теория общественных формаций». Кушнер пытался сослаться на концепцию общественно-экономических формаций, превратно истолковывая положения В. И. Ленина как обоснование права на существование особой науки³⁴. Так, теория общественных форм у него постепенно трансформировалась в «теорию общественных формаций». Выступление Кушнера вызвало решительные возражения участников дискуссии, большинство из которых выступило с доказательством, что марксистской социологией является исторический материализм и что марксистская наука не нуждается ни в какой новой дисциплине, что важнейшим элементом марксистской теории является учение об общественно-экономических формациях³⁵. Таким образом, на этой дискуссии была решена судьба «генетической социологии», которая была решительно отвергнута и как наука, и как учебная дисциплина.

Среди историков сложилось единодушное понимание важности учения Маркса и Ленина о закономерной смене общественно-экономических формаций. Предстояло проанализировать конкретные материалы всех исторических эпох. Первоочередной была задача изучения с этих позиций истории России. Современники, активно участвовавшие в дискуссиях, могут засвидетельствовать, что не было ни одного участника, который отвергал бы проблему закономерной смены формаций. В этом отношении царил единодушие. Но, естественно, обширность задачи вызывала немало разнообразия в предложениях и решениях, в понимании особенностей и оттенков

³² «Историк-марксист», 1926, № 2, стр. 216.

³³ «Правда», 18 января 1929 г.

³⁴ «Историк-марксист», 1929, № 12, стр. 197.

³⁵ «Историк-марксист», 1929, № 12, стр. 203—210.

процесса в отдельных странах, на Западе и Востоке, в оценке новых материалов, что приводило к острым столкновениям.

Следует учитывать, что в 20-е годы делались первые шаги в изучении с марксистских позиций первобытнообщинной, древней и средневековой истории, обосновались важнейшие закономерности ранних этапов всемирно-исторического процесса. Предстояла серьезная работа в области изучения конкретных социальных структур, творческое овладение на базе конкретного исторического материала марксистско-ленинской концепцией общественно-экономических формаций как важнейшей основы правильного понимания всемирной истории.

Изучение литературы, вышедшей в конце 20-х годов, материалов деятельности секций Общества историков-марксистов, возглавившего и руководившего в те годы теоретико-методологическими исследованиями в стране, свидетельствует о том, что основная масса историков-марксистов стояла на позициях признания определяющего значения теории общественно-экономических формаций, особенно в разработке социально-экономической тематики. Это можно проследить на материалах выступлений историков на диспуте по книге Д. М. Петрушевского («Очерки по экономической истории средневековой Европы». М., 1928), проходившем в социологической секции Общества историков-марксистов 30 марта и 6 апреля 1928 г.³⁶; обсуждений на Всесоюзной конференции историков-марксистов³⁷; на материалах дискуссии о марксистском понимании социологии. По-видимому, все эти факты можно рассматривать как определенный рубеж в развитии советской исторической науки и в укреплении позиций марксизма-ленинизма, который определял не только ее идейно-теоретические основы, исследовательскую проблематику, характер подготовки научных и педагогических кадров. Обсуждения рубежа 20—30-х годов, проходившие в советской исторической науке, были одновременно и подведением итогов предшествующего этапа ее развития, и началом нового периода, отмеченного окончательной победой марксизма-ленинизма и его методологических принципов.

Столкновение различных точек зрения по вопросам ведущих закономерностей всемирно-исторического процесса вылилось в полосу широких дискуссий, проходивших в советской исторической науке на рубеже 1920—1930 гг. Центральное место среди этих обсуждений заняла дискуссия об общественно-экономических формациях, организованная историками-марксистами и сыгравшая исключительно важную роль в утверждении материалистической концепции в советской исторической науке. Эта дискуссия была вызвана к жизни как внутренними потребностями развития совет-

³⁶ «Диспут о книге Д. М. Петрушевского». — «Историк-марксист», 1928, № 8.

³⁷ См. материалы социологической секции («Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. II. М., 1930).

ской науки, так и той исторической обстановкой, в которой она развивалась. Основное направление обсуждений развернулось вокруг проблем, которые были тесно связаны с борьбой против враждебной буржуазной историографии и идеалистической философии истории, против вульгарно-материалистических, бухаринско-богдановских теорий и объяснений развития истории. Эта дискуссия проходила в обстановке завершающего этапа переходного периода, когда ликвидировались остатки эксплуататорских классов, и происходили серьезные изменения в социальной структуре советского общества. В это же время под влиянием Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР началась полоса серьезных изменений в колониальных и полуколониальных странах, находившихся на ранних стадиях общественного развития и вступивших в полосу широкого национально-освободительного движения. Все названные выше обстоятельства заметно влияли на рост интереса к проблемам общественного развития не только в среде ученых-историков, но и в широких кругах общественности страны, придавали дискуссиям о закономерностях всемирно-исторического процесса и путях познания этих закономерностей особенно острый характер. На это неоднократно указывали и сами участники обсуждений тех лет.

В жарких спорах и обсуждениях, охвативших крупнейшие научные центры страны (Комкадемия, Общество историков-марксистов, Институт Красной профессуры), исторические журналы, ученые, используя имевшийся в их распоряжении фактический материал и руководствуясь теоретическими принципами марксизма-ленинизма, подвергли критике вульгарно-материалистические богдановские схемы, а также ошибочные утверждения отдельных историков-марксистов, имевшие место в 20-е годы.

Для обсуждения перечисленных выше проблем большое значение имело такое важное обстоятельство, как публикация в 1929 г. лекции В. И. Ленина «О государстве», не известной до тех пор широким кругам историков-профессионалов. Содержавшееся в этой ленинской работе четкое изложение важнейшей закономерности всемирно-исторического процесса как смены общественно-экономических формаций, определение сущности каждой из них, освещение марксистского понимания значения классовой борьбы на различных этапах общественного развития и роли государства как аппарата угнетения масс — все эти положения нашли живой отклик у историков, оказали заметное влияние на их понимание обобщающих в те годы проблем³⁸.

По-видимому, при изучении дискуссий об общественно-экономических формациях, проходивших в 1929—1931 гг., нельзя ограничиваться материалами самих обсуждений и публикациями статей в то время. Только всестороннее изучение всех областей советской исторической науки и их развития в 20—30-е годы поз-

³⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, стр. 584.

волит по-настоящему оценить как истоки и корни этих дискуссий, так и их влияние на дальнейшее развитие исторической науки в СССР как решающего этапа борьбы за окончательную победу марксистско-ленинской теории и методологии во всех отраслях советской историографии.

Общеметодологическая дискуссия, начавшаяся обсуждением проблемы общественно-экономических формаций в 1929 г., не могла вырасти только из потребностей решения вопроса об «азиатском» способе производства, хотя он и занимал в ней одно из важных мест³⁹. Она явилась органической частью всего предшествующего этапа развития марксистской историографии, она диктовалась потребностями совершенствования исторического образования в стране, она была подготовлена теми обсуждениями, которые проходили в 20-е годы в области исторического материализма (о производительных силах и производственных отношениях, о способах производства, о соотношении исторического материализма и конкретных исторических наук, о классах и классовой борьбе, о социальных основах революций)⁴⁰.

Советская историческая наука преодолела распространенные в ней бухаринско-богдановские схемы объяснения социальных явлений и процессов. Исследовательская работа советских историков вступила в новую полосу — сведения «последних счетов» с экономическим материализмом и механицизмом, с вульгаризацией и упрощенчеством в трактовке общеметодологических вопросов. Поэтому в центре внимания дискуссий тех лет стояли теория общественно-экономических формаций в целом, ее важнейшие составные компоненты, в том числе и «азиатский» способ производства. Основной огонь историков-марксистов был направлен против бухаринско-богдановской схемы развития всемирно-исторического процесса⁴¹.

В ходе дискуссии обсуждались такие вопросы, как содержание марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях и его значение для проведения конкретно-исторических исследований и выявления общих закономерностей развития общества в различные исторические эпохи, начиная с древнейших

³⁹ Л. В. Данилова. Дискуссия по важной проблеме.— «Вопросы философии», 1965, № 12; О. А. Афанасьев. Обсуждение в Институте истории АН СССР «азиатского» способа производства.— «Советская этнография», 1965, № 6; Ю. М. Гарушьянц. Об «азиатском» способе производства.— «Вопросы истории», 1966, № 2 и др.

⁴⁰ Б. А. Чагин. Очерк истории социологической мысли в СССР. Л., 1971, стр. 67—154.

⁴¹ «Историк-марксист», 1930, № 16; «Спорные вопросы методологии истории (Дискуссия об общественных формациях)». Харьков, 1930; «Против механистических тенденций в исторической науке». Л.— М., 1930; А. Пригожин. Проблема общественных формаций.— «Под знаменем марксизма», 1930, № 7—8; А. Малышев. О феодализме и крепостничестве.— «Историк-марксист», 1930, № 15—16; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, стр. 165—169.

времен. Обсуждалась проблема общественно-экономических формаций докапиталистической эпохи: является ли формацией торговый капитализм или это начальный этап капиталистической формации, или фактор и условие, подготовившее возникновение капиталистического способа производства; является ли самостоятельной формацией «азиатский» способ производства или это один из вариантов и разновидностей феодализма; является ли крепостничество особой формацией или это этап в развитии феодализма? Широко обсуждался вопрос о возможности применения понятия «формация» к доклассовому обществу, т. е. является ли последнее единой формацией. Участники обсуждений тех лет попытались поставить такие вопросы, как основные критерии определения способа производства, формации, их важнейшие признаки, пути и формы перехода от одной формации к другой, последовательность смены формаций, общие и специфические черты антагонистических формаций, необходимость выделения в каждой формации нескольких фаз и периодов ее развития, возможные варианты и типы одной и той же формации, характер противоречий в антагонистических и неантагонистических формациях и пути их разрешения и др.⁴²

Дискуссия об общественно-экономических формациях имела ряд серьезных недостатков, объяснявшихся слабой изученностью некоторых важных вопросов, теоретической незрелостью некоторых участников дискуссии, их недостаточным знакомством с теорией исторического материализма и неумением творчески применить марксистскую методологию для исследования конкретно-исторического процесса и выявления его закономерностей. Однако в целом дискуссия проходила на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса и носила глубоко творческий характер. Несмотря на имевшиеся отрицательные моменты, она сыграла большую роль в дальнейшем развитии советской науки. Были творчески пересмотрены и обоснованно отвергнуты неверные суждения, имевшие место в предшествующий период развития науки. В результате обсуждений утвердилось более четкое представление, особенно у историков младшего поколения, о важнейших сторонах марксистско-ленинской концепции всемирно-исторического процесса, о теории общественно-экономических формаций. Появилась большая четкость и определенность в терминологии и понимании важнейших социально-исторических категорий и понятий (формация, способ производства, уклад и др.), были решительно отвергнуты те расплывчатые и неопределенные понятия, которыми пользовались некоторые историки-марксисты в 20-е годы («общественные формы», «торговый капитализм», «поместное хозяйство», «городское хозяйство» и др.) применительно к обозначен-

⁴² «Против механистических тенденций в исторической науке»; «Спорные вопросы методологии истории (Дискуссия об общественных формациях)»; «Об „азиатском“ способе производства», М.—Л., 1931 и др.

нию этапов исторического развития при выявлении общих исторических закономерностей.

Одно из важных последствий дискуссии проявилось в том, что советская историческая наука смогла отказаться от ряда положений, распространившихся под влиянием идеалистической и вульгарно-материалистической буржуазной историографии, что успешно стали изживаться элементы модернизации исторического процесса в освещении истории человечества докапиталистической эпохи, теория цикличности и европоцентризм и др. Заметно изменились взгляды советских историков по важным вопросам исторического прошлого. Так, если в 20-е годы еще в некоторых работах можно было встретить трактовку феодализма как явления политического характера ⁴³, то в 30-е годы феодализм рассматривается историками-марксистами как общественно-экономическая формация, характеризующаяся специфической формой производственных отношений, отличной от рабовладельческой и капиталистической ⁴⁴.

Сравнение трудов историков-марксистов 20—30-х годов XX в. показывает, что эта дискуссия оказала большое влияние как на развитие исторической науки в СССР в целом, так и на отдельных ученых, бывших ее участниками и современниками. Взгляды многих ученых претерпели в те годы заметное изменение, что проявилось и в освещении вопросов материалистической философии истории, и в исследовании конкретно-исторических сюжетов.

В дискуссии об общественно-экономических формациях в отличие от других обсуждений тех лет участвовали ученые различного профиля специализации: историки, этнографы, археологи, античники, медиевисты, востоковеды. Общими усилиями они решали важнейшие теоретические вопросы исторического прошлого. Поэтому ее последствия были намного значительнее, чем любой другой дискуссии тех лет. Она оказала влияние на все без исключения области исторической науки, начиная с древнейших времен и кончая XX в.

Под влиянием обсуждений 20-х — начала 30-х годов советские историки приступили к более углубленному изучению теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, убедились в необходимости всестороннего изучения конкретно-исторического материала каждой исторической эпохи в тесной связи с всемирно-историческим процессом.

Дискуссия об общественно-экономических формациях, проходившая в советской исторической науке на рубеже 20—30-х годов, заметно повлияла на структуру исторического образования в стране: это проявилось в ликвидации такого предмета, как история общественных форм, в усилении роли исторического материализма в воспитательном процессе советских обществоведов,

⁴³ А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 24.

⁴⁴ Л. В. Данилова. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма, стр. 109—110.

в повышении теоретического уровня преподавания общих исторических курсов.

Хотя философы не принимали участия в дискуссиях об общественно-экономических формациях⁴⁵, они заметно повлияли на их работу, и это обнаружилось уже в начале 30-х годов. Изменилось изложение этих вопросов в истматовской литературе. Так, в учебниках по историческому материализму стало больше внимания уделяться характеристике различных типов производственных отношений как важнейшим признакам общественно-экономических формаций⁴⁶, вопросам о способах производства⁴⁷. Эта проблема становится предметом пристального внимания философов исследователей.

Дискуссии об общественно-экономических формациях и дальнейшее развитие советской исторической науки вызвали к жизни серию новых обсуждений, прошедших в советской науке в первой половине 30-х годов по более частным вопросам теории исторического процесса и проводившихся на основе тех достижений, которые имелись в науке после дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов XX в. К сожалению, эти обсуждения остаются до сих пор не исследованными ни специалистами в этих областях, ни историографами. В 1931—1934 гг. проходили обсуждения проблем «первобытно-коммунистической» формации с участием историков, археологов, этнографов, состоялись дискуссии о характере общественных отношений в Киевской Руси и феодальной формации⁴⁸, обсуждались проблемы, связанные с типами общественных отношений в странах Древнего Востока⁴⁹, обсуждался комплекс вопросов о рабовладельческой формации⁵¹.

Эти обсуждения явились новым важным этапом в разработке советскими учеными теории исторического процесса и познании общих закономерностей и специфических особенностей развития человеческого общества. Под влиянием прошедших в те годы научных обсуждений развернулась широкая исследовательская работа, охватившая все стадии развития человеческого общества. Анализ исторической литературы, появившейся к середине 30-х го-

⁴⁵ А. А. Таксер. Проблема общественно-экономических формаций.— «Под знаменем марксизма», 1932, № 1—2, стр. 181.

⁴⁶ М. Б. Вольфсон, Г. М. Гак. Очерки исторического материализма. М.—Л., 1931, стр. 99.

⁴⁷ Там же, стр. 100—102; В. Саратьянов. Диалектический и исторический материализм. М., 1934, стр. 57—70; «Исторический материализм». М., 1931, стр. 177—188.

⁴⁸ «Под знаменем марксизма», 1932, № 1—2.

⁴⁹ «Сообщения ГАИМК», 1931, № 11—12; «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 3—4, 5—6; 1934, № 6.

⁵⁰ «Сообщения ГАИМК», 1931, № 6; «Известия ГАИМК», 1932, вып. 86; 1934, вып. 103; «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 3—4, 9—10; 1934, № 1, 6; «Проблемы марксизма», 1934, № 1.

⁵¹ «Сообщения ГАИМК», 1932, № 9—10; «Известия ГАИМК», 1933, вып. 64, 66; 1934, вып. 77; «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8; 1934, № 1, 2—3.

дов, показывает, что в советской исторической науке прочно утвердилась концепция всемирно-исторического процесса как закономерной смены первобытно-коммунистической, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций, каждая из которых отражает качественное своеобразие определенной стадии развития человеческого общества и является в то же время органической составной частью единого всемирно-исторического процесса. Проводившиеся в первой половине 30-х годов XX в. дискуссии и исследования еще раз показали несостоятельность распространенных в 20-е годы теорий и точек зрения на общественно-исторический процесс (существование таких формаций, как торговый капитализм, крепостничество, азиатский способ производства и др.). Отказ от этих положений способствовал утверждению в советской науке более правильных представлений и объяснений. Теоретическая работа советских историков поднялась на новую, более высокую ступень; ее характерной чертой стало глубокое и более органическое сочетание конкретно-исторических исследований различных общественных организмов с теоретическим осмыслением важнейших закономерностей исторического процесса в целом, с дальнейшим освоением и развитием марксистско-ленинской теории.

Этому во многом способствовала широкая полоса научных мероприятий, проведенных весной 1933 г. в связи с 50-летием со дня смерти К. Маркса. В Коммунистической академии, Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) прошли научные сессии, посвященные теме «Маркс как историк». На юбилейной сессии ГАИМК с докладами о К. Марксе и марксистском понимании закономерностей общественного развития выступили С. И. Ковалев («К. Маркс об античности»), В. В. Струве («О значении марксистско-ленинской теории для определения форм древневосточного общества»), П. П. Ефименко («Маркс о дородовом обществе»), Е. Ю. Кричевский («Маркс о доклассовом обществе»)⁵².

На юбилейной сессии в Коммунистической академии с докладами выступили: Н. М. Лукин — о роли К. Маркса в исторической науке, А. М. Панкратова — о К. Марксе как историке и исследователе пролетариата, А. Г. Пригожин — о разработке К. Марксом проблемы эволюции докапиталистических формаций и др.⁵³ В прениях, развернувшихся в Коммунистической академии (при участии М. П. Жакова, С. П. Толстова, С. И. Ковалева, А. В. Мишулина, А. В. Арциховского, С. В. Киселева и др.) дискутировались такие проблемы, как основное противоречие рабовладельческой и феодальной формаций, генезис капитализма, роль социальных революций при переходе от рабстве-

⁵² «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 3—4, стр. 78.

⁵³ «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 81; «Историк-марксист», 1933, № 2, 3.

ния к феодализму. В связи с юбилеем вышла обширная литература, посвященная анализу исторической концепции К. Маркса как в целом, так и по отдельным вопросам и периодам исторического прошлого⁵⁴.

Всестороннее изучение исторической концепции К. Маркса и В. И. Ленина позволило советским историкам наметить пути решения и исследования важнейших вопросов материалистической философии истории. Под влиянием прошедших в конце 20-х — начале 30-х годов обсуждений и дискуссий советские историки развернули широкую исследовательскую работу в области теории исторического процесса. В исследованиях историков первой половины 30-х годов XX в. решались важнейшие методологические вопросы, стоявшие перед исторической наукой тех лет⁵⁵.

Особенно успешными были поиски правильного решения проблем возникновения частной собственности и ранних форм государственных объединений у различных народов мира. В результате исследования характера общественных отношений в доклассовом обществе и основных этапов их развития в советской исторической литературе утвердилось представление о доклассовом обществе как первобытно-коммунистической формации, прошедшей в своем развитии ряд этапов. Ученые приступили к решению таких вопросов, как принципы периодизации истории доклассового общества и основные закономерности его развития, основные противоречия доклассового общества, пути и факторы образования частной собственности, характер семейно-брачных отношений в первобытном обществе, характер идеологии первобытного общества, проблема этногенеза, а также некоторых вопросов методологии и методики изучения истории доклассовых обществ на основе привлечения и использования различных типов исторических источников⁵⁶.

⁵⁴ А. Г. Пригожин. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. Л., 1933; С. Н. Быковский. Карл Маркс и археология. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 3—4; А. Н. Бернштам. О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса.— Там же; Е. Э. Липшиц. Из мыслей Карла Маркса о Византии.— Там же; В. Ф. Зыбковец. Из высказываний К. Маркса о сельскохозяйственной технике.— Там же; М. Щукаръ. К. Маркс как историк.— «Под знаменем марксизма», 1933, № 2; «К. Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». М.— Л., 1934.

⁵⁵ А. Г. Пригожин. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций; В. Д. Преображенский. Краткий очерк экономики докапиталистических формаций. М., 1933; В. И. Равдоникас. Краткое введение в историю докапиталистических формаций.— «Известия ГАИМК», вып. 99, 1934; «Из истории докапиталистических формаций».— Там же, вып. 100, 1934; «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества».— Там же, вып. 103, 1934.

⁵⁶ С. Н. Быковский. Основные проблемы истории доклассового общества. М., 1931; он же. Ленин и основные проблемы истории доклассового общества. М.— Л., 1935; В. И. Равдоникас. О сущности развития доклассового общества.— «Сообщения ГАИМК», 1933, № 5—6.

В исследовании проблем антагонистических формаций преимущественное внимание уделялось изучению генезиса и развития рабовладельческого и феодального обществ, возможных разновидностей и вариантов этой формации, роли различных укладов и их влияния на общественную структуру, характера основного противоречия, свойственного рабовладению и феодализму. Предпринимались попытки постановки и решения вопросов о характере и роли классовой борьбы на различных этапах развития определенной формации. Широко обсуждались в те годы проблема генезиса различных типов феодализма (на Западе, в России, на Востоке, в кочевых скотоводческих обществах), закономерности развития феодальной формации и основные этапы ее эволюции⁵⁷.

Следовательно, в первой половине 30-х годов успешно продолжалась разработка общетеоретических и методологических проблем советской исторической науки на базе тех достижений, которые были завоеваны историками-марксистами в жарких спорах и обсуждениях конца 20-х — начала 30-х годов.

Главным направлением разработки общеметодологических проблем советской исторической науки в 20-х — начале 30-х годов были овладение марксистской концепцией всемирно-исторического процесса, теорией общественно-экономических формаций, выработка научной периодизации. Поскольку теория общественно-экономических формаций является стержнем материалистической концепции всемирно-исторического процесса, поскольку ее окончательное утверждение охватило все без исключения отрасли и области советской исторической науки, то, естественно, можно сделать вывод, что начало 30-х годов было временем полной и окончательной победы марксистско-ленинской теории и методологии в советской исторической науке.

⁵⁷ Л. В. Данилова. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма, стр. 100—104.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ СССР (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Г. А. Куманев

Большая заслуга в завоевании победы советского народа в Великой Отечественной войне над ударными силами империализма принадлежит работникам железнодорожного транспорта СССР, на долю которого пришлось подавляющая часть грузооборота в стране — свыше 83% всех перевозок¹. Война убедительно продемонстрировала возросшее и притом решающее значение железных дорог в современных военных конфликтах как связующего звена между фронтом и тылом, оказывающего самое непосредственное воздействие на подготовку, ход и исход многих боевых сражений. Мощностъ и густота железнодорожной сети, маневренная и пропускная способность магистралей, их техническое состояние и оснащение, количество подвижного состава в той или иной мере постоянно учитывались воюющими сторонами при планировании и осуществлении всех военных сражений.

Железные дороги являлись теми кровеносными сосудами и основными нервами страны, от слаженного функционирования которых зависело существование Советского государства с первых дней его рождения. На это неоднократно обращал внимание партии и народа В. И. Ленин. Многочисленные ленинские произведения и документы содержат неоценимые практические указания по коренным вопросам становления и развития социалистического транспорта, а также о роли и месте средств и путей сообщения в современных войнах. Рассматривая железные дороги как «одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм»², В. И. Ленин при этом не раз отмечал и ту решающую роль, которую играет в питании фронта железнодорожный транспорт, являющийся, по его словам, «важнейшим материальным фактором войны, имеющим первостепенное значение не только для выполнения военных опера-

¹ «Народное хозяйство СССР в 1961 году». Статистический ежегодник. М., 1962, стр. 474.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 36, стр. 271—272.

ций, но и для снабжения Красной Армии боевым и вещевым имуществом и продовольствием»³.

В годы гражданской войны и иностранной интервенции В. И. Ленин систематически интересовался следованием наиболее срочных воинских составов. Те указания и распоряжения, которые он отдавал для ускорения доставки войск и материальных средств, свидетельствуют о глубоком понимании им вопросов эксплуатации средств и путей сообщения в военное время. В своей речи на VII съезде РКП(б) (7 марта 1918 г.), т. е. в момент, когда молодая Советская республика находилась в чрезвычайно опасном военном положении, В. И. Ленин особо подчеркнул, что «наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог социалистическая революционная война — вреднейшее предательство»⁴.

Победносное окончание гражданской войны позволило советскому народу под руководством ленинской партии приступить к планомерному восстановлению хозяйства страны. За короткий исторический срок трудящиеся СССР сумели ликвидировать отсталость железнодорожного транспорта, произвести его коренную социалистическую реконструкцию, превратив в передовую отрасль отечественной экономики.

При этом, учитывая враждебность капиталистического мира, постоянную опасность вооруженного нападения извне, Коммунистическая партия неизменно руководствовалась указанием В. И. Ленина о том, что к войне «надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны, с налаживания железных дорог (ибо без них современная война есть пустейшая фраза)...»⁵ Накануне гитлеровской агрессии грузооборот железных дорог СССР составлял уже 632% уровня 1913 г., а по сравнению с 1920 г. возрос в 36 раз⁶. В первом полугодии 1941 г. советские железнодорожники грузили ежедневно в среднем 106 958 вагонов, перевыполняя план перевозок⁷.

Идя, таким образом, в ногу с развитием народного хозяйства СССР, железнодорожный транспорт по своему материально-техническому оснащению, а также накопленному опыту и квалификационному уровню его рабочих кадров в целом оказался подготовленным для осуществления массовых перевозок военного времени.

Выводы В. И. Ленина о значении железных дорог в совре-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 400.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 26.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 395.

⁶ «СССР в цифрах». Статистический сборник. М., 1948, стр. 284; Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, стр. 99.

⁷ «Железнодорожный транспорт СССР», 1947, № 11, стр. 8.

менной войне полностью оправдались в суровые годы борьбы советского народа против фашистских агрессоров.

Роль железнодорожного транспорта в Великой Отечественной войне проявилась прежде всего в том, что от него потребовалось в невероятно сложной обстановке обеспечить быструю и бесперебойную доставку к фронту огромного количества войск, военной техники, боеприпасов, продовольствия и снаряжения. Причем, если в прежние войны сначала осуществлялись мобилизационные перевозки, а затем перевозки по сосредоточению войск, то теперь все это пришлось решать одновременно. Кроме того, ввиду маневренного характера войны от работников железных дорог требовалось постоянно осуществлять маневр войсками (преимущественно по рокадным линиям) в соответствии с меняющейся обстановкой.

На долю главным образом железных дорог с самого начала боевых действий выпало беспрецедентное в истории народов перебазирование производительных сил СССР из угрожаемых районов на восток.

И, наконец, транспорту необходимо было продолжать обеспечивать массовые перевозки народнохозяйственных грузов, в первую очередь для оборонной промышленности.

В решении этого сложнейшего комплекса военно-хозяйственных задач принимали участие все советские транспортники — гражданские и военные. Однако, как и в мирный период, ведущее место в грузообороте принадлежало работникам железнодорожного транспорта. В годы Великой Отечественной войны они с честью выдержали громадные трудности и лишения, проявив подлинный трудовой героизм, неиссякаемую изобретательность, умение оперативно решать, казалось, самые невыполнимые задачи.

«Работа оперативного тыла в минувшую войну, — пишет Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — в значительной степени зависела от наличия пропускной и провозной способности железных дорог, значение которых в тыловом обеспечении войск было решающим. Без хорошо работающих железных дорог мы не смогли бы осуществлять не только большие оперативные перевозки, сравнительно частые во время войны, но и бесперебойный подвоз материально-технических средств на большие расстояния.

Железнодорожники, работая под постоянным воздействием авиации, а иногда и артиллерии, проявили массовый героизм и законно заслужили признательность Красной Армии и всего советского народа»⁸.

Работа советских железных дорог в период Великой Отечественной войны охватывала, таким образом, весьма широкий и разнообразный круг вопросов. Воссоздание картины военно-

⁸ Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Предисловие. — В кн. Н. А. Антипенко. На главном направлении. М., 1971, стр. 10.

хозяйственной деятельности железнодорожников в 1941—1945 гг., изучение их богатого опыта тех лет представляет на современном этапе несомненный научный и практический интерес, тем более что многое из практики того времени остается актуальным и в наши дни для укрепления транспорта, социалистической экономики и повышения оборонной мощи Советского государства. Разработка этой темы имеет важное значение и для воспитания советских людей, особенно молодого поколения, на героических примерах прошлого.

Кроме того, изучение истории социалистического железнодорожного транспорта — «одной из главнейших баз всей нашей экономики»⁹ (как называл транспорт В. И. Ленин) — позволяет наглядно выявить закономерности его развития в их конкретном проявлении на каждом этапе строительства нового общества. Исторический подход помогает обстоятельнее судить о современном состоянии железных дорог, точнее определять перспективы их развития, а также роль и место в будущих военных конфликтах.

Настоящая статья представляет собой попытку проследить, как шло научное освещение военно-хозяйственной деятельности железнодорожного транспорта СССР в 1941—1945 гг. в советской историографии: рассмотреть основные этапы ее разработки, раскрыть степень изученности важнейших сторон проблемы и определить те вопросы, которые еще не нашли широкого отражения в отечественной историографии.

Различный уровень и характер изучения рассматриваемой проблемы позволяют разделить процесс ее освоения в разные годы на три основных этапа: военные годы, послевоенный период до XX съезда КПСС (1956 г.) и от XX съезда до наших дней.

Первые попытки осветить военно-хозяйственную работу советских железных дорог относились еще ко времени Великой Отечественной войны. Публикации тех лет, понятно, не носили характера широких исторических исследований. Это были преимущественно небольшие по объему статьи и брошюры. Большая часть из них касалась технико-производственных вопросов, представлявших интерес для определенного круга специалистов. Наряду с этим в 1941—1945 гг. появилась серия брошюр и статей, имевших целью популяризацию трудовых достижений железнодорожников, опыта новаторов, вопросов социалистического соревнования, партийно-политической работы на транспорте, подготовки новых кадров и т. д. Авторами подобных изданий пропагандистского характера выступали руководящие работники железных дорог, Наркомата путей сообщения¹⁰, партийных и

⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 44, стр. 302.

¹⁰ М. Я. Белоусов. Боевые задачи железнодорожного транспорта. М., 1941; С. И. Багаев. За боевую политическую агитацию на железнодорожном транспорте. М., 1942; А. Г. Нагорко. Великая сила творческой инициативы

профсоюзных органов¹¹, передовики производства¹², ученые и др.¹³

По мере некоторого накопления материалов наблюдалось стремление создателей ряда публикаций к научному осмыслению и обобщению фактов.

Заслуживают внимания изданные в 1943 г. и ставшие библиографической редкостью брошюры известных советских экономистов: академика В. Н. Образцова и профессора (ныне академика) Т. С. Хачатурова. Они знакомили читателей с новыми условиями работы железнодорожной сети в начальный период войны, популяризировали передовые методы труда, показывали хозяйственное значение этих методов. В брошюрах выдвигались практические предложения по усилению эксплуатационной деятельности железных дорог. Однако в той обстановке авторы, конечно, не могли представить достаточно полную картину работы железнодорожного транспорта в военное время.

Известный интерес представляли опубликованные в военные годы небольшие сборники, которые содержали очерки о трудовых делах знатных людей железных дорог¹⁴. Их главной задачей являлась пропаганда среди железнодорожников производственного опыта передовиков транспорта.

Теме возрождения освобожденных от фашистской оккупации железных дорог и подвигам военных железнодорожников-восста-

железнодорожников. М., 1941; *С. Новиков*. Железнодорожники — фронту. М., 1942; *он же*. Советские железнодорожники в Великой Отечественной войне. М., 1945; *И. В. Ковалев*. Война и железные дороги.— «Железнодорожный транспорт», 1942, № 12; *Н. Заорко*. Опыт борьбы за ускорение оборота вагона.— Там же, 1944, № 10—11; *Г. Кикидзе*. Самоотверженный труд железнодорожников Закавказья.— Там же, 1943, № 11; *А. Молчанов*. Работа прифронтной дороги.— Там же, 1942, № 4—5 и др.

¹¹ *И. Слепов*. Партийно-политическая работа на транспорте (Из опыта Горьковской областной парторганизации). М., 1943; *М. Тарасов*. Великая сила социалистического соревнования.— «Железнодорожный транспорт», 1942, № 10—11; *он же*. Новое в стахановско-кривонососовском движении.— Там же, 1943, № 11 и др.

¹² *В. И. Болонин* и *М. Ф. Тепляков*. Опыт отопления паровозов дровами. М., 1943; *М. А. Казанцев*. Плановый ремонт пути бригадами путеобходчиков. М., 1943; *И. П. Блинов*. Мой опыт работы на паровозе «ФД». М., 1944; *И. И. Ефимов* и *К. И. Густов*. Искусство вождения поездов на прифронтных участках. М., 1944; *В. Т. Осипов*. Ступенчатая маршрутизация военно-снабженческих перевозок. М., 1944 и др.

¹³ *В. Н. Образцов*. Железнодорожный транспорт в дни Великой Отечественной войны. М., 1943; *Т. С. Хачатуров*. Железнодорожный транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1943; *А. Шмарев*. Железнодорожный транспорт в Отечественной войне.— «Военная мысль», 1943, № 12.

¹⁴ «Новое в стахановском движении на транспорте в период Отечественной войны». М., 1942; «Лунинские методы в паровозном хозяйстве (Опыт передовых бригад Дальневосточной железной дороги)». Хабаровск, 1943; «Стахановские методы формирования поездов». М., 1944; «Трудовые подвиги знатных машинистов». М., 1944; «Мастера движения поездов». М., 1944; «Трудовые дела железнодорожников-связистов». М., 1944; «Трудовые подвиги знатных вагонников». М., 1945 и др.

новителей посвящен ряд брошюр и популярных статей, опубликованных в 1941—1945 гг.¹⁵

Несколько статей, вкратце освещавших роль железных дорог в обеспечении боевых действий Красной Армии, было помещено в те же годы в органе НКПС — журнале «Железнодорожный транспорт»¹⁶.

Во всех отмеченных публикациях работа железнодорожного транспорта показана лишь в самых общих чертах. Как правило, в них не сообщались названия железнодорожных участков и пунктов, где происходили события; в большинстве случаев отсутствовали необходимые цифровые данные. Все это объяснялось узостью источниковедческой базы, отсутствием в достаточном количестве точного и обобщенного материала, который тогда еще «не отложился», а также условиями военного времени, когда многие сведения составляли государственную тайну и не могли быть использованы для открытой печати. Вместе с тем эти популярные брошюры и статьи военных лет, написанные непосредственными свидетелями и участниками событий, бесспорно, представляют определенную научно-познавательную ценность. Они сыграли в свое время большую агитационно-пропагандистскую роль, вызывая у советских железнодорожников горячее стремление сделать все для скорейшего разгрома врага.

С научной точки зрения это были лишь первые шаги на пути освоения интересующей нас столь сложной темы: накопление фактов, их частичное обобщение, выявление основных задач и направлений работы в тяжелую годину военных лет.

После разгрома гитлеровской Германии и империалистической Японии перед исследователями встала задача глубокого осмысливания богатейшего опыта эксплуатационной деятельности железнодорожного транспорта СССР в 1941—1945 гг., всесторонней научной разработки этой большой и важной проблемы.

Между тем в 1945—1955 гг. число публикаций, касающихся в той или иной мере вопросов истории железнодорожного транспорта в 1941—1945 гг., резко сократилось. Достаточно отметить, что за первое послевоенное десятилетие Трансжелдориздатом (которым в годы войны была выпущена подавляющая часть этой литературы) не было издано ни одной специальной работы, где

¹⁵ «Боевой путь» (Политотдел управления желдорвойск). М., 1942; *Н. Краснобаев*. Восстановительные работы на Белорусской дороге.— «Железнодорожный транспорт», 1945, № 2—3; *И. Парамошкин*. Братская помощь освобожденным дорогам.— «В помощь фабрично-заводским и местным комитетам», 1944, № 12; *Н. Соколов*. Восстановительные дороги на освобожденных железных дорогах.— «Железнодорожный транспорт», 1944, № 2—3; «Восстановители железных дорог». М., 1945 и др.

¹⁶ *В. Кашников*. Роль железных дорог в разгроме немцев под Москвой.— «Железнодорожный транспорт», 1942, № 12; *Ю. Колдомасов*. Маневренность железных дорог в ходе Отечественной войны.— Там же, 1945, № 2—3; *И. Морозов*. Роль железных дорог в Берлинской операции.— Там же, № 10—11.

раскрывалась бы борьба советских железнодорожников за обеспечение нужд фронта и тыла в годы минувшей войны.

Прекратил печатание статей по данной проблематике и центральный орган НКПС (с 1946 г. МПС) — журнал «Железнодорожный транспорт»¹⁷, хотя в одной из статей, опубликованных на страницах журнала в 1945 г., признавалась необходимость глубокого обобщения опыта работы железнодорожного транспорта и популяризации трудовых подвигов советских железнодорожников в 1941—1945 гг.¹⁸

В первое послевоенное десятилетие разработка истории железнодорожного транспорта в 1941—1945 гг. свелась преимущественно к написанию нескольких кандидатских диссертаций, причем на локальные, довольно узкие темы. С 1946 по 1956 г. было подготовлено и защищено 10 диссертаций. Объектом исследования в большинстве этих работ являлись вопросы восстановления транспортного хозяйства отдельных железных дорог.

Опубликованные в этот период по рассматриваемой проблеме работы весьма немногочисленны. В основном это записки и воспоминания активных участников борьбы железнодорожников за обеспечение нужд фронта и тыла в военные годы.

В 1945 г., через несколько месяцев после поражения фашистской Германии, Лениздатом была выпущена книга «На фронтовой магистрали» — небольшой сборник популярных очерков о трудовых делах ленинградских железнодорожников¹⁹. Этот сборник как бы продолжали и дополняли мемуары А. И. Августынюка²⁰. Их автор — инженер-железнодорожник, участник обороны Ленинграда — увлекательно повествовал о героическом труде железнодорожников города Ленина.

Две небольшие брошюры В. Кадыльникова явились по существу первой попыткой рассказать о героизме и мужестве сталинградских железнодорожников в дни великой битвы на берегах Волги²¹. Наряду с газетными материалами ее автор использовал ряд новых интересных документов. В доходчивой форме он показал напряженный труд транспортников Сталинграда, наполненный героизмом и мужеством.

¹⁷ Трансжелдориздат (ныне издательство «Транспорт») и журнал «Железнодорожный транспорт» не откликнулись и на такие памятные даты, как десятилетие (1955 г.), пятидесятилетие (1960 г.), двадцатипятилетие (1970 г.) победы в Великой Отечественной войне, двадцатилетие (1961 г.) и тридцатилетие (1971 г.) со дня нападения гитлеровской Германии на СССР.

¹⁸ А. Третьяков и Г. Литвин. Глубоко изучить опыт работы транспорта в войне. — «Железнодорожный транспорт», 1945, № 5—6.

¹⁹ «На фронтовой магистрали. Из опыта работы ленинградских железнодорожников в дни Отечественной войны». Л., 1945.

²⁰ А. Августынюк. Сквозь блокаду (Записки железнодорожника). Л., 1945; он же. В огненном кольце. Воспоминания. Л., 1948.

²¹ В. Кадыльников. На огневых коммуникациях. Сталинград, 1945; он же. Герои Социалистического Труда — сталинградские железнодорожники. Сталинград, 1947.

Этой же теме было посвящено два очерка вышедшего в свет в 1945 г. сборника воспоминаний — «Героический Сталинград» и несколько страниц книги М. А. Водолагина о городе-герое на Волге ²².

В 1948 г. в Днепропетровске был издан небольшой сборник, составленный на основе материалов местной печати и воспоминаний непосредственных участников борьбы за Крым ²³. Однако в нем деятельность транспортников Крыма освещена весьма неполно.

Особо следует отметить опубликованный в 1947 г. и перизданный в 1948 г. труд видного деятеля Коммунистической партии и Советского правительства Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», где в главе «Транспорт и организация перевозок» исследовались вопросы экономики советского железнодорожного транспорта. Здесь впервые приведены сводные данные о работе железных дорог в течение первых двух периодов Великой Отечественной войны. Глубокая теоретическая разработка ряда важнейших проблем, обобщение богатого статистического материала делают книгу серьезным вкладом в историю экономики Советского государства в дни войны. Она и поныне сохраняет свою ценность для исследователей.

Из других общих работ 1945—1955 гг. выделяется книга экономиста А. Г. Напорко ²⁴. Одну из глав автор посвятил самоотверженному труду железнодорожников в годы минувшей войны. Он впервые ввел в научный оборот ряд интересных цифровых и фактических данных и попытался представить общую картину работы транспорта в 1941—1945 гг.

Важные стороны эксплуатационной деятельности железнодорожного транспорта в военных условиях нашли также в те годы отражение в небольших разделах историко-экономических работ И. В. Ковалева и Т. С. Хачатурова ²⁵.

В 1948 г. авторским коллективом Центрального управления военных сообщений (ЦУп ВОСО) Вооруженных Сил СССР был подготовлен краткий очерк об организации воинских железнодорожных и частично водных перевозок во время битвы под Сталинградом ²⁶. При создании очерка авторы использовали материалы Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, ЦУп ВОСО и некоторые документальные свидетельства, полученные от офице-

²² «Героический Сталинград». Сборник воспоминаний, кн. 2. Сталинград, 1945; М. А. Водолагин. Сталинград в Великой Отечественной войне (1941—1943 гг.). Сталинград, 1949, стр. 53, 72, 101, 113, 116, 122.

²³ «Железнодорожники Крыма в годы Великой Отечественной войны». Днепропетровск, 1948.

²⁴ А. Г. Напорко. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР. М., 1954.

²⁵ И. В. Ковалев. Советский железнодорожный транспорт (1917—1947 гг.). М., 1947; Т. С. Хачатуров. Железнодорожный транспорт СССР. М., 1952.

²⁶ «Военные сообщения в Сталинградской операции (1942—1943 гг.)». М., 1948.

ров — непосредственных участников битвы. Это издание явилось фактически первой попыткой обобщить опыт военных перевозок во время одного из крупнейших сражений Великой Отечественной войны. И хотя работа содержала ряд пробелов и неточностей, она внесла определенный вклад в изучение вопроса о роли железных дорог и органов ВОСО в обеспечении важнейших боевых операций Красной Армии.

Таким образом, к середине 50-х годов в освещении истории железнодорожного транспорта СССР периода войны были достигнуты некоторые сдвиги. В работах первого послевоенного десятилетия используется уже целый ряд архивных документов и материалов мемуарного характера. Если в литературе военных лет авторы основное внимание сосредоточивали на показе героизма работников железных дорог, то в 1945—1955 гг. заметно расширился интерес исследователей и к другим аспектам интересующей нас проблемы.

Однако за 1945—1955 гг. историками и экономистами не было создано ни одного труда, специально посвященного вкладу советского железнодорожного транспорта в победу над нацистской Германией, его роли в минувшей войне. Недооценка освещения столь важной темы сказалась и на общих работах по истории Великой Отечественной войны. Их авторы, раскрывая в той или иной мере ход боевых операций, состояние промышленности и сельского хозяйства СССР в 1941—1945 гг., к сожалению, не касались вопросов военно-хозяйственной деятельности транспорта или в лучшем случае ограничивались утверждением о том, что вклад железнодорожников в победу был значительным²⁷. От этих изданий несколько отличаются «Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941—1945» (М., 1955), подготовленные Институтом истории АН СССР, где было уделено некоторое внимание работе железных дорог страны во время минувшей войны.

В исторической литературе того времени недостаточно изучалась роль народных масс, слабо использовались архивные материалы. В последующие годы историки получили более широкий доступ к архивным фондам, значительно улучшилось дело с публикацией документов, относящихся к 1941—1945 гг. Резкое расширение источниковедческой базы позволило разнообразить тематику публикаций, внести существенные поправки в освещение многих сторон героической борьбы советского народа против не-

²⁷ См., например, *Л. Гатовский*. Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. М., 1946; *А. Крутиков*. Великая Отечественная война Советского Союза. Популярный очерк. М., 1947; *П. А. Белов*. Вопросы экономики в современной войне. М., 1951; *Ф. Д. Воробьев* и *В. М. Кравцов*. Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Краткий очерк). М., 1954; *Е. И. Солдатенко*. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1954; *С. Голиков*. Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1954.

мецко-фашистских захватчиков. Существенно повысился научный уровень изданий.

Развернувшаяся работа по накоплению фактических сведений о ходе войны, различных формах вооруженной борьбы, анализу отдельных боевых операций, проблем развития военной экономики СССР позволила советским исследователям приступить к созданию фундаментальной шеститомной истории войны и ряда других сводных обобщающих трудов. Важное значение имело постановление ЦК КПСС от 12 сентября 1957 г. об издании многотомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945»²⁸. Решение ЦК КПСС определило в качестве первоочередной задачи советской исторической науки — дать глубокое марксистское исследование войны, охватывающее как собственно военную историю, так и различные процессы экономического и общественно-политического развития СССР в военные годы.

Вскоре были достигнуты определенные сдвиги в разработке ряда вопросов истории железнодорожного транспорта СССР и трудовой деятельности его коллективов в годы Великой Отечественной войны. В исторических журналах, сборниках, а также «Ученых записках» и «Трудах» высших учебных заведений появилось несколько публикаций, посвященных опыту новаторов транспорта²⁹, общим вопросам трудовой деятельности советских железнодорожников в военное время³⁰, партийно-политической работе на некоторых железных дорогах³¹ и работе тружеников отдельных магистралей в тот или иной период войны³².

²⁸ «Вопросы идеологической работы». Сборник важнейших решений КПСС (1954—1961 гг.). М., 1961, стр. 111.

²⁹ И. А. Кириллов. Методы работы новаторов железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны.— «Ученые записки Московской высшей школы профдвижения ВЦСПС», вып. 1. М., 1957.

³⁰ Г. А. Куманев. Советские железнодорожники в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.).— «История СССР», 1959, № 1; *он же*. Документальные материалы о трудовой деятельности советских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны.— «Исторический архив», 1959, № 6; *он же*. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны.— «Вопросы истории», 1960, № 6.

³¹ С. Е. Дейнекин. К вопросу о борьбе Коммунистической партии Казахстана за военную перестройку промышленности и транспорта республики в годы Великой Отечественной войны.— «Ученые записки Усть-Каменогорского гос. пед. института», вып. 1. Усть-Каменогорск, 1958; З. П. Красильникова. Горьковская партийная организация в борьбе за четкую, бесперебойную работу транспорта в период Великой Отечественной войны.— «Ученые записки Горьковского мед. института им. С. М. Кирова». Кафедра марксизма-ленинизма, вып. IV. Горький, 1958.

³² Р. Базарова. Участие молодежи Советского Туркменистана в развитии промышленности и транспорта военного времени (1941—1945 гг.).— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. 1, Ашхабад, 1956; А. А. Вострикова. Владивостокские железнодорожники и портовики в годы Великой Отечественной войны Советского Союза.— «Ученые записки Дальневосточного университета», вып. 1. Владивосток, 1957; *она же*. Трудовой подвиг транспортников Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны.— «Дальний Восток за

О некоторых фактах героической борьбы советских железнодорожников за обеспечение нужд фронта и тыла рассказывалось также в опубликованных в 1956—1960 гг. монографиях В. А. Беляевой, Б. С. Тельпуховского, А. М. Самсонова, А. В. Карасева, С. И. Поздышева, А. В. Митрофановой³³⁻³⁴.

В последнее десятилетие историография рассматриваемой проблемы значительно обогатилась с появлением новых публикаций, отражающих различные стороны деятельности советского железнодорожного транспорта и его звеньев в минувшей войне.

Прежде всего необходимо отметить выход в свет в 1960—1965 гг. шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», а также однотомника³⁵, изданных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Эти труды явились крупным вкладом в исследование актуальных проблем истории борьбы советского народа против фашистских агрессоров. В указанных изданиях было дано систематическое и подробное освещение событий военных лет, в научный оборот введено много новых данных экономического, политического и военного характера.

Состояние и работа транспорта и связи СССР в 1941—1945 гг. нашли здесь свое отражение в небольших разделах глав, посвященных советскому тылу. Они содержат целый ряд ранее неизвестных исторических фактов, примеров, сводных статистических данных.

В 1963 г. появилась первая обобщающая монография о жизни и борьбе советских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны³⁶.

Вскоре в издательстве Академии наук СССР была выпущена в свет книга Б. П. Орлова об экономическом развитии транспорта СССР в 1917—1962 гг.³⁷ В одной из ее глав автор наряду

40 лет Советской власти». Комсомольск-на-Амуре, 1958; А. П. Иселиани. Из истории рабочего класса Грузии (Патриотизм работников транспорта в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.). Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

³³⁻³⁴ В. А. Беляева. Трудовой героизм рабочих Азербайджана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Баку, 1957; Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткий очерк. М., 1959; А. М. Самсонов. Великая битва под Москвой. 1941—1942. М., 1958; он же. Сталинградская битва. От обороны и отступления к великой победе на Волге. Исторический очерк. М., 1960; А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады. 1941—1943 гг. М., 1959; С. И. Поздышев. Железнодорожные войска Советской Армии. М., 1959; А. В. Митрофанова. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). М., 1960.

³⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». 1-е изд., М., 1965; 2-е изд., М., 1970.

³⁶ Г. А. Куманев. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1963.

³⁷ Б. П. Орлов. Развитие транспорта СССР. 1917—1962. Историко-экономический очерк. М., 1963. В том же году Б. П. Орлов на аналогичную тему защитил в Институте экономики АН СССР докторскую диссертацию.

с другими видами советского транспорта рассмотрел перевозочную работу железнодорожной сети в условиях военного времени. Для анализа роли транспорта в годы Великой Отечественной войны он привлек ряд новых интересных документов.

О некоторых сторонах работы Наркомата путей сообщения СССР и военно-хозяйственной деятельности железных дорог в дни войны рассказал также в своей статье, опубликованной в 1961 г. в «Военно-историческом журнале», бывший нарком путей сообщения (в 1942—1943 гг.) и начальник тыла Красной Армии генерал армии А. В. Хрулев³⁸.

Помимо указанных исследований, охватывающих проблему в целом, в последнее десятилетие продолжалось более широкое изучение ее составных частей и разработка локальных тем. Прежде всего следует отметить появление первой книги о трудовой деятельности в дни войны коллектива Ашхабадской магистрали — одного из отрядов советских железнодорожников. Речь идет о небольшой монографии Ф. И. Заварыкина, изданной Туркменским педагогическим институтом им. В. И. Ленина в 1961 г.³⁹ Историзм в освещении событий и фактов, умелое использование конкретного материала позволили автору выявить вклад тружеников Ашхабадской дороги в общие усилия железнодорожников по оказанию помощи фронту.

Определенный шаг вперед в разработке различных вопросов рассматриваемой проблемы был сделан и в других созданных за последнее десятилетие (на материалах одной или ряда железных дорог) нескольких кандидатских диссертациях. Почти все они подготовлены в историко-партийном плане⁴⁰.

³⁸ А. Хрулев. Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 6.

³⁹ Ф. И. Заварыкин. Железнодорожники Ашхабадской магистрали в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Чарджуу, 1961.

⁴⁰ В. Н. Бредков. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор героического труда железнодорожников в первый период Великой Отечественной войны Советского Союза (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.) (На материалах ж. д. Центра). Канд. дисс. (рукопись). Л., 1961; С. Н. Гушин. Деятельность Азербайджанской партийной организации на транспорте в период Великой Отечественной войны. 1941—1945. Канд. дисс. (рукопись). Баку, 1963; И. В. Елизаров. Деятельность партийных организаций по обеспечению бесперебойной работы Томской железной дороги в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Канд. дисс. (рукопись). Томск, 1963; М. З. Зарецкий. Партийные организации Казанской магистрали во главе трудового героизма железнодорожников. Канд. дисс. (рукопись). Казань, 1963; П. З. Смирнова. Московская партийная организация во главе трудовых подвигов железнодорожников столицы в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Канд. дисс. (рукопись). М., 1963; М. И. Панчук. Деятельность партийных организаций железнодорожного транспорта Украины в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). Канд. дисс. (рукопись). Киев, 1968; Е. Г. Астафьева. Железнодорожники Московского узла в начале Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — январь 1942 г.). Канд. дисс. (рукопись). М., 1968; И. П. Климов. Коммунисты Урала — вдохновители героического

Общие вопросы организаторской и массово-политической деятельности КПСС на ряде железных дорог в 1941—1945 гг. нашли отражение и в значительной части опубликованных за последнее десятилетие работ по интересующей нас тематике. Таковы статьи В. Н. Бредкова, И. В. Елизарова, С. Н. Гущина, М. З. Зарецкого, П. З. Смирновой, М. З. Данилюка, Ж. Калымбетова, М. И. Панчука⁴¹.

Этой же теме посвящены разделы работы Ж. Калымбетова, одна из глав небольшой книги М. З. Данилюка и учебное пособие В. Т. Луценко, рассчитанное для студентов-заочников Института инженеров железнодорожного транспорта⁴².

труда железнодорожников в годы Великой Отечественной войны. Канд. дисс. (рукопись). М., 1970.

Работе железнодорожников Ташкентской железной дороги в 1941—1945 гг. посвящена часть докторской диссертации Ж. Калымбетова (Ж. Калымбетов. Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по перестройке и развитию промышленности и транспорта республики в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Докт. дисс. (рукопись). Ташкент, 1967).

⁴¹ В. Н. Бредков. Партийно-политическая работа на железнодорожном транспорте в первый период Великой Отечественной войны (На материалах ж. д. Центра). Л., 1962; И. В. Елизаров. Партийные организации Кузбасса в борьбе за подъем железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны.— «К истории партийных организаций Кузбасса», вып. 1. Кемерово, 1962; С. Н. Гущин. Деятельность партийной организации Азербайджана на железнодорожном транспорте в годы Великой Отечественной войны.— «Ученые записки Азербайджанского гос. университета». Серия обществ. наук, № 5—6, 1962; *он же*. Деятельность партийных организаций на железнодорожном транспорте Азербайджана в период победоносного завершения Великой Отечественной войны.— «Научные труды аспирантов Азербайджанского гос. университета», вып. IV, Баку, 1963; М. З. Зарецкий. Коммунисты Казанской магистрали в первый период Великой Отечественной войны.— «Сборник аспирантских работ». Общественные науки (Казанский гос. университет). Казань, 1963; П. З. Смирнова. Организаторская массово-политическая работа Московской партийной организации на железнодорожном транспорте в период победоносного завершения Великой Отечественной войны.— «Сборник научных трудов МИИТ». М., 1963; М. З. Данилюк. Коммуністична партія України — організатор трудових подвигів залізничників (1943—1945 рр.).— «Український історичний журнал», 1965, № 9; Ж. Калымбетов. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за бесперебойную работу транспорта в годы Великой Отечественной войны (Тезисы доклада). Ташкент, 1967; М. И. Панчук. Відродження та розгортання діяльності партійних організацій залізничного транспорту України у роки Великої Вітчизняної війни (1943—1945 рр.).— «Ленінський етап в розвитку наукового комунізму». Тезиси докладов, ч. II. Киев, 1967; *он же*. Діяльність партійних організацій по піднесенню трудової активності залізничників України у роки Великої Вітчизняної війни (1943—1945 рр.).— «Наукові праці з історії КПРС», вып. 20. Киев, 1968.

⁴² Ж. Калымбетов. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за развитие промышленности и транспорта в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1966; М. З. Данилюк. Натхненна праця в ім'я перемоги. Киев, 1970; В. Т. Луценко. Деятельность КПСС по обеспечению бесперебойной работы железнодорожного транспорта в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Учебное пособие для студентов заочников транспортного института, изучающих историю КПСС. М., 1969.

Среди названных публикаций можно выделить работу В. Т. Луценко. Несмотря на очерково-популярный характер, она содержала ряд заслуживающих внимания наблюдений и обобщений, а также новый иллюстративный и цифровой материал. Вместе с тем следует заметить, что часть фактических и статистических сведений, приводимых Луценко, почему-то сопровождалась ссылками на архивы, тогда как эти данные были уже опубликованы в научной литературе. В других же случаях необходимые ссылки на источники отсутствовали.

В период Великой Отечественной войны железнодорожный транспорт выполнял важнейшие задания по воинским перевозкам, обеспечивая своевременный подвоз фронту громадного количества необходимых грузов. Литература об этой стороне деятельности железных дорог, помимо отмеченных общих работ, пополнилась за последние годы рядом новых публикаций. К ним прежде всего относится коллективный историко-мемуарный сборник о военных сообщениях Советских Вооруженных Сил (под редакцией генерал-лейтенанта С. В. Хвощева), три работы о войсках тыла Советской Армии, книга генерал-лейтенанта Н. А. Антипенко и, наконец, брошюра бывшего наркома путей сообщения, профессора, генерал-лейтенанта И. В. Ковалева, посвященная роли транспорта в решающих операциях минувшей войны⁴³.

Книга «Военные сообщения за 50 лет», состоящая из краткого исторического очерка о полувековой деятельности органов ВОСО и воспоминаний офицеров и генералов ВОСО, примечательна в том отношении, что в ней впервые приведены некоторые данные о выполнении военно-оперативных и снабженческих перевозок в дни войны, а также многочисленные факты о напряженной работе в тот период органов ВОСО. К сожалению, в этом полезном издании допущен ряд неточностей и досадных опечаток.

Историко-мемуарный труд генерал-лейтенанта Н. А. Антипенко «На главном направлении», недавно вышедший в свет вторым изданием, несомненно, принадлежит к лучшим произведениям подобного жанра. Хотя основная задача, которую ставил перед собой автор, заключалась в том, чтобы раскрыть в научно-исследовательском плане весьма сложную и разностороннюю деятельность органов фронтового тыла, он уделил также внимание решающей роли и оценке железных дорог в удовлетворении важнейших потребностей действующей армии, сделав при этом ряд интересных замечаний и выводов. Выпущенная издательством «Знание» брошюра генерал-лейтенанта И. В. Ковалева, работавшего в дни вой-

⁴³ «Военные сообщения за 50 лет». М., 1967; «Тыл Советской Армии». М., 1968; «Подвиги воинов тыла». Л., 1968; «В. И. Ленин и тыл Советских Вооруженных Сил». М., 1970; Н. А. Антипенко. На главном направлении, 1-е изд. М., 1967; 2-е изд. М., 1974; И. В. Ковалев. Транспорт в решающих операциях Великой Отечественной войны. М., 1969.

ны начальником Центрального управления военных сообщений Красной Армии, членом Транспортного комитета при ГКО, а затем и наркомом путей сообщения, также представляет значительный интерес как живое свидетельство одного из руководителей транспорта и активного участника событий.

Все эти издания, несомненно, дополняют сложившееся представление о героических делах работников органов ВОСО и военного тыла, а также о роли советского транспорта в обеспечении многих оборонительных и наступательных сражений Красной Армии в 1941—1945 гг.

Отдельные стороны и оценки военно-оперативной деятельности железных дорог во время обороны Москвы, Ленинграда, Сталинграда и некоторых других боевых операций в той или иной степени затронуты в изданных военных мемуарах советских полководцев: И. Х. Баграмяна, С. С. Бирюзова, А. М. Василевского, Н. Н. Воронова, А. И. Еременко, Г. К. Жукова, М. В. Захарова, И. С. Конева, К. А. Мерецкова, К. К. Рокоссовского и др., а также в новых публикациях, посвященных этим битвам и общим проблемам войны⁴⁴.

Советским железнодорожникам принадлежит неопределимая заслуга и в успешном решении сложнейшей задачи по перебазированию производительных сил СССР из угрожаемой зоны на восток, для чего потребовалось свыше 1,5 млн. вагонов, или более 30 тыс. поездов.

Казалось, важность этой темы должна была бы привлечь самое пристальное внимание историков и мемуаристов. Однако новые страницы, связанные с активным участием железнодорожников в осуществлении эвакуации, за последнее время получили освещение лишь в нескольких статьях⁴⁵. Между тем вопрос о роли транспорта в перемещении производительных сил СССР за-

⁴⁴ Н. А. Антипенко. Тыл в Московской битве.— «Провал гитлеровского наступления на Москву». М., 1966; *он же*. Тыл в Берлинской операции.— «9 мая 1945 года». М., 1970; П. З. Смирнова. Московские железнодорожники в период битвы за столицу.— «Беспримерный подвиг». М., 1968; «Финал». М., 1969; Г. А. Куманев. Советский транспорт в Сталинградской битве.— «Исторические записки», т. 85; *он же*. Вклад работников советского транспорта в победу над фашистской Германией.— «Всемирно-историческая победа советского народа. 1941—1945 гг.». М., 1971; «Октябрьская фронтовая». Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Л., 1970; И. Сафронов. Тыл 2-го Белорусского фронта в Восточно-Прусской операции.— «Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил», 1970, № 1; М. Новиков. Тыл 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской операции.— «Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил», 1970, № 2; М. Г. Чивилев, А. С. Ефимов, П. А. Магросов, И. Ф. Синельников. Магистраль бесстрашных (Очерк боевого пути железнодорожных войск и службы военных сообщений Ленинградского фронта). Л., 1971.

⁴⁵ Н. Ф. Дубровин. Эшелон за эшеломом...— «Эшелоны идут на восток». М., 1966, стр. 208—219; И. В. Ковалев. Под огнем врага.— Там же, стр. 230—232; Г. А. Куманев. Подвиг железнодорожников.— Там же, стр. 116—140.

служивает более глубокого изучения, всесторонней научной разработки.

Несколько больше проделано по исследованию темы, посвященной восстановлению разрушенного врагом транспортного хозяйства и новому железнодорожному строительству. Были опубликованы две небольшие книги и несколько статей о славном пути, пройденном воинами железнодорожных войск, о том, как в тяжкую военную пору советские люди не только быстро восстанавливали разбитые технические устройства, но и сооружали новые магистрали, мосты, реконструировали десятки станций, узлов, разъездов и т. д.⁴⁶

Указанная тема, весьма многообразная по своему содержанию, еще далеко не исчерпана и тоже нуждается в новых обобщениях и изысканиях, привлечении дополнительных документальных свидетельств о славных делах восстановителей и строителей железных дорог военных лет.

Ко всем рассмотренным книгам, брошюрам и статьям, опубликованным за последние 16 лет по интересующей нас проблеме, примыкают также работы, посвященные общим вопросам становления и развития военной экономики СССР и деятельности различных звеньев советского тыла. Краткий анализ состояния железнодорожного транспорта и отдельных магистралей в 1941—1945 гг. имеется в специальных главах или разделах книг по военной экономике СССР и в некоторых других изданиях⁴⁷. Среди них отметим исследования экономистов Г. С. Кравченко

⁴⁶ *К. П. Терехин, А. С. Таралов.* Гвардейцы-железнодорожники (Боевой путь 1-й гвардейской железнодорожной Варшавской ордена Кутузова бригады). М., 1966; *К. П. Терехин, А. С. Таралов, А. А. Томашевский.* Воины стальных магистралей (Краткий военно-исторический очерк о железнодорожных войсках Советской Армии за 50 лет). М., 1969. (Периоду Великой Отечественной войны посвящена третья глава.— Г. К.); *Г. А. Куманев,* Восстановление и строительство железных дорог.— «Строители — фронту». М., 1968; стр. 77—95; *И. В. Ковалев.* В тяжкую пору (Железнодорожные войска в годы Великой Отечественной войны).— Там же, стр. 201—204; *М. И. Панчук.* Борьба партийных организаций за відбудову залізничного транспорту України (1943—1945 рр.).— «Наукові праці з історії КПРС», вып. 18, Київ, 1967; *Ю. Л. Дьяков.* Строительство и эксплуатация Северо-Печерской железной дороги в годы Великой Отечественной войны.— «История СССР», 1969, № 5; *В. И. Киселев.* Комуністична партія — організатор відбудови залізничного транспорту Донбасу в період Великої Вітчизняної війни (1943—1945 рр.).— «Наукові праці з історії КПРС», вып. 30. Київ, 1969; *П. Кабанов.* Воины-железнодорожники Воронежского фронта в 1943 году.— «Военно-исторический журнал», 1970, № 6.

⁴⁷ *Г. И. Шигалин.* Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1960; *Г. С. Кравченко.* Военная экономика СССР. 1941—1945, 1-е изд. М., 1963, 2-е изд. М., 1970. *Я. Е. Чадаев.* Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1965; *Г. А. Докучаев.* Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1968; *К. В. Дикитшвили.* Закавказье в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Тбилиси, 1969; *Г. А. Куманев, В. Б. Тельпуховский.* Промышленность и транспорт в 1942 г.; Промышленность и транспорт в 1943 г.— «Всемирная история», т. X. М., 1965, стр. 252—256 и др.

и Я. Е. Чадаева, где кратко, но довольно обстоятельно показаны особенности в работе железных дорог в военных условиях. Правда, обоих авторов можно упрекнуть в недостаточном использовании трудов историков по этой проблеме.

Иное впечатление, к сожалению, оставляет глава VII («Транспорт в условиях войны». Автор — А. Н. Маркова) коллективного труда «Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.» (М., 1970), подготовленного Институтом экономики АН СССР. Глава изобилует повторениями, часто нарушается хронологическая последовательность при освещении событий тех лет. Кроме того, в ней содержится немало прямых заимствований из уже опубликованных работ историков без необходимых в таких случаях ссылок на эти издания. Такое отношение к трудам своих предшественников отнюдь не способствует повышению общего уровня и научной ценности не только данной главы, но и всей книги⁴⁸.

История железнодорожного транспорта СССР кануна и периода Великой Отечественной войны не могла не привлечь внимания буржуазных историков, политиков и военных деятелей Запада. Однако зарубежная историография данной темы не отличается богатством и разнообразием.

Несколько работ, где затрагивается деятельность железнодорожного транспорта СССР во второй мировой войне, принадлежит перу западногерманских мемуаристов — бывших офицеров, генералов и сотрудников гитлеровского военного аппарата. Все эти публикации написаны с позиций антикоммунизма и, конечно, стоят далеко от объективного исследования событий. Допуская клевету по адресу советского народа, Красной Армии, искажая подлинную картину состояния экономики СССР в 1941—1945 гг., их авторы тем не менее не могли не признать успешную работу железных дорог СССР во время войны.

В опубликованном в 1953 г. в Гамбурге (ФРГ) сборнике статей «Итоги второй мировой войны» наряду с другими помещены статьи генерал-полковника Г. Гудериана и полковника Г. Теске⁴⁹, в которых они касаются некоторых вопросов работы как германского, так и советского железнодорожного транспорта. Хотя и здесь есть утверждения о «непригодности русских коммуникаций», об их «примитивном транспортном оборудовании», оба автора вынуждены были дать довольно высокую оценку военно-эксплуатационной деятельности наших железных дорог, отметив при этом постоянную перегрузку немецкого железнодорожного транспорта, который «не справлялся со своими задачами».

⁴⁸ Достоинно сожаления, что подобные ненаучные приемы встречаются также, например, в названной книге Г. И. Шигалина, статьях и диссертациях М. З. Зарецкого, Е. Г. Астафьевой, в двух статьях А. Филатова («Гудок», 25 и 31 марта 1970 г.).

⁴⁹ Г. Гудериан. Опыт войны с Россией.— «Итоги второй мировой войны». М., 1957; Г. Теске. Военное значение транспорта.— Там же.

Те же невольные признания содержатся в статьях и книгах бывших военнослужащих и сотрудников фашистского рейха: генералов К. Типпельскирха, Г. Дерра, Дитмара, Г. Блюментрита, К. Цейтлера, руководителя немецкой железнодорожной дирекции «Восток» Г. Потгиссера и других буржуазных идеологов⁵⁰.

Анализу развития транспорта СССР за годы Советской власти посвятил свою книгу профессор Гарвардского университета Хантер Холланд⁵¹. В специальной главе он вкратце рассмотрел работу железных дорог СССР во время второй мировой войны. Несмотря на то, что в главе имеются отдельные высказывания о той большой роли, которую сыграл советский транспорт в войне с фашистской Германией, читатель не найдет здесь научного объяснения причин, позволивших железным дорогам страны выдержать колоссальную нагрузку военного времени.

Все эти сведения еще раз подтверждают необходимость постоянной борьбы с буржуазными концепциями, создания глубоких и конкретных исследований, в полной мере раскрывающих преимуществ социалистической экономики и советского строя.

Кратко резюмируя все вышеизложенное, следует отметить, что некоторые аспекты интересующей нас темы в той или иной степени уже нашли отражение в историографии. В научный оборот введен значительный фактический материал; сделаны ценные теоретические выводы и обобщения; раскрыта общая картина разносторонней и напряженной работы железных дорог в координации с другими видами отечественного транспорта; освещены такие вопросы, как перестройка транспорта на военный лад, его участие в перебазировании производительных сил СССР и в обеспечении первоочередных нужд фронта и тыла; состав, подготовка и политическое воспитание железнодорожных кадров; источники и формы их пополнения.

Дальнейшее всестороннее исследование этой большой и актуальной проблемы, более полное освещение героических дел советских транспортников в годы минувшей войны, показ руководящей роли Коммунистической партии, а также профсоюзов и комсомола во всех звеньях железнодорожного транспорта имеют важное значение не только в научном, но и в идеологическом отношении.

⁵⁰ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956; Г. Дерр. Поход на Сталинград. М., 1957; Дитмар. Финская кампания.— «Мировая война 1939—1945 гг.». М., 1957; Г. Блюментрит. Московская битва.— «Рокковые решения» (Пер. с английского). М., 1958; К. Цейтлер. Сталинградская битва.— Там же: Heinz Pottgiesser. Die Deutsche Reichsbahn im Ostfeldzug. 1939—1944. Neckargemünd, 1960; Waldemar Erfurth. Problemet Murmanbahn under Finlands senaste krig. Originales titel.— «Das problem der Murman-Bahn». Helsingfors, 1952; R. Zeitl. Steel rails to Victory. A photographic History of railway operations during World War II. New York, 1970.

⁵¹ Hunter Holland. Soviet transportation policy. Harvard University Press. Cambridge, 1957.

Следует, например, создать специальные книги, посвященные многогранной деятельности КПСС по организации социалистического соревнования на железных дорогах и по формированию новых транспортных кадров в 1941—1945 гг. Появившаяся за последние годы новая литература по этим темам ограничивается лишь несколькими статьями⁵².

Необходимо также продолжить публикацию мемуарной литературы по проблеме. Опубликованные воспоминания А. В. Хрулева, И. В. Ковалева, Н. А. Лунина, П. А. Кабанова, Е. М. Чухнюк, А. И. Августынюка, Н. А. Антипенко, Н. А. Холина и других — лишь начало большого и полезного дела. Создание глубоко содержательных и ярких книг, раскрывающих историю железнодорожного транспорта СССР в годы Великой Отечественной войны — одна из важных задач советских исследователей.

⁵² *И. В. Елизаров*. Деятельность партийных организаций по руководству социалистическим соревнованием на Томской железной дороге в первые годы Великой Отечественной войны (1941—1943 гг.). — «Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири», вып. 2. Томск, 1964; *он же*. Борьба партийных организаций за решение проблемы кадров на Томской железной дороге в годы Великой Отечественной войны. — «Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири», вып. 1. Томск, 1962; *Г. А. Куманев*. Состав рабочих железнодорожного транспорта СССР в годы Великой Отечественной войны. — «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». М., 1964; *И. П. Климов*. Партийное руководство социалистическим соревнованием железнодорожников Урала в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). — «Ученые записки (Свердловский гос. пед. институт, Тюменский гос. пед. институт)». **Сб. 87**. Свердловск, 1969.

**ЖУРНАЛ «ИСТОРИК-МАРКСИСТ» —
ОРГАН ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ
И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ**

А. И. Алаторцева

К середине 20-х годов был накоплен значительный опыт по изданию советских исторических и общественно-политических журналов. Характерным для первых советских исторических журналов была тесная связь их с научными центрами, органами которых они являлись. Журналы «Пролетарская революция» (1921—1941), «Каторга и ссылка» (1921—1935), «Новый Восток» (1922—1930), «Красный архив» (1922—1941), «Архивное дело» (1923—1941) и другие своим рождением были обязаны первым научным центрам, созданным после Октябрьской революции: Истпарту, Обществу бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Всероссийской научной ассоциации востоковедения, Центрархиву. Органом Общества историков-марксистов (ОИМ) стал журнал «Историк-марксист».

Вместе с тем журнал «Историк-марксист» отличался новыми чертами в советской исторической периодике. До сих пор каждое из упомянутых изданий было посвящено разработке одной из отраслей исторического знания или крупной проблеме. Новый журнал был первым марксистским периодическим органом, где отечественная история и всемирная история были представлены в единстве. Другой особенностью издания явился методологический аспект разрабатываемых журналом проблем. «Историк-марксист» как журнал нового типа отражал некоторые особенности и самого Общества историков-марксистов, органом которого он являлся.

Середина 20-х годов в истории развития нашей страны была переломным временем, когда происходили коренные сдвиги в соотношении классовых сил и экономических укладов. Эти процессы были зафиксированы в решениях XIV партийной конференции ВКП(б) в апреле 1925 г. Партия провозгласила переход страны к социалистической реконструкции на основе индустриализации¹.

Борьба Коммунистической партии за развернутое социалистическое

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II. М., 1954, стр. 161—162.

тическое строительство протекала в условиях ожесточенного сопротивления враждебных классов. Перед советскими историками стояла задача идейного разгрома и преодоления буржуазной и мелкобуржуазной историографии, утверждения марксистско-ленинской исторической концепции. В этих условиях необходима была консолидация немногочисленных, но постоянно растущих кадров историков-марксистов. Предпосылки такого объединения были обусловлены успешным завершением первого этапа в развитии исторической науки: была создана система марксистских научно-исследовательских и учебных учреждений исторического профиля, реформированы старые научные центры, расширилась подготовка кадров историков-марксистов. Ряды советских историков пополнились первыми выпускниками советских исторических вузов. Обозначались основные направления исследований историков-марксистов. От создания научно-популярных брошюр, используемых для воспитания в революционных традициях широких трудящихся масс, историки перешли к углубленной разработке основных проблем исторического процесса на основе марксистско-ленинской теории.

Создание и деятельность Общества историков-марксистов, сплотившего на базе марксистско-ленинской теории историков-марксистов старшего поколения и выпускников советских исторических вузов, знаменовало собой новый этап в развитии советской историографии².

Идея организации марксистского научного общества зародилась среди историков-коммунистов преподавателей общественных вузов Москвы³. На первых порах масштабы такого объединения ограничивались пределами отдельных вузов. Попытка создания такого рода объединения была, в частности, предпринята преподавателями Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. Сохранившееся «Положение о научно-исследовательской ассоциации при Комуниверситете им. Свердлова», написанное, очевидно, в начале 1924 г., так сформулировало задачи нового научного объединения: «Особое внимание ассоциация уделяет разработке проблем марксистской методологии»⁴. Ассоциация, однако, не развернула практической работы. Между тем ведение систематической научно-исследовательской работы в учебных заведениях исторического профиля было условием успешной подго-

² «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, гл. IV, § 1; В. А. Дорошенко. Образование и основные этапы деятельности Общества историков-марксистов.— «Вестник МГУ». Серия IX. История, 1966, № 3; Л. В. Иванова. У истоков советской исторической науки. М., 1968; О. Д. Соколов. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

³ В 1920—1929 гг. при Петроградском (Ленинградском) университете существовало Научное общество марксистов (Г. Д. Алексеева. Октябрьская революция и историческая наука. М., 1968, стр. 51).

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5221, оп. 6, д. 53, л. 2.

товки квалифицированных специалистов в области теории и практики пролетарской революции и осознавалось повсеместно. По одному из проектов, автором которого был старый большевик, преподаватель ИКП С. И. Гусев, провозглашение Общества должно было состояться на съезде советских историков. Цель объединения, говорилось в его проекте, — «сплочение коммунистов-историков, руководство и помощь в их работе»⁵. Большое значение придавалось привлечению беспартийных историков, «созданию советской общественности в среде старой профессуры»⁶. Сохранился черновик «Записки о созыве съезда историков и об организации их общества», принадлежащий С. И. Гусеву. Из «Записки» видно, что основные ее идеи получили предварительное одобрение в Главнауке. Одновременно вопрос о создании научного объединения историков обсуждался неоднократно преподавателями кафедры истории Комуниверситета им. Свердлова. Этот вопрос обсуждался на заседании кафедры 2 февраля 1925 г. Выступившие на кафедре Г. С. Фридлянд, М. Н. Покровский, Г. С. Зайдель, М. И. Щукарь, П. О. Горин при поддержке всех присутствовавших отметили необходимость и своевременность объединения историков. Неясно было лишь то, на базе какого научного или учебного учреждения это объединение должно существовать. М. Н. Покровский предлагал вести научную работу в исследовательском институте МГУ, П. Горин полагал, что научной базой объединения должна была стать Комакадемия или ИКП⁷. Вопрос остался открытым, и было решено перенести дальнейшее обсуждение на специальное заседание, «созываемое в четверг 5 февраля 1925 г.»

На этом совещании, созванном по инициативе преподавателей Комуниверситета, присутствовали представители научных и учебных учреждений Москвы: ИКП, Комакадемии, МГУ, Комуниверситетов. Ядро совещания составили выпускники ИКП.

Председательствовавший на совещании М. Н. Покровский, участники А. В. Шестаков, Г. С. Зайдель, И. И. Минц, Г. С. Фридлянд, П. О. Горин, С. А. Пионтковский, Н. Н. Ванаг высказались за скорейшее создание научного общества историков. Было решено образовать группу учредителей, включив в нее историков-коммунистов, имеющих печатные труды, а затем приступить к широкому приему в члены Общества. Подготовка и созыв собрания учредителей были поручены организационной комиссии в составе Покровского, Зайделя, Горина, Фридлянда, Шестакова⁸. Последнему было поручено написать текст обращения

⁵ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 8, лл. 260—262.

⁶ Там же, л. 260. В оргкомиссию по созыву съезда предполагалось включить А. Е. Преснякова и Е. В. Тарле.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5221, оп. 6, д. 29, л. 4—4 об.

⁸ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 1, лл. 6, 7. «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 317.

«К вузам СССР» с предложением к историкам-преподавателям вступить в члены Общества⁹.

Существование ОИМ началось собранием учредителей 2 марта 1925 г., на котором присутствовали Н. Н. Авдеев, Викторов, Н. Н. Ванаг, В. П. Волгин, А. И. Гайстер, Г. С. Зайдель, С. И. Канатчиков, Н. М. Лукин, В. В. Максаков, А. С. Мартынов, С. И. Мицкевич, М. П. Павлович, А. М. Панкратова, В. П. Полонский, В. В. Рудаш, Г. С. Фридланд, С. И. Черномордик, А. В. Шестаков. Председательствовал М. Н. Покровский.

Собравшиеся единодушно высказались за своевременность организации Общества, указав на необходимость сплочения марксистских сил. Создаваемое Общество должно было стать широким объединением советских историков, что и было отмечено при решении вопроса о названии Общества. М. Н. Покровский подчеркнул, что Общество следует назвать Обществом историков-марксистов, а не историков-коммунистов, как предлагали некоторые присутствовавшие, так как «Общество не должно замыкаться в узких рамках объединения только историков-коммунистов, не должно отталкивать от себя беспартийную марксистскую профессуру, а должно ставить своей задачей распространение марксистского влияния на всю профессуру»¹⁰.

Цель и задачи Общества были изложены в рассмотренном на собрании проекте устава, первоначальный текст которого был написан А. В. Шестаковым. В окончательном редактировании устава приняли участие Покровский, Фридланд, Викторов. Создаваемое Общество, по уставу, должно было объединить всех историков-марксистов для научной разработки вопросов истории, методологии истории, методики преподавания исторических дисциплин, для борьбы с искажениями истории буржуазной наукой и критического освещения исторической литературы с марксистской точки зрения. Общество ставило своей задачей пропаганду и популяризацию марксистского метода и достижений в области истории.

В вопросе о составе ОИМ в уставе делался упор на кадры историков, занимающихся научной работой или ведущих самостоятельные курсы в вузах. Они составляли контингент действительных членов Общества. Наряду с ними привлекались в качестве членов-корреспондентов начинающие историки, не имевшие печатных трудов, но оказывавшие содействие Обществу «личным участием в разработке научных вопросов, а также сообщением Обществу материалов в виде корреспонденций, заметок и т. д.»¹¹

Собрание завершилось выборами временного Совета, в который вошли все присутствовавшие. Председателем Общества был

⁹ Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 66, л. 3.

¹⁰ Там же, ф. 377, оп. 1, д. 1, л. 7.

¹¹ «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 324.

избран М. Н. Покровский, в секретариат вошли А. Шестаков, П. Горин, А. Панкратова. Окончательное оформление общества произошло год спустя¹².

Решающее влияние при создании ОИМ, выработке его программы оказала Коммунистическая академия, в системе которой оно должно было действовать. В центре работы Комакадемии стояли проблемы марксистской методологии, теории во всех отраслях общественных наук, критика буржуазной и мелкобуржуазной науки, борьба с уклонами. Создание ОИМ являлось залогом будущего успешного решения стоявших перед Комакадемией задач в столь важной области, как история. И действительно, уже в 1927 г. ЦК ВКП(б) в постановлении «О работе Комакадемии» отметил «заметное оживление научной работы» в ряде учреждений Академии, в том числе в ОИМ¹³. Отчеты о деятельности Общества регулярно обсуждались в президиуме Комакадемии.

В связи с утверждением устава ОИМ правительственными органами 5 марта 1926 г. состоялось общее собрание членов, заслушавшее отчет временного Совета. Собрание наметило меры по расширению сферы общественного влияния ОИМ, установив для этого связи с историками-марксистами, преподавателями и научными сотрудниками других городов РСФСР и союзных республик.

В первый Совет ОИМ вошли: В. А. Гурко-Кряжин, П. О. Горин, В. Г. Кнорин, С. И. Канатчиков, Н. М. Лукин, В. В. Макасов, А. С. Мартынов, В. Н. Максимовский, М. П. Павлович, М. Н. Покровский, В. П. Полонский, Н. А. Рожков, А. В. Шестаков, Г. С. Фридлянд. Кандидатами были избраны: С. М. Моносов, А. М. Панкратова, С. М. Дубровский, В. В. Рудаш, А. И. Гайстер. В ревизионную комиссию вошли: Н. Н. Аьдеев, В. П. Антонов-Саратовский, А. М. Васютинский, П. И. Кушнер, С. И. Черномордик. Председателем вновь был избран М. Н. Покровский, его заместителями — М. П. Павлович, Н. М. Лукин, секретарями — П. О. Горин, А. В. Шестаков, С. М. Моносов¹⁴.

Собрание формально основало Общество, но фактически работа велась с первых дней его существования. Начался прием в действительные члены и члены-корреспонденты. К 1 февраля 1926 г. Общество насчитывало 63 человека, из них 43 действительных члена¹⁵. Дальнейший рост Общества показан в таблице на стр. 50.

Данные табл. свидетельствуют о неуклонном росте числа членов Общества на протяжении всего времени его существова-

¹² Этому предшествовало утверждение Общества Агитпропом ЦК ВКП(б) 8 апреля 1925 г. и бюро Президиума Комакадемии от 2 мая 1925 г. (Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 1, лл. 1—2).

¹³ «Известия ЦК ВКП(б)», 1927, № 28, стр. 9.

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 37, л. 2—2 об.; «Историк-марксист», 1927, № 4, стр. 272.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 37, л. 2.

Состав Общества историков-марксистов в 1927—1931 гг.*

Год	Действительные члены				Члены-корреспонденты				Всего
	члены КПСС	беспартийные	в Москве	в провинции	члены КПСС	беспартийные	в Москве	в провинции	
1927	68	22	79	11	66	21	66	21	177
1928	—	—	92	24	—	—	96	31	243
1929	140	38	—	—	134	41	—	—	353
1930	203	50	182	71	198	72	192	78	523
1931	—	—	343	—	—	—	375	—	718

* Подсчеты проведены по данным: Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, [д. 37, л. 2; д. 2, л. 10б.; д. 97, лл. 1—3; д. 112, лл. 9, 10.

ния. На первых порах, в 1926—1927 гг., рост шел за счет увеличения числа действительных членов, тем самым закладывались прочные основы Общества. Ядро его составили профессиональные историки-марксисты с научным и педагогическим опытом, вокруг которых группировалась марксистская молодежь. Среди первых действительных членов ОИМ значились Р. А. Авербух, И. В. Волковичер, С. Д. Кунисский, Г. Е. Меерсон, М. В. Нечкина; среди членов-корреспондентов — А. И. Гуковский, А. З. Иоаннисиани, В. И. Лебедев, Л. П. Мамет и др.¹⁶ Членский билет № 1 был выдан М. Н. Покровскому.

При приеме требовались рекомендации двух действительных членов. За счет членов-корреспондентов пополнялись ряды действительных членов Общества. ОИМ на $\frac{2}{3}$ состояло из преподавателей гуманитарных вузов и комвузов Москвы и других городов Советского Союза. В 1927 г. из 90 действительных членов Общества 59 были преподавателями¹⁷. Постепенно расширялась исследовательская деятельность членов Общества. Из 523 действительных членов и членов-корреспондентов Общества (в 1930 г.) 355 имели научные труды¹⁸.

Преобладающей формой деятельности Общества были публичные заседания с докладами, прениями, диспутами. Популярность их была велика. Количество присутствовавших на заседаниях достигало 70—100 человек¹⁹. Был установлен постоянный день

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 2, л. 201.

¹⁷ «Историк-марксист», 1927, № 4, стр. 272.

¹⁸ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 37, л. 2.

¹⁹ Сохранились многочисленные заявки на билеты для посещения заседаний ОИМ от научно-исследовательских учреждений, учебных заведений, музеев, государственных и общественных организаций, среди которых: Комуниверситет им. Свердлова, Комуниверситет трудящихся Востока, I и II МГУ, Академия комвоспитания, РАНИОН, Истпарт, Истпроф, Ин-

заседания — пятница. В московских газетах печатались объявления о заседаниях, но и без них задолго до 8 часов вечера — часа открытия — одна из комнат в помещении Комакадемии на Волхонке, 14, оказывалась заполненной. Заседания затягивались до поздней ночи. Обсуждение некоторых докладов занимало более двух заседаний. Об интересе исторической общественности свидетельствовало количество заявок на доклады, во много раз превышавшее число заслушанных докладов.

Уже в первый год существования ОИМ были заслушаны доклады, посвященные 440-летию Крестьянской войны в Германии (Г. С. Фридрих), 150-летию Пугачевского восстания (М. Н. Покровский), 20-летию революции 1905 г. (А. В. Шестаков, М. Н. Покровский, П. О. Горин, С. М. Дубровский, С. И. Черномордик), 100-летию восстания декабристов (М. В. Нечкина) и др.

С созданием в 1926 г. секций ОИМ (методической, истории Запада, истории России и ВКП(б), истории общественных форм, истории Востока) часть докладов была перенесена на секционные заседания. Всего за период 1925—1932 гг. прошло 176 заседаний. Постепенно секционные заседания становились главной трибуной для членов Общества²⁰.

Заседания	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Общие	7	9	8	5	7	7	7	1
Секционные	—	4	7	24	39	17	29	5

Чаще всего заседания были посвящены историческим юбилеям. Такой юбилейный характер заседаний представлял собой, по выражению Покровского, «наиболее простой и ясный способ пропаганды среди широких масс новых взглядов на те или иные исторические события»²¹. Однако по мере развития ОИМ бурный рост юбилейных докладов вызвал у Покровского опасения, что Общество будет «штамповальней» для юбилейных докладов²².

С конца 20-х годов Общество приступило к планомерной научно-исследовательской работе. Обращение к методологическим проблемам мирового революционного процесса, социально-экономической истории, критика буржуазных исторических концепций, борьба с идеологическими уклонами определили ведущее направление в деятельности ОИМ. Борьба за утверждение марксистско-ленинской концепции в советской исторической науке

ститут К. Маркса и Ф. Энгельса, Всероссийская научная ассоциация востоковедения, Агитпроп ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ (Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 18, лл. 1—166).

²⁰ Подсчеты проведены по данным: Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 16, л. 1; д. 32, л. 43; д. 69, лл. 1, 3 об.; д. 145, л. 109; д. 138, лл. 10—17; «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 318, 319; «Вестник Комакадемии», 1925, № 12, стр. 219.

²¹ «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 319.

²² Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 19.

была главной для Общества. В одном из отчетных докладов о деятельности Комакадемии Покровский особо отметил актуальный характер работы ОИМ, подчеркнув, что среди прочитанных докладов в Обществе нельзя назвать ни одного, который «не был бы связан с интересами дня, когда читался доклад, с теми проблемами, над которыми в этот момент работала партия»²³. Этому была подчинена и методическая работа, прежде всего разработка программ по истории для общественных вузов и комвузов, обсуждение учебников и программ, различного рода пособий. В специальной резолюции Совета ОИМ от 25 апреля 1930 г. отмечалась необходимость большего внимания со стороны членов Общества к изданиям и разработке учебников и программно-методических материалов²⁴.

Большое внимание уделялось Обществом популяризации исторических знаний. Чтение публичных докладов, издание научно-популярной библиотеки и с 1931 г. массового научно-популярного журнала «Борьба классов», попытки создать популярную «Всемирную историю» — лишь некоторые формы этой работы. В начале 30-х годов в Обществе была создана специальная комиссия по массовой работе. К этому времени относится появление первых ячеек содействия на Трехгорной мануфактуре и заводе «Серп и молот»²⁵.

По мере развертывания деятельности ОИМ все большую роль играли местные отделения Общества. На заседании Совета Общества от 14 мая 1926 г. был решен вопрос об организации филиала в Ленинграде²⁶. В конце 1927 г. был создан Белорусский филиал, весной 1928 г. — в Закавказье и т. д. К концу 1929 г. филиалы ОИМ были открыты в 22 городах Советского Союза²⁷. Большую роль в этом сыграли выпускники исторического отделения ИКП.

Общество историков-марксистов явилось инициатором и организатором I Всесоюзной конференции советских историков, на которой были подведены итоги научной работы в области истории в масштабах всей страны, определены перспективы дальнейшего развития советской исторической науки. Деятельность ОИМ была признана плодотворной, а само Общество объявлено Всесоюзным.

Конференция выявила наличие достаточных сил для создания специального научно-исследовательского учреждения по истории — Института истории. Подготовительная работа, в которой

²³ «Вестник Комакадемии», 1927, № 22, стр. 16.

²⁴ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 112, л. 3.

²⁵ Упомянутые ячейки содействия были созданы в начале 30-х годов и явились одной из новых организационных форм распространения влияния Общества на учащуюся молодежь вузов, комвузов, НИИ, музеев, архивов и т. д.

²⁶ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 1, л. 188 об.

²⁷ Там же, д. 112, л. 1.

ОИМ приняло самое активное участие, завершилась открытием 1 октября 1929 г. Института истории Комкадемии. Вызванный к жизни Обществом Институт истории Комкадемии сосредоточил в своих секторах основные кадры исследователей Москвы, а с созданием ленинградского отделения — и в Ленинграде. За ОИМ должна была сохраниться роль координирующего центра.

Большим достижением ОИМ было основание журнала «Историк-марксист»²⁸. Как неоднократно отмечалось в отчетах Комкадемии, в выступлениях Покровского, успех ОИМ во многом зависел от уровня и направления работы журнала. Журнал должен был дать выход научной продукции советских историков, вести решительную борьбу с враждебными марксизму течениями, стать трибуной пропаганды марксистско-ленинского мировоззрения в исторической науке.

Вопрос о создании журнала стоял уже на первом собрании учредителей ОИМ. С информацией о предполагавшемся при Комуниверситете им. Свердлова издании журнала «Историк-коммунист» и решении передать собранные для этого материалы Обществу выступил П. О. Горин²⁹. Результатом обсуждения было создание организационной комиссии, в которую вошли В. П. Полонский, Г. С. Фридлянд, А. В. Шестаков. В процессе организационной работы по подготовке нового издания четко определился характер журнала: в центре внимания мыслилась научная разработка отдельных проблем отечественной и всеобщей истории и ее методологии.

Подготовка к изданию первых номеров началась с осени 1925 г. На заседаниях редакционной коллегии и Совета ОИМ были выработаны планы, определены ведущие темы, намечены авторы. План первого номера журнала отличался широтой замысла и включал 15 научных статей, в том числе о столыпинщине, о социальных отношениях в Киевской Руси в XI—XII вв., о яковинцах, о пережитках родового строя у киргизов и др.³⁰ Ряд статей по плану посвящался методологическим вопросам. Центральное место в плане занимали статьи, документы, обзоры по двум проблемам: революция 1905 г. и восстание декабристов. Выбор этих двух тем как ведущих был не случаен. Еще осенью 1924 г. было опубликовано постановление ЦК РКП(б) о создании Комиссии по празднованию 20-летней годовщины революции 1905 г.³¹ В работу комиссии активно включились и члены ОИМ. В связи со специальным решением Совета ОИМ был орга-

²⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, гл. IV (автор раздела о советской исторической периодике Г. Д. Алексеева). М., 1966; А. И. Алаторцева. К истории создания журнала «Историк-марксист». — «Советские архивы», 1969, № 2.

²⁹ Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 66, л. 4. Первоначально предполагалось сохранить название «Историк-коммунист» и для нового издания ОИМ.

³⁰ Там же, ф. 377, оп. 1, д. 1, л. 1.

³¹ «Известия ЦК РКП(б)», 1924, № 1/6, стр. 8.

низован цикл публичных докладов по истории революции 1905 г. Это же решение предусматривало широкую публикацию материалов в журнале ³².

Тематика статей и обзоров по истории революции 1905 г. в предварительных планах охватывала довольно широкий круг вопросов: предпосылки революционных событий, русско-японская война, октябрьская стачка и Декабрьское вооруженное восстание 1905 г., Советы в революции, классы и партии, международное значение и влияние русской революции на Восток и Запад. Среди авторов были М. Н. Покровский, М. П. Павлович, В. В. Рудаш, Е. М. Ярославский, С. М. Дубровский, П. О. Горин, А. В. Шестаков. Обзор литературы по этой теме должен был подвести итоги изучению истории первой русской революции в советской историографии ³³.

Столетие со дня восстания декабристов широко отмечалось советской научной общественностью. По инициативе Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев для проведения юбилея была создана специальная комиссия из представителей научных учреждений Москвы, в том числе Комкадемии, РАНИОН, Центрархива, Истпарта и др. ³⁴ В составе комиссии работали и члены ОИМ: М. Н. Покровский, С. И. Мицкевич, М. В. Нечкина. Естественно, что и в готовящемся номере журнала предполагалось уделить этой теме должное внимание. Автором обобщающей статьи был намечен Покровский. Новая в декабристоведении тема об Обществе соединенных славян была разработана в статье М. В. Нечкиной. С докладом на эту тему молодой исследователь выступила на публичном заседании ОИМ в январе 1926 г. ³⁵

Среди остальных материалов по истории восстания декабристов предполагалось поместить статью С. С. Мильмана о П. И. Пестеле. С новой для него темой «Декабристы и карбонарии» должен был выступить Г. С. Фридлянд. Из документальных публикаций была намечена подборка Н. К. Пиксанова «Из эпохи декабристов».

Вышедший в апреле 1926 г. первый номер журнала «Историк-марксист» структурно и по содержанию лишь отчасти соответствовал плану. По сути дела предварительные планы могли быть реализованы не в одном, а в нескольких номерах. Ряд статей не поступил в срок в редакцию, часть статей редколлегия отвергла сама. Так, в частности, было со статьями Н. Л. Рубинштейна и П. И. Кушнера. Судя по беглым замечаниям, причина этого была не в качестве упомянутых статей, а в стремлении редколлегии сосредоточить внимание на наиболее актуальных для

³² «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 319.

³³ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 3, л. 3 об.

³⁴ «Каторга и ссылка», 1925, № 4, стр. 296—297; «Правда», 15 мая 1925 г.

³⁵ «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 319.

марксистской историографии проблемах, и прежде всего проблеме классовой борьбы. Освещению этой проблемы подчинен весь материал первого номера и всех последующих.

Структурно первый номер состоял из отделов: статьи, доклады в ОИМ, материалы, преподавание истории, библиография. В последующих номерах отдел библиографии был преобразован в отдел критики и библиографии. В целом структура «Историка-марксиста» была аналогичной структуре других советских исторических журналов.

Около половины объема первого номера журнала занял отдел «Статьи». Среди его авторов мы видим М. Н. Покровского, О. Л. Вайнштейна, Г. С. Фридлянда, К. П. Добролюбского, Ф. Ходжаева, М. П. Павловича, М. В. Нечкину. Пятую часть составили отчеты о докладах в ОИМ. Все они были посвящены истории революции 1905 г.³⁶ В отделе «Преподавание истории» была опубликована статья Фридлянда о Всероссийской методической конференции преподавателей истории в совпартшколах, состоявшейся в январе 1926 г. Отдел «Библиография» включал наряду с обзорами исторической литературы по крупным проблемам обзоры отечественной исторической периодики³⁷. В дальнейшем регулярно печатались обзоры иностранных исторических журналов (этим «Историк-марксист» выгодно отличался в лучшую сторону от других советских периодических изданий). Например, обзоры «Пролетарской революции» носили выборочный характер (применительно к истории трех русских революций и истории партии). Особенностью обзоров «Историка-марксиста» была характеристика всей тематики исследований и документальных публикаций того или иного журнала. Однако в отделе «Библиография» первого номера «Историка-марксиста» рассматривались главным образом работы по истории революционного и национально-освободительного движения³⁸.

В целом обзоры исторических журналов как в «Историке-марксисте», так и в «Пролетарской революции» не отличались глубиной характеристик и были скорее развернутыми аннотациями с элементами критики.

Наибольшее количество материалов первого номера «Историка-марксиста» было посвящено истории революции 1905 г. Кроме указанных выше докладов в ОИМ, в журнале была помещена статья М. П. Павловича «Революция 1905 года и Восток» (заметки о ней содержались уже в первых вариантах но-

³⁶ П. Горин. Чем были Советы рабочих депутатов в 1905 г.?; С. Дубровский. Крестьянство в революции 1905 г.— «Историк-марксист», 1926, № 1; С. Черномордик. Декабрьское вооруженное восстание.— Там же.

³⁷ А. Шестаков. Обзор исторических журналов. Русские исторические журналы конца 1925 — начала 1926 г.— Там же.

³⁸ Л. Мамет, рец.: П. Шеголев, Петрашевцы; Ю. Бочаров, рец.: Календарно-хроника событий 1905 г.; А. Шестаков, рец.: Б. Граве. К истории классовой борьбы в России.— Там же.

мера). Автор статьи остановился на политических и экономических предпосылках национально-освободительного движения в Персии, Турции, Индии, Китае, на характеристике 1905 г. в России как отправного пункта освободительного движения на Востоке.

По второй из намеченных тем — восстанию декабристов — оказалась опубликованной лишь одна статья об Обществе соединенных славян. Автор ее — М. В. Нечкина представила автореферат монографии на тему, до того не исследованную в декабристоведении. В отделе «Материалы» были опубликованы письма видного деятеля Южного общества Василия Давыдова. Хронологически письма относились к сибирскому периоду жизни декабристов. Публикацию подготовил литературовед, профессор Н. К. Пиксанов. Это была одна из публикаций предполагавшейся в журнале серии публикаций материалов декабристского движения. Археографический уровень ее высок.

С созданием журнала «Историк-марксист» советские историки-западники получили возможность оперативной публикации результатов своих исследований. Журнал начал с освещения таких важных тем всеобщей истории, как история Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. и история Парижской Коммуны.

В плане разработки периодизации Французской революции интересна статья Г. С. Фридлянда о классовой борьбе в июне—июле 1793 г., в которой автор частично использовал материалы, подготовленные для своей книги «Ж.-П. Марат». Новизной в постановке проблемы отличалась статья К. Добролюбского о термидорианской реакции с оценкой характера событий 27 июля 1794 г.³⁹ Журнал явился, таким образом, инициатором разработки проблемы термидора. Изучение этой проблемы было актуальным в условиях борьбы с буржуазными и троцкистскими фальсификациями истории социалистической революции в России. Со страниц журнала «Историк-марксист» обсуждение проблемы термидора было перенесено в ОИМ. В течение двух заседаний (27 января и 3 февраля 1927 г.) обсуждался доклад Фридлянда о 9 термидоре. Против попытки автора доказать неизбежность термидорианской реакции выступили участники дискуссии А. Д. Удальцов, Н. М. Лукин, С. М. Моносов, С. Д. Кунииский⁴⁰. Отвергая основные положения доклада, они отметили в то же время наличие новых, чрезвычайно интересных данных, в частности для характеристики финансовой политики революционного правительства и классовой борьбы вокруг нее. Дискуссия была продолжена на открытом заседании секции истории Запада ОИМ 8 марта 1928 г., где с докладом о финансовом законодательстве термидорианского Конвента выступил К. Доб-

³⁹ «Историк-марксист», 1926, № 1.

⁴⁰ «Историк-марксист», 1927, № 5, стр. 278.

ролюбский. Исследовав тщательным образом значительный круг французских источников, автор пришел к выводу, что тяжесть финансовой политики падала на широкие слои населения⁴¹. Материалы обеих дискуссий были подробно изложены в журнале. Статьи К. Добролюбского и П. Щеголева, одна из которых была опубликована в «Историке-марксисте»⁴², подготовили появление в 1930 г. первых монографий о термидоре. Интерес к проблеме термидора наблюдался и во французской историографии. В «Историке-марксисте» был опубликован ряд рецензий и критических статей Н. М. Лукина, Н. П. Фрейберг, С. М. Моносова на работы видного исследователя Французской революции конца XVIII в. А. Матъеза⁴³.

Не менее популярной в «Историке-марксисте» была тема Парижской Коммуны 1871 г. Первый номер журнала открывался статьей О. Л. Вайнштейна «Парижская Коммуна и Французский банк». Исследователь пришел к выводу, что отказ коммунаров от конфискации денежных богатств буржуазии явился одной из причин поражения Коммуны. В том же номере журнала Вайнштейн выступил с библиографическими заметками о научной разработке истории Коммуны в советской историографии.

Появление первого номера «Историка-марксиста» было положительно встречено советской исторической общественностью, опубликованные в нем исследования получили высокую оценку в журнале «Большевик»⁴⁴.

Содержание первого номера журнала, его авторский состав обеспечили успех всему изданию. Строгий тематический отбор, оригинальный характер исследований, их высокий научный уровень, актуальность были положены в основу работы редколлегии журнала. В своей деятельности редакция журнала опиралась на помощь и поддержку ОИМ.

Уже в ходе подготовки первого номера журнала вопрос о нем был вынесен на общее собрание членов ОИМ. 15 февраля 1926 г. на собрании Общества выступил ответственный редактор журнала А. В. Шестаков. Текст доклада не сохранился, но тезисы дают наглядное представление о той работе, которая была проведена. В тезисах определены цель и направление нового издания, размеры, сроки выпуска, условия издания и распространения. Специальные пункты касались содержания № 1 и 2. Подробно останавливался Шестаков и на недочетах, отметив слабую организацию, недостаток авторов для намеченных статей, рецензий, научной хроники. Необходим такой журнал, делал вывод Шестаков, в котором научно разрабатывались бы вопросы

⁴¹ «Историк-марксист», 1928, № 7.

⁴² П. П. Щеголев. К характеристике экономической политики термидора.— Там же, 1927, № 4.

⁴³ «Историк-марксист», 1928, № 7, 10; 1930, № 15.

⁴⁴ «Большевик», 1926, № 23—24.

истории, объединялись научные силы марксистов и разбирались критически работы буржуазных историков⁴⁵.

Выступившие на собрании Н. Н. Авдеев, С. Д. Кунисский, В. П. Полонский, председательствовавший на собрании М. П. Павлович подчеркнули необходимость создания журнала, центральным стержнем которого должны стать вопросы методологии. Одну из основных задач журнала члены Общества видели в пропаганде достижений советской исторической науки. В своем выступлении Г. С. Фридлянд привел примеры полного незнания советской исторической науки за рубежом. Даже такой историк, как А. Матъез, с сочувствием относившийся в то время к Советскому Союзу, считал «Анналы» (1922—1924 гг., орган Российской Академии наук) единственным журналом русской исторической мысли и как на новинки указывал на книги Н. И. Кареева и Е. В. Тарле, изданные еще до Октябрьской революции⁴⁶.

Резолюция собрания была короткой и определенной: «Признать необходимым скорейший выпуск журнала»⁴⁷.

За время существования ОИМ журнал и его редакционные дела были неоднократно предметом обсуждения на общих собраниях, заседаниях Совета ОИМ и его президиума. Особенно пристально занималось руководство Общества журналом в период его становления: «Центром внимания работы Общества,— говорилось в специальной резолюции общего собрания от 5 марта 1926 г.,— должен стать журнал»⁴⁸.

Своего рода подведением первых итогов работы «Историка-марксиста» явилось общее собрание Общества от 29 апреля 1927 г. К этому времени было издано три книги журнала, что дало возможность ответственному редактору Шестакову выступить с развернутым докладом. Анализируя состав статей, круг проблем, поднятых в журнале, Шестаков приходил к выводу, что журнал отражал работу ОИМ с его достижениями и недостатками: на первом месте стояла русская история, слабее была представлена история Запада и очень плохо — история Востока. Почти половина опубликованных статей была по отечественной истории, треть — по всеобщей (главным образом по истории Франции), и лишь небольшая часть (17%) — по истории Востока⁴⁹.

В докладе секретаря Общества П. О. Горина, в выступлениях по докладам была отмечена положительная работа библиографического отдела журнала. Таким образом, журнал последовательно осуществлял задачу пропаганды достижений советской историографии и критику буржуазной исторической науки.

В плане научно-исследовательском ведущими проблемами журнала того времени стали проблемы классовой борьбы и рево-

⁴⁵ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 14, л. 34; ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 1.

⁴⁶ Там же, д. 2, лл. 206—208.

⁴⁷ Там же, д. 14, л. 35; д. 2, л. 206.

⁴⁸ Там же, д. 2, л. 201 об.

⁴⁹ «Историк-марксист», 1927, № 4, стр. 276.

люционного движения. Тематика статей в основном определялась тематикой докладов, прочитанных в Обществе. Такое увлечение докладами было вызвано отчасти особенностями того этапа развития марксистской исторической науки, когда результаты исследований проходили проверку в коллективных обсуждениях и дискуссиях, и вместе с тем и недостатком кадров, отсутствием должного количества оригинальных статей.

Справедливыми были упреки читателей в адрес редакционной коллегии, отмечавших, что в журнале появлялись статьи слабые или случайные. В то же время современники отмечали популярность, успех нового издания среди научных работников, преподавателей, методистов-историков. Редколлегия сумела выбрать проблематику, которая больше всего отвечала интересам советской исторической науки и классовой борьбы. Самостоятельность редколлегии внутри ОИМ, утвердившаяся с первых дней существования журнала, не только не ослабляла связи с ОИМ, но придавала этим связям творческий характер.

Будучи трибуной ОИМ, журнал пропагандировал научную работу его секций и комиссий, помещая на своих страницах результаты проводимых исследований, стенографические отчеты о научных заседаниях, отдельные доклады, статьи. Из 165 докладов, прочитанных в ОИМ в 1925—1932 гг., 85 в той или иной форме были опубликованы в журнале, т. е. 50% общего числа. В разные годы соотношение прочитанных в ОИМ и опубликованных в «Историке-марксисте» докладов составляло ⁵⁰:

	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
%	70	60	55	51	50	50	50

Эти показатели свидетельствовали о постоянной связи журнала с ОИМ на протяжении всего существования общества. В то же время очевидно, как по мере развития и упрочения самого «Историка-марксиста» появлялись новые источники, откуда черпался материал для журнала.

Единство действий редколлегии журнала и руководства Обществом неоднократно проявлялось при обсуждении узловых проблем советской историографии. Среди ведущих тем «Историка-марксиста», так же как и ОИМ, были: Великая Октябрьская социалистическая революция, первая русская революция 1905—1907 гг., Французская революция конца XVIII в., история общественно-политической мысли, историография. На первых порах внимание редколлегии журнала привлекало прежде всего доклады, посвященные юбилеям историко-революционных событий или общественно-политических деятелей. Празднование таких юбилейных дат было своеобразной формой пропаганды марксистского взгляда на историю.

⁵⁰ Подсчеты проведены по данным: Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 69, лл. 1—3, «Историк-марксист», 1926—1932, № 1—28.

Важным событием в жизни страны второй половины 20-х годов XX в. явилось празднование 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Уже с осени 1925 г. работала назначенная ЦК ВКП(б) Комиссия по празднованию 10-летнего юбилея революции. В ее состав были включены видные деятели партии и революционного движения, в том числе С. А. Бубнов, С. И. Гусев, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, В. П. Милютин, М. Н. Покровский, И. В. Сталин, Я. А. Яковлев, В. В. Адоратский и др.⁵¹ 26 августа 1927 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О подготовке к празднованию 10-летия Октябрьской революции». К постановлению прилагались тезисы «Об основных моментах устной и печатной агитации и пропаганды в связи с подготовкой празднования 10-летия Октябрьской революции». В тезисах рекомендовано было широко освещать на собраниях и в печати как важнейшие исторические факты сентября — октября 1917 г., так и местные революционные события⁵².

На собрании членов ОИМ 5 марта 1926 г. было принято решение об участии членов Общества в работе юбилейной комиссии и прежде всего в литературной подкомиссии. Наибольшее внимание было решено уделить разработке первого периода революции, т. е. «самой Октябрьской революции, которая охватывала и предшествующий период с начала 1917 г.»⁵³. Работу возглавили М. Н. Покровский и Я. А. Яковлев. В течение 1926—1927 гг. в Обществе было проведено пять заседаний, посвященных истории Октябрьской революции. Материалы двух из них в переработанном виде были опубликованы в журнале «Историк-марксист». Среди них статья М. Н. Покровского «Буржуазная концепция пролетарской революции», где дан критический разбор книги П. Н. Милюкова «Распад России»⁵⁴. Доклад А. В. Шестакова о крестьянских организациях в первой половине 1917 г. был положен им в основу статьи «Всероссийский крестьянский союз», опубликованной в 1927 г. в журнале⁵⁵. Исследование архива журнала показало, что редколлегия предполагала опубликовать материалы всех заседаний и прежде всего по теме «В. И. Ленин и Октябрьское вооруженное восстание» (заседание состоялось 11 ноября 1927 г.). Намечалась публикация материалов заседания Общества, посвященных Февральской революции⁵⁶. Заседание по

⁵¹ «Пролетарская революция», 1925, № 12, стр. 265.

⁵² «Справочник партийного работника», вып. 6, т. I. М.—Л., 1928, стр. 705, 706.

⁵³ «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 320. По предложенной комиссией периодизации изучение Октябрьской революции должно было идти по трем этапам: изучение самой революции, изучение военного коммунизма (руководитель Л. Н. Крицман), изучение нэпа (руководитель В. П. Милютин).

⁵⁴ «Историк-марксист», 1927, № 3.

⁵⁵ Там же, № 5.

⁵⁶ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 69, л. 1 об.

этой теме в ОИМ 28 февраля 1927 г.⁵⁷ совпало с публикацией постановления ЦК ВКП(б) об ознаменовании 10-летия Февральской революции⁵⁸.

Ранее уже отмечалось участие журнала в юбилее, посвященном 20-летию первой русской революции 1905—1907 гг. В еще больших масштабах было организовано празднование 25-летия революции. Осенью 1929 г. Совет Общества создал юбилейную комиссию в составе С. С. Бантке, П. О. Горина, Е. П. Кривошеиной, В. Н. Максимова, А. М. Панкратовой, А. В. Шестакова, Е. М. Ярославского. Возглавил комиссию М. Н. Покровский⁵⁹. Было принято решение о публикации прочитанных в ОИМ докладов по истории революции 1905 г. в журнале. Однако при проведении юбилея основное внимание членов Общества было привлечено к массовой работе. По решению ЦК ВКП(б) и МК партии для чтения докладов было мобилизовано 120 человек⁶⁰. Члены ОИМ П. Горин, А. Панкратова, С. Сеф, Г. Фридлянд, А. Шестаков⁶¹ приняли участие в подготовке тезисов Культпропа ЦК ВКП(б) «К 25-летию юбилею революции 1905 г.», которые были опубликованы в декабре 1930 г.⁶² Научных заседаний было проведено шесть, одно — совместно с Комакадемией. Был заслушан доклад Ем. Ярославского «Опыт вооруженного восстания 1905 г. в свете учения Маркса—Ленина»⁶³. Редколлегия предполагала опубликовать этот доклад в юбилейном номере журнала⁶⁴. Но опубликованной оказалась только статья Шестакова «Сельские рабочие — движущая сила революции 1905 г.», в основе которой лежал доклад, прочитанный в ОИМ⁶⁵. Обсуждение проблем революции 1905—1907 гг. в советской историографии приняло дискуссионный характер. В ряде периодических изданий («Большевик», «Пролетарская революция», «Историк-марксист» и др.) развернулась дискуссия о характере и движущих силах первой русской революции и о Советах рабочих депутатов⁶⁶. Указанная статья Шестакова явилась частью этой дискуссии⁶⁷.

Активное участие принял журнал «Историк-марксист» в дискуссии об исторической роли партии «Народная воля». Дискуссия возникла в период организации 50-летнего юбилея «Народной воли». В ней, как и в подготовке самого юбилея, приняли

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «Известия ЦК ВКП(б)», 1927, № 7—8, стр. 6.

⁵⁹ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 32, л. 142.

⁶⁰ Там же, д. 112, л. 5.

⁶¹ Там же, д. 102, л. 19.

⁶² «Правда», 10 декабря 1930 г.

⁶³ «Правда», 20 декабря 1930 г.

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 26, л. 1.

⁶⁵ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 102, л. 20.

⁶⁶ «Пролетарская революция», 1930, № 11; 1931, № 2—3; «Правда», 7 апреля 1931 г.; «Большевик», 1931, № 7—9 и др.

⁶⁷ «Историк-марксист», 1930, № 20.

участие члены Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, ОИМ, сотрудники Комакадемии, Института Ленина и др. Специальным постановлением президиума Комакадемии предусматривалась публикация различного рода материалов о «Народной воле» в журналах Академии⁶⁸. Это решение было подтверждено Советом ОИМ. Члены Общества Б. Горев, В. Малаховский, В. Невский вошли в Комитет по юбилею⁶⁹. Секцией по истории ВКП(б) и ленинизма ОИМ был организован ряд заседаний по обсуждению спорных вопросов о роли и значении «Народной воли». Материалы этих обсуждений были полностью опубликованы в журнале «Историк-марксист»⁷⁰.

Заметное место в «Историке-марксисте» заняли доклады Общества, посвященные памятным датам общественно-политических деятелей, русских и зарубежных революционеров.

В мае 1926 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) предложило Комакадемии отметить 50-летнюю годовщину со дня смерти М. А. Бакунина⁷¹. В состав комиссии вошли члены ОИМ В. П. Полонский и Н. М. Лукин⁷². В журнале были опубликованы статьи ведущих исследователей Бакунина — В. Полонского и Ю. М. Стеклова⁷³. Широкое освещение в «Историке-марксисте» получила работа ОИМ по организации празднования 100-летия со дня рождения революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. В течение 1928 г. состоялось три заседания Общества, на которых были заслушаны доклады Ю. Стеклова о политических воззрениях Чернышевского; М. Н. Покровского — о Чернышевском как историке и связях Чернышевского с крестьянским движением конца 50-х годов XIX в.; Б. И. Горева — об отношении Чернышевского к революционным войнам и вооруженным восстаниям⁷⁴. Доклады и прения по ним были опубликованы в «Историке-марксисте»⁷⁵.

Откликнулся журнал и на заседания ОИМ, посвященные 50-летию со дня смерти русского историка демократического направления А. П. Щапова, 50-летию со дня смерти французского революционера Огюста Бланки и др.⁷⁶

Доклады в ОИМ носили творческий характер, касались неисследованных или малоизученных в марксистской историографии

⁶⁸ Архив АН СССР, ф. 370, оп. 1, д. 52, лл. 8—9; «Вестник Комакадемии», 1929, № 34(4), стр. 258.

⁶⁹ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 32, л. 143. В состав комитета входили М. Н. Покровский, П. О. Горин, Н. К. Крупская, Д. Б. Рязанов. Председателем был Ем. Ярославский («Вестник Комакадемии», 1929, № 34(4), стр. 258).

⁷⁰ «Историк-марксист», 1930, № 15.

⁷¹ «Правда», 26 мая 1926 г.

⁷² Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 8, л. 223.

⁷³ В. Полонский. Бакунин и I Интернационал.— «Историк-марксист», 1926, № 2; Ю. Стеклов. Бакунин и подготовка нечаевского дела.— Там же.

⁷⁴ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 69, л. 2.

⁷⁵ «Историк-марксист», 1928, № 8, 10.

⁷⁶ Там же, 1927, № 3; 1931, № 20.

проблем. Переход с конца 20-х годов к планомерной научно-исследовательской работе явился для Общества закономерным. Это давало возможность ставить и разрешать крупные теоретико-методологические проблемы отечественной и всеобщей истории, что как нельзя лучше отвечало требованию XVI съезда партии об усилении внимания к вопросам теоретической работы и научного исследования⁷⁷.

Значительным событием в жизни ОИМ явилась I Всесоюзная конференция историков-марксистов, нацелившая на дальнейшее развертывание научно-исследовательской работы⁷⁸. Базой научной работы, проводимой в Обществе, должны были стать его секции и комиссии.

Изучение сохранившихся архивных материалов, планов, отчетов секций и комиссий, знакомство с печатной продукцией убеждает, что организации ОИМ в целом справлялись с поставленными перед ними задачами.

При всем тематическом разнообразии научно-исследовательская работа секций и комиссий велась прежде всего под углом зрения борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, с различного рода попытками троцкистско-меньшевистской фальсификации истории и прежде всего методологических проблем изучения истории.

Интерес буржуазных ученых к теоретическим основам исторического познания носил на себе печать кризиса буржуазной исторической науки, как и буржуазного общества в целом, усилившегося в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Советские историки противопоставили буржуазной социологии свое марксистское мировоззрение. В этой связи большой интерес представляла состоявшаяся в феврале 1929 г. в социологической секции ОИМ дискуссия о марксистском понимании социологии. Стенограмма в полном объеме была опубликована в журнале «Историк-марксист»⁷⁹.

Наибольшие споры развернулись по вопросам, уместно ли вообще применять термин «марксистская социология» и в чем его суть. Большинство высказалось за правомерность термина «марксистская социология». Часть выступавших показала, что исторический материализм и есть социология (В. Б. Аптекарь, И. П. Разумовский, А. В. Ефимов). П. И. Кушнер, в основном согласившись с этим определением, уточнил его, введя понятие «конкретная социология». А. Д. Удальцов высказался против употребления термина «социология» по отношению к историче-

⁷⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III. М., 1954, стр. 18—19.

⁷⁸ «Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. II. М., 1930, стр. 609—612.

⁷⁹ «Историк-марксист», 1929, № 12.

скому материализму, считая, что последний шире, чем социология, или, как он ее назвал, «теория общественного развития». Употребление термина «марксистская социология», сделал вывод Удальцов, возможно только по отношению к части исторического материализма, а именно к историческому материализму как теории исторического процесса. Отличие марксистской социологии историки-марксисты видели в том, что она оперировала понятием «социально-экономическая формация», изучала общество не вообще, а конкретные общественные формации, одновременно вырабатывая общие законы, которые позволяли установить переходы от одной формации к другой. В выступлениях А. Удальцова и А. Ефимова была выдвинута формула: «История должна быть социологической, социология — историчной». Это означало, что социология формулировала свои законы на основании конкретных данных исторической науки, а изучение конкретной истории включало в себя известные обобщения.

В заключительном слове В. Н. Максимовского была высказана неудовлетворенность результатами дискуссии, отмечена ее односторонность, ибо не выступили противники понимания социологии как науки или научной теории, не разрешен был вопрос, должна ли марксистская социология заниматься общими вопросами исторического материализма или изучением отдельных общественно-экономических формаций.

Редакция «Историка-марксиста» ограничилась ролью публикатора материалов без комментариев или редакционных примечаний. Оценивая в целом дискуссию, нужно сказать, что при всей ее незавершенности она во многом предвосхитила современные споры о социологии и ее содержании, нацелила историков-марксистов на творческое применение категорий общественно-экономических формаций, на изучение теоретических вопросов исторической науки.

Эти же вопросы находились в центре внимания при обсуждении книги Д. М. Петрушевского «Очерки экономической истории средневековой Европы» (М., 1928).

К тому времени Д. М. Петрушевский был признанным главой русских медиевистов, ученым с мировым именем. Книга его имела большое общественное значение. Тем более необходимо было дать ей правильную с точки зрения марксистской науки оценку, вскрыть ее методологические недостатки.

На заседаниях социологической секции ОИМ 30 марта и 6 апреля 1928 г. состоялась оживленная дискуссия по проблемам, выдвинутым в книге, и в целом об отношении к современной западноевропейской социологии. Журнал «Историк-марксист» опубликовал подробную стенограмму заседаний, ознакомив с этой важной дискуссией широкие исторические круги общественности и тем самым расширив ее рамки⁸⁰. Непосредственно к дискус-

⁸⁰ «Историк-марксист», 1928, № 8.

сии примыкала статья М. Н. Покровского о новых течениях в русской исторической литературе, в которой содержались основные положения его выступления⁸¹.

Философские взгляды Петрушевского нашли свое отражение во вводной главе «Очерков». Еще до выхода в свет книги эта глава обсуждалась на заседании ученого совета Института истории РАН ИОН⁸². Протокол обсуждения сохранился не полностью, однако очевидно, что тогда же вводная глава книги подверглась критике со стороны А. Д. Удальцова. Основное разногласие Удальцов видел в различном понимании структуры общих понятий. По мнению Удальцова, они объективны. Петрушевский же был убежден в субъективности общих понятий, а это, по мнению Удальцова, восходило к Контю. Сам Петрушевский в заключительном слове подтвердил, что брал у западноевропейских философов (Риккерта, Вебера и др.) то, что «необходимо для собственных целей»⁸³.

В ходе обсуждения в ОИМ взгляды Петрушевского были квалифицированы как эклектические. Автор предпринял попытку объединить риккертанство с взглядами Вебера. В области конкретных построений Петрушевский примыкал к Допшу. Вся конкретно-историческая часть книги могла служить иллюстрацией к общим положениям автора. Из-за неправильного методологического подхода научная ценность этих глав значительно снижалась, хотя Петрушевский владел источниками и использовал все достижения европейской историографии. Дискуссия показала, что Петрушевский в своей книге ушел далеко от материализма, к которому приближался в своих дореволюционных работах. В этой оценке выступавшие историки-марксисты (П. И. Кушнер, С. С. Кривцов, Г. С. Фридлянд, А. Д. Удальцов, В. Б. Аптекарь и М. Н. Покровский) были единодушны⁸⁴.

С неудачными попытками защитить Петрушевского выступили Е. А. Косминский и А. И. Неусыхин. Будучи его учениками, они находились под сильным влиянием научного авторитета Петрушевского и не смогли тогда критически оценить книгу, не увидели ее методологической направленности.

Подводя итоги дискуссии, Фридлянд подчеркнул, что она означала борьбу против всякого рода нападков на марксизм со стороны модных западноевропейских философских школ и их русских последователей⁸⁵. Книга показала кризис исторического мышления буржуазной науки, не прекращавшей борьбы с марксизмом.

⁸¹ Там же.

⁸² Государственный архив РСФСР, ф. 4655, оп. 1, д. 174, лл. 12—13.

⁸³ Там же, л. 13.

⁸⁴ «Историк-марксист», 1928, № 8.

⁸⁵ Современные исследователи дают высокую оценку дискуссии по книге Д. Петрушевского (см., например, «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, гл. II (автор Л. В. Черепнин)).

Дискуссия по книге Петрушевского послужила началом развернутого наступления советских историков на буржуазную историографию. В социологической секции ОИМ состоялся доклад В. Сергеева о новых буржуазных течениях⁸⁶. В виде критической статьи доклад был опубликован в журнале «Историк-марксист»⁸⁷. Серия докладов о политических и научных взглядах современных французских буржуазных историков состоялась в секции истории Запада и Америки⁸⁸. Часть материалов этих заседаний в виде обзоров, критических статей, рецензий была опубликована в «Историке-марксисте», в частности об А. Оларе и А. Матъезе⁸⁹.

В декабре 1930 г. состоялось открытое заседание методологической секции Общества, на котором были заслушаны критические обзоры трудов послеоктябрьского периода историков буржуазного направления В. П. Бузескула, Н. И. Кареева, Д. М. Петрушевского, Е. В. Тарле⁹⁰. Стенограмма заседания была помещена в одном из номеров журнала. Обсуждению подверглись теоретические основы и методологические взгляды упомянутых историков. В выступлениях С. С. Кривцова, В. М. Далина, Ф. В. Потемкина, А. С. Нифонтова, Г. С. Фридлянда, Р. А. Авербух, Н. П. Фрейберг и других содержался конкретный анализ отдельных исторических работ упомянутых буржуазных историков. В своем вступительном слове Н. М. Лукин отметил значительное оживление антимарксистских течений внутри страны и за рубежом и подчеркнул, что главная задача момента — консолидация марксистских сил в борьбе с чуждыми марксизму историческими концепциями. Он подробно проанализировал процесс дифференциации буржуазных историков в послеоктябрьский период, охарактеризовал ту часть, которая, не являясь марксистской, стремилась в своем творчестве стать на позиции марксизма. Лукин призвал всемерно помогать этим историкам (или, как их тогда называли, «попутчикам») в сближении с марксистской теорией.

Подобное отношение к той части буржуазных историков, которая сразу признала революцию и честно отдавала свои знания Советскому государству, стало традицией для журнала «Историк-марксист».

Борьба с буржуазной и мелкобуржуазной историографией не могла быть успешной без систематической научной разработки отдельных вопросов истории и ее методологии в духе марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе. Подготовка

⁸⁶ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 438, л. 2.

⁸⁷ В. Сергеев. Западная социология в период «высокого» и «организованного» капитализма.— «Историк-марксист», 1929, № 12.

⁸⁸ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 69, л. 2 об.; д. 138, л. 24.

⁸⁹ «Историк-марксист», 1928, № 10; 1930, № 15.

⁹⁰ Там же, 1931, № 21.

и проведение историко-революционных юбилеев практически являлись шагом вперед в постановке и исследовании крупных проблем истории революционного движения. Творческие дискуссии о Н. Г. Чернышевском, партии «Народная воля» и др., организованные ОИМ, открыли собой полосу дискуссий по важнейшим проблемам отечественной и всеобщей истории.

По инициативе Общества была начата дискуссия о социально-экономических формациях, которая оказала значительное влияние на развитие советской историографии. Проблема общественно-экономических формаций была не только важной теоретической проблемой, но имела большое практическое и политическое значение для международного рабочего и коммунистического движения. Предшественниками обсуждений конца 20-х — начала 30-х годов XX в. были начавшиеся в середине 20-х годов дискуссии об общественном строе в странах Востока, в первую очередь в Китае. Члены ОИМ принимали участие в этих дискуссиях, развернувшихся главным образом в востоковедческих центрах страны.

Большое методологическое значение для исторической науки имела публикация в начале 1929 г. в газете «Правда» лекции В. И. Ленина «О государстве», прочитанной им в Свердловском университете 11 июля 1919 г.⁹¹ В ленинской работе в концентрированном виде содержалась марксистская концепция всемирной истории, была дана характеристика основных черт социально-экономических формаций.

Востоковедческая секция Общества наметила серию докладов по феодализму на Востоке. Предполагалось провести в мае 1929 г. обсуждение доклада С. М. Дубровского⁹². К этому времени была издана его книга «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала» (М., 1929). В организации обсуждения должна была принять участие и социологическая секция Общества, в планах которой изучение формаций занимало ведущее место⁹³. Доклад Дубровского привлек внимание большого числа слушателей ИКП, комвузов, научно-исследовательских учреждений. Обсуждение шло на протяжении трех заседаний⁹⁴.

Стенограмма заседаний, за исключением доклада Дубровского, была опубликована в «Историке-марксисте»⁹⁵. В своем выступлении Дубровский повторил десять формаций своей схемы. Критика его была направлена против сторонников так называемого «азиатского» способа производства. В дискуссии середины 20-х годов об общественном строе стран Востока фигурировала

⁹¹ «Правда», 18 января 1929 г.; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 64—84.

⁹² Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 32, л. 171.

⁹³ Там же, д. 440, л. 7.

⁹⁴ «Историк-марксист», 1929, № 13, стр. 278.

⁹⁵ Там же, 1930, № 16.

теория о существовании на Востоке особого, «азиатского», способа производства (прежде всего в Индии и Китае). Специфическими чертами этой формации объявлялись устойчивость общины на Востоке, отсутствие частной собственности на землю, сосредоточение в руках государства надзора и контроля за ирригационной системой, деспотизм как форма правления плюс разветвленный бюрократический аппарат, эксплуатация непосредственных производителей через ренту-налог. Выступая против этой концепции, Дубровский отрицал возможность специфически «азиатского» способа производства. Ни одна из перечисленных черт, по мнению Дубровского, принципиально не отличала «азиатский» способ от феодализма или рабовладения. В одних случаях преувеличивалось значение географического фактора в истории (например, роль искусственного орошения). Соседская община, соединение земледелия с домашней промышленностью, как писал Дубровский, свойственны феодальному обществу так же, как и существование деспотии⁹⁶.

Концепции «азиатского» способа производства было противопоставлено существование на Востоке феодализма.

Начавшаяся по книге Дубровского дискуссия расширила рамки споров как в хронологическом, так и в географическом отношении; были поставлены вопросы смены общественно-экономических формаций в России, Индии, Иране, Афганистане и других странах.

Точка зрения Дубровского по вопросу об «азиатском» способе производства была поддержана А. Д. Удальцовым, А. Мухарджи, речи которых были направлены против «азиатчиков»⁹⁷.

Категорические возражения участников дискуссии вызвала попытка Дубровского представить крепостничество как самостоятельную общественно-экономическую формацию, промежуточную между феодальной и капиталистической. Выделяя общественную формацию способом производства, Дубровский в основе феодального способа производства видел лишь индивидуальное мелкое хозяйство крестьянина, а для периода крепостничества — барщинное хозяйство, в то время как и крестьянский надел, и барское хозяйство составляют элементы феодального поместья. Тем самым Дубровский разорвал единую феодальную формацию на две самостоятельные. По мнению выступившего в прениях Удальцова, это произошло потому, что Дубровский характеризовал свои формации, в частности феодализм, статически, а не диалектически — «в его развитии, в связи с конкретными общественными условиями»⁹⁸.

⁹⁶ С. М. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929, стр. 28—51.

⁹⁷ «Историк-марксист», 1930, № 16, стр. 110, 117.

⁹⁸ Там же, стр. 120.

Принимавшие участие в обсуждении А. И. Малышев, И. И. Минц, И. Л. Татаров уделили внимание вопросу о своеобразии русского феодализма. В частности, Малышев видел это своеобразие в чрезвычайно медленном развитии феодализма в России, и поэтому, по его мнению, «классическим феодализмом с точки зрения его экономического развития приходится считать крепостничество»⁹⁹. Именно это своеобразие и толкало ряд советских историков на признание промежуточной формации, будь то формация торгового капитала или крепостническая формация, существование которой относилось к XVII—XVIII вв.

Обсуждение показало, что работа Дубровского во многом колебала позиции сторонников теории торгового капитала. Единодушно были подвергнуты критике и методологические ошибки Дубровского в определении крепостничества как формации. Однако, как заявил в заключение председательствовавший П. Кушнер, вопрос остался открытым. Дискуссия поставила перед советскими историками новые задачи, привлекала их внимание к изучению и разработке таких теоретических понятий, как «формация», «способ производства», «уклад».

Дискуссия явилась важной вехой в овладении советскими историками наследием классиков марксизма-ленинизма. В этом плане типичным был прочитанный доклад А. Ефимова «Концепция общественно-экономических формаций у Маркса и Энгельса, их взгляды на структуру восточных обществ»¹⁰⁰. Стенограмма заседания была опубликована в «Историке-марксисте»¹⁰¹. В докладе были систематизированы высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по общим вопросам теории общественно-экономических формаций, дано определение Марксом формации и соотношения между формацией и укладом¹⁰².

Попытка дать анализ взглядов Маркса и Энгельса в развитии, проследить источники, на которые опирались они, была встречена слушателями с удовлетворением. Обсуждение коснулось и общих вопросов теории формации. Выступившие в прениях И. Трахтенберг, И. Минц, М. Зоркий, Я. Резвушкин, С. Дубровский и другие подчеркивали, что учение классиков марксизма о социально-экономических формациях дало объективный критерий для разработки отдельных эпох истории общества¹⁰³.

Говоря о большом положительном значении дискуссии об общественно-экономических формациях (1929—1931 гг.)¹⁰⁴, нельзя

⁹⁹ Там же, стр. 106.

¹⁰⁰ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 69, л. 3 об.

¹⁰¹ «Историк-марксист», 1930, № 16.

¹⁰² Там же, стр. 134.

¹⁰³ Там же, стр. 137—159.

¹⁰⁴ Высокая оценка дискуссиям конца 20-х — начала 30-х годов XX в. об общественно-экономических формациях содержится в ряде работ совре-

не сказать о последствиях, которые они имели для журнала «Историк-марксист». В начале 30-х годов журнал обратился к разработке конкретно-исторических проблем феодальной формации, прежде всего русской истории.

В разгар обсуждения книги Дубровского и как ответ на нее была опубликована в «Историке-марксисте» статья А. И. Малышева «О феодализме и крепостничестве»¹⁰⁵. Статья содержала характеристику основных черт феодализма как общественно-экономической формации и условий, определивших развитие в России крепостничества. Однако ряд неверных положений автора вызвал споры. Предполагалось обсуждение статьи в Институте Красной профессуры, выпускником которого был автор статьи, но секретариат ОИМ постановил перенести дискуссию по статье Малышева в Общество¹⁰⁶. Материалов этого обсуждения (если оно состоялось) не сохранилось. В журнале «Историк-марксист» были опубликованы лишь статьи М. Зеленского и Э. Газганова с критикой отдельных положений концепции Малышева¹⁰⁷. В частности, автора упрекали в преувеличении роли крепостничества в разложении феодализма и внедрении товарности в сельское хозяйство.

С начала 30-х годов все большее внимание советской и партийной общественности стала привлекать история национального вопроса. Усилился интерес историков-марксистов к изучению истории народов СССР. До сих пор этими проблемами в ОИМ занималась секция по истории Востока. Естественно, наибольшее внимание в ней уделялось восточным районам нашей страны. В журнале «Историк-марксист» получили отражение заседания секции, на которых обсуждались вопросы колониальной политики царского правительства в Средней Азии, классовой борьбы в Туркестане и др.¹⁰⁸

ОИМ и журнал регулярно поддерживали связи с востоковедческими учреждениями и учебными заведениями Москвы, с их преподавателями, научными сотрудниками, учащимися. К ним обратилось Общество и в октябре 1931 г. в связи с расширением планов по изучению истории народов СССР. Письмо было адресовано в Комуниверситеты трудящихся Востока, национальных

менных исследователей (Л. В. Данилова. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма.— «Исторические записки», т. 76; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, гл. II (автор Л. В. Черепнин). М., 1966).

¹⁰⁵ «Историк-марксист», 1930, №№ 15, 16.

¹⁰⁶ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 102, л. 1.

¹⁰⁷ М. Зеленский. О двух «новых» теориях происхождения и сущности крепостного хозяйства России.— «Историк-марксист», 1930, № 20; Э. Газганов. Против ревизии марксистско-ленинского учения о феодализме и крепостничестве.— Там же, 1931, № 22.

¹⁰⁸ «Историк-марксист», 1928, № 9 (докладчик П. Г. Галузо), 1929, № 11 (докладчик М. М. Цвибак).

меньшинств, Институт народов Советского Востока и содержало просьбу о постоянной подробной информации о планах исследовательской работы в этой области¹⁰⁹. В самом Обществе была создана специальная секция по истории народов СССР, первоочередной задачей которой было намечено выявление архивных документов по проблеме.

Изучение истории народов СССР проходило в условиях борьбы советских историков с великодержавным шовинизмом и национализмом всех мастей¹¹⁰. ОИМ активно включилось в работу по выполнению директив партии. Был проведен ряд заседаний Совета Общества, на котором рассматривалось положение исторической науки на Украине, в Белоруссии¹¹¹. Совет Общества в 1930 г. принял специальное решение об усилении в журнале «Историк-марксист» борьбы с упомянутыми тенденциями в исторической литературе¹¹². В журнале была опубликована серия статей-обзоров о состоянии исторической науки в Азербайджане, на Украине, в Белоруссии¹¹³.

Новый этап социалистического строительства и связанное с ним обострение классовой борьбы на всех фронтах этого строительства, в том числе и на идеологическом, ставил перед советскими историками задачу дальнейшей консолидации марксистских сил, решительного отмежевания от псевдомарксистов, усиления борьбы с попытками реставрации концепций буржуазной и мелкобуржуазной историографии.

Советские историки приняли активное участие в идейном разгроме троцкизма и правого оппортунизма, борьбу с которыми возглавила партия большевиков.

Одним из этапов идейной борьбы в исторической науке явилась дискуссия 1931 г. по проблемам новейшей истории, или, как тогда говорили, на «западном участке исторического фронта». Инициатором ее явились научные сотрудники кафедры по истории международного рабочего движения и Коминтерна Международной ленинской школы (МЛШ)¹¹⁴. В ней приняли участие многие исторические учреждения Москвы, в том числе ОИМ.

Президиум Общества поручил Н. М. Лукину написать передовую статью о дискуссии для «Историка-марксиста»¹¹⁵. Отметив известные достижения советских историков в борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией и различного рода оппортунистическими извращениями троцкистско-меньшевистского толка, Лукин подробно остановился на недостатках в работе

¹⁰⁹ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 225, лл. 200—201; д. 145, л. 53.

¹¹⁰ «КПСС в резолюциях...», ч. III. М., 1954, стр. 21—22.

¹¹¹ Там же, д. 87, л. 1.

¹¹² Там же, д. 89, л. 1.

¹¹³ «Историк-марксист», 1930, № 16; 1932, № 23—24.

¹¹⁴ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 238, л. 1.

¹¹⁵ Там же, д. 259, л. 4.

историков Запада. Преодоление их было невозможно, подчеркивал Лукин, без решительного поворота к исследованию проблем новейшей истории и прежде всего разработки актуальных проблем, связанных с текущими задачами партии и Коминтерна, без улучшения качества исторической продукции и решительной борьбы за марксистско-ленинскую методологию, дальнейшего более тщательного и глубокого использования ленинского наследства при изучении истории Запада.

Последующие планы Общества и журнала свидетельствовали о начавшейся перестройке в области всеобщей истории. На первый план выдвигались изучение проблем империализма, истории колониальных районов, мировых экономических кризисов, критика фашизма, разоблачение теоретических корней право- и левооппортунистических уклонов и др.¹¹⁶

На протяжении существования ОИМ его работа протекала в тесной связи с деятельностью журнала «Историк-марксист». На его страницах регулярно печатались отчеты о деятельности Общества, информация о заседаниях Совета, работе секций. Большое внимание уделялось в журнале руководству Обществом со стороны президиума Комакадемии и правительственных органов. Активное участие принял журнал в подготовке и проведении I Всесоюзной конференции советских историков-марксистов. Совет Общества неоднократно подчеркивал в резолюциях необходимость всемерной поддержки журнала, вменив в обязанности членам его секций следить за постановкой соответствующих отделов в «Историке-марксисте»¹¹⁷.

Плодотворным было сотрудничество журнала с методической секцией Общества. Работа этой секции получила отражение в специальном отделе журнала («Преподавание истории»). Это сотрудничество было предусмотрено особым пунктом «Положения о методической секции»¹¹⁸.

За время существования этой секции (1926—1929 гг.) на ее заседаниях было заслушано и обсуждено 17 научно-методических докладов, из них 12 были опубликованы в специальном отделе «Историка-марксиста»¹¹⁹. Среди его авторов были научные сотрудники, преподаватели общественных вузов Москвы, методисты (Г. С. Фридлянд, С. С. Кривцов, А. Ф. Рындин, А. В. Шестаков, М. В. Нечкина, Ю. М. Бочаров, П. И. Кушнер и др.). Опубликованные в журнале доклады охватывали широкий круг вопросов (место истории в программах общественно-экономических вузов, история в школе, на рабфаках, учебно-методическая литература и учебники, методика преподавания и др.). Прекращение

¹¹⁶ «Вестник Комакадемии», 1931, № 1, стр. 110.

¹¹⁷ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 32, л. 202.

¹¹⁸ Там же, ф. 638, оп. 2, д. 66, л. 8.

¹¹⁹ Сравнения и подсчеты проведены по данным: Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 69, лл. 1—3 об.; «Историк-марксист», 1926—1929, № 1—14.

деятельности секции в 1929 г. привело к закрытию отдела журнала.

Связь с журналом в той или иной форме предусматривалась в работе всех секций и комиссий ОИМ. В планах секции по истории Запада намечалась подготовка обзоров литературы и рефератов¹²⁰. В одном из отчетов о работе секций по истории революционного движения (с 1928 г.— секция методологии) отмечалась регулярная подготовка материалов для отдела «Критика и библиография» журнала и указывалось, что «само руководство отделом возложено на секцию»¹²¹.

По решению социологической секции ее секретарь А. И. Гукровский должен был регулярно составлять для журнала подробную информацию о деятельности секции¹²².

Секция по истории Востока одной из важнейших своих задач считала объединение специалистов-восточников для постоянного участия в отделе библиографии и критики журнала¹²³. Неудачи и пробелы журнала по проблемам советского востоковедения находились в прямой зависимости от слабой работы секции Общества.

В журнале сообщалось о создании в 1928 г. Комиссии по изучению вооруженных восстаний и революционных войн, в 1929 г.— о создании по решению Всесоюзной конференции историков-марксистов Комиссии по истории пролетариата.

Журнал был связан с ОИМ многочисленными нитями. Члены редколлегии «Историка-марксиста» входили в руководящие органы — Совет Общества, президиум Совета, бюро секций, участвовали в разработке перспективных планов исследовательской работы Общества, в дискуссиях.

Личные связи сыграли свою положительную роль, особенно в период создания журнала и при его первых шагах. На первых порах почти 100% авторского коллектива составляли члены ОИМ. В последующие годы к их числу в среднем принадлежало 85% авторов, причем среди авторов статей эти показатели были выше (95%), чем по отделу «Критика и библиография» (около 75%). Последнее обстоятельство объяснялось более широким привлечением к рецензированию сочувствующих марксизму буржуазных специалистов. Вокруг журнала группировался коллектив московских и местных историков. Как правило, авторы журнала становились членами ОИМ, его пропагандистами, а также организаторами местных отделений.

Созданное в рамках Комакадемии ОИМ было призвано стать ведущим и направляющим центром советской исторической науки, объединить в своих рядах немногочисленные тогда кадры

¹²⁰ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 32, л. 167.

¹²¹ Там же, д. 21, л. 16.

¹²² Там же, д. 442, л. 1.

¹²³ Там же, л. 172.

историков-марксистов. Выполнение столь серьезных задач не могло быть успешным без специального периодического печатного органа. Журнал «Историк-марксист» отражал на своих страницах основные направления в исследовательской и научно-методической работе Общества. Изучение ведущих проблем советской историографии велось в журнале в плане историографическом и методологическом, в постоянной борьбе против буржуазных концепций за утверждение марксистско-ленинского понимания важнейших событий мирового исторического процесса.

В 1930 г. журнал стал органом ОИМ и Института истории Комкадемии, и с № 18—19 стал выходить под двумя грифами этих организаций. На первых порах связь журнала с институтом носила организационный характер и была закреплена в «Положении о взаимоотношении Общества историков-марксистов и Института истории Комкадемии»¹²⁴.

Торжественное открытие Института истории Комкадемии состоялось 18 ноября 1929 г. С речью о задачах историков в связи со столь знаменательным событием выступил М. Н. Покровский. Он высказал уверенность, что институт «будет выпускать в качестве питомцев своих настоящих бойцов за большевизм, за лучшее будущее всего мира, настоящих бойцов в рядах пролетарской армии»¹²⁵.

Своим созданием Институт истории во многом обязан ОИМ. Поворот к планомерной научно-исследовательской работе, который наметился в Обществе к концу 20-х годов, свидетельствовал о создании коллектива историков-марксистов. Это явилось реальной предпосылкой организации специального исторического института марксистского направления. Наиболее отчетливо эта мысль нашла свое выражение в докладе М. Н. Покровского на общем собрании ОИМ 1 июня 1928 г.¹²⁶ Успешная деятельность Общества, рост его членов, популярность среди ученых способствовали идейному объединению кадров советских историков на базе марксизма-ленинизма.

Решение о создании научно-исследовательского учреждения исторического профиля прямо вытекало из резолюции I конференции марксистско-ленинских учреждений (март 1928 г.), ориентировавших ученых на усиление борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными течениями, особенно с ревизионизмом, «в области философии, экономики, истории»¹²⁷.

Большим достижением советской науки была постановка вопросов о планировании исследовательской работы. Доклад на эту тему на конференции был сделан В. П. Милютиним. Основные

¹²⁴ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 85, л. 12.

¹²⁵ «Историк-марксист», 1929, № 14, стр. 127.

¹²⁶ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 32.

¹²⁷ «Вестник Комкадемии», 1928, № 26 (2), стр. 292.

положения доклада нашли свое отражение в резолюциях, где подчеркивалась мысль о необходимости дальнейшего развертывания сети научно-исследовательских учреждений.

Значительной вехой на пути создания нового научного исторического центра стала I Всесоюзная конференция историков-марксистов (декабрь 1928 г.— январь 1929 г.). В одной из ее резолюций говорилось о категорической необходимости организации в Комакадемии научно-исследовательской базы для «разработки вопросов истории и марксистской методологии»¹²⁸.

12 февраля 1929 г. Совет ОИМ рассмотрел проект создания института и назначил организационную комиссию в составе Н. Н. Ванага, П. О. Горина, П. И. Анатольева, Г. С. Фридлянда, С. А. Пионтковского¹²⁹. Тогда же вопрос обсуждался на заседании президиума Комакадемии¹³⁰. Новый институт создавался благодаря объединению всех историков, работающих в Комакадемии и ее секциях, особенно такой, как методики и методологии истории¹³¹. Президиум признал необходимым слияние нового Института истории Комакадемии с Институтом истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Решения президиума Комакадемии были утверждены в Комитете по заведованию научными и учебными учреждениями при ЦИК СССР¹³².

Вопрос о создании Института истории обсуждался на Оргбюро ЦК ВКП(б). По решению Оргбюро вся подготовительная работа должна была быть завершена к октябрю 1929 г.

Структура нового института резко отличалась от традиционной для исторических учреждений: вместо деления на периоды (новейшей, новой, средней и древней истории) были созданы секции по истории империализма, истории эпохи промышленного капитализма, социологическая, методологическая, история пролетариата. Подобное деление было вызвано, по словам М. Н. Покровского, необходимостью организовать работу в институте так, «чтобы она была сосредоточена около основных нескольких исторических проблем»¹³³. Эти направления в исследовательской работе института были указаны в директивах по составлению плана Комакадемии на 1929—1930 гг. Среди ведущих тем: изучение истории рабочего класса в СССР, изучение истории народов СССР, широкая разработка проблем истории Запада, в том

¹²⁸ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 68, л. 6; д. 67, л. 1.

¹²⁹ Там же, д. 32, л. 195.

¹³⁰ «Вестник Комакадемии», 1931, № 3, стр. 239.

¹³¹ Секция методологии истории (бывшая секция истории революционного движения) — первое объединение историков в рамках Комакадемии — существовала с 1925 г. Среди ее членов были А. Штраух, М. Нечкина, А. Гайстер и др.

¹³² Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 2, лл. 1, 2.

¹³³ «Историк-марксист», 1929, № 14, стр. 8.

числе истории II Интернационала, истории империализма и революционного движения в колониальных странах и т. д.¹³⁴

Институт был призван также готовить новые кадры историков-марксистов, для чего была создана аспирантура¹³⁵. Это было новым явлением в жизни Комакадемии. Учебный процесс в аспирантуре был организован в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О подготовке научных кадров» (1929 г.). В план подготовки будущих ученых было введено изучение марксистской методологии по программам, рекомендованным по социально-экономическим и философским наукам¹³⁶.

Будущие историки — аспиранты Института истории Комакадемии — могли специализоваться по истории империализма, по истории промышленного капитализма, по истории докапиталистических формаций. Первыми выпускниками аспирантуры явились бывшие учащиеся Института истории РАНИОН. Почти все выпускники были оставлены для работы в Институте истории Комакадемии.

В ходе организации Института истории был определен его состав. Все сотрудники группировались по «разрядам»: действительные члены, научные сотрудники первого и второго разрядов, ученые специалисты. Первым директором института был назначен М. Н. Покровский. В состав первой Коллегии — высшего научного органа института — входили: В. П. Волгин, А. Д. Удалцов, Г. С. Фридлянд, С. А. Пионтковский, С. М. Моносов, Н. Н. Ваняг, П. О. Горин¹³⁷. Общее число сотрудников института достигло в 1929—1930 гг. 79 чел.¹³⁸

В конце 1929 г. было создано Ленинградское отделение Комакадемии и в составе его учреждений — Институт истории¹³⁹. Работа в Ленинградском отделении Института истории протекала по секциям: история Французской революции, рабочее движение в эпоху империализма, методологическая. Возглавил Институт Г. С. Зайдель.

Большая исследовательская работа, которая развернулась в секциях и комиссиях Института истории и его отделениях, получила отражение в журнале «Историк-марксист». За период существования Института истории (1929—1935 гг.) было опубликовано 16 информационных сообщений о деятельности института и его секций. Информация не носила регулярного характера, однако при всей нерегулярности и разнохарактерности хроника «Историка-марксиста» может служить одним из источников по истории института.

¹³⁴ «Вестник Комакадемии», 1929, № 33(3), стр. 280.

¹³⁵ Там же, 1929, № 34(4), стр. 258.

¹³⁶ «Правда», 18 августа 1929 г.

¹³⁷ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 1, л. 46.

¹³⁸ Там же, д. 22, л. 25.

¹³⁹ Там же, л. 26.

Первая информация об Институте истории Комкадемии была опубликована в журнале в 1929 г., сразу после создания, и подробно освещала структуру института, планы его секций¹⁴⁰.

Сравнительно широкое отражение в журнале получила деятельность методологической секции института. Часть докладов и сообщений членов этой секции была опубликована в журнале. На торжественном заседании, посвященном открытию института, Г. С. Фридлянд сделал доклад «Марксизм и западноевропейская историография» — один из намеченных секцией докладов по проблеме марксистского понимания методологии истории. Доклад был опубликован в «Историке-марксисте»¹⁴¹. По предложению редколлегии журнала Фридлянд написал критическую статью «Классовая идеология и реакционная утопия», в основу которой положил свое сообщение на секции о книге К. Маннгейма «Идеология и утопия»¹⁴².

Постоянными авторами журнала были сотрудники секции промышленного капитализма М. В. Нечкина, А. М. Васютинский, Ф. В. Потемкин, С. М. Моносов, С. С. Мильман, Е. А. Косминский, Р. А. Авербух и др. Тем не менее работа секции не получила широкого освещения в журнале. Единственным опубликованным докладом, прочитанным в секции, был доклад Н. М. Лукина «Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия второго и третьего максимума»¹⁴³. Большое участие сотрудники секции принимали в рецензировании текущей литературы по исследуемым проблемам. В частности, в «Историке-марксисте» регулярно публиковались рецензии на зарубежную литературу по истории Великой французской буржуазной революции¹⁴⁴.

В числе первых в составе Института истории была создана секция истории империализма. Исследовательский план ее включал изучение внешней политики империалистических государств и происхождения мировой войны, истории Коминтерна и др.¹⁴⁵ В начале 30-х годов было создано несколько научно-исследовательских групп: по изучению рабочего движения во Франции, по истории английского империализма. Активизировалась деятельность группы по истории германской социал-демократии. Деятельность ее получила освещение в информационных сообщениях «Историка-марксиста»¹⁴⁶. Секция продолжала начавшуюся в конце 20-х годов дискуссию о германской социал-демократии. В «Историке-марксисте» в дискуссионном порядке была опубли-

¹⁴⁰ «Историк-марксист», 1929, № 14.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же, 1930, № 17; Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 11, л. 60.

¹⁴³ «Историк-марксист», 1930, № 16.

¹⁴⁴ Там же, 1930, № 15, 16, 18—19 и др.

¹⁴⁵ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 181, лл. 1—3.

¹⁴⁶ «Историк-марксист», 1930, № 20.

кована статья А. С. Бернштейна ««Эйзенахцы» и «лассальянцы» (1869—1878)» — часть его большой работы о вопросах тактики в германской социал-демократии¹⁴⁷. В 1929—1930 г. в ОИМ совместно с Институтом истории проходили обсуждения указанной проблемы. В журнале была помещена стенограмма этих заседаний¹⁴⁸. Редколлегия «Историка-марксиста» предполагала принять участие в дискуссии, охватившей к тому времени ряд других журналов. Перед советскими историками стояла задача исследовать особенности социалистического и рабочего движений в Германии во всем их многообразии¹⁴⁹.

В состав секции по истории империализма Института истории входила Комиссия по изданию документов эпохи империализма. Многотомные серии документов — результат работы комиссии — получили отзывы на страницах «Историка-марксиста».

Деятельность института находилась в сфере внимания президиума Комакадемии. В июле 1930 г. на президиуме был заслушан доклад Г. С. Фридлянда о мероприятиях по улучшению работы Института истории. В резолюции была подчеркнута необходимость развертывания исследовательской работы института по единому научному плану, отмечалась слабая координация института с другими историческими центрами, рекомендовалось дальнейшее расширение состава высококвалифицированных сотрудников¹⁵⁰. В выполнении тех важных задач, которые стояли перед институтом, большую помощь должен был оказывать журнал «Историк-марксист». Однако перестройка тематических планов журнала в соответствии с планами института проходила медленно. В сентябре 1931 г. М. Н. Покровский обратился с письмом в Культпроп ЦК ВКП(б), президиум Комакадемии и директорат Института истории¹⁵¹. Формальная передача «Историка-марксиста» институту не сделала его по-настоящему органом института. Более того, совместное «владение» журналом Института истории и ОИМ затрудняло работу журнала. По мнению М. Н. Покровского, новым задачам Общества как нельзя лучше отвечал созданный к этому времени массовый научно-популярный журнал «Борьба классов».

Становление нового исторического центра — Института истории — совпало с новым этапом социалистического строительства в нашей стране, сопровождавшимся обострением классовой борьбы, в том числе и в области идеологии. Перед советской исторической наукой, как и перед всей советской наукой, стояла задача преодоления отставания теоретической работы от практики

¹⁴⁷ «Историк-марксист», 1929, № 13.

¹⁴⁸ Там же, 1930, № 18—19.

¹⁴⁹ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, стр. 701—702.

¹⁵⁰ «Вестник Комакадемии», 1930, № 42, стр. 163.

¹⁵¹ ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 33, л. 71.

социалистического строительства и разработки проблем мирового коммунистического движения. Постановка в конце 20-х годов историками-марксистами ряда методологических проблем (об идейных корнях большевизма, о революционных традициях, о социально-экономических формациях, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, дискуссия о положении на «западном участке» исторического фронта и др.) отвечали интересам развития идеологической работы партии. Решение этих проблем проходило в обстановке непрерывающейся борьбы, которую Коммунистическая партия вела с антипартийными уклонами.

В начале 30-х годов главную опасность представлял правый уклон. «Разоблачить теоретические истоки правого уклона, показать близость к антимарксистским, буржуазным течениям,— говорилось в передовой статье «Вестника Комакадемии»,— задача дня»¹⁵². При этом партия подчеркивала необходимость продолжения борьбы с остатками троцкистской идеологии. Борьба партии с антипартийными уклонами требовала четкого размежевания в среде историков.

2 ноября 1931 г. состоялось заседание президиума ОИМ, на котором обсуждалось политическое значение письма И. В. Сталина в журнал «Пролетарская революция». Секциям Общества было дано указание приступить к критической проверке исторической литературы, учебников, периодических изданий. Члены Общества мобилизовывались для проведения докладов о письме И. В. Сталина¹⁵³.

В течение ноября собрания по обсуждению письма прошли по всем учреждениям Комакадемии, и в конце ноября президиум подвел первые итоги. Были заслушаны специальные сообщения о собраниях в Институте истории и ОИМ¹⁵⁴. Деятельность их, равно как и журнала «Историк-марксист», была подвергнута суровой критике. В ходе обсуждений раздавались голоса против огульных обвинений в политических и методологических ошибках. Выступая на заседании фракции членов ВКП(б) ОИМ с докладом «Уроки статьи тов. Сталина и задачи на историческом фронте», В. Г. Кнорин остановился на вопросах о роли СССР, Октябрьской революции и ВКП(б) в мировом революционном движении, о взаимной поддержке Советского Союза и международного пролетариата, о возможности построения в нашей стране социалистического общества. В плане этих крупных проблем, отмечал докладчик, советские историки должны были вести исследовательскую работу¹⁵⁵. Кнорин отметил большие достижения

¹⁵² «Вестник Комакадемии», 1930, № 39, стр. 6—7.

¹⁵³ Там же, 1932, № 1—2, стр. 42.

¹⁵⁴ Там же, стр. 40, 42, 47.

¹⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 30, л. 14. В заседании приняли участие представители ИКП, комвузов Москвы.

советской марксистской историографии и подчеркнул, что речь может идти об исправлении отдельных ошибок, но не о том, чтобы «выбрасывать все, бить и добивать», а «устранить неверные и неправильные установки, ...бить тех, кто в основных коренных вопросах расходится с марксизмом»¹⁵⁶.

Подводя итоги обсуждений, можно указать на практические выводы, которые были намечены историками.

Первый из них состоял в необходимости поднять политический и теоретический уровень исторических работ.

Второй — научно-методологический — предполагал всемерное расширение изучения наследства классиков марксизма-ленинизма, постановку новых проблем международного коммунистического движения, создание новой отрасли исторической науки: истории социалистического строительства.

Обсуждения повлекли за собой изменения организационного характера: в Институте истории, в частности, был пересмотрен состав сотрудников и проведены структурные изменения. В течение января—марта 1932 г. шла реорганизация: были ликвидированы секции и созданы бригады по ведущим темам плана.

Предполагалось широкое изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции в связи с 15-летней годовщиной, развертывание работы по изучению ленинского наследства в области методологии истории, написание исследований по истории гражданской войны, по истории фабрик и заводов, по истории профсоюзного движения¹⁵⁷.

Значительным событием в жизни Института истории явилось обсуждение в конце 1932 г. пятилетнего плана института. Намеченные задачи вытекали из решений XVII партийной конференции и XII пленума исполкома Коминтерна. Исследовательская работа института в предстоящем пятилетии должна была идти по четырем главным проблемам: история русского империализма, история массовых организаций диктатуры пролетариата (в частности, Советов), история революционного движения в национальных областях СССР, история борьбы западноевропейского пролетариата за диктатуру¹⁵⁸. В свою очередь каждая крупная проблема включала серию более узких тем. Так, по первой проблеме предполагалось изучение трех русских революций, по третьей — изучение истории народов СССР, по четвертой — истории массового рабочего движения, происхождения мировой войны, критики фашистских концепций исторического процесса. Традиционным для советской историографии было изучение истории западноевропейских революций XIX в. Особое внимание уделялось изу-

¹⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, д. 30, л. 24.

¹⁵⁷ «Историк-марксист», 1932, № 3 (25), стр. 193; «Вестник Комкадемии», 1932, № 7—8, стр. 200.

¹⁵⁸ «Историк-марксист», 1932, № 6 (28), стр. 144—146.

чению истории западноевропейского рабочего и социалистического движения, зарождения марксизма.

Важную роль в деятельности Института истории сыграли подготовка и проведение 50-летней годовщины со дня смерти К. Маркса.

Вопрос об ознаменовании 50-летия со дня смерти К. Маркса обсуждался на заседании бюро президиума Комакадемии в апреле 1932 г.¹⁵⁹ Институт истории наметил на 1933 г. создание бригады по исследованию темы «Маркс как историк». Были наметены статьи: «Маркс и вопросы внешней политики», «1848 г. в освещении Маркса», «Маркс и русский исторический процесс» и др.¹⁶⁰ Специальный пункт предусматривал выпуск юбилейных номеров журнала «Историк-марксист». В свою очередь редколлегия обратилась через журнал к историческим учреждениям с просьбой о присылке информации о проведении 50-летней годовщины со дня смерти К. Маркса¹⁶¹. Ряд сообщений о подготовке юбилея (в частности, в Институте Маркса — Энгельса — Ленина, в Историко-партийном институте Красной профессуры, Комуниверситете трудящихся Востока) было опубликовано в одном из юбилейных номеров «Историка-марксиста». Там же была опубликована развернутая информация о мероприятиях, намеченных Институтом истории.

Пятидесятая годовщина со дня смерти К. Маркса была широко отмечена в СССР. 14 марта 1933 г. состоялось торжественное заседание ЦК и ЦКК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, исполкома Коминтерна и МК ВКП(б), на котором были заслушаны доклад Д. З. Мануильского и сообщение В. В. Адоратского о работе ИМЭЛ по выявлению и публикации литературного наследия К. Маркса¹⁶². В этот же день были опубликованы тезисы ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) «Карл Маркс (к 50-летию со дня смерти)»¹⁶³. Торжественные собрания и заседания прошли по всем научно-исследовательским и учебным заведениям страны.

Событием большой важности явилась юбилейная сессия Института истории Комакадемии. Это была первая всесоюзная сессия такого рода: в ней приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Закавказья, Татарии, Центрально-Черноземной области и др. Работа сессии была подробным образом освещена на страницах «Историка-марксиста»¹⁶⁴. На пленарных заседаниях были заслушаны доклады Н. М. Лукина («Маркс как историк»), А. М. Панкратовой («Маркс об исторической роли пролетариата»), Г. С. Зайделя («Маркс об уравни-

¹⁵⁹ «Вестник Комакадемии», 1932, № 4—5, стр. 120.

¹⁶⁰ Там же, 1932, № 7—8, стр. 206.

¹⁶¹ «Историк-марксист», 1933, № 1 (29), стр. 159.

¹⁶² «Борьба классов», 1963, № 5, стр. 118.

¹⁶³ «Правда», 14 марта 1933 г.; «Известия», 14 марта 1933 г.

¹⁶⁴ «Историк-марксист», 1933, № 2 (30), стр. 188—189; 1933, № 3 (31), стр. 65—72.

тёльном социализме). Многие из прочитанных докладов легли в основу статей, опубликованных в юбилейных номерах журнала «Историк-марксист»¹⁶⁵.

Обобщающий характер носила статья Н. М. Лукина «Маркс как историк» (переработанный вариант доклада на сессии Института истории)¹⁶⁶. Статья была написана в историографическом плане; в ней прослеживались исторические корни материалистического понимания истории К. Марксом. Замысел статьи был наиболее точно выражен в словах автора, что К. Маркса нельзя рассматривать изолированно, без учета завоеваний в области истории и социологии¹⁶⁷.

Один из юбилейных номеров журнала открывался передовой статьёй «Маркс и историческая наука». Советские историки видели в лице К. Маркса создателя истории как науки. Большое место в передовой отводилось вопросу об отношении истории и политики¹⁶⁸.

Из широкого круга проблем, составляющих историю марксизма, наибольшее освещение получила в «Историке-марксисте» тема «Маркс и международное рабочее движение». Впервые в советской историографии был поднят вопрос об отношении К. Маркса и Ф. Энгельса к чартизму¹⁶⁹. Автор статьи В. С. Семенов подробно остановился на выяснении участия К. Маркса и Ф. Энгельса в чартистском движении, форм руководства с их стороны революционной фракцией чартизма, социального анализа движения в целом и причин его неудач.

В журнале была помещена статья Р. А. Авербух «Маркс и Октябрьское восстание в Вене» — первая в советской историографии попытка осветить венское восстание 1848 г., связав это событие с деятельностью К. Маркса¹⁷⁰. Впервые был дан очерк о деятельности К. Маркса периода «Рейнской газеты». В нем разоблачались стремления деятелей международного оппортунизма изобразить К. Маркса в 1842—1843 гг. как буржуазного демократа. Подводя итоги своего исследования, Л. Перчик делал вывод, что К. Маркс в начале 40-х годов XIX в. был революционным демократом, тогда же наметился переход его к материализму и пролетарскому коммунизму¹⁷¹.

Тема «Маркс — Энгельс и Россия» рассматривалась в статьях Ем. Ярославского и П. П. Парадизова. Вскрыв сущность революционного народничества, его роль и место в революционном

¹⁶⁵ «Историк-марксист», 1933, № 1 (29) — 2 (30). Часть материалов была опубликована в № 3 (31).

¹⁶⁶ Там же, № 2 (30).

¹⁶⁷ Там же, стр. 3.

¹⁶⁸ Там же, № 1 (29).

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же, № 3 (31).

¹⁷¹ Там же.

движении, Ярославский остановился на вопросе о связи К. Маркса и Ф. Энгельса с революционным движением в России¹⁷². Автор исследовал произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, касавшиеся вопросов исторического развития России, в частности возможности некапиталистического пути развития страны и оценок деятельности революционного народничества.

Впервые в советской исторической литературе были проанализированы взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на русскую историю второй половины XIX в.¹⁷³

Отдельные вопросы марксистской теории (вооруженное восстание, национальный вопрос) освещались в статьях И. Минца и М. Миско. В статье Минца взгляды К. Маркса прослеживались в развитии. Автор остановился на источниках, откуда черпал К. Маркс отдельные элементы своего учения о вооруженном восстании, и его связи с теорией диктатуры пролетариата.

В «Историке-марксисте» была перепечатана написанная для польского историко-партийного журнала «С поля борьбы» (издавался в СССР на польском языке) статья М. Миско «Маркс и Энгельс о польском вопросе». Автор писал о взглядах классиков марксизма на события в Польше в 70—80-е годы XIX в.¹⁷⁴

В юбилейных номерах «Историка-марксиста» были помещены публикации ЦПА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) статей К. Маркса и Ф. Энгельса, их переписка¹⁷⁵. Все они публиковались на русском языке впервые. Примечания и комментарии к ним были сделаны А. В. Ефимовым и В. М. Далиным.

В целом материалы юбилейных номеров «Историка-марксиста» внесли много нового в исследование истории марксизма, в разработку отдельных его проблем. Для самого журнала это было первое широкое обращение к указанной теме. В дальнейшем она была закреплена за журналом: на его страницах публиковались статьи и рецензии по истории марксизма, помещались публикации отдельных работ К. Маркса и Ф. Энгельса, их соратников по революционной борьбе.

Можно без преувеличения сказать, что совместная подготовка первой научной сессии Института истории Комкадемии способствовала объединению историков вокруг института, а это в свою очередь укрепляло научную базу для журнала. Редколлегия «Историка-марксиста», сохраняя творческий характер своей работы, во многом подчинила журнал интересам института, видя в этом предпосылки успешного развития не только журнала, но и советской историографии в целом.

¹⁷² Там же, № 1 (29).

¹⁷³ П. Парадизов. Маркс и Энгельс о России XIX столетия.— «Историк-марксист», 1933, № 2 (30).

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же, № 1 (29), № 2 (30).

Связь журнала с Институтом истории укреплялась благодаря тому, что большинство членов редколлегии были сотрудниками Института истории (Н. Н. Ваняг, Х. Г. Лурье, А. М. Панкратова, С. Е. Сеф и др.), а директор Института истории Н. М. Лукин являлся с 1933 г. ответственным редактором журнала «Историк-марксист».

В самом институте в конце 1932 г. был создан научно-вспомогательный кабинет, в задачу которого входило обслуживание редакций журналов института, в том числе «Историка-марксиста»¹⁷⁶. В кабинете комплектовалась литература для критико-библиографического отдела журнала. Составляя планы исследовательских работ, отдельные секции и группы Института истории включали обязательным пунктом систематическое обслуживание журнала «Историк-марксист» и прежде всего регулярное снабжение рецензиями и обзорами литературы¹⁷⁷.

Анализ содержания «Историка-марксиста» за 1930—1935 гг. показал, что 65—70% материалов, публиковавшихся в нем, было подготовлено сотрудниками Института истории Комкадемии. В поле зрения редакции журнала находилась печатная продукция, издававшаяся с грифом института.

Редакционный план составлялся с учетом исследовательских планов института.

В начале 1933 г. в Институте истории были созданы три научно-исследовательские группы: по истории России и СССР, по истории промышленного капитализма и довоенного империализма, по истории мировой войны и послевоенного империализма¹⁷⁸. Это позволило ликвидировать дробность в работе и дало возможность вести исследование более крупных проблем. В журнале получила отражение работа групп института по изучению ряда намеченных тем (среди них история народов СССР, международное социалистическое и коммунистическое движение в Западной Европе, международные отношения). В свою очередь дирекция института, составляя план исследований на 1934 г., запланировала подготовку специального номера «Историка-марксиста», посвященного вопросам истории СССР¹⁷⁹. Ответственным за номер назначался А. И. Ломакин. Идея создания такого номера была вызвана тем, что институт начал работу по созданию многотомной «Истории СССР». Подготовка первого тома, посвященного Октябрьской революции, началась в 1934 г. Многотомному изданию должно было сопутствовать написание монографий по истории советского периода¹⁸⁰. Замысел специального номера

¹⁷⁶ «Историк-марксист», 1932, № 6 (28), стр. 146.

¹⁷⁷ «Вестник Комкадемии», 1931, № 10—11, стр. 86.

¹⁷⁸ «Историк-марксист», 1933, № 3 (31), стр. 117.

¹⁷⁹ Рукописный отдел Гос. библиотеки им. В. И. Ленина (далее — РО ГБЛ), ф. 384, оп. 7, д. 16, л. 1.

¹⁸⁰ Там же, лл. 1—12.

не удался. Однако в течение 1934 г. в журнале были опубликованы две статьи авторов будущего многотомника¹⁸¹. Подготовкой к написанию многотомника явилась работа группы над «Летописью событий Великой пролетарской революции в СССР (1917—1935 гг.)». Часть «летописи» была опубликована в «Историке-марксисте»¹⁸².

Большая группа сотрудников института вела исследования по истории международного революционного движения. Особое внимание уделялось международному рабочему и революционному движению в годы мировой войны. В течение 1934 г. была подготовлена «Хроника» по указанной теме, содержащая перечень событий во Франции и в Германии. Часть работы была опубликована в «Историке-марксисте»¹⁸³. Там же были помещены статьи участников этой группы института, написанные в процессе работы над «Хроникой»¹⁸⁴.

Исследования К. А. Поль, Ф. А. Коган-Бернштейн, Б. И. Горев, указанная «Хроника», публикация документов революционного движения во французской армии в 1917 г. (с предисловием Ф. И. Нотовича) составили основное содержание номера «Историка-марксиста» (№ 4 за 1934 г.), посвященного 20-летию первой мировой войны. Подготовка этого номера была также запланирована дирекцией института¹⁸⁵. Ответственной за подготовку номера была назначена Поль. Получила освещение в журнале и работа группы над темами по истории рабочего и коммунистического движения периода послевоенного империализма, главным образом в 20-е годы XX в.¹⁸⁶

Исследование проблем периода промышленного капитализма велось в институте в монографическом плане. В процессе написания их авторы публиковали отдельные главы в «Историке-марксисте». Основные положения монографии Г. С. Фридлянда «Марат и гражданская война XVIII в.» нашли свое отражение

¹⁸¹ И. Минц, Р. Эйдеман. Расстановка боевых сил контрреволюции накануне Октября.— «Историк-марксист», 1934, № 1 (35); М. Рубач. К истории крестьянских восстаний накануне октября 1917 г.— Там же, 1934, № 3 (37).

¹⁸² «Летопись событий Великой пролетарской революции».— Там же, 1935, № 11 (51).

¹⁸³ «Классовая борьба во Франции накануне 1917 г.» и «Созревание революционного кризиса в Германии летом 1917 г.».— «Историк-марксист», 1934, № 4 (38).

¹⁸⁴ Б. Горев. Стаечная борьба во Франции в годы войны.— Там же; Ф. Коган-Бернштейн. Массовое революционное движение в Германии в первые годы войны.— Там же; К. Поль. Революционное движение в германском флоте в 1917 г. и борьба Ленина за Октябрь.— Там же.

¹⁸⁵ РО ГБЛ, ф. 384, оп. 7, д. 16, л. 5.

¹⁸⁶ Хр. Кабакчиев. Дм. Благоев и болгарские тесняки.— Там же, 1935, № 4 (44)—6 (46); С. Бантке. Борьба против «левых» коммунистов во Франции в 1919—1920 гг.— Там же, 1935, № 10 (50); Л. Зубок. У истоков коммунистического движения США.— Там же, 1935, № 5—6 (45—46) и др.

в опубликованной им в журнале статье¹⁸⁷. «Объединенная социалистическая партия» — тема монографии В. М. Далина; историографическая и источниковедческая часть ее была опубликована в журнале¹⁸⁸. Статья В. М. Хвостова о кризисе внешней политики Бисмарка была написана в ходе работы над монографией о внешней политике германского империализма¹⁸⁹.

В числе немногих тогда книг в советской американистике была запланирована монография А. В. Ефимова «К истории капитализма в Соединенных Штатах». Глава из подготовленной к печати монографии была опубликована в «Историке-марксисте»¹⁹⁰.

Выбор и постановка тех или иных проблем определялись развитием классовой борьбы, борьбой за построение социализма в нашей стране. Конкретная программа исследований была развернута перед советскими историками в решениях XVII съезда ВКП(б). В условиях завершения строительства социализма советская историческая наука должна была стать одним из важнейших участников идеологической и теоретической работы партии. «Жгучие проблемы современного этапа, — подчеркивалось в передовой статье журнала «Историк-марксист», — историческая наука должна разрабатываться методами конкретно-исторического исследования»¹⁹¹. Это означало дальнейшее углубленное изучение всего исторического процесса в целом, в том числе разработка проблематики древнего мира и средних веков. Большое значение придавалось созданию систематического курса истории СССР и всеобщей истории. На это нацеливало принятое 15 мая 1934 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР»¹⁹². Перед советскими учеными была поставлена задача создания новых учебников по истории для всех звеньев исторического образования. Было намечено восстановление исторических факультетов в МГУ и ЛГУ. Тем самым расширялась база для подготовки высококвалифицированных специалистов в области истории.

Постановления партии и правительства по вопросам истории имели большое методологическое и практическое значение не

¹⁸⁷ Г. Фридлянд. Марат и гражданская война XVIII в.— «Историк-марксист», 1934, № 5 (39).

¹⁸⁸ В. Далин. Из истории французской социалистической партии в 1912—1918 гг. (К изучению локальной истории французского социалистического движения).— Там же, 1935, № 12 (52).

¹⁸⁹ В. Хвостов. Кризис внешней политики Бисмарка.— Там же, 1934, № 5 (39).

¹⁹⁰ А. Ефимов. Из истории борьбы за свободные земли в Соединенных Штатах Америки (Акт о гомстедах и их коммутация).— Там же, 1934, № 3 (37).

¹⁹¹ «Историческую науку на уровень великих задач» (Итоги XVII съезда ВКП(б) и задачи большевистских историков).— «Историк-марксист», 1934, № 2 (36), стр. 5.

¹⁹² «СЗР СССР», 1934, № 26, ст. 206.

только для исторического образования, но и для развития советской исторической науки в целом. Перестройка исторического образования повлекла за собой перестройку всей научно-исследовательской работы.

Отдельные моменты этой перестройки нашли свое отражение в журнале «Историк-марксист». В Институте истории была создана Комиссия по преподаванию истории для разработки теоретических и практических вопросов преподавания как в средней школе, так и в вузах. В «Историке-марксисте» была опубликована развернутая информация о планах комиссии, составе, первых результатах ее работы¹⁹³. Первоочередной своей задачей комиссия считала создание учебников. В утвержденном президиуме Комакадемии плане научно-исследовательских работ Института истории на 1935 г. (наряду с продолжением разработки истории русской промышленности и рабочего класса, историей международного революционного движения в годы мировой войны, историей СССР от Октябрьской революции до современности) первое место было отведено созданию учебников¹⁹⁴.

Перестройка исторического образования в стране началась со средней школы. 9 июня 1934 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР»¹⁹⁵. Наркомпрос РСФСР в свою очередь принял решение о переподготовке учителей по истории¹⁹⁶; а также утвердил авторские группы для составления учебников по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для начальной школы. Ядро авторского коллектива составили сотрудники Института истории И. И. Минц, Е. А. Мороховец, М. В. Нечкина и др.¹⁹⁷

Работа по реализации постановлений партии и правительства по перестройке исторического образования освещалась в «Историке-марксисте». Ведущая роль в этой работе принадлежала Институту истории. Силами сотрудников института началось чтение цикла лекций для преподавателей вузов и школ, о чем информировал читателей журнал¹⁹⁸. В «Историке-марксисте» публиковались доклады, прочитанные в Комиссии по преподаванию истории¹⁹⁹. Особый интерес представляла сокращенная стенограмма сообщения Н. М. Лукина о работе над учебником по новой истории для средней школы и прений на заседании пре-

¹⁹³ «Историк-марксист», 1934, № 3 (37), стр. 135.

¹⁹⁴ «Вестник Комакадемии», 1935, № 1, стр. 61.

¹⁹⁵ «СЗР СССР», 1934, № 26, ст. 206.

¹⁹⁶ «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», 1934, № 20, стр. 6.

¹⁹⁷ Там же, 1934, № 23—24, стр. 7.

¹⁹⁸ «Историк-марксист», 1934, № 4 (38), стр. 158—159.

¹⁹⁹ А. Вершинский. Каким должен быть просеминар по историческим дисциплинам.— «Историк-марксист», 1934, № 5 (39); *он же*. Экскурсия как прием преподавания истории в вузе.— Там же, 1935, № 1 (41) и др.

зидиума Комакадемии в апреле 1935 г.²⁰⁰ Наряду с вопросами методического характера большое место и в сообщении, и в прениях было отведено обсуждению периодизации новой истории (начало которой относилось к Французской революции конца XVIII в.), буржуазным и буржуазно-демократическим революциям XIX и XX вв., историзму, историографии, истории стран Востока и др.²⁰¹

Одновременно с написанием учебника по новой истории шло создание учебника для школы по истории средних веков и древнего мира. В процессе подготовки учебников накапливался материал для обобщений методологического и методического характера. Результаты работы обсуждались на заседаниях Комиссии по преподаванию истории, которые освещались в «Историке-марксисте»²⁰².

Деятельность Института истории по созданию учебников находилась в поле пристального внимания президиума Комакадемии. Об этом информировал историческую общественность журнал «Историк-марксист», публикуя сообщения об отчете Института истории за первое полугодие и о перспективах на заседании президиума в августе 1935 г.²⁰³ Основное внимание институт уделял работе над учебниками для средней школы. Было намечено закончить работу над «Очерками по истории СССР» (учебник для вузов), хрестоматией по новой истории и др.

В связи с 30-летием первой русской революции намечалось проведение научной сессии и написание статей для «Историка-марксиста». Среди них опубликованная в журнале статья Н. М. Лукина²⁰⁴.

Состоявшаяся в конце декабря 1935 г. в Москве и Ленинграде сессия, посвященная 30-летию первой русской революции, была последним научным мероприятием Института истории Комакадемии.

Как сообщалось в «Историке-марксисте», сессия получила грандиозный размах как по количеству участников, так и по числу и разнообразию тематики прочитанных докладов. Часть материалов сессии в виде статей была напечатана в журнале²⁰⁵.

За время существования Института истории его взаимоотношения с журналом «Историк-марксист», как мы видели, претерпели ряд изменений.

²⁰⁰ «Историк-марксист», 1934, № 4 (44), стр. 87—89.

²⁰¹ Там же, № 7 (47), стр. 132.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же, № 10 (50), стр. 164.

²⁰⁴ Н. Лукин. Русская революция 1905 г. и Западная Европа.— Там же, 1936, № 1 (53).

²⁰⁵ А. Шестаков. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в революции 1905—1907 гг.— Там же, 1935, № 12 (52); А. Попов. Кризис дальневосточной политики царизма накануне революции 1905 г.— Там же.

Наиболее плодотворными были два последних года существования журнала — 1934 и 1935 гг. Этому способствовали оживление массовой работы в самом институте, постановка ряда научно-исследовательских докладов сотрудников с привлечением исторической общественности, обсуждение продукции института, чтение лекций и т. д. Дирекция Института истории планировала выпуск ряда тематических номеров журнала. В частности, в 1934 г. силами сотрудников института был подготовлен специальный номер «Историка-марксиста», посвященный 10-летию годовщине со дня смерти В. И. Ленина²⁰⁶. Журнал открывался статьей А. Ломакина «О ленинском этапе в истории и задачах большевистских историков», в основе которой был положен доклад, прочитанный в Институте истории. Были опубликованы статьи о роли В. И. Ленина в разработке проблем военно-феодалного империализма царской России, якобинской диктатуры, о борьбе В. И. Ленина с международным оппортунизмом и др. В журнале были помещены воспоминания одного из деятелей международного коммунистического движения (в то время сотрудника Института истории АН СССР) Хр. Кабакчиева о встречах с В. И. Лениным в 1920 г. во время II конгресса Коминтерна. Сотрудниками Института истории М. В. Нечкиной и Е. Харламовой была составлена и опубликована в журнале аналитическая библиография «Ленин о западноевропейском революционном движении». Однако полностью реализовать замысел юбилейного номера не удалось²⁰⁷.

На протяжении 1934—1935 гг. в Институте истории читались публичные лекции по историографии, древней, средней, новой истории СССР. Темы лекций сообщались в «Историке-марксисте»²⁰⁸. Сотрудникам института вменялось в обязанность участие в критико-библиографическом отделе журнала, что было закреплено специальным пунктом решения общего собрания института²⁰⁹. Большое значение придавалось дирекцией института библиографированию и рецензированию зарубежной исторической литературы, в том числе зарубежной периодики. В этом дирекция видела одну из форм развития международных связей советских историков. На страницах «Историка-марксиста» получило отражение участие советских ученых в работе международных исторических конгрессов, пленумов Международного комитета исторических наук.

²⁰⁶ «Историк-марксист», 1934, № 1 (35).

²⁰⁷ Сохранился проект юбилейного номера. Намеченные в нем 14 статей и сообщений можно сгруппировать по трем крупным проблемам: ленинская концепция исторического развития, В. И. Ленин — руководитель и создатель партии большевиков, В. И. Ленин и международное коммунистическое и социалистическое движение (Архив АН СССР, ф. 350, оп. 1, д. 338, л. 156).

²⁰⁸ «Историк-марксист», 1935, № 5—6 (45—46).

²⁰⁹ Там же, № 11 (51), стр. 134—135.

Создание Института истории Комкадемии на рубеже 20—30-х годов XX в. стало возможным благодаря успехам, достигнутым общественными науками, в том числе и историей за первое десятилетие после Октябрьской социалистической революции. К числу достижений относилось создание первого объединения советских историков — Общества историков-марксистов. Деятельность обоих научных центров была теснейшим образом связана с первым советским историческим журналом широкого профиля — журналом «Историк-марксист». Последний принял самое активное участие в борьбе за утверждение в советской историографии марксистско-ленинской концепции исторического процесса.

ТРУДОВАЯ ГРУППА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д. А. Колесниченко

Изучение Трудовой группы связано с исследованием кардинальной проблемы революционного движения — проблемы возникновения, развития и укрепления союза пролетариата и крестьянства. Одним из важнейших условий становления этого союза было воспитание широких масс населения, прежде всего крестьянства, в духе сознательного демократизма. «Пока исторической задачей эпохи в России останется политическое преобразование ее в демократическом направлении, — писал В. И. Ленин, — до тех пор *весь гвоздь* вопроса об этом преобразовании неизбежно будет состоять в том, чтобы *очень* широкие, самые широкие массы населения стали сознательно демократами, т. е. вполне определенными, последовательными, решительными противниками какой бы то ни было узости, ограниченности, половинчатости, трусости либерализма»¹. Ленин призывал рабочих настойчиво добиваться «воплощения в жизнь этой политической задачи нашего времени»².

В момент деятельности I Государственной думы, на трибуне которой впервые от имени всероссийского крестьянства выступила Трудовая группа, в многочисленных статьях Ленин, обосновывая большевистскую тактику в отношении Думы и ее главных политических партий, определял отношение пролетариата к Трудовой группе как к представительнице крестьянской демократии.

Оценки Лениным социально-экономического и политического характера Трудовой группы с точки зрения коренных задач революционной борьбы пролетариата чрезвычайно важны для понимания такой сложной и противоречивой крестьянской организации, какой была Трудовая группа.

Важнейшим моментом, определившим подход большевиков к Трудовой группе, была ее аграрная программа, являвшаяся, по определению Ленина, «главной и основной платформой всего российского крестьянства, выступающего как сознательная общественная сила»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 239—240.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 245.

Учитывая ту роль, которую может сыграть Трудовая группа в процессе политического сплочения крестьянства, большевики призывали рабочих «всеми силами стремиться к усилению агитации среди крестьян, к отделению Трудовой группы от кадетов, к выставлению этой группой полных и законченных политических требований»⁴.

Содержанием агитации рабочего класса, его авангарда — большевиков по отношению к Трудовой группе была борьба за превращение ее в последовательную революционную демократическую крестьянскую организацию. Именно с этой целью они разъясняли трудовикам в своих обращениях неразрывную связь между удовлетворением земельных требований крестьянства и необходимостью уничтожения самодержавия и установления демократической республики, доказывали бесплодность работы в бесправной Думе, призывали Трудовую группу переходить к непосредственной организации крестьян для борьбы за землю и волю, требовали от трудовиков вести самостоятельную политику в Думе, не идти на поводу у либеральных соглашателей-кадетов.

Критикуя шатания трудовиков от демократизма к либерализму, их уступки кадетам, большевики поддерживали революционно-демократическое содержание их аграрной программы, особенно ее положения о местных земельных комитетах. В комплексе вопросов, связанных с политической эволюцией Трудовой группы, большевики придавали определенное значение и агитации за превращение ее в крестьянскую республиканскую партию⁵.

В. И. Ленин рассматривал Всероссийский крестьянский союз и Трудовую группу как «зародыши», «зачатки» «особой крестьянской партии»⁶.

Образование крестьянской партии в 1905—1907 гг. большевики считали неизбежным и желательным явлением. Неизбежность обуславливалась задачами искоренения крепостничества в землевладении и политической надстройке. В обстановке нерешенности вопроса о путях капиталистического развития деревни крестьянство было революционной силой, сплоченной в борьбе против феодально-крепостнических пережитков. Образование крестьянской республиканской партии было желательно, поскольку придало бы борьбе крестьянства «цельность и решительность», способствовало бы сплочению крестьянства на последовательной революционно-демократической платформе⁷. Не менее важно было образование крестьянской партии и для укрепления союза пролетариата и крестьянства. Хотя, как писал Ленин, возражая меньшевикам, возникновение и развитие этого союза совсем не обусловлено необходимостью образования крестьянской партии, одна-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 97.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 46; т. 21, стр. 251, 271—272.

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 382, 385.

⁷ «Волна», 27 апреля 1906 г.

ко возникновение такой партии открывало возможности осуществления союза пролетариата и крестьянства как вполне оформленного политического соглашения⁸.

Большевики поддерживали идею образования крестьянской партии в борьбе с попытками подчинить крестьянское движение контрреволюционным целям либеральной буржуазии, затушевать коренные противоречия между либеральной и крестьянской демократией в решении острых проблем социально-экономического и политического развития России, воспрепятствовать необходимому с точки зрения судеб революции процессу отделения крестьянской демократии от демократии либеральной.

С немалой остротой развернулась борьба большевиков с эсерами и энесами, проповедовавшими беспартийность крестьянского движения, выдвигавшими идею образования «надклассовой» организации, объединяющей рабочих, крестьян и интеллигенцию. Эта идея наносила вред не только политической определенности рабочего класса, вполне отмежевавшегося от либерализма, но и политическому просвещению крестьянства.

Принципиально важным в оценке большевиками социальной и политической природы Трудовой группы было рассмотрение ее не только как выразительницу крестьянских интересов и требований, но и как представительницу «чрезвычайно широкого и безусловно массового народнического или трудовического течения, выразившего интересы и точку зрения крестьянства в русской буржуазной революции»⁹.

В отличие от «вульгарных марксистов»-меньшевиков, Ленин увидел под «мертвой доктриной народнической теории» отражение «живой жизни крестьянской революции», под ошибочными с точки зрения социалистических задач пролетариата народническими положениями об «уравнительности» и «трудовом начале» — «исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством», выражение революционного крестьянского демократизма, «самой решительной борьбы против старой крепостнической России»¹⁰.

Учитывая революционно-демократический характер требований трудовических или народнических партий, решения III и V съездов РСДРП допускали временные боевые соглашения с ними для сплочения всех революционных сил в единый революционный лагерь. Эти боевые соглашения пронизывали все крупные события Первой революции, свидетельствуя об осуществлении большевиками тактики «левого блока» в революции.

Рассматривая Трудовую группу как одну из политических организаций типа трудовиков, Ленин ставил как само образова-

⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 381—382.

⁹ Там же, стр. 349. См. также т. 13, стр. 144; стр. 22—24, 80, 109—110, 135—138.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 213, 259.

ние группы, выработку программы, так и все ее развитие и деятельность в тесную взаимосвязь с партиями и организациями этого политического течения.

Эти основные моменты ленинской оценки Трудовой группы дают ключ к пониманию образования, деятельности и политической эволюции ее в период первой русской революции.

В данной статье делается попытка рассмотреть, в каком направлении велось изучение советскими историками одной из крестьянских политических организаций.

Изучение мелкобуржуазных партий советскими историками, начиная с 20-х годов XX в. и до последнего времени, более всего было сосредоточено на самой крупной из них — партии эсеров. Исследование же таких крестьянских организаций, как Всероссийский крестьянский союз и Трудовая группа, велось далеко недостаточно. Если по истории Всероссийского крестьянского союза существует несколько научных статей¹¹, то Трудовой группе специальных исследований посвящено не было. Отдельные стороны деятельности и социально-политической характеристики Трудовой группы получили освещение в исторической литературе в связи с изучением крестьянского движения, проблемы союза пролетариата и крестьянства, тактики РСДРП в думский период, истории всех Государственных дум, а также в связи с исследованием аграрных программ партий в период первой русской революции.

До последнего времени внимание исследователей, касающихся деятельности Трудовой группы, было приковано к таким важным вопросам, как общая оценка социально-политического характера Трудовой группы, анализ ее аграрного законопроекта — «Проекта 104-х», вопрос взаимодействия либеральной партии кадетов и крестьянских демократов в Думе, а также вопрос об отношении рабочего класса и его партии к Трудовой группе.

Одна из первых попыток дать представление о Трудовой группе принадлежит С. Г. Томсинскому¹². При определении политического характера Трудовой группы Томсинский использовал ленинские характеристики ее аграрного законопроекта. Он охарактеризовал Трудовую группу как организацию, «отражавшую настроение радикальной буржуазии — мелкого крестьянства»¹³.

Опираясь на характеристику Лениным аграрного проекта трудящихся как «главной и основной платформы» всего крестьян-

¹¹ А. Шестаков. Всероссийский крестьянский союз.— «Историк-марксист», 1927, № 5; Е. И. Кирилина. Всероссийский крестьянский союз в 1905 году.— «Исторические записки», т. 50; она же. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 году.— «Ученые записки Кировского гос. пед. института им. В. И. Ленина», 1956, вып. 10.

¹² С. Г. Томсинский. Борьба классов и партий в первой Государственной думе (27 апреля — 8 июля 1906 г.). Краснодар, 1924; он же. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М., 1924.

¹³ С. Г. Томсинский. Борьба классов и партий в первой Государственной думе, стр. 39, 44, 45.

ства, Томсинский вместе с тем утверждал, что Трудовая группа в целом не поддерживала национализации земли, требование которой, по мнению Томсинского, было лишь «народнической идеей»¹⁴. Мысль о стихийности и неоформленности крестьянского требования национализации земли превращалась у Томсинского в отрицание Трудовой группой идеи национализации земли вообще.

В своей работе Томсинский поставил важную проблему освобождения крестьянства от влияния либеральной идеологии и на примере Трудовой группы проследил процесс освобождения крестьянских депутатов от влияния конституционных иллюзий и влияния кадетской партии. Развитие противоречий между трудовиками и кадетами прослежены им на обсуждении в Думе таких законопроектов, как аграрный, о свободе собраний, об отмене смертной казни, по продовольственному вопросу и ряду других. В результате Томсинский пришел к важному выводу о разочаровании части трудовиков в законодательной работе и признании ими необходимости борьбы вне Думы¹⁵. Таким образом, Томсинский первым из историков обозначил проблему политической эволюции Трудовой группы. Однако, наметив эту проблему, Томсинский не заметил новых явлений в политических и тактических представлениях трудовиков, не увидел их тактики «организации народных сил», являвшейся одним из ярких проявлений начавшегося разрыва политического союза трудовиков с кадетами. Проблема политической эволюции Трудовой группы, намеченная Томсинским, не получила развития в его работе. Он писал об отсутствии у Трудовой группы «самостоятельной тактики» и «определенных принципов», о ее «никчемности и растерянности», неспособности ни на какие решительные действия¹⁶. Важно также отметить, что анализ политического характера Трудовой группы и ее деятельности давался Томсинским вне связи с воздействием на трудовиков революционной борьбы рабочих и крестьян, а также всего революционного лагеря. Характерным для Томсинского было также рассмотрение Трудовой группы только как «парламентской» организации, вне связи ее с крестьянскими массами. Между тем Трудовая группа внесла свой вклад в процесс сплочения и пробуждения активности крестьянства. Такие формы внедумской деятельности трудовиков, как посылка крестьянам газет, литературы, стенографических отчетов, писем к избирателям, поездки трудовиков на места и их агитация среди крестьян за свою аграрную программу, попытки организации крестьян вокруг местных отделений Трудовой группы, способствовали подъему крестьянской борьбы летом и осенью 1906 г.

Вопрос о внедумской деятельности трудовиков частично был затронут в работе 20-х годов М. И. Ахуна и В. А. Петрова,

¹⁴ Там же, стр. 41.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 81—82.

в которой освещена деятельность трудовиков среди солдат Петербургского гарнизона¹⁷. Ими была также сделана попытка дать характеристику социальной сущности Трудовой группы. Однако если Томсинский, показав ее противоречивый характер, в то же время отметил, что Трудовая группа была выразительницей интересов крестьянства в целом, то Ахун и Петров писали о Трудовой группе как о выразительнице настроений только «так называемых хозяйственных крестьян в Государственной думе»¹⁸.

В 20—40-х годах XX в. появился ряд работ, которые хотя и не были непосредственно посвящены Трудовой группе, но являлись значительным вкладом в разработку проблем, связанных с изучением мелкобуржуазных партий и тактики большевиков по отношению к партиям и организациям революционной буржуазной демократии.

К таким работам надо отнести исследования, связанные с изучением крестьянского движения. Среди этих довольно многочисленных работ особое место занимало исследование П. Н. Першина¹⁹, поскольку в нем ставился общий вопрос о характере требований крестьянских масс в период первой русской революции. Для решения поставленной задачи автором были привлечены крестьянские наказы, приговоры, прошения, в том числе и направляемые ими в Думу. Выводы Першина о требовании крестьянами передачи всех земель народу и их национализации, о буржуазно-демократическом содержании крестьянской политической программы давали также обширный материал для решения вопроса о содержании программы Трудовой группы и степени отражения ею требований крестьянских масс.

Тактика большевистской партии по отношению к партиям революционной буржуазной демократии во время первой русской революции была затронута в работах М. П. Павлова и Е. Д. Черменского²⁰.

Книга Павлова раскрывала тему борьбы с меньшевизмом в 1905—1907 гг. на опыте думской тактики большевиков, главным содержанием которой, по определению Павлова, была борьба за крестьянство. Павлов затрагивал вопрос об отношении партии большевиков к Трудовой группе. На большом фактическом материале им раскрывалась деятельность большевиков, направленная на откол революционной буржуазной демократии от кадетов, на воспитание крестьянской демократии в духе последовательного революционного демократизма. Рассматривая Трудовую группу

¹⁷ М. И. Ахун и В. А. Петров. Большевики и армия в 1905—1907 гг. Л., 1929.

¹⁸ Там же, стр. 45.

¹⁹ П. Н. Першин. Крестьянство в революции 1905 года.— «Вопросы истории», 1946, № 11—12.

²⁰ М. Павлов. Думская тактика большевиков в революции 1905—1907 годов. Л., 1947; Е. Д. Черменский. Первая Государственная дума.— «Исторический журнал», 1939, № 5; он же. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. М.—Л., 1939.

как организацию, отражавшую в первой революции интересы широких крестьянских масс, Павлов показал процесс ее освобождения от влияния кадетов и сближения с социал-демократической фракцией в Думе, установления союза между ними после разгона Думы.

Статья Черменского о I Думе освещала взаимоотношения кадетов и трудовиков как отражение борьбы либерально-монархической буржуазии за крестьянские массы. Черменский показал процесс освобождения трудовиков от конституционных иллюзий и от влияния кадетов как результат обнаружившихся противоречий между трудовиками и кадетами по ряду крупных вопросов, в первую очередь аграрному, как следствие разочарования трудовиков в Думе, а также как результат воздействия на Трудовую группу большевиков. Затрагивая в связи с этим проблему отношения большевиков и меньшевиков к мелкобуржуазной демократии, Черменский показал, что противоречия между ними в решении этого вопроса раскрылись и в подходе к Трудовой группе. Говоря о совместной борьбе большевиков с эсерами за освобождение трудовиков от кадетского влияния, Черменский коснулся также вопроса боевых соглашений с партиями мелкобуржуазной демократии, рассматривая их как часть проблемы союза пролетариата и крестьянства ²¹.

В общей форме вопрос о взаимоотношениях трудовиков и кадетов в I Думе рассмотрен Черменским также и в его монографии. Проследившая прения в Думе, Черменский выделил обсуждение аграрных проектов и провал кадетами проекта трудовиков о местных земельных комитетах как определяющие моменты в процессе отхода трудовиков от кадетов ²².

Значительным вкладом в изучение конкретной истории Трудовой группы (анализ ее аграрных законопроектов, определение ее социально-политического характера и значения деятельности в революционной борьбе) была кандидатская диссертация Л. В. Завадской «Аграрный вопрос в первой Государственной думе». Ставя перед собой задачу показать действительный характер партий в I Думе, выявить две линии представленных в ней аграрных программ, а также проследить процесс высвобождения крестьянских депутатов из-под влияния кадетов. Завадская привлекла для ее решения большой архивный материал. Подчеркивая коренное отличие аграрного проекта Трудовой группы от проекта кадетов, Завадская писала, что «требования трудовиков о земле отвечали интересам крестьян» и что «трудовики в Думе явились выразителями интересов крестьянских масс» ²³.

²¹ *Е. Д. Черменский*. Первая Государственная дума, стр. 103.

²² *Е. Д. Черменский*. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг., стр. 274—275, 279—281.

²³ *Л. В. Завадская*. Аграрный вопрос в первой Государственной думе. Канд. дисс. (рукопись). М., 1947, стр. 13, 15, 232.

Прослеживая влияние либеральной буржуазии на трудовиков, Завадская пришла к выводу, что хотя кадеты по отдельным вопросам вели за собой трудовиков, но добиться полного единства и подчинить их себе кадетам не удалось. Все поведение трудовиков в Думе, особенно их позиция в аграрном вопросе, свидетельствовало о начале их борьбы с кадетами, об обострении отношений между ними и об упадке влияния кадетов на трудовиков.

Таким образом, работы 20—40-х годов XX в., в которых в той или иной степени затрагивалась история Трудовой группы, выявили крестьянский, революционно-демократический характер Трудовой группы, определили большое значение ее аграрного законопроекта, выражавшего интересы широких крестьянских масс, раскрыли содержание тактики большевиков по отношению к Трудовой группе как часть вопроса о союзе пролетариата и крестьянства в буржуазно-демократической революции. Эти работы осветили также очень важную проблему взаимодействия либеральной и крестьянской демократии и на примере Трудовой группы прослеживали процесс освобождения крестьянства от либеральной соглашательской идеологии.

В то же время в этих работах не получила достаточного освещения конкретная история Трудовой группы. В ее социально-политической характеристике по существу отсутствовали такие важные вопросы, как место и роль ее в широком политическом течении трудовиков. Не получили также решения проблема характера политической эволюции Трудовой группы, проблема взаимоотношения Трудовой группы с партиями и организациями политического течения трудовиков.

Вопрос отношения социал-демократии к революционным буржуазно-демократическим партиям и организациям в период первой революции в ряде работ в последующие годы рассматривался главным образом в плане борьбы с мелкобуржуазной идеологией, отрицательный характер которой для буржуазно-демократической революции был преувеличен. Так, по мнению С. Т. Бочарникова, мелкобуржуазные иллюзии «уравнительности» мешали крестьянству идти в решительный бой с врагом»²⁴. В оценке аграрной программы Трудовой группы Бочарников исходил из преувеличенного представления о расслоении крестьянских масс в период первой революции и поэтому рассматривал трудовический «Проект 104-х» только как выражение интересов зажиточного крестьянства, забыв о положении Ленина об этом проекте как платформе «всего русского крестьянства», выражавшей интересы широких крестьянских масс²⁵.

На такой же позиции стояла и А. И. Нильве. По ее мнению,

²⁴ С. Т. Бочарников. Борьба большевиков за крестьянство в период второй Государственной думы. Канд. дисс. (рукопись). М., 1953, стр. 89.

²⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 245.

осуществление союза пролетариата и крестьянства в первой русской революции было возможным только через разоблачение антинародной сущности аграрных программ как либеральной буржуазии, так и мелкобуржуазных партий²⁶.

В подобных работах совершенно не учитывалось положение Ленина о том, что в эпоху буржуазно-демократической революции в России мелкобуржуазные иллюзии «уравнительности» и «трудового начала» служили знаменем последовательной революционности крестьянских масс²⁷. Подчеркивая вредность, ошибочность, реакционность, авантюристичность мелкобуржуазной теории эсеров с точки зрения научного социализма и социалистических задач пролетариата, Ленин неоднократно указывал, что отмеченные «качества не мешают этой quasi-социалистической доктрине быть идейным облачением действительно революционной, а не соглашательской, буржуазии и мелкой буржуазии в России»²⁸.

Расширение документальной основы исследований благодаря громадной публикаторской работе, проделанной советскими историками в связи с 50-летним юбилеем первой русской революции, а также расширение самого круга проблем, связанных с изучением первой революции, представляли ту базу, на которой появилась возможность более глубокого и всестороннего освещения революционных событий 1905—1907 гг., в частности роли в революции партий и организаций мелкобуржуазной демократии.

Большое значение для более глубокого проникновения в сущность ленинских положений о революционной роли аграрных программ и деятельности мелкобуржуазных партий в период буржуазно-демократической, крестьянской революции в России имели исследования советских историков о характере капиталистической эволюции деревни в конце XIX — начале XX в. Эти работы давали возможность оценить аграрные программы мелкобуржуазных партий не как выражение интересов зажиточных слоев крестьянства, а как отражение общих крестьянских требований той конкретной исторической эпохи, когда тип капиталистического развития деревни еще только складывался.

В этой связи появился ряд работ, конкретно исследующих аграрные программы мелкобуржуазных партий. Ценным вкладом в их исследование явилась коллективная работа научных сотрудников Института экономики АН СССР²⁹. Освещая политические взгляды и программу партии эсеров, авторы сборника показали в соответствии с ленинским анализом всю их противоречивость и вместе с тем революционно-демократическое содержание программы эсеров, отметив ее прогрессивность с точки зрения за-

²⁶ А. И. Нильве. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. Канд. дисс. (рукопись). Одесса, 1953, стр. 3, 41—42.

²⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 213, 259.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 350.

²⁹ «История русской экономической мысли», т. III, ч. 1. М., 1966.

дач буржуазно-демократической революции. К сожалению, аграрной программе Трудовой группы в работе почти не уделено внимания, она неправомерно отождествлена с программой партии народных социалистов (энесов), ее характеристика дана однозначно с программой этого правого течения народнической мысли.

Оценка роли мелкобуржуазных партий и их программ затронута в работе С. П. Трапезникова, исследующего аграрную программу большевиков на протяжении трех революций³⁰.

В этой работе показаны не только ошибки народнической доктрины, но и позитивный вклад народнических партий в решение аграрного вопроса. Этот вклад, по заключению Трапезникова, состоял в пробуждении политической активности крестьянства. Партия эсеров, несмотря на ошибочность своих программных положений, «все же выдвигала в то время такие лозунги, которые способствовали пробуждению революционного сознания крестьянских масс, поднимали их на борьбу за уничтожение помещичьего землевладения». В этом Трапезников видит «выдающееся историческое значение» мелкобуржуазных партий — эсеров и трудовиков³¹.

Большое значение для исследования роли мелкобуржуазных партий в период первой революции имеет изучение самого крестьянского движения. Попытка создания обобщающей работы, в которой был поставлен также и вопрос о соотношении конкретных требований крестьянства и степени их отражения в программах мелкобуржуазных партий, принадлежит П. Н. Першину в его исследовании, посвященном аграрной революции в России³².

Изучив большое количество крестьянских приговоров, сосредоточенных в архивном фонде Государственной думы в ЦГИА СССР, Першин пришел к выводу, что «известная часть крестьян в 1905—1906 гг. шла за кадетами, она писала свои приговоры под влиянием аграрной программы либеральной буржуазии», передовая же часть крестьянства выступала за передачу всей земли трудовому народу, отмену частной собственности на землю, ее национализацию. Рассматривая различные формулировки крестьянами идеи национализации земли, исследуя причины требования крестьянами национализации, Першин пришел к выводу, что национализация земли была знаменем революционного движения крестьян, стала программой подавляющих масс крестьянства³³.

В своей работе Першин связывал революционные требования

³⁰ С. П. Трапезников. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях, т. 1. М., 1967.

³¹ Там же, стр. 120, 326—327.

³² П. Н. Першин. Аграрная революция в России, кн. 1 (От реформы к революции). М., 1967.

³³ Там же, стр. 214—215, 246—262.

крестьян с программами народнических партий вообще и с аграрным проектом Трудовой группы в частности³⁴.

Вместе с тем автор не избежал противоречия в трактовке роли аграрных программ народнических партий в политической борьбе деревни. Отмечая определяющее воздействие пролетариата и его партии в пробуждении политического сознания крестьянства, Першин отрицал известный вклад и буржуазно-демократических революционных организаций в борьбу деревни за демократизацию политического строя России. Такова трактовка Першиным единой позиции партий «либеральной буржуазии», к которой он причислял кадетов, эсеров и трудовиков, в распространении конституционных иллюзий в деревне, в подталкивании Всероссийского крестьянского союза на путь отказа от революционных методов борьбы³⁵.

Значительно продвинулась разработка проблемы взаимодействия пролетарской и крестьянской демократии в период первой революции в связи с постановкой советскими историками проблемы «левого блока» как проявления гегемонии пролетариата в революции в борьбе за союз сил пролетариата и крестьянства. Обобщенное представление о проведении большевиками тактики «левого блока» на протяжении всей революции дано в многоотной «Истории КПСС»³⁶. В разработке этой проблемы важной вехой стала научная сессия, посвященная 60-летию первой русской революции, организованная Институтом истории АН СССР совместно с ИМЛ при ЦК КПСС. На этой сессии в целом ряде докладов конкретно рассматривались формы большевистской тактики «левого блока» и освещалась роль мелкобуржуазных партий в период первой революции³⁷.

В направлении изучения тактики большевиков по сплочению всех революционных сил в 1905—1907 гг. ведется большая исследовательская работа, появился целый ряд серьезных научных работ. Следует отметить коллективную монографию «Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством», в которой подчеркнута выдающееся значение борьбы пролетариата по сплочению всех демократических сил России в 1905—1907 гг., в результате чего «пролетариат мобилизовал миллионные массы на борьбу против царизма и помещиков, поднял трудящиеся массы крестьянства к самостоятельному историческому творчеству...»³⁸. В монографии отмечена роль в революции таких политических крестьянских организаций, как Всероссийский крестьянский союз и Трудовая группа, в возникновении которых проявилось орга-

³⁴ Там же, стр. 215.

³⁵ Там же, стр. 247, 250, 253, 255.

³⁶ «История КПСС», т. 2. М., 1965, гл. 2.

³⁷ «Научная сессия по истории первой русской революции в 1905—1907 годах». Тезисы докладов и сообщений. М., 1965.

³⁸ «Ленинское учение о союзе пролетариата с крестьянством». М., 1969, стр. 10.

низационное творчество крестьянства. Остановливаясь на борьбе большевиков за крестьянство в думский период, авторы монографии отметили поддержку большевиками как аграрных требований трудящихся, так и «деятельность трудящихся по политическому просвещению и организации крестьянства»³⁹.

Расширение и углубление проблематики истории первой революции привлекло внимание исследователей и к истории крестьянских политических организаций, в том числе и к Трудовой группе.

Надо отметить, что отсутствие исследований по истории мелкобуржуазных партий и крестьянских организаций в первой революции создает известные трудности в изучении Трудовой группы. Так, отмеченные выше две содержательные статьи Е. И. Кирюхиной о Всероссийском крестьянском союзе касаются только 1905 г. и не освещают деятельности этой организации в последующие годы революции. Между тем Всероссийский крестьянский союз не только продолжал существовать в 1906—1907 гг., но действовал как революционно-демократическая организация и оказывал влияние на Трудовую группу. Партия эсеров, воздействие которой на трудящихся также было значительно, конкретно почти не изучена. За исключением кандидатской диссертации З. З. Мифтахова⁴⁰, исследовательских работ по истории этой организации в 1905—1907 гг. нет. Но и работа Мифтахова показывает деятельность партии эсеров только в период подъема революции — в 1905 г.

Деятельность Трудовой группы в период I Думы затронута в статье Л. В. Завадской, посвященной аграрному вопросу в I Думе⁴¹. В данной статье, основанной на материалах одноименной диссертации, Завадская наметила основные вехи развития Трудовой группы от ее возникновения накануне открытия Думы до образования Комитета Трудовой группы. Ею обстоятельно проанализированы аграрные проекты трудящихся, кратко показана деятельность трудящихся на местах, освещен вопрос об освобождении трудящихся от влияния кадетской партии. Давая общую оценку Трудовой группе, Завадская сделала вывод, что Трудовая группа «являлась представительницей крестьянской демократии. Она готова была на действительную революционную борьбу за решение аграрного вопроса в интересах крестьянства»⁴². Вместе с тем надо отметить, что в анализе политических взглядов трудящихся и их тактики Завадская не продвинула своего исследования вперед по сравнению с предшествующей ра-

³⁹ «Ленинское учение о союзе пролетариата с крестьянством». М., 1969, стр. 106.

⁴⁰ З. З. Мифтахов. Эволюция социалистов-революционеров и тактика большевиков по отношению к эсеровской партии в период первой революции в России. Канд. дисс. (рукопись). Казань, 1968.

⁴¹ Л. В. Завадская. Аграрный вопрос в I Государственной думе.— «Большевики во главе первой русской революции 1905—1907 гг.». Сборник. М., 1956, стр. 431—485.

⁴² Там же, стр. 458—459.

ботой. Можно уловить постановку ею вопроса о политической эволюции Трудовой группы, но рассмотрение ее по-прежнему было ограничено исследованием процесса преодоления трудовиками кадетского влияния. Отметив противоречие между революционно-демократической аграрной программой трудовиков и их методами борьбы, Завадская не показала процесса преодоления трудовиками их отношения к «мирному парламентаризму» и перехода к новой тактике — «организации народных сил».

Как и в предшествующей работе, Завадская связывала процесс преодоления трудовиками кадетского влияния только с воздействием на Трудовую группу большевистской агитации. Вместе с тем проблема взаимодействия Трудовой группы с революционными буржуазно-демократическими партиями и организациями, сыгравшими большую роль как в образовании, так и в ее эволюции, не затронута в работе Завадской. Таким образом, Трудовая группа по-прежнему рассматривалась вне политического течения трудовиков.

В монографии С. М. Сидельникова о I Государственной думе⁴³ много места уделено Трудовой группе. В ней освещена не только аграрная программа, но и деятельность трудовиков как в Думе, так и вне ее, затронуты вопросы состава группы, его изменения на протяжении работы Думы. Сидельников, как и другие историки, также рассматривал на примере Трудовой группы проблему взаимодействия либеральной буржуазии и крестьянства, прослеживал процесс освобождения крестьянских депутатов от воздействия либеральной идеологии и тактики. Вместе с тем им затронута и новая проблема — взаимоотношения Трудовой группы и партии эсеров в плане краха идеологии эсеров в глазах крестьянских депутатов I Думы. Неприятие трудовиками эсеровской «социализации» Сидельников отождествляет с беспочвенностью эсеровской аграрной программы вообще⁴⁴. Противопоставляя трудовиков эсерам, Сидельников тем самым односторонне трактовал взаимоотношения этих политических организаций. Внеся известный вклад в исследование конкретной истории Трудовой группы в период I Думы, Сидельников ограничился в плане исследования проблемы крестьянской демократии (представленной в Думе трудовиками) двумя традиционными вопросами — анализом аграрной программы Трудовой группы и вопросом преодоления трудовиками кадетского влияния. В статьях Д. А. Колесниченко сделана попытка расширить круг проблем, связанных с историей Трудовой группы⁴⁵. Рассматривая историю Тру-

⁴³ С. М. Сидельников. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.

⁴⁴ Там же, стр. 302.

⁴⁵ Д. А. Колесниченко. Возникновение и деятельность Трудовой группы. — «История СССР», 1967, № 4; она же. Аграрные проекты трудовиков в первой Государственной думе. — «Исторические записки», т. 82.

довой группы как часть процесса политической консолидации крестьянства вплоть до попыток образования крестьянской партии, автор показывал сложный процесс эволюции политических и тактических воззрений трудовиков в процессе взаимодействия Трудовой группы, с одной стороны, с крестьянством и партиями трудовического политического течения, с другой — с рабочим классом и его партий.

Из работ, вышедших в последнее время, в которых затронуты некоторые вопросы взаимодействия крестьянской демократии (трудовиков) и либеральной буржуазии (кадетов), следует отметить монографию Е. Д. Черменского «Буржуазия и царизм в первой русской революции». Противопоставляя кадетский аграрный «Проект 42-х» и трудовический «Проект 104-х», автор отметил объективное отражение ими двух возможных путей разрешения аграрного вопроса в России — «прусского» и «американского»⁴⁶. Отметив, что аграрные прения в Думе обнаружили непримиримые расхождения между кадетами и трудовиками⁴⁷, Черменский показал процесс сближения трудовиков с социал-демократической фракцией в Думе и после ее разгона. В известной степени разработан им также вопрос взаимоотношений трудовиков с кадетами, с одной стороны, и с социал-демократической фракцией — с другой, во II Думе. Но проблема эволюции политических и тактических воззрений крестьянских демократов не прослежена в этой работе.

Таким образом, в работах последнего времени история Трудовой группы получила довольно полное освещение. Сделана попытка рассмотрения ее развития в тесном и сложном взаимодействии с партиями и организациями всего революционного лагеря. Однако возможность более углубленного изучения Трудовой группы тесно связана с исследованием деятельности партий и организаций крестьянской демократии как ее левого, революционного, так и правого, оппортунистического течения. Вместе с тем совершенно очевидно, что изучение как Трудовой группы, так и других мелкобуржуазных партий должно быть поставлено на прочную основу конкретного изучения и обобщения социально-экономических и политических представлений и требований самого крестьянства в период буржуазно-демократической революции, изучения особенностей крестьянского демократизма. Лишь конкретное соотношение крестьянских требований и представлений с программами партий и организаций мелкобуржуазной демократии даст ответ на вопрос о степени выражения ими интересов крестьянских масс, о степени их демократизма, о направлении, характере и результатах их политической эволюции на протяжении всей революционной эпохи.

⁴⁶ Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, стр. 277.

⁴⁷ Там же, стр. 280.

**ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ
РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
В ТРУДАХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ
СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.**

Р. А. Киреева

Периодизация истории науки помогает вскрыть основное, магистральное направление в развитии историографии, помогает увидеть главные и второстепенные повороты в ее эволюции. Естественно, что проблема периодизации истории исторической науки возникла значительно позднее, чем появлялись отдельные историографические работы, так как прежде необходимо было накопить конкретный материал, иметь определенную фактическую основу.

Первые попытки периодизации отечественной историографии относятся к середине XIX — началу XX в. Это, как известно, было время бурного развития буржуазной исторической науки и одновременно начала кризисного ее состояния. Именно в эти годы наиболее отчетливо обнаруживались противоречия различных исторических школ и направлений, именно в это время создавались, приходили в столкновение, проверялись и отвергались жизнью различные концепции; именно тогда набирало силы и все более проникало в науку новое в России — сначала революционно-демократическое, а затем и марксистское понимание истории.

Не случайно, что этот же период оказался наиболее активным и для изучения историографии. Отдельные стороны из истории науки привлекали внимание ученых еще значительно раньше середины XIX в., но все же в целом историография разрабатывалась эпизодически, от случая к случаю. Примерно с середины прошлого века в изучении историографии обнаруживаются новые черты — стали защищаться магистерские и докторские диссертации на историографические темы, в учебных заведениях начали читаться специальные лекционные курсы, на основе которых писались и первые обобщающие труды. Историография, таким образом, выростала в самостоятельную научную дисциплину.

Однако изучение историографии было сопряжено с известными затруднениями, особенно на раннем этапе, когда еще не был накоплен достаточный опыт. Поэтому для историографических

работ середины XIX в. характерен ряд общих недостатков. Прежде всего частое смешение историографического, источниковедческого, а нередко и библиографического подходов. Лишь к концу века историки стали преодолевать это.

Типичным было отношение к летописям и к другим историческим памятникам до XVIII в. как к «сырым источникам», в которых не видели принципиального отличия от актового, юридического материала и в которых не улавливали напластований и различных редакций, отражавших меняющиеся идеологические и политические взгляды их авторов. Как справедливо отмечал Н. Л. Рубинштейн, разрыв и противопоставление источников историческим сочинениям «в развитии исторической науки коренится в особой буржуазной трактовке как источника, так и истории. Историческая наука, согласно этой точке зрения, есть прежде всего субъективная интерпретация исторических фактов. Источник должен быть прежде всего «объективен», причем «объективность» понимается формально, как отсутствие авторского начала, как голое воспроизведение факта, его простая фотография. Поэтому и летопись, утверждаемая как источник, превращается в простую и непосредственную регистрацию исторических фактов»¹. В силу этого длительное время не было представлений о летописных сводах как об исторически сложившихся произведениях, в которых отражались тенденциозные, политические и классовые интересы. В итоге историки долгое время некритически повторяли тенденциозные оценки летописцев, не видя в летописях авторского осмысления событий. Все это тормозило изучение русской историографии древнейшего периода.

В течение многих десятилетий в дворянско-буржуазной исторической науке господствовало положение о начале изучения русской истории лишь с XVIII в. Увидеть ее истоки и проследить ее развитие в более ранние столетия удалось, как увидим, немногим.

Для большинства историков науки было характерно ограничение историографии жесткими рамками «академической» науки и отсечение трудов и взглядов непрофессиональных ученых, особенно для времени XIX — начала XX в. В результате этого вне внимания историков оставались журналистика, революционно-демократическое, а затем и марксистское направления в исторической науке. Эти и другие недостатки дворянско-буржуазных историков не могли не повлиять и на их периодизацию русской историографии.

В настоящей статье мы и ставим перед собой задачу проследить за тем, как буржуазные дореволюционные историки понимали и решали задачу периодизации. При конкретном рассмотрении историографических работ мы будем придерживаться хронологической последовательности.

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 18—19.

К сожалению, в этом плане мало что можно сказать об одном из первых общих курсов — о курсе по русской историографии профессора Н. А. Иванова (1813—1869 гг.), прочитанном им в Казанском университете в 1846/47 уч. г. Мы не располагаем пока сведениями о том, сохранилась ли до наших дней рукопись этого курса, лишь небольшая часть его была опубликована в «Ученых записках» Казанского университета. Краткие данные, приведенные о рукописном курсе Иванова в книге В. С. Иконникова², не дают возможности судить о том, была ли там периодизация истории исторической науки, но все же тут возможны кое-какие наблюдения. Видимо, эта работа не носила чисто историографического характера. В ней наряду с историко-литературными источниками рассматривались и вещественные памятники («*monumenta illiterata*»), куда автором были отнесены сведения и о народном быте и преданиях. Обзор же «*monumenta literata*» Иванов начинал с летописей, потом касался «Степенной книги», хронографов, сказаний, записок. Наряду с русской исторической литературой он рассматривал и государственные акты, и записки иностранцев (византийские, восточные и западные).

По утверждению Иконникова, в этой работе Иванов значительное место отводил попыткам обработки русской истории, начиная с первых опытов в этом роде — «ранее Татищева», уточнил Иконников, но подробнее не перечислил, какие же именно работы относил сюда Иванов. Из историков XIX в. Ивановым были названы Н. М. Карамзин, Н. А. Полевой, Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин, П. Г. Бутков. Таким образом, можно сказать, что Иванов проследил хронологически значительный путь развития истории исторической науки с момента ее зарождения и до современного автору времени. Очевидно, можно согласиться с мнением Иконникова, что «нельзя не отдать должного уважения автору, сумевшему впервые обстоятельно и подробно изложить общий ход развития науки русской истории, указать литературу рассматриваемых вопросов и критически отнестись к мнению писателей»³.

Итак, Иванов начинал историю науки с мифологии и песен, затем переходил к летописанию, но, к сожалению, мы не можем судить о его подходе к летописным сводам, не знаем, видел ли он принципиальное отличие летописей XI—XIII вв. от летописей XIV в. и еще более поздних. Достоверно лишь то, что наряду с летописными сводами он анализировал и новые виды исторических работ — «Степенную книгу», хронографы и т. д. Чрезвычайно интересно было бы выяснить, с какого труда Иванов вел начало «обработки русской истории», известно только, что труд В. Н. Татищева он называл не первым. Этот факт

² В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1891, стр. 263 *—264 *.

³ Там же, стр. 264 *.

имеет большое принципиальное значение, ибо многие последующие историки склонны были начинать «научную обработку истории» значительно позже, с трудов немецких ученых XVIII в. «Отцом русской истории» называли то А.-Л. Шлецера, то Г.-Ф. Миллера, то Г.-З. Байера, и когда было восстановлено имя Татищева как основателя отечественной истории, это было уже значительным шагом вперед. Вместе с тем и фигура Татищева тоже на определенное время заслонила более ранние периоды изучения истории и более ранних авторов исторических сочинений.

Таким образом, даже в том случае, если так и не будет найден этот ранний историографический курс, имя Иванова должно быть восстановлено и должно занять подобающее ему место в ряду историков, изучавших историю исторической науки.

В истории изучения историографии значительную роль сыграли работы С. М. Соловьева (1820—1879 гг.). Именем Соловьева знаменуется начало исследования отечественной истории исторической науки крупнейшими историками дореволюционной России. Для самого же Соловьева обращение к историографии было естественной потребностью и практической необходимостью. Взяв на себя труд написать многотомную последовательную «Историю России с древнейших времен», он столкнулся с необходимостью изучения трудов своих предшественников. Л. В. Черепнин во вводной статье к новому изданию «Истории России» справедливо подчеркивал, что обращение к историографии было связано для Соловьева с его общеисторической концепцией, которая, «объясняя на основе раскрытия «закономерностей общественного организма» прошлое России, служила бы политическим ориентиром в современной автору действительности, намечая пути ее дальнейшего изменения от «малого» к «великому» без революционной ломки»⁴.

Историографическое наследие Соловьева составляют работа «Писатели русской истории XVIII века» и серия близко примыкающих к ней статей об историках: Н. М. Карамзине, Г.-Ф. Миллере, А.-Л. Шлещере и М. Т. Каченовском. Почти все эти статьи были созданы Соловьевым в середине 50-х годов XIX в. и написаны в одной манере — в форме отдельных очерков. Даже один перечень историографических работ Соловьева говорит о том, что его внимание привлекали историки XVIII — начала XIX в., т. е. работы наиболее близких его предшественников.

Периодизацию истории исторической науки как особую проблему Соловьев не выделял. Более того, думается, и по отношению к историографии он придерживался той же точки зрения, которую он высказал в «Предисловии» к «Истории России с древ-

⁴ Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк.— С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1. М., 1959, стр. 18.

нейших времен): «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм...»⁵ Но в процессе написания истории России Соловьев вынужден был выделять основные вехи, хотя он и подчеркивал не столько новые черты периодов, сколько «связь главных явлений», в них замеченных⁶.

При рассмотрении периодизации историографии любимым автором, в том числе и Соловьевым, даже если он и не ставил перед собой подобной цели, надо обратить внимание прежде всего на начало и окончание его рассказа. Свою главную историографическую работу «Писатели русской истории XVIII века» Соловьев начинал с анализа «Ядра Российской истории» А. И. Манкиева, т. е. с конца XVII в., что вполне соответствовало его пониманию общего исторического процесса, так как Соловьев неоднократно подчеркивал тесную связь русской истории конца XVII в. с первой половиной XVIII в. Вместе с тем статьи, посвященные Карамзину, Соловьев начинал с еще более далекого экскурса — примерно с середины XVII в. Он упоминал составленные Артамоном Матвеевым для царевича Федора Алексеевича «Описания всех великих князей и царей российских в лицах с историями», «Историю о царях великих князьях земли русской» дьяка Федора Грибоедова, попытки составить историю Федора Поликарпова и «Родословную роспись...» Феофана Прокоповича, а уж затем только переходил к Манкиеву и за ним — к трудам историков XVIII в. Что касается еще более древних исторических работ — летописей, летописных сводов, хронографов, сказаний, записок, «Степенной книги» и т. п., то их Соловьев квалифицировал только как исторические источники и не подходил к ним с историографической точки зрения. Таким образом, можно сказать, что Соловьев склонен был начинать историю создания исторических работ с начала XVII в. При этом, однако, следует оговориться — Соловьев в работе, специально посвященной памяти Карамзина, при рассмотрении исторических работ его предшественников не исходил из последовательного анализа истории исторической науки, он не ставил перед собой цели следить за постепенным ходом развития исторических знаний в России. Его кредо сводилось к следующему: «В истории выражается народное самопознание, а самопознание есть венец знания»⁷. Отсюда, перебирая в памяти исторические сочинения далекого прошлого, он не находил возможности ни одно из них признать

⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, стр. 55.

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ С. М. Соловьев. «История государства Российского» как выразительница народного самосознания. — «Николай Михайлович Карамзин. Его жизнь и сочинения». Сборник историко-литературных статей. Составил В. Покровский. М., 1912, стр. 119.

венцом науки: «Можно ли же было ожидать венца знания в то время, когда знание было еще только в зародыше?»⁸ — спрашивал он. Чтобы контрастнее оттенить заслуги Карамзина, Соловьев ввел в текст статьи своеобразный рефрен — «древняя допетровская Россия... не оставила истории», «Петр увидел, что история не корабль, на заказ не делается», «история не торжественная ода, на заказ не пишется» и т. п.⁹

Разделяя XVIII в. на два крупных этапа — петровский и екатерининский, Соловьев исторические труды первой половины века считает как «материальное приготовление к написанию русской истории», а труды второй — как «приготовление духовное»¹⁰. В результате появилась «История» Карамзина, которую «можно назвать, — как писал Соловьев, — величественной поэмой, воспевающей государство»¹¹. Подобный подход к историческим работам прошлого, конечно, нарушает историографический принцип, ибо Соловьев в данном изложении исходил не из действительного развития науки во времени, а из требований науки современного ему периода. Он сравнивал сочинения историков прошлых веков не с соответствующим тому времени уровнем исторического знания, а с работами Карамзина и со своей собственной.

Но, впрочем, перед Соловьевым как перед либерально-буржуазным историком стояла еще одна определенная цель. Отстаивая в целом принцип историзма, он должен был путем критики позиций историков «охранительно»-официального направления, крупнейшей фигурой которого был Карамзин, расчистить место для нового буржуазного направления. Напомним, что до работ Соловьева уже шли оживленные споры вокруг имени Н. М. Карамзина. С одной стороны, его «Историю государства Российского» сравнивали с египетскими пирамидами и с открытием Америки, а самого автора — с Петром Великим, с другой стороны, прогрессивная часть общества, начиная с декабристов, высказывала о ней свое резко отрицательное мнение. Так или иначе, труд Карамзина закрыл собой работы предшествовавших историков. Это способствовало укреплению мнения, что только с его «Истории» началось изучение прошлого России. Отсюда и вытекала, вероятно, главная задача, стоявшая перед Соловьевым: признавая заслуги Карамзина, определить действительное его место в истории исторической науки.

С 1853 по 1856 г. в «Отечественных записках» стали появляться статьи Соловьева о Карамзине, где он корректно и последовательно разобрал знаменитый труд главу за главой. Чуть поз-

⁸ С. М. Соловьев. «История государства Российского» как выразительница народного самопознания, стр. 119.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 120.

¹¹ Там же.

же, в 1855 г., вышла в свет его работа «Писатели русской истории XVIII века», само название которой говорило о том, что изучение русской истории существовало и до Карамзина, что у него были предшественники, что его деятельность была подготовлена усилиями других и в известной мере от них зависела. В этой работе Соловьев так же спокойно и авторитетно анализировал труды А. И. Манкиева, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, В. М. Тредьякова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Ф. А. Эмина, И. П. Елагина и митрополита Платона. Таким образом, без крайне обостренных и прямолинейных выводов предстала картина развития исторической науки с конца XVII в., была выявлена связь Карамзина с его предшественниками. Как справедливо отметил П. Н. Милюков, Соловьев «впервые ввел «Историю государства Российского» в ряд других явлений историографии»¹². Как видим, Соловьев свою обязанность историка следить за «непосредственным преемством» выполнил и в области историографии.

Тем не менее, хотя Соловьев начинал работу «Писатели русской истории XVIII века» с анализа «Ядра» Манкиева, а статью о Карамзине — с еще более древних работ, он обратил серьезное внимание на «Историю Российскую» Татищева (это впоследствии оказало большое влияние на исследователей), обстоятельно разобрал сочинения и других русских историков, в том числе Ломоносова, Болтина, Щербатова, вопреки всему этому все же родоначальником исторического направления в науке он назвал немецкого ученого Шлецера; сделал он это в пику славянофилам, называя их позицию «антинаучным направлением»¹³.

В конечном результате в историографических работах Соловьева нельзя точно зафиксировать четкого исходного рубежа, отталкиваясь от которого он вел бы историю науки. Его позиция в этом вопросе несколько противоречива. Вероятно, это можно скорее всего объяснить тем, что до нас не дошла его завершенная обобщающая историографическая работа, на существование или по крайней мере на замысел которой он ссылался в «Писателях русской истории». Вот эта сноска: «Отрывок из большого сочинения о писателях русской истории вообще. Здесь обозреваются только писатели XVIII века, и притом русские»¹⁴.

Сконцентрировав внимание на детальном разборе отдельных работ историков XVIII в., Соловьев ввел в научный оборот свои аргументированные выводы и привлек внимание исследователей к более углубленному изучению проблемы. Но этим самым Соловьев сузил рамки русской историографии, что оказало влияние на последующую литературу, так как его работы, уже неза-

¹² П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898, стр. 148.

¹³ С. М. Соловьев. Собр. соч. СПб., [1901], стлб. 1584.

¹⁴ Там же, стлб. 1317.

висимо от их автора, способствовали утверждению мнения (которое на довольно длительное время оказалось господствующим в исторической науке), что в России до XVIII в. якобы почти не изучалась русская история и что начало этому было положено немецкими учеными.

Н. И. Костомаров (1817—1885 гг.) специально не занимался разработкой проблем историографии. Более того, он сознательно предпочитал историографии источниковедение. Но именно это сознательное предпочтение ценно для изучающих историю русской историографии, ибо он заметил и подчеркнул разницу этих дисциплин, признавая правомерность того и другого подходов к одним и тем же историческим произведениям. «Я почитаю нужным,— говорил Костомаров в лекции по русской истории,— прежде всего сделать обзор источников русской истории удельного уклада, указать их состав, определить их достоверность, их значение в умственной деятельности народа, потом перейти к древним литературным памятникам и, наконец, к правительственным и юридическим актам, не касаясь их, однако, с тех сторон, которые составляют предметы особых наук — истории русской литературы и истории русского законодательства»¹⁵.

В другой лекции («Об отношении русской истории к географии и этнографии»), прочитанной им в 1863 г., Костомаров, подчеркивая важность для историка изучения духовной стороны народной жизни¹⁶, также отстранялся от рассмотрения истории исторической науки: «Не станем в подробности излагать, какими путями шла наука русской истории и какие школы переходила»¹⁷.

И все же Костомаров попутно делал отдельные историографические наблюдения, в том числе о ходе изучения в России истории. Он не называл ни одного точно определенного рубежа, но давал характеристики историческим сочинениям разных эпох, не говоря конкретно при этом, к какому именно времени относятся его замечания. Это привело к тому, что в современных историографических курсах можно встретить разное понимание периодизации Костомарова. Так, в учебнике «Историография истории СССР» (под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева) сказано, что Костомаров «выделял два этапа в развитии историографии — первый, характеризующийся «анекдотическим характером изложения», когда историк «скользил по поверхности прошедшей жизни» (до XVIII в. включительно), и второй, — содержанием которого было искание внутренней связи событий,

¹⁵ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, ч. 1. СПб., 1861, стр. 18 (разрядка наша.— Р. К.).

¹⁶ Так, он считал, что «на первом плане у историка должна быть деятельная сила души человеческой, а не то, что содеяно человеком» (Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. 1. СПб., 1903, стр. 721).

¹⁷ Там же, стр. 722.

когда историки «следили за последовательным развитием и изменением государства»¹⁸. А харьковский исследователь В. И. Астахов склонен считать, что в развитии отечественной историографии Костомаров «видел три этапа: первый (до XVIII века) — «анекдотический», когда историк скользил по поверхности событий; второй — государственный, когда историки «следили за последовательным развитием и изменением государства», и третий — когда «исторические сочинения стали наполняться описаниями внутреннего быта»¹⁹. Как видим, тут расхождение не только в трактовке количества периодов — два или три (кстати сказать, у Костомарова можно найти и четвертый, современный Костомарову период, тайну которого он и пытался открыть в «действенной силе души человеческой») ²⁰, но и в определении границ между первым и вторым периодами. В первом приведенном случае XVIII в. включен в «анекдотический» период, во втором — нет. Подобное недоразумение проистекает из того факта, что сам Костомаров не определял строго рубежи, и вряд ли стоит делать это за него.

Небезынтересно отметить, что И. В. Лашнюков (1823—1869 гг.) (профессор истории и статистики Нежинского юридического лицея кн. Безбородко, в последний год жизни — доцент Киевского университета, автор «Очерков русской историографии» — одного из первых обобщающих историографических сочинений), во многом разделявший взгляды Костомарова, при периодизации русской историографии опирался не на только что приведенные данные Костомарова, а на его периодизацию общеисторического процесса. Напомним, что Костомаров, исходя из своего критерия «двух начал» — начала веча и федерации и начала централизации и монархии, делил русскую историю на «две половины, несходные между собою по духу и содержанию... Первая была Русь удельно-вечевая, вторая — Русь единодержавная»²¹.

Отличительной чертой Лашнюкова как историка был строго критический подход к работам и выводам как предшествовавших, так и современных ему исследователей. Именно эта черта, видимо, и сыграла решающую роль в возникновении его интереса к истории науки. Она помогла ему и «устоять» против авторитета Соловьева и даже в противоположность ему сосредоточить внимание на анализе главным образом древнерусской историографии — летописей и летописных сводов. Уже одно это обстоятельство важно для изучения истории развития отечественной историографии, так как интерес к истории исторической науки того времени способствовал выработке понимания летописи не

¹⁸ «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1971, стр. 238.

¹⁹ В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. 2. Харьков, 1962, стр. 84.

²⁰ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. 1, стр. 720—721.

²¹ Там же, стр. 199.

только как ценнейшего исторического источника, но и как историографического памятника — исторического сочинения.

В сохранившихся программах и отчетах Лашнюкова о преподавании русской истории в лицее, в частности в самой ранней программе 1854/55 уч. г., предусмотрена была значительная историографическая часть. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что Лашнюков уже здесь четко разграничивал «Источники русской истории» и «Историю ее научного обрабатывания», что представляло значительную трудность для историков того времени.

Так же ясно и определенно высказывался Лашнюков о периодизации историографии. «История науки русской истории, — пишет он в программе, — представляет три момента в ходе своего постепенного развития». При этом он подчеркивал особенности «исторического ведения» для каждого периода: «В древнем периоде наше историческое ведение выразилось в летописной деятельности, в форме житий, паломников и сказаний; в среднем периоде — в типах: 1, записки и 2, Сводной летописи; в третьем периоде, с начала 18-го века, в типах специального исследования отдельных предметов по части русской истории и в прагматической системе русской истории в целом ее объеме»²². Те же три периода Лашнюков называет и в специальной историографической работе.

Основная его работа по истории исторической науки первоначально печаталась в виде статей, но только первую из них увидел автор опубликованной (1869 г.), остальные вышли уже после его смерти, в 1872 г. И только в 1874 г. «Очерки русской историографии» были изданы все вместе²³.

«Очерки русской историографии» открывались кратким введением, где автор давал свою периодизацию русской историографии, которую в ходе дальнейшего изложения он дополнял и подробнее мотивировал.

Теперь в основу периодизации Лашнюкова легло понимание (он подчеркивал этот факт), что на авторов исторических сочинений оказывали определяющее влияние происходившие в стране социально-экономические и политические изменения: в содержании «нашей историографии нельзя не заметить особенностей, которые обуславливались ходом исторической жизни»²⁴. На этом основании он считал, что историография «в своем ходе представляет те же периоды, какие прошла наша историческая жизнь», и в соответствии с этим делил ее, так же как и в программах, на три периода: «1) историография удельно-вечевого Руси; 2) исто-

²² Нежинский филиал Черниговского гос. областного архива, ф. 378, оп. 1, д. 604, лл. 4—5.

²³ *И. В. Лашнюков. Очерки русской историографии.* — *И. В. Лашнюков. Посobie к изучению русской истории критическим методом*, вып. 2. Киев, 1874, отд. II.

²⁴ Там же, стр. 4.

риография Московского государства и 3) историография XVIII и XIX вв.»²⁵. Здесь в выделении первых двух периодов заметно влияние схемы Костомарова — это та же «Русь удельно-вечевая» и «Русь единодержавная», только Лашнюков изменил название второго и добавил третий период. При конкретном анализе Лашнюков по существу придерживался тезиса Костомарова о несходности «между собою по духу и содержанию» этих периодов и строил свое изложение на постоянном противопоставлении исторических сочинений этих времен.

Итак, первый период — «удельно-вечевой» — охватывал период с XI по XIV в., т. е. включал в себя время Киевской Руси и феодальной раздробленности. Особенности летописей этого периода Лашнюков выводил из авторской позиции летописцев, которая в свою очередь обуславливалась их общественным положением. «Южнорусский летописец, — писал он, — принимал живое участие в описываемых событиях, присутствовал на вече народных, сопутствовал князьям в походах, видел битвы, рассказывал события, совершавшиеся на его глазах, записывал живые речи, списывал картины с натуры»²⁶. Составляя «замечательно-правдивую историю народа»²⁷, летописец (которого, кстати сказать, Лашнюков чрезмерно идеализировал) «подробно, беспристрастно рассказывал события одного времени, руководствуясь религиозным взглядом и непосредственным чувством»²⁸. Анализу именно этого, самого «достоверного», «правдивого» периода Лашнюков и уделял основное внимание в своих «Очерках», отмечая, что он наименее всего разработан.

Особенности второго периода — «историографии Московского государства» — он давал на фоне постоянного противопоставления его первому. Прежде всего он замечал резкие изменения как в положении летописца, так и в его мировоззрении, на которое оказывала огромное влияние политическая доктрина молодого растущего Московского государства. В противоположность прежним авторам летописей, которые, как подчеркивал Лашнюков, писали непосредственную, живую историю с натуры, новые авторы должны были вести свою работу не только «в тиши монастырской кельи», но, самое главное, они были вынуждены «под руководством власти записывать то, что им рассказывали, а может быть, и сообщали письменно»²⁹. Теперь у них «на первом плане — деяния государей, войны и внешние государственные сношения; это история государственная в тесном смысле этого слова»³⁰. «Религиозное мирозерцание древних летописцев заме-

²⁵ Там же, стр. 2.

²⁶ Там же, стр. 7.

²⁷ Там же, стр. 3.

²⁸ Там же, стр. 49.

²⁹ Там же, стр. 7.

³⁰ Там же, стр. 46.

няется своеобразною церковно-политическою доктриною»³¹, московский летописец строит изложение «в известной системе и проводит в своем повествовании известную политическую мысль»³² — отсюда официальный характер и четкая политическая тенденциозность, что привело к сухому шаблону, к однообразию изложения, к утрате живых подробностей.

Политический процесс объединения русских княжеств вокруг Москвы Лашнюков прямо связывал с составлением летописных сборников: «В то время, когда Русь удельная образовала государство Московское, и историческая деятельность, идущая всегда параллельно с развитием народа, должна была обнаружить тот же процесс соединения в одно целое. Таким образом, летописи отдельных княжеств, вошедших в состав Московского государства, составили огромный летописный сборник»³³.

В зависимости от идейной направленности исторических сочинений Лашнюков далее сгруппировал их в два отдела. Это «памятники официальные», к которым он относит сборники, краткие летописцы и «Степенную книгу», и «памятники неофициальные», существовавшие «рядом с официальной, государственной историографией»³⁴. Сюда он относит местные летописи и записки русских людей³⁵. Как видим, Лашнюков отметил появление новых форм исторических сочинений, что также является признаком, на основании которого целесообразно проводить известную грань в истории науки.

Между тем, правильно указав на записки русских людей как на вновь появившуюся форму исторического произведения, Лашнюков включил в свой анализ и записки иностранцев о Русском государстве. В этом он несколько сбивался с выбранного им историографического подхода к теме, так как записки иностранцев, являющиеся ценнейшим историческим источником, не могут быть отнесены к историографическим памятникам *русской* исторической науки. Подобную же ошибку, как увидим ниже, совершал впоследствии и М. О. Коялович. Это, безусловно, свидетельствует о сложности проходившего тогда процесса размежевания двух научных отраслей — источниковедения и историографии.

Обоснованием для определения начала второго периода служило для Лашнюкова и появление в XIV в. первого методического исторического сочинения — «Степенной книги». Ее цель, подчеркивал Лашнюков — «оправдать историюю тот государственный порядок, который в это время утверждается в Москве...»³⁶.

³¹ *И. В. Лашнюков. Очерки русской историографии*, стр. 46.

³² Там же, стр. 49.

³³ Там же, стр. 47—48.

³⁴ Там же, стр. 52.

³⁵ Там же, стр. 47.

³⁶ Там же, стр. 49.

К методическим сочинениям относил он и «Царственный летописец», и «Царственную книгу».

Таким образом, несмотря на то, что Лашнюков во введении, где он знакомил с предложенной им периодизацией, подробно не мотивировал ее, все же его аргументация в целом историографична, достаточно убедительна, разностороння и в должной мере обоснованна.

Рубеж — XVIII век — в истории развития исторической науки ни у кого из исследователей не вызывал сомнения — он слишком очевиден. Поэтому Лашнюков и не считал нужным убеждать в правомерности этой грани. Здесь налицо и крупнейшие социально-экономические и политические изменения (которые, согласно его взглядам, являлись основной причиной, вызвавшей изменения в мировоззрении историков), здесь и новые формы исторических сочинений.

Последний период — историография XVIII и XIX вв. — дан без каких-либо внутренних подразделений, единым потоком. Возможно, эта часть «Очерков», опубликованная значительное время спустя после смерти автора, и не была им непосредственно подготовлена к печати. Не исключено и то, что Лашнюков предполагал подробнее разработать эту часть, что могло бы снять некоторые имеющиеся сейчас противоречия. Прежде всего это относится к утверждению, что «наука русской истории возникает в XVIII веке в трудах академиков-немцев»³⁷. Подобное суждение не было личным мнением Лашнюкова, оно соответствовало современному ему уровню развития исторической науки. Отдельные буржуазные историки начали впоследствии преодолевать это представление, да и сам Лашнюков немало сделал в этом направлении, разработав первые два периода русской историографии.

Лашнюков закончил работу краткими характеристиками своих современных коллег — Соловьева, Аксакова, Костомарова и упомянул даже молодого Ключевского, только что выпустившего первое студенческое сочинение «Сказания иностранцев о Московском государстве».

Несмотря на некоторую непоследовательность и на слишком широкие рамки последнего периода, в целом попытку Лашнюкова периодизировать русскую историографию следует признать удачной. Он не только верно нащупал связь исторической науки с историей страны, но заметил и подчеркнул своеобразные черты историографии как истории исторической науки. Однако труд Лашнюкова не был должным образом воспринят последующими историками и не смог оказать заметного влияния на дальнейшее изучение историографии.

Во всех работах дореволюционных и советских историков, где

³⁷ Там же, стр. 70.

так или иначе упоминается история изучения историографии, видное место отводится К. Н. Бестужеву-Рюмину (1829—1897 гг.). И действительно, русская историография была одной из главных тем историка. Ей посвящены обширное введение к его труду «Русская история» и значительное количество статей, написанных в разное время, начиная с 1859 г. до 80-х годов XIX в. Большая часть этих статей вошла впоследствии в известный сборник «Биографии и характеристики» (СПб., 1882), но они не были объединены единством замысла, как это было сделано, например, Соловьевым. Здесь помещены и биографические статьи, и очерки об отдельных исторических произведениях, и статьи юбилейного характера. Поэтому искать в этом сборнике периодизацию истории исторической науки бесполезно. Нет ее и в очерке русской историографии, помещенном в I томе «Русской истории» (СПб., 1872). Даже Коялович, высоко ценивший как историографическую работу «Историю России» Бестужева-Рюмина за его склонность к славянофильству, замечает, что «недостает в ней собственно указаний на связь и преемственность» явлений в истории науки русской истории»³⁸. Историографический очерк Бестужева-Рюмина скорее можно назвать аннотированной библиографией, чем последовательной историографической работой. Он и по замыслу автора носит вспомогательный характер. Этот очерк ценен скорее как справочный материал, как сводка исторических работ.

Следовательно, у Бестужева-Рюмина не было понимания последовательности развития русской историографии. Этот же недостаток присущ и его общен историческим работам. Тем не менее из опубликованных работ Бестужева-Рюмина все же можно сделать некоторые выводы по интересующему нас вопросу, прежде всего о начальном моменте русской историографии. Так, в «Русской истории», рассматривая наиболее ранние исторические работы, он расценивал их только как источники, т. е. не вел от них историю изучения родного прошлого. Более того, видимо он и здесь придерживался своего мнения, высказанного им еще в 1859 г., что «писать русскую историю было рано» даже в XVIII в. и «это понял незабвенный Татищев»³⁹. «Настоящим отцом русской исторической науки» Бестужев-Рюмин назвал Г.-Ф. Миллера⁴⁰. Однако позднее, после работ С. М. Соловьева и Н. А. Попова, написавшего отдельную монографию о В. Н. Татищеве⁴¹, он несколько пересмотрел свою первоначальную позицию и стал называть «первоначальником» русской исто-

³⁸ М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, стр. 9.

³⁹ К. Н. Бестужев-Рюмин. Современное состояние русской истории как науки. — «Московское обозрение», 1859, кн. 1.

⁴⁰ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I. СПб., 1872, стр. 240.

⁴¹ Н. А. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861.

рической науки Татищева⁴². Отдавая почетное звание основоположника русской исторической науки то Миллеру, то Татищеву, Бестужев-Рюмин тем самым обнаружил склонность вести историю науки лишь с XVIII в. Из последующих историков он особо выделял крупнейших представителей официально-охранительного направления — Н. М. Карамзина и М. П. Погодина, что само по себе характеризовало позицию автора.

В целом работы Бестужева-Рюмина не внесли в изучение историографии чего-либо принципиально нового, кроме накопления конкретного материала. Его же взгляд на исходный момент русской историографии способствовал укреплению ошибочного положения о XVIII в. как о первом этапе в изучении русской истории, а отсутствие периодизации являлось существенным недостатком его работ.

Первой книгой, специально написанной на историографическую тему, была работа М. О. Кояловича (1828—1891 гг.) «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884 г.). Книга Кояловича имела большой резонанс, многие историки высказались о ней в печати. Их замечания и возражения, как заметил Иконников, отличались «редким в спорных вопросах единомыслием»⁴³. Его концепция крайнего субъективизма, последователем которого торжественно объявил себя сам Коялович⁴⁴, вызвала серьезные критические замечания и возражения.

В свое время Коялович упрекал Бестужева-Рюмина за отсутствие руководящих нитей, которые «дали бы читателю возможность не затеряться» «при обозрении литературы нашей науки»⁴⁵. Одной из таких нитей могла бы стать периодизация истории науки. Тем не менее сам Коялович тоже не ставил перед собой подобную цель. Его работу отличает непоследовательность, одну из причин которой мы склонны видеть в отсутствии четкой продуманной периодизации. Вместе с тем неопределенные намеки на выявление отдельных вех и невольные признания отдельных рубежей все-таки в книге встречаются. «В моем труде,— писал Коялович,— я наметил некоторые выдающиеся моменты в этой особго рода истории нашего русского самосознания, но от полной разработки ее должен был удержаться»⁴⁶. Однако Коялович так и не сказал, какие же «выдающиеся моменты» были им намечены.

Несмотря на то, что он со славянофильских позиций резко критиковал всех западников и даже Бестужева-Рюмина (которого он, кстати, высоко ценил) за резкое разделение допетровского

⁴² К. Н. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики. СПб., 1882, стр. 1 (первоначально статья «В. Н. Татищев» была опубликована в журнале «Древняя и новая Россия», 1875, № 1—3, 5, 8, 12).

⁴³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, стр. 267*.

⁴⁴ М. О. Коялович. История русского самосознания..., стр. VII—IX.

⁴⁵ Там же, стр. 474.

⁴⁶ Там же, стр. IV.

и петровского времени, сам в конце концов вынужден был согласиться, что «время петровское, основное начало которого был разрыв с прошедшим, провело это начало и в область изучения истории России»⁴⁷, что «разрыв Петра с прошедшим был великим ударом и для изучения русской истории»⁴⁸. И этот единственный выделенный им период он отразил в названии V главы — «Время петровское».

Позиция Кояловича в отношении определения начального момента русской историографии также противоречива. Дело заключается в том, что он, с одной стороны, противопоставлял исторические памятники научным сочинениям (это отражено в самом названии книги), а с другой — не всегда последовательно проводил свой взгляд. Рассмотрим несколько подробнее этот вопрос. Прежде всего бросается в глаза смешение источниковедческого и историографического подхода к материалу. Так, летописи для него — не исторические сочинения определенного времени, говорящие об известном уровне исторических представлений далеких времен, т. е. не объект историографического анализа, а «сырой материал», только источник для научной разработки, для критической оценки содержащихся в них сведений, т. е. предмет источниковедческого анализа. Здесь он близок к позиции Бестужева-Рюмина, но по сравнению с Лашнюковым Коялович утратил понимание задач историка науки по отношению к летописям. Строго говоря, источниковедческого исследования он не дает, а ограничивается приведением сведений справочного характера, что им было, правда, оговорено.

Понимая летописи и летописные своды как исторический источник, Коялович на этом основании в один ряд с ними ставил и актовый материал. По этой причине он объединил в особую, III главу все работы иностранцев независимо от времени их написания, начиная от греческих и римских авторов и кончая сочинениями послдов XVIII в. В конце главы Коялович приходил к выводу, на основании которого вряд ли было правомерно включать эту главу в исследование об истории и развитии именно русской исторической науки. Вот это заключение: «В литературе нашей науки, в которой мы имеем в виду главным образом проследить уяснение научного русского сознания по отношению к своему прошедшему, иностранные сочинения о России не могут иметь значения первых опытов научной обработки нашей истории. На развитие нашего русского научного сознания до новейших времен они не имели никакого влияния по той простой причине, что не были в России известны»⁴⁹. Таким образом, у Кояловича не было четко продуманного критерия отбора материала. Видя, что анализ отдельных видов исторических памятников не

⁴⁷ М. О. Коялович. История русского самосознания..., стр. 97.

⁴⁸ Там же, стр. 98.

⁴⁹ Там же, стр. 74—75.

соответствует собственному замыслу, он тем не менее все же включил его в общее построение книги.

Та же непоследовательность сказалась и на его отношении к фольклору. Даже понимание того, что «первейшее сознание своей исторической жизни выразилось в народных легендах»⁵⁰, не привело Кояловича к выводу о целесообразности начинать историю науки с рассмотрения народного творчества. Трудно объяснить, почему он отвел место этой теме после глав о летописании (глава II «Первоисточники») и «Иностранцы писатели» (глава III). Подобный способ изложения привел к смешению хронологической последовательности, в результате чего, например, «Сказание Авраамия Палицына» соседствовало со «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной», а сочинения Курбского, Котошихина, Сильвестра следовали за более поздним «Сказанием Авраамия Палицына». Такое построение работы не способствовало выработке представления о последовательном развитии исторических знаний, о разнохарактерных периодах их эволюции, хотя сам Коялович неоднократно подчеркивал свое стремление излагать именно последовательный процесс развития исторических представлений или, по его терминологии, историю русского самосознания⁵¹.

Почетную роль отца русской истории Коялович отводил В. Н. Татищеву. В трудах Татищева он стремился подчеркнуть исконный «русский дух», который помог ему поставить такие широкие задачи для русской истории, «до каких не додумывался ни один наш ученый-иноземец прошедшего столетия, не исключая самого Шлецера»⁵². Таким образом, и Коялович склонен был считать отправным пунктом, с которого началось изучение русской истории, XVIII век.

Профессор В. О. Ключевский и его ученик П. Н. Милюков, только что начинавший свою научно-педагогическую деятельность, почти одновременно (но независимо друг от друга) создавали свои историографические курсы, а затем оба читали их в Московском университете, причем ученик опередил своего учителя и года на два раньше него начал чтение этого курса. Так как

⁵⁰ Там же, стр. 75.

⁵¹ Например, он писал: на «связь, преемственность мы обращаем преимущественное внимание в нашем труде, именно мы будем заботиться главным образом о том, чтобы читатель видел эту преемственную связь литературных явлений в науке русской истории и вместе с нею постепенное развитие русского научного сознания по отношению к нашему историческому прошлому...» (там же, стр. 10); «В литературе нашей науки, в которой мы имеем в виду главным образом проследить уяснения научного русского сознания по отношению к своему прошлому...» (там же, стр. 74—75); «литература русской истории — это история русского научного сознания. Из нее мы можем увидеть, как в течение веков нашей исторической жизни понимались события — явления этой жизни» (там же, стр. 1).

⁵² М. О. Коялович. История русского самосознания..., стр. 101.

курс Милюкова, воплощенный затем в книге «Главные течения русской исторической мысли», хронологически предварил аналогичные лекции Ключевского, то мы и рассмотрим вначале периодизацию, предложенную Милюковым, а затем остановимся на периодизации Ключевского.

Обращение к историографии было для П. Н. Милюкова (1859—1943 гг.) средством «отдать себе сознательный отчет в выбранном... направлении исторического изучения»⁵³. Так, Милюков сразу отметил наличие нескольких исторических направлений и свою принадлежность к одному из них. Затем Милюков признавал, что личный отчет «превращался мало-помалу в средство оправдания перед публикой и перед товарищами по специальности»⁵⁴. Прежде чем приступить к чтению курса, Милюков предварительно продумал общую группировку материала, уяснил свой взгляд на основные явления русской историографии и на их последовательную смену (что для интересующей нас проблемы важно подчеркнуть). Выбранные им основные принципы остались неизменными при всех последующих переделках первоначального курса и такими же вошли в книгу⁵⁵.

Во введении к книге мы находим четко сформулированный пункт: «Хронологические рамки «главных течений» и деление на периоды». Исходное положение Милюкова заключается в том, что «развитие науки русской истории не бессмысленно и не случайно, что общее течение русской историографии всегда обуславливалось некоторыми основными взглядами, теориями и системами и всегда находилось в более или менее тесной связи с развитием общего мировоззрения»⁵⁶. То есть критерием для Милюкова являлись взгляды, теории и системы, поэтому он стремился при периодизации историографии учитывать задачи, стоящие перед историками. Однако эти системы, теории и взгляды Милюков отрывал от конкретной, общеисторической жизни России. Кроме того, он произвольно опускал (например, «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева) или переставлял те или иные исторические сочинения, тем самым нарушая и искажая действительное состояние и последовательное развитие исторической науки.

В сферу своего внимания Милюков включал историю науки лишь с конца XVII в. (с «Синописа») и доводил ее до 30—40-х годов XIX в. Отстраняя от исследования более ранний период, он все же сознавал, что поступает произвольно, и вместе с тем указывал, что «история влияния теоретической мысли на историческую разработку начинается, конечно, уже там, где начинается впервые разработка первых источников: в глубине средних веков», «а в XVI веке ее результаты употребляются уже

⁵³ П. Н. Милюков. Главные течения..., стр. III—IV.

⁵⁴ Там же, стр. IV.

⁵⁵ Там же, стр. III.

⁵⁶ Там же, стр. 1.

для создания русской национальной исторической теории»⁵⁷. Следовательно, начало русской историографии Милюков склонен вести от XVI в., что признавали далеко не все его предшественники. Но тем не менее более ранние летописи Милюков так же, как и они, относил только к историческим источникам.

Выборное для изучения время Милюков делил на два крупных периода. Для их разделения он приводил следующее обоснование. Прежде всего он видел резкое различие основных принципов понимания истории. Первый, по Милюкову, отличался практическим или этическим пониманием историками своих задач: историю писали любители-знатоки, которые не имели постоянного научного органа, и у каждого из них были свои прикладные цели⁵⁸. Этому периоду Милюков посвятил один из двух разделов книги и назвал его «Период первый — до Карамзина (включительно)». Внутри названного раздела он построил изложение в основном по крупнейшим историческим трудам. Исключение составила лишь глава об историках XVIII в., где, кроме историков и их работ, он ввел деление по главнейшим царствованиям («Татищев — представитель петровской эпохи», «Ломоносов — представитель елизаветинской эпохи», «Щербатов и Болтин — представители екатерининской эпохи»). Однако подобная периодизация была распространена Милюковым, как видим, только на труды русских историков и не имела отношения к немецким ученым на русской службе. Их труды рассматривались им вне зависимости от периодизации и оторванно от русских исследователей. Справедливо упрекая славянофила Кояловича в резком разделении историков на два лагеря — «своих и чужих» (т. е. на русских и немцев-западников), сам Милюков не избежал им самим же указанного недостатка, что свидетельствует о его известной непоследовательности.

Более того, в противоположность тому же Кояловичу, акцентировавшему внимание на выявлении черт исконно русских, Милюков чрезмерно преувеличивал западноевропейское воздействие на развитие исторической мысли в России.

Нелогичность заметна и в определении главных периодов русской исторической мысли — до Карамзина и «с Карамзина до нашего времени»⁵⁹ (или, как он дает в оглавлении, «Период второй — после Карамзина», что более точно). Милюков был склонен считать, что роль Карамзина «в истории науки была не активная, а пассивная», что «развитие науки шло не через „Историю государства Российского“, а мимо нее»⁶⁰. И тем не менее в основу своей периодизации он положил именно сочинение Карамзина.

⁵⁷ Там же, стр. 4.

⁵⁸ Там же, стр. 5.

⁵⁹ Там же, стр. 6.

⁶⁰ Там же, стр. 258, 205.

Характерную черту второго периода Милюков видел в превращении представлений об истории в университетскую науку, которая стала теперь достоянием профессиональных ученых⁶¹. «Новый период в развитии русской исторической мысли,— писал Милюков,— начинается тогда, когда исходною точкой всех исторических рассуждений становится идея исторической закономерности»⁶². Отдельные проявления этой идеи Милюков замечал и в XVI, XVII и в XVIII вв., но считал, что только с конца XVIII — начала XIX в. встречаются попытки «приложить понятие закона в его чистой философской форме к объяснению исторического процесса. Попытка эта является результатом крупной перемены в целом мировоззрении европейского общества»⁶³. Именно развитие научности на Западе обусловило, по Милюкову, «переход от практического к научному пониманию задач исторической науки» в России⁶⁴. Кстати сказать, упоминая о развитии историографии в XVI в., Милюков безоговорочно утверждал, что она была, «несомненно, заимствованная — польская»⁶⁵.

Итак, сильные потоки западноевропейского влияния определили, по Милюкову, главный водораздел в русской историографии. Взгляд Милюкова на слишком преувеличенную роль западного влияния, свойственный его общеисторической концепции, запечатлелся и на его периодизации русской историографии.

Определяя данный рубеж, Милюков писал, что если бы пондобилось точнее определить эту границу, то он назвал бы 1826—1827 гг., так как «золотая дворянская молодежь александровского времени, сметенная декабрьскою катастрофой, уступает в эти годы место московской университетской молодежи из разночинцев николаевского времени. В 1827 г. встречаем впервые в печати и мысль об «истории как науке» в статье «Вестника Европы»..., написанной одним забытым автором, неким Средним-Камашевым»⁶⁶. Очень интересно для нас наблюдение Милюкова о вступлении в науку новой силы — разночинцев. Выделение в качестве вехи исторической работы тоже говорит об историографичности подхода Милюкова. Упоминание же «александровского» и «николаевского» времени несколько сбивает его на выделение отдельных царствований.

В целом периодизация Милюкова, несмотря на присущие ей существенные недостатки, историографична, выгодно отличает его работу по теоретическому уровню от трудов Бестужева-Рюмина и Кояловича.

При рассмотрении историографических взглядов В. О. Ключевского (1841—1911 гг.) следует учитывать, что по русской ис-

⁶¹ П. Н. Милюков. Главные течения..., стр. 5.

⁶² Там же, стр. 259.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. 5.

⁶⁵ Там же, стр. 4.

⁶⁶ Там же, стр. 5—6. Сравни стр. 323.

ториографии им так и не была написана обобщающая работа. До нас дошли лишь несколько статей, материалы к курсу и фрагмент этого курса («Лекции по русской историографии») в записи неизвестного студента, но с правкой самого автора. Мы имели возможность подробно проследить за процессом работы Ключевского над этим курсом и проанализировать его взгляды на историю русской исторической науки, которые претерпели существенные изменения⁶⁷. Эти изменения сказались и на его представлениях о периодизации истории науки. Для нас сейчас важно отметить, что Ключевский продумывал основные этапы развития науки даже при первом своем подходе к историографии. На примере разновременных историографических работ Ключевского отчетливо видны этапы его работы. В первые годы, когда он только еще приступал к созданию историографического курса, ему были присущи общие недостатки предшествовавших историков, работавших в этой области. И он еще порой смешивал задачи историографии и источниковедения, но в конце концов Ключевский четко разграничил эти две области исторического знания и читал отдельные специальные курсы и по источниковедению, и по историографии.

Не сразу отошел Ключевский и от общепринятого в буржуазной науке положения о начале научной разработки русской истории немецкими историками XVIII в.

Однако в последующие годы Ключевский постепенно отходил от этой позиции. Так, курс 1891/92 уч. г. в отличие от курса 80-х годов XIX в. он начинал уже с середины XVI в. В 1891 и в 1894 гг. Ключевский еще подчеркивал разницу между летописанием и историографией, в 1891 г. ставил вопрос о точках их соприкосновения, о трудностях перехода от летописи к историографии, об историческом мышлении писателей начала XVII в. В 1895 г. Ключевский дописал ряд параграфов, пытаясь установить границы между «летописанием и историографией». «Зачатки русской историографии» Ключевский видел уже в летописных сводах XIII и XVI вв. Этот взгляд на начало историографии явился известным шагом вперед в области изучения истории отечественных исторических знаний. Исключение составил лишь курс Лашнюкова, начинавшего русскую историографию с XI в.

Какого-либо единого, теоретически обобщенного обоснования периодизации истории исторической науки у Ключевского нет. Тем не менее, основываясь на текстах курса и черновых записей, можно довольно подробно восстановить периодизацию и понять основные принципы ее построения.

Ключевский исходил из того положения, что на историческое мышление оказывают возбуждающее действие общественные по-

⁶⁷ Р. А. Киреева. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

трясения: «Бедствия гораздо больше, чем книги и лекции, обучили людей истории»⁶⁸. Он полагал, что «в спокойное время люди расположены смотреть на свой быт как на что-то понятное само по себе, простое и неизменное. О нем не думают, и его даже не замечают, как не замечают своего дыхания, пока оно идет ровно и нормально. Но когда жизнь замутится и на общество падут невзгоды, когда люди увидят, что добытые ими блага погибли, а надежды разбились, они начинают спрашивать себя: отчего и как это случилось?.. В минуты общественных потрясений житейский порядок поворачивается к людям своей оборотной стороной, изнанкой, и им становятся видны его швы и составные части, вся его мудреная постройка... Зарождение охоты размышлять о происхождении и составе общественного порядка и есть пробуждение исторической мысли. Так непредвиденные общественные потрясения возбуждают интерес к истории, как неожиданные болезни поддерживают интерес к медицине»⁶⁹.

В противоположность Милюкову, изолированно анализировавшему главные течения исторической мысли, Ключевский связывал развитие науки с историей страны. В соответствии с этим в русской историографии он видел четыре крупных периода. Первый, охватывающий формирование исторических знаний с XII—XIII вв. до начала XVIII в., он называл «допетровским» и рубежом между этим и следующим периодами считал реформы Петра I, сильно повлиявшие на историческую мысль. Историографию XVIII в. он выделял во второй период. Для начала XIX в. крупнейшим событием, определившим новый рубеж, Ключевский считал последствия Великой французской революции и наполеоновских войн. Люди, пережив общественные потрясения, «начали догадываться, что человеческие общества строятся и живут не тем разумом, которым мыслят философы; тогда и начали искать этого исторического разума, перебирая памятники и воспоминания прошлого». Ключевский считал, что «эти события дали сильный толчок и русской историографии; под их влиянием воспиталась и историческая мысль Карамзина»⁷⁰.

Здесь, таким образом, он выявил непосредственную зависимость исторической концепции Карамзина от политических идей, которыми Ключевский объяснял отход Карамзина в сторону реакции.

Крымскую войну и отмену крепостного права Ключевский называл рубежом между третьим и последним, четвертым, периодами. И теперь история разделилась, утверждал он, на «дореформенную и реформированную, как прежде делилась на допет-

⁶⁸ Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, ф. 4, оп. 1, д. 91.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

ровскую и петровскую, или древнюю и новую, как они еще назывались»⁷¹.

Все эти четыре крупных периода Ключевский в свою очередь дробил на более мелкие. При этом главным для него становилось изменение видов и форм исторических сочинений. На основании этого многовековой первый период он подразделял еще на четыре стадии. «Господство летописи» — так он назвал самую раннюю стадию, длившуюся примерно до середины XVI в., а так как основной формой бытописания в те времена были летописи и летописные своды, в них-то и видел Ключевский «зачатки русской историографии». В этом определении Ключевский ограничился констатацией факта существования определенного вида исторического сочинения (в данном случае летописи), не пытаясь объяснить, какими явлениями были вызваны к жизни именно эти формы, т. е. не применяя свой тезис об общественных потрясениях, оказывающих благоприятное действие на развитие исторического мышления. Однако при определении следующих рубежей он уже не забывал об этом.

«Исключительные явления», которые сопровождали укрепление Московского государства, вызывали у современников событий стремление не только объяснить происхождение политической борьбы (особенно в правление Ивана IV), но и оправдать свои поступки. В этом видел Ключевский причину возникновения новых видов исторических сочинений — мемуаров, переписки, записок современников. Летописи к концу XVI в., обращает внимание Ключевской, начинают уже становиться сочинениями второстепенными. Все это вместе дало историку основание прочертить здесь границу, отделяющую один рубеж от другого.

Крупнейшим событием, определившим следующий рубеж, Ключевский считал период Крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в. Этот период он именовал так же, как это было принято в дворянско-буржуазной историографии, Смутным временем. В данном случае им опять подчеркивалась связь между общественно-историческими событиями и эволюцией исторической мысли, которая стала интенсивнее развиваться вследствие сильных внешних толчков. В результате появились серьезные опыты исторического исследования. Ключевский подчеркивал сдвиг, происшедший и в политическом сознании, определивший в свою очередь особенности, задачи и приемы исторического изучения того времени. Подобные поворотные моменты в истории Ключевский считал очень благоприятными для успехов историографии.

В трудах дьяка Ф. А. Грибоедова и И. Гизеля он видел «первые опыты систематического изложения русской истории». В выделении данного периода (конец XVII в.) определяющим

⁷¹ Отдел рукописей. Государственная библиотека им. В. И. Ленина, ф. 131, п. 12, д. 2.

для Ключевского стали принципиально новые особенности этих работ.

При периодизации древнерусской историографии (с XII—XIII вв. по XVII в. включительно) Ключевский старался провести через все периоды свой основной тезис о влиянии общественных событий на ход исторической мысли. Это ему менее всего удалось по отношению первого и отчасти последнего периодов, для которых он не дал связанного с общесторическими процессами объяснения, исходя исключительно из форм исторических работ и приемов их написания.

Определяя грани следующих периодов, он был еще менее последовательным. Так, при периодизации XVIII в. он ограничился формальными признаками сменяющихся царствований и делил историю науки соответственно на петровский, елизаветинский и екатерининский периоды, что делалось почти всеми его предшественниками.

Как можно судить по первоначальному замыслу 70-х годов XIX в., Ключевский предполагал периодизировать по царствованиям и историографию XIX в.: «Движение умов в русском обществе в первую половину царствования Александра I» или «Краткий очерк русской историографии в царствование Николая I». Однако заслугой Ключевского, несомненно, следует признать то, что он впоследствии отказался от подобной периодизации истории науки XIX в. Исходным рубежом историографии этого времени он стал считать, как говорилось, последствия Великой французской революции и войны Наполеона. Внутри периода он отделил отдельные десятилетия: 30—40-е годы XIX в. (годы обострения борьбы между славянофилами и так называемыми западниками), конец 50-х — начало 60-х годов XIX в. (время окончания Крымской войны и отмены крепостного права), 1861—1893 гг. (пореформенный период).

Немаловажным фактором, руководствуясь которым возможно определять историографические грани, Ключевский признавал и такие события, как появление крупнейших исторических трудов. После И. Н. Болтина «историческое изучение России...» — писал Ключевский, — прошло две стадии, явственно обозначившиеся появлением двух капитальных творений по русской истории, созданных Карамзиным и Соловьевым⁷². Как мы видим, Ключевский отметил крупнейшие труды историков дворянского и буржуазного направлений.

Выделение в качестве рубежей истории исторической науки крупнейших исторических событий, а также наиболее важных работ историков — несомненно, вклад Ключевского в изучение историографии. Однако он подчас ограничивался лишь констатацией внешних признаков (например, оживлением исторической мысли), не анализируя изменения и сдвиги в мировоззрении, в идео-

⁷² В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8. М., 1959, стр. 164.

логии, вызванные указанными им же событиями. Вместе с тем внутри крупнейших периодов Ключевский учитывал и элементы, присущие только исторической науке: видоизменение форм исторических сочинений, крупнейшие работы историков, оказавших заметное влияние на последующее развитие исторических знаний.

Итак, Ключевский теоретически разрабатывал проблему периодизации русской исторической науки. Его принципы, положенные в основу деления на периоды, отражали стремление автора вскрыть органическую связь истории науки с общественно-политическими изменениями, хотя и не для всех этапов в равной степени. Свою периодизацию он распространял на весь процесс истории отечественной исторической науки — от древнейших времен до современного ему времени.

Между тем достижения Ключевского в этой области оказались доступными лишь его непосредственным ученикам по Московскому университету (что само по себе не так уж и мало, так как среди них оказалось много видных впоследствии историков). Но если бы этот курс был автором завершен и опубликован (или хотя бы литографирован), то он имел бы несравненно более широкое научное значение.

Огромный, но незавершенный труд В. С. Иконникова (1841—1923 гг.) «Опыт русской историографии»⁷³ создавался многие годы. С 1891 по 1908 г. были опубликованы два тома (по две книги каждый), третий том был автором подготовлен к печати, даже был частично уже набран, но так и не увидел свет. Таким образом, этот труд писался в период начала, а затем и в момент острого проявления кризисного состояния исторической науки в целом. Автору, боявшемуся быть тенденциозным, быть может, казалось, что он избрал вернейший прием исследования истории исторической науки — по возможности беспристрастно давать фактографию, собирать полную информацию, не выделяя в ней ни главного, ни второстепенного. Сам автор, чувствуя неудачу своего труда, подчеркивал библиографическое его назначение и оговорился, что «предпочел назвать этот труд только «опытом»; даже более: он готов считать его лишь «материалами» для будущей историографии»⁷⁴. С подобной авторской оценкой согласились впоследствии все историки науки, и труд Иконникова единодушно признан библиографическим. Но и с этой точки зрения он и поныне представляет собой большую ценность.

Думается, что отсутствие продуманной периодизации наложило на работу Иконникова свой отпечаток и усугубило рыхлое ее построение.

Однако отдельные суждения о периодизации у Иконникова все же есть. Так, он обратился к народному творчеству и гово-

⁷³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1—2 (в 4-х книгах). Киев, 1891—1908.

⁷⁴ Там же, т. 1, кн. 1, стр. VI.

рил о преданиях как об источнике исторических знаний и как о необходимом элементе истории, оговаривая при этом, что сами предания не составляют еще истории. Сохранение исторических сведений возможно только с появлением письменности, хотя и это не обеспечивает их от искажений, а нередко ведет даже к утверждению неверных представлений⁷⁵. Внимание Иконникова к фольклору очень ценно, хотя и говорил он о нем вскользь и в общей форме, а не применительно к русским преданиям. Другими словами, он не был склонен начинать историю накопления исторических знаний на Руси со столь далеких времен. Тут заметен возврат к исходному положению, смешивающему задачи историографии и источниковедения. Это нашло отражение и в его определении предмета историографии, в котором Иконников резко отделил источники от исторических трудов, понимая под последними работы историков с XVIII в. и считая поэтому, что «начало научной обработки русской истории тесно связано с именем Петра В[еликого]»⁷⁶. Вместе с тем из приведенного положения следует, что он разделял некогда господствовавшее, но уже в значительной степени преодоленное буржуазной историографией представление о начале изучения истории в России лишь с XVIII в. Свое изложение Иконников предполагал довести, видимо, до Карамзина и «скептической школы» включительно. И хотя работа Иконникова «Скептическая школа в русской историографии и ее противники» была опубликована в 1871 г., то есть написана значительно раньше «Опыта русской историографии», по так же, как и его статьи о Болтине и Карамзине, не вошла ни в первые два опубликованных тома, ни в третий том, с которым мы ознакомились в рукописи. Возможно, названные статьи предназначались для следующего, четвертого тома.

В разработку вопроса периодизации истории исторической науки труд Иконникова, таким образом, не внес ничего принципиально нового, а повторил известные и уже устаревшие к тому времени положения.

В историографической литературе до сих пор не упоминалось о том, что Н. П. Лихачев (1862—1936 гг.) в конце XIX в. читал лекции по русской историографии. Между тем в архиве ученого сохранились отдельные лекции этого курса, относящиеся к 1882 и к 1901 гг. Судя по сохранившимся экземплярам, его историографический труд был достаточно обширен — в него входило не менее 23 лекций.

В истории науки Лихачева главным образом привлекало не развитие исторических знаний, а история собирания, хранения, издания и изучения русских летописей. «Я буду прежде всего, — писал он, — рассматривать ход изучения наших летописей, именно летописи в Руси допетровской, их изучение и издание в XVIII в.

⁷⁵ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1, стр. 1.

⁷⁶ Там же, стр. 258*.

и, наконец, в современную нам эпоху»⁷⁷. Наряду с летописями его интересовали и другие виды древнерусских источников. Поэтому значительное место в своих лекциях Лихачев отводил группировке источников, которые он делил на шесть групп⁷⁸. Если Лихачев и говорил о деятельности отдельных историков, то только с точки зрения того, когда и как эти историки изучали и издавали памятники старины. Все это, конечно, не историография в смысле истории исторической науки в целом, а лишь часть истории источниковедения. Естественно, что при таком подходе к теме проблема периодизации истории всей исторической науки перед Лихачевым не стояла.

В Харьковском университете специальный курс по русской историографии читал Д. И. Багалей (1857—1932 гг.). В 1911 г. его курс «Русская историография» был литографирован. Но историографические взгляды Багаля до сих пор еще не изучались.

К историографии Багалей подходил с двух точек зрения. С одной стороны, он трактовал ее как вспомогательную дисциплину, которая занимается обзором источников, а с другой стороны, дает «очерк постепенной разработки и роста русской истории как науки». При этом обзор источников он понимал как введение, а вторую часть называл собственно историей русской истории в полном смысле этого слова⁷⁹. В соответствии с этим он строил свой курс, но то, что он назвал введением, разрослось в публикации в отдельную, самостоятельную часть.

Специально проблему периодизации Багалей не ставил, хотя в ходе изложения давал отдельные периоды, но не мотивировал их. В основном он излагал материал по видам источников, иногда — по авторам, реже — по отдельным направлениям, что и дало основание более поздним исследователям относить труд Багаля наряду с «Опытом русской историографии» Иконникова к библиографическому направлению в историографической литературе⁸⁰.

В первой части курса Багаля находим лишь наброски на периодизацию. Так, в разделе «Собирание и издание исторических материалов» было два периода — «екатерининская эпоха» и «румянцевская эпоха», а в разделе «Обзор источников» имелся «Очерк исторического развития вопроса о летописи», начинавшийся Татищевым и доходивший до М. П. Погодина с П. Г. Бутковым и до П. С. Казанского.

⁷⁷ Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, д. 10, л. 26.

⁷⁸ К первой группе источников, так же как и Н. А. Иванов, Лихачев относил надписи на вещественных памятниках. В связи с этим он много внимания уделял истории археологии. В следующие группы входят: летописи и сказания, находящиеся в них; жития святых; государственные грамоты и акты; мемуары и сказания русских современников; «произведения русской письменности, не вошедшие в состав прежних групп, так называемые произведения литературы» (там же, л. 25).

⁷⁹ Д. И. Багалей. Русская историография. — Харьков, 1911 (литография), ч. 1, стр. 1.

⁸⁰ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 16.

Вторая, основная часть курса «Разработка истории как науки» содержала два крупных периода: «Разработка русской истории в XVIII в.» и «Новейший период русской историографии», начавшийся с историко-юридической школы (с трудов Г. Эверса и С. М. Соловьева). Вместе с тем Багaley, говоря о возникновении исторической науки в XVIII в., упоминал и о том, что «еще в XVI и XVII вв. мы можем указать на некоторые попытки прагматического изложения событий русской истории»⁸¹; к их числу он относил сочинения А. Курбского, Ф. А. Грибоедова, И. Гизеля, Ф. Поликарпова, А. И. Манкиева. Таким образом, как мы видим, по сравнению со своими предшественниками и современниками Багaley не дал нового ни в постановке, ни в практическом решении вопроса о периодизации.

С 1892/93 по 1917/18 уч. г. в Петербургском университете читал лекции по русской историографии А. С. Лаппо-Данилевский (1863—1919 гг.). Его ученик А. Е. Пресняков писал о том, что этот курс был обязательным и периодически повторялся⁸²; текст курса был литографирован, фрагмент его (введение, первая и часть второй главы) был опубликован⁸³, а в «Русском историческом журнале» помещен перечень лекций и практических занятий Лаппо-Данилевского в Петроградском университете за 1890—1918 гг., где 10 раз значатся историографические лекции.

Обычно историографический курс Лаппо-Данилевский читал с интервалами в два года, но трижды курс читался и через год. Сопоставляя этот список лекций с рукописными текстами самих лекций, можно заметить некоторое несовпадение. Так, в опубликованном списке все лекции с 1892/93 по 1917/18 уч. г. включительно названы почти одинаково — «Главнейшие направления в русской историографии XVIII—XIX вв.» (иногда опускался период)⁸⁴. Вместе с тем рукописи имеют не только более разнообразные заголовки, но и по содержанию значительно шире.

Итак, Лаппо-Данилевский занимался изучением русской историографии почти с начала своей научной деятельности, продолжал постоянно работать над нею до конца жизни и оставил богатое историографическое наследие. Однако в трудах по истории исторической науки никогда еще не упоминалось о нем как об историке исторической науки.

Как можно судить и по опубликованным и по богатым рукописным материалам, историографические взгляды Лаппо-Данилевского сложились не сразу. К сожалению, рукописные материалы в подавляющем большинстве не имеют точной датировки,

⁸¹ Д. И. Багaley. Русская историография, ч. 2, стр. 1.

⁸² А. Е. Пресняков. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922, стр. 25.

⁸³ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии.— «Русский исторический журнал», 1920, кн. 6, стр. 5—29.

⁸⁴ Там же, стр. 42—43.

но их содержание и авторские пометы позволяют хотя бы приблизительно определять последовательность их написания.

Первые историографические лекции читались Лаппо-Данилевским в то время, когда еще не определилась окончательно его общая философско-историческая концепция. Ее формирование, естественно, отражалось на развитии историографических представлений и, в частности, на решении им проблемы периодизации истории науки. В этой связи для нас важно подчеркнуть, что Лаппо-Данилевский специально выделил и разрабатывал вопросы периодизации как исследовательскую проблему.

В эволюции суждений Лаппо-Данилевского о периодизации русской историографии можно наметить несколько этапов.

В первые годы чтения историографического курса он начинал историю исторической науки в России традиционно — с XVIII в. Так продолжалось ряд лет. Даже в 1905/06 уч. г., например, Лаппо-Данилевский все еще начинал русскую историографию с середины XVIII в. — со Шлецера⁸⁵.

Ко второму этапу развития историографических взглядов Лаппо-Данилевского может быть отнесен «План чтений по русской историографии», в разделе которого («Первые попытки систематического изучения русской истории») он рассматривал уже историографию XVII в. Конкретно Лаппо-Данилевский останавливался здесь на работах Ф. Грибоедова, Ф. Сафоновича и И. Гизеля⁸⁶. В пределах этой же темы он анализировал и работы Манкиева и Татищева. Таким образом, начальным моментом историографии Лаппо-Данилевский называл уже середину XVII — начало XVIII в. Следует обратить внимание, что на этом этапе работы для Лаппо-Данилевского характерны интерес к выявлению причин, влиявших на развитие исторической науки, внимание к конкретным историкам и к их трудам. В дальнейшем, как увидим, этот подход изменится, но для этого времени он последовательно выдержан в «Плане» во всех пунктах.

Далее Лаппо-Данилевский в «Плане» переходил ко второму крупному периоду, в котором он выделил три больших раздела, в свою очередь поделенных на главы и параграфы. В первом разделе, названном «Подготовительные работы по общей истории России», предусматривалось разобрать работы Миллера, Новикова, Шлецера. Следующий раздел, в котором рассматривались труды Щербатова и Болтина, назывался «Первые попытки прагматического изложения древнерусской истории». Последний раздел — «Заключение и общие выводы по второму периоду нашей историографии»⁸⁷.

⁸⁵ «1 [период]. Изучение научной обработки русской истории с точки зрения критической школы, основанной Шлецером» (Архив АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 72, л. 13).

⁸⁶ Там же, д. 73, л. 119.

⁸⁷ Там же, лл. 121, 122, 124.

«Научная обработка русской истории» — так назван Лаппо-Данилевским третий, последний период. Он еще более сложно, чем предыдущие, делился внутри на два отдела, те в свою очередь — на несколько разделов с множеством глав, параграфов, пунктов и т. д. Так же как и другие периоды, он начинался с выяснения причин, ускорявших развитие русской историографии в XVIII в. Затем автор переходил к Карамзину и последующим историкам XIX в.

Этот план был подробно детализирован Лаппо-Данилевским и, несомненно, достоин специального анализа — он может дать ценный материал для изучения эволюции его историографических взглядов. Сейчас же нам важно проследить лишь одну линию — как шла работа его мысли по периодизации русской историографии.

Постепенно Лаппо-Данилевский стал включать в орбиту своего исследования и более ранние исторические сочинения. Так, начиная по-прежнему русскую историографию с XVII в. и с эпохи преобразований Петра I, он в той же рукописи относил названное время уже ко второму периоду, а к первому — летописные своды⁸⁸. Он, однако, не считает летописи «учеными сочинениями», но тем не менее рассматривает их уже «как первые попытки исторического деписания»⁸⁹.

На наш взгляд, рассмотренный план и относящиеся к нему варианты разработки общей темы являлись высшей точкой, которую достиг Лаппо-Данилевский в области изучения русской историографии. Далее начинался спад, тесно связанный с попятным движением его общей идеалистической позиции. В его сознании происходила замена позитивистских взглядов неокантианскими — явление, столь характерное для кризиса исторической науки начала XX в., когда возрождались старые идеалистические учения. Впоследствии из его планов и проспектов стали исчезать пункты, предусматривающие анализ исторических условий, влиявших на формирование взглядов историков прошлого, научные идеи сами по себе все более и более привлекали его внимание. В связи с этим на рассмотренном выше плане Лаппо-Данилевский делает помету: «Устарело». Впрочем первоосновы этой концепции были уже заложены, как это нетрудно заметить, и в раннем историографическом курсе 90-х годов XIX в.

Раздумывая над принципами периодизации истории науки, над вопросом, должен ли быть единый критерий при определении периодов или в каждом из них есть свои признаки, Лаппо-Данилевский в конце концов приходил к выводу: «Принципы периодизации подчинены принципам периодизации по научным идеям»⁹⁰. По мере развития общества, размышлял Лаппо-Да-

⁸⁸ Архив АН СССР, ф. 113, д. 70, лл. 645—737, 424—492.

⁸⁹ Там же, л. 661.

⁹⁰ Там же, д. 73, л. 90.

нилевский, воззрения историков становились все менее личными, произвольными. «Историк все более специализируется, из любителя (духовного или мирского), становится ученым, владеющим научным методом». Вместе с тем он указывает и на то, что историк становился все более связанным с обществом и «все чаще является представителем целых школ, направлений или партий». Поэтому, «если периодизация историографии в XVIII в. возможна по свойствам индивидуальных идей (по авторам), то в XIX в.—периодизация уже идет по свойствам коллективных идей (направлений)»⁹¹. Таким образом, постепенно определяющим для Лаппо-Данилевского становились не столько направления и школы, сколько сами свойства идей, и здесь он в известной степени приближался к взглядам Милюкова. Следя за логическим развитием идей, он, так же как и Милюков, отрывал идеи от формировавших их исторических основ. Смена идеологических течений становилась главной темой исследования Лаппо-Данилевского.

Сначала «периодизация по научным идеям» приняла у него такой вид: «Периоды: I. Летописный, II. Компилятивный с претензией на «ученость», III. Критико-прагматический, IV. Научно-литературный, V. Научный»⁹². В дальнейшем он еще не раз возвращался к этой схеме, дополняя и конкретизируя ее. Так, есть вариант, где он первый период датировал XI—XVII в., назвав его «Первые попытки повествования», второй и третий периоды он здесь объединял и доводил до Карамзина включительно, а последний период детализировал: «а) гегельянство; славяноф[илы] и запад[ники] (до 1860); в) падение гегельянства (после 1860 г.—*Р. К.*); падение слав[янофильства] и запад[адничества]; позитивизм, народничество; социальный вопрос»⁹³. Здесь мы видим, что историография как история исторической науки уступает все больше места истории отдельных философских идей.

В последующих планах и вариантах, составленных после 1916 г., историография была сжата до пределов введения. В этом введении Лаппо-Данилевский говорил о русской историографии как о части умственного движения в общечеловеческом стремлении к «чистому знанию»⁹⁴. От этих лет сохранилось два подробно разработанных и дополняющих друг друга проспекта: один охватывал время до 30—40-х годов XIX в., другой — с 60-х годов XIX в. В первом предусмотрено общее введение, в котором уместилось почти все развитие русской историографии. Здесь Лаппо-Данилевский говорил о русской историографии с конца XI в. (подчеркивая начало научности с

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, л. 87.

⁹³ Там же, л. 89.

⁹⁴ *А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. статья, стр. 5.*

XVIII в.) и кончал работами А. П. Щапова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского. Все введение умещается примерно на 44-х страницах. Правда, отдельно предполагалось рассмотреть тему «Влияние Петра Великого на развитие русской историографии». Предусматривалось осветить мероприятия Петра по собиранию и сохранению источников, его заботы о сочинениях по русской истории и по истории Петра, переводах исторических книг, но не состояние и не результаты развития исторического знания того времени. Далее шли детальные наброски тем, из которых мы назовем лишь наиболее крупные: «Романтизм; Мистицизм (Чаадаев)»; «Шеллингизм»; «Главные шеллингисты в России (до 40-х годов)»; «Второстепенные»; опять «Романтизм и шеллингизм в русской историографии»; «Возрастающий интерес общества к народности»; «Французская ист[орическая] школа. Полевой»; «Образование партий: славянофильской и западнической»; наконец, «Философия Гегеля в русском обществе 1830—1840-х годов»⁹⁵. Надо сказать, что имена историков в этом проекте встречались редко.

Во втором проспекте были намечены темы с 1860 г. по 1900-е годы: «I. Падение гегельянства», «II. Позитивизм в философии», «III. Эволюционизм», «IV. Борьба между научно-механистическим и научно-идеалистическим направлениями в истории»⁹⁶. В этом последнем пункте Лаппо-Данилевский противопоставлял историческому материализму и «сходным с ним направлениям» (куда он относил и эмпириокритицизм!) исторический идеализм. Так в историографических работах Лаппо-Данилевского отразился его главный тезис тех лет, развитый им в «Методологии истории», которая, как известно, была по существу направлена против марксистской философии. Итак, у Лаппо-Данилевского по существу произошла подмена одной исторической дисциплины другой: историография вытеснялась историей философских идей.

Перед нами прошли различные варианты и способы решения проблемы периодизации истории отечественной исторической науки от Н. А. Иванова до А. С. Лаппо-Данилевского. Мы видели неудачи и успехи, достигнутые в решении этой проблемы буржуазной исторической наукой. Но эти успехи не были закреплены, не были широко введены в науку и остались едва ли не только экспериментальными попытками отдельных ученых. Накопленный буржуазными историками опыт не был, таким образом, суммирован и обобщен.

Между тем даже попытка периодизации объективно способствовала, с одной стороны, превращению историографии из простого регистратора отдельных фактов в самостоятельную научную дисциплину — в историю исторической науки; с другой стороны,

⁹⁵ См. Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 113, оп. 1, д. 68, лл. 5—1043.

⁹⁶ Там же, д. 73, лл. 133—141.

периодизация как условное деление процесса на хронологические этапы зависела и от избранного каждым автором критерия, т. е. от его общего мировоззрения, поэтому она в известной степени была субъективной. В силу этого периодизация обнаруживала не только особенности эволюции исторических знаний в целом, но помогала вскрыть и сложный процесс индивидуального авторского мышления, его систему взглядов, его персональную точку зрения. Даже сознательный отказ от периодизации отражал определенную авторскую позицию.

Задача периодизации истории науки как самостоятельная проблема медленно возникала в сознании историков. Она как бы сама заставляла иных ученых хотя бы частично решать ее. В трудах большинства этих историков мы не найдем попыток наметить вехи развития для всей истории науки, но и в этих работах нащупываются грани отдельных эпох. Главное внимание этих историков концентрировалось на хронологическом начале русской историографии. Чаще всего этим и ограничивалась их работа по периодизации. Строго говоря, проблему периодизации русской исторической науки специально ставили перед собой лишь четыре историка: И. В. Лашнюков, П. Н. Милюков, В. О. Ключевский и А. С. Лапшо-Данилевский.

В работе дореволюционных буржуазных историков-историографов наблюдалась известная разобщенность, вынуждавшая почти каждого ученого проделывать определенный путь, не зная о том, что он уже был пройден другими, так как подавляющее большинство историографических трудов оказывалось незавершенным. К тому же значительная часть их и до сих пор остается в рукописях. Поэтому историки слабо использовали работы своих предшественников, активно не опровергали доводов друг друга и не опирались на их достижения. Все это, естественно, замедляло развитие тогда еще молодой области исторического знания — историографии. Но все же работа исследовательской мысли уже шла в известном направлении от отдельных, порой почти подсознательных попыток выделить или наметить главные рубежи в историографии, через выявление только отдельных периодов (а не всего процесса полностью) до специальной исследовательской задачи. Историки по-разному искали и находили критерии для периодизации — периодизировали и по крупнейшим событиям общеисторической жизни народа, и по сугубо узкоисториографическим признакам, отрывая эволюцию исторической мысли от конкретно-исторической жизни, находили решения и в сочетании тех и других признаков.

II

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ЕЕ КРИТИКА

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

В. С. Рыкалов

Антигитлеровская коалиция — первый в истории союз стран с различными социальными системами оформившийся в борьбе против фашизма — продолжает привлекать внимание ученых историков-международников. И это не случайно.

Решения, принятые на конференциях трех великих держав, имели и имеют большое политическое значение не только в период войны, но и в послевоенное время.

В США, Англии, ФРГ и других странах существует обширная литература по истории антигитлеровской коалиции и проблемам второй мировой войны. Несмотря на обилие работ, концепции их буржуазных авторов довольно шаблонны: принижение роли Советского Союза во второй мировой войне, преувеличение разногласий между партнерами по коалиции, извращение политики СССР в коалиции, подчеркивание его якобы несговорчивости по важнейшим вопросам межсоюзнических отношений, стремление возложить на СССР вину за раскол коалиции, замазывание действительных причин затяжки открытия второго фронта и т. д.

Подобные «научные» концепции мы найдем в работах Снайдера, Макнейла, Бейли и др.¹ В крупных работах советских историков (Г. А. Деборина, Н. И. Иноземцева, В. Л. Исразяна,

¹ *R. Snyder, E. Furness. American Foreign Policy. New York, 1954; W. H. McNeill. America, Britain and Russia. New York, 1953; T. Bailey. America Faces Russia. New York, 1950; H. Feiss. Churchill, Roosevelt. Stalin. The War They Waged and the Peace They Thought. Princetown, 1957.*

Н. Н. Яковлева, и др.)² уделено много места критике американских и английских буржуазных историков, четко показана решающая роль СССР в антигитлеровской коалиции, дается анализ причин прочности и силы коалиции по сравнению с блоком фашистских держав. В их работах проводится основная мысль: несмотря на то, что это был союз государств с различными общественно-политическими системами, создававшаяся обстановка требовала сотрудничества в интересах достижения главной задачи — разгрома общего врага. Отмечая, что цели и задачи советской внешней политики — скорейшее окончание войны и доведение до конца разгрома гитлеровской Германии, Японии, Италии и их сателлитов — отвечали чаяниям широких народных масс во всем мире, в том числе в США и Англии, советские историки-международники на многочисленных фактах и документах показывают ограниченность стремлений правительств США и Англии в войне, сводившихся к устранению фашистских держав в качестве конкурентов, к реставрации реакционных антинародных режимов. Французская литература по тем или иным аспектам антигитлеровской коалиции также довольно обширна и уже была предметом исследования советских историков³.

В некоторых обобщающих трудах советских историков дан историографический анализ работ представителей марксистской и буржуазной историографии⁴. Однако некоторые аспекты взаимоотношений между Францией и Советским Союзом во время второй мировой войны в освещении французской историографии (марксистской и буржуазной) недостаточно исследованы в данных работах.

Историческая литература Франции по проблемам франко-советских отношений в период второй мировой войны обширна и разнообразна. За последнее время появился ряд новых исследований по данному вопросу, что делает необходимым их анализ. Поэтому в данной статье автор стремился в известной степени заполнить этот пробел. Конечно, в небольшой статье невозможно охарактеризовать полностью все оттенки и направления

² Г. А. Деборин. Вторая мировая война. Военно-политический очерк. М., 1958; Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; В. Л. Израэлян. Антигитлеровская коалиция. М., 1964; Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1966; «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2—6. М., 1965; В. М. Кулиш. История второго фронта. М., 1971; Д. М. Прохтор. Агрессия и катастрофа. М., 1972.

³ А. З. Манфред. О некоторых антинациональных тенденциях в современной французской историографии. — «Вопросы истории», 1954, № 3. Важной работой по дипломатической истории Франции в период второй мировой войны является книга Ю. В. Борисова «Советско-французские отношения. 1924—1945 гг.». (М., 1964).

⁴ «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II (1939—1945). М., 1962; «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 6. М., 1965, стр. 532—542.

литературы. Однако, как всякая политическая наука, она ярко отражает сложную политическую борьбу во Франции в отношении ее будущей и настоящей внешнеполитической линии.

Основное внимание в работах представителей марксистской историографии Франции по второй мировой войне уделяется показу решающего вклада Советского Союза как главного участника антигитлеровской коалиции в разгром гитлеровской Германии, влиянию побед Красной Армии на рост сопротивления во Франции. В марксистской историографии раскрыт целый комплекс факторов, которые оказывали влияние на Францию, в результате героической борьбы Советского Союза против гитлеровской Германии.

Одним из основных факторов, которые приблизили час освобождения Франции от гитлеровского ига, являлись победы Красной Армии, которая громила германскую военную машину и создавала предпосылки для освобождения Франции. «Перед Красной Армией, перед ее героизмом,— писал в 1943 г. генеральный секретарь Французской компартии Морис Торез,— перед искусством ее генералов преклоняется каждый француз. Ведь каждый истинный француз глубоко чувствует, какую неоценимую помощь оказывает Красная Армия делу освобождения Франции»⁵. Коммунисты Франции раскрыли всемирно-историческое значение таких событий на советско-германском фронте, как Сталинградская битва. «Французы слышат слово Сталинград, и перед их мысленным взором встает Париж... Да, каждый француз понимает, что в Сталинграде решается судьба не только Советского Союза, но также Франции и всего человечества»⁶,— писал Морис Торез.

В работе «Великая Отечественная война Советского народа и развитие французского движения Сопротивления» видный французский историк-коммунист Жермена Виллар указывает, что в результате успехов Красной Армии «победа над угнетателями стала не только мечтой и далеким проблеском света, она превратилась в определенную надежду, поднимающую дух во Франции»⁷.

Рост боевого духа французского народа способствовал разрыванию сопротивления внутри страны.

Влиянию борьбы Советского Союза на рост сопротивления во Франции посвящен ряд работ представителей марксистской исторической мысли⁸. «Гитлеровская агрессия против Советского

⁵ *Морис Торез*. Наступление Красной Армии.— *Морис Торез*. Избранные произведения, т. I. М., 1959, стр. 529.

⁶ «Ouvres de Maurice Thorez», t. XIX. Paris, 1959, p. 142.

⁷ «Французский ежегодник. 1967». М., 1968, стр. 201.

⁸ *Морис Торез*. Сын народа. М., 1960; *Жермена Виллар*. Великая Отечественная война Советского Союза и развитие французского движения Сопротивления.— «Французский ежегодник. 1967», «Le Parti Communiste français dans la Résistance». Paris, 1967; *V. Joannes et G. Willard*. La Résistance française et la seconde Guerre mondiale.— «Cahiers du communis-

Союза,— отмечает Морис Торез в своей работе «Сын народа»,— дала сильный толчок нашему движению Сопротивления, особенно организации вооруженной борьбы. Все патриоты поняли, что состоялось новое соотношение сил и что теперь победа сторонников свободы и независимости народов обеспечена. До сих пор многие французы были охвачены неверием в свои силы и сомневались, что Франция может быть освобождена. После 22 июня 1941 г. патриоты сказали себе: «Мы не одни; с таким союзником, как советский народ, мы можем завоевать свободу, мы можем победить»⁹.

Значение вступления Советского Союза в войну против фашизма для поднятия боевого духа бойцов Сопротивления отмечается и в работе «Французская компартия в движении Сопротивления», изданной в 1967 г. Институтом Мориса Тореза, где сказано, что после 22 июня 1941 г. бойцы Сопротивления «стали более четко и ясно осознавать значение борьбы»^{9а}.

В марксистской историографии отмечено влияние на рост движения Сопротивления победы под Сталинградом, которая характеризуется как «поворотный пункт в истории движения Сопротивления...»¹⁰

Подводя итоги огромного вклада Советского Союза в освобождение Европы от гитлеровского рабства, Морис Торез, выступая на митинге парижских трудящихся в связи с 31-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, заявил: «Советский Союз, жертвуя миллионами своих сыновей, погибших в борьбе против немецких захватчиков, внес огромный вклад в дело освобождения нашей страны... Французы помнят те тяжелые дни, когда судьба Франции и всего мира была связана с судьбой Сталинграда. Французы всегда будут хранить в своем сердце бесконечную благодарность и признательность Красной Армии»¹¹.

Раскрывая решающую роль Советского Союза в победе над фашизмом, марксистская историография уделяет большое внимание также показу значения антигитлеровской коалиции для доведения до победы войны с фашизмом и устройства послевоенного мира. В статьях П. Эрмита, Ф. Бонта, М. Маньяна, Ж. Берлиоза и других подчеркивалась роль союза трех великих держав не только для победы над нацизмом, но и для создания условий прочного послевоенного мира¹². В этих работах объективную

ме», juillet — août, 1965; *G. Laroche*. Les Soviétiques dans la Résistance française.— «Cahiers du communisme», 1960, № 3.

⁹ *Морис Торез*. Сын народа, стр. 168.

^{9а} «Le Parti communiste français dans la Résistance», p. 138.

¹⁰ «Французский ежегодник. 1967», стр. 206.

¹¹ «Правда», 8 ноября 1948 г.

¹² *P. Hermitte*. 1945.— Année de la victoire. 1946.— Année de la paix.— «L'Humanité», janvier 1946; *M. Magnien*. Potsdam et le problème allemand.— «L'Humanité», 21 juillet 1945; *Idem*. L'Union des cinq Grands doit assurer la sécurité internationale.— «L'Humanité», 16 mai 1946; *J. Berlioz*. Le problème allemand et la paix.— «Cahiers du communisme», juillet 1949.

оценку получили такие крупнейшие события международных отношений периода войны, как конференция в Ялте, Сан-Франциско, Потсдаме, каждая из которых представляла собой важный этап на пути сплочения антигитлеровской коалиции и создания основ мирного сотрудничества после войны.

В последующие годы марксистская историография продолжала развиваться не только количественно, но и качественно. Появились глубокие по своему содержанию, хорошо аргументированные работы П. Куртада, Ж. Виллара, В. Жоаннеса¹³ и др., посвященные как отдельным проблемам второй мировой войны, так и важнейшим внешнеполитическим вопросам.

Одна из важнейших задач, которые ставит перед собой марксистская литература во Франции,— показ широким слоям читателей решающей роли Советского Союза в антигитлеровской коалиции. Этому вопросу уделяется внимание в работах Ж. Берлиоза, Ж. Виллар и др.¹⁴

Ж. Виллар отмечает, что «значительность этого единого фронта, в котором Советский Союз играл решающую политическую и военную роль, заставило руководителей, вступивших в антигитлеровский лагерь, отставить на второй план свои антиимпериалистические цели и действительно включиться в антигитлеровскую коалицию»¹⁵. Большое место в работах историков-марксистов Франции занимает разоблачение антисоветской политики правящих кругов США, Великобритании, их антикоммунизма в период второй мировой войны. Авторы подвергают критике политику США и Англии в период войны, рассматривают причины их непоследовательной позиции по ряду вопросов, их скрытого, а порой и открытого антисоветского курса.

Известное значение с этой точки зрения имела книга П. Куртада «Очерк об антисоветизме». В ней рассматриваются основные аспекты политики капиталистических держав в отношении СССР, начиная с 1917 г. Это была по существу первая крупная марксистская работа во Франции, в которой были показаны корни антикоммунизма в применении к международным отношениям, а сам антикоммунизм подвергнут обстоятельной, глубоко аргументированной критике. Появление этой работы в послевоенный период было очень своевременным, поскольку уже тогда западные державы встали на путь развала коалиции, сложившейся в период войны, отказа от сотрудничества с Советским Союзом в решении послевоенных проблем. Показывая на ряде конкретных

¹³ P. Courtade. Essai sur l'antisoviétisme. Paris, 1946; G. Willard. La Droit de Guerre et la trahison de Vichy (septembre 1939 — juin 1941). Paris, 1960; Idem. La fin de la deuxième Guerre mondiale.— «Cahiers du Communisme», avril — mai 1965; V. Joannes, et G. Willard. La Résistance française et la seconde Guerre mondiale.— «Cahiers du Communisme», juillet — août, 1965.

¹⁴ J. Berlioz. Le problème allemand et la paix.— «Cahiers du communisme», 1949, N° 10.

¹⁵ G. Willard. La fin de la deuxième Guerre mondiale.— «Cahiers du communisme», avril — mai 1965, p. 211.

примеров, как на протяжении всего существования Советского государства империалисты проводили враждебную ему политику, Куртад пишет, что «антисоветская партия не разоружилась и на протяжении всего периода войны продолжала проводить нечто вроде двойной игры, дополненной коварной и ловкой дозированной помощи России в пропорциях, зависевших от ее силы и шансов на победу»¹⁶. Только необходимость военного характера заставляла, отмечает Куртад, реакционные силы временно замаскироваться и «проявлять объективность в отношении СССР»¹⁷.

Куртад подчеркивал, что именно западные державы, руководствуясь ненавистью к коммунизму, вскоре после окончания войны отказались от политики совместного с СССР решения политических проблем и вернулись «к системе зон влияния, от которых они торжественно отказались на Ялтинской конференции»¹⁸.

Укрепление позиций марксистской историографии не может не оказать влияния и на отдельных буржуазных историков при оценке ими событий второй мировой войны. Французский буржуазный историк Ж. Каstellан вынужден признать, что «в ряде вопросов марксистские положения ближе положениям французских историков-немарксистов, нежели то, что пишут их западно-германские коллеги»¹⁹. Общая тенденция к объективному анализу ряда проблем франко-советских отношений периода войны существовала в работах многих буржуазных историков в первые послевоенные годы.

Современная французская буржуазная историография второй мировой войны довольно сложна. Имеется много работ представителей различных буржуазных школ, в которых фальсификация советской внешней политики периода войны и отрицание решающей роли СССР в победе над фашизмом занимают не последнее место. Однако существует и объективный анализ этих проблем. Некоторые представители буржуазной науки не могут не учитывать общественного мнения своей страны, в большинстве своем настроенного дружелюбно по отношению к СССР. Знакомство с советскими работами и документальными публикациями также не может не отразиться на работах ряда историков в положительном плане. Во взглядах буржуазных историков нашло отражение также недоверие определенных правящих кругов к США и Англии, особенно в связи с отрицательной позицией, занятой этими странами в отношении Франции в 1941—1945 гг. Это проявляется в критике, довольно объективной, внешнеполитических актов США и Великобритании во время войны. Наконец, на их творчестве не может не отразиться

¹⁶ P. Courtade. Essai sur l'antisoviétisme. Paris, 1946, p. 47.

¹⁷ Ibid., p. 53.

¹⁸ Ibid., p. 54.

¹⁹ G. Castellan. L'orientation actuelle des études historiques.— «Revue historique», octobre — décembre 1962, p. 425.

также реалистический курс внешней политики, проводимой правительством Франции на современном этапе.

Роль, которую сыграл Советский Союз в разгроме гитлеровской Германии и освобождении Франции, не могла не оказать влияния на работы буржуазных авторов, появившиеся в первые послевоенные годы. Они были проникнуты чувством благодарности советскому народу за его вклад в освобождение Европы от гитлеровской тирании. Характерна с этой точки зрения книга «Дань уважения французской нации советским армиям», в которой были собраны высказывания виднейших политических и военных деятелей страны, представителей культуры и науки Франции (Ф. Гуэна, П. Каррьеера, М. Дьетельма, Ж. Дюамеля и др.), воздававших должное беспримерному подвигу советского народа.

Видный французский литератор Ж. Дюамель, отмечая огромное значение побед Красной Армии для подъема национального самосознания французского народа, писал: «Когда наша родина оказалась втянутой в авантюристическую трагедию, мы очень страдали от мысли, что могучая Красная Армия не сражалась на нашей стороне. Позднее, когда советский народ занял место рядом с нашими союзниками, мы почувствовали, что наша надежда, которая была подорвана, стала вновь реальной и волнующей»²⁰. Огромный вклад Красной Армии в разгром фашистской Германии отмечал и военный министр Франции Ж. Дьетельм, писавший, что «именно в боях на Восточном фронте была с самого начала сломлена германская военная машина»²¹.

Историк Ж. Кизе в 1945 г. также указывал, что «русские успехи порождают во всем мире наибольшее восхищение»²².

Решающее значение побед Красной Армии в освобождении Франции признавалось и в работах, посвященных истории международных отношений. «Будучи глубоко признательным американским и британским армиям за освобождение территории», — писал М. Мурэн в своей книге «История великих наций», — французский народ не может игнорировать того факта, что именно русская армия разгромила вермахт ценой огромных жертв»²³.

Решающий вклад Советского Союза в освобождение Европы признается и в мемуарах президента Франции Шарля де Голля, который отмечает, что «участие России создавало возможности для победы»²⁴. Де Голль указывает в связи с этим, что роль, которую играл СССР в антигитлеровской коалиции, создавала

²⁰ «Hommage de la Nation française aux armées soviétiques». Paris, 1945, p. 13.

²¹ Ibid., p. 25.

²² George Kieser. Le secret de la puissance russe. Paris, 1945, p. 7.

²³ Maxime Mourin. Histoire de Grandes Puissances 1919—1947. Paris, 1947, p. 76—77; см. также: A. Zevaés. Histoire de Six ans. 1938—1944. Paris, 1946, p. 249—261.

²⁴ Шарль де Голль. Военные мемуары. Призыв. 1940—1942. М., 1957, стр. 252.

«некоторые противовес по отношению к англосаксонским странам»²⁵.

Большая роль Красной Армии в разгроме гитлеровской военной машины отмечалась в работах военных историков Франции генералов Шассена, А. Гийома и др.²⁶ Работы этих авторов выгодно отличались своей объективностью от аналогичных книг западногерманских военных историков. В то же время ряд видных представителей буржуазной исторической науки Франции (Б. Лавернь, Ж. Б. Дюрозель, Ж. де Хооп и др.) занимают в настоящее время более последовательную, объективную позицию, чем западногерманские и американские авторы, при оценке вклада Советского Союза в разгром Германии и освобождение Европы от фашистского ига. Дюрозель в своей книге «Европа с 1815 г. до наших дней» пишет, что «судьба человечества решалась на широких равнинах России и Украины»²⁷. Другой историк, де Хооп, в статье «Стратегические проблемы Великобритании (июнь 1941 — июль 1942 г.)» вынужден констатировать, что защита Англии в действительности зависела «в значительной мере от русского сопротивления и было важно оказать СССР более эффективную поддержку»²⁸.

Буржуазные авторы в ряде случаев признают руководящую роль Коммунистической партии в организации сопротивления гитлеровским ордам. В работе Ж. Буйона, Ж. Рюделя, П. Сорлена «Современный мир» указывается, что «план Барбаросса», план молниеносной войны потерпел крах «благодаря героическому сопротивлению Красной Армии, которую вдохновляла на борьбу Компартия...»²⁹

Буржуазные авторы не могут не признать также решающего значения победы Красной Армии под Сталинградом. Так, известный буржуазный историк профессор Лионского университета А. Латрей, характеризуя победу под Сталинградом, пишет: «Красная Армия нанесла верхмахту под Сталинградом самый страшный удар, который он когда-либо получал»³⁰.

Анализируя состояние буржуазной французской историографии за последние несколько лет, мы можем констатировать неслабевающий интерес французских историков к данной проблематике. Среди них прежде всего следует отметить исследования видного буржуазного историка генерального секретаря

²⁵ Там же.

²⁶ *Général Chassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale. Paris, 1947; A. Guillaume Pourquoi. L'Armée Rouge a vaincu. Paris, 1947; A. Guillaume. La guerre germano-soviétique. Paris, 1949.*

²⁷ *J. B. Duroselle. L'Europe de 1815 à nos jours. Paris, 1964, p. 195.*

²⁸ *J. M. D'Hoop. Les problèmes stratégiques de la Grande Bretagne (juin — juillet 1942). — «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», juillet 1965, p. 17.*

²⁹ *J. Bouillon, P. Sorlin, J. Rudel. Le monde Contemporaine. Paris, 1965, p. 213.*

³⁰ *A. Latreille. La seconde guerre mondiale. Paris, 1967, p. 201.*

Комитета истории второй мировой войны профессора Анри Мишеля³¹. Из работ других авторов, менее значительных, отметим книги Ж. Гальтье-Буассьера и Л. Сореля³².

Положительным фактором в некоторых работах (А. Мишеля, Л. Сореля) является признание международного значения Сталинградской битвы. Отмечая влияние победы на Волге, профессор А. Мишель пишет: «Победа под Сталинградом в 1941—1943 гг. явилась событием решающего значения. Отныне авторитет СССР и его влияние на Сопротивление в Европе будут постоянно увеличиваться наряду с возрастанием его значимости и авторитета в коалиции союзников»³³.

Отмечая тот большой вклад, который внес советский народ в победу над гитлеровской Германией, такие видные представители буржуазной историографии, как Б. Лавернь, вынуждены признать в конечном счете, что «Россия спасла Францию»³⁴.

Буржуазная историография стала уделять в связи с этим больше внимания изучению влияния героической борьбы Советского Союза против фашизма на моральное состояние французского народа, страдавшего под немецкой оккупацией.

В работе М. Бодо «Общественное мнение перед вторжением в Россию» признается крах попыток германской пропаганды и ее фашистских подголосков завоевать на свою сторону широкие массы французского народа для организации крестового похода против большевизма. Тезис о крестовом походе, указывает Бодо, не встретил поддержки в массах: «в оккупированной зоне» общественное мнение оставалось к нему недоверчивым³⁵. Полный крах, признает Бодо, потерпели попытки создания в 1941 г. во Франции крупных воинских формирований для посылки в Россию, так как «французы не имели особого желания одевать гитлеровскую военную форму и бороться на Восточном фронте»³⁶. Самоотверженная борьба Советского Союза способствовала росту к нему симпатий во Франции, и французы, указывает Бодо, «расматривали отныне СССР как союзника, которого следует максимально поддерживать»³⁷.

В работе М. Мурэна «Франко-советские отношения (1917—

³¹ *Henry Michel. La seconde guerre mondiale, t. I. Les succès de l'axe (septembre 1939 — janvier 1943). Paris, 1968, t. II. La victoire des alliés (1943—1945). Paris, 1969; Idem. La guerre de l'ombre. La Résistance en Europe. Paris, 1970.*

³² *J. Galtier-Boissière avec la collaboration de Charles Alexandre. Histoire de guerre. 1939—1945». Paris, 1965; L. Saurel. Stalingrad. Paris, 1966.*

³³ *Henry Michel. La guerre de l'ombre. La Résistance en Europe, p. 60. К аналогичным выводам приходят А. Мишель и Л. Сорель (Henry Michel. La Seconde guerre mondiale..., t. I, p. 469; L. Saurel. Stalingrad. Paris, 1966).*

³⁴ «L'année politique et économique», novembre — décembre 1957, p. 386.

³⁵ *Marcel Baudot. L'Opinion publique devant l'invasion de la Russie.— «Revue d'Histoire de la deuxième guerre mondiale», octobre 1966, p. 75.*

³⁶ *Ibid.*, p. 76.

³⁷ *Ibidem.*

1967)» признается полный крах проводимой вишистами кампании по формированию легиона для посылки на советско-германский фронт. Хотя кампания по вербовке «добровольцев» проводилась с большой помпой и кардинал Бодрийар направил им послание, в котором весьма красноречиво говорил о «новом крестовом походе», число записавшихся, отмечает Мурэн, «включая обычных авантюристов, было весьма незначительно»³⁸.

В ряде работ буржуазных авторов содержится порой довольно объективная критика политики западных держав в период второй мировой войны. Одним из главных аспектов критики является затяжка ими открытия второго фронта в Европе. Отсрочка открытия второго фронта затягивала оккупацию Франции Германией и усугубляла страдания французского народа. Поэтому некоторые буржуазные историки весьма обстоятельно подвергают ее критике как часть сознательно проводимой политики, направленной на ослабление Советского Союза.

Историк Ф. Дебизе в своей рецензии на американское издание документов Ялтинской конференции, опубликованной в журнале «Revue d'histoire de la deuxième Guerre mondiale», издаваемом Комитетом истории второй мировой войны, отмечает, что «западные державы почти полностью на протяжении ряда лет взвалили на русских всю тяжесть войны, даже если принять в расчет их материальную помощь и периферические операции — диверсии, каковыми являлись их кампании в Северной Африке и Италии». Подвергая критике умышленную затяжку открытия второго фронта западными союзниками, Дебизе пишет: «Отсрочка открытия второго фронта была умышленной с тем, чтобы привести к взаимному истощению нацистов и коммунистов и добиться затем победы западных союзников с минимумом риска и человеческих жизней»³⁹. Факторы эти, отмечает он, не могли не породить у Советского Союза известного недоверия к западным союзникам⁴⁰.

Справедливость требований Советского Союза о скорейшем открытии второго фронта в Европе отмечает и Мурэн, указывая, что «лишенный значительной части своей территории и своих ресурсов, Советский Союз требовал скорейшего оказания помощи и открытия второго фронта, который облегчил бы положение его армий. Британское правительство обещало и то, и другое, сохраняя сдержанность в вопросе о втором фронте, желая оставаться единственным судьей в выборе места и времени»⁴¹.

³⁸ *Maxime Mourin*. Les relations franco-soviétiques (1917—1967). Paris, 1967, p. 259.

³⁹ См. рецензию на книгу «Jalta. Documents». — «Revue d'histoire de la deuxième Guerre mondiale», juillet 1960, p. 28.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 27.

⁴¹ *Maxime Mourin*. Histoire des nazions européennes pendant la deuxième Guerre mondiale (1939—1945), t. II. Paris, 1962, p. 103. О справедливости требований Советского Союза в отношении скорейшего открытия второго

Критика планов англо-американского командования в отношении операций в Европе с июня 1941 г. по июль 1942 г. содержится в упоминавшейся выше работе де Хоопа «Стратегические проблемы Великобритании (июнь 1941 — июль 1942 г.)». Де Хооп справедливо отмечает, что единственно эффективным средством для оказания помощи СССР была бы «скорейшая высадка союзников на европейский континент»⁴².

Некоторые работы французских буржуазных авторов посвящены разоблачению закулисной политики капиталистических держав в период второй мировой войны. Определенный интерес представляет с этой точки зрения книга Мурэна «Попытки заключения мира во время второй мировой войны. 1939—1945». Написанная почти полностью на английских и американских работах, она тем не менее содержит довольно обширный материал, разоблачающий многочисленные попытки дипломатии США и Англии добиться сговора с гитлеровскими заправилками за спиной Советского Союза. Мурэн приводит многочисленные факты, свидетельствовавшие о тайных переговорах британских представителей с гитлеровскими агентами в Швейцарии и Португалии. Для подтверждения проводимых им фактов Мурэн ссылается также и на советскую справку «Фальсификаторы истории», изданную в 1948 г.⁴³

Мурэн не может не признать, что такая двуличная политика во многом подрывала доверие Советского Союза к своим партнерам по антигитлеровской коалиции. «Возможно,— пишет он,— что советское руководство не знало о прямых контактах между англичанами и немцами в этот период (в 1941 г.— В. Р.), но слухи, в редком случае успокоительные, которые проистекали из миролюбивых предложений со стороны Германии англосаксам, должны были дойти до него и увеличить его подозрение, которое все более и более усугублялось постоянным страхом нового антибольшевистского крестового похода»⁴⁴. Этот «зондаж в лагере противника», по признанию Мурэна, англосаксы проводили и в последующие годы⁴⁵.

А. Мишель также разоблачает закулисные переговоры американцев и англичан с нацистами о заключении сепаратного мира: переговоры Аллена Даллеса в феврале 1943 г. с высшими руководителями «СС» и принцем Гогенлоэ в Женеве, попытки

фронта в Европе см. также: *M. Misse*. Le rôle des Etats-Unis dans les conférences du Caire et de Tehéran.— «Revue d'histoire de la deuxième Guerre mondiale», juillet 1968, p. 21.

⁴² *M. D'Hoop*. Les problèmes stratégiques de la Grande Bretagne (juin — juillet 1942).— «Revue d'histoire de la deuxième Guerre mondiale», juillet 1965, p. 19.

⁴³ *Maxime Mourin*. Les tentatives de paix dans la seconde Guerre mondiale 1939—1945. Paris, 1949, p. 118.

⁴⁴ *Ibidem*.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 145.

переговоров в марте 1943 г. между государственным секретарем США и представителем Румынии и т. д. Желая вступить в переговоры с американцами, отмечает Мишель, гитлеровские представители ставили своей целью «сохранить силы в борьбе против коммунизма». Государственный секретарь США Корделл Хэлл отказался поддержать идею сепаратных переговоров, однако, констатирует автор, «об этом не было сообщено русским»⁴⁶.

Наряду с работами, в которых объективно освещались события на советско-германском фронте, во Франции публиковались книги, в которых авторы, выступая с позиций антикоммунизма, пытались извратить вклад СССР в разгром фашизма, хотя следует оговориться, что число подобных работ сравнительно невелико. В период холодной войны и активного участия Франции в агрессивном блоке НАТО многие буржуазные авторы стали сознательно избегать в своих работах показа решающего вклада СССР в победу над фашизмом и освобождение Европы. В работах Ж. Жубера, Пьера и Рене Госсе⁴⁷ замалчивалось значение побед Красной Армии. Исходя из своих классовых позиций, буржуазные историки отказались признать историческую закономерность победы Советского Союза в Отечественной войне. Они отрицали и продолжают отрицать в своих работах главное, а именно тот факт, что «историческая победа советского народа, сокрушившего фашизм, это прежде всего убедительное свидетельство могучей жизненной силы нашего социалистического строя»⁴⁸.

Ряд буржуазных авторов, придерживающихся правых взглядов, в целях принижения всемирно-исторического значения победы Советского Союза заимствует некоторые положения у представителей реакционной американской историографии. Например, в работах Ж. Дарси и Л. Лора доказывается, будто Советский Союз смог успешно оказывать сопротивление гитлеровской Германии только благодаря поставкам американского оружия⁴⁹. Выдвигая подобные антинаучные тезисы, французские буржуазные историки лишь повторяют утверждения своих американских коллег (С. Уэллеса, Ф. Сэнборна, Р. Гринфилда, Г. Хиггинса, Д. Дэвиса, Б. Баруха и др.)⁵⁰. Однако если обратиться к историческим фактам, то мы увидим, что помощь, которую оказы-

⁴⁶ *Henry Michel. La Seconde guerre mondiale, t. II, p. 87.*

⁴⁷ *J. Jourbert. La Liberation de la France, 1940—1945. Paris, 1951; P. et R. Gosset. La deuxième guerre. Les secrets de la manquée. Paris, 1950.*

⁴⁸ *Л. И. Брежнев. Великая победа советского народа.— «Правда», 9 мая 1965 г.*

⁴⁹ *J. Darcy. Histoire de la guerre. Septembre 1939 — août 1945. Paris, 1945, p. 136; L. Laurat. Bilan de vingt cinq ans de plans quinquennaux (1929—1955). Paris, 1955, p. 119.*

⁵⁰ *S. Welles. Two Roosevelt Decisions: One Debit, One Credit.— «Foreign Affairs», January 1951, p. 193; F. Sanborn. Design for War. New York, 1951, p. 400; R. Greenfield. The Historian and the Army. New York, 1954; T. Higgins. Winston Churchill and the Second Front 1940—1943. New York, 1957, p. 59.*

вали США и Англия, составляла лишь ничтожную часть необходимого количества военных материалов. Более того, эти поставки в самые напряженные дни систематически срывались.

«Всего в 1941 г.,— указывается в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза»,— США и Англия передали Советскому Союзу 750 самолетов (из них только 5 бомбардировщиков), 501 танк и 8 зенитных пушек. Согласно же первому протоколу о поставках, союзники должны были передать СССР с октября по декабрь 1941 г. включительно: 1200 самолетов, из них 300 бомбардировщиков, 1500 танков и около 50 зенитных пушек... Весной 1942 г. доставка военных материалов в СССР почти полностью прекратилась»⁵¹.

Невыполнением поставок Советскому Союзу правящие круги США и Англии стремились максимально ослабить и истощить Советский Союз, а затем занять наиболее «выгодные позиции на мировой арене в ходе войны и после ее окончания»⁵².

История свидетельствует о преднамеренном срыве западными державами поставок в канун решающих сражений на Восточном фронте. Так, весной 1943 г., в период подготовки летнего германского наступления, когда Красная Армия особенно нуждалась в поставках, Англия и США прекратили отправку судов северным путем, по которому в основном шли грузы по ленд-лизу⁵³. Отправка военных материалов из США и Англии была приостановлена вплоть до 2 ноября 1943 г.⁵⁴

подавляющее большинство военных материалов Красной Армии поставляла наша оборонная промышленность, которая уже с 1942 г. стала выпускать больше вооружения, чем гитлеровская Германия и ее сателлиты. В течение 1942 г. советские предприятия выпустили самолетов на 10 300, танков — на 14 200 и полевых орудий (калибром 76 мм и крупнее) — на 22 тыс. больше, чем Германия⁵⁵.

Сами государственные деятели США и Англии во время войны признавали, что поставки военных материалов по ленд-лизу являлись лишь незначительным возмещением тех колоссальных жертв, которые понес Советский Союз в ходе войны. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: «За всю эту помощь русские уже заплатили ценой, которая не поддается измерению в долларах или тоннах, это миллионы нацистских солдат, убитых или взятых в плен русскими...»⁵⁶

Фальсификаторские приемы буржуазных историков, искусственно раздувающих значение помощи по ленд-лизу, разоблачают-

⁵¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2. М., 1961, стр. 365.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, т. 3. М., 1961, стр. 502.

⁵⁴ Там же, стр. 502—503.

⁵⁵ Там же, т. 2, стр. 620—621.

⁵⁶ Там же, т. 6, стр. 290.

ся также рядом фундаментальных исследований советских историков по истории второй мировой войны⁵⁷.

Как отмечается в работе Н. Н. Иноземцева «Внешняя политика США в эпоху империализма», вплоть до 1 марта 1942 г. на Советский Союз приходилось лишь 6% общего количества американских поставок. Удельный вес всех поставок в СССР по ленд-лизу составил лишь около 4% по отношению к общей массе советского промышленного производства⁵⁸.

Таким образом, американские поставки составляли лишь небольшую долю вооружения, которое использовала Красная Армия.

Положение о том, будто Советский Союз одержал победу над гитлеровской Германией лишь благодаря помощи США и Великобритании, опровергается в некоторых последних работах представителей буржуазной историографии Франции. Например, А. Латрей в работе «Вторая мировая война» подчеркивает, что «Советский Союз нес самое тяжелое бремя наступления против Германии до июля 1944 г. Но и после высадки союзников он продолжал и умножал свои усилия до конца лета с впечатляющими результатами»⁵⁹.

Вместе с тем в работах буржуазных историков можно обнаружить явную тенденциозность в освещении ряда аспектов истории антигитлеровской коалиции. Нельзя согласиться, в частности, с оценкой А. Мишелем конференции в Ялте, итоги которой он трактует как «тип соглашений между двумя сверхдержавами..., выражающие волю к мировому господству в ущерб интересам малых народов»⁶⁰. В то же время Мишель полностью игнорирует большое международное значение соглашений в Ялте, явившихся важным условием для окончательной победы над фашизмом. Достаточно назвать такие документы, как «Декларация об освобожденной Европе», решения по германскому вопросу и т. д. Противоречит исторической правде и попытка Мишеля поставить в один ряд США, преследовавших в войне узкоимпериалистические цели, и Советский Союз — освободителя народов Европы от гитлеровской тирании.

Не могут не вызвать решительного возражения и те страницы работ буржуазных авторов, где повторяются давно опровергну-

⁵⁷ Ф. Д. Воробьев, В. М. Кравцов. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 гг. Л., 1961; «Вторая мировая война». Л., 1958; Г. А. Деборин. Вторая мировая война. М., 1958; В. Л. Израэлян. Дипломатическая история Великой Отечественной войны. М., 1959; Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1959; Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; В. М. Израэлян. Антигитлеровская коалиция 1941—1945. М., 1964; Г. Н. Реутов. Правда и вымысел о второй мировой войне. Английская историография о происхождении второй мировой войны, внешней политике Англии и международных отношениях 1939—1945 гг. М., 1967.

⁵⁸ Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма, стр. 391.

⁵⁹ А. Latreille. La seconde guerre mondiale. Paris, 1967, p. 250.

⁶⁰ Henry Michel. La seconde guerre mondiale, t. II, p. 310.

тые утверждения буржуазной пропаганды о «насильственной советизации» стран Восточной Европы, о «советском империализме» и т. д.⁶¹

Важной проблемой, которая разрабатывается во французской историографии, являются взаимоотношения между СССР и Сражающейся Францией. Коммунисты по достоинству оценили благородную позицию Советского Союза, признавшего Комитет национального освобождения и своим авторитетом способствовавшего росту влияния этого комитета в глазах народов. Еще в 1944 г. М. Торез писал: «СССР был первым, кто признал французский Комитет национального освобождения, ставший временным правительством Французской республики. Советский Союз был первым, кто взял на себя инициативу допуска Франции в Союзную комиссию для Европы»⁶².

На страницах работ французских историков-марксистов дан объективный исчерпывающий анализ такому важному этапу в истории франко-советских отношений, как пакт о взаимопомощи 1944 г. Французская прогрессивная общественность дала высокую оценку пакту как отражению доброй воли Советского Союза, который помог французскому народу в восстановлении Франции как великой державы. В то же время пакт способствовал укреплению антигитлеровской коалиции.

Выступая на митинге 3 октября 1944 г., М. Торез заявил: «Все французы понимают, что франко-советский пакт абсолютно не исключает дружбу и союз с двумя великими народами: английским и американским; они понимают также, что этот союз является наиболее прочным фундаментом безопасности и мира завтрашней Европы»⁶³.

Видный марксистский публицист Ф. Гренье подчеркивал значение пакта как выражение глубоких симпатий советского народа к народу Франции. «В то время, как мы только начали восстанавливать наши учреждения и нашу экономику,— пишет он,— когда мы были еще слабы, Советский Союз подписал с нашей страной пакт о взаимопомощи на 20 лет, вновь доказав Франции свою симпатию и веру в будущее французского народа»⁶⁴.

Бескорыстная позиция Советского Союза в отношении Франции не может ныне игнорироваться французской буржуазной историографией. Уже в первые послевоенные годы отдельные буржуазные авторы, например Мурэн, были вынуждены признать, что Советский Союз занимал благожелательную позицию в отношении Сражающейся Франции и первым признал де-факто правительство в Алжире (следует отметить, что в следующем

⁶¹ J. Galtier-Boissière. Histoire de guerre, p. 359. Henry Michel. La seconde guerre mondiale, t. II, p. 312.

⁶² M. Thorez. Oeuvres, t. XX, livre XV. Paris, 1960, p. 141.

⁶³ Ibid., p. 141—142.

⁶⁴ F. Grenier. France — URSS. Paris, 1945, p. 10.

издании книги, вышедшем в конце 50-х годов, эта фраза была уже выпущена) ⁶⁵.

В мемуарах генерала де Голля указывается, что «все склоняло Кремль к желанию возродить Францию, способную помочь ему сдержать германскую стихию и остаться не зависимой от Соединенных Штатов» ⁶⁶.

Буржуазные историки М. Мурэн, Р. Дабернан, П. Дюпей дают положительную оценку признания Советским Союзом де-факто Комитета национального освобождения. Они рассматривают это как событие, которое способствовало подъему политического престижа Сражающейся Франции и ее учреждений в Европе, восстанавливало дружественные отношения между двумя странами и способствовало укреплению антигитлеровской коалиции. М. Мурэн в работе «История великих наций» пишет, что признание комитета со стороны СССР явилось первым шагом на пути восстановления традиционных франко-советских связей, «скомпрометированных политикой Виши» ⁶⁷. Р. Дабернан, оценивая политическое значение признания для укрепления позиций Сражающейся Франции и ее организаций, пишет: «Де Голль стремился использовать новую дипломатическую ситуацию, чтобы увеличить престиж свободной Франции, который был в этот период незначителен» ⁶⁸. П. Дюпей отмечает, что признание укрепляло антигитлеровскую коалицию, так как отвечало желанию миллионов французов «продолжать борьбу любыми средствами за общую победу над гитлеровской Германией и ее сателлитами» ⁶⁹. Признание подняло престиж и уважение к Франции в глазах США и Англии и «положило начало новому этапу в серии соглашений, посредством которых различные союзнические правительства, друзья Франции, показали свое стремление принимать в расчет требования французского народа» ⁷⁰.

Французские буржуазные историки вынуждены отметить отличие бескорыстной позиции Советского Союза по отношению к возрождающейся Франции и позиции западных держав с их своекорыстным отношением к ней, недоверием к ее организациям, третированием Франции как великой державы. Известный историк-международник Ж. Б. Дюрозель, отдавая дань уважения благородной позиции СССР в отношении борьбы французского народа против фашизма, подчеркивает, что Советский Союз вы-

⁶⁵ *Maxime Mourin. Histoire de Grandes Puissances 1919—1947. Paris, 1947, p. 117.*

⁶⁶ *Шарль де Голль. Военные мемуары. Единство (1942—1944). М., 1960, стр. 222.*

⁶⁷ *Maxime Mourin. Histoire de Grandes Puissances 1919—1947, p. 117.* В издании 1958 г. эта фраза отсутствует.

⁶⁸ *R. Dabernant. De Gaulle pensait aux russes depuis 1941.— «Combat», 27 avril 1965, p. 1.*

⁶⁹ *P. Dupays. L'ambition du Führer essouffle de Vehmacht. Paris, 1948, p. 117—118.*

⁷⁰ *Ibid., p. 118.*

ступал за признание французского Комитета национального освобождения в качестве законного представителя Сражающейся Франции в противоположность Англии и США, «которые отказывались признать временное правительство в Алжире даже де-факто»⁷¹.

Буржуазные историки Франции в полной мере раскрывают в своих работах враждебное отношение США и Англии к Сражающейся Франции и ее институтам. В своей рецензии на «Переписку председателя Совета Министров СССР с Черчиллем и Рузвельтом» историк А. Мишель констатирует, что «Советский Союз продемонстрировал свое желание осуществить признание комитета», однако Черчилль, присоединившись к американской точке зрения, отказался это сделать. А. Мишель вынужден признать, что западные державы и в дальнейшем чинили препятствия к допуску Франции на конференции держав—участниц антигитлеровской коалиции. «Наибольшую враждебность,— пишет Мишель,— относительно присоединения Франции к большой тройке продемонстрировал Рузвельт»⁷².

Мурэн в своей книге «Франко-советские отношения (1917—1967)» разоблачает политику лавирования и затяжки признания со стороны западных держав Комитета национального освобождения. В противоположность расплывчатым формулировкам западных держав, отмечает Мурэн, «Москва согласилась на более полное и четкое определение своего решения (т. е. признания комитета.— В. Р.). Комитет представлял для нее интересы государства Французской республики, он был единственным, ибо был ответствен за представлять всех французских патриотов, сражающихся против гитлеризма»⁷³. Даже после признания, указывает Мурэн, США и Англия относились к комитету «сдержанно»⁷⁴.

Позицию Англии и США Мурэн объясняет тем фактом, что «в Лондоне и Вашингтоне, где уже думали о послевоенном периоде, предпочитали Францию, менее щепетильную в отношении своих прав»⁷⁵. Отрицательное отношение США и Англии к ФКНО объясняется их желанием, чтобы Франция шла в фарватере их политики: «Американское правительство, например, стремилось поставить во главе движения Сопротивления своих людей». Правительство же Великобритании хотя и признавало де Голля, но прилагало усилия к тому, чтобы подчинить его своему влиянию⁷⁶. В целях еще большего подчинения Франции своему кон-

⁷¹ I. B. Duroselle. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours, p. 426.

⁷² Henri Michel. La Correspondance de Stalin avec Churchill et Roosevelt.— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», avril 1959, № 34, p. 2.

⁷³ Maxime Mourin. Les relations franco-soviétique 1917—1967. Paris, 1967, p. 264.

⁷⁴ Ibid., p. 265.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 6, стр. 292.

тролю правительства Англии и США стремились утвердить в ней оккупационный режим⁷⁷. Черчилль даже отказался взять на себя обязательство по восстановлению территориальных границ Франции⁷⁸.

Резюмируя позицию западных держав в отношении Сражающейся Франции, известный французский историк-марксист Ж. Виллар отмечает, что «англо-американские руководители стремились использовать ослабление Франции для расширения своих империалистических позиций во Французской империи и во Франции»⁷⁹.

Совершенно иную позицию занимало Советское правительство, которое проводило в отношении Франции абсолютно бескорыстную политику. Оно хотело одного — максимально «обеспечить участие Франции в войне с Германией и помочь французскому народу вновь занять подобающее место в послевоенном мире»⁸⁰. Это констатирует и Мурэн в своей работе «Франко-советские отношения», когда он пишет, что для Советского Союза «была желательна Франция достаточно сильная с тем, чтобы быть способной сдерживать германизм и оставаться независимой от США»⁸¹. Высокую оценку в отдельных работах буржуазных авторов получила героическая борьба летчиков эскадрильи «Нормандия — Неман», которая не только «символизировала союз Франции и СССР»⁸², как на это указывает А. Байе, но и выполняла благородную задачу «защиты престижа и чести французского оружия»⁸³. Оценивая действия эскадрильи на советско-германском фронте, Мурэн пишет, что «она активно и блестяще участвовала на стороне Красной Армии в борьбе против вермахта и представляла собой единственное соединение Франции на Восточном фронте»⁸⁴.

Однако отдельные представители буржуазной историографии Франции, выступая с позиций враждебности к Советскому Союзу, пытаются отрицать положительное значение для Франции политики сближения с СССР, проводимой в период войны. Они стремятся исказить отношение Советского Союза к Франции и в то же время прилагают усилия к тому, чтобы представить позицию США и Англии как более дружественную и положительную. Эту

⁷⁷ «История внешней политики СССР», ч. 1 (1917—1945 гг.). М., 1966, стр. 425.

⁷⁸ «Le Parti Communiste français dans la Résistance». Paris, 1967, p. 132—140.

⁷⁹ Жермена Виллар. Великая Отечественная война Советского Союза и развитие французского движения Сопротивления.— «Французский ежегодник. 1961», стр. 202.

⁸⁰ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 6, стр. 292.

⁸¹ *Maxime Mourin*. Les relations franco-soviétiques 1917—1967, p. 276.

⁸² *A. Bayet*. Histoire de France. Paris, 1947, p. 291.

⁸³ *R. Sauvage*. Un du Normandie — Nieman. Paris, 1959, p. 1.

⁸⁴ *Maxime Mourin*. Les relations franco-soviétiques 1917—1967, p. 262.

точку зрения отстаивает в своей работе «Вторая мировая война» Р. Картье, который пытается доказать, будто СССР противился допуску Франции в ранг великих держав и только благодаря Черчиллю она получила зону оккупации в Германии. Картье так и пишет: «По крайней мере если Франция хотя бы теоретически заседала на равных правах за дипломатическим столом, если она постепенно приобрела право голоса, чтобы влиять на ход мировых событий, то этим она обязана Черчиллю»⁸⁵.

Этой точки зрения придерживается, например, и Ги де Кармуа, когда обвиняет де Голля в том, что он, улучшив отношения с Советским Союзом, испортил отношения с англосаксами, которые якобы одни способствовали возрождению Франции «против воли русских»⁸⁶.

Кармуа пытается доказать, будто только англичане «сражались как тигры за Францию на Ялтинской конференции». Подводя баланс внешней политики Франции в период войны, Кармуа пессимистически констатирует: «В последующие месяцы отношения с англосаксами испортились, в то время как союз с Россией не принес компенсации»⁸⁷.

Известно, однако, что на Крымской конференции Советский Союз твердо проводил линию на допуск Франции в антигитлеровскую коалицию в качестве равноправного члена. Советская сторона подчеркивала значение участия Франции в общих усилиях союзников как необходимого условия сохранения и упрочения прочного послевоенного мира.

«Самое важное условие для сохранения длительного мира, — заявил глава советской делегации И. В. Сталин на Крымской конференции, — это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская агрессия не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай»⁸⁸. На Крымской конференции советская делегация высказала свое удовлетворение развитием отношений с Французской республикой⁸⁹ и высказалась за допуск Франции в Контрольный Совет по Европе⁹⁰.

Позиция СССР на Крымской конференции, а также пакт о взаимопомощи заставили правительство США снять свои возражения против допуска Франции в Контрольный Совет по Германии и согласиться на предоставление ей «оккупационной зоны»⁹¹.

⁸⁵ R. Cartier. La seconde guerre mondiale, t. II. Paris, 1966, p. 307.

⁸⁶ Gui de Carmoy. Les politiques étrangères de la France 1944—1966. Paris, 1967, p. 14.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ «Тегеран, Ялта, Потсдам». Сборник документов. М., 1967, стр. 92.

⁸⁹ Там же, стр. 119.

⁹⁰ Там же, стр. 133.

⁹¹ «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны». М., 1959, стр. 399.

Если обратиться к историческим фактам, то именно делегации США и Англии на совещании в Москве, проходившем с 19 по 30 декабря 1943 г., «воспротивились включению представителей французского Комитета национального освобождения в Европейскую консультативную комиссию (ЕКК). При этом они пытались свалить вину на СССР, хотя именно Советский Союз и внес предложение включить Францию в качестве четвертого члена ЕКК»⁹².

В памятной записке Советского правительства, направленной Великобритании и США в октябре 1944 г., указывалось на необходимость «теперь же пригласить французского представителя принять участие в обсуждении германских дел в комиссии и рассмотреть вопрос о постоянном участии Франции в делах Европейской комиссии»⁹³.

Правительство США и Англии, игнорируя Комитет национального освобождения, пытались установить на территории Франции оккупационный режим⁹⁴, против чего решительно возражал Советский Союз⁹⁵.

Правительства США и Англии продолжали противиться признанию ФКНО и после того, как он принял наименование Временного правительства Французской республики. Только под давлением СССР эти державы 23 октября 1944 г. заявили о признании французского Временного правительства⁹⁶. Именно Советское правительство предложило Франции место постоянного члена Совета Безопасности⁹⁷.

Мимо указанных выше исторических фактов не могут пройти и некоторые буржуазные авторы, например А. Гроссе, который признает, что «общий баланс за 1944 г. был очень благоприятен для Франции. Спустя пять лет после поражения Франция стала одной из четырех великих держав»⁹⁸.

Дружественные отношения, сложившиеся между Советским Союзом и Францией в ходе общей борьбы против фашизма, оказали известное влияние на концепции буржуазных историков советско-французского пакта 1944 г. Буржуазная историческая наука после окончания войны не могла не отметить значение пакта как нового этапа в истории взаимоотношений двух стран.

Положительную оценку получил франко-советский пакт 1944 г. в ряде работ буржуазных историков с точки зрения его эффек-

⁹² «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 6, стр. 293.

⁹³ «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны», стр. 318.

⁹⁴ Там же, стр. 27.

⁹⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 6, стр. 293.

⁹⁶ Там же, стр. 294.

⁹⁷ «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны», стр. 299.

⁹⁸ А. Crosser. La IV-e république et sa politique extérieure. Paris, 1961, p. 440.

тивности в борьбе против германского милитаризма. «Пакт является доказательством реализма и мудрости; объединяя в себе в гармоническом сочетании французские и русские условия безопасности, он исходит из факта общей необходимости союза для сдерживания, при случае, Германии»⁹⁹, — писал буржуазный публицист Б. Пезе. Некоторые буржуазные историки указывали на значение пакта не только с точки зрения восстановления престижа Франции как великой державы, но и для восстановления традиционных дружественных связей между двумя странами. Л. Мальво писал по этому поводу в 1945 г.: «Потребовалось пять лет самого ужасного хаоса, какой когда-либо знало человечество, чтобы вновь вернуться к политике здравого смысла».

Мальво расценивал заключение пакта как новый шаг по пути укрепления престижа Франции в Европе: «Франция в течение этого времени (1944 г.— В. Р.) вновь постепенно занимала свое место в концерте великих держав. 10 ноября 1944 г. новый шаг вперед: генерал де Голль, возвратясь из поездки в Москву, доложил о военном и политическом союзе, заключенном с СССР на 20 лет»¹⁰⁰. Большое политическое значение договора как первого дипломатического документа, заключенного Францией на равных правах с другой великой державой, отмечал и известный дипломат А. Франсуа-Понсе, которого трудно заподозрить в симпатиях к коммунизму; он констатировал, что Советскому Союзу Франция обязана возвращением в число великих держав¹⁰¹.

Традиция объективности в оценке пакта сохранилась в работах представителей либерального направления французской буржуазной историографии и в наше время. Франко-советский пакт 1944 г. рассматривается видным историком профессором Сорбонны А. Гроссе как внешнеполитический акт, обеспечивающий безопасность Франции на случай повторения агрессии Германии в будущем. «Французы желали, — пишет Гроссе, — победив врага, иметь на Востоке центр прямого и практического сотрудничества против Запада, т. е. прежде всего могущественную Россию, постоянного союзника». В то же время договор, отмечает Гроссе, «укреплял независимость Франции в отношении англо-американцев»¹⁰². Однако Гроссе аналогично другим буржуазным авторам преувеличивает роль де Голля в заключении договора.

Положительную оценку договору 1944 г. дает А. Пейрэ, который пишет: «Обе стороны показали с официальной точки зрения, что они очень удовлетворены этим возобновленным союзом. Во Франции правительство не скрывало своего энтузиазма. Оно

⁹⁹ B. Pezet. *Voici la Russie*. Paris, 1945, p. 47.

¹⁰⁰ L. Malvault. *Précis de la guerre mondiale*. Paris, 1945, p. 184.

¹⁰¹ André François-Poncet. *Carnets d'un captif*. Paris, 1952, p. 294.

¹⁰² A. Grosser. *La IV-e république et sa politique extérieure*, p. 19.

считало, что франко-советское соглашение обеспечивает безопасность на континенте...»¹⁰³

Отдельные буржуазные авторы, разумеется, не могут пройти мимо того факта, что укрепление внешнеполитических позиций Франции в результате заключения пакта 1944 г. не встретило положительной реакции у правительств США и Англии, которые, как отмечает Пейрэ, полагали, что «Франция проявила бесцеремонность, завязав в одиночку отношения с Москвой»¹⁰⁴. Трезво оценивая внешнеполитический курс Франции, ее возможности и перспективы, место Франции на международной арене, они все чаще выступают за возобновление внешнеполитического курса 1944 г. и развитие дружественных отношений с СССР.

«Географическое положение Франции и России требует,— пишет Б. Лавернь,— в целях противодействия политическим устремлениям германских руководителей и генералов, которые всегда носили захватнический характер, существования союза между Францией и Россией...» Высоко оценивая союз 1944 г. и критикуя последующую политику правящих кругов Франции, Лавернь с горечью констатирует: «К несчастью, мы не остались верны этому союзу...»¹⁰⁵

Советско-французский пакт 1944 г. имеет, однако, немало противников среди буржуазных историков Франции, которые отражают точку зрения определенной части буржуазии, не заинтересованной во франко-советском сотрудничестве. Авторы выступают против него по различным соображениям. Среди противников пакта имеются сторонники укрепления военно-политических связей с ФРГ и НАТО, как, например, Ж. Вернан, Р. Лорэ, Б. Кабанес, Ж. Боннэ. Ж. Вернан отмечает, в частности, что договор 1944 г. якобы потерял вскоре после окончания войны свое значение, поскольку «западные державы позаботились о том, чтобы Германия не смогла больше совершить когда-либо агрессию, и устранили ту опасность, против которой был направлен договор»¹⁰⁶.

Более открыто против пакта 1944 г. выступает А. Лоре, который высказывает удовлетворение тем, что «крушение союзов, поставивших Германию вне рядов западных держав, положило конец абсурдному союзу с Россией»¹⁰⁷. Версию Лорэ поддерживает Ж. Боннэ, который в своей работе «Кэ д'Орсэ при трех республиках» отмечает, что пакт 1944 г. после войны якобы не имел

¹⁰³ H. Peyret. L'URSS. Paris, 1961, p. 149.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ «L'année politique...», novembre — décembre 1957, p. 385; см. также рец. Б. Лаверня на книгу Р. Арона «Война и мир между народами» («L'année politique...», juin 1964, N 172).

¹⁰⁶ J. Vernant. La France et l'URSS avant le sommet.— «Revue de défense nationale», avril 1960, p. 719.

¹⁰⁷ L. Loret. Notre voisin l'Allemand. Deux peuples s'affrontent. Paris, 1960, p. 186; см. также статью Б. Кабанеса «Де Голль в Москве», опубликованную в реакционной газете «Карфур» (B. Cabanès. De Gaulle à Moscou.— «Carrefour», 19 janvier 1966).

значения для защиты от Германии, поскольку «опасность существовала с другой стороны», т. е. со стороны Советского Союза¹⁰⁸.

Узкоклассовые позиции ряда историков, придерживающихся либеральных взглядов, также мешают им оценить роль, которую играл франко-советский пакт 1944 г.

Группа историков либерального направления (Ж. Б. Дюрозель, Р. Серэ, А. Пейрэ) стремится видеть в пакте 1944 г. лишь негативные стороны и абсолютно отрицает его значение как важного этапа в развитии отношений между двумя странами. По мнению Дюрозеля, основной итог пакта — негативный¹⁰⁹, поскольку он якобы был «далек от того, чтобы обеспечить Франции надежного партнера в ее дипломатической деятельности»¹¹⁰. Договор 1944 г. с точки зрения Р. Серэ «инспирирован скорее воспоминаниями о прекрасных страницах дипломатии, чем соображениями политики»¹¹¹.

Вышеупомянутые авторы отрицают большое значение, которое имел пакт для укрепления внешнеполитических позиций Франции как великой державы, о чем говорилось выше, и в то же время игнорируют его роль в укреплении национальной безопасности Франции, что было единодушно отмечено в выступлениях ораторов при обсуждении вопроса о ратификации договора в Консультативной Ассамблее¹¹².

Некоторые буржуазные авторы, например А. Пейрэ, пытаются доказать, будто СССР придавал договору «второстепенное значение»¹¹³, хотя в ноте Советского правительства правительству Великобритании от 6 марта 1948 г. подчеркивалось большое значение англо-советского и франко-советского договоров для обеспечения безопасности в Европе и предотвращения новой германской агрессии¹¹⁴.

Указанные авторы в своих работах уходят от ответа на вопрос, кто же является истинным виновником срыва франко-советского пакта 1944 г. А им являлись, как известно, французские правящие круги. Уже в 1946 г. Франция постепенно все более «сползала на позиции англо-американского блока по всем основным внешнеполитическим вопросам...»¹¹⁵ На этой почве началось сближение между Францией и Англией. 4 марта 1947 г. в Дюнкерке был заключен пакт о взаимопомощи между Францией и Англией. Хотя договор формально имел антигерманскую на-

¹⁰⁸ *Georges Bonnet. Le Quai d'Orsay sous trois républiques...*, p. 385.

¹⁰⁹ *J. B. Duroselle. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours*, p. 429.

¹¹⁰ *J. B. Duroselle. Changes in French Foreign Policy since 1945.— «Search of France»*. Cambridge (Mass.), 1963, p. 338.

¹¹¹ *R. Céré. La seconde guerre mondiale...*, p. 122.

¹¹² «Международные отношения после второй мировой войны», т. I (1945—1949). М., 1962, стр. 401.

¹¹³ *H. Peyret. L'URSS*, p. 149.

¹¹⁴ «Внешняя политика Советского Союза. 1948 г.», ч. 1. М., 1950, стр. 145.

¹¹⁵ «Международные отношения после второй мировой войны», т. I, стр. 406.

правленность, однако «правлящие круги Франции видели в договоре с Англией средство замены франко-советского договора и путь к созданию западного союза, направленного против СССР»¹¹⁶, а затем и к организации Североатлантического пакта.

Эта тенденция особенно ярко проявилась в указанных выше работах, опубликованных в конце 40-х — начале 50-х годов XX в.

Однако в настоящее время для исследований французских буржуазных авторов характерен известный отход от антинаучных взглядов на проблемы антигитлеровской коалиции (работы А. Латрея, Л. Сореля) и более объективная их оценка¹¹⁷.

Можно с определенностью сказать, что реалистический внешне-политический курс французского правительства, улучшение франко-советских отношений благоприятно отражаются на исторических работах, посвященных истории международных отношений. Появляется все большее число трудов даже буржуазных историков, освещающих объективно те или иные вопросы столь сложного в истории дипломатии периода, как вторая мировая война. С этой точки зрения французская буржуазная историография неоднородна, но объективные работы ряда буржуазных историков в ряде случаев способствуют установлению взаимопонимания между СССР и Францией.

В то же время налицо дальнейшее укрепление позиций марксистской историографии, завоевывающей все большее признание в широких читательских кругах. Распространение правды о Советском Союзе, его внешней политике в свою очередь не может не оказывать влияния на широкие народные массы, а также на политику правящих кругов Франции.

¹¹⁶ Там же, стр. 406.

¹¹⁷ A. Latreille. La seconde guerre mondiale. Paris, 1967; L. Saurel. Stalingrad. Paris, 1966.

**СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ ЗАПАДА
ОБ АНТИСОВЕТСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ
В 1917—1920 ГГ.**

О. Ф. Соловьев

Интервенция правящих кругов Антанты против молодой Советской республики явилась враждебной реакцией международного империализма на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, открывшую новую эру в истории человечества. От хода и исхода интервенции во многом зависела дальнейшая судьба диктатуры пролетариата в России. Поэтому изучение всего комплекса вопросов, относящихся к данной теме, представляет большой научный интерес.

Как известно, обобщающих исследований по проблеме интервенции в целом не существует в зарубежной литературе¹. Вместе с тем на Западе имеются многочисленные работы по истории Октябрьской революции, по гражданской и первой мировой войнам, в которых уделено значительное место интервенции. Соответствующие буржуазные концепции изучены у нас еще недостаточно. Советские исследователи главное внимание уделили разоблачению фальсификаций антисоветской политики Англии и США². Другие же, не менее важные вопросы остались полностью или частично вне их поля зрения.

Учитывая это, ниже делается попытка критического рассмотрения взглядов современных английских, американских и французских ученых на причины, характер и ход интервенции, на

¹ Известная работа прогрессивных английских авторов супругов Коатсов написана в основном по материалам прессы и является научно-популярной (*W. P. and Z. K. Coates. Armed Intervention in Russia 1918—1922. London, 1935*).

² «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1964; *А. Е. Кунина, Б. И. Марушкин. Миф о миролюбии США*. М., 1960; *Б. Е. Штейн и С. И. Кузнецова. Английская и американская историография Октябрьской революции, иностранной интервенции и гражданской войны в России*.— «Вопросы истории», 1956, № 11; *Г. Г. Алахвердов. Фальсификация буржуазными историками США истории американской интервенции против Советской России в 1917—1920 гг.*— «Вопросы истории», 1958, № 11; *В. И. Салов. Современная буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции*.— «Вопросы истории», 1967, № 11; *А. О. Чубарьян. Буржуазная историография Октябрьской революции*.—

степень участия в ней главных держав Антанты. Объектом анализа служат преимущественно работы, увидевшие свет в 1956—1967 гг. Автор стремился продолжить работу других советских исследователей проблемы, привлекая целый ряд малоизвестных, в том числе и архивных, материалов.

Реакционные историки, выполняя социальный заказ империалистических кругов, уже с 20-х годов XX в. пытались оклеветать Октябрьскую революцию, извратить существо самого переломного в мире советского общественного строя. Одновременно они стремились оправдать захватнический курс западных держав в «русском вопросе» и подрывные действия белогвардейщины, выступившей в союзе с Антантой. Такого рода несостоятельные версии выдвигали Лоутон, Спарго, Макмастер, Чемберлин, Анэ, Антонелли³. Тогда появились и первые книги буржуазно-объективистского направления, в которых содержалась хотя и непоследовательная, но критика интервенции⁴.

Вышедшие за последнее время на Западе, особенно в связи с 50-летием Октября, работы авторов-антикоммунистов полностью сохранили антисоветскую направленность, характерную для их предшественников. Однако в подходе к проблеме и в методах ее разработки наблюдаются новые моменты. На смену чисто пропагандистским, мало опирающимся на факты произведениям приходят работы, в которых наряду с литературой использован и широкий круг источников, включая неопубликованные архивные материалы. Некоторые современные ученые обнаруживают неплохое знакомство с советской историографией, к которой они, естественно, относятся резко враждебно⁵. Заметно расширение тематики исследований. Но все это делается в основном для того, чтобы придать несостоятельным концепциям видимость фундаментальности и научной объективности.

Книги и статьи, в которых нашла отражение проблема интервенции, в целом посвящены истории Октябрьской революции и гражданской войны, жизни и деятельности В. И. Ленина,

«Вопросы истории», 1968, № 1; А. Г. Андреев. Фальсификация истории возникновения иностранной военной интервенции в Советскую Россию в работах американских и английских буржуазных авторов.— «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». Л., 1967.

³ L. Lawton. The Russian Revolution (1917—1925). London, 1927; I. Spargo. Russia as an American Problem. New York, 1920; J. Mc. Master. The United States and the World War (1918—1920). New York, 1920; W. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921. New York, 1935; C. Anet. La révolution russe. Paris, 1920; E. Antonelli. La Russie bolchéviste. Paris, 1919.

⁴ E. Ross. The Russian Revolution. New York, 1921; F. Shuman. American Policy towards Russia since 1917. London, 1928; I. Lescure. La révolution russe. Le bolchévisme, communisme et NEP. Paris, 1929.

⁵ Показательно, что в США был даже опубликован специальный сборник статей, посвященный критике наших исторических концепций. Среди них фигурирует и статья об интервенции (C. Black (ed.). Soviet Interpretations of Russia's Past. New York, 1956; J. Thompson. Allied and American Intervention in Russia 1918—1919).

внешней политике СССР, событиям первой мировой войны, Парижской мирной конференции. Вопросы избранной темы затрагиваются также в общеисторической англо-американской и французской литературе⁶. Большая часть анализируемых работ написана реакционными авторами, а меньшая — учеными буржуазно-либерального толка⁷.

Прежде чем перейти к непосредственному освещению вопроса, необходимо остановиться на определении самого термина «интервенция», поскольку советские и буржуазные историки истолковывают его по-разному. Под интервенцией марксисты понимают вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого, осуществляемое либо в открытой, вооруженной, либо в замаскированной форме⁸. В эпоху империализма интервенции являются орудием подавления правящими кругами капиталистических держав социалистических и национально-освободительных движений. Реакционные авторы затушевывают классо-

⁶ J. Curtiss. The Russian Revolutions 1917. New York, 1957; A. Moorehead. The Russian Revolution. New York, 1958; H. Seton-Watson. The Pattern of Communist Revolution. A Historical Analysis. London, 1960; B. Lockhart. The Two Revolutions. London, 1957; R. Daniels. The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967; R. Goldston. The Russian Revolution. London, 1966; D. Footman. The Russian Revolutions. London, 1962; Idem. Civil War in Russia. London, 1961; L. Kochan. Russia in Revolution 1890—1918. London, 1966; R. Ullman. Intervention and the War. Princeton, 1961; J. Swettenham. Allied Intervention in Russia and the Part Played by Canada. 1918—1919. London, 1967; R. Payne. The Life and Death of Lenin. London, 1964; D. Shub. Lenin. A Biography. London, 1966; L. Fisher. The Life of Lenin. New York, 1964; G. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1960; A. Buscarel. Soviet Foreign Policy. A Pattern of Persistence. New York, 1962; I. Lederer (ed.). Russian Foreign Policy. New Haven, 1962; D. Smith. The Great Departure. The United States and the World War I, 1914—1920. New York, 1965; A. Mayer. Wilson v-s Lenin. Political Origins of the new Diplomacy. 1917—1918. New York, 1963; I. Thompson. Russia. Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1967; B. Farnsworth. William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington and London, 1967; R. Harris. An Historical Introduction to the Twentieth Century. London, 1966; G. Tall, P. Balwer. Britain and the World in the Twentieth Century. London, 1966; J. Westwood. Russia. 1917—1964. London, 1966; J. Clarkson. A History of Russia. From the Ninth Century. London, 1960; I. Grey. The First Fifty Years. Soviet Russia. 1917—1967. Bangay, 1967; P. Sorlin. La Société Soviétique 1917—1964. Paris, 1964; A. Fontaine. Histoire de la guerre froide. De la Révolution d'Octobre à la guerre de Corée. 1917—1950. Paris, 1965; J. Duché. Histoire du monde. Le grand tournant, vol. 4, deuxième partie. Paris, 1966; G. Galtier-Boissière. Histoire de la grande guerre 1914—1918. Paris, 1963; R. Kohn. La Révolution Russe. Paris, 1963.

⁷ D. Fleming. The Cold War and its Origins, vol. I—II. London, 1961; R. Warth. Soviet Russia in World Politics. London, 1963; A. Taylor. English History 1914—1933. Oxford, 1965; P. Filene. Americans and the Soviet Experiment. 1917—1933. Cambridge, 1963; P. Renouvin. Les crises du XX siècle, vol. I. Paris, 1964; J. Duroselle. Histoire du monde contemporain. Classes terminales. Paris, 1965; J. Ollivier. Quand fera-t-il jour, camarade? (7 novembre 1917). Paris, 1967. В. Вильямс. Американская интервенция в России в 1917—1920 гг.— «История СССР», № 4, 1964.

⁸ «Дипломатический словарь», т. 1. М., 1960, стр. 561.

вый смысл интервенций, под которыми они понимают исключительно ввод чужих войск на территорию иностранного государства, да и то лишь в значительных масштабах. Поэтому в западной литературе датой начала интервенции считается лето 1918 г., а предшествующий период вмешательства западных держав во внутренние дела РСФСР изображается только как цепь малозначительных эпизодов, не носящих антисоветского характера. Делается все возможное, чтобы скрыть подрывную деятельность возникшего сразу после Октября союза Антанты с белогвардейцами.

Общеизвестно, что империалисты Антанты с ненавистью встретили факт установления Советской власти в России. Не отрицают этого и буржуазные авторы. Однако они пытаются оправдать такую позицию, пускаясь в пространные рассуждения об «антидемократическом» характере диктатуры пролетариата, о хаосе, якобы воцарившемся в России, о прогерманской ориентации большевиков и их «измене» интересам союзников. Подобные измышления, распространяемые Кеннаном, Мурхэдом, Уллменом, Кларксоном и другими авторами, не имеют ничего общего с действительностью и опровергаются даже некоторыми нашими противниками. Известно, что премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж пришел к убеждению, что «подавляющее большинство русского народа хотя и не было коммунистическим, но предпочитало правление большевиков правлению сторонников старого режима и определено не желало поддерживать все военные мероприятия, направленные на реставрацию прежних порядков»⁹. Представитель США Буллит, посетивший Москву в феврале 1919 г., писал: «Советская форма правления установилась твердо. Быть может, самым поразительным феноменом современной России является всеобщая поддержка правительства населением, несмотря на голод... Положение Коммунистической партии также очень прочное»¹⁰. Наконец, неофициальный английский уполномоченный Локхарт признавал: «Я был убежден, что их (большевиков.— *О. С.*) внутренняя сила намного прочнее, чем полагает большинство иностранных обозревателей, и что в России нет другой силы, которая могла бы заменить их»¹¹.

Что касается внешней политики РСФСР, то следует иметь в виду, что с самого начала Советское правительство развернуло борьбу за мир и прекращение империалистической войны, а также стало придерживаться принципа мирного сосуществования с другими странами. Русский народ не хотел продолжать войну за чуждые ему империалистические интересы, армия в целом отказывалась сражаться и в значительной степени потеряла бое-

⁹ *D. Lloyd George. The Truth about the Peace Treaties, vol. I. London, 1938, p. 318.*

¹⁰ «*The Bullitt Mission to Russia. Testimony before the Committee on Foreign Relations of the United States Senate.* New York, 1919, p. 51.

¹¹ *B. Lockhart. Memoirs of a British Agent. London, 1932, p. 236.*

способность, о чем союзникам было хорошо известно еще до Октября. Уже тогда они учитывали в своих стратегических планах возможность выхода России из войны, что, естественно, должно было затруднить их борьбу против центральных держав. 26 июля 1917 г. командующие английской, французской, американской и итальянской армиями представили межсоюзнической конференции в Париже записку «О линии поведения в случае, если Россия перешла бы на сторону неприятеля». Несколько раньше французский генерал Петэн дал указание своему штабу изучить обстановку, которая сложилась бы после «заключения Россией сепаратного мира»¹².

В ноябре — декабре 1917 г. Советское правительство в соответствии с ленинским Декретом о мире предприняло усилия для привлечения стран Антанты к переговорам о заключении всеобщего демократического мира, что ясно свидетельствовало о твердом намерении не идти на сепаратное соглашение с Германией. Наркоминдел сделал по этому поводу пять официальных демаршей перед союзниками¹³, но те не только остались глухи ко всем обращениям, но и заявили о непризнании социалистического государства. Несмотря на столь явную враждебность империалистических держав, Советское правительство стремилось урегулировать отношения с ними на взаимно выгодных условиях.

Первый этап грубого вмешательства Антанты во внутренние дела РСФСР связан с поддержкой южной контрреволюции, решениями Парижской межсоюзнической конференции (29 ноября — 3 декабря 1917 г.) и заключением англо-французского соглашения от 23 декабря о разделе России на «зоны влияния». В новейшей западной литературе названным событиям уделено много внимания, причем приводится некоторый новый фактический материал об империалистической политике Англии, США и Франции. Уллмен подробно рассмотрел вопрос о сделке Великобритании с реакционными силами Дона, Закавказья и Украины. Из цитированной им телеграммы заместителя министра иностранных дел Сесилия английскому послу в Петрограде Бьюкенену от 3 декабря 1917 г. видно, что Великобритания поощряла сепаратистские тенденции белогвардейщины, добиваясь расчленения России. Союзники оказывали также значительную финансовую помощь многим врагам Советской власти, с которыми они установили тесные контакты¹⁴. Как отмечает Брэдли, французский кабинет в конце ноября 1917 г. решил активно поддержать «антибольшевистскую оппозицию», что вскоре привело к созданию при Министерстве иностранных дел специальной комиссии

¹² «Ministère de la guerre. Les armées françaises dans la grande guerre», t. VI, vol. 1. Paris, 1931, p. 3—5.

¹³ «Документы внешней политики СССР», т. 1. М., 1959, стр. 16—17, 28—31, 41—42, 67—70.

¹⁴ R. Ullman. Op. cit., p. 46, 52.

во главе с генералом Жаненом для изучения русских политических проблем, проведения пропагандистской кампании и «подготовки путей для действия»¹⁵.

Интересные данные содержатся в книге Морли, посвященной рассмотрению политики Японии на Дальнем Востоке. В частности, он полностью воспроизвел неопубликованный меморандум французского маршала Фоша «О возможных мерах в отношении России», обсуждавшийся на межсоюзнической конференции в Париже. Видимо, это был первый детально разработанный план интервенции, в котором предусматривалась оккупация войсками Японии и США Транссибирской магистрали на всем ее протяжении от Владивостока до Москвы¹⁶.

Однако отмеченные и многие другие красноречивые факты, введенные в научный оборот буржуазными учеными, не побудили их встать на путь пересмотра прежних несостоятельных концепций. Мало того, они подчас используются для более тонкой фальсификации. Большинство исследователей Запада утверждает, будто Антанта не добивалась ликвидации Советской власти, а в своих действиях лишь руководствовалась чисто стратегическими соображениями, диктуемыми состоянием войны со своими противниками — Германией, Австро-Венгрией и Турцией¹⁷.

Было бы весьма наивно полагать, как пытаются делать буржуазные авторы, что правящие круги Антанты сколько-нибудь серьезно рассчитывали на возможность организации эффективного сопротивления войскам Германии на русской территории хотя бы потому, что только еще формируемые на Дону и малочисленные отряды Алексеева и Корнилова предназначались исключительно для участия в гражданской войне. Сражаться с регулярными немецкими частями они, естественно, не собирались, о чем было хорошо известно заправилам западных держав из донесений своих представителей в России. 5 декабря 1917 г. английский посол Бьюкенен и глава военной миссии генерал Нокс телеграфировали в Лондон, что контрреволюционные войска на Дону физически не в состоянии вступить в борьбу с немцами¹⁸. О том же писал и американский консул в Москве Пуль, который в декабре 1917 г. побывал тайно в Новочеркасске, где встретился с Калединым, Алексеевым и другими главарями белого движения¹⁹.

¹⁵ *J. Bradley. The Allies and Russia in the Light of French Archives.*— «Soviet Studies», October 1964, p. 176—177.

¹⁶ *J. Morley. The Japanese Thrust into Siberia, 1918.* New York, 1957, p. 32—33. Подробный анализ этого интересного документа дан в нашей статье: *О. Ф. Соловьев. Подготовка и начало интервенции против Советской России.*— «Вопросы истории», 1967, № 7.

¹⁷ *Ch. Lasch. The American Liberals and the Russian Revolution.* New York, 1962, p. 107—108; *R. Ullman. Op. cit.*, p. 55; *A. Mayer. Op. cit.*, p. 274.

¹⁸ *R. Ullman. Op. cit.*, p. 48—49.

¹⁹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia», vol. II. Washington, 1931, p. 614 (далее — «F. R., 1918, Russia»).

Следующий этап интервенции Антанты, связанный с захватом плацдармов в Мурманске и на Дальнем Востоке, не привлек к себе значительного внимания иностранных исследователей. Высадка первых союзных десантов на советской территории рассматривается ими всего лишь как попытка не допустить перехода в руки противника огромных складов военного снаряжения, которое поступило с Запада в 1915—1917 гг., предотвратить оккупацию немцами и белофиннами Мурманска, создать там центр по приему частей чехословацкого корпуса. Буржуазный историк М. Томсон пишет: «Английские войска были направлены для охраны этого имущества, чтобы либо его вывезти, либо осуществить передачу русским, которые продолжали борьбу против немцев»²⁰. По словам канадского ученого Светтенхэма, главная причина интервенции на Севере заключалась в том, чтобы не допустить захвата немцами Мурманска и Печенги. Указанная цель якобы была успешно осуществлена²¹. Версии о необходимости воспрепятствовать захвату немцами складов военного имущества придерживаются Вествуд, Беннет, Бринкли и многие другие авторы²².

Наряду с этим делаются попытки изобразить начало открытой интервенции в качестве маловажного события не наносящего сколько-нибудь ощутимого ущерба РСФСР, поскольку высадившиеся контингенты были, дескать, малочисленны, не вмешивались во внутренние дела, а англо-французский десант в Мурманске был даже высажен с согласия местных властей²³. Тем самым начисто игнорируются грубейшие нарушения государственного суверенитета нашей страны, против чего решительно протестовало Советское правительство, дезавуировавшее предательские действия троцкистов из Мурманского Совета, пригласивших иностранцев якобы для «обороны» Мурманского края от немцев.

Интервенция сразу же приняла крайне опасный для социалистического государства характер. Союзники захватили плацдармы на советской территории, в которых они через несколько месяцев развернули наступательные операции против наших войск. Объяснение мотивов агрессии буржуазными учеными не имеет, конечно, ничего общего с реальным положением вещей. Не случайно, что изложенные выше концепции не разделяются некоторыми исследователями. Даже такой реакционный английский историк, как Д. Футмен, признает, что «немцы не имели намерений идти на Север, большевики переместили основную часть имущества еще

²⁰ *M. Thomson. Churchill. His Life and Times. London, 1965, p. 196.*

²¹ *J. Swettenham. Op. cit., p. 50.*

²² *J. Westwood. Russia. 1917—1964. London, 1966, p. 37; G. Bennett. Cowan's War. The Story of British Naval Operations in the Baltic, 1918—1920. London, 1964, p. 24; G. Brinkley. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia. 1917—1921. University of Notre Dam Press, 1966, p. 55.*

²³ *R. Ullman. Op. cit., p. 118—119, 143; G. Kennan. The Decision to Intervene, p. 21, 49—50, 99—100.*

до прихода английских сил, а чехи отказались эвакуироваться через Архангельск»²⁴. Советский исследователь В. М. Холодковский убедительно показал, что, хотя немцы и белофинны вынашивали широкие захватнические замыслы в отношении Советского Союза, реальной угрозы Мурманску с их стороны тогда не существовало²⁵.

Значительный интерес западные историки проявляют к событиям, приведшим к широкому вторжению вооруженных сил Антанты в пределы РСФСР летом 1918 г. При этом внимание сосредоточивается на попытках западных держав добиться сотрудничества с Советским правительством для сопротивления Германии, роли Антанты в чехословацком мятеже, ее взаимоотношениях с русской контрреволюцией, принятии решения об интервенции. При освещении названных вопросов буржуазные ученые исходят из своих прежних установок, которые, как уже отмечалось, сводятся к объяснению всей политики Англии, США и Франции в «русском вопросе» стратегическими соображениями по разгрому главного противника — Германии и одновременно к затушевыванию антисоветской сущности подобной линии, что приводит к искажению исторической правды.

Канадский историк Светтенхэм утверждает, что идея интервенции обрела материальную силу после Бреста, когда немцы перебросили на западный фронт из России несколько дивизий и предприняли весной 1918 г. крупное наступление. «Восстановление восточного фронта, — заявляет он, — стало для Англии и Франции военной необходимостью, поскольку они вообще хотели выиграть войну. Если же интервенция вовлекла их в конфликт с большевиками, которые нанесли столько ущерба делу союзников, то с этим следовало примириться»²⁶. Другим поводом для интервенции названный автор считает срочную необходимость для Антанты не допустить получения немцами продовольствия из России, что будто бы позволяло им бесконечно долго продолжать войну²⁷. Примерно на таких же позициях стоят и многие другие буржуазные авторы.

Подобные концепции иностранные ученые подкрепляют как официальными заявлениями своих правительств, так и некоторыми документами, извлеченными из дипломатической переписки. Что касается первой группы источников, то ее откровенно пропагандистский характер не вызывает никакого сомнения. Сложнее обстоит дело со второй группой материалов, в которых иногда говорится о важности интервенции в качестве антигерманского мероприятия. Так, главнокомандующий союзными армиями Фош

²⁴ D. Footman. Civil War in Russia. London, 1961, p. 167.

²⁵ В. М. Холодковский. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.

²⁶ J. Swettenham. Op. cit., p. 33.

²⁷ Ibid., p. 38.

писал 27 июня 1918 г. Вильсону: «В интересах военного успеха в Европе я считаю экспедицию в Сибирь очень важным фактором победы, если только предпринять немедленные действия по причине уже позднего времени года»²⁸. Записка Фоша в неполном виде была опубликована биографом Вильсона Р. Бейкером, на которого ссылаются Кеннан и Уллмен (допуская, правда, ошибку в сноске на страницу)²⁹. Французские материалы свидетельствуют, что предложение Фоша предусматривало также направление в Сибирь многочисленных контингентов японской армии в сопровождении двух американских полков при авангарде в 45 тыс. чехословацких войск³⁰. Создается впечатление, что в такого рода документах при публикации специально опущены места, свидетельствующие об антисоветских взглядах их составителей. Именно они, вероятно, и являлись лейтмотивом этих документов. Ввиду важности данного вопроса на нем следует остановиться специально.

Допустим, что правящие круги Антанты, ведущие ожесточенную борьбу с Германией, действительно стремились создать угрозу в ее тылах и тем самым ослабить давление на западном фронте. Поскольку в России не существовало местных боеспособных частей, могущих противостоять регулярным германским войскам на Украине, в Прибалтике и в Финляндии, то требовалось ввести туда значительные союзнические контингенты. Со стратегической точки зрения последние, видимо, следовало бы направить через Мурманск или Закавказье. Однако державы Антанты вопреки всякой логике и ими же самими поставленным военным задачам главный упор делали на японские отряды, которые через Владивосток предполагалось перебросить по Транссибирской магистрали в европейскую часть России. Но в связи с низкой пропускной способностью магистрали (что наглядно показала транспортировка частей Чехословацкого корпуса) для такой переброски потребовались бы многие месяцы. Более того, японцы, вынашивавшие захватнические планы в отношении Советского Дальнего Востока, неоднократно заявляли, что дальше Байкала они своих войск не пошлют. Именно поэтому ряд высших американских военных руководителей (к числу которых относились начальник генерального штаба Марч и главнокомандующий экспедиционными силами в Европе генерал Першинг) выступал против отправки союзных частей в Россию как мероприятия скорее вредного, чем полезного с точки зрения борьбы с Германией³¹.

²⁸ R. Baker. Woodrow Wilson, Life and Letters. New York, 1937, p. 235.

²⁹ Оба они ссылаются на стр. 237 (G. Kennan. The Decision to Intervene, p. 391; R. Ullman. Op. cit., p. 213).

³⁰ «Les armées françaises dans la grande guerre», t. VII, vol. I. Paris, 1938, p. 39; «Histoire de la guerre mondiale», vol. IV. Paris, 1936, p. 162.

³¹ P. March. The Nation at War. New York, 1932, p. 116—117; J. Pershing. Mes souvenirs de la guerre, vol. II. Paris, 1931, p. 129.

Совершенно очевидно, что интервенция в том виде, в котором она планировалась, не представляла никакой опасности для Германии и от нее нельзя было ждать позитивных результатов в этом плане. Стратеги Антанты на сей счет заблуждаться, конечно, не могли. Остается только сделать вывод, что интервенция затевалась в основном и прежде всего в антисоветских целях. Союзники надеялись, что даже высадка их небольших контингентов на русской территории помогла бы консолидации контрреволюции и содействовала активным выступлениям белогвардейщины против Советского правительства, создав благоприятную обстановку для реализации империалистами своих захватнических притязаний. Отнюдь не случайно представители враждебного лагеря видели в планах восточного фронта в первую очередь иностранную поддержку их подрывным действиям, а о борьбе с Германией упоминали лишь для маскировки³².

Значительный интерес представляет вопрос о дате и форме решения правящих кругов Антанты о начале широкого вооруженного вторжения в пределы РСФСР. В буржуазной литературе такое решение обычно относят к маю — июню 1918 г., причем его характер фальсифицируется; это облегчается тем, что соответствующие подлинные документы до сих пор не опубликованы. Поэтому нам придется прибегнуть к анализу косвенных, но довольно убедительных данных.

Прежде всего следует подчеркнуть, что переговоры между западными державами о направлении их войск в Советскую Россию для свержения Советской власти начались еще в ноябре 1917 г. на союзнической конференции в Париже и с тех пор фактически не прекращались. К весне 1918 г. они приобрели особенно активный характер, когда оживленно обсуждался вопрос о японской интервенции, а также об использовании чехословацкого корпуса в антисоветских целях. По свидетельству П. Н. Милюкова, весной 1918 г. в Париже был выработан план смешанной интервенции Антанты, о котором белогвардейцам стало известно через французского генерального консула Гренара³³. О том же свидетельствовала и резолюция, принятая 26 апреля Центральным Комитетом кадетской партии³⁴. Известно, что в апреле — мае 1918 г. французское генконсульство в Москве поддерживало тесные связи с различными контрреволюционными организациями, подготавливавшими свержение Советской власти и создание буржуазного коалиционного правительства, что, видимо, приурочивалось к началу широкой интервенции³⁵. Аналогичные

³² В. Станкевич. Воспоминания. Берлин, 1920, стр. 309; В. Болдырев. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925, стр. 22.

³³ П. Н. Милюков. Россия на переломе, т. II. Париж, 1927, стр. 19.

³⁴ Рукописный отдел Всесоюзной гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. А. В. Пешехонова, л. 5, д. 24.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 1а, д. 362, л. 35.

данные встречаются и в западных источниках³⁶. Все это, как нам представляется, позволяет сделать вывод, что Англия, США и Франция уже в апреле 1918 г. достигли окончательной договоренности об организации широкой интервенции. Очевидно, это было зафиксировано не в одном, а в нескольких документах, касавшихся экспансионистских мероприятий на Севере России и Дальнем Востоке. Не исключено, что эти документы, хранящиеся до сих пор в секретных архивах западных держав, когда-либо будут опубликованы.

Буржуазные историки, естественно, не могут отрицать наличия единого антисоветского фронта внутренних и внешних врагов Советского государства. Мало того, некоторые из них приводят даже конкретные цифры о помощи иностранцев своим русским контрагентам. Так, Уллмен отмечает финансирование англичанами подпольных организаций в Москве, а Морли останавливается подробно на поддержке Англией, Японией и Францией разбойничьих банд атамана Семенова и т. д.³⁷ Однако должных выводов и оценок ученые Запада не делают, стремясь преуменьшить значение грубейшего вмешательства Антанты во внутренние дела РСФСР. Кеннан пытается скрыть акты прямого подстрекательства союзниками белогвардейщины на антисоветские мятежи, развившиеся, например, в передаче французами в июне 1918 г. сообщения главарям контрреволюции о предстоящей высадке в Архангельске крупных сил интервентов. При этом Кеннан не только оспаривает прямую причастность французов к мятежу в Ярославле, поднятому подпольной антисоветской организацией Савинкова, но даже утверждает, будто выступление «спровоцировали» большевики, распространяя слухи о неизбежности скорого появления союзного десанта в Архангельске³⁸. Чтобы подтвердить сказанное, Кеннан ограничивается лишь собственными измышлениями, игнорируя имеющиеся на сей счет многочисленные достоверные свидетельства³⁹. Приведем только два из них. В недавно вышедших мемуарах видного деятеля белого движения С. П. Мельгунова можно прочесть такие любопытные строки: «Соглашение с союзниками было зафиксировано той вербальной нотой, которая была сделана в июне от имени Гренара «Союзу возрождения». Она была вручена одним из представителей французской миссии на квартире Титова». И далее: «Мы были уверены, что последует более или менее мощный союзный десант, около которого могут сгрудиться русские силы; мы были уверены, что выступление чехов является как бы выполнением выра-

³⁶ «F. R., 1918, Russia», vol. II, p. 160; C. Callwell. Field-Marshal sir Henry Wilson. His Life and Diaries, vol. II. London, 1927, p. 99.

³⁷ R. Ullman. Op. cit., p. 231; J. Morley. Op. cit., p. 87, 95, 97.

³⁸ G. Kennan. The Decision to Intervene, p. 436.

³⁹ П. Миллюков. Указ. соч., т. II, стр. 20; Н. Головин. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг., ч. III, кн. 7. Талли, 1937, стр. 13; А. Аргунов. Между двумя большевиками. Париж, 1919, стр. 8.

ботанного плана»⁴⁰. Начальник французской военной миссии генерал Лавернь так излагал одному из своих подчиненных план, согласованный французами с Савинковым: займем Ярославль, затем Нижний Новгород; Тамбов, Муром, Воронеж, и генерал обвел на географической карте круг около Москвы, добавив, что этого желает французский посол Нуланс⁴¹.

Много места в своих работах западные авторы отводят выявлению роли каждой из держав Антанты в интервенции, причем они почти единодушно делают вывод, что наиболее непримиримыми врагами РСФСР были Франция и Япония, в меньшей степени — Англия. Что касается США, то они якобы проводили какой-то особый курс и пошли на интервенцию только под давлением своих партнеров. Всячески преувеличиваются ими и противоречия между странами Антанты. Так, принятие решения о широкой вооруженной интервенции в пределы нашей страны буржуазные авторы обычно изображают кульминационным пунктом длительного давления Англии и Франции на президента Вильсона с целью добиться его согласия на участие в этом мероприятии, чему он якобы упорно противился. Отмеченный момент подчеркивается даже в заголовках ряда книг⁴². Подобная интерпретация, конечно, весьма далека от жизненной правды, что было уже убедительно показано советскими историками.

Следует иметь в виду враждебность президента США Вильсона к Октябрьской революции. Его ближайшие советники — полковник Хауз, государственный секретарь Лансинг, высшие чиновники госдепартамента — считали необходимым решительно бороться с большевизмом⁴³. На формирование политики США оказывали заметное влияние такие тесно связанные с белогвардейскими кругами организации, как «Американо-русская палата», «Общество друзей русской свободы» и члены миссии Рута, посетившей Россию во времена керенщины⁴⁴. Не удивительно, что и сам Вильсон стоял за развязывание интервенции. В этом главном пункте он проявлял полную солидарность со своими коллегами — Ллойд Джорджем и Клемансо. Вместе с тем между ними существовали тактические расхождения в вопросах о выборе наилучшего момента для перехода к широкой интервенции и характере последней. Если Англия и Франция всячески торопили с ее развязыванием и настаивали на интервенции силами одной Японии, то США высказывались за более тщательную подготовку и маскировку вооруженного вторжения Антанты, хотели его сделать совместным мероприятием всех союзников, а не одной Японии.

⁴⁰ С. П. Мельгунов. Воспоминания и дневники, вып. II. Париж, 1964, стр. 17.

⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 1а, л. 357, л. 32.

⁴² J. Morley. Op. cit.; B. Unterberger. America's Siberian Expedition 1918—1920. A Study of National Policy. Durham, 1956.

⁴³ В. Вильямс. Американская интервенция в России в 1917—1920 гг., стр. 166—167.

⁴⁴ G. Kennan. The Decision to Intervene, p. 322—328.

Отмеченные различия в позициях объяснялись специфическими империалистическими интересами каждой из держав и особенно японо-американскими противоречиями на Дальнем Востоке. Именно поэтому англо-французская дипломатия стремилась возможно скорее добиться согласия Вильсона на предложенный план, что ей и удалось в конце концов сделать. В правильности изложенного можно без труда убедиться даже после анализа опубликованных дипломатических документов государственного департамента ⁴⁵.

Освещение дальнейшего хода интервенции (ноябрь 1918 г.— 1920 г.) буржуазными авторами также характеризуется антинаучными настойчивыми попытками обелить агрессию Антанты против СССР и вместе с тем извратить миролюбивый внешнеполитический курс Советского государства. Эта линия становится особенно очевидной при рассмотрении причин расширения масштабов интервенции в конце 1918 г., обсуждения «русского вопроса» на Парижской мирной конференции, действий иностранных захватчиков на нашей территории, роли западных держав в провоцировании советско-польской войны и т. д.

Вскрывая всю сложность международной обстановки, в которой оказалась Советская республика после поражения Германии и ее союзников, В. И. Ленин отмечал: «Налицо нет уже двух, взаимно друг друга пожирающих и обессиливающих, приблизительно одинаково сильных, групп империалистских хищников. Остается одна группа победителей, англо-французских империалистов; она собирается делить между капиталистами весь мир; она ставит своей задачей во что бы то ни стало свергнуть Советскую власть в России и заменить эту власть буржуазною; она готовится теперь напасть на Россию с юга... На нас готовится натиск неизмеримо более опасной силы, силы международной контрреволюционной буржуазии, англо-американской и французской в первую очередь» ⁴⁶. Эти пророческие слова вскоре полностью подтвердились. Правящие круги Англии, США, Франции и Японии направили новые контингенты войск против РСФСР и значительно усилили помощь белогвардейщине. 13 ноября 1918 г. Англия и Франция подтвердили свое предыдущее соглашение о разделе России на сферы влияния ⁴⁷. Французы высадили десанты на Украине, а англичане — на Черноморском побережье Кавказа. Масштабы интервенции расширились также на Севере и на Даль-

⁴⁵ См. меморандум госдепартамента от 8 февраля 1918 г. английскому посольству в Вашингтоне, телеграмму и. о. государственного секретаря Полка американскому послу в Токио Моррису от 5 марта 1918 г., ноту французскому послу Жюссерану от 7 мая 1918 г., записку Лансинга президенту Вильсону от 29 апреля 1918 г. («F. R., 1918, Russia», vol. II, p. 42, 67—68, 144, 145, 154), а также записку Лансинга Вильсону от 23 июня 1918 г. (G. Kennan. The Decision to Intervene, p. 391—392).

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 127.

⁴⁷ W. Churchill. The World Crisis. The Aftermath, London, 1929, pp. 160—167.

нем Востоке. При содействии Антанты власть в Омске захватил кровавый диктатор адмирал Колчак, провозгласивший себя «верховным правителем России».

Стремясь мотивировать эти откровенно захватнические действия, американский ученый Бринкли изображает продолжение интервенции как борьбу с «большевистской анархией, развязанной центральными державами». По его словам, такая линия полностью соответствовала международным обязательствам, взятым на себя странами Антанты. Для подтверждения своих домыслов он не нашел ничего лучшего, как сослаться на лживые пропагандистские заявления союзнических лидеров⁴⁸. Столь же беспочвенны рассуждения Кеннана и Унтербергер о том, что президент Вильсон не хотел отзывать американские войска, чтобы не нарушать солидарность со своими партнерами. Кроме того, США якобы не желали позволить Японии установить ее контроль над Сибирью⁴⁹. Футмен оправдывает интервенцию ссылками на национализацию в РСФСР союзной собственности и недовольство на Западе «методами Чека»⁵⁰. Смит утверждает, будто общественное мнение капиталистических стран относилось враждебно к Советской власти⁵¹. Многие историки указывают на мнимую невозможность для Антанты оставить на произвол судьбы ее союзников-белогвардейцев.

А известные реакционные американские авторы Жукова-Юдина и Фишер даже не считают нужным прибегать к словесным уловкам. Они не могут не признать, что западные державы стремились создать в России новое «избранное народом» правительство, которое вырвет с корнем большевизм, компенсирует западных бизнесменов за конфискованное у них имущество, признает государственные долги и восстановит с Антантой дружественные отношения, существовавшие при Временном правительстве. Авторы допускают, что союзники хотели ослабить Россию, заставив уюмянутое новое «правительство» предоставить иностранцам концессии или признать независимость многих национальных меньшинств, ранее входивших в состав России⁵². Английский ученый Голдстон пишет: «Правящие круги как во Франции, так и в Англии с отвращением следили за приходом к власти большевиков. Предпринимая интервенцию посредством предоставления материальной помощи, денег и солдат, они надеялись стимулировать тех, кто еще продолжал борьбу с большевиками. Французская и английская политика предусматривала свержение большевистского режима. Японцы были озабочены лишь тем, ка-

⁴⁸ G. Brinkley. Op. cit., p. 73.

⁴⁹ G. Kennan. The Decision to Intervene, p. 110—111; B. Unterberger. Op. cit., p. 233.

⁵⁰ D. Footman. Op. cit., p. 92.

⁵¹ D. Smith. Op. cit., p. 151.

⁵² X. Joukoff-Yudin, H. Fisher. Soviet Russia and the West. 1920—1927. Stanford, 1957, p. VI.

кие русские дальневосточные территории можно прибрать к рукам в обстановке хаоса и сколько можно приобрести бывших сфер русского влияния». Однако затем Голдстон принимается бездоказательно утверждать, будто американцы проводили совершенно иной курс, склоняясь к невмешательству во внутренние дела РСФСР, а президент Вильсон даже оказал сопротивление попыткам Англии и Франции «втянуть его в новую войну с большевиками»⁵³.

Кеннет пишет: «Англия и Франция помогали белогвардейским силам, давали им оружие и деньги, посылали свои небольшие контингенты сражаться вместе с ними. Они продолжали эту помощь некоторое время после поражения Германии в 1918 г., надеясь уничтожить большевиков, которые проповедовали мировую революцию»⁵⁴. Дело было, конечно, не в «мировой революции», а в стремлении империализма во что бы то ни стало ликвидировать Советскую власть и поработить Россию, что было лейтмотивом политики Антанты на протяжении всего периода интервенции.

Характерной чертой буржуазной историографии является также безудержная апологетика главарей белого движения, верных ставленников Антанты (Корнилова, Деникина, Колчака), которым посвящаются даже специальные книги. Английский ученый Сетон-Уотсон не считает Корнилова реакционером и монархистом, а видит в нем «патриота»⁵⁵. Бринкли рисует Корнилова способным полководцем и честным человеком, которого поддерживали либеральные и консервативные круги, а также союзники⁵⁶. Аналогичных взглядов придерживается Страховский⁵⁷. Бринкли изображает Деникина эдаким негибким идеалистом, не способным идти на компромиссы⁵⁸. П. Флеминг делает из Колчака честного и мужественного человека, склонного даже к некоторому идеализму⁵⁹. Указанные авторы намеренно закрывают глаза на многочисленные преступления этих зачинщиков гражданской войны и палачей, жертвой которых стали десятки тысяч русских людей.

Проводя эту линию реабилитации белогвардейских главарей, буржуазные авторы в первую очередь тщатся доказать их независимость от Запада. Ими давно пущена в оборот версия, что Колчак произвел переворот самостоятельно даже без ведома представителей союзников. По мнению Флеминга, «вся правда о перевороте никогда не будет известной»⁶⁰. Л. Фишер считает, что

⁵³ R. Goldston. Op. cit., p. 197—198.

⁵⁴ J. Kennet. The Growth of Modern Russia. London, 1966, p. 7.

⁵⁵ H. Seton-Watson. Op. cit., p. 34.

⁵⁶ G. Brinkley. Op. cit., p. 6—7.

⁵⁷ Z. Strakovsky. Was there a Kornilov Rebellion? A Reappraisal of the Evidence.— «The Slavonic and East European Review», 1900, № 1.

⁵⁸ G. Brinkley. Op. cit., p. 292.

⁵⁹ P. Fleming. The Fate of Admiral Kolchak. New York, 1963, p. 112.

⁶⁰ Ibidem.

не доказана инспирация действий Колчака англичанами⁶¹. Светенхэм вовсе умалчивает об иностранных вдохновителях омского диктатора, объясняя его приход к власти исключительно внутренними причинами⁶². Уллмен идет еще дальше по пути фальсификации, заявляя не только о непричастности англичан к перевороту, но и о том, что о нем не было заранее известно и ...самому Колчаку⁶³.

Однако имеющиеся на сей счет данные, в том числе и приводимые в упомянутых книгах, полностью опровергают измышления буржуазных авторов. Адмирал Колчак давно был известен своими крайне правыми убеждениями и тесными связями с военными кругами США и Англии. Когда произошла Октябрьская революция, он поступил на службу в английскую армию и получил назначение на Месопотамский фронт, что было связано с планами использования Колчака в качестве участника вторжения английского отряда Денстервиля на Кавказ. 11 марта 1918 г. Колчак прибыл в Сингапур, где неожиданно получил следующую телеграмму одного из руководителей английской военной разведки: «Наиболее желательным является Ваше тайное присутствие в Маньчжурии»⁶⁴. Колчаку предписывалось немедленно прибыть в распоряжение бывшего российского посланника в Пекине, известного белогвардейца кн. Н. А. Кудашева. Адмирал сразу же подчинился приказу. Встретившись с Кудашевым, Колчак получил указание принять участие в «обеспечении порядка и спокойствия на Дальнем Востоке», т. е. в борьбе с большевиками, чем адмирал и стал активно заниматься, сотрудничая и с англичанами, и с белочехами. Так, в Токио он имел беседу с начальником военной миссии Великобритании в России ярым противником Советской власти генералом Ноксом, который сообщил вскоре после этого в свое военное министерство: «Несомненно, что Колчак наиболее подходящий русский для нашей цели»⁶⁵.

Осенью 1918 г. обосновавшаяся в Сибири эсерово-белогвардейская Директория во главе с Авксентьевым переживала глубокий кризис. От нее отвернулись мелкобуржуазные слои, на которые она опиралась. Империалисты Антанты, понимая непрочность Директории, добивались замены ее кадетско-монархической военной диктатурой. В секретной записке заместителя министра иностранных дел Англии Сесилия от сентября 1918 г. выражалось сомнение в возможности установления в России «демократической республики», чего все время добивались эсеро-меньшевики. Сесиль подчеркивал: «Единственно возможным выходом из положения является временное военное правительство... Поэтому мы должны стремиться обеспечить к себе доверие военных руково-

⁶¹ *L. Fisher. Op. cit., p. 334.*

⁶² *J. Swettenham. Op. cit., p. 142.*

⁶³ *R. Ullman. Op. cit., p. 281.*

⁶⁴ *P. Fleming. Op. cit., p. 34—35.*

⁶⁵ *Ibid., стр. 95.*

дителей, поддерживать их денежными средствами, вооруженной силой и сделаться необходимыми для них»⁶⁶.

Как только в середине октября 1918 г. в Омск прибыл Колчак, началась усиленная подготовка переворота, в которой главную роль играли кадеты и монархистски настроенная верхушка офицерства. По настоянию этих кругов и «одной из держав Антанты» Колчак был назначен 4 ноября 1918 г. военным и морским министром⁶⁷.

Заправилы Антанты решительно высказывались за введение единоличной военной диктатуры. Один из видных деятелей Директории, эсер Аргунов, в этой связи замечает, что нити заговора Колчака протягивались «дальше Омска, до границы вроде Нью-Йорка»⁶⁸. Планы империалистов действительно вырабатывались в столицах западных держав и доводились до непосредственных исполнителей через их официальную и неофициальную агентуру. В Омске, помимо многочисленной английской военной миссии, находился батальон Мидлсекского полка во главе с полковником лейбористом Уордом и морской батареей (800 солдат). Дипломатические обязанности выполнял «высокий комиссар» Эллиот. Кроме того, в Омске подвизалось немало английских тайных агентов, в том числе полковники Нельсон и Стевени. Французскую миссию возглавлял генерал Жанен, который сразу после прибытия во Владивосток хвастливо заявил: «В течение ближайших 15 дней вся Советская Россия будет окружена со всех сторон и будет вынуждена капитулировать»⁶⁹. В качестве «высокого комиссара» Франции состоял Реньо. Главным представителем США в Сибири являлся генеральный консул Гаррис, который имел торговую контору в Иркутске и был связан с местными буржуазными кругами, ведя с ними довольно большие коммерческие операции. Был там и консул Джексон, сказавший в одной из бесед с главнокомандующим войсками Директории генералом Болдыревым, что США не прочь помочь «советами и даже присылкой генерала»⁷⁰. Наконец, в Омске находились японская военная миссия и батальон итальянских войск.

Поддержку готовящемуся внутренней контрреволюцией свержению Директории империалисты Антанты оказывали примерно с октября 1918 г., т. е. практически с самого начала реакционного заговора. Заслуживающие внимания данные приводит на сей счет А. Ф. Керенский, который, часто посещая тогда Париж и Лондон, мог воочию наблюдать закулисные стороны интервенции. В октябре 1918 г. он послал Авксентьеву письмо, в котором сообщалось, что некий «Х», проживавший инкогнито по паспорту на имя натурализованного английского подданного полковника

⁶⁶ R. Ullman. Op. cit., p. 273.

⁶⁷ J. Ward. With the «Die Hards» in Siberia. London, 1920, p. 114.

⁶⁸ А. Аргунов. Указ. соч., стр. 30.

⁶⁹ Г. Гинс. Сибирь, союзники и Колчак, 1918—1920. Пекин, 1921, стр. 302.

⁷⁰ В. Болдырев. Указ. соч., стр. 94.

Курбатова, направляется со своими друзьями в Омск, чтобы «в широких размерах повторить *coup d'état* в Архангельске совершенно с ведома и по предварительному соглашению с английскими военными властями». Авксентьеву давался совет отнестись особенно внимательно к деятельности генерала Нокса. Далее Керенский писал, что Курбатов ездил в США, где он не скрывал, что «дело идет к подготовке диктатуры Колчака»⁷¹. Несомненно, что это был один, но не главный английский агент, скорее всего являвшийся просто связным между «Интеллидженс сервис» и Ноксом.

27 октября 1918 г. министр иностранных дел Бальфур телеграфировал Эллиоту: «Положение, по-видимому, полностью зависит от сформирования в Омске действительно сильного русского правительства с дисциплинированными вооруженными силами»⁷². Нокс не отрицал, что некоторые члены его миссии (например, полковник Нельсон) могли быть осведомлены о заговоре и принять участие «в одном из многочисленных собраний в Омске, где обсуждался переворот»⁷³. Уллмен пишет, что в планы заговорщиков был посвящен и другой сотрудник Нокса, полковник Стевени⁷⁴. Представитель белочехов Стефаник говорил главе французской военной миссии в Сибири генералу Жанену, что переворот Колчака был осуществлен «при поддержке английских военных представителей»⁷⁵. Данное обстоятельство подтверждают член упомянутой миссии генерал Рукероль и известный французский разведчик Пишон⁷⁶. Военный министр Черчилль признал 6 июля 1919 г. в палате общин, что англичане «вызвали к жизни» правительство Колчака.

Таким образом, первую скрипку в реакционном заговоре играли представители Великобритании. Но его участники, видимо, пользовались также полной поддержкой со стороны французов. О причастности к перевороту американцев мы не располагаем прямыми данными. Однако уже сам факт непризнания Директории и поспешного одобрения в дальнейшем захвата власти Колчаком свидетельствует по меньшей мере, что США были в курсе заговора.

В свете приведенных данных нельзя не согласиться с полковником Уордом, который писал: «Несомненно, что адмирал Колчак никогда бы не приехал в Сибирь и не стал бы главой конституционного движения и правительства России, если бы союзники ему не советовали или не побуждали так поступать. Он получил самые категорические обещания всесторонней поддержки и

⁷¹ А. Ф. Керенский. Издалека. Сборник статей (1920—1921 гг.). Париж, 1922, стр. 132—133.

⁷² R. Ullman. Op. cit., p. 278.

⁷³ С. Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака, т. II. Белград, 1930, стр. 113, 138.

⁷⁴ R. Ullman. Op. cit., p. 281.

⁷⁵ General Janin. Ma mission en Sibirie. 1918—1920. Paris, 1933, p. 31.

⁷⁶ J. Rouquerol. L'aventure de l'amiral Koltchac. Paris, 1929, p. 44; Pichon. Le coup d'état de l'amiral Koltchac.— «Le monde slave», 1925, № 2, p. 354.

быстрого признания от союзников, прежде чем согласился взять на себя опасную обязанность возглавить Омское правительство»⁷⁷.

В извращенном свете изображается западными историками и Яское совещание представителей белого движения, которое они стремятся либо полностью замолчать, либо преуменьшить его значение. Так, по словам Макнила, инициатива проведения совещания принадлежала не ответственным союзным руководителям и не русским политическим лидерам, которые его в дальнейшем провели, а ряду «темных личностей», живших в изоляции в Яссах⁷⁸. Но такое утверждение полностью расходится с действительностью. Из документов явствует, что 17 октября 1918 г. по настоянию французского консула Энно в Яссах состоялось собрание белогвардейцев с участием царского дипломата С. А. Полевского-Козелл, бывшего командующего румынским фронтом генерала Д. Г. Щербачева, генерала Е. Ф. Новицкого и делегата РОКК полковника Ильина. Собрание избрало оргкомитет «по установлению связи между Россией и ее союзниками». Вскоре Ильин прибыл в Киев, где передал различным антисоветским группам приглашение дипломатов Антанты прибыть в Яссы для «изложения положения дел в России и оказания той помощи, которая необходима для освобождения ее от большевиков». Такое приглашение было с готовностью принято, и реакционные главы в специальном вагоне отправились по назначению⁷⁹.

Столь же несостоятельными являются попытки того же Макнила и других буржуазных авторов свести на нет итоги Яского совещания, ссылаясь главным образом на острые разногласия между его участниками. На самом деле последние, выступая с антисоветских позиций, единодушно высказались за необходимость форсирования иностранной военной интервенции с Юга и направили в этой связи специальное обращение к союзникам, что было использовано ими в качестве одного из предлогов вмешательства во внутренние дела России⁸⁰.

Крупной вехой в истории интервенции была Парижская мирная конференция, которая начала свою работу 16 января 1919 г. с рассмотрения «русского вопроса». Именно на конференции обсуждались многие антисоветские замыслы империалистов Антанты. Советские историки подробно исследовали эту важную сторону деятельности конференции⁸¹. В западной литературе много вни-

⁷⁷ *T. Ward. Op. cit., p. X.*

⁷⁸ *R. McNeal. The Conference of Jassy. An Early Fiasco of the Anti-Bolsheviks Movement.— «Essays in Russian and Soviet History», ed. by J. Curtiss. New York, 1963, p. 222.*

⁷⁹ «Красный архив», 1926, т. 5 (18), стр. 105; «Архив русской революции», т. XV. Берлин, 1924, стр. 47.

⁸⁰ «Голос минувшего», 1926, № 3 (16), стр. 49.

⁸¹ *Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., 1949; А. В. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М., 1952; В. А. Боярский. Вторжение империалистов США в Советскую Россию и его провал. М., 1961 и др.*

мания уделяется выяснению общего подхода правящих кругов Англии, США и Франции к РСФСР на примерах проекта созыва конференции на Принцевых островах, миссии Буллита, планов оказания «продовольственной помощи русскому народу», признания марионеточного правительства Колчака. Другие же важные аспекты, в том числе и роль Антанты в организации широких интервенционистских мероприятий, нашли недостаточное отражение на страницах книг и научных журналов.

Буржуазные ученые прежде всего пытаются создать впечатление, что между лидерами «большой четверки» (Англия, США, Франция и Италия), которые фактически определяли политику Антанты, существовали глубокие противоречия относительно того, следует ли постепенно прекратить или расширить интервенцию. При этом Вильсон и Ллойд Джордж изображаются в качестве людей, полностью осознавших необходимость отказаться от продолжения прежней линии и вступить на путь нормализации отношений с РСФСР, а Клемансо и английский военный министр Черчилль рисуются их яркими противниками, сторонниками решительных действий по ликвидации Советской власти. Эта концепция пронизывает, например, большое исследование американского ученого Дж. Томпсона, который к тому же прибегает к сомнительным историческим параллелям, сравнивая нынешних сторонников империалистической политики «сдерживания», «отбрасывания» и «наведения мостов» с Клемансо, Черчиллем, Ллойд Джорджем и Буллитом⁸². Вместе с тем книга Томпсона содержит богатый фактический материал о курсе западных держав в «русском вопросе» во время Парижской мирной конференции.

Много стараний буржуазные авторы прилагают для рекламирования «миролюбия» Вильсона и его мнимых стремлений к урегулированию отношений с Советским правительством. В качестве подтверждения Л. Фишер ссылается на исходящий от президента США проект конференции на Принцевых островах⁸³. Кеннан пишет, что Вильсон прибыл в Париж с сильным желанием «положить конец гражданской войне в России и привлечь русских представителей к участию в мирной конференции». Ллойд Джордж разделял этот взгляд, только и думая об установлении «мира» в России. Оба они якобы реалистически оценивали «опасности интервенции»⁸⁴. Как бы развивая и дополняя версию Кеннана, Томпсон отмечает, что если Черчилль настаивал на продолжении помощи белогвардейцам, то Ллойд Джордж выступал за ее прекращение, ибо Советская страна «свободно избрала большевизм» и с ней следовало установить «дружественные отношения»⁸⁵.

⁸² *J. Thompson. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace*, p. 398.

⁸³ *L. Fisher. The Life of Lenin*, p. 398.

⁸⁴ *G. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin*, pp. 123—136 (далее цитируется только эта работа).

⁸⁵ *J. Thompson. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace*, p. 197.

Внимательное ознакомление с имеющимися фактами и документами убеждает в полной несостоятельности подобных объяснений, явно идеализирующих Вильсона и Ллойд Джорджа. Свидетельства очевидцев и, в частности, такого близкого к президенту США лица, как небезызвестный Г. Гувер, убеждают в том, что Вильсон сохранил антисоветские взгляды и в период Парижской мирной конференции⁸⁶. «Вильсон, — пишет американский историк Вильямс, — высказывал озабоченность не только по поводу действий радикалов в России, но и в отношении «опасности большевизма» в Соединенных Штатах. «Надо быть очень бдительными и сплоченными перед лицом такой опасности», — предостерег он накануне перемирия в 1918 г.»⁸⁷ Неудивительно, что в основу позиции США на конференции был положен официальный комментарий ближайшего советника президента полковника Хауза к известным «14 пунктам», который был одобрен Вильсоном. В этом чрезвычайно важном документе, обычно замалчиваемом буржуазными исследователями, сущность «русской проблемы» сводилась к признанию Антантой временных марионеточных правительств и к оказанию им помощи. Затем в документе говорилось: «Весьма возможно, что придется предоставить какой-либо державе ограниченный мандат для управления на основе протектората»⁸⁸. Показательно также, что государственный департамент США подготовил для своей делегации карту «предлагаемых границ в России», в соответствии с которой американцы оставляли нашей родине лишь Средне-Русскую возвышенность⁸⁹. В свете изложенного совершенно ясны намерения правящих кругов США продолжать антисоветскую интервенцию и курс на расчленение РСФСР. Ллойд Джордж и Клемансо разделяли подобные взгляды. Недаром первым делом они постарались не допустить советских представителей на Парижскую конференцию.

Тем не менее между западными державами существовали и довольно серьезные разногласия, касавшиеся способов проведения наиболее эффективных и быстрых захватнических операций. Для Вильсона, Ллойд Джорджа и Клемансо, видимо, становилась очевидной бесперспективность военной интервенции в тех масштабах, которыми она проводилась ранее. Поскольку не было удовлетворительных результатов, возникала мысль либо о ее значительном расширении, либо о дополнении прежних действий какими-то другими, по возможности более замаскированными антисоветскими акциями, но бьющими в ту же точку. О полном же прекращении интервенции вообще речь не шла. Французское правительство считало необходимым ввести в Россию свыше 400 тыс. союзных войск, чтобы совместно с белыми армиями ликвидиро-

⁸⁶ *H. Hoover. The Ordeal of Woodrow Wilson, London, 1958, p. 150.*

⁸⁷ *В. Вильямс. Американская интервенция в России в 1917—1920 гг., стр. 192.*

⁸⁸ «Архив полковника Хауза», т. IV. М., 1944, стр. 152.

⁸⁹ *А. Е. Кунцина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1954, стр. 81.*

вать диктатуру пролетариата. В качестве альтернативы французы предлагали создать вокруг РСФСР «санитарный кордон», чтобы голод привел к падению власти большевиков⁹⁰.

Вильсон и Ллойд Джордж мало верили в практическую осуществимость таких планов. В письме Вильсона Черчиллю говорилось, что в Россию нельзя «послать новобранцев и, по-видимому, не было возможности набрать добровольцев». Вильсон чувствовал себя виноватым в том, что Соединенные Штаты «не обладают достаточными силами в России, но увеличить их было невозможно. Это поистине была жестокая дилемма». Лансинг в личном письме одному из реакционных деятелей США, Кеннану, сообщал: «Я хотел бы довести до вашего сведения, что не отсутствие заинтересованности помешало нам использовать крупные военные силы в Сибири... Мы были связаны по рукам и ногам обстоятельствами»⁹¹.

В обстановке непрерывного укрепления Советской власти внутри страны и все увеличивающегося революционного воздействия идей Великого Октября на капиталистический мир Антанта решила прибегнуть к политическому маневрированию, создавая видимость стремления к урегулированию отношений с правительством РСФСР, что вылилось в предложение созвать конференцию на Принцевых островах и в направлении Буллита в Москву со специальной миссией. Дополнительный свет на эти события проливает недавно опубликованная книга Б. Фарнсворта, основанная в значительной части на неопубликованных источниках. По данным этого автора, впервые идею о посылке в РСФСР группы лиц для сбора сведений о ее политическом положении выдвинул известный английский газетный король лорд Нортклиф в январе 1918 г. Весьма активным приверженцем такого плана стал молодой американский дипломат Уильям Буллит, выступавший тогда за прекращение интервенции и достижение урегулирования с Советским правительством. Настаивая перед Хаузом и Вильсоном на посылке специальной миссии в РСФСР, он предлагал не ограничиться сбором информации, но вести и политические переговоры. Однако ему этого достичь якобы не удалось. Фарнсворт подчеркивает, что предложения, с которыми Буллит приехал в Москву, не были никем санкционированы и исходили лишь от него самого. Характеризуя контрпредложения В. И. Ленина Буллиту, данный автор находит их реалистичными. Касаясь причин, приведших к тому, что они даже не были изучены лидерами Антанта, он ссылается на воздействие правых сил на Вильсона и Ллойда Джорджа, на сильную оппозицию в США созданию Лиги Наций, из-за чего Вильсону якобы было не до России, на революционные события в Венг-

⁹⁰ «Foreign Relations of the USA. Paris Peace Conference, 1919», vol. III, p. 518—582.

⁹¹ В. Вильямс. Указ. соч., стр. 192.

рии, а также на крупное наступление Колчака, которое позволяло надеяться на его скорое вступление в Москву⁹². Последняя причина являлась, конечно, определяющей. Правящие круги западных держав рассчитывали на победу белогвардейщины и не собирались всерьез разговаривать с Советским правительством, что ясно видно из материалов книги Фарнсворта. Проект созыва конференции на Принцевых островах и миссия Буллита были всего лишь маневрами в большой антисоветской игре, затеянной лидерами Антанты.

Тем временем союзники форсировали вооруженную интервенцию, оказывая параллельно огромную помощь силам внутренней контрреволюции деньгами и вооружением. В мае 1918 г. Антанта признала правительство Колчака де-факто, причем американцы стремились ни в чем не отстать от своих империалистических партнеров. Однако американские историки, упорно не замечая красноречивых фактов, продолжают выгораживать США. Кеннан пытается уверять, что участие США в интервенции не только не нанесло ущерба русскому народу, но даже было ему полезно, так как оказывало сдерживающее влияние на японцев, оккупировавших Советский Дальний Восток. По его словам, американские части в Сибири в основном занимались охраной Транссибирской железнодорожной магистрали и лишь дважды вступили в мелкие стычки с красноармейцами⁹³.

Но этому нельзя верить. Американские войска принимали активное участие в боевых операциях против Красной Армии около Архангельска, на Уссурийском фронте, в долине Амура, в районах Хабаровска и Благовещенска. В мае 1919 г. американцы вели бои против партизан Приморья, на Сучанской железнодорожной ветке, под деревней Тигровой (у станции Кангауз). Летом того же года американские крейсера «Олбэни», «Карлэйл» и «Нью Орлеан» высадили десанты, которые пытались подавить партизанское движение. Иностранцам захватчикам были нанесены серьезные потери⁹⁴.

Помимо ведения отмеченных и многих других военных операций, американские империалисты усиленно занимались ограблением Советского Дальнего Востока, что признают в завуалированной форме даже отдельные буржуазные ученые. Так, Галтье-Буассьер пишет о приезде в Сибирь нескольких экономических миссий, 300 американских инженеров, представителей ряда благотворительных учреждений. Некоторые из них подозревались в торговых операциях и шпионаже⁹⁵.

⁹² B. Farnsworth. William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington and London, 1967, p. 35—38, 48—50.

⁹³ G. Kennan. Op. cit., p. 112—113.

⁹⁴ К. Селезнев. Тень доллара над Россией. М., 1957, стр. 139—140, 148—149; J. MacMaster. The United States and the World War, vol. II. New York, 1920, p. 227.

⁹⁵ G. Galtier-Boissière. Op. cit., p. 548.

В ответ на вопросы американского журналиста В. И. Ленин писал: «По отношению к Соединенным Штатам и Японии мы преследуем прежде всего ту политическую цель, чтобы отразить их наглое, преступное, грабительское, служащее обогащению только их капиталистов, нашествие на Россию. Обоим этим государствам мы много раз и торжественно предлагали мир, но они даже не отвечали нам и продолжают войну с нами, помогая Деникину и Колчаку, грабя Мурманск и Архангельск, опустошая и разоряя особенно Восточную Сибирь, где русские крестьяне оказывают разбойникам-капиталистам Японии и Соединенных Штатов Северной Америки героическое сопротивление»⁹⁶.

Заключительным аккордом интервенции Антанты являлась поддержка белополяков и Брангеля. Однако эти события нашли лишь слабое отражение в современной западной литературе. Правда, историки признают определенную причастность Англии и Франции к войне, развязанной реакционными кругами панской Польши, но относят ее лишь к последнему периоду, когда Красная Армия разбила своих противников и приближалась к Варшаве. Искусственно создается впечатление, что первоначально белополяки действовали совершенно независимо от союзников и руководствовались только собственными расчетами. Такого рода концепции выдвигаются Кеннаном, Уискеман, Жарри и Мазеном⁹⁷. Советские исследователи показали полную несостоятельность упомянутых версий. Они на большом фактическом материале раскрыли провокационную роль Англии, США и Франции в антисоветской аванюре Пилсудского на всех ее этапах⁹⁸. Достаточно будет сказать, что большую часть вооружения белополяки получили от западных держав. В апреле 1920 г. в Польшу было доставлено из арсеналов американской армии 20 тыс. пулеметов, свыше 200 танков, более 300 самолетов, 3 млн. комплектов обмундирования и другого военного имущества на сумму 1700 млн. долларов. Франция передала белополякам 2 тыс. орудий, 3 тыс. пулеметов, 560 тыс. винтовок, 300 самолетов. Не меньшую помощь оказала и Англия. Польское правительство получило крупные внешние займы⁹⁹.

Первые контингенты войск интервентов Антанты появились на нашей территории в марте 1918 г., а последние отряды иностранных захватчиков, исключая японских, были выведены весной 1920 г., что им пришлось сделать как в результате мощных

⁹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 114—115.

⁹⁷ G. Kennan. Op. cit., p. 168—169; E. Wiskemann. Europe of the Dictator. London, 1966, p. 33; E. Jarry et P. Mazin. L'epoque contemporaine (1851—1939). Paris, 1963, p. 662.

⁹⁸ Ф. Зуев. Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919—1920 гг.). М., 1954; «История гражданской войны в СССР», т. 5. М., 1960; «История дипломатии», т. III. М., 1965, и др.

⁹⁹ Ф. Зуев. Указ. соч., стр. 99—100.

ударов Красной Армии, так и под давлением широкой кампании солидарности с Советской Россией, развернувшейся среди трудящихся масс Запада. Подобное объяснение, базирующееся на изучении всей совокупности фактов и документов, представляется многим буржуазным ученым неправильным. Кеннан считает, что именно «усталость от войны, тоска по дому и дух демобилизации затруднили союзникам оставление их войск в России»¹⁰⁰. Примерно аналогичную версию выдвигают Сетон-Уотсон¹⁰¹ и многие другие авторы.

В качестве причин провала интервенции буржуазные ученые почти единодушно выдвигают на первый план разногласия среди союзников и их «нерешительность» в проведении антисоветской линии. При этом прежде всего подчеркивается отсутствие единства между США и Англией, с одной стороны, и Францией — с другой. Вильсон, пишет Пейре, не хотел вмешиваться во внутренние дела России, Англия слегка его поддерживала и выступала против политики Франции в той мере, в которой считала ее империалистической; Клемансо ненавидел большевиков, ибо они покинули его в самый напряженный момент мировой войны и заявили об отказе возмещать военные долги¹⁰². Кеннан, Унтербергер, Томсон, Уллмен и ряд других американских историков разделяют изложенные антинаучные концепции, которые используются для того, чтобы полностью исказить характер интервенции. Например, Кеннан считает политику США «недалновидной» и «неэффективной» вследствие некомпетентности американских государственных деятелей и дипломатов, которые делали частые ошибки¹⁰³. По словам Таппера, Вильсон, согласившись на интервенцию, допустил «фатальный просчет»¹⁰⁴. Под видом критики ошибок США предпринимается попытка задним числом оправдать захватнические действия американского империализма.

На втором месте среди причин, приведших к провалу интервенции и победе Советской власти в гражданской войне, ставится слабость русского контрреволюционного лагеря, якобы происходящая в основном из разногласий внутри него и общих политических ошибок руководителей белого движения. Вместе с тем подчеркивается, что социалистический строй победил не благодаря поддержке большинства населения страны, а только в результате установления революционной диктатуры и создания мощных вооруженных сил. Кармишель, например, распростра-

¹⁰⁰ G. Kennan. Op. cit., p. 118.

¹⁰¹ H. Seton-Watson. Op. cit., p. 48.

¹⁰² H. Peyret. L'URSS. Paris, 1961.

¹⁰³ Б. И. Марушкин. Американская политика по отношению к Советской России в освещении буржуазной историографии США.— «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961, стр. 149.

¹⁰⁴ H. Tupper. To the Great Ocean. Siberia and the Trans-Siberian Railway. Boston — Toronto, 1965, p. 377.

няется о пассивности противников большевизма, которые будто бы не имели никакой программы действий¹⁰⁵. По утверждению Сорлена, правительство РСФСР опиралось лишь на 50—60 тыс. рабочих, а Красная Армия по численности в 10 раз превосходила белые армии¹⁰⁶. Фишер считает главным внутренним фактором «народную апатию, вызванную разочарованием мировой войной и усиленную страхом террора и голодом». Он обращает внимание на трения между «антибольшевистскими силами» и даже на такой фактор, помогавший Советской власти, как огромная протяженность территории России¹⁰⁷.

С небольшими вариациями столь несостоятельная точка зрения широко представлена в современной буржуазной литературе. Лишь в немногих работах говорится о подлинных причинах краха интервенции, в том числе о сплоченности народных масс вокруг Коммунистической партии, крепости советского общественного и государственного строя. Так, Грей пишет, что большевики, осажденные со всех сторон, сражались с беззаветным мужеством и решимостью. В лице В. И. Ленина они имели гениального руководителя. Только у них были четкие цели борьбы за новое общество, а белогвардейцы выступали за возвращение старого режима¹⁰⁸. Робертс признает, что рабочие и крестьяне поддерживали большевиков. «С точки зрения блага для русского народа,— отмечает Робертс,— иностранное вмешательство причинило одни бедствия. Белые никогда не имели шансов победить в гражданской войне, и иностранная помощь только затягивала ее, что стоило сотни тысяч жизней и неописуемых человеческих страданий»¹⁰⁹. Даже Вествуд вынужден согласиться с тем, что получение белыми значительной помощи от Антанты привело к затягиванию гражданской войны¹¹⁰.

Изучение новейшей западной литературы показывает, что господствующей тенденцией по-прежнему является искажение подлинного характера причин и хода вооруженной интервенции Антанты против Советской республики в 1918—1920 гг. Однако концепции, выдвинутые Кеннаном, Уллменом, Унтербергер, Бродли и другими авторами, не господствуют безраздельно в буржуазной историографии. Примечательна активизация на Западе ученых, которые прямо или косвенно выражают сомнение и даже несогласие с целым рядом официальных версий. Вильямс, Уарт, Карр, Шуман, Д. Флеминг, Ренувен и другие еще во многих случаях непоследовательно, но уже идут по пути правильного осмысливания истории Октябрьской революции, интервенции и

¹⁰⁵ *J. Carmichael*. Histoire illustrée de la Russie. Paris, 1960, p. 245.

¹⁰⁶ *P. Sorlin*. Op. cit., p. 68.

¹⁰⁷ *L. Fisher*. Op. cit., p. 295.

¹⁰⁸ *I. Grey*. Op. cit., p. 133.

¹⁰⁹ *E. Roberst*. Lenin and the Downfall of Tsarist Russia. London, 1966, p. 84.

¹¹⁰ *J. Westwood*. Op. cit., p. 39.

гражданской войны. Так, американский исследователь Ф. Шуман подчеркивает: «Действительная цель Антанты состояла в уничтожении советского режима и замене его уважаемым правительством социалистического, либерального или монархического толка»¹¹¹. Известный английский ученый Карр считает японский десант во Владивостоке не изолированным инцидентом, а предвестником союзной интервенции в гораздо большем масштабе¹¹². Уарт, Тэйлор, Д. Флеминг проводят мысль о систематической враждебности Антанты к Советской власти¹¹³. Карр и Флеминг приближаются к достоверному освещению причин провала интервенции. Карр указывает на большое количество «мятежей», вспыхнувших в войсках иностранных захватчиков, которые под влиянием «большевистской пропаганды» отказывались во многих случаях сражаться со своими братьями по классу. Упоминает он и о распространении «большевистских идей» среди английского рабочего класса¹¹⁴. Д. Флеминг пишет о демонстрациях трудящихся в странах Западной Европы за прекращение интервенции, об усилении сопротивления рабочего класса Англии империалистической политике ее правящих кругов¹¹⁵. Само собой разумеется, что в произведениях историков буржуазно-либерального направления встречается немало несостоятельных и даже порочных взглядов, свидетельствующих о том, что они не до конца преодолели обветшалые догмы антикоммунизма.

Анализ современной буржуазной литературы свидетельствует о том, что реакционные ученые преднамеренно извращают узловые вопросы истории иностранной интервенции, грубо фальсифицируя события того периода.

¹¹¹ *F. Schuman. Russia Since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York, 1957, p. 112.*

¹¹² *E. Carr. The Bolshevik Revolution, vol. III. London, 1950, p. 57.*

¹¹³ *R. Warth. Op. cit., p. 42; A. Taylor. Op. cit, p. 108; D. Fleming. Op. cit., vol. II, p. 1081; J. Duché. Op. cit., p. 70.*

¹¹⁴ *E. Carr. Op. cit., p. 126—127.*

¹¹⁵ *D. Fleming. Op. cit., vol. I, p. 28.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЖОНА ФИСКЕ

И. П. Дементьев

В последние полтора-два десятилетия XIX в. в буржуазной историографии США складывалось направление, отразившее устремления американского капитализма, связанные с усилением колониальной политики капиталистических держав и завершением раздела мира. К этому направлению примыкали историки, придерживавшиеся весьма различных методологических приемов, при этом важную роль играли сторонники так называемой тевтонской школы. Виднейшим ее представителем являлся Дж. Фиске.

Джон Эдмунд Фиске родился в 1842 г. в штате Коннектикут в состоятельной семье с сильными религиозными традициями. В некоторых отношениях это был очень одаренный человек. К 20 годам он знал 17 европейских и азиатских языков¹, был в курсе новейших открытий в естественных науках, увлекался сравнительной филологией. Молодой Фиске писал матери, что ему все больше и больше нравится сравнительный метод: «За три с половиной часа я успеваю пройти лишь треть страницы на греческом языке. Я стараюсь проследить различные формы каждого слова и найти соответствующие слова в латинском, еврейском, санскрите, немецком и иногда французском»². В 1860 г. Фиске поступил в Гарвардский университет и закончил его в 1863 г. В американском Кембридже он провел всю свою жизнь, читая лекции и ведя семинары по философии и истории вплоть до самой смерти в 1901 г. В студенческие годы Фиске познакомился с европейской философией: позитивистским учением Конта и теорией органического развития Спенсера. Вначале он увлекся Контом, рассматривая законы социологии как прямое продолжение законов физики: «Наука о человеческих деяниях — самая сложная из всех наук — базируется на самых простых разделах физики... Поэтому, пока физические науки находились в зародыше, социальной науки не могло быть создано. И только не-

¹ T. S. Perry. John Fiske. New York, 1905, p. VI.

² «The Letters of John Fiske», ed. by E. F. Fiske. New York, 1940, p. 5.

виданное развитие физического знания в XIX столетии вызвало к жизни «Философию позитивизма» Огюста Конта. В этой выдающейся работе показаны законы, которым подчиняются социальные явления»³, — писал Фиске в одной из самых ранних работ — статье «Ошибки мистера Бокля» (1861 г.). Вскоре, и уже навсегда, Фиске стал сторонником и деятельным пропагандистом спенсерианства в США. Немалое влияние при этом имела завязавшаяся с 1864 г. переписка с Гербертом Спенсером, а затем, во время пребывания Фиске в Англии в 1873 г., личное с ним знакомство.

Ранние статьи Фиске вызвали недовольство в профессорско-преподавательских кругах Гарварда, где ему пригрозили исключением, а институт Лоуэлла даже запретил «атеисту из Кембриджа» читать лекции. Чтобы понять эту реакцию, следует иметь в виду, что до 70-х годов XIX в. теологические концепции господствовали в общественной мысли США почти безраздельно. Это было тем более характерно для Новой Англии, где философы-трансценденталисты считали Природу инобытием Божества, а провинциализм был характернейшей чертой романтической школы Банкрофта в историографии. Неудивительно, что распространение в США позитивистских доктрин Конта и особенно эволюционистских идей Спенсера (положившего в основу своей социологической схемы развития общества биологическое учение Дарвина) было приравнено к пропаганде атеизма.

Фиске, однако, вскоре доказал всю неосновательность этих опасений. В «Очерках космической философии»⁴, написанных в период пребывания в Лондоне, Фиске не только выступил как энергичный пропагандист социологии Спенсера, но стремился истолковать его позитивистский эволюционизм в духе традиционной американской теологии. Если Спенсер был агностиком, отказывавшимся рассуждать о «непознаваемом», то Фиске старался перебросить мост через пропасть, разделяющую науку и религию, утверждая, что эволюция означает подтверждение существования божественного Разума. Вывод Фиске о том, что биология подтверждает существование бога так же, как прежде его подтверждала Библия, в значительной мере открыл путь в США для европейской позитивистской философии. Усвоение передовых естественнонаучных знаний и прежде всего дарвинизма оказалось в США возможным лишь после того, как их истолкованию была придана религиозная окраска. Следует также иметь в виду, что Фиске в своих «Очерках космической философии» был одним из первых американских социологов, механически перенесших основные положения Дарвина о роли естественного отбора как фактора эволюции в органическом мире на человеческое общество.

³ J. Fiske, Mr. Bucle's Fallacies.— J. Fiske, Darwinism and other Essays. London — New York, 1879, p. 131—132.

⁴ J. Fiske, Outlines of Cosmic Philosophy, vol. 1—2. London, 1874.

«Очерки космической философии», выдержавшие 16 изданий, принесли Фиске полное признание в США, его лекционные курсы в университете стали исключительно популярными. В многочисленных статьях и книгах, написанных в 70—80-х годах XIX в. («Дарвинизм», «Исследования эволюциониста», «Предопределенность судьбы человека, рассмотренная с точки зрения его происхождения», «Воздействие наших знаний на идею бога») ⁵ Фиске продолжал доказывать, что эволюция природы и общества предполагает идеальную цель и направляется высшей духовной силой. К концу жизни религиозные воззрения Фиске лишь упростились. Это ясно показала его полемика со знаменитым естествоиспытателем Геккелем, стихийно стоявшим на материалистических позициях, — полемика о существовании эволюционного учения. Приняв тезисы Геккеля, трактовавшие о законах эволюции, Фиске отверг его вывод о недопустимости веры в «бессмертную душу» и «личного бога». «Геккель вторгается этим тезисом в область метафизики — трансцендентальную область, для исследования которой у науки нет научных методов» ⁶, — писал Фиске. О последних работах Фиске бостонский журнал «Трэвлер» писал: «Фиске — один из самых глубоких мыслителей Америки. Книги его дают научное обоснование для веры в бессмертие души, зиждящееся на доктрине эволюции» ⁷.

До середины 80-х годов XIX в. Фиске отдавал все внимание философии, последующее обращение к истории объяснялось, по его словам, желанием найти лишние доказательства справедливости всеобъемлющих законов эволюции. На протяжении 80—90-х годов XIX в. Фиске опубликовал большое число исторических работ. Среди них центральное место заняла первая книга Фиске по истории «Американские политические идеи» ⁸, вышедшая в 1885 г. и представляющая собой публикацию ранее прочитанных лекций в Гарвардском университете и в Королевском институте Великобритании. Основной сюжет этой работы, выдержавшей при жизни Фиске около 20 изданий, — происхождение политической системы США и предсказание ее дальнейшей судьбы.

Краеугольными камнями методологии Фиске являлись теория эволюции и доктрина «сравнительной политики». Фиске писал: «Только изучение эволюции дает единственно правильный метод для понимания истории» ⁹. Фиске, подобно Спенсеру, переносил

⁵ *J. Fiske. Darwinism and other Essays; Idem. Excursions of an Evolutionist. New York, 1884; Idem. The Destiny of Man Viewed in the Light of His Origin. Boston, 1892; Idem. The Idea of God as Affected by Modern Knowledge. New York, 1886.*

⁶ *J. Fiske. Century of Science. New York, 1899, p. 52.*

⁷ *J. Fiske. Destiny of Man... (Supplement), p. 129.*

⁸ *J. Fiske. American Political Ideas Viewed from the Standpoint of Universal History. New York, 1885.*

⁹ *J. Fiske. Century of Science, p. 42.*

на изучение истории выводы ряда биологов о том, что виды, в настоящее время очень различные, происходят от единого прародительского вида¹⁰. По аналогии с развитием эмбриона от простого к сложному, от однородности к разнородности, Фиске вывел американскую буржуазную демократию и ее политические институты из политической системы германских племен. «В самом глубоком и в самом широком смысле слова,— писал Фиске,— наша американская история началась не с Декларации независимости и даже не с основания Джеймстауна или Плимута. Она в своем происхождении восходит к тем дням, когда отважный Арминий в лесах Северной Германии разбил легионы Римской империи... Государственная деятельность Вашингтона и Линкольна проявляется в лучшем свете, если ее рассматривать как прямое продолжение деятельности Де-Монфора и Кромвеля. Овеянные славой сражения при Люси и Несби достойно венчают битвы при Квебеке, Йорктауне и Аппоматоксе»¹¹.

Еще большее значение для исторических взглядов Фиске имела методология «сравнительной политики». Фиске был здесь не одинок. Среди американских историков конца XIX в. царил повальное увлечение методом «сравнительной политики», тесно связанным с теорией политического превосходства англосаксонской расы. Многочисленные американские студенты, приехавшие в Европу учиться и переучиваться, заимствовали в семинарах прежде всего немецких университетов времени Бисмарка не только более совершенные методы изучения источников, но подчас и распространенные в немецкой историографии идеи об «арийских народах» как единственных носителях идей индивидуальной свободы — ведущей силы в мировой истории. Эти идеи были некритически усвоены приверженцами так называемой тевтонской школы в американской историографии. При этом большое влияние на них оказала методология «сравнительной политики» в той форме, которую ей придал английский историк-медиевист Э. Фримен. Уделяя исключительное внимание развитию политических учреждений, Фримен выдвинул формулу: «История — это политика в прошлом, политика — история настоящего». Он крайне односторонне применил методы сравнительной филологии и политики к изучению истории конституционных учреждений.

«Сравнительная политика» рассматривала политические институты, игнорируя вызвавшие их к жизни социально-экономические условия, и объясняла сходные черты политического устройства у государств, существовавших в различные исторические эпохи, происхождением от общего корня — расовой общности. Представители германистской школы утверждали, что англосаксы в V в. перенесли «тевтонское политическое наследство» в Англию,

¹⁰ J. Fiske. American Political Ideas, p. 7.

¹¹ Ibidem.

а английские пуритане-колонисты XVII в. — в Северную Америку¹².

Взгляды Фримена были тесно связаны с дискуссией в европейской историографии о роли германских завоеваний в формировании феодальных отношений. Что касается его американских последователей, то все их внимание было поглощено выяснением генеалогии американских политических учреждений, попыткам найти в колониальной Америке связующее звено с древнегерманской племенной организацией. Особую активность проявил Герберт Бакстер Адамс. Его семинары в университете Джонса Гопкинса в Балтиморе были самыми многолюдными в США, а работы «Германское происхождение городов Новой Англии», «Норманские констебли в Америке»¹³ и др. считались классическими. Подобные идеи развивали и в других университетах: в Корнельском — А. Уайт и М. Тайлер, в Гарвардском — А. Харт, в Колумбийском — Д. Барджесс (где им был основан в 1880 г. факультет политических наук). Овладение сравнительно-историческим методом явилось важным этапом в развитии американской буржуазной историографии. Он пришел на смену школе Банкрофта с его провиденциалистской методологией, которая выделяла в качестве движущей силы истории «дух народа, руководимый божественной волей». Распространение сравнительно-исторического метода привело к повышению техники исторического исследования, введению более современных методов обучения, но одновременно в американской буржуазной историографии утверждалась расистская доктрина превосходства англосаксонских политических институтов.

В историческом творчестве Фиске очень выпукло и последовательно воплотились эти черты нового метода. В работе «Американские политические идеи» Фиске рассматривал историю «арийских народов» как развитие принципов федерализма и местного самоуправления, измеряя успех или неудачу того или иного народа тем, насколько полно в его политическом устройстве нашли воплощение эти принципы. Первая попытка сочетать принципы федерации и местного самоуправления была, по Фиске, предпринята в Древней Греции, но закончилась неудачей, ибо слишком большая автономия отдельных городов в конце концов взорвала федерацию и привела к анархии. В Древнем Риме, наоборот, централизация и деспотизм сделали невозможным местное самоуправление¹⁴. Лишь древнегерманские племена смогли решить главную политическую проблему всех цивилизаций: обеспечение союза большого числа людей без принесения в жертву местной независимости¹⁵. Фиске в какой-то мере

¹² E. Freeman. Comparative Politics. New York, 1873.

¹³ «The Johns Hopkins University Studies», 1883, № 2, 8.

¹⁴ J. Fiske. American Political Ideas, p. 58—60.

¹⁵ Ibid., p. 60—70.

старается привлечь для объяснения политического процесса социальный фактор. Он, например, указывает, что слабое развитие немецких городов ослабляло центробежные тенденции к местной автономии, делало политическую систему германских племен более устойчивой, чем та, которой обладали Греция и Рим. Однако главное для Фиске было саморазвитие врожденных расовых свойств. По Фиске, германские племена потому смогли выработать наиболее совершенные политические принципы, что они не смешивались с неарийскими народами. Наоборот, славяне (тоже ветвь арийской расы) не сумели сохранить чистоту расы и скатились к деспотической форме правления.

Окончательное же торжество принципов федерализма и местной автономии Фиске видел у людей, говорящих по-английски. Англосаксы перенесли «тевтонское» политическое наследство в Англию, а английские колонисты-пуритане — в Северную Америку. В предисловии к своей книге Фиске писал: «Государство, существующее в Соединенных Штатах, не является продуктом специального акта сотворения. Оно есть результат эволюции. Городские собрания Новой Англии ведут свое происхождение непосредственно от деревенского схода древних ариев, а наш огромный федеральный союз имел свой прообраз в союзах греческих городов и швейцарских кантонов»¹⁶. Заканчивая свое исследование, он утверждал, что американцы — «достойные преемники всего лучшего, что было достигнуто англосаксонской расой в развитии политических институтов»¹⁷. Историки школы Банкрофта, господствовавшей в американской историографии до последней трети XIX в., ссылались на волю божественного провидения, которое помогло пуританам утвердить демократию на американской почве. Фиске и историки «тевтонской школы» отвергли теологическую доктрину, но политические выводы остались теми же. Прославляя американские политические институты и относя корни их происхождения в глубь веков, Фиске лишь выдвигал новую форму традиционной апологетики американской буржуазной демократии.

Другой политический вывод, сделанный Фиске, гласил, что «право» и «обязанность» США распространять свои высшие конституционные учреждения на весь мир. Эти идеи особенно полно выражены в лекции Фиске «Предопределение судьбы англосаксонской расы», которая вошла как одна из глав в работу «Американские политические идеи». До издания, в период между 1880 и 1885 гг., эта лекция читалась Фиске в Англии и около 45 раз — в Америке. Как вспоминал Фиске, особенный успех его «вечера» имели у сенаторов и членов Верховного суда; он был также принят президентом США, прослышавшем о его «чудесных лекциях»¹⁸.

¹⁶ J. Fiske. American Political Ideas, p. 4.

¹⁷ Ibid., p. 105.

¹⁸ «The Letters of John Fiske», p. 431.

В начале своей лекции Фиске приводил рассказ об одном обеде, устроенном в Париже соотечественниками-американцами в честь Дня независимости США. На обеде три американца предложили три тоста. «Пью за Соединенные Штаты,— сказал первый оратор,— простирающиеся на севере до Британской Америки, на юге — до Мексиканского залива, на востоке — до Атлантического океана и на западе — до Тихого океана». «Однако,— сказал второй оратор,— эта точка зрения слишком ограничена. Устанавливая наши границы, мы должны смотреть в великое и славное будущее, предназначенное нам Манифестом судьбы англосаксонской расы. Пью за Соединенные Штаты, простирающиеся на севере до Северного полюса, на юге — до Южного полюса, на востоке — до восхода и на западе — до заката солнца». Это пророчество участники обеда приветствовали бурными аплодисментами. Но тут поднялся третий оратор. «Если мы собираемся оставить историческое прошлое и настоящее и считаться только с нашим Манифестом судьбы, то зачем ограничивать себя узкими границами, указанными нашим соотечественником, который только что сел? Я пью за Соединенные Штаты, простирающиеся на севере до северного сияния, на юге — до процессии равноденствия, на востоке — до первобытного хаоса, а на западе — до судного дня»¹⁹.

Анекдотический рассказ был приведен Фиске неспроста, он нужен, чтобы показать, каковы возможности расширения Соединенных Штатов; за фантастическими претензиями третьего оратора стояли реальные, по мнению Фиске, планы второго оратора. Характерно, что, обосновывая притязания США на мировое господство, Фиске ссылаясь не только на преимущества американской политической системы, но в немалой степени и на мощь «промышленной цивилизации» Нового Света. Важнейший фактор превосходства американской ветви англосаксонской расы он видел в росте населения и индустрии США, непрерывном увеличении числа «охотников за долларами», пришедших на смену «охотникам за скальпами», — «замечательно трудолюбивых, миролюбивых, порядочных и свободомыслящих людей»²⁰.

Триумф американской цивилизации Фиске представлял не как результат военного соперничества с Европой, а как следствие экономического соревнования США с Европой и победы индустриального общества над военным²¹. Однако мирное распространение англосаксонских политических идеалов, утверждал Фиске, возможно только на цивилизованные и христианские нации, «там, где цивилизация входит в контакт с варварством, она становится часто необходимостью»²². Он ставил задачу освоения

¹⁹ J. Fiske, *American Political Ideas*, p. 101—102.

²⁰ *Ibid.*, p. 89.

²¹ *Ibid.*, p. 149—150.

²² *Ibid.*, p. 146.

отсталых континентов вроде Африки, где пока господствуют «рыжие львы, вислоухие слоны и негры-идолопоклонники»²³. Фиске предсказывал: «Недалек тот день, когда четыре пятых человеческой расы будут вести свое происхождение от английских предков точно так же, как сейчас это делает четыре пятых белого населения Соединенных Штатов. Раса, расселившаяся таким образом на обоих полушариях, от восхода и до заката солнца, конечно сохранит свое владычество над морями и свое торговое превосходство, которое она начала приобретать тогда, когда Англия впервые протянула свою руку через Атлантику к берегам Виргинии и Массачусетса»²⁴.

В работе «Американские политические идеи» Фиске изложил свою общую историческую и политическую концепцию, но решение основных вопросов истории Соединенных Штатов в этой книге было лишь намечено. Конкретно-исторические работы Фиске — «Открытие Америки» (1892), «Происхождение Новой Англии» (1889), «Голландские и квакерские колонии в Америке» (1899), «Война за независимость» (1889), «Критический период американской истории» (1888), «Долина Миссисипи в гражданской войне»²⁵ (1900) и другие — охватывали период открытия Америки до «позолоченного века» — 80—90-х годов XIX в. Фиске выступал в них в большей степени популяризатором, чем исследователем, как иронически писал много лет спустя либеральный журнал «Нейшн»: «Философы склонны были думать, что призвание Фиске — история, историки же были убеждены, что он прежде всего философ»²⁶. Блестящий литературный стиль его исторических работ, яркое изложение драматических событий приобрели для них широкую аудиторию. Но, что самое главное, Фиске очень рельефно отразил в них наиболее характерные для консервативной американской историографии того времени тенденции в освещении колониального периода истории США, войны за независимость и гражданской войны 1861—1865 гг. Отрицательное влияние методологии Фиске не так явно в его конкретно-исторических работах, как в книге «Американские политические идеи». Но все же бросается в глаза «исключительное внимание к политической и военной истории (с особым пристрастием к описанию стратегической стороны сражений) и стремление показать эволюцию пресловутых идей федерализма и местного самоуправления.

²³ *J. Fiske. American Political Ideas*, p. 141.

²⁴ *Ibid.*, p. 143.

²⁵ *J. Fiske. The Discovery of America with Some Account of Ancient America and the Spanish Conquest*, vol. 1—2. Boston, 1892; *Idem. The Beginnings of New England*. Boston — New York, 1889; *Idem. The Dutch and Quaker Colonies in America*, vol. 1—2. Boston — New York, 1899; *Idem. The War of Independence*. Boston, 1889; *Idem. The Critical Period of American History*. New York, 1888; *Idem. The Mississippi Valley in the Civil War*. New York, 1900.

²⁶ «*Nation*», 24.I.1918.

Ключевой, концепционной исторической работой Фиске являлась «Происхождение Новой Англии». Здесь вновь пространно излагались идеи политического превосходства тевтонских народов», а первые поселенцы — пуритане — рисовались как хранители чистоты первоначальных политических принципов: благодаря им американцы «лучше, чем какая-либо другая нация, были подготовлены для решения задачи соединения суверенности и свободы, образования цельного союза при сохранении свободы составляющих его частей»²⁷. В работе «Происхождение Новой Англии» Фиске, рассматривая городское самоуправление, формирование городских ассамблей, образование федерации провинциальных ассамблей и т. д., старается провести идею о дальнейшем быстром развитии англосаксонских политических принципов на американской земле. Новая Англия как бы улучшила староанглийскую модель. Пройдет время, и весь мир будет пользоваться ее благами.

В духе господствовавших в тот период в американской буржуазной историографии представлений Фиске в идиллических тонах изобразил жизнь американских колонистов. Он игнорировал тот факт, что олигархический строй, господствовавший в колониях, давал возможность крупным собственникам распоряжаться делами отдельных колоний. Главный вопрос, который ставил Фиске, рассматривая ранний период истории США, каковы причины победы английской колонизации над испанской, голландской и особенно французской? Предшественник Фиске в исследовании этой темы, историк «ранней школы» Ф. Паркмэн, старался доказать, что победа англичан «в битве за американский лесной край» коренилась в более совершенных политических идеях, воплощенных в английской демократии. При этом Паркмэн апеллировал к провиденциалистской идее «избранного народа» поселенцев-пуритан. Фиске же в духе «сравнительной политики» видел корни английских политических учреждений в «фолькмоте» (сходке жителей поселения) и принципе представительства графств древних германцев, но выводы, к которым он приходил, оставались прежними: «Борьба между Англией и Францией была битвой деспотизма и индивидуализма, мелочной правительственной опеки и естественной жизни общин, которая конституировалась в их городских собраниях»²⁸. При этом Фиске не учитывал таких решающих факторов в борьбе колониальных держав, как их социальный строй и финансово-экономическая мощь. А ведь именно эти обстоятельства определили победу экономически сильной Англии над более слабой Голландией и феодальной Францией.

Отсутствие анализа экономического развития США крайне обедняло изложение и других вопросов колониальной истории.

²⁷ J. Fiske. The Beginnings of New England, p. 174.

²⁸ J. Fiske. New France and New England. New York, 1902, p. 233.

Так, Фиске уделял много внимания проблеме образования Федерального союза, которая волновала видных деятелей североамериканских колоний на протяжении 150 лет, подробно анализировал попытки образования такой федерации в 1643 и 1754 гг. Но все эти факты вне связи с основным содержанием американской истории колониального времени (усиление экономических связей между колониями, постепенное складывание единого рынка, формирование североамериканской нации) произвольно трактовались Фиске лишь как свидетельства эволюции английских политических институтов на американской почве.

В истолковании событий войны за независимость — главной темы американской историографии XIX в. — Фиске делал шаг назад по сравнению со школой Банкрофта. Банкрофт писал о «духе свободы», присущем с самого начала колониям и приведшем в конце концов к восстанию против угнетения метрополии. Он изобразил отделение колоний от Англии в романтическом ореоле, сумев во многом передать напряжение борьбы американского народа. Фиске немногим уступал Банкрофту в красочности и живости описаний и, так же как он, не выходил за пределы политических и военных аспектов истории, но возникновение войны за независимость у него мотивировано гораздо в меньшей степени. Он свел по существу причины войны к политической близорукости английского правительства, не понявшего возросших стремлений жителей колоний к свободе. Эта трактовка предварила выводы выступивших в начале XX в. историков так называемой имперской школы, которые вплотную подошли к выводу о необязательности войны за независимость. Американский историк-марксист Г. Аптекер с полным правом характеризует Фиске как одного из первых «консервативных ревизионистов» в изучении истории войны за независимость²⁹.

Фиске обеднял историю войны за независимость и в другом отношении. Как известно, первая американская революция была освободительным, антифеодальным и национально-объединительным движением, но Фиске видел в ней лишь борьбу за принцип равного политического правительства, за достижение нового, более высокого этапа в развитии политических идей. Значение войны, писал Фиске, состояло в том, что она «показала изумленному миру, что вместо одной Англии стало две Англии, одинаково готовых изо всех сил трудиться в целях политического возрождения человечества»³⁰. Фиске еще не отказывался от термина «американская революция», но под его пером она превращается в «британскую гражданскую войну» и «консервативную революцию».

Пробным камнем для исторических и политических взглядов Фиске был подход к событиям гражданской войны 1861—1865 гг.

²⁹ Г. Аптекер. Американская революция, 1763—1783. М., 1962, стр. 24.

³⁰ J. Fiske. American Political Ideas, p. 129—130.

С точки зрения исповедуемой Фиске доктрины эволюции политических принципов арийских народов гражданская война (как и война за независимость) являлась лишь этапом развития принципов федерализма и местного самоуправления. Еще в работе «Американские политические идеи» Фиске писал, что если война за независимость велась ради принципа равного представительства, то гражданская война — ради окончательного утверждения принципов федерализма: «Федеральный союз, перенеся суровое испытание войны, вышел из него гораздо сильнее, чем прежде. И до тех пор, пока этот принцип будет претворяться в жизнь, любое увеличение территории или населения не достигнет врасплох американское правительство»³¹. С другой стороны, в период, когда завершался процесс превращения США в централизованное государство, Фиске подчеркивал широкие права штатов в американском Союзе³². Сочетание централизации и автономии сделало, по Фиске, США идеальной моделью для всех стран мира.

В период, когда Фиске обратился к теме гражданской войны, ее история продолжала оставаться в американской историографии полем острой борьбы. Освещение и понимание недавно минувшей бурной эпохи переплеталось с решением не только основных теоретических вопросов исторического знания, но и с актуальными вопросами классовой борьбы в США — отношениям к революционным традициям, борьбой против расовой дискриминации. На рубеже XIX—XX вв. в буржуазной историографии гражданской войны заняла прочное место концепция, соединявшая признание положительного значения отмены рабства с примирительным отношением к контрреволюционному мятежу рабовладельцев и осуждением политики радикальных кругов северной буржуазии. Наиболее полно эти идеи нашли выражение в истории гражданской войны, написанной Д. Родсом³³. Оценки событий гражданской войны, данные Фиске в работе «Долина Миссисипи в гражданской войне», легко вписались в концепцию «национального примирения» консервативной историографии. Уже в предисловии к своей работе Фиске декларирует свое примирительное отношение к старому Югу: «По своим взглядам я — «северянин», как это и полагается янки из Коннектикута, но в то же время я со всей искренностью снимаю шляпу перед статуей Ли»³⁴. Он сообщал, что при подготовке книги ему в равной степени помогли консультации бывшего генерала северян Шермана и известных офицеров Южной конфедерации Хатчинсона и Прайса³⁵.

³¹ Ibid., p. 136—137.

³² Ibid., p. 133—134.

³³ J. Rhodes. History of the United States from the Compromise of 1850. vol. 1—7. New York, 1892—1906.

³⁴ J. Fiske. The Mississippi Valley in the Civil War, p. IX.

³⁵ Ibid., p. V—VII.

Первые историки гражданской войны — Г. Грили, Д. Дрепер и другие справедливо отмечали, что главным вопросом войны являлся вопрос о рабстве, и одобряли отмену рабства. Фиске также представлялась положительной отмена рабства, но главным итогом гражданской войны он считал подтверждение существовавших федеральных конституционных принципов. «По сравнению с вопросом о рабстве вопрос о национальном суверенитете более значителен»³⁶, — писал Фиске. «При рассмотрении войны Севера и Юга надо учесть, что равноправие негров как побочный итог войны был бесценной победой, которую приветствовали все здравомыслящие люди»³⁷.

Мотивы примирения с бывшим рабовладельческим Югом отчетливо звучали и в констатации Фиске искренней веры южан в законность рабства и сепарации (отделение южных рабовладельческих штатов от Союза). Он резко порицал революционных генералов Севера Фримонта, Батлера и других, которые выступали за революционное ведение войны³⁸. Осуждая революционные традиции, Фиске вслед за Родсом включал ряд традиций рабовладельческого Юга в общенациональные. Он с восхищением писал об отваге солдат рабовладельческой Конференции, военном искусстве генералов Ли и Джексона³⁹. Подобные оценки не случайны. Американская военщина в поисках милитаристских традиций обращалась к кастовой военной организации плантаторов. Характерно, что в период империалистической войны США против Испании в 1898 г. наглядно проявилось единство бывших «голубых» и «серых». Из четырех генералов, участников гражданской войны, а затем войны с Испанией, двое были прежде офицерами рабовладельческой армии.

Таковы основные черты исторических взглядов Фиске. Их значение определяется не введением в научный оборот новых фактов или разработкой новой методики, а политическим звучанием. Джон Фиске был историком, отдавшим свой талант нарождающейся империалистической Америке. Влияние экспансионистского аспекта этих идей в 90-е годы XIX в. было велико. Аргументы историков «тевтонской школы» были использованы империалистами-«практиками» для подготовки общественного мнения к проведению Соединенными Штатами захватнической политики. Сенаторы Лодж и Беверидж прямо ссылались на учение Фиске о «политическом прогрессе расы». Сам Фиске приветствовал войну США с Испанией и, будучи в 90-х годах XIX в. президентом Лиги по ограничению иммиграции, требовал удаления из США славянских и итальянских иммигрантов.

И все же популярность идей Фиске оказалась недолговеч-

³⁶ *J. Fiske. The Mississippi Valley in the Civil War*, p. 29.

³⁷ *J. Fiske. American Political Ideas*, p. 135.

³⁸ *J. Fiske. The Mississippi Valley in the Civil War*, p. 29.

³⁹ *Ibid.*, p. 84—89.

ной в американской буржуазной историографии⁴⁰. Его откровенно идеалистическая концепция, сводившая исторический процесс преимущественно к политической истории, утратила свою убедительность и общественную значимость перед лицом серьезных социальных потрясений империалистической эпохи. На смену Фиске и другим приверженцам «сравнительной политики» пришли историки экономического направления. Как правило, они воздерживались от открытого восхваления империалистической экспансии, высказывались за необходимость уступок для сглаживания наиболее острых классовых противоречий. Когда же ход действительных событий не совпал с теориями Фиске и роль США на мировой арене на рубеже XIX—XX вв. оказалась далеко не столь величественной, как он себе представлял, его шовинистическая утопия приобрела несколько архаический характер, а на первое место выступили другие методы пропаганды экспансии США. Особенно неуместной стала казаться в период обострения англо-американских и германо-американских империалистических противоречий идея единства англосаксонских народов. Фиске и историков «тевтонской школы», выводивших американскую демократию из саксонского леса, сменил Ф. Тернер, выдвинувший идею об определяющем значении колонизации Запада в истории США.

В настоящее время в США мало кто обращается непосредственно к работам Фиске. Однако Фиске не стал забытым классиком буржуазной историографии кануна эпохи империализма, многие его идеи в трансформированном виде живут в сфере философских, исторических и политических доктрин современных США.

⁴⁰ Более долгая жизнь была суждена ярко написанной Фиске «Истории США» для школ (*J. Fiske. «A History of the United States»*). Лишь с 1894 по 1901 г. она была переиздана пять раз.

ОБ ОДНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СВОБОДНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

М. А. Барг

Проблема происхождения и характера крестьянской свободы в средние века в течение полувека дважды оказывалась в центре внимания медиевистов: впервые — в конце прошлого и в начале XX в., вторично — в 40–50-х годах. Однако научная полемика, развернувшаяся в историографии в первом и втором случаях, была обусловлена столь же различными предпосылками, сколь и различными были ее целенаправленность и научные результаты. Единственное, что их объединяет (по крайней мере с чисто внешней стороны), это то, что в обоих случаях колыбелью «критического направления» оказывалась немецкая буржуазная медиевистика.

Основной вопрос, приковавший к себе внимание медиевистов на рубеже XIX—XX вв., может быть предельно кратко сформулирован следующим образом: 1) какое место в социальной структуре общества раннего средневековья принадлежало простому свободному общиннику-земледельцу; 2) исчезли ли свободные общинники каролингской эпохи к XI в.¹ — вследствие постепенного слияния их с несвободными разрядами населения иммунитетных территорий, происходившего под влиянием нивелирующего воздействия вотчинного права и администрации? Следует заметить, что вопросы эти кардинальной важности и до конца еще не выяснены по сегодняшний день. Дело в том, что тезис о всеобщем низведении свободных общинников — мелких аллодистов раннекаролингской эпохи в разряд несвободных «подданных вотчины», чей статус регулировался дворовым уставом (Hofrecht), был одним из тех очевидных упрощений исторической действительности, которые допускались так называемой классической вотчинной теорией и которые в не малой мере обусловили появление самого «критического направления» в западноевропейской медиевистике. В частности, «критики» оказались и перед другим вопросом: как объяснить наличие значительных прослоек лично свободных мелких держателей земли в различных районах Западной Европы в XII—XIII вв.?

¹ G. Seeliger. Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter. Leipzig, 1903, S. 138.

В немецкой историографии конца XIX—начала XX в. «критическое направление» было представлено, с одной стороны, историками так называемой страсбургской школы — Виттихом, Гутманом и др., с другой — историками Беловым, Каро и Зелигером. И те, и другие, по сути дела, ополчились, хотя и с различных позиций, против одного и того же тезиса «классической вотчинной теории» (Инама-Штернегг, Лампрехт) — о коренном изменении социально-экономической структуры западноевропейского общества в VIII—IX вв., обусловленном повсеместным торжеством феодальной вотчины над общиной-маркой и превращением массы простых свободных земледельцев в крепостных, «подданных» вотчины. С целью опровержения тезиса о социальной катастрофе, постигшей в это время класс простых свободных, Виттих и Гутман предприняли пересмотр классических представлений о социальной структуре раннесредневекового общества. В их изображении это общество якобы никогда не знало другого сословного членения, за исключением того, которое характерно для зрелого вотчинного строя (Grundherrschaft). Именно этот строй уже отразили в своих свидетельствах Цезарь и Тацит. Иными словами, по мнению этих историков, основными структурными элементами средневекового общества будто бы изначально являлись мелкие вотчинники, с одной стороны, и зависимые от них, несвободные земледельцы — с другой. Поскольку, согласно этой концепции, свободные земледельцы не известны были германским племенам даже во времена Тацита, то очевидно, что вся проблема их исчезновения в эпоху каролингов оказывалась снятой, как бы несуществующей. Социальная история Западной Европы в VI—IX вв. в этом освещении была действительно пересмотрена, но отнюдь не в интересах истины.

Другое направление «критиков» — Белов, Каро и Зелигер, как уже отмечалось, также выступило против тезиса о социальной катастрофе, постигшей свободных земледельцев-общинников в VIII—IX вв. Вместе с тем оно вступило в полемику и с создателями «новой вотчинной теории» — Виттихом, Гутманом и др., вообще отрицавшими, как мы видели, наличие такого слоя в социальной структуре древнегерманского и варварского обществ.

Мы не имеем возможности проследить здесь шаг за шагом ход этой любопытной научной дискуссии. Укажем только, что Зелигер и особенно Каро стремились доказать, что возникновение вотчины в Западной Европе происходило не за счет свободного крестьянского землевладения, и следовательно, не приводило к исчезновению свободного крестьянства. Иными словами, что свободные земледельцы, составлявшие изначально основной конституирующий элемент варварских обществ, сохранили в значительной мере свой статус как внутри вотчины, так и на ее периферии и в последующую эпоху.

Опираясь на работы обеих ветвей «критического направления», А. Дош утверждал, что «свобода» и «несвобода» — не по-

следовательные состояния, сменяющие друг друга в истории средневекового общества, а состояния, сосуществующие изначально в общественном строе германских народов. Если в каролингскую эпоху и имела место «депрессия» свободных, то их убыль, по его мнению, с лихвой восполнялась освобождением многих несвободных элементов. Очевидно, что Доппш полностью игнорировал качественные (сущностные) различия между «крестьянской свободой» различных периодов средневековья. К тому же, как известно, преобладающим в VII—IX вв. был процесс принижения свободных, а вовсе не процесс «возвышения» сервов. Наконец, «возвышение» последних приводило к «свободе», качественно отличной от свободы полноправных общинников — мелких аллодистов.

Каковы же были результаты этой первой развернутой полемики по вопросу об исторических судьбах свободного крестьянства каролингской эпохи? Построения Виттиха, Гутмана и других не получили сколько-нибудь широкого (тем более всеобщего) признания в буржуазной историографии. Они остались «памятником» в общем далекой от науки «strasбургской школы» в медиэвистике.

В свою очередь Каро, Зелигеру, Белову не удалось сколько-нибудь убедительно доказать сохранение действительно обширного слоя мелких свободных аллодистов в X—XI вв. (за исключением ряда районов, где сложились специфические социально-политические условия, например, в Швейцарии, Фрисландии, восточных графствах Англии и ряде других). При этом, однако, стало очевидным, что вотчинный строй не был настолько «систематизированным» и повсеместно господствующим как по форме, так и по существу, чтобы принять, с одной стороны, тезис об извечности вотчины, с другой — тезис об абсолютном исчезновении элементов личной (в некоторых случаях и поземельной) свободы в Западной Европе X—XI вв. Наконец, только в недавнее время было установлено, что широкое распространение в различных районах Западной Европы (в XII—XIII вв.) «свободных» форм крестьянского держания носило в значительной мере вторичный характер, т. е. свидетельствовало о процессе «возрождения» крестьянской свободы, но уже на иных, качественно отличных предпосылках — свободы на феодальной основе. На этих позициях буржуазная наука в основном оставалась вплоть до 30-х годов XX в.

Приход фашизма к власти в Германии и его политика насаждения и поощрения grosbauэров, провозглашенных одним из столпов «третьего рейха», снова пробудили в немецкой медиэвистике интерес к проблеме свободного крестьянства (Freibauern) в средние века. Несомненно, что так называемая крестьянская политика фашизма и была той исторической атмосферой, в которой ожили и заново расцвели «критические» концепции в немецкой буржуазной медиэвистике 30 — начале 40-х годов XX в.

В немалой мере под воздействием этого же политического стимула сложилось и «новое учение» о характере и происхождении «крестьянской свободы» в раннее средневековье. Подлинно новым в этой концепции оказалась лишь фетишизация государства, а вообще и различных форм «господства» и «предводительства» в «конституировании» крестьянской свободы. В сравнительно короткий срок возникла обширная литература, в которой разрабатывались различные аспекты этого «учения»².

Итак, предпосылки первой и второй дискуссий по интересующему нас вопросу имеют между собой мало общего: в конце XIX — начале XX в. речь шла в первую очередь о необходимости уточнения и конкретизации страдавших явным схематизмом положений классической вотчинной теории. Следовательно, этой дискуссии в известной мере требовали интересы самой науки. Во втором случае нельзя указать на сколько-нибудь веские научные предпосылки новой дискуссии. Поэтому правомерно заключить, что предпосылки «нового учения» были скорее конъюнктурными, чем собственно научными, ибо речь шла о развитии заведомо ложных антиисторических элементов концепций «критического направления» конца XIX — начала XX в. и только на том основании, что многие из них оказались созвучными идеологии третьего рейха.

В чем же заключается существо концепции «новой школы» (Теодора Майера) по вопросу, нас интересующему? Отметим прежде всего, что она лишает само понятие свободы не только сколько-нибудь определенных смысловых критериев, но и какого бы то ни было позитивного исторического содержания. Свобода, в истолковании этой школы, не реальное «общественное отношение», не «положение индивидуума в обществе», это даже не отвлеченное понятие, которое в конечном итоге является «отвлечением» от какого-либо исторически сущего «состояния», она

² K. Weller. Die Freien Bauern in Schwaben.— «ZRG, Germ. Abt.», Bd. 54, 1934; F. Lutge. Die Agrarverfassung des Frühen M. A. im Mitteldeutschen Raum, 1937; Th. Mayer. Die Entstehung des «Modernen» Staates im M. A. und die freien Bauern.— «ZGR., Germ. Abt.», Bd. 57, 1937; Idem. Königumt und Gemeinfreiheit im Frühen M. A. «Deutsches Archiv für Erforschung des M. A.», 1943, H. 2; Idem. Baar und Baarschalken.— «MJÖG», vol. 93, [1954]; E. F. Otto. Adel und Freiheit im deutschen Staat des Frühen M. A. 1937; cp. K. S. Bader. Staat und Bauerntum im Deutschen M. A.— «Adel und Bauern im Deutschen Staat des M. A.» [1942]; Idem. Das Problem der Freien Bauern im M. A. «Zeitschrift für Schweiz. Recht», N. F., Bd. 59; Idem. Bauernrecht und Bauernfreiheit im Späteren M. A.— «H. Ihb.», Bd. 61, 1941; L. Hauptman. Colonus, Barchalk und Freiman.— «Wirtschaft und Kultur». Wien, [1939]; F. Schmidt. Die Freien bäuerliche Eigengüter im Oberösterreich. Wien, [1941]; H. Dannenbauer. Die Freien im Karolingischen Heer. «Festschrift für Th. Mayer», I (1954); Idem. Adel, Burg und Herrschaft bei den Germanen.— «Herrschaft und Staat im M. A.». Darmstadt, 1956; W. Schlesinger. Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte.— «HZ», Bd. 176, 1953; J. Bog. Dorfgemeinde, Freiheit und Unfreiheit in Franken. Stuttgart, [1956]; K. Bosl. Freiheit und Unfreiheit.— «VSWG», Bd. 44, 1957.

лишена какого-либо реального содержания и «функциональна» по отношению к господствующему в данное время представлению. «Что есть свобода?» — категория, которая требует, чтобы каждый раз содержание было привнесено в нее извне. В частности, в данном случае представление о «свободе» сводится к «функции» ее носителя не в общественном производстве, а в отношении к государству. Это нечто производное от меры его соприкосновения с «государством», от той степени, в какой индивидуум существует непосредственно «для государства». Одна и та же общественная функция индивидуума может, с указанной точки зрения, означать «свободу» или «несвободу» в зависимости от того, приводит ли она его в непосредственное соприкосновение с «государством» (вознесенным, в указанной концепции, над обществом в качестве самостоятельного и формирующего общество начала) или, наоборот, отгораживает его и сферы его интересов от государства. Разумеется, что в таком истолковании свободы действительное общественно-экономическое положение индивида (в данном случае земледельца) не имеет ровно никакого значения для определения его статуса. В результате свобода оказывается понятием настолько относительным, что критерии его становятся совершенно случайными и произвольными.

Логическим завершением этой концепции явилась точка зрения западногерманского историка Ф. Лютге, согласно которой «свобода» вообще не является общественным состоянием индивида, а «общественным мнением», столь же преходящим, как и время, его породившее. Свобода — это то, что люди в ту или иную эпоху «считают свободой», — безотносительно к тому состоянию, в котором они действительно пребывают. Отсюда вытекает, что то, что в одну эпоху считается «свободой», в другую может быть оценено как «рабство» и наоборот. Столь же различны мнения о «свободе» в различных общественных слоях даже в одно и то же время. Поэтому, заключает Лютге, вести спор по вопросу о характере свободы в тот или иной период бессмысленно, ибо это в конечном счете вопрос «вкуса», суждения самих современников. Одним словом, категория свободы — это категория социальной психологии, но не социальных отношений, не исторической действительности. Очевидно, что несомненный историзм любого понятия, в данном случае и категории свободы, использован для того, чтобы перенести анализ с почвы конкретно-исторических условий той или иной эпохи на почву абстрактных, лишенных реального содержания дефиниций.

Для «новой школы», как мы видели, понятие свободы столь же относительно по существу, как и для Лютге. Различие лишь в том, что в ее изображении содержание свободы определяется единственным отношением — отношением индивидуума к государству. Поэтому только что изложенную концепцию правомерно называть концепцией государственно-функциональной свободы. Поскольку же средневековое государство

персонифицируется в лице короля, постольку эту свободу именуют королевской, а носителей этой свободы — королевскими свободными (Königsfreie). Реакционность «нового учения» обнаруживается даже при беглом сопоставлении ее с буржуазно-либеральной концепцией крестьянской свободы в средние века. Если последняя, при всей ее классовой ограниченности, все же исходила при определении меры этой свободы из объема и характера рентных повинностей земледельца сеньеру, из объема его прав на обрабатываемый надел, то «новое учение» (Т. Майера, Г. Данненбауэра, В. Шлезингера, К. Босля и других) превратило статус крестьянской свободы в понятие государственного права, избрав в качестве его критерия политическую (военную) функцию. Очевидно, что перед нами критерий-фикция потому, что речь идет не о действительном статусе земледельца, а о правах государства по отношению к нему, другими словами, о том, кто является субъектом этих прав — частное лицо или агент публичной власти. При прочих равных условиях в первом случае земледelec не свободен, во втором — свободен.

Таким образом, анализ категории свободы ведется «новой школой» не с точки зрения условий, господствовавших в сфере производства, т. е. решающей «функции» земледельца, а с точки зрения для него привходящей, второстепенной. Поскольку крестьянская свобода осознается «новой школой» лишь в качестве творения государства, поскольку эта свобода олицетворяет лишь функциональную роль индивида по отношению к нему, постольку потеря свободы мыслима лишь как прекращение этой роли, т. е. в результате перехода власти над «свободным» в руки частного господина. Вне государственного отношения свободы для земледельца не существует — так сторонники «нового учения» перепевают на новый лад тезис «новой вотчинной теории» конца XIX в. Итак, превращение государства из «гаранта» свободы в ее «создателя» — такова ведущая черта «нового учения» о средневековой крестьянской свободе. Мы уже имели случай заметить, что эта «свобода» лишена позитивного смысла, так как она безотносительна к совокупности прав и обязанностей, т. е. характеру социальных отношений. «Свобода, которую государство обеспечивает [кому-либо], — пишет один из создателей этого «учения», западногерманский историк Т. Майер, — таким образом ни в коем случае не означает (!) освобождения от всех обязательств частного, непосредственно негосударственного характера, равно как и не говорит ничего об объеме обязательств (Verpflichtungen), которые в отношении государства могут быть большими, нежели в отношении частных лиц»³. Эта «свобода» приобретает, таким образом, скорее мистический смысл, как причастность к некоему высшему «нравственному началу», к

³ Th. Mayer, *Mittelalterliche Studien*. München [1959], S. 140.

сфере функционирования королевской власти и ее агентов, чем значение подлинно историческое.

Такое определение «свободы» школой Т. Майера логически вытекает из ее представлений о социальной структуре общества раннего средневековья и, в частности, общества так называемых варварских государств, возникших на территории западноримской империи в V—VI вв. Поскольку, согласно анализируемой концепции, это общество знало изначально по существу лишь одно-единственное — вотчинное отношение — отношение личного господства и подчинения, постольку для этого общества характерно «двучленное деление»: с одной стороны — вотчинники, с другой — несвободные, зависимые от них разряды населения (колоны, сервы, литы). Таким образом, как и в концепции Виттиха, слой простых свободных (*Gemeinfreie*) в качестве определяющего облик этого общества в течение длительного времени полностью отсутствует и в концепции приверженцев «нового учения». По их мнению, простые свободные, неоднократно упоминающиеся в капитуляриях Карла Великого, совершенно иного происхождения и другой природы, чем это рисовалось создателям классической вотчинной теории. Оказывается, простые свободные появляются только в ходе «освоения» военными предводителями — королями варваров вновь завоеванных, некогда римских территорий, т. е. возникают вместе с возникновением варварских государств в качестве элемента, привнесенного в изначальную общественную структуру германских племен, фактором чисто внешним по отношению к ней, — военно-государственными задачами королевской власти. Поскольку свобода, создаваемая королевской властью, — лишь функциональная свобода, т. е. свобода, не имеющая никакого отношения к действительному социальному статусу индивидуума, постольку они ничего и не меняют в этом статусе. Отсюда определение: свободный — значит сохранивший непосредственное подчинение королю (*eine Stellung unmittelbar unter de König*). Во всех же других отношениях эта «свобода» может ничем не отличаться от условий, которые в других случаях являются критерием несвободы.

Путь к «королевской свободе» лежал для земледельца через королевское войско. В период варварских завоеваний войско короля, с публично-правовой точки зрения, и составляло «народ», конституировавшийся после завоеваний в государство. Такие «*exercitales*»-воины, т. е. «королевские свободные», как правило, даже не принадлежали к данному племени (давшему название государству), не говоря уже о том, что они могли быть самого различного юридического статуса, вплоть до сервильного. Многие из них вообще «чужаки»-иноплеменники (допущение очень заманчивое с точки зрения всей концепции), «примкнувшие» к передвигавшемуся племени и испомещенные затем на королевских доменах, на границах, стратегических защитных линиях, на новоколонизованной королем земле в качестве военных посе-

ленцев. Позднее к ним присоединились и другие пришельцы, поселенные на таких же условиях. Все они при этом слыли «свободными» (но действительно ими не являлись) только в том смысле, что они рассматривались в качестве королевских подданных, обязанных королю военной службой и другими повинностями; их хозяйственное положение малоблагоприятное, ибо они — земледельцы лишь в свободное от военных походов время; их повинности (в совокупности) нередко даже более тягостны, чем повинности частнозависимых земледельцев. Будучи отчужденными (королевскими актами) в частные руки, такие «свободные» по своему положению почти не отличались от «изначально зависимых» категорий населения вотчины; недаром Т. Майер, постоянно говоря об этих свободных, употребляет выражение: «считаются свободными» (*gehalten als frei*). Неудивительно, продолжает он, что эту «свободу» правомернее считать «свободной несвободой» (*freie Unfreiheit*) или «несвободной свободой» (*unfreie Freiheit*).

Такой предстает перед нами новая концепция «крестьянской свободы» раннего средневековья, «свободы» функциональной, а не реальной, привнесенной королевской властью во имя собственных целей в структуру общества, а не присущая самой этой структуре. Именно поэтому базис этой «вновь рожденной» «королевской свободы» усматривается не в принадлежности к племени, а в принадлежности к королевскому войску в сочетании с позднейшим поселением в качестве колонистов на королевскую землю, чем обеспечивалась правовая обособленность последних в качестве «свободных», т. е. непосредственно королю подчиненных крестьян⁴. Т. Майер и его единомышленники неоднократно подчеркивали, что это — не свободные в смысле старосвободных (*Uhrfreien*) «прежней» концепции, т. е. полноправных, а «свобода» особая, создаваемая отношением государственного подданства (*Staatsuntertänigkeit*): Позднее аналогичное правовое положение получили пришельцы, поселенные на новоколонизованной (королевской) земле, обязанные являться в королевское ополчение.

Свою концепцию Майер подкрепляет разрозненными «примерами», заимствованными из истории западноевропейского средневековья. Приведем в качестве иллюстрации его рассуждения о франках. Франк — не племенное обозначение, а сословно-юридическая характеристика. Поэтому «*franci*» всегда правомерно переводить «свободные». Франки — «общность людей» под королевским началом, составлявших королевское войско, и поэтому возвысившихся над равными себе в качестве «свободных». Свободными же, как уже отмечалось, они «слыли» потому, что находились в непосредственном подчинении у короля — предводителя вой-

⁴ *Th. Mayer. Op. cit., S. 153.*

ска. Франки были с течением времени расселены королем по всей империи, и повсюду они юридически возвышались над местным населением и наделены были королевской землей. Эти «франки» (в смысле *königsfreie*), представлявшие противоположность более позднему франкскому дворянству (*potentes, optimates*), сформировавшемуся из рядов крупных землевладельцев. Они — королевское войско на войне и королевские подданные — в мирное время, находившиеся под управлением графов, плательщики налогов королю и подсудные королевскому суду. Несвободные по фактическому положению, обремененные повинностями земледельцев, они «свободны» в публично-правовом смысле; их свобода производное от выполняемых ими государственных функций. Не все «королевские свободные» сохранили свою свободу. Оказавшись, в силу отчуждений королевских земель, в частных руках, они даже при условии неизменности их фактического положения в качестве земледельцев уже не считались «свободными», так как потеряли непосредственный контакт с агентами короля и вошли в сферу частного права вотчинников. Следовательно, исчезновение простых свободных являлось в такой же мере результатом королевской политики, как и их возникновение.

Очевидно, в этой концепции все поставлено с ног на голову: исходным фактом средневекового развития, оказывается, был не племенной союз старосвободных, а военное «сотоварищество» под началом короля; свободные — не полноправные участники «раздела земли» по мере продвижения в Галлию, а «поселенцы» на королевской земле. Их подвластность королю — предпосылка свободы, а не следствие, — их повинности королю, — ее суть, а не проявление. Немыслимо, подчеркивал Майер, чтобы король господствовал над старосвободными (*altfreie*), чья свобода не была бы «функцией от их непосредственного подчинения королю». Над «франками» король осуществляет частную власть, проявляющуюся в праве их отчуждения в другие руки (как будто отчуждались подданные, а не их публичные повинности). Старосвободные же (которые мыслятся приверженцами «нового учения» только в качестве «вотчинников») — не подданные короля, а его вассалы. Итак, решающим фактором процесса «зарождения и исчезновения» крестьянской свободы оказывается король — военный предводитель (*Heerkönig*), он — создатель войска (из разноплеменных элементов); войско же, испомещенное королем на землю, составляет в публично-правовом смысле «народ»; народ конституируется в государство, но это не племенное королевство, а, по терминологии Майера, «войсковое» (*Heerkönigtum*). Там, где королевская власть остается сильной, обширен слой «королевских свободных», т. е. обширен слой тех наделенных землей воинов, которых король оставляет за собой: они основные носители королевских повинностей. «Они коренным образом отличаются от так называемых старосвободных...», обладавших свободой еще в

те времена, когда не было речи о королевской власти». Но напрасно думать, что речь идет о совокупности членов племени, полноправие которых проявлялось в ношении оружия. Отнюдь нет. На деле оказывается, что Майер и его единомышленники под «старосвободными» понимают племенную аристократию: «Она не получила свободу от государства, а принесла ее с собой». «Старосвободные» (вотчинники) стали в новых условиях привилегированными свободными (Hochfreie). Неудивительно, что «старосвободные», т. е. вотчинники, рисуются крайне немногочисленным слоем.

С ослаблением королевской власти этот слой политически конституировался в дворянство, завоевавшее в X—XI вв. политическую и хозяйственную власть в стране; это и означало распад государства. Этим «старосвободным» (т. е. собственно изначальному слою вотчинников) в VI—IX вв. противостояли те «королевские свободные», «свободные крестьяне» (freibauern), которые не являлись «творцами государства», а составляли «его творения», «его основание» и «важнейшее орудие». Они представляли широкую массу населения, поскольку они еще не подчинились частной власти вотчинников. Это и есть *liberi, ingenui, bargildi* каролингских полиптиков. Исторические судьбы государства раннего средневековья коренятся в исторических судьбах «королевских свободных». Процесс коммэндации, раздаривание королевских доменов, рост частной власти с течением времени резко сократили численность «королевских свободных» и тем самым подорвали королевскую власть.

Следует подчеркнуть, что в самой западногерманской историографии по интересующему нас вопросу существуют не только оттенки мнений, но и значительные разногласия. Так, с одной стороны, Карл Бадер считает свободу крестьян раннего средневековья «изначальной», ибо она не создана никем, а сама создана обществом и государством⁵. С другой стороны, историки, сосредоточившие свое внимание на происхождении «свободных крестьян» XII—XIII вв., считают это явление чем-то принципиально новым (K. Weller) по сравнению со «свободой» предшествующего периода. Тем самым они молчаливо отвергают то истолкование происхождения свободы в раннее средневековье, которое предложили создатели «нового учения». Иными словами, эти историки не прочь воспользоваться некоторыми из вышеизложенных идей Майера не только для объяснения происхождения «свободных» крестьян, встречающихся в «заключительные столетия» средних веков. Основной упор делается при этом на роли «внутренней колонизации». «Свободные крестьяне» данного времени, по мнению этих историков, это прежде всего поселенцы на расчищенных королевских землях. Следовательно, это тоже «ко-

⁵ K. Bader. Bauernrecht und Baernfreiheit im späteren M. A.— «Hist. Jhb.», Bd. 61, S. 62.

ролевские свободные», но другого рода. «Королевские свободные» этого периода — это крестьяне на расчистках (Rodungsbauegn). Вслед за королями аналогичный статус предоставляли такого рода крестьянам и монастыри, и светские территориальные князья. Возникновение обширного слоя Freibauern относится этими историками ко времени Штауфенов. В итоге, свободные крестьяне позднего средневековья оказываются в массе своей совсем недавнего происхождения. «В гораздо большей степени,— пишет Веллер,— эта свобода — новообразование эпохи Штауфенов..., свободные поселяются на собственном коронном домене, подобно городам, основанным Штауфенами». Итак, «Фридриха I следует рассматривать в качестве зачинателя (Urheber) поселения свободных крестьян в Швабии. Фридрих II... продолжил его начинание. Эта свобода являлась формой поощрения и привлечения новых поселенцев»⁶.

С Бадером и его единомышленниками ведет полемику Майер. Он их упрекает в том, что они не задались вопросом: не существовали ли подобные же отношения, как и предпосылки для них, уже задолго до XII в.? Но особенно возмущается Майер тем, что сторонники концепции «позднего происхождения» Freibauern склонны без всяких оговорок считать свободных, встречающихся в раннее средневековье, «старосвободными» или простыми свободными племенного права (Gemeefreie)⁷. Наконец, Майер их упрекает в том, что они не поставили вопросы, связанные с крестьянской свободой, в связь с процессом возникновения государства и эволюцией государственного строя. Иными словами, Майер хотел бы интерпретировать практику королевской власти XII—XIII вв. как простое продолжение ее «практики» в раннее средневековье, а «новую крестьянскую свободу» XII—XIII вв.— в качестве «возрождения в новых условиях» изначального института королевских свободных франкской эпохи.

Ссылками на Допша Майер стремится доказать, что королевские свободные каролингского времени полностью нигде не исчезли, ибо имело место движение не только по «нисходящей», но и по «восходящей» линии, так как многие несвободные, благодаря королевской власти, переходили в ряды «свободных». На этой основе он настаивает на непрерывности и единообразии процесса «возникновения крестьянской свободы». Новокolonизованная «королевская» земля и «свободные» колонисты и олицетворяют в глазах Майера эту непрерывность. Но тем самым Майеру пришлось модифицировать свою первоначальную концепцию, допустив наряду с первым по времени «источником» свободы — королевским воином (Heermann) второй ее источник — внутреннюю колонизацию.

⁶ K. Weller. Die freien Bauern in Schwaben.— «ZRG, Germ. Abt.», Bd. 7, S. 186.

⁷ Th. Mayer. Op. cit., S. 160.

Наконец, множество убедительных фактов, почерпнутых из истории ряда швейцарских кантонов, Бургундии, Тироля, Верхней Австрии, Баварии, Верхнего Рейна, вынудили Майера к еще большей непоследовательности, окончательно нарушившей даже видимость цельности вышеизложенной концепции. Так, в одной из своих последних работ по интересующему нас вопросу он утверждает: «Новые исследования обнаружили, что имелись два резко отличных друг от друга слоя свободных: старосвободные, т. е. такие свободные, которые своим статусом обладали по собственному праву..., их предки принадлежали к полноправным членам племени (Volksgenossen); рядом с ними, однако, [имелись] другие свободные, которым эта свобода была дарована в какой-то момент [королем] и которые за это были обязаны ему специальными повинностями»⁸.

Итак, приверженцы «нового учения», возродившие и усугубившие наиболее реакционные идеи концепции Виттиха, Гутмана и других историков «страсбургской школы», должны были под нажимом неопровержимых фактов допустить непоследовательность, ставящую под сомнение все их построения⁹.

Содержание «нового учения» хорошо подытожил один из его приверженцев, К. Босль¹⁰. Средние века знали «свободу» лишь в одном смысле — в смысле дворянской свободы. В XII в. только представителей высшей знати источники квалифицируют в качестве свободных (liberi). В этих случаях «liber» — обозначение сословной принадлежности, т. е. привилегированной свободы. Полноправие мыслится как право на господствующее положение (Herrschaft). Эта свобода для своей реализации требовала соответствующего материального субстрата — крупного владения (praedium libertatis), к которому в качестве «принадлежностей» причислялись: право бана, юрисдикция, сюзеренитет: церковный патронат.

В отличие от этой дворянской, сословной свободы класса вотчинников, «свобода» низших слоев (unterschichten) в раннее средневековье не обозначала ни сословия, ни класса, ни даже племенной принадлежности. Свобода крестьянская не была структурным элементом общества. Она лишь отражала государственную обязанность ее носителей, т. е. состояние, не им принадлежавшее, и которое можно было легко потерять (вслед за прекращением этой функции-обязанности). Капитулярии именуют их «liberi» только в качестве носителей функции завое-

⁸ *Th. Mayer. Bemerkungen und Nachträge zum Problem der Freien Bauern.* — «Mittelalterliche Studien», S. 164 f.

⁹ Майер делает оговорку, что лишь немногие старосвободные «народного права» перешли в ряды «свободных крестьян» раннего средневековья. «В общем, — подчеркивает он, — старосвободные перешли в дворянство (in den Adel aufgestiegen).» — *Th. Mayer. Op. cit.*, S. 161.

¹⁰ *K. Bosl. Frühformen der Gesellschaft.* München, 1964.

ванья, защиты и культивирования королевского домена. Прекращение этой функции в связи с возникновением дворянского вассалитета способствовало обратному скольжению «королевских свободных» в несвободное состояние (*servitus*). От статуса манципиев королевская свобода отличалась только тем, что ее носители военноспособны и военнообязаны. Положение непосредственной зависимости от короля возвышало их над остальными несвободными. Перевес королевской власти над знатью во франкском государстве основывался на классе королевских свободных («*liberi*» — капитуляриев), свобода их — на связи с государством.

Капитулярии — это государственная программа (прежде всего Карла Великого), согласно которой «королевские свободные» должны были служить основанием для создания «союза подданных» в противовес вассалитету. Итак, поскольку знать — извечный структурный элемент германского общества (он унаследуется обществом раннего средневековья), то и свобода ее не зависима от королевской власти. Точно так же, поскольку трудящиеся, земледельцы никогда свободными у германских племен не были, то относительно них речь может идти лишь о возникновении и свободы. Сущность ее — находиться в такой же мере зависимым от короля, в какой несвободные зависимы от частных господ. Бесодержательность этой «свободы» только подчеркивает всю меру бесправия земледельцев, находившихся вне функциональной связи с военной организацией короля. И как вывод из этой концепции: без активной роли королевской власти низшим слоям народа не удалось бы выйти на дорогу свободы.

В тесной связи с этой концепцией генезиса крестьянской свободы в средние века находится и трактовка «новой школой» вопроса о происхождении сельской общины и так называемых *centenae* (сотни — административные подразделения, округá). Сельская община в истолковании этих историков¹¹ — это отнюдь не первичный элемент общественной организации германских племен, а позднее образование, вызванное к жизни различными факторами. С одной стороны, сельские общины складывались под влиянием королевской политики заселения «королевскими свободными» пограничных территорий; с другой — марки распространяются благодаря росту народонаселения и обусловленному этим освоению обширных массивов нови. И в том, и в другом случае, утверждают эти историки, перед нами союзы, сложившиеся лишь с целью совместного пользования неподеленной альмендой. Так, К. Ганаль в работе, специально посвященной марке, всячески избегает самого термина «община» (*Genossenschaft*), предпочитая ему термин «*Nutzungsverband*» — «союз для совместного пользования». Ганаль ставит под сомнение даже существование в VI—X вв. сельских сходов, чьи решения были обяза-

¹¹ К. Bosl. Eine Geschichte der deutschen Landgemeinde.— «ZAAS», 1961, № 2.

тельными для членов «союза». Наконец, Ганаль отрицает наличие в марках до XI в. каких-либо следов сельского суда.

Уже упоминавшийся западногерманский историк Бадер еще до Ганалья писал: «Отсутствуют какие-либо данные, которые свидетельствовали бы о существовании общины в раннее средневековье в нашем верхненемецком крае». Другой историк этого направления, И. Бог, почти буквально повторяет слова Фюстеля де Куланжа, когда именует теорию о древнем происхождении сельской общины «ученой басней». Однако во всех этих высказываниях поистине нет ни грана нового. Все аргументы, приводимые историками «новой школы» против общинной теории, абсолютно ничего не прибавляют к тому, что уже приводили многочисленные ее «критики» начиная с конца XIX в. Что касается так называемых *sentenae*, то новая школа не соглашается признать в них организацию территориального самоуправления простых свободных, превратившуюся впоследствии в административное подразделение графства. Для приверженцев нового учения — это учрежденные королевской властью административные округа на территории, заселенной «королевскими свободными». Таким предстает перед нами «новое учение».

Не следует думать, что это учение превратилось в современной западной историографии в общепринятую концепцию. За четверть века оно так и не сумело одолеть старую, буржуазно-либеральную концепцию крестьянской свободы в средние века. Немало критиков этой концепции и в самой Западной Германии (Бергенгрюэн, Шпрандель и др.). Однако с наиболее последовательной критикой «нового учения» и прежде всего во имя простой научной добросовестности и объективности выступил швейцарский ученый Верли¹². Следуя шаг за шагом за аргументацией Данненбауэра, одного из создателей «новой концепции» крестьянской свободы, Верли не только разоблачил произвольность мотивов в отборе источников, но и указал на совершенно непозволительные приемы в анализе и истолковании их свидетельств. Примеров тому множество, остановимся лишь на некоторых из них. Так, поскольку Данненбауэр во что бы то ни стало стремится доказать, что у древних германцев существовал уже государственный строй и господство предводителей военных дружин, то ему приходится совершенно превратно толковать, казалось бы, недвусмысленные свидетельства Цезаря и Тацита. Так, из сообщений Цезаря о свевах — «они ничего не делают против своей воли» (IV, 1), как и из сообщений Тацита — германцам нельзя приказывать (Гл. XI), Данненбауэр лишь смог заключить, что речь идет о «слабой дисциплинированности членов дружины». В противовес Данненбауэру, Верли на основе такого рода свидетельств за-

¹² F. Wernli. Die mittelalterliche Bauernfreiheit. Studien zur Mittelalterliche Verfassungsgeschichte. Zürich, 1959. *Idem*. Die Gemeindefreie des Frühmittelalters. Zürich, 1960.

ключает: «Мы видим [у древних германцев]... две силы, из взаимодействия которых складывается общественная жизнь. Древнегерманское государство не было ни господством знати, ни чистой демократией. Знать и народ составляли два полюса. Эта глубоко укоренившаяся в германском строе полярность оставалась неизменной вопреки всем изменениям институтов вплоть до позднего средневековья». Разумеется, что это заключение само по себе не свободно от серьезных недостатков. Тем не менее для времени Тацита оно неизмеримо ближе к истине, нежели утверждения Данненбауэра. Верли отмечает, что решение важнейших вопросов принадлежало еще «простым свободным». Поскольку древние германцы «ни публичные, ни частные дела не совершали иначе как будучи вооруженными» (Germ., 13), постольку очевидно, что «клика вождя» не могла еще силой навязать народному собранию свою волю. В этом строе, подчеркивает Верли, нельзя еще обнаружить «партии вождя» (eine Führerpartei) с отрядами штурмовиков (mit Sturmabteilungen). Сказано зло, но совершенно к месту. Прославление древнегерманских королей и военных предводителей школой Майера уж слишком явно обнаруживает истоки ее вдохновения. Этой тенденции Верли противопоставляет концепцию, пусть уже ущербного, но все же народовластия. Вожди были вынуждены действовать еще скорее убеждением (auctoritate suadendi), нежели властью приказывать (jubendi potestate). Дружина, следующая за предводителем, не является еще в его руках орудием угнетения своих соплеменников.

В ответ на замечание Майера по поводу того, что «романтическая мечта о древней демократии германцев ныне развеева», Верли подчеркивает, что древнегерманский строй не был чистой демократией, тем не менее в нем имелся значительный демократический компонент. Вместе с тем в этом строе нет еще и в помине господства знати над бесправным народом. Для историков «новой школы» существует лишь альтернатива: либо лишенная твердого порядка и мало к чему пригодная демократия, либо «террористическое господство вождя». Но тем самым очевидно, что они «опровергают» воображаемую, но не историческую демократию.

Далее, поскольку Данненбауэр рассматривает строй раннего средневековья как прямое продолжение господства «древнегерманской знати», постольку и в этом строе нет места для «простых свободных собственного права». Общество раннего средневековья представляется ему с самого начала разделенным на знать, с одной стороны, и различные разряды зависимых — с другой. В противовес этой концепции, Верли обнаруживает в социальной структуре меровингского общества хотя и сокращающийся, но все еще достаточно обширный слой простых свободных земледельцев, олицетворявший еще во времена Тацита «народ» в целом. Как известно, из того факта, что свободный, занятый на королевской службе, защищался тройным вергельдом (600 соли-

дов), Майер заключает, что король оказывал решающее влияние на сословное положение подданного, в результате чего «Салическая Правда» наряду с племенной сословной градацией общества отразила еще особую, королевскую его градацию. В подтверждение этого тезиса Майер ссылается на наличие в «Салической Правде» якобы двух различных по смыслу терминов для обозначения свободы: «*ingenuus*» и «*francus*». Точно так же Данненбауэр рассматривал обозначение «*Franci homines*» как относящееся к определенной категории населения — к военным колонистам, поселившимся за пределами собственно франкских областей. Этим они якобы противопоставлялись местному населению. Однако даже беглый анализ «Салической Правды» убеждает в том, что словоупотребление *francus* в смысле *ingenuus* возникло не за пределами Галлии, а на территории изначального франкского поселения благодаря более высокому положению франков по сравнению с положением римлян-колонов. Что касается тройного вергельда, которым защищается жизнь свободного на королевской службе, то речь идет не о какой-то особой королевской сословной шкале вергельдов, а лишь о большей гарантии для лиц, причастных к королевскому двору. Эта подоплека хорошо раскрывается в постановлениях «Алеманнской Правды», которая защищает тройным вергельдом не только находящегося во дворце герцога, но и едущего к нему и возвращающегося от него (ст. XXIX, XXX). Что касается терминов «*ingenuus*» и «*francus*» в «Салической Правде», то, как справедливо подчеркивает Вернли, это синонимы. Было бы нетрудно показать, что эти термины взаимозаменяемы, ибо в обоих случаях речь идет об одном и том же — салическом франке. *Ingenuus homo* «Салической Правды» — простой свободный, который, как правило, сам еще заботится об источниках существования, не брезгая в случае нужды лично являться на мельницу с целью воровства чужого зерна (титул, XXII, 1). Кроме того, литов невозможно принять за «королевских свободных», как учит «новая школа», хотя бы по той причине, что они, по свидетельству той же «Салической Правды», могут находиться во владении свободных (иначе свободный не мог бы освобождать лита в присутствии короля, как это предусмотрено в титуле XXVI, 1).

Как известно, из текста этого титула следует, что господином отпущенного таким образом на волю лита является не король, а другой свободный. Процедура отпуска на волю «чужого лита» идентична с процедурой отпуска на волю «чужого раба» (титул XXVI, 2). Ни в этом титуле, ни в титуле XXXV, где речь идет об ограблении свободным «чужого лита» (§ 4) — в тех же выражениях, что и об ограблении свободным «чужого раба» (§ 2), — какая-либо связь между литом и королем не устанавливается. Наконец, лит и раб не только фигурируют совместно (в § 5 того же титула, где речь идет о случае убийства ими свободного человека), но и, что самое важное, их ждет одинаковое нака-

знание: убийца отдается родственникам убитого в возмещение половины виры. Ни в одном из этих случаев положение литов не обнаруживает искомой специфики. Стремление Майера выдать именно литов, упоминаемых в «Салической Правде», за «королевских свободных» не имеет под собой никакого основания. На самом же деле, те, кого «новая школа» именует «королевскими свободными», являлись частью простых свободных членов племени, которая оказалась в зависимости от короля в качестве сеньера точно так же, как другие свободные оказались в зависимости от частных сеньоров.

Наряду с сервами и литами в королевских поместьях IX в. числились и свободные, которые в публичном отношении приравнивались к свободным аллодистам, хотя наряду с публичными повинностями они должны были выплачивать еще чинш за землю, ими обрабатываемую. Вернли указывает на три слоя простых свободных во франкском государстве VIII—IX вв.: 1) свободные аллодисты, 2) свободные королевские цензуарии, 3) свободные жители на территории вотчины (*freie Hintersassen*). Если в полиптиках естественнее всего встретить свободных третьей группы, то в публично-правовых источниках предстают прежде всего свободные первой и второй групп.

Вся надуманность концепции «новой школы» раскрывается полностью при анализе таких памятников, как Сен-Жерменский полиптик (начало IX в.). Как известно, в нем подсчитаны 1430 свободных мансов, 191 сервилный манс и 250 литских мансов. Казалось бы, элементарная последовательность требовала от приверженцев «новой школы», чтобы «королевские свободные» были «узнаны» ими в лице литов. Однако, так как это уж чересчур противоречило бы здравому смыслу, был найден выход: в качестве исключения, указывает Майер, королевские свободные могут именоваться *ingenui*, *liberi*, т. е. точно так же, как и представители знати (к которым эти термины исключительно приурочивались на предыдущей стадии анализа)¹³. Но что же в таком случае остается от всей концепции о «*Königsfreie*», которая обосновывалась прежде всего тем, что термины «*liberi*», «*inge-*

¹³ Из предложенной Вернли градации свободных напрашивается один чрезвычайно важный для исследования вопрос: каким образом такая огромная масса свободных оказалась подвластной Сен-Жерменскому монастырю? В ответ на него Вернли высказывает ряд допущений: а) гуфы в руках свободных отнюдь не всегда являлись свободными, хотя и держали их свободные люди. Писцы смешивали эти состояния, назвав гуфы по статусу держателей; б) свободные традировали свои гуфы церкви, скрываясь от публичных повинностей (так, мы узнаем из того же полиптика, что 14 свободных «*Quia militiam regis non volebant exercere tradiderunt alodis suos sancto Germano*»). Думается, что следовало бы в этом ряду упомянуть также королевские дарения церкви. Поскольку в процессе феодализации король оказывался сеньером той части свободных аллодистов, которые избегали подчинения частным вотчинникам, постольку раздаривание земель фиска и свелось прежде всего к отчуждению повинностей свободных в частные руки.

ни» в источниках раннего средневековья относятся исключительно к предшественникам знати, составляющей класс вотчинников?

Хотя Вернли далек от попытки всестороннего и самостоятельного освещения затрагиваемых им проблем, хотя полемический характер его работ неизбежно накладывает на них такую же печать фрагментарности, какой страдают построения приверженцев «новой школы», — ему тем не менее удалось сделать многое. И прежде всего — продемонстрировать недостаточность источниковедческой базы указанных построений. На ряде примеров Вернли вскрыл всю меру субъективности и произвольности в толковании показаний источников.

Школа Майера достигла большого совершенства в «искусстве синтетизирования» на базе априорных положений, создавая при этом видимость, что эти положения являются результатом глубокого исследования. Между тем все «исследование» сводится лишь к подбору «свидетельств» в пользу полностью надуманных конструкций. Беспристрастный читатель не может не заметить выхваченность, фрагментарность приводимых этими историками текстов, игнорирование одних типов документов (причем наиболее недвусмысленных) и использование источников, наиболее туманных, допускающих различные толкования. Поражает, насколько «естественно» нарушаются элементарные условия объективного исследования: в перемежку приводятся не только тексты, принадлежащие к различным ареалам и к тому же фрагментарно и произвольно цитируемые, но и тексты, освещающие совершенно различные стадии социально-исторического процесса. Очевидно, именно в таких случаях создаются необходимые предпосылки для проецирования в далекое прошлое позднейших явлений и процессов, для обрисовки исторического процесса как простого повторения в различных условиях одного и того же — некоего мифического «изначального состояния». В результате, вместо того, чтобы общественный строй развивался и видоизменялся, он только «переносится» из одного века в другой. В этой методике сказывается вся мера антиисторизма концепций «новой школы».

Не имея возможности подробно проанализировать эту сторону работ историков «новой школы», мы только проиллюстрируем ее на отдельных примерах. Так, цитируя первый титул «Алеманнской Правды» («Знатные алеманны совместно с герцогом... постановили»), Данненбауэр восклицает: «Может ли господство знати быть выражено более отчетливо и недвусмысленно!»¹⁴ Однако он почему-то счел нужным опустить вторую часть фразы, в которой упомянут «остальной собравшийся народ». Следовательно, господство знати далеко еще не было столь безраздельным, чтобы отпала необходимость заручиться содействием народа. Дан-

¹⁴ «Historisches Jb.», Bd. 61, 1941, S. 36.

ненбауэр проходит и мимо многих других титулов этой «Правды», в которых отражено в той или иной мере влияние народа.

В этой связи интересен анализ документа, приводимого Данненбауэром (из второго тома «Urkundenbuch — St. Gallen» № 527) и датированного 867 г. Вкратце его содержание сводится к следующему: 17 алеманнов, королевских цензуариев, просят Людовика Немецкого освободить их от ценза и тем самым вернуть им полноправие (*plenam legem*), которым обладают остальные алеманны (*ceteri alamani*). Для Данненбауэра (в соответствии с его толкованием термина «*liber*») упомянутые в документе алеманны, вопреки очевидному смыслу, означают «знать», а «*plenam legem*» переводится им как «исключительное право знатного». В противоположность этому Верли находит в «Алеманнской Правде» множество указаний, свидетельствующих о том, что эталоном полноправия все еще выступал простой свободный, вопреки тому, что он уже может рассматриваться (по сравнению со знатным) как «несостоятельный» «бедный» и т. д. Неудивительно, что *ceteri alamani* олицетворяют в его глазах не других свободных алеманнов, т. е. привилегированных, а просто «остальных алеманнов», так как, судя по духу и букве «Правды», простые свободные, представлявшие большую часть народа, рассматривались как носители полноправия. И Верли резонно замечает, что если бы только знатные считались у алеманнов свободными, т. е. единственными носителями права алеманнов, то в упомянутом документе вместо выражения *ceteri alamani* следовало бы ожидать *ceteri Ingenui* или *liberi*. Но так как и Данненбауэр не отрицает, что все алеманы еще рассматриваются в «Правде» как носители племенного права, т. е. в конечном счете полноправия, то мы оказываемся, если следовать его толкованию термина «*liberi*», перед необходимостью считать, что к числу алеманнов причислялись только знатные или, что то же, что одни лишь знатные и представляли племя. Однако 17 алеманнов из упомянутого выше документа считают себя алеманнами. Их никак нельзя причислить к «королевским свободным», франкским военным поселенцам на земле алеманнов. Специфика их положения объясняется отнюдь не мнимым происхождением, а только тем, что, будучи алеманнами, они в отличие от других своих соплеменников уже вынуждены были выплачивать ценз королю, чем и было ущемлено их полноправие по сравнению с другими простыми свободными алеманнами.

Мы уже имели случай отметить, что приверженцы «новой школы» в обоснование своей концепции об изначальной «двучленной» структуре общества (знать и зависимые) предпочитают приводить свидетельства не из варварских правд, а из документов, в той или иной мере уже отразивших процесс феодализации. Теперь же очевидно, что такое «перепрыгивание» через целые исторические эпохи, отмечаемое в источниковедческой базе построений историков «новой школы», было вынужденным

приемом, так как источники этих эпох не оставляют камня на камне от этих построений.

Наконец, Верли справедливо обращает внимание на то, что правовая сторона гражданского оборота простых свободных основывалась почти исключительно на устной традиции, что письменные источники VIII—IX вв. отразили прежде всего юридические акты господ. В результате о простых свободных собственного права (свободных земледельцах-аллодистах) мы узнаем только тогда, когда они по той или иной причине приходят в соприкосновение с вотчиной или с королевской администрацией. К тому же даже юридические акты самих вотчинников сохранились только постольку, поскольку они затрагивали интересы церкви. Именно эта потрясающая односторонность источников раннефеодальной эпохи может легко создать впечатление, что единственными контрагентами всякого рода сделок являлись светские и духовные сеньеры. На этой зыбкой почве и конструируется тезис об отсутствии в структуре общества раннего средневековья простых свободных собственного права. Данненбауэр потешался над тем, что многие из традентов, которых Каро в свое время причислил к простым свободным, на поверку оказались вотчинниками. Однако и Данненбауэр, и Майер (в полном противоречии с логикой «нового учения») должны были допустить в свою очередь существование в VIII—IX вв. слоя простых свободных наряду с «королевскими свободными». Как могли вдруг появиться в VIII—IX вв. эти простые свободные, если их не было ни в один из предшествующих периодов истории, остается загадкой. Сама вынужденность этого допущения свидетельствует лишний раз о том, что «новое учение» находится от начала до конца не в ладах с неопровержимыми фактами.

В заключение мы остановимся на трактовке Верли вопроса о так называемых *centenaе*. Прежде всего — кто такие центенарии? По мнению Данненбауэра, это — командиры военных поселенцев на королевской земле. Они вмешиваются в гражданские акты цензуариев, поскольку наблюдают за исправным поступлением ценса. Так как концепция Данненбауэра по данному вопросу зиждется на двух предположениях (королевские цензуарии — военные поселенцы, центенарий — командир королевских поселенцев), то Верли не стоило большого труда доказать полную ее несостоятельность. Он исходит из предположения, что власть центенария той же публично-правовой природы, что и власть графа. Свободные, даже в случае, если являлись цензуариями, подчинялись центенарию как агенту публичной администрации короля. В источниках, приводимых Данненбауэром, нет ничего, что свидетельствовало бы об ином характере этой власти. Что касается наблюдаемых со стороны центенариев попыток регулировать право земледельца распоряжаться своим наделом, то они, по мнению Верли, лишь свидетельствуют о злоупотреблении властью со стороны центенариев по аналогии с

подобными же злоупотреблениями со стороны графов, стремившихся свободную крестьянскую собственность, подчиненную им в публично-правовом отношении, превратить в зависимую от них в смысле частноправовом (Фрейзингенский документ, датированный 819 г., сообщает о траденте, отчуждающем землю в пользу церкви, «Cum licentia atque permissione...sui magistri Deothardi centinarii!»¹⁵. О подобных злоупотреблениях со стороны графа мы узнаем из одной жалобы на имя швабского герцога: граф de Sancto monte Конрад, сообщается в ней, отнял владения у двух свободных людей (*liberorum hominum*), утверждая, что ни один свободный в его графстве «не имеет права без его согласия отчуждать землю какой-либо церкви». И поскольку в отношении власти графа нет сомнений в публичной ее природе, то неправомерно ли точно так же трактовать и аналогичные действия вышеупомянутого центенария. В 817 г. Людовик Благочестивый передал Сен-Галленскому монастырю 47 мансов в 26 селениях, расположенных в семи графствах, с тем, чтобы ценз «нижеперечисленных мансов, который взимался графами», впредь поступал монастырю. В этом документе нет ни слова о центенариях, будто бы собиравших ценз в управляемых ими военных колониях. Разумеется, что центенарии имелись и в упомянутых семи графствах, как и в других графствах (в качестве администраторов мелких подразделений графств). Они в данном случае не были упомянуты просто потому, что речь шла о доходах графа. Следовательно, во всех таких случаях речь может идти не о военных поселениях «королевских свободных», а об обычных селениях «старосвободных», марковая организация которых с течением времени превратилась в административное подразделение графства.

Остается выяснить, все ли свободные платили ценз, каково было положение цензуариев. Вертли приводит документ, датированный 840 г., в котором 5 свободных (*homines ingenuos*) традируют себя церкви в Мюрбахе, с тем, чтобы повинности, отбывавшиеся ими государству, впредь отбывались ими церкви. Однако в перечне этих повинностей мы напрасно искали бы упоминание о цензе (перечисляются повинности: военная, посылная, гужевая, право постоя, посещение суда и др.). Этих 5 свободных невозможно считать франкскими колонистами, имена их свидетельствуют о принадлежности к алеманнам. Следовательно, отпадает предположение, что они сидели на королевской земле, т. е. были военными колонистами. Кроме того, нельзя и предположить, что в то время как второстепенные, нерегулярные повинности перечислены в документе, о котором идет речь, их основная и регулярная повинность королю — ежегодный ценз — почему-то опущен. Но если этих 5 свободных нельзя считать ни военными колонистами, ни «собственными» людьми короля, то

¹⁵ *Th. Bitterauf. Trad. Freis., Bd. 1, № 430.*

остаются усмотреть в них простых свободных «собственного права» и в качестве таковых — подчиненных графу и центенарию наряду с теми свободными, которые, оказавшись в поземельной зависимости от короля, были уже обязаны ему цenzом. Следовательно, далеко еще не все свободные, подчиненные королевской администрации, являлись цензуариями короля.

В этой связи Вернли делит свободных, находившихся в подчинении графов, и центенариев на два разряда: 1) свободные, жившие на земле королевского домена; 2) свободные, жившие на собственной земле. В первом случае они выплачивали цenz, во втором же цenz среди их повинностей отсутствует. Первые потерпели уже ущерб в былом полноправии, хотя в публичном обиходе все еще фигурируют в качестве свободных наряду с последними. В результате Вернли приходит к заключению, что *centenae* — это судебно-административные подразделения графства, основой которого являлись простые свободные собственного права. Мы подробно остановились на точке зрения Вернли отнюдь не потому, что считаем все его решения «бесспорными», а потому, что он ратует за более прогрессивные концепции буржуазно-либеральной историографии XIX в., опровержением которых и занимается «новая школа».

Столкновение этих двух линий развития современной буржуазной историографии по вопросу о происхождении и характере крестьянской свободы в средние века может служить хорошей иллюстрацией того, что привносит в историографию современность. То, что в научном плане выглядит как «противоборство школ», в плане идеологии лишь отражает борение общественных сил. Разумеется, что далеко не все положения Вернли достаточно аргументированы. Однако его построения, при всех недостатках позволяют по-прежнему утверждать: 1) что «простые свободные» составляли основу общественного строя древних германцев; 2) что они составляли «демократический компонент» ранневарварского общества; 3) что в сотенной организации этот компонент должен был проявиться сильнее всего; 4) что сотенная организация — общегерманский институт, а вовсе не специфический институт франкского государства (франкам оставалось лишь по-своему его назвать); 5) самое важное: Вернли, следуя за Данненбауэром в его источниковедческих экскурсах, сумел вскрыть, сколь надуманными являются основные положения «нового учения».

Попытаемся подвести некоторые итоги. Концепция «крестьянской свободы» в средние века, с которой в канун второй мировой войны выступили Майер и его единомышленники и которую они продолжали развивать и в послевоенные годы, по существу своему является в научном плане модификацией концепции «страсбургской школы», выдвинутой еще в конце прошлого века. В плане идеологическом «новая школа» порождена абсолютизацией сословного строя и государства. Именно поэтому важней-

шим элементом «нового учения» оказалась проблема взаимосвязи свободы «простых людей» и государства. Как раскрывается эта связь в «новом учении», нам уже известно. По существу оно представляет собой прославление исторической роли военного предводителя, «вождя». Война и организация людей для войны рассматриваются как единственная возможность для народных низов утвердить себя в качестве свободных. Вне войны и военной колонизации захваченных у других народов земель, трудящиеся низы «продолжали бы прозябать в вечной неволе» — таков политический вывод, который напрашивается из «нового учения». Как тут не согласиться с мнением Верли, который с полным основанием усмотрел в этом «учении» апологию «государства фюрера» (Führerstaat). Что касается научной стороны анализируемой концепции, то в ней поражает глубокий антиисторизм всех ее положений. Социальная история германских народов в ее освещении знает лишь внешнее, но не внутреннее развитие. Общественная структура этих народов со времени Тацита вплоть до IX в. рисуется в ней по существу как тождество. «Социальная структура древних германцев, — отмечает А. И. Неусыхин, — в этих работах лишь очень слабо отличается от структуры франкского общества меровингов»¹⁶. Стремление приверженцев «новой школы» поставить подлинную историю с ног на голову раскрывается с очевидностью в методике их источниковедческой работы: варварские «правды» используются ими лишь эпизодически, но и их свидетельства, противоречащие «новому учению», объявляются не заслуживающими доверия. Точно так же поверхностно используются ими полиптики — их свидетельства толкуются предвзято, если даже это толкование противоречит всем остальным свидетельствам и простому здравому смыслу.

В марксистской историографии проблема крестьянской свободы в раннее средневековье была предметом скрупулезных исследований профессора А. И. Неусыхина и его школы¹⁷. Их результатом было выяснение как реального исторического содержания этой проблемы на отдельных стадиях раннефеодального развития, так и конкретного ее проявления в социальных отношениях на каждой из упомянутых стадий. Именно потому, что советские историки преодолели барьер формально-юридического истолковывания общественных отношений (и, следовательно, формально-юридических определений состояний), они увидели теснейшую связь между проблемами собственности и свободы в средние века. В конкретно-историческом плане свобода земледельцев раскрывается ими в конечном счете как коррелят отношений соб-

¹⁶ А. I. Njeussychin. Die Entstehung des Abhängigen Bauernschaft. Berlin, 1961, p. 66.

¹⁷ Помимо указанной выше монографии: А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964, а также исследования М. Л. Абрамсон, Ю. Л. Бессмертного, А. Я. Гуревича, А. И. Данилова, Н. Ф. Колесниченко, А. Р. Корсунского, Л. А. Котельниковой, Л. Т. Мильской и др.

ственности, т. е. производственных отношений. Крестьянская свобода, засвидетельствованная варварскими «правдами» и рассматриваемая в плане генетическом, это прежде всего наследие доклассового родо-племенного строя. Изживание и вырождение этой свободы в ходе варварских завоеваний, в варварском и раннефеодальном обществах наполняет постепенно понятие свободы принципиально новым, классовым содержанием. Лишившись былого позитивного содержания (отлившегося в понятии племенного полноправия), свобода постепенно оборачивалась для земледельца только своей негативной стороной в VII—IX вв. Она влекла за собой массу разорительных для мелкого хозяйства публичных повинностей. Неудивительно, что обязанности, не сбалансированные реальными правами, превратились в непосильную тягость, от которой сплошь и рядом стремились избавиться. Королевская власть, поднимавшаяся в ходе завоеваний над этой свободой и воспользовавшись ею в собственных интересах, являлась в дальнейшем одним из важнейших факторов ее вырождения и гибели. Разумеется, остаточные прослойки «старосвободных» сохранились в порах феодального строя (и нередко в значительном числе), однако это случилось не столько благодаря королевской политике, сколько вопреки ей. Если вырождение и гибель старой свободы земледельцев составляли стержень основного социального конфликта раннего средневековья, то борьба крестьянства за освобождение от феодальной зависимости представляет движущую пружину социальной истории классического средневековья. Естественно, обломки древней свободы, кое-где сохранившиеся в Западной Европе вплоть до XI—XII вв., не стали базой для возрождения крестьянской свободы. Они глубоко переродились сами по себе и к тому времени могли служить лишь напоминанием о былом полноправии и независимости земледельцев — истинных создателей средневековой цивилизации.

ИСТОРИКИ. ИХ ТРУДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ
ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ А. А. ГУБЕРА
(1902—1971)

Г. И. Левинсон

Научное наследие, оставленное академиком Александром Андреевичем Губером, обширно и многообразно — около 200 названий работ, охватывающих проблемы различных периодов истории — от средневековья до современности, различных стран и районов мира — от Дальнего Востока до Латинской Америки. Нет возможности дать в рамках краткой статьи оценку этому огромному и интересному наследию. Можно лишь попытаться наметить некоторые этапы творческого пути покойного ученого, дать самую общую характеристику основных особенностей его трудов.

А. А. Губер останется в анналах советской науки, в памяти коллег и учеников прежде всего как выдающийся историк-востоковед. Он, однако, начинал в 1926 г. свою научную деятельность не в области истории, а в сфере исследований современного экономического положения и социального строя ряда стран Востока — сначала Индии и Афганистана, затем Индонезии и Индокитая. Губер вел эту работу, являясь сотрудником Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Первое обращение Губера к историческому исследованию было связано с его работой над крупным трудом, озаглавленным «Индонезия»¹. Поставив перед собой задачу исследовать социально-экономические предпосылки современного революционного движения в Индонезии (книга была задумана под свежим впечатлением трагически закончившегося восстания 1926—1927 гг. на Яве и Суматре), Губер сразу же

¹ А. А. Губер. Индонезия. Социально-экономические очерки. М., 1932.

должен был обнаружить, что ответ на наиболее сложные вопросы существующего общественного строя и текущей расстановки политических сил приходится искать в прошлом страны, подчас весьма отдаленном. Поэтому книгу он начал с рассмотрения структуры индонезийского общества до вторжения европейцев. В первых главах ее анализируются общинный строй, характер феодальной эксплуатации и различия в зрелости феодализма по разным районам архипелага, первые шаги торгового (китайского и арабского) капитала. Затем последовательно обрисованы ход колониального порабощения Индонезии, эволюция методов голландской политики, воздействие ее на социально-экономические отношения, на процесс классовобразования. Это позволило Губеру показать глубинные основы процесса зарождения и развития национально-освободительного движения, объяснить политические и идеологические особенности каждого этапа этого движения, вплоть до современности. На заключительных страницах работы объективно рассматривается опыт бурных событий 20-х годов XX в., высоко оценивается деятельность индонезийской компартии, но не обходятся ее стратегические и тактические ошибки. При этом Губер анализирует происхождение ошибок в работе компартии — он усматривает их прежде всего в непреодоленном мелкобуржуазном влиянии. Книга «Индонезия» охватывает, следовательно, необычайно широкий круг проблем истории этой страны и по каждой из поднятых проблем содержит серьезные, основанные на богатом материале обобщения. Выход в свет этой работы был знаменательным событием в советском востоковедении. Она по сей день остается настольной книгой каждого специалиста по Индонезии. Позднее книга была издана также в Голландии² и завоевала признание за рубежом как первая марксистская работа такого рода.

Книга «Индонезия», таким образом, знаменовала собой начало поворота научных интересов Губера в сторону изучения истории. С середины 30-х годов и до конца жизненного пути исторические исследования становятся преобладающими в творчестве ученого. Но первоначальные занятия социально-экономическими проблемами современного Востока наложили неизгладимый отпечаток на все его последующие труды. Для них осталось характерным пристальное внимание к вопросам экономического развития и социальной структуры, глубокое понимание этого круга проблем, умение органично связать их с проблемами гражданской истории, с развитием идеологии и политической жизни, а также неизменно острое ощущение пульса современности даже в исследованиях, обращенных в далекое прошлое.

Выступив с работами по Индонезии (с 1928 г.), Индокитаю (с 1930 г.), Филиппинам (с 1932 г.), Губер положил в нашей стране начало систематическому изучению региона Юго-Восточ-

² A. Huber, S. Rutgers. Indonesië. Amsterdam, 1937.

ной Азии. Это сыграло очень важную роль в развитии советской востоковедческой науки. В области исследования Юго-Восточной Азии советские ученые не имели возможности опереться на труды своих дореволюционных предшественников — в России не сложилось традиции изучения этих стран (в отличие от Китая, Индии, стран мусульманского мира). На протяжении 1920-х годов в нашей периодической печати появилось лишь несколько статей, освещавших текущие политические события в районе Юго-Восточной Азии. Подлинным основоположником всестороннего научного изучения стран этого района явился Губер. Хотя на протяжении жизни круг его интересов непрерывно расширялся, охватывая все новые страны и новые проблемы, он до конца дней остался приверженным более всего к изучению Юго-Восточной Азии. В этой области Губер не только внес огромный вклад своими сочинениями, но и создал целую школу, вырастил многочисленную плеяду учеников.

Вторая половина 30-х годов и начало 40-х годов прошли для Губера в занятиях главным образом историей Филиппин. Он обратился прежде всего к периоду новой истории этой страны, к эпохе национально-освободительных войн против Испании и США на рубеже XIX и XX вв. в убеждении, что без правильного понимания событий этого бурного времени нельзя разобраться в специфике последующего развития Филиппин.

Первым подходом к этой теме была биография Хосе Рисаля³. Следует напомнить, что в годы, когда появилась эта книга, исследования по идеологии, по истории общественной мысли были крайней редкостью среди работ советских востоковедов. Впечатляющий рассказ о яркой и трагической жизни этого замечательного просветителя, убедительный анализ социальных корней и объективного исторического значения идей Рисаля составляют сами по себе большую заслугу. Но смысл данной работы существенно шире: сквозь призму судьбы Рисаля Губер сумел, сохраняя научно-популярный характер книги, наметить, пока еще в общем виде, сложные глубинные процессы, приведшие филиппинское общество к первой в истории Азии буржуазно-демократической антиимпериалистической революции.

Проблемы происхождения, классового содержания и исторического места филиппинских национально-освободительных войн, поставленные Губером в биографии Рисаля и в двух больших статьях⁴, были с блеском решены им спустя несколько лет в капитальной монографии⁵. Книга эта принадлежит, несомненно,

³ А. А. Губер, О. К. Рыковская. Хосе Рисаль. М., 1937 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

⁴ «К вопросу об истории филиппинской революции 1896—1898 гг.» — «Революционный Восток», 1936, № 5—6; 1937, № 1.

⁵ «Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм». М., 1948 г. В 1961 г. книга вышла вторым, исправленным и дополненным изданием. По проблематике к этой работе примыкают, кроме отмеченных

к выдающимся достижениям отечественного востоковедения. В мировой историографии Филиппин, богатой исследованиями по тому же периоду, работа Губера занимает совершенно особое место⁶. Не приходится говорить, что сочинение Губера прямо противостоит попыткам некоторых американских авторов исказить историю освободительной борьбы филиппинцев. Но и по сравнению с лучшими работами американских историков либерально-демократического направления и филиппинских историков современной националистической школы книга Губера выигрывает благодаря решению задачи, которую он сделал центральной для своего исследования: выяснения объективного социального содержания драматических событий 1896—1901 гг. Эта проблема находит в книге решение на основе обстоятельного анализа всех внутренних и международных сил, пришедших в столкновение на Филиппинах в последние годы XIX в. Губер начал с того, что сделал плодотворную попытку восстановить картину социального строя Филиппин до испанского завоевания, а затем выявил главные тенденции изменений в общественных отношениях за 300 лет. Это позволило ему показать реальную основу крестьянского движения, истоки его особых идеологических форм, происхождение двойственной политической позиции местных помещиков-касикив, роль национальной буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции в антиколониальной борьбе. Эффективным приемом, отражающим одну из специфических черт научного мышления Губера, явилось сопоставление развития филиппинского общества с положением в других странах Востока и в американских колониях Испании. При рассмотрении влияния международных противоречий на филиппинскую политику Испании Губеру удалось привлечь никем дотоле не использованные источники — дипломатическую переписку из Архива внешней политики России.

Выводы, к которым пришел Губер, по своему значению далеко выходят за рамки проблематики того короткого периода в истории Филиппин, который обозначен в заглавии книги. Исследование Губера не только позволило глубже понять всю последующую историю филиппинского народа, но и имело, несомненно, большое значение для разработки общей теории национально-освободительного движения. Работа эта до сих пор полностью сохраняет научное значение. Последующие исследования советских филиппинистов, получивших возможность использовать более широкий круг источников, дополнили рядом деталей нарисованную Губером картину, по-новому осветили некоторые вопросы, но основные положения монографии остались непоколебленными.

выше, статья «Филиппинская республика 1898 г. и ее борьба за международное признание» («Вопросы истории», 1946, № 5—6), доклад на XXIII Международном конгрессе востоковедов (1954 г.) и ряд других.

⁶ См. рецензии на эту книгу: «Вопросы истории», 1962, № 4; «Journal of modern history» (Chicago), March, 1950, № 1.

С середины 40-х годов профиль работ Губера несколько меняется, их проблематика обогащается: наряду с исследованиями по отдельным странам появляются, а затем и выходят на первое место исследования по таким общим проблемам востоковедения, как история Азии в ее совокупности, теоретические вопросы истории национально-освободительного движения (в масштабе не только Азии, но и «третьего мира» в целом), историографические вопросы.

В трудах Губера этого периода можно выделить ряд направлений.

Одно из них связано с изучением современности, интерес к которой у Губера никогда не угасал. К этому кругу работ относятся наряду со статьями о положении в Индонезии и Вьетнаме, написанными по горячим следам событий в 1945—1949 гг., несколько лекций и статей теоретического характера о послевоенном этапе кризиса колониальной системы, о ее распаде в глобальном масштабе⁷, а также два обобщающих доклада на международных научных конгрессах⁸. При рассмотрении всего комплекса этих работ обращает на себя внимание нарастающее с годами углубление авторского подхода — первые, довольно схематичные и не свободные от догматизма обобщения сменяются с середины 50-х годов более плодотворным творческим рассмотрением сложного взаимодействия международно-политических, социально-экономических и исторических факторов, обусловивших основные черты современного этапа национально-освободительного движения. Особенно значительны в этом отношении упомянутые доклады на международных конгрессах 1963 и 1965 гг., вызвавшие острый интерес зарубежных востоковедов.

Несколько своих работ Губер посвятил вопросам новейшей истории стран Востока. Одна из них носит обобщающий характер и дает оценку разностороннего влияния Великой Октябрьской социалистической революции на развитие освободительной борьбы народов Востока⁹. Три другие статьи этого рода посвящены проблемам новейшей истории Индонезии — страны, к которой

⁷ А. А. Губер. Кризис колониальной системы после второй мировой войны. М., 1947; *он же*. Кризис колониальной системы империализма и национально-освободительная борьба на современном этапе. М., 1954; *он же*. Глубоко и всесторонне изучать кризис и распад колониальной системы империализма.— «Советское востоковедение», 1956, № 3; *он же*. Обострение кризиса колониальной системы.— «Международная жизнь», 1957, № 12; *он же*. Особенности национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.— «Международная жизнь», 1959, № 3.

⁸ А. А. Губер. Тенденции развития национально-освободительной борьбы в Юго-Восточной Азии. М., 1963 (доклады делегации СССР на XXVI Международном конгрессе востоковедов); А. А. Губер, А. Ф. Миллер. Политические и экономические изменения в странах Азии и Африки в XX в. (доклад на XII Международном конгрессе историков).— «Народы Азии и Африки», 1965, № 6.

⁹ Введение к книге «Великий Октябрь и народы Востока». М., 1957.

Губер чувствовал особую привязанность и которой посвящено наибольшее число его сочинений. Среди этих трех работ по индонезийской истории должна быть прежде всего отмечена обширная статья «К вопросу об особенностях формирования классов и партий в колониальной Индонезии»¹⁰. Вскрытые Губером специфические черты классов традиционного индонезийского общества — феодалов, крестьянства и особенно становления классов капиталистических — буржуазии, мелкой буржуазии, пролетариата — позволили ему убедительно показать истоки основных политических течений, корни идеологии главных национальных партий и организаций (Буди Утомо, Сарекат Ислам, Национальная партия, Партиндо). Губер привлек в этой статье внимание к роли ислама в идейной консолидации индонезийского антиколониального движения, поставив тем самым важную общую проблему, не находившую до этого времени должного места в трудах востоковедов.

К данной статье примыкает работа Губера «В. И. Ленин и некоторые вопросы исторического развития Индонезии»¹¹, где основные проблемы индонезийской истории в новое и новейшее время рассматриваются в связи с рядом положений из ленинского теоретического наследия.

Важным шагом в изучении новейшей истории Индонезии была статья Губера «Основные особенности национально-освободительного движения в Индонезии до второй мировой войны»¹². В статье было, в частности, впервые уделено значительное внимание выдающейся роли мелкобуржуазной революционной демократии в индонезийском национальном движении, показаны специфические причины влияния этого общественного слоя на широкие трудовые массы. Большой удачей данной статьи является также рассмотрение важной политической роли интеллигенции в Индонезии. Губер предложил весьма интересную и убедительную группировку индонезийской интеллигенции на ряд категорий по социальному происхождению и идеологической ориентации.

Обращаясь к работам Губера по новой истории, следует прежде всего сказать, что именно этот период всемирно-исторического процесса издавна более всего интересовал ученого. Ему посвятил он значительное количество трудов и в рассматриваемые годы.

Из сводных работ назовем вузовский учебник «Новая история стран зарубежного Востока»¹³ и разделы по Индонезии, Вьетнаму и Филиппинам в трех коллективных учебниках новой истории Во-

¹⁰ «Вопросы новой и новейшей истории». Ученые записки кафедры новой истории Академии общественных наук при ЦК КПСС, вып. 33. М., 1958.

¹¹ «Ленин и Восток». Сборник. М., 1960.

¹² Вводная глава к коллективной работе: «Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1945)». М., 1970.

¹³ Написан в соавторстве с А. Н. Хейфецем (М., 1961).

стока (1940, 1952, 1971 гг.). Губер всегда очень серьезно и с увлечением относился к написанию учебников и к педагогической работе, которую он вел непрерывно с 1937 г. до конца своей жизни в качестве профессора исторического факультета МГУ, Московского городского педагогического института, Института восточных языков МГУ, Академии общественных наук. Излюбленным предметом преподавания была для него новая история стран Азии.

Одной из наиболее значительных обобщающих работ Губера по данной теме явилась статья «Русская революция 1905—1907 годов и пробуждение Азии»¹⁴. Характерной чертой этой работы является раскрытие взаимодействия внутренних социально-экономических и политико-идеологических процессов в странах Востока с внешними факторами — русско-японской войной и первой русской революцией.

Среди написанных в 60-х годах работ Губера по XIX в. заслуживают быть отмеченными предисловия к сборнику избранных сочинений Хосе Рисаля (1961) и к его роману «Не прикасайся ко мне» (1963). Вернувшись к личности героя одной из своих первых книг, Губер дает глубокую характеристику его взглядов, деятельности и исторической роли, используя новые материалы, впервые публиковавшиеся на русском языке к столетию со дня рождения Рисаля.

Большое место в научных интересах Губера занимала история международных отношений в Азии в новое время. Этому кругу проблем он посвятил несколько крупных исследований. Первым из них была статья «Международные отношения на Дальнем Востоке (1894—1904)»¹⁵ и соответствующие разделы в коллективном труде «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945)»¹⁶. История этого бурного, переломного времени — от японо-китайской до русско-японской войны — нашла в работе Губера четкое истолкование. Анализируя отношения между великими державами, Губер умело увязывает международные противоречия с освободительной антиколониальной борьбой народов Китая, Филиппин и других дальневосточных стран.

Много внимания уделил Губер руководству работой по выявлению и публикации относящихся к Юго-Восточной Азии материалов из русских архивов, особенно из Архива внешней политики России. Он выступил ответственным редактором трехтомной серии публикаций, явившейся результатом этой работы¹⁷,

¹⁴ Эта работа опубликована в двух вариантах: в кн.: «Большевики во главе первой русской революции» (М., 1956) и в кн.: «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение» (ч. 2. М., 1956).

¹⁵ «Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР», т. 4, 1947.

¹⁶ 1-е изд.— М., 1951; 2-е изд.— М., 1956.

¹⁷ «Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии, 60-е годы XVIII в.— 60-е годы XIX в.». Документы и материалы. М., 1962; «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение

и снабдил каждый том своим предисловием. В предисловии ко всей серии Губер рассмотрел те особенности внешней политики России, которые определили характер интереса русской дипломатии к региону Юго-Восточной Азии, а тем самым — характер и состав отложившихся в архивах документов. В совокупности три предисловия к архивным сборникам являются по существу законченным оригинальным исследованием Губера по истории международных отношений, колониальной политики и антиколониального движения в Юго-Восточной Азии с конца XVIII до начала XX в.

В сферу научных интересов Губера входила также новая история стран Латинской Америки. Объем его работ по этой тематике невелик, но в них поставлены существенные вопросы национально-го движения в испанских колониях. Одна из таких статей (см. «Новая и новейшая история», 1960, № 4) была посвящена 150-летию войны за независимость, другая («Исторический архив», 1961, № 3) — комментировала архивные документы о борьбе народа Кубы против агрессии США в 1898—1912 гг. В историографической статье («Новая и новейшая история», 1970, № 1) Губер дал высокую оценку вкладу советских ученых в изучение истории Латинской Америки начала XIX в.

Особо следует отметить историографические работы Губера. Историографические замечания, чаще всего полемического характера, встречаются почти во всех сочинениях Губера, но ряд работ он посвятил специально вопросам истории исторической (преимущественно востоковедной) науки. Первая была написана в 1942 г. Это «Изучение истории стран Востока в СССР за 25 лет»¹⁸.

Статья начинается с характеристики традиций дореволюционного русского востоковедения и отмечает сохранение ряда драгоценных черт этой традиции в деятельности ученых-востоковедов после 1917 г. Губер рассказывает о работе основных научных учреждений и журналов в данной области и о важнейших сочинениях ученых старшего поколения, составивших наиболее значительный вклад в науку, особенно выделяя труды В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, С. Ф. Ольденбурга, Б. Я. Владимирцева и др. Большое место в статье заняло рассмотрение процесса зарождения новой, советской школы востоковедения, взявшей ориентацию на изучение социально-экономических процессов, гражданской истории и современности. С большой долей энтузиазма оценены первые труды молодых одаренных энтузиастов, пришедших в ряды востоковедов в 1930-е годы.

К этой статье примыкают по содержанию написанные позднее

в Юго-Восточной Азии (1871—1917)». Документы и материалы, ч. 1. М., 1965; ч. 2. М., 1967.

¹⁸ «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». Сборник. М., 1942; сокращенный вариант статьи см.: «Исторический журнал», 1942, № 10.

Губером две работы об истории изучения Индии в Советском Союзе¹⁹. В них дается высокая оценка классической русской школы индологии, снискавшей себе мировую славу, и характеризуется то новое, что внесли в эту отрасль знания современные советские востоковеды. Следует специально отметить выступление Губера с письмом в редакцию журнала «Международная жизнь» (1956, № 3), в котором он высказал несогласие с отрицательной оценкой исторической роли М. Ганди, имевшей в то время распространение в советских исторических работах и учебных пособиях. Губер указал, что отрицание заслуг М. Ганди не позволяет понять происхождение огромного авторитета учения гандизма в Индии; он призвал советских индологов объективно исследовать историческую закономерность появления этого учения и ту позитивную роль, которую оно сыграло в борьбе индийского народа за независимость и демократию.

К работам Губера по советской историографии относятся также написанные им многочисленные рецензии: на труды В. Миросhevского²⁰, А. Миллера²¹, И. Майского²², В. Аварина²³, Г. Бондаревского²⁴, на коллективные труды по новейшей истории Индии²⁵, по новой и новейшей истории Мексики²⁶. Незыблительно доброжелательные, но критически строгие и нелицеприятные, эти рецензии не только помогали дальнейшей работе авторов, чьи произведения Губер анализировал, но и содействовали движению вперед соответствующей отрасли нашей исторической науки.

В области зарубежной историографии Губеру также принадлежит ряд небольших, но ценных работ. Наиболее значительной среди них является предисловие к переводу книги английского востоковеда Д. Холла «История Юго-Восточной Азии» (М., 1958). В предисловии дается сжатая, но четкая характеристика основных тенденций в западноевропейской историографии по Юго-Восточной Азии (преимущественно по Индонезии), причем отмечается, что в XIX в. чаще, чем в XX в., встречались исторические сочинения, объективно рисуящие колониальную политику и осуждающие ее. Работа Холла сопоставляется Губером с работами его предшественников, что позволяет выявить позитивные и негативные ее аспекты. Отметив богатство привлеченного и обобщенного Холлом фактического материала, Губер обращает-

¹⁹ «Изучение Индии в Советском Союзе». М., 1954 (брошюра, изданная на русск. и англ. яз.); «Изучение Индии в Советском Союзе». — «Вестник Академии наук СССР», 1955, № 7.

²⁰ «Вопросы истории», 1947, № 8—9.

²¹ «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1948, № 1.

²² «Вопросы истории», 1958, № 7.

²³ «Мировая экономика и международные отношения», 1958, № 6.

²⁴ «Народы Азии и Африки», 1969, № 1.

²⁵ «Вопросы истории», 1960, № 10.

²⁶ «Новая и новейшая история», 1961, № 1.

ся к автору с рядом серьезных упреков и претензий. Он покаяет, что Холл игнорировал исследования, приведенные современными индонезийскими и вьетнамскими историками, не уделил должного места ряду народных движений, обелил британскую колониальную политику сравнительно с политикой других держав. Предисловие Губера выливается, таким образом, в развернутую критику некоторых типичных пороков западного востоковедения.

Серьезное историографическое значение имеют рецензии Губера на работы зарубежных востоковедов, особенно голландских — Петрюса Блумбергера²⁷, Лохайса²⁸, Де Кат Анхелино²⁹, Схельтема³⁰. Губер в этих рецензиях с большой страстью и со знанием дела полемизирует против предвзятой интерпретации социально-экономических процессов и политических событий в Индонезии. Вместе с тем он в ряде случаев отмечает положительный вклад в науку, который можно выявить в трудах также и тех ученых, общая позиция которых в рецензии отвергается. С этой точки зрения обращает на себя внимание небольшой некролог, который Губер посвятил английскому историку Ч. Уэбстеру³¹. Не скрывая принципиальных расхождений со скончавшимся ученым, Губер отдал должное его выдающимся научным заслугам и его вкладу в дело международного сотрудничества историков. В несколько ином тоне выдержан некролог, посвященный голландскому историку-коммунисту С. Рутгерсу³², с которым Губера связывала многолетняя дружба и совместная работа. На немногих страницах с большой теплотой воссоздан облик передового ученого-востоковеда, преданного друга Советской страны.

Для истории востоковедения и исторической науки важное значение имеют несколько статей Губера о различных международных научных конгрессах и встречах, в которых он принимал участие.

Как известно, Губер много сделал для развития международных контактов советских востоковедов и историков. Особенно большие усилия в этом направлении предпринимал он, заняв в 1957 г. пост председателя Национального комитета историков СССР. После возвращения с каждой международной встречи ученых Губер, как правило, выступал в научной печати с итоговой статьей. Каждая такая статья (их насчитывается 17) содержит обзор основных выявившихся точек зрения и научных направлений, излагает позицию советских представителей. В совокупности эти статьи содержат богатый материал, помогающий

²⁷ «Революционный Восток», 1931, № 9—10.

²⁸ Там же, 1932, № 2.

²⁹ Там же, 1934, № 5.

³⁰ Там же, № 2.

³¹ «Новая и новейшая история», 1961, № 6.

³² «Несколько слов о друге». — «Исторический архив», 1962, № 1.

воссоздать картину противоречивого развития мировой исторической науки и востоковедения в 50-е—60-е годы XX в. Последняя статья этого ряда посвящена итогам XIII Международного конгресса исторических наук, состоявшегося в Москве в 1970 г.³³, — того конгресса, на котором Губер был избран на высокий пост президента Международного комитета исторических наук. Этой статье было суждено стать последней работой Губера, появившейся в печати.

Имя Александра Андреевича Губера сохранится в истории отечественной и мировой науки.

³³ «Вопросы истории», 1971, № 6.

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
П. П. ЩЕГОЛЕВА
(1903—1936)**

А. И. Молок

Среди советских историков, специалистов по новой истории стран Западной Европы, начавших свою деятельность в 20-х годах XX в., видное место принадлежит профессору Павлу Павловичу Щеголеву — превосходному лектору, автору талантливых исследований, до сих пор не утративших своего значения. Щеголев прожил недолгую жизнь и все же внес заметный вклад в разработку многих важных исторических проблем (особенно из истории социалистических идей).

Павел Павлович Щеголев родился в Петербурге 10 июня 1903 г. Внук крестьянина Воронежской губернии Елисея Никифоровича Щеголева, он был единственным сыном известного литературоведа (пушкиниста) и историка русского революционного движения, редактора журнала «Былое» Павла Елисеевича Щеголева и его жены, артистки Александринского театра Валентины Андреевны Богуславской. Получив прекрасное воспитание в семье, где бывали многие видные писатели, ученые, художники, артисты, Павел Павлович в 1919 г. окончил среднюю школу (бывш. гимназию Мая). В том же году 16-летним юношей он поступил на историческое отделение факультета общественных наук Петроградского государственного университета. Здесь он слушал лекции и занимался в семинарах (по просветительной философии XVIII в., по Великой французской буржуазной революции, по истории международных отношений конца XVIII — начала XIX в.) у таких выдающихся ученых, как Е. В. Тарле и Н. И. Кареев. Занимался он также у приват-доцента Б. Б. Беккера (в его семинаре по истории Парижской Коммуны 1871 г.). Еще будучи студентом, Щеголев выделялся большой начитанностью, широтой кругозора, незаурядными способностями. В январе 1923 г. он окончил университет и был оставлен при нем в качестве научного сотрудника II разряда исследовательского Исторического института. После упразднения этого института Щеголев был утвержден научным сотрудником факультета общественных наук университета.

С осени 1924 г. Щеголев начал преподавательскую работу

по истории стран Запада на общественно-педагогическом отделении университета, а с осени 1925 г. — на факультете языка и материальной культуры (Ямфак) — в качестве доцента. Одновременно он вел занятия по курсу новой истории в Коммунистическом университете, читал лекции в Военно-инженерной академии, в губернской школе профдвижения, где состоял председателем предметной комиссии.

Преподавательскую деятельность Щеголев сочетал с работой в научно-исследовательских учреждениях. С 1927 г. он являлся действительным членом Института по изучению методологии марксизма (одно время этот институт назывался Ленинградским институтом марксизма). В том же году он был зачислен научным сотрудником I разряда и секретарем секции всеобщей истории Ленинградского отделения Научно-исследовательского института истории РАНИИОН¹.

Выйдя из среды дореволюционной русской интеллигенции и получив подготовку под руководством представителей старой, буржуазной профессуры, Щеголев не остался на позициях своих учителей. Большую роль в этом сыграло то, что он рано приобщился к работе советских исследовательских учреждений, начал преподавательскую работу в высших учебных заведениях Ленинграда, преобразованных социалистической революцией.

Рано началась и литературная деятельность Щеголева. Первые его печатные работы — рецензии и заметки о новых книгах — стали появляться в исторических журналах, когда их автору едва исполнилось 20 лет. Печататься он начал в журнале всеобщей истории «Анналы», издававшемся в Петрограде под редакцией академика Ф. И. Успенского и члена-корреспондента Е. В. Тарле. В третьем выпуске этого журнала, вышедшем в свет в 1923 г., была опубликована рецензия Щеголева на монографию немецкого историка Г. Майера о молодых годах Ф. Энгельса (1820—1851 гг.), вышедшую в свет в 1920 г. Рецензент подчеркивал, что Майер использовал массу неизданных документов, подверг их научному анализу, дал яркое повествование о личной жизни ближайшего соратника К. Маркса, не оставив без внимания «того социально-политического фона, на котором разворачиваются главнейшие события этой жизни»².

В другом выпуске «Анналов», за 1924 г., была напечатана заметка Павла Павловича о первом томе Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедшем в свет в 1923 г. под редакцией и с примечаниями Д. Б. Рязанова (в этот том вошли статьи и письма за 1837—1844 гг.). Отмечая крупное научное и общественное значение этого первого русского издания сочинений великих основоположников научного социализма, ре-

¹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 236 (П. П. Щеголев), оп. 1, д. 100.

² П. П. Щеголев. Молодость Фридриха Энгельса.— «Анналы», III. Пг., 1923. стр. 271—272.

цензент оговаривал, что оно не «претендует на исчерпывающую полноту», и приводил слова редактора о том, что издание полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке пока невыполнимо. «Настоящий том,— указывал автор заметки,— окажется, конечно, совершенно незаменимым для всякого, кто пожелает заняться юным Марксом и проследить самые глубокие корни его мировоззрения». Большим шагом вперед в реализации этой задачи явилось второе издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, в котором их переписка занимает несколько томов.

В той же заметке Щеголев останавливался на сборнике писем К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедшем в свет в том же 1923 г. под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями В. В. Адоратского. Отмечая ценность этого сборника, мысль о создании которого принадлежала В. И. Ленину, рецензент справедливо писал, что «самый сборник, построенный по типу хрестоматии, конечно, не исчерпывает задачи систематического подбора и перевода всей переписки Маркса и Энгельса...»³

Как широки уже тогда были научные интересы и знания молодого историка, показывает тот факт, что он мог одновременно писать о столь различных сюжетах, как издание писем и трудов классиков марксизма и публикация переписки Вильгельма II с Николаем II.

Подробно анализируя содержание этой переписки, изданной в 1923 г. с предисловием М. Н. Покровского, Щеголев указывал, что она является важным источником для изучения дипломатической истории конца XIX и начала XX в., особенно для понимания русско-германских отношений. В рецензии прослежена эволюция этих отношений, поскольку она отразилась в письмах последнего русского и последнего германского императоров. Характеризуя личности обоих корреспондентов, автор обзора давал колоритное, запоминающееся изображение немецкого кайзера как человека и государственного деятеля: «Он всегда суетлив, всегда играет роль, всегда позирует. Начало подражания, театрализация жизни было развито у Вильгельма в высшей степени. Прибавьте к этому врожденное отсутствие всякого вкуса, склонность к дешевым, но трескучим эффектам, и вы поймете, что человек, ездивший в кирасе под белым бурнусом возлагать венок на могилу султана Саладина, не мог предложить для борьбы с революцией в 1905 г. ничего другого, кроме аляповато-лубочной инсценировки в «истинно-русском стиле». Приводя отрывок из письма, в котором Вильгельм излагал Николаю свой «план» борьбы с революцией в России, рецензент метко замечает: «Ко всей этой нелепой бутафории Вильгельм относился совершенно серьезно, он давал советы в

³ П. П. Щеголев. Новое издание писем и сочинений Маркса и Энгельса.— «Анналы», IV. Л.— М., 1924, стр. 283—285.

меру своего культурного развития и вообще в меру отпущенных ему от природы умственных способностей»⁴.

Откликаясь на новинки исторической литературы, Щеголев трудился вместе с тем над созданием собственных исследований. В 1927 г. вышла в свет его первая монография «Заговор Бабёфа», написанная на основе комплектов газеты «Трибуна народа» («Tribun du peuple»), брошюр и памфлетов, мемуарной литературы и других источников, имеющихся в Ленинградской публичной библиотеке. Книга эта была задумана и выполнена в широком плане. Жизнь, формирование общественных идей и революционная деятельность Бабёфа обрисованы в ней на фоне социально-экономического, политического и идеологического развития французского общества конца XVIII в., в тесной связи с ходом революционных событий 1789—1794 гг., с историей классовой борьбы в период термидорианской реакции и первых лет Директории⁵.

Книга получила высокую оценку в нашей историографии. Н. М. Лукин писал, что работа Щеголева основана на тщательном изучении источников, что в ней обстоятельно выяснен вопрос о том, «как складывались теоретические воззрения Бабёфа», что вместе с тем «в работе дается эволюция тактической (политической) позиции Бабёфа». «В общем,— резюмировал свою оценку этого труда Лукин,— книжка Щеголева является ценным вкладом в марксистскую литературу о Бабёфе»⁶. Весьма положительную оценку дал работе Щеголева и другой советский историк, Я. М. Захер, который заканчивал свой анализ заключением, что она призвана «занять достойное место в ряду марксистских научных работ по истории социализма»⁷.

Несмотря на то, что за протекшие с тех пор десятилетия советские и зарубежные историки создали ряд новых интересных исследований на эту тему, уточнивших многое в жизни, в идейном развитии и в революционной деятельности Бабёфа, книга Щеголева — первый крупный марксистский труд по этому важному вопросу — не потеряла своего значения до сих пор. «Исследование П. П. Щеголева «Заговор Бабёфа» — первый капитальный труд советской историографии в области изучения бабувистского движения», — указывают в статье, опубликованной в 1964 г., В. А. Дунаевский и Б. Ф. Поршнев⁸.

⁴ П. П. Щеголев. Переписка Вильгельма II с Николаем II.— «Анналы», IV, стр. 304—309.

⁵ П. П. Щеголев. Заговор Бабёфа. Л., 1927.

⁶ Н. Лукин. Великая французская революция в работах советских историков.— «Историк-марксист», 1927, № 5, стр. 203.

⁷ «Историк-марксист», 1927, № 4, стр. 256.

⁸ В. А. Дунаевский, Б. Ф. Поршнев. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963).— «История социалистических учений». Сборник статей памяти академика В. П. Волгина. М., 1964, стр. 37.

И все же в этой ярко написанной книге имеется ряд довольно существенных методологических недостатков. Так, характеризуя экономику предреволюционной Франции, автор видел в ней образец, характерный для страны с мелким ремесленным производством, между тем как в действительности Франция находилась тогда на мануфактурной стадии промышленного капитализма. Неправильными были и некоторые суждения Щеголева о политической позиции Бабёфа до 1794 г. и в первые месяцы после падения якобинской диктатуры. Неверным было утверждение автора, что в первые месяцы после переворота 9 термидора Бабёф выступал «банальным антиякобинцем». Нельзя согласиться и с выводом, что вопросом о положении рабочего класса Бабёф стал интересоваться только к концу термидорианской реакции. На самом деле Бабёф, как показали позднейшие исследования, уделял большое внимание защите интересов «неимущего класса», «бедняка и рабочего» еще в первые годы революции.

Недостатки, встречающиеся в работе Щеголева, объясняются еще и тем, что он не использовал таких важных источников, как неизданные рукописные документы личного архива Бабёфа из фондов Института марксизма-ленинизма⁹.

Почти одновременно с выходом в свет книги Щеголева о Бабёфе в печати появилась его статья¹⁰, в которой на основе изучения большого количества источников было сделано немало интересных (хотя в ряде случаев и ошибочных) наблюдений по поводу экономической политики термидорианцев.

Летом 1928 г. Щеголев был направлен Народным комиссариатом просвещения в научную командировку в Париж. Он пробыл там два с половиной месяца, занимаясь в Национальной библиотеке и в Национальном архиве изучением архивных и печатных источников по истории классовой борьбы во Франции в период термидорианской реакции и во время Директории. Пребывание во французской столице, ознакомление с ее художественными ценностями (в Лувре он побывал шесть раз) и историческими достопримечательностями («Стеной федератов» на кладбище Пер-Пашез, Музеем Карнавале, Домом инвалидов и др.), знакомство с французскими учеными обогатили его новыми впечатлениями,

⁹ Изучением этих документов занялся впоследствии В. М. Далин, создавший на этой основе ряд интересных исследований, из которых составилась потом его монография (*В. М. Далин. Грах Бабёф во время Великой французской революции (1789—1794)*. М., 1963). В этой монографии исправлены фактические неточности, встречающиеся в книге Щеголева и в других прежних работах о Бабёфе, по-новому поставлен вопрос о времени складывания его коммунистических взглядов, доказано, что они зародились в основном еще до революции, хотя окончательно оформились под влиянием классовой борьбы в период революции.

¹⁰ *П. П. Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции.* — «Историк-марксист», 1927, № 4; см. также: «История и историки. Историография всеобщей истории». М., 1966, стр. 71.

способствовали углублению и расширению его научных интересов.

Первичная обработка собранных в Париже материалов позволила Щеголеву уже через несколько месяцев выступить на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (29 декабря 1928 г.) с докладом о «Заговоре равных». Незадолго до этого (осенью 1928 г.) он был принят в члены Общества историков-марксистов. В этом докладе была предпринята попытка проследить идейную и отчасти организационную связь между бабувистами, «бешеными» и некоторыми другими левыми группами. Вместе с тем докладчик пытался пересмотреть укоренившееся в литературе, но не вполне верное представление о движении Бабефа как об узком заговоре, совершенно не связанном будто бы с широкими плебейскими массами. В докладе и в заключительном слове по докладу были приведены новые фактические данные по этому вопросу, извлеченные из французских архивов¹¹. Доклад Щеголева вызвал большой интерес и оживленный обмен мнениями среди участников конференции. Выступавшие в прениях В. П. Волгин, Я. М. Захер, Г. С. Фридлянд, С. М. Моносов, К. П. Добролюбский, Г. С. Зайдель, Н. П. Фрейберг и другие отмечали свежесть и оригинальность постановки ряда проблем в докладе Щеголева, хотя некоторые из его выводов (о том, что бабувистское движение не было узким заговором, оторванным от трудящихся масс) встретили возражения¹².

Результатом дальнейшего изучения документальных источников по этой эпохе явилась книга Щеголева «После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции»¹³. Книга эта была издана в 1930 г. Институтом истории Ленинградского отделения Коммунистической Академии, старшим научным сотрудником которого Щеголев являлся в течение ряда лет. Особенную ценность представляет в этой монографии очерк «Конец максимума». Как известно, долгое время в исторической науке господствовала точка зрения (ее придерживался в свое время Е. В. Тарле), согласно которой система максимальных цен на предметы широкого потребления, установленная в период якобинской диктатуры, вызвала якобы всеобщее недовольство в стране, вследствие чего после переворота 9 термидора ни одного голоса не раздалось будто бы в защиту этого закона.

Тщательный анализ архивных и печатных источников (в частности, брошюр и памфлетов из библиотеки ИМЛ и из Парижской национальной библиотеки) привел Щеголева к обоснованному выводу, что такое мнение ошибочно, что система макси-

¹¹ «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.XII 1928 — 4.I 1929», т. II. М., 1930, стр. 158—166, 179—182.

¹² Там же, стр. 167—178.

¹³ *П. П. Щеголев. После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции.* Л., 1930; подробнее о ней см.: «История и историки». М., 1966, стр. 72—73.

мальных цен была отменена в результате острой классовой борьбы.

Главы той же книги, посвященные «жерминалю» и «прериалю», являются первым в советской исторической литературе специальным исследованием двух последних восстаний рабочего люда в период Французской буржуазной революции конца XVIII в. При этом в отличие от некоторых других исследователей, писавших об этих событиях, Щеголев на основе глубокого изучения источников убедительно доказал, что апрельское и майское восстания 1795 г. не были чисто стихийными, что им присуща была известная организованность, что среди руководителей этих выступлений были люди, принимавшие активное участие в революционном движении в предшествующий период. Среди них выделялся близкий впоследствии к бабувистам Ванек, выступивший в Конвенте 12 жерминаля с речью, в которой он призывал депутатов-якобинцев («последних монтаньяров») поддержать «людей 14 июля, 10 августа и 31 мая» и излагал требования восставшего народа¹⁴.

Большой научный интерес представляло указание Щеголева на то, что в первый день прериальского восстания на улицах Парижа раздавали № 32 газеты Бабёфа «Народный трибун», где доказывалась необходимость народного выступления и подачи петиции Конвенту (газета раздавалась вместе с прокламацией, излагавшей программу восстания). Это указание дополняется ссылкой на книгу Кабе «Народная история Французской революции» (1840), в которой рассказывалось (по-видимому, со слов бабувиста Буонарроти), что прериальским восстанием руководил повстанческий комитет, заседавший в Ратуше, а затем в Сент-Антуанском предместье¹⁵.

Обобщая все эти данные, Щеголев приходил к выводу, что «прериаль был подготовлен, организован и проигран как вооруженное восстание, возглавленное определенным политическим руководством»¹⁶. Оно состояло, добавлял автор, из представителей революционных группировок, выражавших стремления трудящихся масс, прежде всего рабочего класса. Рабочий класс явился движущей силой обоих выступлений, хотя в силу своей незрелости он «не смог оставить вопрос о власти, не смог придать своим экономическим требованиям классового, специфически пролетарского характера»¹⁷.

Весьма ценны в научном отношении и другие разделы книги. Особенно интересны страницы, посвященные публицистической деятельности Пьера-Жака-Мишеля Шалья — левого якобинца, редактора газеты «Друг народа». Шаль одним из первых среди ре-

¹⁴ П. П. Щеголев. После термидора, стр. 146, 148.

¹⁵ Там же, стр. 174—175.

¹⁶ Там же, стр. 163.

¹⁷ Там же, стр. 175.

волюционных деятелей того времени поставил вопрос о рабочем классе, о его активной роли в борьбе трудовых масс против «аристократии богатых»¹⁸.

С большим интересом читаются и страницы книги, посвященные анализу взглядов другого деятеля революции — Брута Манье. Редактор рукописной газеты «Демокрит», он явился автором плана восстания, чрезвычайно сильно напоминающего тот «акт восстания», который дважды был оглашен с трибуны Конвента в день 1 прериаля¹⁹.

Надо сказать, что французская буржуазная историография совершенно игнорировала и игнорирует до сих пор изучение взглядов и деятельности как Шала, так и Брута Манье²⁰.

Особо следует отметить, что, характеризуя политическую позицию Бабёфа в первые месяцы термидорианской реакции, Щеголев признал неточность данного им в свое время (в книге «Заговор Бабёфа») определения — «банальный антиякобинец». Но более точного определения этой позиции он не дал и ограничился указанием на то, что в Электоральном клубе, с которым тогда был связан Бабёф, сливались «разнородные и некогда враждовавшие элементы радикальной «плебейской» оппозиции»²¹.

Однако в оценке некоторых важных вопросов Щеголев и в этом своем труде остался на позиции, занятой им в статье 1927 г. Ссылаясь на нее, он писал в книге «После термидора»: «Наметившийся с весны 1794 г. поворот в экономической политике якобинцев в сторону сближения с купеческим капиталом и с имущей верхушкой деревни привел к значительным отступлениям от принципов закона 29 сентября 1793 г. и тем самым форсировал распад системы максимальных цен». К этому автор добавлял, что «с весны 1794 г.» якобинцы твердо ориентировались «на зажиточные слои городской и деревенской буржуазии». Правда, тут же говорилось, что «товарный максимум выполнял роль известной плотины против натиска спекулятивной горячки»²². Это верное положение находилось в противоречии с предыдущими выводами.

Ошибочные взгляды, высказывавшиеся Павлом Павловичем в 1927—1930 гг. по вопросу о политике якобинской диктатуры в последние месяцы ее существования и по вопросу о перевороте

¹⁸ П. П. Щеголев. После термидора, стр. 101—103.

¹⁹ Там же, стр. 172—174. Этому почти забытому деятелю Французской революции Щеголев посвятил отдельный этюд («Под знаменем марксизма», 1930, № 2).

²⁰ Лишь французские историки-марксисты Клод Пишуа и Жан Дотри опубликовали в 1958 г. в журнале «Annales de la Faculté des Lettres» (опране университета в Aix-en-Provence) статью «Le Conventional Chasles et ses idées démocratiques».

²¹ П. П. Щеголев. После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции, стр. 39. Признал он и ошибочность своей характеристики Электорального клуба (там же, стр. 109).

²² Там же, стр. 61.

9 термидора как поворотном моменте в истории Французской революции, были радикально пересмотрены им в феврале 1931 г. в его выступлении по докладу заместителя директора Ленинградского отделения Коммунистической Академии Г. С. Зайделя о научной деятельности Е. В. Тарле. Доклад этот был заслушан на конференции, организованной Институтом истории Ленинградского отделения Коммунистической Академии и Обществом историков марксистов.

В прениях по докладу Щеголев сделал ряд правильных критических замечаний по поводу некоторых фактических ошибок и обобщений, встречающихся в отдельных работах Тарле.

Впрочем, большую часть своего выступления Щеголев посвятил критике собственных ошибок. Еще раньше, осенью 1930 г., обсуждение трудов Е. В. Тарле и некоторых других историков состоялось в Обществе историков-марксистов, где были заслушаны выступления Н. М. Лукина, В. М. Далина, Ф. В. Потемкина и некоторых других ученых²³.

Обширная эрудиция Щеголева и широта его научных интересов позволяли ему наряду с разработкой проблем Великой французской революции XVIII в. успешно разрабатывать и многие другие исторические темы. Еще в студенческие годы он проявлял большой интерес к французской просветительной философии XVIII в. Одним из результатов его занятий этими вопросами явилась работа о Гельвеции, опубликованная в 1923 г.²⁴

В 1925 г. из-под пера Щеголева вышла статья «Очерки мировоззрения Ламеттри», к сожалению, оставшаяся неопубликованной. С докладом о взглядах этого философа-материалиста Щеголев выступил 16 ноября 1924 г. на заседании ленинградского «Научного общества марксистов», членом которого он стал незадолго до того.

О том, как хорошо разбирался Щеголев в проблемах английской буржуазной революции XVII в. и в развитии общественно-политических идей в Англии того времени, свидетельствовала его критическая статья о книге И. Л. Попова-Ленского «Лильбёрн и левеллеры» (1930). Автор этого труда недооценивал классовую основу религиозно-церковных и политических конфликтов той эпохи, активной роли народных масс. Эти методологические недостатки книг Попова-Ленского были вскрыты в рецензии Щеголева²⁵.

Большой интерес проявлял Щеголев и к истории чартистского движения. В начале 30-х годов им была написана небольшая книжка на эту тему, оставшаяся, впрочем, неизданной.

²³ «Проблемы марксизма», 1930, № 2(4); «Историк-марксист», 1931, № 21, стр. 44—86.

²⁴ П. П. Щеголев. К вопросу о социологических взглядах Гельвеция.— «Из далекого и близкого прошлого». Сборник этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева. Пг.— М., 1923, стр. 187—194.

²⁵ «Историк-марксист», 1930, № 16, стр. 186—191.

«Учение Маркса о первоначальном накоплении» — так был озаглавлен исследовательский этюд, подготовленный Щеголевым к 50-летию со дня смерти великого основоположника научного коммунизма и опубликованный в сборнике статей Государственной Академии истории материальной культуры²⁶. В статье этой, написанной с присущим автору литературным мастерством, всесторонне охарактеризовано учение К. Маркса о первоначальном накоплении и развитие этого учения В. И. Лениным; приведены яркие факты, иллюстрирующие этот исторический процесс; подвергнуты основательному критическому разбору извращения его сущности в буржуазной и социал-реформистской историографии; отмечены методологические ошибки, допущенные в этом вопросе некоторыми советскими историками, придерживавшимися ошибочной концепции «торгового капитализма». Боевой тон этой статьи делает ее чрезвычайно интересной и в настоящее время, когда в советской историографии ведется интенсивная наступательная борьба против реакционной буржуазной историографии. «Марксовское освещение конкретной аграрной истории, колониальной политики, истории «кровавого» законодательства, — резюмировал автор, — сохраняет свою основополагающую ценность. Вопреки Зомбарту здесь ничто не устарело, ничто не обветшало. Сотни томов, написанных присяжными историками буржуазии, канули в Лету. Кто помнит теперь обо всех этих Киссельбахах? Освещенная пламенем революционного пафоса, полная гнева и сарказма, 24-я глава в лабиринте сложнейших исторических фактов всегда останется Ариадниной нитью для каждого историка-марксиста»²⁷.

В центре внимания Щеголева и в эти годы продолжали стоять вопросы истории Франции конца XVIII в. В 1933 г. Щеголев выпустил в свет еще две работы о Бабёфе и бабувизме — книгу «Грахх Бабёф»²⁸ и статью «Маркс, Энгельс и Ленин о Бабёфе»²⁹. В этих работах, рассчитанных на широкий круг читателей, он вновь изложил свои взгляды по этому вопросу, сформулированные в книге «Заговор Бабёфа». При этом он пересмотрел свою прежнюю оценку позиции Бабёфа после падения якобинской диктатуры. Если первоначально, указывал автор, Бабёф «приветствовал падение Робеспьера» (хотя совсем по другим мотивам, чем организаторы переворота), то «отрезвление наступило очень скоро», и Бабёф пришел к выводу, что «народ по-прежнему находится под игом», что свержение якобинской диктатуры не принесло ему желанной свободы, а, наоборот, еще более ухудшило его положение³⁰.

²⁶ П. П. Щеголев. Учение Маркса о первоначальном накоплении. — «Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». М.—Л., 1934. Щеголев был в это время старшим научным сотрудником ГАИМК, куда перешел из ЛОКА.

²⁷ Там же, стр. 644.

²⁸ П. Щеголев. Грахх Бабёф. М., 1933 («Жизнь замечательных людей»).

²⁹ «Борьба классов», 1933, № 10.

³⁰ П. Щеголев. Грахх Бабёф, стр. 46.

Публицистический талант Щеголева отчетливо проявился в статьях на международные темы, с которыми он выступал время от времени в «Ленинградской правде» (под псевдонимом Л. Китаев). Написанные живо и ярко, они содержали верный анализ международных противоречий того времени и враждебных Советскому Союзу действий империалистических держав. Интересна статья «Из истории интервенций», опубликованная в 1929 г.³¹ Говоря об интервенции монархических держав Европы против революционной Франции конца XVIII в., автор описывал мужественную борьбу французского народа за свободу и независимость своей родины. С гордостью советского патриота писал он в той же работе о героических усилиях молодой Советской республики, о полном разгроме интервентов и белогвардейцев. Вышедшая в свет в период, когда империалистические державы усиливали подготовку новой агрессии против СССР, статья эта имела не только историко-познавательное, но и большое актуально-политическое значение³².

С большим увлечением занимаясь научно-исследовательской и литературной деятельностью, Щеголев продолжал вести и большую преподавательскую работу. В течение ряда лет он состоял профессором Ленинградского института литературы, филологии, истории (ЛИФЛИ), а с 1935 г.— еще и заведующим кафедрой истории средних веков. С осени 1934 г. он стал преподавать на кафедре новой истории восстановленного тогда исторического факультета Ленинградского государственного университета. Преподавал он и в некоторых других вузах Ленинграда.

Щеголев внес большой вклад в дело подготовки квалифицированных специалистов по всеобщей истории. Его лекции по новой истории и по истории позднего средневековья, глубоко содержательные и блестящие по форме, отличавшиеся одновременно и точностью изложения фактического материала, и интересными социологическими и философскими обобщениями, пользовались неизменным успехом у слушателей. Он был превосходным руководителем аспирантов и студентов, занимавшихся в его специальных семинарах (по истории английской революции XVII в., по французской просветительной философии XVIII в., по истории Великой французской буржуазной революции и др.).

До сих пор не утратил своего значения курс лекций, прочитанный Щеголевым на историческом факультете ЛИФЛИ в

³¹ «К десятилетию интервенции». Сборник статей. М.— Л., 1929.

³² О политической позиции Щеголева свидетельствует и подписанное им в апреле 1930 г. заявление группы научных работников и вузовских преподавателей, представленное во фракцию ВКП(б) Ленинградского областного бюро секции научных работников. В этом заявлении они выражали свою преданность делу строительства социализма в нашей стране, осуществляемого под руководством Коммунистической партии, и свою готовность «предоставить себя, свои силы и знания в распоряжение партии пролетариата» («Ленинградская правда», 29 апреля 1931 г.).

1934/35 уч. г. Этот курс, подготовленный к печати группой его друзей и ближайших товарищей по работе (под редакцией и с предисловием проф. О. Л. Вайнштейна), вышел в свет уже после смерти его автора³³.

Книга состояла из введения и 27 глав, в которых последовательно излагалась история стран Западной Европы, начиная с великих географических открытий и кончая экономическим и политическим состоянием Германии в первую половину XVIII в. Лекции содержали большой фактический материал, изложенный в живой, а местами и увлекательной форме. Большое внимание уделялось вопросам экономического развития и истории международных отношений. Автор широко использовал высказывания и оценки Маркса, Энгельса и Ленина.

Но наряду с крупными достоинствами курса Щеголева в работе имелись и определенные недостатки. Главным из них была неравномерность в изложении отдельных проблем и событий. Подробно (пожалуй, даже слишком) излагались реформационное движение в Европе и английская буржуазная революция. Зато Великая крестьянская война в Германии, Тридцатилетняя война и некоторые другие темы изложены были довольно бегло, почти конспективно.

Несомненной заслугой автора курса был творческий подход к решению ряда сложных исторических проблем, в частности вопроса о классе-гегемоне английской революции. Применяя ленинское положение о «дворянском периоде» в истории революционной борьбы к революции XVII в. в Англии, Щеголев доказывал, что в ходе этой революции — консервативной по своему характеру — не было такого момента, когда у власти стояла (прямо, непосредственно) буржуазия, что власть принадлежала тогда «новому дворянству» («джентри»), которое и являлось руководящей силой в дворянско-буржуазном блоке, возглавлявшем революцию. Подчеркивая этот вывод Щеголева, В. Г. Ревуненков указывает в статье (1970), что мнению Щеголева по этому вопросу расходится с господствующей в новейшей литературе точкой зрения, согласно которой гегемоном революции XVII в. в Англии была буржуазия, а «новое дворянство лишь шло за буржуазией», и что «оба эти класса совместно стояли у власти»³⁴. «Возможно, что П. П. Щеголеву была свойственна известная недооценка роли буржуазии, но в целом его подход к проблеме своеобразия английской революции представляется весьма плодотворным»³⁵. Нельзя не согласиться и с общим заключением

³³ П. П. Щеголев. Очерки из истории Западной Европы. XVI—XVII вв. Курс лекций. Л., 1938.

³⁴ В. Г. Ревуненков. В. И. Ленин и некоторые проблемы новой истории. — «Ленинизм — великое всепобеждающее учение миллионов». Тезисы к научно-теоретической конференции..., посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Л., 1970, стр. 252.

³⁵ Там же, стр. 260.

Ревуненкова, что ряд интересных наблюдений, сделанных в свое время Щеголевым из исторического опыта Англии середины XVII в., был, к сожалению, предан забвению позднейшей историографией.

Издание лекций Щеголева принесло большую пользу студенчеству, особенно в те годы, когда еще не существовало других оригинальных марксистских учебных пособий для высшей школы по данному периоду мировой истории.

Последними работами Щеголева, которых ему также не довелось увидеть в печати, были: вступительная статья к русскому переводу книги французского прогрессивного историка Жоржа Лефевра³⁶, рецензия на книгу другого французского историка, Альбера Матьева, «Директория»³⁷ и очерк жизни и деятельности Филиппо Буонарроти, автора знаменитой книги «Заговор для достижения равенства»³⁸.

Отмечая большие заслуги Лефевра, собравшего и впервые опубликовавшего в своей книге массу ценных документов по истории аграрного вопроса в период якобинской диктатуры (документы о положении и требованиях крестьянства), Щеголев подчеркивал верность основного вывода французского историка об ограниченности аграрной политики якобинцев, игнорировавших требования сельской бедноты, интересы сельскохозяйственных рабочих, мелких арендаторов, полоников. Материал, приведенный в книге Лефевра, писал в заключение Щеголев, решительно опровергает точку зрения представителя либерально-буржуазной историографии И. В. Лучицкого, который утверждал, что в результате аграрных преобразований этих лет «желания и требования крестьян были удовлетворены в полной мере»³⁹.

Вместе с тем Щеголев возражал против некоторых других выводов Лефевра — против его концепции особой, «крестьянской революции», направленной в равной степени и против феодализма, и против капитализма; критиковал он и данное в книге Лефевра идеалистическое объяснение причин пренебрежительного отношения якобинцев к требованиям беднейших слоев крестьянства⁴⁰.

В критической статье Щеголева о книге Матьева «Директория» вскрыты серьезные методологические недостатки этого труда видного французского историка, в более ранних работах которого, как отмечал в свое время Н. М. Лукин, заметно было некоторое приближение к марксизму⁴¹. Разбирая содержание этой кни-

³⁶ Ж. Лефевр. Аграрный вопрос в эпоху террора (1793—1794). Редакция и вступительная статья П. П. Щеголева. Л., 1936.

³⁷ Опубликована в «Историческом сборнике АН СССР» (М., 1936, № 5).

³⁸ Этот очерк был написан в качестве вступительной статьи к новому русскому изданию книги Буонарроти, подготовлявшемуся тогда к печати. Опубликован был в «Ученых записках ЛГУ» (1940, № 6).

³⁹ И. В. Лучицкий. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 гг. Киев, 1912, стр. 117.

⁴⁰ Ж. Лефевр. Указ. соч., стр. 17.

⁴¹ Н. М. Лукин. Альбер Матьева (1874—1932). — «Историк-марксист», 1932, № 3 (25), стр. 67.

ги, Щеголев приходил к выводу, что она представляет собой «шаг назад» по сравнению с известной монографией того же автора «Дороговизна жизни и социальное движение в эпоху террора» (1928) и с некоторыми другими его работами. ««Директория» Матьеза,— указывал Щеголев,— разворачивается во вполне традиционных рамках парламентской политической историографии. Вне поля зрения Матьеза осталось как раз то, что к эпохе Директории привлекает историка-марксиста, а именно глубокие процессы социально-экономического оформления послереволюционной Франции». Матьез прошел мимо этих процессов. Он не поставил проблемы формирования класса «новых богачей» и ограничился чисто бытовой его характеристикой. Оценка бабувизма, которую дал в этой книге Матьез, по существу ничем не отличается от того, что писали по этому вопросу реакционные историки⁴². Щеголев доказывал и несостоятельность попыток Матьеза представить «Заговор равных» как движение, совершенно не связанное якобы с трудящимися массами.

В рецензии приведены интересные выдержки из неизвестных документов, обнаруженных Щеголевым в Национальном архиве Франции и доказывающих, что жители рабочих предместий Парижа (вопреки легенде, созданной реакционными историками и поддержанной Матьезом) отнюдь не остались безучастными к аресту бабувистов, выразили им определенное сочувствие⁴³.

Особенностью Щеголева как человека и ученого был постоянный интерес ко всем явлениям культурной жизни — к литературе, философии, живописи, театру, кино. Велико было и его личное обаяние. Живой, наблюдательный, остроумный, он не замыкался в рамках своей научной специальности, в кругу своих ближайших товарищей по работе, а поддерживал дружеские связи с писателями, журналистами, литературоведами, искусствоведами.

Благодаря многогранности своих интересов и своей широкой образованности Щеголев мог успешно сочетать педагогическую и исследовательскую деятельность в области истории с обязанностями ученого секретаря методологического сектора Государственного Эрмитажа, с выступлениями в периодической печати, с чтением в Государственном техникуме печати лекций по истории зарубежной публицистики, с участием в редактировании мемуаров из истории Февральской революции 1917 г. и гражданской войны 1918—1921 гг. в России⁴⁴, с лекторской работой в Универ-

⁴² См. «Исторический сборник АН СССР», 1936, № 5, стр. 321.

⁴³ Там же, стр. 326.

⁴⁴ «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев». Редакция П. Е. Щеголева. Вступительные статьи Михаила Кольцова и Л. Китаева. Л. (изд. «Красная газета»), 1928; «Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров». Редакция П. Е. Щеголева. Предисловие Л. Китаева. Л. (изд. «Красная газета»), 1927; А. И. Деникин. Поход на Москву.— «Очерки русской сму-

ситете культуры Ленсовета. В последние годы жизни Щеголев с увлечением занимался также некоторыми специальными вопросами русской военной истории⁴⁵.

Безвременная смерть на 33-м году жизни, наступившая 13 января 1936 г. в результате тяжелой болезни и неудачной операции, оборвала полную напряженного творческого труда жизнь талантливого молодого ученого, не позволила ему полностью развернуть свои богатые дарования, осуществить многие свои научные замыслы.

Тридцать семь лет прошло со дня смерти П. П. Щеголева. За эти годы советская историческая наука достигла крупных успехов. Идеино-теоретический уровень ее значительно повысился. Выросли многочисленные кадры специалистов в различных областях истории. Создано большое количество ценных исследований и документальных публикаций по различным вопросам исторической науки, в частности по новой и новейшей истории стран Запада. Но не следует забывать, что серьезный вклад в развитие нашей науки внесло и то поколение историков, которое начало свою деятельность в 20-х годах и к которому принадлежал Павел Павлович Щеголев.

Память о нем живет среди советских историков, особенно среди его товарищей и учеников по историческому факультету Ленинградского университета⁴⁶. Недостатки и ошибки, встречающиеся в некоторых работах Щеголева, объясняются не столько его молодостью, сколько уровнем нашей исторической науки того времени — времени ее становления. Эти недостатки не могут заслонить крупных научных и литературных достоинств его трудов. Многие из них до сих пор остаются на вооружении советских ученых, используются ими в преподавательской работе.

ты». Редакция П. Е. Щеголева. Предисловие Л. Китаева. М. (изд. «Федерация»), 1928.

⁴⁵ В частности, историей русских гвардейских полков и их формой (*Ираклий Андроников*. «Я хочу рассказать вам...» Рассказы, портреты, очерки, статьи. М., 1962, стр. 60—61).

⁴⁶ *С. Н. Валк*. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — «Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук». Л., 1948, стр. 74—75; *В. В. Масродин*, *Н. Г. Сладкевич*, *А. А. Шилов*. Ленинградский университет (Краткий очерк). Л., 1957, стр. 62.

А. Л. ПОПОВ — ИСТОРИК ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. И. Мендельсон

Советские ученые всегда придавали большое значение изучению истории международных отношений. Среди советских историков, работавших в этой области, в 20-х — начале 40-х годов XX в. видное место принадлежало Александру Львовичу Попову. Научное наследство А. Л. Попова еще только начинает привлекать внимание историков¹. Вместе с тем творческий путь этого советского ученого — интересная страница в истории советской исторической науки.

А. Л. Попов родился 31 августа (12 сентября) 1888 г. в Варшаве в семье профессора медицины². Он учился на физико-математическом и историко-филологическом факультетах Петербургского университета. Среди тех, у кого он занимался, Попов называл проф. А. Е. Преснякова, приват-доцентов В. Н. Строева, Е. И. Тарасова, М. В. Ключкова. В 1911—1914 гг. будущий историк учился и одновременно работал в издательстве «Музей труда», участвуя в подготовке к печати материалов по вопросам профессиональной статистики и рабочей медицины.

Во время первой мировой империалистической войны Попов вел работу в организации межрайонцев. Он был членом Петербургского комитета и редколлегии журнала межрайонцев «Рабочие ведомости», выступая на его страницах под псевдонимом А. Кадабра³. В 1915 г. во время нелегальной поездки за границу Попов встречался в В. И. Лениным⁴.

¹ С. Н. Валк. Советская археография. М., 1948; В. И. Мендельсон. А. Л. Попов — архивист и археограф. — «Советские архивы», 1968, № 4; он же. Труды А. Л. Попова по истории международных отношений в Азии. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 1; он же. А. Л. Попов и его археографическое наследство. — «Археографический ежегодник за 1970 г.». М., 1971.

² См. личное дело историка (Архив АН СССР, ф. 411, оп. 21, д. 488) и черновик его автобиографии (Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (далее — ОРФИИ), ф. Б, разд. 3, оп. 3, д. 27).

³ «Пролетарская революция», 1924, № 2, стр. 124. Псевдоним А. Л. Попова нам указал Б. Г. Вебер, которому об этом рассказал много лет назад сам А. Л. Попов.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 63—64, 498; см. также А. Л. Попов (Н. Воробьев). Страница из воспоминаний о работе в «Междурайон-

После Февральской революции 1917 г. Попов вышел из межрайонной организации. В период между февралем и октябрём он работал в редакции «Известий армейского исполнительного комитета 5-й армии» в Двинске. Попов, как и многие другие представители интеллигенции, не сразу понял и не смог объективно оценить все значение первых мероприятий Советской власти. Это обстоятельство наложило свою печать на первую подготовленную историком книгу, «Октябрьский переворот. Факты и документы»⁵.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Попов работал в системе Главархива в Петрограде. В 1919—1920 гг. он был секретарем Костромского горисполкома, а затем заведующим информационным отделом Симбирского губпродкома и одновременно сотрудником Симбирского губернского архива, где занимался описанием материалов по истории крестьянского движения в губернии.

А. Л. Попов сыграл заметную роль в развитии исторической науки, музейном и архивном строительстве Азербайджана, куда он переехал осенью 1920 г. Он заведовал историко-революционным отделом Бакинского музея труда, был аспирантом и научным сотрудником кафедры русской истории в Бакинском университете и возглавил Государственный архив Азербайджана — орган, ведающий всем архивным фондом Азерб. ССР⁶.

Работая с 1923 г. в Москве, он как архивист-консультант Архива внешней политики (а с 1929 г. сотрудник Комиссии по изданию документов эпохи империализма) внес крупный вклад в организацию археографической работы при публикации дипломатических документов⁷. В марте 1935 г. Попов перешел на работу в Академию наук. После реорганизации учреждений Академии он стал старшим научным сотрудником Института истории. 15 июня 1935 г. Президиум Академии наук СССР присвоил Попову ученую степень кандидата исторических наук. В 1942 г. ему была присвоена степень доктора исторических наук (также без защиты). Скончался Попов 15 января 1943 г. в Ташкенте в возрасте 54 лет.

Свою научную деятельность Попов начал как историк революционного движения в Закавказье (в первую очередь в Азербайджане)⁸. Но уже в 1924 г. появляются первые работы Попова, посвященные истории международных отношений и внешней политике царской России — тематике, ставшей главной в его научном творчестве.

ке.— «Пролетарская революция», 1923, № 10, стр. 95—111. По воспоминаниям К. Юренева, А. Л. Попов передал организации межрайонцев значительную сумму на покупку типографии — 15—20 тыс. руб. («Пролетарская революция», 1924, № 2, стр. 114—118).

⁵ «Октябрьский переворот. Факты и документы». Пг., 1918.

⁶ ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 167, оп. 11, д. 1, лл. 44—50 (Рукопись А. Л. Попова «Общий обзор Центрального государственного архива АССР»); ОРФИИ, ф. Б, разд. 3, д. 27, л. 24.

⁷ «Советские архивы», 1968, № 4, стр. 39—40.

⁸ «Народы Азии и Африки», 1970, № 1, стр. 163—164.

В научном творчестве Попова как историка внешней политики России можно выделить два основных этапа. Первый из них охватывает 20-е — начало 30-х годов XX в. Уже в это время он был историком-исследователем и археографом, занимавшим в своих работах четкие классовые позиции. Вместе с тем это был период, когда Попов овладевал ленинским теоретическим наследством в области внешней политики. В трактовке Поповым отдельных проблем заметно известное влияние взглядов М. Н. Покровского. Однако это влияние прослеживается, как правило, не в его исследовательских работах, а в некоторых вводных очерках, которыми историк предварял свои публикации документов.

Начало 30-х годов знаменует наступление нового, второго этапа в научной деятельности Попова как историка внешней политики. Перед нами выступает уже вполне сложившийся историк-марксист. Расширился диапазон научных исследований Попова. Историк обратился к историографическим проблемам, ставил в своих работах методологические вопросы исторической науки, значительно больше внимания уделял изучению истории внешней политики России периода перехода к империализму и начал разрабатывать темы, связанные с внешней политикой царизма первой половины XIX в. Стремясь как можно глубже осветить вопрос о классовых основах внешней политики царизма, Попов значительно шире, чем в предшествующий период, использовал публицистику в качестве исторического источника.

Вместе с тем Попов испытывает ряд трудностей в своей работе. Во второй половине 30-х годов он имел меньше возможностей работать в архивах⁹. С 1936 по 1941 г. лишь одна публикация исторических источников была снабжена написанным Поповым предисловием¹⁰. Много времени и сил исследователь отдал критике взглядов Покровского на проблемы внешней политики России. Эта статья явилась наиболее крупной печатной работой Попова по вопросам внешней политики России (свыше 10 печатных листов)¹¹. Ее опубликование было фактом большого научного значения. Вместе с тем, характеризуя ошибки Покровского, Попов, по его собственным словам, не ставил своей задачей дать всестороннюю оценку работ Покровского по истории внешней политики России XIX в. и определение того места, какое они занимают в историографии.

Во второй период деятельности Попова ряд его работ и подготовленных им публикаций документов оставался в рукописях. Выступая в связи с подготовкой глав для многотомной истории

⁹ ОРФНИ, ф. Б, разд. 3, д. 16, л. 238; разд. 9, оп. 1, д. 10, лл. 5—6.

¹⁰ «Англия перед угрозой десанта Наполеона I (1801—1805 гг.)». — «Красный архив», 1941, т. 3.

¹¹ А. Л. Попов. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М. Н. Покровского. — «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». Сборник статей, ч. 2. М.—Л., 1940; «Народы Азии и Африки», 1970, № 1, стр. 168—169.

СССР, А. Л. Сидоров отмечал, что «все наши статьи 1937—1938 гг. отражают один общий недостаток, который, может быть, в значительной мере объясняется тем, что мы в институте поняли мысль о построении истории на большом фактическом материале в сторону некоторого пренебрежения к стороне некоторым образом общесоциологической»¹². Тенденция к недостаточному обобщению богатого фактического материала сказалась и на некоторых ранних вариантах глав Попова, написанных им для многотомной истории СССР¹³.

Вместе с тем именно в конце 30-х — начале 40-х годов Попов создал несколько прекрасных работ, ярко свидетельствующих о том, что в рассматриваемый период советская историческая наука развивалась и шла вперед.

В научном творчестве Попова в первый период его деятельности большое место занимала научно-публикаторская работа. В 1925—1930 гг. исследователь подготовил (сам и совместно с другими товарищами) 11 публикаций исторических документов. Все они характеризовали деятельность дипломатии буржуазных государств (царской России, в частности) в эпоху империализма (1900—1917 гг.)¹⁴. При этом четыре публикации (о восстании Ихэгуань, китайской революции 1911 г., младотурецкой революции 1908—1909 гг. и русско-монгольских отношениях накануне первой мировой войны) касаются национально-освободительного движения на Востоке в период довоенного империализма, показывают влияние этого движения на развитие международных отношений. Большая часть публикаций Попова является уникальной, они не вошли в последующие издания дипломатических документов.

Две публикации Попова были посвящены первой мировой войне. Они являлись самыми крупными советскими журнальными публикациями по дипломатической истории войны¹⁵. Одна публикация содержала материалы о международной обстановке, в которой развивалась русская революция в период между февралем и октябрём 1917 г.¹⁶

¹² ОРФНИ, ф. Б, разд. 9, оп. 1, д. 10, л. 64.

¹³ Там же, л. 70 и др.

¹⁴ Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г.— «Красный архив», 1926, т. 5; «Боксерское восстание».— Там же, т. 1; «Китайская революция 1911 г.».— Там же, т. 5; «Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.».— «Красный архив», 1925, т. 1—2; «Первая Балканская война».— «Красный архив», 1926, т. 2—3; «Турецкая революция 1908—1909 гг.».— «Красный архив», 1930, т. 1—2; «Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг.».— «Красный архив», 1929, т. 6; «В штабе адмирала Алексеева (Из дневника Е. А. Плансона)».— «Красный архив», 1930, т. 4—5.

¹⁵ Ставка и Министерство иностранных дел.— «Красный архив», 1928, т. 1—5; «Дневник Министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.».— Там же, т. 6; 1929, т. 1.

¹⁶ «Иностранные дипломаты о революции 1917 г.».— «Красный архив», 1927, т. 5.

В исследовательском плане Попова прежде всего привлекла проблема борьбы капиталистических государств за приобретение железнодорожных концессий и проведение железных дорог на территории колониальных и полуколониальных стран. Первым нашим историком, обратившим внимание на эту проблему, был М. П. Павлович¹⁷. Исследования Попова по этой тематике отличались от работ Павловича¹⁸. Попов избежал преувеличения значения металлургической промышленности и борьбы за железнодорожные и морские пути в политике империалистических держав, которое было свойственно работам Павловича. Попов в отличие от Павловича ограничился рассмотрением вопросов, связанных с железнодорожным соперничеством в Турции, Иране и Китае. Наконец, он привлек для освещения этих вопросов неопубликованные архивные материалы. Это позволило Попову наметить основные этапы и особенности политики царизма в железнодорожном вопросе в Иране и Турции в конце XIX — начале XX в., показать ее зависимость от международной обстановки, общего внешнеполитического курса самодержавия и тех возможностей, которыми располагало царское правительство. Он справедливо рассматривал железнодорожное соперничество в странах Востока как форму борьбы буржуазных государств за закабаление этих стран, за сферы влияния на их территории. Вместе с тем он подчеркивал, что в основе политики царизма лежало стремление не допустить постройки железных дорог как в Иране, так и в северной Причерноморской части Турции. Этот курс Попов правильно связывал с линией царской дипломатии на активную политику на Дальнем Востоке с одновременным «замораживанием» ближневосточной проблемы, с отсутствием у царского правительства необходимых материальных средств и русских капиталистов, располагавших достаточными капиталами для осуществления подобных проектов. Правящие круги царской России полагали, что проведение железнодорожных линий подрвет позиции царизма в Иране, облегчит доступ в страну более конкурентноспособных иностранных товаров. Попов отметил, что запретительная политика царизма в Иране молчаливо поддерживалась Великобританией, заинтересованной в сохранении своего господства в Южном Иране.

Попов показал, что накануне первой мировой войны царское правительство было вынуждено отказаться от своей запретительной политики и в Турции, и Иране. Эти решения он объяснял общим изменением международной обстановки: приходом к власти младотурок, исключительным по силе натиском зарубеж-

¹⁷ М. П. Павлович. Великие железнодорожные и морские пути будущего. СПб., 1913.

¹⁸ А. Л. Попов. Железнодорожное соперничество держав в Малой Азии.— «Новый Восток», 1925, № 1; он же. Страница из истории русской политики в Персии.— «Международная жизнь», 1924, № 4—5; он же. Англо-русское соперничество на путях Ирана.— «Новый Восток», 1926, № 12.

ных капиталистов на Турцию и их давлением на царское правительство, англо-русским сближением и усилением наступления Германии на Ближнем и Среднем Востоке. Он обратил внимание на участие русских банков и предпринимательских объединений в международных объединениях капиталистов, домогавшихся концессий на железнодорожные линии в Турции и Иране¹⁹. Этот интересный вопрос до сих пор не получил должного освещения в нашей исторической литературе.

Значение работ Попова по вопросам железнодорожного соперничества в странах Востока выходит за рамки той темы, которой они непосредственно посвящены. Это относится, в частности, к статьям о борьбе за железнодорожные концессии в Иране. Эти статьи являются вкладом в изучение вопросов англо-русских отношений и противоречий в странах Азии в эпоху перехода к империализму и в эпоху империализма. Разработка этой проблемы играла большую роль в творчестве историка в 20-е годы XX в.

Этой теме Попов касался в работе, посвященной русско-сиамским отношениям во второй половине XIX в.²⁰ Используя архивные материалы, он показал внутренние и международное положение Сиам, ожесточенную борьбу за господство в этой стране, развернувшуюся между Англией и Францией, стремление сиамской дипломатии использовать англо-французский антагонизм в своих интересах и добиться сближения с Россией с тем, чтобы найти в ней лишнюю точку опоры. Он наметил основные этапы русской политики в отношении Сиам, связал ее изменение в 90-х годах XIX в. с общей активизацией деятельности русской дипломатии на Дальнем Востоке, франко-русским сближением и обострением англо-русских противоречий.

Вопросы англо-русских противоречий рассматривались Поповым и в статье, характеризующей наступательную политику Великобритании в Центральной Азии в конце XIX — начале XX в. с ее основными направлениями, жестокий колониальный режим, установленный Англией в Индии, а также раскрывающей те экономические и политические причины, которые заставляли царское правительство интересоваться положением в Индии²¹.

Использование материалов неопубликованного досье, хранящегося в Архиве МИД, позволило Попову значительно глубже, чем его предшественникам, осветить вопросы, связанные с англо-русским соглашением 1899 г. о разделе сфер влияния в области железнодорожного строительства в Китае, показать роль Великобритании как инициатора этой империалистической сделки,

¹⁹ «Новый Восток», 1925, № 1, стр. 143; 1926, № 12, стр. 142—148.

²⁰ А. Л. Попов. К истории возникновения русско-сиамских отношений.— «Новый Восток», 1924, № 6.

²¹ А. Л. Попов. Британская политика в Индии и русско-индийские отношения 1897—1905 гг.— «Красный архив», 1926, т. 6.

стремление британских правящих кругов договориться с Россией не только по вопросам Дальнего, но и Ближнего Востока²².

Наконец, большая работа Попова была посвящена тибетскому узлу англо-русских противоречий начала XX в.²³ Мы не можем согласиться с точкой зрения Попова, полагавшего, что этот узел возник в период, «когда англо-русское соперничество было уже на ущербе»²⁴. Но в целом взгляды Попова на тибетский вопрос заслуживают внимания. Исследователь указал, что возникновение англо-русских противоречий по тибетскому вопросу было связано с непрестанной экспансией Великобритании в сторону Тибета. Попов справедливо отмечал, что царизм не мог быть защитником Тибета от посягательств Великобритании и что тибетский узел занимал значительно меньший удельный вес в системе англо-русских противоречий, чем другие вопросы. Историк показал, что англо-русские переговоры, результатом которых было вхождение России в Антанту, начались с обсуждения тибетского вопроса и быстро завершились соглашением, в котором эта проблема получила «типично империалистическое разрешение». Работа Попова насыщена ценным архивным материалом и может быть отнесена (вместе со статьями Л. Е. Берлина) к числу первых марксистских исследований по истории Тибета.

Наряду с исследованием конкретных проблем истории англо-русских отношений конца XIX — начала XX в. Попов поставил некоторые общие вопросы, связанные с этой темой. Он осветил вопрос о значении для царской России каждого из основных районов англо-русского соперничества на Среднем Востоке²⁵. Он убедительно обосновал положение о том, что царская Россия не помышляла о завоевании Индии, указав вместе с тем, что царская дипломатия рассчитывала использовать те трудности, которые испытывала Великобритания в Индии, в своих интересах. Нисколько не идеализируя империалистическую политику царизма в странах Востока, Попов показал захватнический характер политики Великобритании. Характеризуя англо-русское соглашение 1907 г. как империалистическое, Попов подчеркивал, что оно не повело к окончательному устранению противоречий между Россией и Англией, что Иран остался объектом англо-русского соперничества.

Со второй половины 20-х годов XX в. Попов начал разрабатывать некоторые проблемы дипломатической истории первой мировой войны. Первой его работой по этой тематике было небольшое сообщение об эпизоде в истории франко-русских

²² А. Л. Попов. Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899). — «Красный архив», 1927, т. 6.

²³ А. Л. Попов. Россия и Тибет. — «Новый Восток», 1927, № 18; 1928, № 20—21.

²⁴ «Новый Восток», 1927, № 18, стр. 102.

²⁵ Там же.

отношений — визите А. Тома и Вивиани в Россию в 1916 г. Эту поездку французских министров Попов объяснял тем, что нарастание экономических трудностей и политического кризиса в стране заставляло русский военный аппарат все чаще становиться глухим к требованиям французского верховного командования. В статье показана роль французских правых социалистов как проводников политики французского империализма, стремящегося заставить царское правительство максимально увеличить поставки пушечного мяса и подчинить свою стратегию интересам французского генерального штаба²⁶.

Затем Попов опубликовал статью о вступлении США в первую мировую войну²⁷. Историк исходил из того, что в 20-е годы XX в. США превратились в ведущую державу капиталистического мира. И деятельность дипломатии американского империализма в конце XIX — начале XX в. и во время войны он рассматривал как этапы в ее борьбе за достижение этой цели. Этим общим подходом и использованием архивных материалов русского дипломатического ведомства статья Попова выгодно отличалась от работы Покровского, написанной на ту же тему и опубликованной двумя годами позже²⁸. Последний, опираясь главным образом на материалы дневника Хауза, поставил перед собой более узкую задачу — показать, что с самого начала войны 1914 г. и в предвоенный период позицию США нельзя было назвать нейтральной. Причем в этой работе Покровский продолжал отстаивать свое ошибочное мнение о том, что война была развязана державами Антанты. Эту точку зрения Попов, если судить по его статье и последующим работам, не разделял. Ни Попов, ни Покровский не занимались специально историей США и в дальнейшем к разработке проблем внешней политики США не возвращались. Их работы относятся к числу первых попыток советских историков осветить внешнюю политику американского империализма рассматриваемого периода.

Основанная на архивных материалах и содержащая тексты многих неизвестных документов, статья Попова характеризовала политику царского правительства, направленную на установление контактов с чешской буржуазной эмиграцией в период первой мировой войны с целью использования чехов и словаков в войне против австро-германского блока и заполучения опоры ко времени, когда мог встать вопрос о послевоенном устройстве Европы²⁹. Небольшая работа историка была посвящена контрреволюционной

²⁶ А. Л. Попов. Вокруг поездки Вивиани и Тома.— «Красный архив», 1926, т. 2.

²⁷ А. Л. Попов. Вступление Америки в войну.— «Историк-марксист», 1928, № 7.

²⁸ М. Н. Покровский. Америка и война 1914 г.— «Историк-марксист», 1930, № 13, 15.

²⁹ А. Л. Попов. Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг.— «Красный архив», 1929, т. 2—3.

роли и деятельности дипломатического аппарата Временного правительства³⁰.

Попов опубликовал также статьи о помощи западноевропейского капитала царизму в 1905—1906 гг., о политике царизма в период Тайпинского движения в Китае, выступил рецензентом фундаментального труда Б. А. Романова «Россия в Манчжурии»³¹.

Таким образом, в 20-е годы в центре внимания Попова как исследователя стояли две основные проблемы — восточная политика царизма (в первую очередь вопросы, связанные с его участием в борьбе за железнодорожные концессии и англо-русским соперничеством в странах Азии) и дипломатическая история первой мировой войны. Используя широкий круг не известных до того читателю архивных материалов, Попов создал ряд интересных работ, сохраняющих свое значение до настоящего времени.

Второй период научной деятельности Попова охватывал 30-е — начало 40-х годов XX в. Издание документов по проблемам дипломатической предыстории и истории первой мировой войны, начатое Поповым еще в 20-е годы, теперь стало главным в его научно-публикаторской деятельности. Он был основным составителем и редактором I и VI томов «Международных отношений в эпоху империализма»³². Попов опубликовал также подборку документов из тогда еще неизданного VI тома, касающуюся дипломатии первых дней войны, борьбы за вовлечение в войну нейтральных, в первую очередь балканских, государств³³. Наконец, он руководил подготовкой XXI тома «Международных отношений в эпоху империализма», в котором содержались дипломатические документы, относящиеся к периоду балканских войн. Издание этого тома на русском языке не осуществилось в связи с началом Великой Отечественной войны. Нам удалось установить, что 1-й полутом этого труда вышел в Германии на немецком языке в 1942 г.³⁴

³⁰ А. Л. Попов. Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией.— «Красный архив», 1927, т. 1.

³¹ А. Л. Попов. Заем 1906 г. в донесениях русского посла в Париже.— «Красный архив», 1925, т. 4—5; *он же*. Царская дипломатия в период Тайпинского восстания.— «Красный архив», 1927, т. 2; *он же*. [рец. на кн. Б. А. Романова «Россия в Манчжурии» (Л., 1928)].— «Историк-марксист», 1929, № 14.

³² «Международные отношения в эпоху империализма». Серия 3, т. I (14 января — 13 марта 1914 г.). [М.], 1931; т. VI, ч. 1 (23 июля (5 августа) 1914 г.—1 ноября (19 октября) 1914 г.), ч. 2 (2 ноября (20 октября) 1914—13 января (31 декабря) 1915 г. [М.], 1935. Переведены на немецкий язык.

³³ «Первые дни мировой войны».— «Красный архив», 1934, т. 4—5.

³⁴ «Die internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus. Dokumente...» Reihe 3. Bd. 4, Halbband 1.18 October — 4 Dezember 1912. Berlin, 1942. История выхода этой книги такова: как известно, по соглашению с немецким Обществом по изучению Восточной Европы тома «Международных отношений в эпоху империализма» печатались в Германии одновременно на русском и немецком языках. По завершению работы над тем или иным томом его рукопись передавалась Обществу. Так было и

Другим направлением в научно-публикаторской деятельности Попова было издание документов о борьбе империалистов за господство на Востоке в доантантовский период. Попов ввел в научный оборот такие важнейшие материалы по истории империалистического соперничества на Среднем и Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в., как протоколы Особых совещаний по дальневосточным и персидским делам и инструкцию министра иностранных дел России гр. В. Н. Ламсдорфа посланнику в Тегеране А. Н. Шпейеру³⁵. Попов участвовал в подготовке к печати писем М. Н. Каткова Александру III³⁶.

Но не все подборы документов, подготовленные историком во второй период его деятельности, были напечатаны. Так, продолжая изучение источников, связанных с дальневосточным узлом империалистических противоречий, Попов в 1931 г. составил сборник документов, посвященный восстанию Ихтуань в Китае, объемом 18 печатных листов. Эта работа не была опубликована, и текст ее пока не разыскан³⁷. Попов совместно с Е. Штих говил подборку об армянском вопросе в 90-е годы XIX в.³⁸

Он намеревался поместить в журнале «Красный архив» материалы о Портсмутской конференции 1905 г. (отчет секретаря русской делегации Е. А. Плансона). Видимо, этот документ должен был быть напечатан в двух или нескольких номерах журнала. Просмотренные нами гранки³⁹ содержат часть текста отчета; в предисловии Попова ничего не говорится о том, что документ сохранился частично. Само предисловие интересно попыткой историка определить место источника среди других материалов Портсмутской конференции и позволяет на основе ссылок определить время его подготовки к печати (примерно 1932—1934 гг.). В середине 30-х годов Попов в составе группы советских историков подбирал материалы для обширной документаль-

с XXI томом, подготовленным Поповым при участии Б. Я. Галиной и Е. А. Штих (АВПР, ф. Комиссии по изданию документов эпохи империализма, оп. 910, д. 830, лл. 1—2; 17; д. 774, лл. 24—26). Том был издан О. Гетчем, немецким буржуазным историком, который руководил подготовкой к печати на немецком языке других томов серии и который после прихода фашистов к власти был снят с руководящих постов в Обществе по изучению Восточной Европы. О Гетче см. статью В. Бертольда в журнале историков ГДР («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1966, № 5), в которой отмечается, что после разгрома фашизма Гетч внес вклад в развитие прогрессивной немецкой историографии.

³⁵ «Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903)». — «Красный архив», 1932, т. 3; «Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны». — Там же, т. 4; «Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг.». — «Красный архив», 1933, т. 1.

³⁶ «М. Н. Катков и Александр III в 1886—1887 гг.». — «Красный архив», 1933, т. 3.

³⁷ См. договор от 13 июля 1930 г. (хранится у сына историка) и переписку (апрель 1931 — февраль 1932 г.), связанную с изданием этого сборника; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 3, д. 74, лл. 25—35.

³⁸ «Народы Азии и Африки», 1970, № 1, стр. 166—167.

³⁹ Хранятся в частном собрании вдовы А. Л. Сидорова — Г. В. Лебедевой.

ной публикации по истории завоевания Средней Азии. Этот труд издан не был, но собранные по теме документы были использованы Поповым в исследовательской работе⁴⁰.

В 30-е годы Попов большое внимание уделял изучению и пропаганде ленинского теоретического наследства по внешнеполитическим вопросам. Попов подчеркивал, что В. И. Ленин требовал отводить вопросам внешней политики должное место, соответствующее той роли, которую факторы внешнеполитического порядка играют в истории, и что В. И. Ленин резко возражал против трактовки явлений внешней политики под углом зрения самодовлеющего развития, против ее отрыва от классовой борьбы, от политики вообще. Попов отмечал, что при подходе к явлениям внешней политики следует руководствоваться требованиями марксистского диалектического метода об изучении всех сторон, всех связей и «опосредствований» предмета и уметь выделять особо самое существенное и подвергать его самостоятельному анализу, не забывая обо всей совокупности целого. Он обращал внимание на высказывания В. И. Ленина о необходимости проявить полную научную трезвость в анализе объективного положения вещей и о том, что интересы революционного пролетариата и объективная истина совпадают⁴¹.

В 30-е годы внимание советских историков привлекла богатая фактическим материалом работа американского специалиста-международника С. Фей о происхождении первой мировой войны⁴². В. М. Хвостов, А. С. Ерусалимский, Б. Г. Вебер и другие советские исследователи дали развернутый разбор концепции Фей, охарактеризовав его как представителя буржуазно-пацифистского направления в историографии первой мировой войны, отметили эклектизм, присущий взглядам Фей, и тенденциозность его концепции, его германофильство и стремление взвалить вину за возникновение первой мировой войны на «недемократические державы», т. е. на Россию и Австро-Венгрию⁴³.

Попов, дополнив характеристику этого историка новыми моментами, показал, что для методологии Фей характерны: 1) неумение отделить существенное и главное в данной проблеме от второстепенного и случайного; 2) неспособность диалектически подойти к фактам, боязнь сколько-нибудь широких обобщений и выводов из данных своего анализа, «ползучий эмпиризм»; 3) подмена социологического анализа причин возникновения войны психологическим; 4) опора исключительно на дипломатические ис-

⁴⁰ ОРФИИ, ф. Б, разд. 9, оп. 1, д. 10, лл. 5—6.

⁴¹ А. Л. Попов. Предисловие.— С. Фей. Происхождение мировой войны, т. 1. М.—Л., 1933, стр. 15; «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. 2, стр. 229.

⁴² С. Фей. Происхождение мировой войны. Предисловия А. Л. Попова и А. С. Ерусалимского, т. 1—2. М.—Л., 1933—1934.

⁴³ «Историк-марксист», 1930, № 18—19; 1931, № 22; 1934, № 4; «Мировое хозяйство и мировая политика», 1935, № 2 и др.

точники и не критическое отношение к ним, в результате чего Фей «не идет дальше поверхности описываемого им события дипломатической жизни». Попов отметил, что Фей недооценивал ведущую роль англо-германских противоречий в деле подготовки первой мировой войны, игнорировал роль США «в развитии империалистических противоречий предвоенного периода». Порочность концепции Фейя Попов видел и в том, что этот историк, подобно другим буржуазным авторам, не рассматривал ряд дипломатических и военных конфликтов из-за колоний, а также такие вопросы, как международное значение русско-японской войны, первой русской революции, революций в Турции, Иране, Китае, балканских войн, революционного движения в Европе⁴⁴. Эти наблюдения Попова, основанные на глубоком изучении ленинского наследства, имели несомненную ценность для советских историков-международников.

Значительный интерес представляет точка зрения Попова на особенности и пути развития русской дореволюционной буржуазно-помещичьей и народнической историографии по проблемам внешней политики России⁴⁵. Попов раскрыл классовый характер концепций по вопросам внешней политики России, распространенных в западноевропейской (преимущественно английской) историографии, показал их роль как орудия идеологического прикрытия экспансионистской политики Великобритании. Особое внимание он обратил на разоблачение распространенной в буржуазной историографии легенды о наступательном характере политики России и оборонительном характере политики Великобритании на Востоке⁴⁶.

Попов считал, что вопрос о создании марксистской концепции истории внешней политики России был поставлен борьбой русского пролетариата за революционное переустройство общества, необходимостью «дать марксистское теоретическое обоснование своих позиций в вопросах международной политики»⁴⁷.

В конце 20-х — начале 30-х годов XX в. советские ученые достигли значительных успехов в разработке проблем истории российского империализма. Прошли дискуссии об империализме в России. Это не могло не оказать влияния на историков-международников, в частности на Попова. И в своих работах начала 30-х годов он поставил ряд общих вопросов, касающихся внешней политики России в период перехода к империализму и в эпоху империализма. При этом он исходил из ленинской характеристики капитализма и империализма в России. Развитие капитализма в России вело к тесному переплетению интересов по-

⁴⁴ А. Л. Попов. Предисловие, стр. 3—17.

⁴⁵ «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. 2, стр. 210—218.

⁴⁶ Там же, стр. 220—225.

⁴⁷ Там же, стр. 227.

мещиков и буржуазии. Поэтому самодержавие как аппарат, сохранивший свою феодально-крепостническую природу, в своей внутренней и внешней политике учитывало интересы буржуазии⁴⁸. Внешнюю политику самодержавия Попов рассматривал как классовую политику. Касаясь этой проблемы применительно к 60—70-м годам XIX в., он указывал, что царизм выступал «во имя помещичьего землевладения, с одной стороны, во имя интересов растущей буржуазии — с другой, хотя в соответствии со своей классовой сущностью осуществлял эти задачи в порядке известной постепенности». Причем Попов подчеркивал, что эти интересы, «входя иногда в противоречия», в конечном счете «переплетались»⁴⁹.

С точки зрения Попова, политика царизма в эпоху зарождения империализма характеризовалась: 1) сугубой агрессивностью, которая была связана «с относительной экономической и исключительной политической отсталостью царской России». Попов полагал, что «царизм жить без побед, без расширения своих территорий не мог», что этот агрессивный характер внешней политики царизма обострялся всякий раз, когда обострялся внутренний политический кризис; 2) авантюризмом; 3) преобладанием военно-захватнических методов. По мнению Попова, в завоевательной политике царизм был склонен применять такие устаревшие способы, которые другими державами применялись 50—70 лет назад и уже давно были ими оставлены. Во всем этом, по его мнению, проявлялись господствующие во внешней политике царизма 80—90-х годов XIX в. военно-феодальные черты, причем они были присущи в первую очередь ближневосточной политике самодержавия⁵⁰. Конечно, внешняя политика царизма носила агрессивный, авантюристический характер; в своей политике самодержавие применяло методы военных захватов. Но эти же черты были присущи политике всех капиталистических держав в период раздела мира. Тезис Попова об особой агрессивности царизма в период бесконечных колониальных войн и военных тревог последней трети XIX в. был труднодоказуемым, но сама постановка вопроса о специфике внешней политики царизма представляется интересной.

В дальневосточной политике царизма накануне русско-японской войны Попов видел переплетение методов, свойственных империализму, с методами, присущими предшествующей эпохе (с преобладанием последних)⁵¹. Касаясь вопроса об особенностях политики царизма на Среднем Востоке, Попов считал, что изучению вопросов, связанных с политикой царизма в Иране и других

⁴⁸ «Красный архив», 1932, т. 3, стр. 36—39.

⁴⁹ «Авантюры русского царизма в Болгарии». М., 1935, стр. 188.

⁵⁰ «Красный архив», 1932, т. 3, стр. 39—44; ОРФНИ, ф. Б, разд. 3, д. 17, лл. 17—18, 25.

⁵¹ «Красный архив», 1932, т. 3, стр. 46—47.

участках Средней Азии⁵², не уделялось должного внимания. В результате среднеазиатский узел рассматривался в литературе как второстепенная проблема международных отношений. Недооценка значения этого вопроса, в частности персидской проблемы, вела «к затушевыванию той самостоятельной роли русского империализма, которая с особой выразительностью проявляется в истории царской политики именно на Среднем Востоке и именно в пре-дантавтовский период». Специфической чертой внешней политики царизма в этот период Попов считал переход от старых, докапиталистических методов «к более совершенным и сложным приемам, свойственным той эпохе развитого капитализма, когда явственно начинает проявляться роль нарождающегося финансового капитала». С развитием империализма в политике царизма в Иране старые методы сочетались с новыми методами проникновения. Живучесть старых методов Попов объяснял, руководствуясь положением В. И. Ленина о том, что империализму присуща реакция по всем линиям, а также связывал со спецификой русского военно-феодалного империализма. Наконец, Попов отмечал контрреволюционную роль британского империализма и царизма в период иранской революции 1905—1911 гг.⁵³

Освещая вопрос об особенностях внешней политики царизма, Попов неминуемо должен был ответить на вопрос о том, была ли внешняя политика России в эпоху империализма самостоятельной или это была политика страны, находящейся в полукOLONиальной зависимости от своих союзников. В начале 30-х годов XX в., подобно другим советским историкам, он считал, что положение о самостоятельном характере внешней политики России теоретически и политически неоспоримо⁵⁴. Архивные материалы показывают, что этой точке зрения он остался верен и в конце 30-х и в начале 40-х годов: Попов возражал против тезиса о том, что роль российского империализма сводилась скорее к роли агента и союзника более сильных империалистических объединений, чем самостоятельного и активного участника раздела сфер влияния⁵⁵.

В 30-х — начале 40-х годов Попов создал ряд серьезных работ, посвященных исследованию конкретных проблем внешней политики России. В одной из своих статей он попытался рассмотреть русскую политику на Ближнем Востоке в пореформенный период (конец 50-х — 70-е годы XIX в.). Попов наметил

⁵² «Термин «Средняя Азия» равнозначен у Попова в некоторых работах термину «Средний Восток».

⁵³ «Красный архив», 1932, т. 4, стр. 3—13.

⁵⁴ Там же, т. 3, стр. 41.

⁵⁵ ОРФНИ, ф. Б, разд. 3, д. 14, л. 3. Этот тезис Попова, изложенный в статье «Из истории Потсдамского соглашения», вызвал возражения рецензента Е. А. Адамова, придерживавшегося мнения о зависимом положении царизма и его внешней политики. Попов, если судить по его замечаниям на полях отзыва, не согласился с точкой зрения рецензента. Статья Попова опубликована не была (там же, д. 16, л. 232).

как бы три основных этапа в развитии внешнеполитической активности царизма на Дальнем Востоке между Крымской войной и русско-турецкой войной 1877—1878 гг.: 1) конец 50-х годов, связанный с попытками создать единый русско-французский фронт в ближневосточных делах; 2) начало — середина 60-х годов, характеризующиеся попытками создать Балканский блок; 3) конец 60-х — начало 70-х годов, особенностью которого была отмена ограничений, налагаемых на Россию Парижским трактатом, и попытки царизма проводить балканскую политику, опираясь на союз трех императоров и договоренность с Австрией⁵⁶. В трактовке вопросов, связанных с этими проблемами, в работах Попова имелись и недостатки, обусловленные в первую очередь состоянием изучения истории славянских стран. Балканский союз в его работах был показан как орудие России, а не как группировка, создание которой было столь же в интересах России, как и славянских народов. Ошибочно было мнение Попова о том, что Россия отказалась от поддержки Балканского союза во второй половине 60-х годов из-за его ненужности. Как известно, Балканский союз распался после убийства князя Михаила и прихода к власти сторонников австрийской ориентации.

Существенным вкладом в освещение внешней политики самодержавия в конце XIX — начале XX в., ее классового характера и отношения к ней буржуазии, взаимосвязи внешней и внутренней политики царизма и периодизации его дальневосточной политики, борьбы в правящих кругах царской России и происхождения русско-японской войны явились три статьи Попова 1934—1935 гг.⁵⁷ Они, как нам удалось установить, явились переработанными вариантами некоторых разделов неопубликованной монографии историка о русско-японской войне⁵⁸.

Внимание Попова привлекали также вопросы, связанные с провокационной политикой германского империализма на Дальнем Востоке накануне и в период русско-японской войны⁵⁹ и с нарастанием империалистических противоречий на Дальнем Востоке накануне первой мировой войны⁶⁰.

Во второй половине 30-х годов большой коллектив советских историков начал составление многотомной истории СССР. Работа над разделами для 6-го, 7-го и 8-го томов этого труда стала

⁵⁶ А. Л. Попов. Наступление царской России на Балканах. Восточный вопрос до русско-турецкой войны 1877—1878 гг.— «Авантюры русского царизма в Болгарии». М., 1935, стр. 177—225.

⁵⁷ А. Л. Попов. От Босфора к Тихому океану.— «Историк-марксист», 1934, № 3; он же. Дальневосточная политика царизма в 1894—1901 гг.— «Историк-марксист», 1935, № 11; он же. Кризис дальневосточной политики царизма.— Там же, № 12.

⁵⁸ Текст этой монографии обнаружен нами в ОРФНИИ (ф. Б, разд. 3, д. 17, лл. 1—214); см. также «Народы Азии и Африки», 1970, № 1, стр. 167—168.

⁵⁹ «Народы Азии и Африки», 1970, № 1, стр. 168.

⁶⁰ А. Л. Попов и Е. А. Штих. Дальний Восток накануне империалистической войны.— «Борьба классов», 1934, № 9.

основной научной работой Попова на ряд лет. Он написал главы о внешней политике России 1826—1847 гг., о Восточной войне 1853—1856 гг., о внешней политике России в 1856—1875 гг., о русско-турецкой войне 1877—1878 гг., о завоевании Средней Азии и внешней политике царизма в 1895—1903 гг. общим объемом в 30 печатных листов⁶¹. Специфической чертой некоторых из этих статей было то, что при отсутствии опубликованных материалов историк в необходимых случаях привлекал архивные данные. Так, он обратил внимание на такой ценный источник, как «Дневник Д. А. Милютина», и широко использовал его для освещения истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Раздел об истории завоевания Средней Азии был целиком основан на архивных данных. Ряд глав, написанных Поповым, был положительно оценен такими видными советскими историками, как Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, Б. А. Романов, С. А. Никитин⁶². Но большая их часть так и осталась в рукописях. Лишь в 1952 г. появился макет 7-го тома многотомной истории СССР, в который вошли разделы Попова о внешней политике России в 1856—1878 гг. (пересмотренный, исправленный и дополненный И. В. Козьменко) и об истории завоевания Средней Азии (дополненный М. К. Рожковой и А. С. Нифонтовым)⁶³.

Вопросам, связанным со среднеазиатской политикой царизма в XIX в., Попов, помимо главы для многотомной истории СССР, посвятил специально две крупные статьи, которые в совокупности представляли собой научную монографию⁶⁴. Этой темы он касался в некоторых других своих работах. Основанные на архивных источниках (АВПР и ЦГВИА), статьи Попова вводили в научный оборот много новых фактов и давали впервые в советской историографии научную марксистскую трактовку проблем, связанных с дипломатической предысторией и историей завоевания Средней Азии. Прежде всего он рассматривал среднеазиатскую политику царизма в тесной связи с его внутренней политикой, показывая влияние факторов внутривнутриполитического порядка на внешнеполитические акции царизма. Кроме того, Попов ставил вопрос о месте и удельном весе среднеазиатской проблемы среди других направлений внешней политики царизма, пытался раскрыть ее роль в системе внешней политики России. Наконец,

⁶¹ ОРФПИ, ф. Б, разд. 9, д. 3, 6, 124; разд. 17, д. 8 (б), 16. Причем отдельные главы сохранились в нескольких вариантах. Текст главы о внешней политике России в 1895—1903 гг. пока не разыскан. Подсчет объема написанных Поповым разделов сделан самим историком (там же, ф. Б, разд. 3, д. 27, л. 12).

⁶² ОРФПИ, ф. Б, разд. 17, д. 8 (в), лл. 2—6; разд. 9, оп. 1, д. 5, лл. 160—191.

⁶³ «История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894)», ч. 1. (Социально-экономическая и политическая история). [М], 1952, стр. 464—577, 671—739.

⁶⁴ А. Л. Попов. Борьба за среднеазиатский плацдарм.— «Исторические записки», т. 7; А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии.— «Исторические записки», т. 9.

Попов вскрывал зависимость форм и методов русской среднеазиатской политики от внешнеполитической конъюнктуры, складывающейся как в Европе, так и на Ближнем и Среднем Востоке, и от отношений, которые существовали внутри самой Средней Азии между среднеазиатскими ханствами и народами, им подвластными.

В своих статьях Попов давал периодизацию русской политики в Средней Азии в 30—70-е годы XIX в. Время с 30-х годов до начала 50-х годов XIX в. он характеризовал как период «мирной политики» и указывал, что с 50-х годов намечался переход к активной политике. Причем Попов считал, что этот переход завершился не сразу, что следует говорить о снижении активности среднеазиатской политики царизма в период Крымской войны, в первые годы реформ и польского восстания 1863 г.⁶⁵ Попов стремился раскрыть не только специфику каждого из периодов, но и общие черты, присущие им обоим. При этом некоторые выдвинутые им положения не представляются ныне бесспорными. Так, он считал, что царское правительство рассматривало Среднюю Азию «прежде всего как плацдарм, удобный для борьбы с Англией», и что даже во второй период «среднеазиатская политика царизма еще продолжала развиваться в плане ее функциональной зависимости от ближневосточных дел»⁶⁶. Сам Попов не приводил достаточно убедительных фактов в подтверждение этих тезисов. Вместе с тем, характеризуя общие черты обоих этапов, он правильно отмечал, что активизация политики России была тесно связана с усилением английской экспансии, шедшей из Индии⁶⁷. Он был прав также, указывая, что забота в развитии среднеазиатской торговли входила в систему политики царизма в этом регионе, но торговля не покрывала всех ее целей и служила в то же время удобной формой прикрытия этой политики⁶⁸.

Считая, что первый период характеризовался созданием «предпосылок для будущей активной политики»⁶⁹, Попов большое внимание уделял выявлению особенностей второго периода. Его наступление Попов связывал с новым этапом в истории страны, начавшимся после Крымской войны и крестьянской реформы 1861 г., и вскрывал причины, толкавшие царизм к проведению «активной политики». «Добиться военных успехов на среднеазиатском плацдарме» означало для царского правительства «дать реванш Англии после Севастополя, ...загладить свою вину перед «обществом» за Севастополь, ...примириться с ним, открыв перед военнотруженикам и чиновным дворянством новые перспективы

⁶⁵ «Исторические записки», т. 7, стр. 235; «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. 2, стр. 355.

⁶⁶ «Исторические записки», т. 9, стр. 199 (разрядка наша.— В. М.).

⁶⁷ Там же, т. 7, стр. 183; т. 9, стр. 201 и др.

⁶⁸ Там же, т. 7, стр. 183.

⁶⁹ Там же, стр. 234.

для приложения своих сил, подарив отечественной промышленности новый рынок сбыта и рынок сырья, дав вместе с тем помещикам-крепостникам в тяжелую для них годину испытания крепостнических устоев верную гарантию, путем завоевания внешнего рынка сохранить в стране возможный максимум феодальных привилегий»⁷⁰.

Попов указывал также на другие моменты, определявшие наступление России именно на среднеазиатском плацдарме. Это наступление не требовало больших бюджетных ассигнований в период, когда средства были нужны для проведения буржуазных реформ; к тому же первые операции «обещали оказаться даже рентабельными», обещали «сокращение пограничной черты, уменьшение численности пограничных войск... и выдвигание этой черты из районов малопродуктивных и бедных в местности, богатые продовольствием»⁷¹. Кроме того, в связи с гражданской войной в США резко повысилось значение вывоза среднеазиатского хлопка для русской текстильной промышленности. Завоевание Средней Азии значило, по словам Попова, «не только расширить внешний рынок для русской промышленности, но подарить ей такой рынок сырья, какой ей был особенно нужен в данный момент»⁷². Попов считал, что в системе мотивов среднеазиатской политики царизма имелись моменты, связанные с революционными ситуациями 60-х и конца 70-х годов XIX в.⁷³ В связи с этим Попов считал, что завоевание Средней Азии принесло царизму «гул славы», укрепило буржуазно-феодальный блок, на который опирался царизм, помогло «помещику-крепостнику зажать в руках розги и другие аксессуары его диктатуры»⁷⁴.

Характеризуя значение присоединения Средней Азии для ее экономического развития, Попов исходил из положения, что русский капитализм хотя и в грубых насильственных формах, но разрушал существующую в среднеазиатских странах патриархальную замкнутость⁷⁵. Не случайно, что работы Попова по истории завоевания Средней Азии высоко оценивались видными советскими историками⁷⁶.

Накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Попов планировал подготовить работу «Средняя Азия как плацдарм международной борьбы (от середины 90-х годов XIX в. по

⁷⁰ «Исторические записки», т. 9, стр. 207.

⁷¹ Там же, стр. 210.

⁷² Там же.

⁷³ «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. 2, стр. 319—320.

⁷⁴ «Историк-марксист», 1934, № 3, стр. 11.

⁷⁵ «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. 2, стр. 321.

⁷⁶ М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949, стр. 17, 390; Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1967, стр. 39.

1917 г.)». Сохранился ориентировочный план этой монографии, свидетельствующий о том, что Попов считал нужным, в частности, широко осветить вопросы, связанные с германской агрессией на Ближнем и Среднем Востоке⁷⁷. Реализовать этот замысел исследователь не успел.

К этому же периоду, по-видимому, относится и неопубликованная статья Попова о Потсдамском соглашении 1911 г.⁷⁸, которое он рассматривал как уступку царизма в персидском вопросе и как провал попыток Германии разбить Тройственное согласие, оторвав от него Россию. Причем, по мнению Попова, этот провал был обусловлен не полуколониальной зависимостью царизма от англо-французского империализма, а интересами господствующих классов, соотношением классовых сил в царской России, расстановкой сил на международной арене. Исследователь показал, что ориентация на разрыв с Антантой и сближение с Германией «поддерживалась сравнительно узкими и с течением времени все суживающимися, хотя и сохранившими свое политическое влияние, кругами старых сановников, группировавшихся на правом крыле Государственного совета», в верхних слоях царской бюрократии, «сохранявшей традиционные связи с прибалтийским баронством», частью помещиков, которые получили название «зубров», в аппарате Министерства внутренних дел, в придворных кругах, связанных «кровными узами с владельцами ряда германских старинных охотничьих замков», и, наконец, той частью представителей русских банковских кругов, которая была «связана с германскими банками»⁷⁹. Таким образом, Попов отметил, что ориентация на Германию поддерживалась «относительно узкими кругами», «которые жили политическими традициями далекого прошлого». Политике сохранения России в составе Антанты сочувствовала подавляющая часть русского «общественного мнения», в частности, «группы либеральной буржуазии», «октябристы», «умеренно правые». При этом «антантофильская волна» поднималась высоко, «доходя до бюрократических верхов и через отдельных членов царской семьи (царица-мать, вел. кн. Николай Михайлович) подступала к самому трону»⁸⁰. В целом взгляды Попова являлись шагом вперед в изучении истории Потсдамского соглашения. Не случайно Е. А. Адамов характеризовал его статью как очень интересную, распространяя это положение на все работы Попова о внешней политике России⁸¹.

⁷⁷ ОРФНИ, ф. Б, разд. 3, д. 16, лл. 229—230.

⁷⁸ Работа Попова под названием «К истории Потсдамского соглашения» была обнаружена нами (в двух вариантах вместе с отзывом на нее Е. А. Адамова) в Отделе рукописных фондов Института истории АН СССР. Она предназначалась для «Исторического журнала» (ОРФНИ, ф. Б, разд. 3, д. 14, лл. 1—26).

⁷⁹ Там же, лл. 4, 25.

⁸⁰ Там же, лл. 24—25.

⁸¹ Там же, д. 16, л. 231.

Наконец, Попов написал большую статью об истории России в период первой мировой войны. Эта работа предназначалась для X тома «Всемирной истории», который был подготовлен Институтом истории накануне Великой Отечественной войны. Текст статьи пока разыскать не удалось, но о содержании этой работы можно судить по отзывам видных советских историков, которые ее рецензировали⁸². Они указывали, что статья «очень интересная, содержательная, содержит богатый материал и написана хорошим литературным языком» (З. К. Эггерт), «написана живо и хорошо», «порой читается как роман» и после исправления недостатков «не только подойдет для тома, но и украсит его» (В. М. Хвостов). Рецензенты единодушно подчеркивали, что Попов подробно и всесторонне осветил вопросы, связанные с политикой царизма и буржуазии в 1914—1917 гг. Вместе с тем они указывали, что недостаточно раскрыты вопросы экономического положения России до и во время войны, советовали Попову углубить характеристику революционного движения в стране. Рецензенты упрекнули исследователя в том, что в его статье отсутствуют «два заговора» против революции. В связи с этим Попов написал на полях одного отзыва, что «их и не надо, так как их не было»⁸³. Это замечание историка кажется на первый взгляд парадоксальным. Ведь в статье Попова (на это указали рецензенты) изложены планы царского правительства заключить сепаратный мир с Германией и намерения буржуазно-помещичьих кругов в союзе с военными и дипломатией Антанты осуществить дворцовый переворот. Из вышеизложенного следует предположить, что Попов возражал против применения для оценки этих явлений термина «два заговора против революции». И если это так, то, по-нашему мнению, он был прав. Важно отметить, что В. И. Ленин термин «два заговора против революции» не употреблял и говорил об организации заговора против Николая Романова^{83а}.

Попов был автором нескольких ценных работ по теории, истории и практике археографической работы в СССР, не потерявших свое значение вплоть до настоящего времени⁸⁴. Он написал главу о внешней политике России 1856—1878 гг. для 2-го тома учебника по истории СССР для вузов, вышедшего в 1940 г.⁸⁵

В 1935 г. А. С. Ерусалимский писал, что Попов — «крупный специалист по истории внешней политики царской России», «один

⁸² Отзывы хранятся у В. А. Попова, сына историка.

⁸³ В другом отзыве слово «заговор» Поповым подчеркнуто и на полях поставлен вопросительный знак.

^{83а} См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 15—17.

⁸⁴ «Советские архивы», 1968, № 4, стр. 40; «Археографический ежегодник за 1970 г.». М., 1971, стр. 204 и др.

⁸⁵ «История СССР», т. 2 (Россия в XIX в.). М., 1940, стр. 515—536. Редактор тома М. В. Нечкина сочла возможным сохранить основной текст главы, написанной Поповым, в последующих изданиях учебника (1947 и 1954 гг.).

из самых лучших знатоков архивного материала», «хороший знаток русской журналистики и публицистики как исторических источников», один из «наиболее крупных специалистов по археографии в области дипломатической документации»⁸⁶. Научная деятельность Попова началась тогда, когда советская марксистская историография по истории международных отношений и внешней политики России находилась в процессе становления. Задачи создания марксистской истории дипломатии, научного изучения внешней политики России, борьбы с буржуазной идеологией и концепциями, распространенными в буржуазной историографии, властно требовали мобилизации источников.

В работе по изданию дипломатических документов, отвечающей насущным потребностям развития советской исторической науки, приняли участие такие видные советские историки, как М. Н. Покровский, Е. В. Тарле, В. М. Хвостов, А. С. Ерусалимский, Ф. А. Нотович, Е. А. Адамов, Б. А. Романов и другие. Среди них одно из первых мест по праву принадлежало Попову.

Не менее значительным представляется вклад Попова в исследование вопросов истории дипломатии. Он выступил пионером в разработке широкого круга проблем внешней политики России и международных отношений XIX — начала XX в. Руководящая работа в Архиве внешней политики и Комиссии по изданию документов эпохи империализма дала ему возможность значительно шире, чем многим другим историкам, использовать архивные материалы в своих трудах. Он был одним из первых советских историков, который привлек публицистику как источник для исследовательской работы по истории международных отношений. Его работам присущи глубокое проникновение в тему, методологическая выдержанность, солидная источниковедческая база. Он рассматривал внешнюю политику царизма как систему, компоненты которой тесно связаны и взаимодействуют друг с другом, раскрывал классовые основы внешней политики самодержавия, влияние на нее факторов внутреннего порядка, а также внешней политики на обстановку внутри страны. Мимо работ Попова не может пройти ни один историк, занимающийся проблемами периодизации внешней политики России. Он наряду с Б. А. Романовым может быть отнесен к числу наиболее крупных советских специалистов, разрабатывавших вопросы, связанные с восточной политикой царизма и империалистической борьбой в Азии. Работы и публикации Попова в этой области явились существенным вкладом в освещение поставленной В. И. Лениным проблемы о том, что «капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма» в Персии, Манчжурии, Монголии⁸⁷. Попов был историком-интернационалистом, занимавшим четкие классовые позиции

⁸⁶ Архив АН СССР, ф. 411, оп. 21, д. 488, л. 7.

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 318.

борьбы против разбоя всех без исключения империалистических государств (Англии, Германии, царской России, США, Японии, Франции); историк глубоко сочувствовал народам, угнетаемым империализмом; он верил в их грядущее и близкое освобождение. В его работах содержались интересные данные о деятельности дипломатии ряда стран Азии (Китая, Таиланда и Тибета), ее стремлении использовать противоречия между великими державами в борьбе против империалистической агрессии.

Попов был одним из первых советских историографов, выступивших с критикой антинаучных концепций по проблемам внешней политики России и международных отношений, распространенных в дореволюционной русской и зарубежной историографии. Все его научное творчество — публикация источников, исторические и историографические работы — направлено против европоцентристского подхода к проблемам истории международных отношений, характерного для современной ему буржуазной историографии.

В воспоминаниях товарищей по работе Попов рисуется как прекрасный человек и большой труженик, который в течение многих лет, будучи занят на работе днем, несмотря на болезнь, писал свои труды ночами⁸⁸. Конечно, с развитием советской исторической науки некоторые положения, содержащиеся в его работах, нуждаются в пересмотре. Но и ныне историки, обращаясь к его исследованиям, найдут в них интересные мысли и факты, отсутствующие в других трудах.

⁸⁸ «Правда Востока», 22 января 1943 г. Некролог подписан Б. Д. Грековым, Ю. В. Готье, В. И. Пичетой, Е. А. Косминским, М. В. Нечкиной, Е. Н. Кушевой и др. Своими воспоминаниями об А. Л. Попове с нами поделились Б. Г. Вебер, В. В. Альтман, Б. Я. Галина, Е. Н. Кушева, М. К. Рожкова.

ПЕРВЫЙ ТОМ
«ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»
С. М. СОЛОВЬЕВА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

А. Н. Цамутали (Ленинград)

Написанная С. М. Соловьевым «История России с древнейших времен» была крупнейшим событием в русской историографии 50—70-х годов XIX в. Однако этот капитальный труд получил признание большинства историков далеко не сразу. Выход в 1851 г. тома I «Истории России» вызвал много откликов, но далеко не все из них были благожелательными. В исторической литературе неоднократно упоминалась полемика, разгоревшаяся вокруг тома I труда Соловьева¹, однако более или менее подробного разбора высказываний, содержащихся в рецензиях на эту книгу, до сих пор не было. Настоящая статья и представляет собой попытку представить различные мнения, выдвинутые современниками при обсуждении тома I «Истории России» Соловьева.

Вскоре после выхода в свет тома I «Истории России» Соловьева на страницах различных изданий появились рецензии и отклики. С явным недоброжелательством он был встречен среди историков официально-охранительного направления, группировавшихся вокруг М. П. Погодина. Погодин, употребляя выражение его биографа, «вел лютую войну с родоначальниками новой исторической школы профессорами Московского университета Кавелиным и Соловьевым»². К последнему он относился с особой нетерпимостью. Неприязнь к своему преемнику по кафедре и предвзятое отношение к его работам появилось у Погодина еще в 1847 г., когда Соловьев защищал свою магистерскую диссертацию³. В глазах Погодина она представляла собою «ужас-

¹ О нападках на том I «Истории России» писал сам Соловьев в своих «Записках» («Записки Сергея Михайловича Соловьева». Изд-во «Прометей», [б. г.], [б. м.], стр. 146—148). Борьбы М. П. Погодина и его сторонников против С. М. Соловьева касался Н. П. Барсуков (*Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина*, т. 11. СПб., 1896, стр. 147—148). В книге I «Истории России с древнейших времен», изданной в 1959 г., краткая характеристика откликов на том I «Истории России» дана в статье: *Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк* (стр. 48—50) и в комментариях В. Т. Папуто (стр. 753—754).

² *Н. П. Барсуков. Указ. соч.*, т. 9, стр. 147.

³ Там же, т. 8, стр. 93—95.

ный вздор»⁴. С неодобрением отзывался он и о докторской диссертации Соловьева⁵. Полемика Погодина с Соловьевым, являвшимся, по мнению первого, историком, «который решительно видит все наыворот и не помнит, что говорит, хоть и говорит, пишет легко и живо»⁶, носила очень резкий характер⁷. Отрицательное отношение Погодина к положениям, содержащимся в магистерской и докторской диссертациях Соловьева, предопределяло его предубеждение к «Истории России», поскольку идеи, на которых она построена, перекликались с мыслями, изложенными в книгах «Об отношениях Новгорода к великим князьям» и «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома». Близкие к Погодину лица спешили сообщить ему свое неодобрение новым трудом Соловьева. Д. А. Толстой, ставший впоследствии министром народного просвещения, познакомившись с томом I «Истории России», писал Погодину, что «никогда не читал чего либо нелепее и натянутее»⁸.

Решив поместить на страницах «Москвитянина» критический разбор труда Соловьева, Погодин поручил написать его И. Д. Беляеву⁹. Одновременно он сам, как явствует из письма к нему Беляева, самым внимательным образом проштудировал книгу Соловьева, сделал на полях многочисленные заметки. Более того, Погодин собирался приложить к рецензии Беляева, которую предполагалось опубликовать без имени ее автора, свои замечания. Однако Беляев, который считал, что в написанном Погодиным «замечании проглядывает какое-то раздражение», советовал ему не делать этого. Он считал, что Погодину «лучше быть в стороне», «...иначе,— писал Беляев Погодину,— петербургские журналы насолят вам донельзя и постараются поддержать этим книгу в глазах публики». При этом он добавлял, что «сам бы мог в рецензии написать более резкостей, но удержался, дабы не дать повода толковать журналистам о пристрастии»¹⁰. Рецензия Беляева, появившаяся на страницах «Москвитянина», как и предполагалось, без его подписи¹¹, была выдержана именно в том духе, какой он старался ей придать. На первый взгляд она представляла собой спокойный, вполне академичный и обстоятельный разбор рецензируемого труда. Автор рецензии, по-видимому, сознательно опустил свое мнение об общих выводах, содержащихся в первом томе «Истории России», сославшись на то, что они по ходу изложения «уже или опровергнуты..., или приняты»¹². Вместе с тем внимательное знакомство с рецензи-

⁴ Там же, стр. 93.

⁵ Там же, т. 9, стр. 128—130.

⁶ Там же, стр. 115.

⁷ Там же, стр. 136—145.

⁸ Там же, т. 11, стр. 452.

⁹ Там же, стр. 453.

¹⁰ Там же, стр. 454.

¹¹ «Москвитянин», 1851, ч. V, № 18, стр. 335—423; № 19—20, стр. 601—625.

¹² Там же, 1851, ч. V, № 19—20, стр. 624—625.

ей «Москвитянина» показывало, что отрицательные оценки в ней преобладают над положительными. К тому же они касались прежде всего основных положений книги. Рецензент считал неудачным данное Соловьевым описание географического положения России. Он полагал, что автор «Истории России» не сумел проследить влияние природы на историю страны. Глава, посвященная народам, населявшим Восточную Европу до появления славян, по мнению Беляева, «запоздала целым полустолетием»¹³. Особенно возражал рецензент против принятой Соловьевым трактовки понятия «род»¹⁴. Он писал, что «недолго г. Соловьев остается при одних источниках, привязанность к рассуждениям и предположениям не дает ему покоя; особенно его преследует родовой быт, который ему представляется везде и во всем»¹⁵. Упреки Соловьева в произвольном толковании летописи и других источников, рецензент писал, что «на том же произволе основываются и все толки о родовом быте у русских славян, и также все они противоречат русской истории»¹⁶. Не соглашался он и с точкой зрения Соловьева на вопрос о призвании варягов, считая, что «призвание варягов славянами ильменскими и их союзниками как явление историческое есть прямой результат общинного, а не родового быта»¹⁷. В целом отрицательное отношение автора рецензии в «Москвитянине» к «Истории России» Соловьева было вполне очевидно. Оно встретило поддержку со стороны единомышленников Погодина. С похвалой отозвался о рецензии Беляева И. И. Давыдов в своем письме Погодину. В нем он утверждал, что она «всем чрезвычайно нравится»¹⁸. Однако за пределами близкого к Погодину круга лиц рецензия «Москвитянина» понравилась далеко не всем. Вскоре после ее опубликования в «Московских ведомостях» появилась статья, автор которой спорил с рецензентом «Москвитянина», не соглашался с ним в оценке «Истории России» Соловьева, с особенной настойчивостью упрекал рецензента в том, что тот, не разобрав должным образом главу о географических условиях России, возражал против ее основных положений»¹⁹. Эта статья положила начало полемике, разгоревшейся между «Москвитянином» и «Московскими ведомостями» по поводу «Истории России» Соловьева²⁰.

В полемику оказался втянутым и сам Погодин. Отвечая «Московским ведомостям», упрекнувшим его в том, что он не читал «Историю России» Соловьева, Погодин вопреки истине писал:

¹³ «Москвитянин», 1851, ч. V, № 18, стр. 339, 350.

¹⁴ Там же, стр. 365.

¹⁵ Там же, стр. 374.

¹⁶ Там же, стр. 375.

¹⁷ Там же, стр. 365.

¹⁸ *Н. П. Барсуков*. Указ. соч., т. 11, стр. 454.

¹⁹ «Московские ведомости», 4 декабря 1851, № 145; 20 декабря № 152.

²⁰ Там же, 1852, №№ 6, 13, 17, 26; «Москвитянин», 1851, ч. VI, № 21, стр. 76—77; № 24, стр. 585—596; 1852, ч. I, № 2, стр. 41—52; № 4, стр. 106—110; ч. IV, № 14, стр. 25—49.

«Это совершенная правда: я не читал ее и читать ее не буду»²¹. Свое отрицательное отношение к труду Соловьева он в весьма раздраженном тоне объяснял присущими ей, по его мнению, недостатками: «Такие противоречия, такие капитальные ошибки, такие недоумения находил я с первого взгляда в каждой статье г. Соловьева, начиная с первой, и потому не хотел брать на себя бесполезного труда, да и не мог жертвовать временем, чтоб прочитывать их сполна». Погодин утверждал, что, «развертывая ее («Историю России» Соловьева.— А. Ц.) раз двадцать в разные времена», он «не находил в ней ни одной живой страницы, и убедился окончательно, что процесс рассуждения у г. Соловьева совершенно другой, что угол его зрения далеко отстоит от нормального и что, следовательно, добираться до его результатов так же бесполезно, как и обвинять его несправедливо за физический недостаток мысли». Словами «не читал его истории, не буду читать и впредь»²² Погодин кончал свой ответ «Московским ведомостям». В кампании, предпринятой против «Истории России» Соловьева официально-охранительными кругами, принял участие не только «Москвитянин», рецензии которого были хотя бы внешне написаны в рамках академической критики, но и «Северная пчела», опубликовавшая резко отрицательный отзыв о I томе труда Соловьева²³. Рецензент «Северной пчелы» Ксенофонт П. Полевой видел в «Истории России» лишь «сшивок из нескольких отдельных исследований, писанных с разными идеями для повременных изданий». Он утверждал, что «нет в ней единой проникающей идеи, нет сообразности в частях»²⁴, что рассказ ее темен, скучен²⁵. Не находя в разбираемой книге ничего, что бы заслуживало похвалы, рецензент писал: «Неправильный язык, неверный способ изложения событий, отсутствие всякого единства в повествовании, мечты и парадоксы, наконец, множество частных ошибок, вот отличительные качества «Истории России», составленной г. Соловьевым»²⁶. С особым раздражением он писал о том, что «г. Соловьев придумал родовой быт для славян и по своей мысли желает переделать всю русскую историю»²⁷. В то время, как «Москвитянин» старался раскритиковать том I «Истории России» в глазах специалистов, «Северная пчела» стремилась достигнуть того же среди более широкого круга читающей публики.

Нападки на «Историю России» со стороны официально-охранительных кругов носили наиболее враждебный характер и были восприняты ее автором наиболее болезненно. Последнее обстоя-

²¹ «Москвитянин», 1852, ч. I, № 4, стр. 106.

²² Там же, стр. 109.

²³ «Северная пчела», 1852, № 20, 21, 114.

²⁴ Там же, 1852, № 21.

²⁵ Там же, № 20.

²⁶ Там же, № 114.

²⁷ Там же, № 20.

тельство в значительной мере объяснялось, по-видимому, еще и тем, что в лице Погодина Соловьев видел своего давнего и главного недоброжелателя. Вспоминая пережитое им «тяжелое время зимою 1851—1852 года», когда том I «Истории России» подвергся многочисленным нападкам, Соловьев писал о наступлении, предпринятом против него Погодиным и его сторонниками, и лишь мельком упоминал других своих оппонентов²⁸. Не без оснований он предполагал, что в кругу Погодина он вызывал раздражение как «дерзкий, которому исполнилось тридцать лет», но который «в Карамзины лезет» и «хочет быть господствующим авторитетом». Дальнейшее развитие событий в изображении Соловьева выглядело так: «Этого нельзя было перенести равнодушно. Но, разумеется, прежде всех не мог перенести это равнодушно Погодин... Одна надежда, что дерзкое предприятие рухнет, как рухнула «История русского народа» Полевого, но надобно ускорить это падение, ополчиться и разнести по камешкам здание при самом его начале, разнести фундамент. Сотрудников много. С шипением, с пеной у рта собирается около почтеннейшего Михаила Петровича, ставшего чрезвычайно популярным, дружина — поход объявлен. Москвитянин открыл свои страницы ругательным статьям против меня»²⁹. Вполне вероятно, что Погодин и его окружение сознавали, что им необходимо покончить с затеянным Соловьевым изданием многотомного труда именно «при самом его начале», что в случае появления второго и последующих томов «Истории России» им все труднее будет бороться со своим противником. Однако, обрушившись на том I «Истории России», погодинская «дружина» истощила все свои силы и впоследствии встречала последующие тома этого издания холодным молчанием, как бы следуя мнению своего предводителя, утверждавшего, что сочинения Соловьева и читать не стоит. Намек на то, что погодинское окружение займет именно такую позицию, содержался еще в упоминавшемся выше ответе Погодина «Московским ведомостям», проникнутом нежеланием вести спор по существу. Допустимо предположить, что еще тогда Погодин понимал, что продолжение полемики с Соловьевым в случае выхода новых томов «Истории России» не принесет ему успеха, и считал более целесообразным устроить «заговор молчания». Ссылкой на обилие рецензий, отрицательно отзывавшихся об «Истории России»³⁰, Погодин не только пытался при помощи такого не очень-то убедительного аргумента доказать свою правоту, но и силился, по-видимому, успокоить себя и своих единомышленников, в глубине души, возможно, не очень-то уверенных в своем торжестве. Утверждая, что рецензенты Соловьева единодушны в своем отрицательном мнении о томе I «Истории России», Погодин допускал передержку.

²⁸ «Записки Сергея Михайловича Соловьева», стр. 147—148.

²⁹ Там же, стр. 147.

³⁰ «Москвитянин», 1852, ч. I, № 4, стр. 109.

Действительно, не только «Москвитянин» и «Северная пчела» ополчились против Соловьева. Большой, содержавшей немало ключих замечаний рецензией откликнулась на выход тома I «Истории России» «Библиотека для чтения»³¹. Общий тон ее также был проникнут отрицательным отношением к труду Соловьева. Иронически расценивая попытку Соловьева, представлявшегося ему человеком, который, «лишь несколько владеет языком, прочел несколько новейших отечественных и иностранных исторических сочинений» и который, «пожалуй, был бы в состоянии написать изрядный исторический роман или легкую популярную (но не основательно ученую) диссертацию»³², как «подвиг новейшего ученого рыцарства»³³. Анонимный рецензент, пообещавший заняться «исследованием этой историко-архитектурной игрушки, произведенной нашим московским искусством»³⁴, с особым пристрастием обрушился на первые главы книги, которые, по его мнению, были «в высшей степени слабы»³⁵. Главу I он называл «фантастической» и считал, что в ней «много неопределенных образов, уменьшающихся и увеличивающихся по законам простой и высшей фантазмагии», «много невероятных кинеграфических натяжек»³⁶, во II главе не находил ничего нового³⁷, в третьей видел столько недостатков, что не разбирал их, так как «для этого потребовалось бы написать целый трактат»³⁸. В главах V—VII рецензент находил ряд достоинств³⁹, хотя и указывал на имевшиеся недостатки, которые, по его мнению, происекали «от недостатка филологических познаний» у Соловьева. Наиболее благожелательно была охарактеризована глава VIII, в которой рецензент увидел «желание подвинуть вперед изучение русских древностей»⁴⁰. Однако и в ней он нашел недочеты, происекавшие на этот раз, как ему казалось, «от недостатка юридических сведений»⁴¹. Подробно разбирая VIII главу, рецензент утверждал, что она представляет собой «грудю компиляций, через которую проводит он (Соловьев.— А. Ц.) до крайности одну и ту же идею (*idée fixe*) — родовых отношений»⁴². Автор рецензии советовал Соловьеву «поучиться правам» и «не спешить изданием следующих томов исторического труда его». Признавая наличие в «Истории России» Соловьева известных достоинств, критик относил их скорее к области беллетри-

³¹ «Библиотека для чтения», 1851, № 10, стр. 37—86; № 11, стр. 1—22; № 12, стр. 23—51.

³² Там же, 1851, № 11, стр. 2.

³³ Там же, № 10, стр. 48.

³⁴ Там же, стр. 43.

³⁵ Там же, № 11, стр. 1.

³⁶ Там же, № 10, стр. 52.

³⁷ Там же, стр. 52.

³⁸ Там же, стр. 60.

³⁹ Там же, № 11, стр. 17, 21.

⁴⁰ Там же, № 12, стр. 23.

⁴¹ Там же, № 11, стр. 21.

⁴² Там же, стр. 24.

стики, нежели серьезной науки⁴³. По его мнению, «наука «Истории России» несколько не обязана новому труду господина Соловьева: ни на шаг он не подвинул ее с пьедестала, воздвигнутого Карамзиным и тщательно отделанного... Устряловым». Соловьев напоминал ему Н. А. Полевого, отличаясь, впрочем, от последнего начитанностью⁴⁴. Несмотря на весьма резкую общую оценку труда Соловьева, его критик, касаясь поставленных в книге общих и частных проблем, несмотря на свое большее или меньшее несогласие с мнением Соловьева, находил возможным рассматривать их как заслуживающие внимания научные построения. Рецензент считал достоинством «Истории России» Соловьева то, что ее автор «не ограничивается в ней рассказом о завоеваниях и быте, а показывает (хоть и не всегда, с точки зрения рецензента, верно.— *А. Ц.*) картину общественных и частных отношений, дает объяснение государственному и частному быту. Он согласен с общим взглядом Соловьева «на историю как науку, которая должна следить за связью явлений, преемственностью форм», но считает, что он был высказан еще до Соловьева в упоминаемой и в I томе «Истории России» книге М. М. Михайлова в 1848 г.⁴⁵ Не принимая в целом защищаемую Соловьевым теорию родовых отношений, он сам считает, что в Древней Руси действительно государственные отношения пришли на смену родовым, но имело это место раньше, чем сказано в «Истории России», а именно в связи с призванием первых князей⁴⁶. По частным вопросам рецензент расходился с Соловьевым по вопросу об отличии отношений, существовавших на Руси и в Европе между князем и дружиной, в трактовке понятий «муж», «огнищанин», «рядович» (тиун)⁴⁷. По мнению критика, Соловьев не сумел объяснить причин, приведших к превращению сел в города. Утверждение Соловьева, что это было связано с поставлением десятских и сотских, он считал несостоятельным и продиктованным стремлением все объяснить родовыми отношениями⁴⁸. Рецензент считал, что Соловьев и суд представил в упрощенном виде⁴⁹. Так же расценивал он и данное Соловьевым объяснение возникновения торговли. По его мнению, следовало связать возникновение «мены произведений городской и сельской промышленности» с появлением нового типа городов. Он считал, что в от-

⁴³ «Библиотека для чтения», 1851, № 10, стр. 25.

⁴⁴ Там же, стр. 47—48.

⁴⁵ Там же, стр. 49; *М. М. Михайлов*. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г. СПб., 1848, стр. 22.

⁴⁶ Там же, стр. 27—28, 34.

⁴⁷ Там же, стр. 37—38.

⁴⁸ Там же, стр. 38—39.

⁴⁹ Там же, стр. 39—41. Рецензент видел причину упрощенного описания суда в том, что Соловьев не знал упомянутой выше книги М. М. Михайлова. Однако здесь он противоречит сам себе, поскольку сам указал на то, что эта книга упоминается в примечаниях к тому I «Истории России».

личие от градов, в которых «жители рода» складывали свои запасы, с возникновением городов, в которых располагалась дружина, с появлением ремесленников, не занимавшихся обработкой земли, родилась и потребность в обмене⁵⁰.

Рецензент «Сына Отечества» писал, что взялся за чтение «Истории России» с большим интересом, возлагая на этот труд большие надежды. Тут же он оговаривался, что читатели получили пока лишь том I задуманного труда, по которому еще трудно полностью представить значение всего сочинения, а затем добавлял, что, хотя воздерживается от вынесения окончательного приговора, не может скрыть того, что его ожидания во многом не оправдались⁵¹. Он полагал, что «Соловьев выстроил систему аргюги и в нее, как в тиски, хочет вдвинуть всю историю, как будто это возможно и даже необходимо»⁵². Критик «Сына Отечества» полагал, что в Древней Руси существовали сначала родовые, а затем государственные отношения, но не соглашался с трактовкой этого вопроса, предложенной Соловьевым. По мнению рецензента, Соловьев и его сторонники напрасно тратили силы во имя насильственного подведения фактов под начала, которые не могли не существовать в жизни народа, но не были единственными принципами деятельности»⁵³. Отвергал он и рассуждения Соловьева об ассимиляции варяжских князей среди славян.

Для К. С. Аксакова, главного выразителя славянофильских идей в области исторической науки, том I «Истории России» Соловьева был не только вызовом, но и толчком для выработки собственного взгляда на общие проблемы русской истории. В томе I посмертных сочинений К. С. Аксакова его брат, И. С. Аксаков, опубликовал черновую неоконченную рукопись, озаглавленную «Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева. По поводу I тома». Судя по всему, она была написана после того, как вышел в свет том I труда Соловьева, но до того, как появился том II. На этом основании И. С. Аксаков датирует ее 1851 г. — Рукопись начинается с рассуждений К. С. Аксакова о том, что время для написания русской истории в целом еще не настало, что историки могут пока лишь исследовать ее отдельные проблемы и изучать публикуемые в изобилии ценные документы. «История России», — утверждал он, — в наше время возможна только в виде опыта». На риторический вопрос «Но так ли написал свою историю г. Соловьев?» К. С. Аксаков отвечал: «Едва ли. В ней слышно противоречие: она писана как история, как полный вывод из предыдущих трудов; а между тем она имеет характер собранных исследований, не более.

⁵⁰ Там же, стр. 43—45.

⁵¹ «Сын Отечества», 1851, № 12 (т. VI), раздел «Критика и библиография» (отд. IV), стр. 1—2.

⁵² Там же, стр. 2.

⁵³ Там же, стр. 3—4.

Чего нельзя сделать, то и не было сделано, и «История России» г. Соловьева — не история»⁵⁴.

К. С. Аксаков спорил с Соловьевым, выступающим «вообще против разделения истории на эпохи», и в связи с этим особенно упорно не соглашался с оценкой, данной в «Истории России» Петру I⁵⁵. «Великое дело Петра как исключительное поклонение Западу, как исключительное отрицание всего русского..., как резкое, насильственное, поспешное и подражательное преобразование, другими словами, как переворот, было точно дело новое, небывалое на Руси и не принадлежит к тем мирным изменениям, которые совершаются легко и неприметно, напротив, это именно переворот, и в этом отношении продолжателем Петр называться не может»⁵⁶. В противоположность Соловьеву К. С. Аксаков предложил собственную периодизацию истории России. Он делил ее на четыре периода: Киевский, Владимирский, Московский, Петербургский. Тут же К. С. Аксаков добавлял, что то, что он назвал четвертым периодом (Петербургским периодом), «лучше назвать этюдом, ибо Москва не перестала (и не перестанет) быть истинною русскою столицею, 1812 год ясно это доказывает. По нашему мнению, собственно три периода: Киевский, Владимирский, Московский. Москва, по нашему мнению, неразделима с Россией»⁵⁷. Тут же К. С. Аксаков изложил основные положения своей теории земли и государства⁵⁸. Таким образом, в рукописи, явившейся непосредственным откликом на том I «Истории России» Соловьева, К. С. Аксаков изложил не только свои возражения, но и собственные взгляды, касавшиеся общих проблем истории России.

Усилия К. С. Аксакова, затраченные на обоснование общей схемы истории России, искусственно разрывавшей ее на периоды, служили защите отживших взглядов на историческое развитие. Они не имели поддержки ни у кого из историков, за исключением самих славянофилов. Что касается высказываний К. С. Аксакова по отдельным проблемам, изложенным в томе I «Истории России», прежде всего по поводу отстаиваемой Соловьевым теории родового быта, то они представляли определенный интерес. В этом смысле более содержательной была не рукопись 1851 г., в которой автор лишь утверждал, что, по его мнению, «родового быта у славян не было»⁵⁹, а опубликованная в томе I «Московского сборника» за 1852 г. статья «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)»⁶⁰. В ней К. С. Аксаков сумел под-

⁵⁴ К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. I (Сочинения исторические), изд. 2-е. М., 1889, стр. 45.

⁵⁵ Там же, стр. 45—46.

⁵⁶ Там же, стр. 48.

⁵⁷ Там же, стр. 54.

⁵⁸ Там же, стр. 54—62.

⁵⁹ Там же, стр. 54.

⁶⁰ Там же, стр. 63—124.

метить слабые стороны в трактовке родового быта Соловьевым, что имело определенное положительное значение в уточнении взглядов русских историков на ранний период истории России.

Число рецензий враждебно, неодобрительно, от начала до конца критически отзывавшихся о томе I «Истории России», как видим, было весьма значительным. На первый взгляд могло показаться, что задуманный Соловьевым труд встретил всеобщее осуждение. Такое именно впечатление и сложилось у некоторых современников. Однако в действительности труд Соловьева нашел не только противников, но и сторонников. Правда, большинство авторов положительных рецензий высказали немало критических замечаний, однако их общий тон не вызывает сомнений в общем благожелательном отношении к автору «Истории России».

С положительной рецензией на том I «Истории России» Соловьева выступил на страницах «Московских ведомостей» Н. В. Калачев⁶¹. С большим вниманием разобрав предисловие к тому, Калачев дал ему в целом высокую оценку. Он принимал изложенные в нем общие рассуждения, относящиеся к истории России, согласно которым «развитие государственного быта России обусловливается и, следовательно, должно объясняться главным образом внутренними причинами». Калачев не соглашался с тем, что следует отвергнуть Норманский и Монгольский периоды, подобно К. Д. Кавелину полагал, что между родовыми и государственными отношениями было еще и общинное начало. Выявив частные недостатки главы 1, Калачев одобрительно отзывался о ней, отмечая как особое достоинство то, что в ней ставится «вопрос о влиянии природы нашей государственной области на ее историю» и выдвигается ценная мысль об особенностях равнинной Руси и ее соприкосновении с азиатскими степями⁶². Отметив отдельные неточности в трактовке статей «Русской Правды», Калачев, большой для своего времени знаток этого памятника, писал: «Несмотря, однако, на эти и другие места, не совсем точные, в сочинении г. Соловьева мы не можем не заметить, что вообще содержание «Русской Правды» передано им весьма ясно и по возможности полно: он умел удачно устранить в своих выводах все спорные или темные выражения этого памятника (не упоминая о них вовсе) и составил, таким образом, довольно характеристическую картину юридического быта Древней Руси, хотя, впрочем, не X и XI вв. исключительно, а также вместе с тем и позднейшего времени». Заметив, что, описывая быт и нравы, Соловьев многое взял у М. П. Погодина, Калачев считал, что «самостоятельнее у автора статья о занятиях жителей, основанная преимущественно на «Русской Правде», очерк нравов и очерк торговли»⁶³. Несколько иначе, чем Соловьев, смотрел

⁶¹ «Московские ведомости», 8, 11, 20 марта 1852 г.

⁶² Там же, 8 марта 1852 г.

⁶³ Там же, 13 марта 1852 г.

Калачев на вопрос о влиянии варягов на различные стороны внутренней жизни. Он не принимал точку зрения Соловьева, считавшего, что не следует связывать исключительно с деятельностью варяжских князей возникновение государственных отношений, поскольку варяги быстро смешались со славянами. По мнению Калачева, «виновниками возникших у нас в IX и X вв. государственных отношений... были... князья, притом как князья варяго-русские, а не славянские»⁶⁴. Одновременно Калачев полагал, что Соловьев преувеличил степень влияния варягов Руси на развитие торговли⁶⁵. Одобрительно отзываясь о томе I «Истории России», Калачев выступил против тех, кто отрицал научное значение этого труда, в первую очередь против Погодина. Не называя последнего по имени, но явно имея в виду именно его, Калачев писал: «Нам кажется весьма странным отзыв одного рецензента, который, признавая его не заслуживающим никакого внимания, вместе с тем откровенно сознается, что не читал и не намерен читать трудов г. Соловьева»⁶⁶.

Рецензия Калачева содержала в целом положительную оценку тома I «Истории России». Однако сам Соловьев, видимо, раздраженный обилием неодобрительных отзывов, и в рецензии Калачева, высказавшего немало критических замечаний, увидел недоброжелательный выпад против себя, так впоследствии отозвавшись о ней: «Калачев написал нечто»⁶⁷.

Решительную поддержку оказал Соловьеву после выхода в свет тома I «Истории России» К. Д. Кавелин. «Как прагматическое сочинение новая книга г. Соловьева бесспорно принадлежит к числу лучших исторических произведений, появившихся в последнее время», — твердо заявил Кавелин в своей рецензии, напечатанной в «Отечественных записках»⁶⁸. Отметив, что период русской истории, получивший освещение в томе I «Истории России», труден для изложения, не дает возможности сказать что-либо новое при малочисленности источников и большом количестве литературы, Кавелин писал: «Несмотря на все эти неблагоприятные условия, том I «Истории России» имеет важные преимущества перед лучшими сочинениями в том же роде прежнего, хотя и недавнего времени. Можно не соглашаться с г. Соловьевым, но нельзя не признать, что его сочинение свидетельствует о глубоком знании автора, его правильном историческом взгляде и методе, и знакомстве с исторической критикой в ее современном значении. Вот почему том I «Истории России» — бесспорно историческое сочинение в полном значении слова»⁶⁹. Он писал, что «История России» Соловьева имеет неоспоримые пре-

⁶⁴ «Московские ведомости», 8 марта 1852 г.

⁶⁵ Там же, 13 марта 1852 г.

⁶⁶ Там же, 20 марта 1852 г.

⁶⁷ «Записки Сергея Михайловича Соловьева», стр. 148.

⁶⁸ «Отечественные записки», 1851, № 12, отд. V, стр. 46—47.

⁶⁹ Там же, стр. 47—48.

имущества по сравнению с «Историей русского народа» Н. А. Полевого. Кавелин считал, что «История русского народа» Полевого имела положительное значение, так как «была выражением более серьезного историко-критического направления» по сравнению с трудом Н. М. Карамзина, но была скоро забыта, поскольку у автора «взгляд слишком общ и потому нередко поверхностен, общие положения иногда отзываются фразами и общими местами». Труды Карамзина, Полевого, Соловьева, по мнению Кавелина, «представляют собою ступени постепенного развития и возмужания нашего исторического сознания и смысла». «Ни Карамзин, ни Полевой, ни Соловьев,—писал он,—не создали науки вновь. Каждый из них был приготовлен предшествующими трудами, каждый только высказал взгляд и мнение своих современников о русской истории, как они выражались и выражаются в лучших умах». Далее Кавелин говорил об отличительных особенностях труда Соловьева: «История России» есть зрелый и сознательный ученый исторический труд, а не шаткий опыт. Все исторические явления рассматриваются здесь с их внутренней стороны во взаимной связи и раскрываются последовательно по их внутренней преемственности; бытовая сторона обращает на себя, как и следует, гораздо больше внимания автора, чем внешние события. Наконец, взгляд гораздо серьезнее, приемы строже»⁷⁰.

Высоко оценивая в целом том I «Истории России» Соловьева, подчеркивая присущие ему достоинства, Кавелин одновременно обстоятельно остановился на свойственных этому труду недостатках. Прежде всего он обратил внимание на отсутствие в томе I «Истории России» историографического раздела. Кавелин считал, что в рецензируемой книге нигде не видно, «в какие отношения ставит (Соловьев.— А. Ц.) его (том I «Истории России».— А. Ц.) к предшествующим сочинениям и исследованиям по русской истории», что том I «Истории России» «отличается отсутствием всякой полемики» и «представляет первую эпоху русской истории, как ее знает и понимает г. Соловьев»⁷¹. «Совершенное отсутствие критической стороны в томе I «Истории России» считаем за существенный недостаток этого сочинения»⁷².

Кавелин полагал, что Соловьев преувеличивает роль географических условий в историческом развитии России. Придавая важное значение географическому фактору, он одновременно утверждал: «Но приписывать географическим условиям главную роль в определении всей русской истории до позднейшего времени или объяснять важнейшие ее события, важнейшие отношения ее с соседними странами — это, как мы думаем, значит идти слишком далеко». «История всех европейских племен и народов, призванных к всемирно-исторической деятельности, опровергает подобные

⁷⁰ «Отечественные записки», 1851, № 12, отд. V, стр. 49.

⁷¹ Там же, стр. 46.

⁷² Там же, стр. 50.

крайности, — писал Кавелин, и далее продолжал: «Все эти народы сначала находились под исключительным определением природных условий, подчинялись им; но при дальнейшем ходе истории эти условия в свою очередь подчинялись деятельности и влиянию людей». Исходя из того, что подобными же путями развивалась и Россия, Кавелин замечал: «Объяснять одними географическими условиями ход образования Русского государства, политическое преобладание Северо-Восточной Руси над Юго-Западною, важную роль торопецких и смоленских князей в период уделов и т. д. невозможно, не делая очевидных натяжек, не насилюя исторических фактов»⁷³. Упреки Кавелина Соловьеву в связи с преувеличением роли природных условий в историческом развитии русского народа и государства были вполне справедливыми. Однако в исторической литературе середины и второй половины XIX в. преувеличение этого фактора встречается и значительно позже. Мы находим его и у В. О. Ключевского, и у А. П. Щапова.

Кавелин не останавливался на разборе главы 2, так как считал, что «содержание ее не имеет непосредственного отношения к русской истории»⁷⁴. Глава 3, по мнению Кавелина, менее интересна, чем можно было бы судить по ее названию: «...статья эта весьма слаба. Кроме прагматического изложения, причина недостатков ее та, что г. Соловьев слишком увлекается частностями, мелкими фактами и не уяснил для самого себя общую точку зрения на язычество русских славян»⁷⁵. Касаясь главы 4, Кавелин отметил, что Соловьев, «чтобы доказать незначительность варяжского влияния, пользуется всем, чем только можно воспользоваться: отличает влияние народа от влияния народности, силится доказать, что варяги не составляли у нас господствующего народонаселения относительно славян, что они не могли приходить в Русь с женами и, если оставались навсегда в России, женились на славянках, что варяги не стояли выше славян на ступенях общественной жизни, что их языческий быт имел близкое сходство с древним языческим бытом славян, наконец, когда нужно, г. Соловьев искусно возражает фактами из последних годов Варяжского периода, когда варяги уже сильно обрусели». Однако все эти аргументы Соловьева Кавелин считал недостаточно убедительными для того, чтобы отказаться от трактовки роли варягов, предложенной М. П. Погодиным, в связи с чем писал, что «слова г. Погодина, приведенные в томе I «Истории России», несмотря на ловкие комментарии ее автора (Соловьева. — А. Ц.), остаются в сущности лучшим, что только было доселе сказано о значении и характере варяжского вопроса»⁷⁶. В данном случае Кавелин имел в виду рассуждения Погодина, основной смысл которых

⁷³ «Отечественные записки», 1851, № 12, отд. V, стр. 53—54.

⁷⁴ Там же, стр. 65.

⁷⁵ Там же, стр. 83.

⁷⁶ Там же, стр. 94.

сводился к тому, что варяги в период 862—1054 гг. жили почти совершенно обособленно от славян, являя собою «две реки, которые пали одна в другую, но не слили вод своих», в силу чего «варяги имеют свою особую историю или, лучше сказать, они составляют ее»⁷⁷. Таким образом, во взглядах на эту проблему Кавелин не поддерживал Соловьева, который, несомненно, предлагал более правильное решение вопроса, чем это было у Погодина.

Вторую часть тома I Кавелин характеризовал такими словами: «Следующие затем главы пятая, шестая и седьмая содержат подробное изложение политической истории России от Рюрика до кончины Ярослава I, а последняя — восьмая — посвящена обозрению нашего внутреннего быта в так называемый Варяжский период. Вообще говоря, эта часть сочинения лучше первой. Она читается с большим интересом и содержит много новых мыслей, хорошо изложенных и живо обрисовывающих общую историческую картину; есть и новые, весьма удачные соображения. К сожалению, общее выгодное впечатление этих глав местами ослабляется недоказанными положениями, натяжками, желанием взглянуть на предмет с новой точки зрения, желанием объяснить необъяснимое или и без того весьма ясное, наконец, очевидными увлечениями любимую мыслью, которая в основании своем верна, но нередко искажается в ближайших применениях»⁷⁸. Можно с большой долей уверенности предполагать, что «любимая мысль», которая «в основании своем верна», но которой, по мнению Кавелина, Соловьев чрезмерно увлекся, не что иное, как идея развития родовых отношений в государственные. Подобно многим другим критикам, Кавелин, видимо, считал, что Соловьев слишком увлекается ею. Но в то время как другие, ухватившись за передержки и натяжки, имевшиеся в томе I «Истории России», старались изо всех сил доказать несостоятельность теории родовых отношений в целом, Кавелин, признавая порой излишнюю увлеченность Соловьева, тем не менее решительно отставил эту мысль.

Закljučая рецензию, Кавелин писал, что подробно остановился на недостатках тома I «Истории России» Соловьева, не уделив большого внимания достоинствам, которые он считал несомненными. Одновременно он выступал против тех, кто отвергал книгу в целом, обращал внимание на то, что среди рецензентов преобладали авторы, без достаточных оснований слишком отрицательно оценивавшие книгу: «Появившиеся доселе отзывы о томе I «Истории России» нам показались отчасти слишком строгими,

⁷⁷ М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о Русской истории, т. III. М., 1846, стр. 519. Большую выдержку из этой работы М. П. Погодина С. М. Соловьев привел в примечании 437 к тому I, снабдив ее своими рассуждениями и возражениями (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, стр. 334—335).

⁷⁸ «Отечественные записки», 1851, № 12, отд. V, стр. 95.

отчасти не довольно спокойными и беспристрастными. Новый труд г. Соловьева, как бы мы ни стали судить его, во всяком случае заслуживает и благодарности, и благорасположения»⁷⁹, — такими словами кончал Кавелин свою рецензию.

Поддержка, оказанная Кавелиным Соловьеву, была вполне закономерной. Кавелин видел в Соловьеве своего единомышленника. В статьях и рецензиях он выдвигал и отстаивал идеи, близкие к тем, которые Соловьев положил в основу своего труда. Более того, можно сказать, что, опираясь на мысли, близкие не только ему самому, но и Кавелину, Соловьев написал капитальный труд, призванный в новом свете утвердить освещение истории России на всем ее протяжении.

Несколько особое место среди откликов на том I «Истории России» Соловьева занимала рецензия К. Н. Бестужева-Рюмина. Она появилась в отличие от большинства ранее упомянутых лишь в 1859 г. и была посвящена не одному, а сразу первым восьми томам «Истории России». К моменту выхода этой рецензии всем, как сторонникам, так и противникам Соловьева, уже было ясно, что предпринятое последним издание так или иначе представляет собой по меньшей мере значительное, а может быть, и самое важное событие в русской историографии 50-х годов XIX в. Бестужев-Рюмин расценивал труд Соловьева как серьезный шаг в развитии русской исторической науки. Это видно уже из того, что в своей статье «Современное состояние русской истории как науки» он дал подзаголовок «История России с древнейших времен. Сочинение Сергея Соловьева, т. I—VIII». Прежде чем приступить к разбору «Истории России» Соловьева, Бестужев-Рюмин подробно охарактеризовал его предшественников, в том числе В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина. По мнению К. Н. Бестужева-Рюмина «История России» представляет собой прямое продолжение «Истории государства Российского» Карамзина. «Г. Соловьев, — писал он, — представляет тот же ход государственного развития, который стоит на первом месте у Карамзина, и он вполне прав: история России есть в сущности государственная история». Вместе с тем Бестужев-Рюмин считал, что исследование истории Русского государства построено в труде Соловьева на иных, более современных принципах, чем у Карамзина: «Сходясь с Карамзиным в основном содержании, в главном предмете исследования, г. Соловьев бесконечно расходится с ним в пути, принятом им: там, где Карамзин не видал никаких начал, где события являлись ему простым сцеплением случайностей, там г. Соловьев видит некоторые руководящие начала. Началами этими являются для него родовой быт и государство»⁸⁰. В этом смысле Бестужев-Рюмин видел в Соловьеве продолжателя Эверса. «Первый, кто внимательно и подробно остановился на значе-

⁷⁹ «Отечественные записки», 1851, № 12, отд. V, стр. 120.

⁸⁰ «Московское обозрение», 1859, № 1, стр. 62.

нии родового быта, был знаменитый Эверс»⁸¹. Таким образом, в представлении Бестужева-Рюмина Соловьев изучал предмет, исследовавшийся Карамзиным, но применял к нему метод Эверса.

Изложив принятую Соловьевым теорию родовых отношений, Бестужев-Рюмин писал, что не может быть удовлетворен ее главными чертами: «Прежде всего нам кажется, что родовый быт изображается у автора как-то неподвижно, как что-то данное, а не органическое. Этим взгляд г. Соловьева существенно разнится от взгляда гг. Кавелина и Тюриня: у двух последних исследователей мы видим движение родового быта»⁸². Он считал, что Соловьев не обратил внимания на многие вопросы, в частности на образование племен, недостаточно ясно показал особенности родового быта в разные эпохи (род в общине отличался от рода в период разрозненности родов). Сопоставляя взгляд Соловьева на род с трактовкой Кавелина и Тюриня, Бестужев-Рюмин отдавал предпочтение двум последним⁸³. Рецензент отмечал как общий недостаток «Истории России» отсутствие в ней историографических разделов⁸⁴ и не соглашался с построением материала. Касаясь обращения Соловьева с источниками, Бестужев-Рюмин находил, что он большое внимание уделяет летописям и литературным памятникам и недостаточно использует законодательные памятники⁸⁵.

Бестужев-Рюмин полагал, что автор «Истории России», увлекаясь историей государства, не обращает внимания на некоторые на первый взгляд незначительные явления, такие, как русская сельская община. Говоря об общине, он замечает, что она занимает его не в смысле общего владения землей, а как «низший, так сказать, административный центр», в связи с чем считает важным решить вопрос, создана ли она государством с целью наложить тягло и содержать бродячее население или представляет собой «исконное явление русской народной жизни». В такой связи с этими рассуждениями находится и упрек, сделанный Соловьеву Бестужевым-Рюминым за то, что тот следит за развитием государства, в котором видит прогресс, «а то, чего стоил этот прогресс, он оставляет в тени, почитая свое дело совершенным одним обозрением движения прогрессивного начала, т. е. государства»⁸⁶.

В рецензии Бестужева-Рюмина сказались настроения известной части историков, которые отдавали должное Соловьеву как исследователю, много сделавшему для изучения истории государства, истории юридических институтов, но оставившего без должного внимания историю народа. Соловьева, с разных сторон

⁸¹ Там же, стр. 62—63.

⁸² Там же, стр. 76.

⁸³ Там же, стр. 77.

⁸⁴ Там же, стр. 83—92.

⁸⁵ Там же, стр. 124—129.

⁸⁶ Там же, стр. 131.

упрекали в невнимании к народу. В этом обвиняли его К. С. Аксаков и другие славянофилы. При этом они решительно отвергали основные положения, отстаиваемые автором «Истории России». Бестужев-Рюмин критиковал Соловьева с иных позиций. Он считал, что в дополнение к тому, что сделано им по истории государства, следует добавить и результаты изучения жизни и быта народа.

Одобрительно был встречен том I «Истории России» демократически настроенными кругами России. В 1851 г. «Современник» на том I «Истории России» Соловьева отозвался одобрительной рецензией. В ней выход тома I труда Соловьева рассматривался как «ученое событие первой важности» и высказывалось убеждение, что читающая публика, которая «ожидала многого от книги г. Соловьева..., не обманулась в своих ожиданиях»⁸⁷. В том же духе была выдержана напечатанная в 1852 г. в «Современнике» рецензия А. Афанасьева⁸⁸. В ней Афанасьев отмечал оживленные отклики на том I «Истории России», в связи с чем упоминал рецензии Кавелина, Калачева, Ф. И. Буслаева, полемику между «Москвитянином» и Соловьевым⁸⁹. Сам Афанасьев обращал главное внимание на изложение в томе I «Истории России» народных преданий и обрядов⁹⁰.

Положительное отношение представителей демократического направления русской историографии к первым томам «Истории России» достаточно полно и обстоятельно рассмотрено как в общих трудах по истории исторической науки в СССР (таких, как тома I и II «Очерков истории исторической науки в СССР»), так и в специальных работах (таких, как исследование В. Е. Иллерицкого «История России в освещении революционеров-демократов» (М., 1963)). Поэтому в настоящей статье этот вопрос подробно не рассматривается. Вместе с тем следует заметить, что для самого Соловьева поддержка «Современника» вряд ли представлялась существенной.

Общее отношение к тому I «Истории России» рисовалось Соловьеву в мрачных тонах. Но несмотря на это он твердо решил продолжать начатый труд. Впоследствии он вспоминал: «Действительно, я пережил тяжелое время зимою 1851/52 г.; я считал нужным отписываться и от Беляева, и от Калачева — труд страшно неприятный; труд защиты и труд одинокий. Но сила божия в немощи совершается. Никогда не приходила мне в голову мысль отказаться от своего труда, и в это печальное для меня время я приготовил и напечатал II том «Истории России», который вышел весной 1852 г. Как видно, я защищался удачно не полемическими статьями, но именно томами исто-

⁸⁷ «Современник», 1851, т. 29, отд. V (библиография), стр. 61.

⁸⁸ Там же, т. 35, отд. III (критика), стр. 17—36.

⁸⁹ Там же, стр. 19.

⁹⁰ Там же, стр. 20—36.

рии, постоянно ежегодно выходившими; III и IV тома не опоздали, книга шла...»⁹¹

Проявленное в трудное для него время упорство позволило Соловьеву издавать «Историю России» до последних дней жизни, довести повествование до XXIX тома. Оживленные споры вокруг этого издания не утихали не только на протяжении этих 29 лет, но и после смерти Соловьева. Менялось отношение к «Истории России» отдельных критиков и целых направлений. Все это может стать темой специальной работы. Что же касается тома I, то он был значительным событием в русской историографии. Полемика вокруг него выявила наличие четырех направлений в исторической науке: официально-охранительного славянофильского (враждебно встретивших книгу), либерального (поддержавшего ее основные положения) и демократического (положительно оценившего I том по сравнению с трудами господствовавшего до того времени официально-охранительного течения).

В ходе полемики, развернувшейся вокруг тома I «Истории России» Соловьева, не только выявилось отношение к этому сочинению со стороны различных направлений в русской исторической науке. Обсуждение проблем, поставленных в томе I «Истории России», сыграло важную роль в дальнейшем развитии отечественной истории. Со всей определенностью был поставлен вопрос о необходимости создать труд, в котором история России была бы рассмотрена с точки зрения внутренней закономерности исторического процесса.

Высказанные в адрес Соловьева критические замечания, исходившие как от его противников, так и от его сторонников, не только выявили известные недочеты в его работе, но и привлекли внимание историков к важным проблемам, которые им предстояло решить. Справедливые упреки были сделаны Соловьеву в связи с тем, что он стремился почти все исторические события объяснить развитием родовых отношений и их перерастанием в государственные. Указания на слабые стороны теории родовых отношений заставляли историков искать ответ на вопрос, что лежит в основе исторического развития страны. Принципиальное значение имели и сделанные рецензентами замечания, обращавшие внимание на то, что, хотя Соловьев сумел во многом по-новому взглянуть на историю государства в России, история народа и история страны как таковых по-прежнему остались вне поля зрения этого историка. Среди упреков, касавшихся методики исследования, принятой Соловьевым, следует отметить обоснованные указания на то, что автор «Истории России» совершенно не уделил места историографии вопроса, не назвал своих предшественников, не полемизировал с историками, чью точку зрения он не принимал. Многочисленные поправки и уточ-

⁹¹ «Записки Сергея Михайловича Соловьева», стр. 148.

нения, касавшиеся различных частных вопросов, способствовали изучению этих проблем.

Последовавшие после тома I остальные тома «Истории России» свидетельствовали о том, что Соловьев не принял многие из сделанных ему замечаний, в том числе и ряд вполне справедливых. Он упорно придерживался теории родовых отношений, по-прежнему не считал нужным давать историографические обзоры. Тем не менее было бы неверным считать, что дискуссия вокруг тома I «Истории России» прошла для ее автора бесследно, не оказав влияния на его взгляды. Представляется, что суждения Соловьева об общих проблемах развития России, высказанные им впоследствии при изложении истории России конца XVII — начала XVIII в., особенно по поводу петровских преобразований, существенно развивавшие и дополнявшие его общетеоретические построения, в значительной степени сложились под влиянием происходивших в исторических кругах дискуссий, в том числе и споров вокруг тома I «Истории России». Еще более существенным последствием споров вокруг тома I «Истории России» было то, что выдвинутые в них проблемы стали предметом изучения и обсуждения на протяжении нескольких десятилетий, конечный результат которых способствовал серьезным достижениям в разработке важнейших вопросов отечественной истории.

**ПРОЕКТЫ В. Н. ТАТИЩЕВА 1721—1726 гг.
О РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ
НА УРАЛЕ И В СИБИРИ**

А. И. ЮХТ

В настоящей статье рассматриваются четыре записки В. Н. Татищева (1721, 1722, 1724 и 1726 гг.), связанные главным образом с первым периодом его деятельности на Урале. Две из них — о перенесении Ирбитской ярмарки на новое место (1721 г.) и об устройстве новых, более коротких путей из Европейской России в Сибирь (1726 г.) — опубликованы еще в прошлом веке П. П. Пекарским¹. Две остальные — о необходимости постройки различных мануфактур в Сибири (1722 г.) и о создании компании по эксплуатации меднорудных богатств Урала (1724 г.), в которой Татищев намерен был принять личное участие, — не опубликованы. Краткое изложение их дано лишь в работах Н. К. Чушина, много сделавшего для изучения первой поездки Татищева на Урал².

Эти записки почти не вошли в научный оборот и редко привлекались даже в работах, специально посвященных экономическим воззрениям Татищева³. В тех же случаях, когда они использовались, то, как правило, дело ограничивалось только изложением их содержания и общей оценкой. Между тем совершенно очевидно, что попытки рассмотрения проектов Татищева изолированно от конкретно-исторической обстановки, т. е. без учета обстоятельств их возникновения, откликов в различных общественных кругах, хода обсуждения в центральных и местных органах власти, борьбы мнений, а также выяснения того, как они

¹ П. П. Пекарский. Известия, собранные В. Н. Татищевым в бытность его в Сибири и Швеции 1721—1726 гг.— «Известия Русского географического общества», 1863, кн. III, стр. 112—114, 124—128.

² Н. К. Чупин. Василий Никитич Татищев и первое его управление уральскими заводами; он же. Василий Никитич Татищев: жизнь его с 1722 до 1734 г.— Н. К. Чупин. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882.

³ П. К. Алефиренко. Экономические взгляды В. Н. Татищева.— «Вопросы истории», 1948, № 12; С. А. Александров. Экономические и политические взгляды В. Н. Татищева.— «Известия АН СССР. Отделение экономики и права», 1951, № 3; И. С. Бак. Экономические воззрения В. Н. Татищева.— «Исторические записки», т. 54.

соотносились с экономической политикой правительства, и, наконец, последующей судьбы этих проектов, не могут дать плодотворных результатов.

Несомненный интерес представляет изучение и таких вопросов, как отражение в записках Татищева социально-экономической действительности, их соответствие реальным потребностям экономического развития страны.

Для освещения вопросов, поставленных в данной работе, использованы главным образом материалы фондов Берг-коллегии и Кабинета Петра I, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

I

В марте 1720 г. на основании именного указа Петра I Берг-коллегия поручила управление горными предприятиями Кунгура и Урала Татищеву и берг-мейстеру И. Блиеру. После почти пятимесячного пребывания в Кунгуре они 29 декабря 1720 г. прибыли в Уктус. Местный чугунолитейный, железоделательный и медеплавильный завод был маломощным, имел 1 домну и 4 молота, но и они за недостатком воды, особенно летом и зимой, простаивали по нескольку месяцев. Чтобы резко увеличить производство железа, Татищев решил построить крупный завод на новом месте, а Уктусский сделать только медеплавильным. Место для нового завода было выбрано (после совета с мастерами и тщательного осмотра ближайшей округи) на берегу полноводной реки Исети примерно в 7 верстах от Уктуса (впоследствии на этом месте возник Екатеринбург). Производительность завода, по предположению Татищева, должна была составить до 150 тыс. пудов железа в год. Здесь же он был намерен организовать и передельные производства: стальное, проволочное, жестяное, дощатого железа и т. д.⁴

6 февраля 1721 г. Татищев послал обширное донесение в Берг-коллегию, в котором просил разрешения начать строительство и поставил перед ней ряд вопросов (о переводе денег, найме вольнонаемных работников, присылке мастеров и др.), связанных с постройкой и эксплуатацией будущего завода⁵. В тот же день он направил личное послание президенту Берг-и Мануфактур-коллегии Я. В. Брюсу, у которого пользовался большим доверием. В нем он разъяснял и более подробно разви-

⁴ Подробнее об этом см.: *Н. К. Чупин. Указ. соч.*, стр. 53—55; *В. Рожков. Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого. СПб., 1884, стр. 14—15; М. А. Горловский. К истории основания Екатеринбурга.— «Исторические записки», т. 39, стр. 159—180.*

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 618, лл. 48—59 об., 128—136.

вал основные предложения, изложенные в донесении Берг-коллегии⁶.

Из этих документов видно, что у Татищева было намерение превратить новый завод не только в центр горнозаводской промышленности Урала, но и в крупный торговый пункт, т. е. обеспечить быстрое экономическое развитие этого района⁷. Татищев предлагал перевести Ирбитскую ярмарку в район нового завода, а пока он будет построен — в Уктус. Если же это не будет разрешено, то завести здесь вновь ярмарку, которую собирать дважды в год — весной и зимой, продолжительностью до двух недель каждый раз. Одновременно он считал необходимым организовать мелочный торг съестными припасами и другими товарами на заводе беспощинно до окончания его постройки.

Берг-коллегия, придавая большое значение предложению Татищева о переводе Ирбитской ярмарки, направила выписку из донесения Татищева Брюсу (пункт 13-й «О годовой ярмарке») для сведения в Кабинет Петра I. Именно эта выписка, как упомянуто выше, и была опубликована Пекарским.

Записка Татищева представляет интерес во многих отношениях. Она, в частности, свидетельствует о том, какое огромное значение придавал ее автор торговле для экономического развития страны. Записка начинается словами, характерными для фразеологии петровского времени. Эта фразеология получила распространение не только в законодательных актах и публицистике, но и в деловой документации. «Сие я не без великия потребности народа и великого государственного прибытка представляю», — писал Татищев.

Необходимость перевода Ирбитской ярмарки Татищев обосновывал следующими доводами: 1) ярмарка происходит в «деревне малой», и поэтому купцы испытывают недостаток постоянных дворов и торговых помещений; 2) произвол воеводы и таможенных сборщиков крайне отрицательно сказывается на торговле и вызывает недовольство купечества; 3) торговым людям предписано ездить в Сибирь и обратно только через Верхотурье и Соликамск. Между тем эта дорога значительно удлиняет путь и, по мнению Татищева, увеличивает расходы по доставке товаров до 40%. В случае же перевода ярмарки в Уктус купцы из Казани и всей России поедут в Сибирь и обратно через Кунгур, а из Тобольска в Уктус дорога тоже лучше и ближе; 4) весной отсюда можно отправлять товары по Исети в Сибирь, по Чусовой и Каме в Казань, по Каме вверх, Вычегде и Северной Двине в Архангельск; 5) железо, произведенное на заводах, удобно будет вывозить на экспорт через Архангельск и продавать здесь на ярмарке, в результате чего доходы казны значительно увеличатся; 6) по словам Татищева, во время посещения ярмарки в янва-

⁶ Там же, лл. 128—136.

⁷ Это справедливо отметил Н. К. Чупин (*Н. К. Чупин*, Указ. соч., стр. 54).

ре 1721 г. он беседовал со многими купцами-сибиряками и европейской части страны, и они «с великою охотою» согласились с его предложением при условии, что новое место будет «довольно» заселено. Татищев считал, что это нетрудно будет сделать в течение нескольких лет; 7) на ярмарку охотно станут приезжать башкиры и другие народы, поскольку они живут здесь «в близости»; это позволит увеличить таможенные пошлины, а главное будет способствовать улучшению отношений с этими народами; 8) приезжие купцы, убедившись, что заводы приносят казне доход, «возымеют охоту» вкладывать свои капиталы в горно-заводскую промышленность; 9) мастеровым людям на заводах можно будет платить меньшее жалованье, «ибо они от постою и торгу довольны будут»; 10) наконец, перевод ярмарки откроет путь персидскому шелку в Архангельск⁸.

Не дожидаясь ответа Берг-коллегии на свои представления, Татищев, будучи в Тобольске, обратился к сибирскому губернатору А. М. Черкасскому с предложением отказаться от единственно дозволенной дороги в Сибирь через Верхотурье и легализовать более короткий и удобный путь через Уктус.

Как известно, в XVII и вплоть до начала 60-х годов XVIII в., когда была отменена Верхотурская таможня, правительство в фискальных целях требовало от купцов при поездках в Сибирь и обратно обязательного проезда через Верхотурье, где с товаров и денег бралась 10%-ная пошлина. Для купцов европейской части России (кроме Поморья) дорога в Сибирь через Соликамск — Верхотурье, проходившая отчасти по гористым, отчасти по болотистым местам, была неудобна. Весной и осенью по ней почти нельзя было ездить. Главное же, она удлиняла путь на 200 с лишним верст⁹. Поэтому торговые люди проложили новые дороги в Сибирь, значительно южнее Верхотурской, проходившие по более заселенным местам¹⁰. Одна из них шла через Кунгур, Уткинскую слободу на реке Чусовой и Уктус.

Татищев писал Черкасскому, что ранее торговые люди из Казани, Вятки, Кунгура и других мест России ездили в Сибирь ближайшим путем через Уктус. Но при сибирском губернаторе Гагарине, кроме Верхотурской, другие дороги в Сибирь и обратно были запрещены¹¹, и на Уктусе была учреждена застава, которая должна была задерживать купцов. После того как Татищев прибыл сюда (в Уктус), то нашел эту заставу «в худом состоянии». Многие купцы, как стало известно Татищеву, не желая

⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 618, лл. 132 об.—134; П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 112—114.

⁹ А. Хитров. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872, стр. 28.

¹⁰ А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972, стр. 122—126.

¹¹ Татищев в данном случае ошибался. И до Гагарина дорога в Сибирь, помимо Верхотурья, была запрещена правительственными указами.

ездить через Верхотурье, проезжали в Сибирь тайно, не платя пошлин, объезжими дорогами, минуя Уктусскую заставу. Полагая, что сибирский губернатор может самостоятельно решить этот вопрос, Татищев просил разрешить проезд в Сибирь по новой дороге и определить, кому быть у сбора пошлин, «ибо на Уктусе способных к тому людей обрести невозможно». Что касается таможенного головы, который находится здесь, то он ему не доверяет¹².

Из Тобольска ответили, что губернская канцелярия определила заставщиков, таможенных голов, фискалов и драгун, которые вскоре придут, и поручила земским комиссарам следить, чтобы никто посторонними дорогами в Сибирь не проезжал. Так как заставщики и другие люди из Тобольска не были присланы в ближайшее время, Татищев, стремясь не допустить тайного, беспошлинного провоза товаров, наметил организовать еще несколько застав, а именно в Горном Щите (селение, которое строилось тогда для драгунской роты близ Уктусского завода), Федьковском (Невьянском) заводе Демидова и для едущих в Сибирь из Башкирии на Каменском заводе. Надеясь получить разрешение от Черкасского на проезд в Сибирь по дороге Кунгур — Уктус, Татищев приказал расчистить эту дорогу, через речки построить мосты, в болотистых местах поделать гати. Он намеревался также построить «по пустым местам» постоялые дворы, «чтобы проезжих удовлетворять и убытки положенные возратить», и устроить почту, которая была необходима для регулярных сношений с Кунгуром и Берг-коллегией. Отсутствие благоустроенной дороги, постоялых дворов и опасность нападения башкир, отмечал Татищев, заставляют ездить «людно, для прокормления лошадей и людей вести кормы», а в зимнее время — по снежной целине. В результате казна терпит «великий убыток», а подводчики разоряются. Все остальные объезжие дороги Татищев считал необходимым зарубить (т. е. завалить срубленными деревьями)¹³. Обо всем этом он донес в июле 1721 г. сибирскому губернатору.

Татищев принял также ряд мер для организации мелочной торговли на Уктусском заводе, отсутствие которой причиняло заводу «немалое помешательство». Потребность в одежде, обуви и других товарах вынуждала мастеровых и рабочих людей ездить за ними верст за 200 или 300, что влекло излишние расходы. Такое положение вызывало недовольство заводских людей и было невыгодно для администрации, ибо в результате таких дальних поездок терялось удобное для работы время. Вольнонаемные же работники, по словам Татищева, «ради сея скудости отбегали». Выбрав 5 человек и взяв по ним «поруки добрые», Та-

¹² ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 640, лл. 222 об.—223.

¹³ Там же, кн. 616, л. 118—118 об.; кн. 640, л. 224; Н. К. Чупин. Указ. соч., стр. 57—58.

тищев дал им 400 руб. казенных денег и приказал привести необходимые товары, заплатив положенные пошлины, построить лавки и торговать в них «ценою среднюю, чтобы не отягощать купующих».

Раньше на заводах торговля продуктами питания велась в воскресные дни, но потом указом была запрещена, чтобы не мешать церковной службе. От этого «немалая нужда в харчах учинилась». Работные люди, будучи в течение всей недели на работе в лесу, в воскресные дни ничего не могли купить, поскольку крестьяне перестали привозить на продажу продукты. По просьбе мастеров и работников Татищев разрешил торговать «съестными товарами» в субботу по полудни и в воскресенье перед обедней¹⁴.

На свое июльское донесение Татищев получил указ Тобольской губернской канцелярии от 11 декабря 1721 г. Признавая в принципе, что новые дороги, проложенные в Сибирь, возможно, более удобны, чем Верхотурская, канцелярия, ссылаясь на грамоту 1704 г.¹⁵ из Сибирского приказа, отмечала, что не может разрешить проезд по этим дорогам. Более того, она считала необходимым усилить контроль за выполнением указов, запрещавших проезд в Сибирь, помимо Верхотурья, и с этой целью к трем заставам (которые намечал создать Татищев) требовала организовать дополнительно еще две — в Китайском остроге и Долматовом монастыре. Вместе с тем Сибирская канцелярия решила обратиться к Камер-коллегии и просить ее дать разрешение на проезд в Сибирь по новым дорогам¹⁶.

Итак, предложение Татищева, к немалому его огорчению, было отвергнуто. Единственно, что удалось ему добиться, это разрешения казанским, уфимским и кунгурским торговым людям ездить на Ирбитскую ярмарку и обратно через названные заставы, при этом предписывалось строго следить, чтобы купцы не провозили никаких «заповедных товаров» (т. е. дорогих мехов, ревеня и пр.)¹⁷.

Как же отнеслись в центре к предложениям Татищева, которые он выдвинул в своих донесениях от 6 февраля 1721 г. Берг-коллегии и Брюсу? Обсуждению подвергся главным образом его проект о переводе Ирбитской ярмарки в район Уктусского завода. Вопрос об организации мелкой торговли на заводе ни у кого не вызвал возражений. Берг-коллегия в принципе одобрила этот проект, полагая, что его осуществление будет способствовать развитию Уктусских медного и железного заводов. «А оныя заводы, — отмечалось в приговоре коллегии от 24 мая 1721 г., —

¹⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 616, лл. 118 об.— 119.

¹⁵ Грамота 1704 г. в ПСЗ не опубликована и в последующих указах правительства, подтверждающих обязательность проезда в Сибирь через Соликамск — Верхотурье, не упоминается.

¹⁶ Такое разрешение не было дано.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 616, лл. 26—27.

когда в совершенство и в силу свою придут, то может от них быть немалая государственная прибыль, как наполнением меди и железа, так и пошлинами, что с того будет с купцов збиратца». Если в силу каких-либо причин перевод Ирбитской ярмарки будет признан неприемлемым, то, по мнению Берг-коллегии, следует добиваться открытия на Уктусских заводах новой ярмарки. Поскольку вопросы, поставленные Татищевым, выходили за рамки ее компетенции, она обратилась в Камер-коллегию и Главный магистрат¹⁸.

Камер-коллегия, рассмотрев предложение Татищева, представила его решение на усмотрение Черкасского. 29 июля 1721 г. в Тобольск был послан указ, в котором сибирскому губернатору, исходя из «пользы государства», предлагалось определить: Ирбитской ярмарке оставаться ли на прежнем месте или по требованию Берг-коллегии перевести ее на Уктусские заводы; или же ярмаркам быть в обоих местах? Коллегия потребовала прислать ей сведения о пошлинных сборах на Ирбитской ярмарке за последние годы¹⁹.

Берг-коллегия, получив известие об этом решении Камер-коллегии, через два дня, 31 июля 1721 г., послала копию его Татищеву и поручила ему вопрос, «где ярмарке быть пристойнее», согласовать с сибирским губернатором²⁰.

Главный магистрат в промемории Берг-коллегии от 18 сентября 1721 г. заявил, что не может взять на себя решение вопроса о перенесении Ирбитской ярмарки в район Уктусского завода, потому что не имеет «подлинного известия» о тех местах, где он расположен, и потому что опасается, как бы от такой перемены в доходах казны «умаления, а в купечестве помешательства какова не произошло». Подобно Камер-коллегии, Главный магистрат считал, что окончательное решение этого вопроса следует предоставить сибирскому губернатору, поскольку он хорошо знаком с местными условиями. Не возражая против учреждения при Уктусском заводе торгов и ярмарки, Главный магистрат высказался против перевода туда Ирбитской ярмарки во всяком случае до тех пор, пока вновь учреждаемая ярмарка в Уктусе не придет «в совершенное состояние», не завоюет известность, и «российские купецкие и протчих чинов и народов люди» привыкнут туда ездить, убедившись в пользе и выгоде тамошней торговли. Только после этого и если от Ирбитской ярмарки не будет «большой пользы», ее можно будет уничтожить²¹.

В Тобольске указ Камер-коллегии от 29 июля 1721 г. был получен 26 ноября того же года. Тобольская губернская канцелярия направила копию данного указа верхотурскому воеводе

¹⁸ Там же, кн. 1010, л. 148—148 об.

¹⁹ Там же, лл. 151—152.

²⁰ Там же, л. 153.

²¹ Там же, л. 154—154 об.

С. Пашкову, в ведении которого находилась Ирбитская ярмарка, и поручила ему созвать представителей российского купечества («подлинных ведомцев») и запросить их мнение по вопросам, поставленным в указе, и прислать сведения о пошлинных сборах на Ирбитской ярмарке за последние 10 лет ²².

9 марта 1722 г. Пашков прислал в Тобольск «скаску разных городов купецких людей» и ведомости о сборе пошлин за 1711—1722 гг. В сказке говорилось, что торговля на Ирбитской ярмарке ведется исстари и приезжающие туда не испытывают недостатка «ни в харчах, ни в конских кормах, ни в протчих потребностях». Кроме того, отмечали торговые люди, Ирбитская ярмарка расположена ближе к русским городам, чем Уктусский завод. Купцы заявили, что будут по-прежнему торговать на ярмарке, а на Уктусе вести торговлю отказались, ибо место это новое, и «за необыкновением и за незнанием уктусского торгу и товаров купить будет у них некому». Если ярмарку перевести в Уктус или другое место, указывали они, то казна понесет убытки, потому что в пошлинном сборе будет «великий недобор». Подписавшие сказку купцы сообщили, что они никогда для торгу не ездили на Уктусский завод и поэтому не знают, повредит ли Ирбитской ярмарке, если уфимские, кунгурские, казанские татары, а также русские торговые люди станут торговать в Уктусе, и следует ли быть торгам на Ирбитской ярмарке и Уктусском заводе в одно или в разное время ²³.

У нас нет оснований считать, что верхотурский воевода и представители местной власти оказали давление на купцов при составлении «скаска», что она не отражает их подлинного мнения. Единственно, что можно подвергнуть сомнению в «скаске», так это заявление торговых людей, что во время Ирбитской ярмарки они «имеют во всем свободу», т. е. не испытывают притеснений со стороны властей. Хорошо известны жалобы купцов на произвол верхотурских воевод и сборщиков пошлин. Но, разумеется, было бы странным ожидать от них подобных жалоб в «скаске», поданной тому же верхотурскому воеводе.

Итак, торговые люди вполне определенно высказали свое суждение о предложении Татищева относительно перенесения Ирбитской ярмарки в район Уктусского завода. Но «скаска» представляет интерес не только с этой точки зрения. Торговые люди подписались под «скаской» и указали, жителями каких городов и населенных пунктов они являются. Это обстоятельство очень важно для характеристики географии торговли Ирбитской ярмарки. «Скаску» подписали 78 человек, которые были жителями 24 городов и населенных пунктов России. Среди них из Москвы 1, Петербурга — 3, Устюга Великого — 13, Олонца — 2, Архангельска — 1, Суздаля — 3, Ваги — 1, Яренска — 5, Казани — 4,

²² ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 616, лл. 164—165.

²³ Там же, л. 165 об.

Соли Вычегодской — 2, Соли Камской — 3, Чердыни — 3, Печми — 3, Симбирска — 1, Лальска — 1, Братского острога — 1, Тобольска — 4, Иркутска — 5, Тары — 6, Томска — 3, Тюмени — 1, Нарыма — 1, Невьянских заводов — 1, Ялуторовской слободы — 8 человек. Один из подписавших «скаску» не указал, жителем какого города он является, а сообщил, что он «человек господ Строгановых»²⁴.

Нетрудно заметить, что с Ирбитской ярмаркой наиболее тесно были связаны купцы Поморья (33 человека) и Западной Сибири (23 человека). Из поморских городов особенно выделяется Устюг Великий, из которого на Ирбитскую ярмарку в 1722 г. приехало 13 человек. Торговые люди Восточной Сибири, Поволжья и Центральной России были представлены на ярмарке в незначительном числе. Конечно, на основании данных за один год невозможно сделать определенных выводов, но ясно одно, что в орбиту торговых связей Ирбитской ярмарки были втянуты главным образом такие районы, как Поморье и Западная Сибирь.

Роль Ирбитской ярмарки в складывании всероссийского рынка, в установлении торговых связей между европейской частью России и Сибирью в XVII—XIX вв. совсем почти не изучена в исторической литературе²⁵. Поэтому имеет смысл привести не публиковавшиеся ранее и неизвестные исследователям сведения о таможенных сборах на Ирбитской ярмарке за 1710-е годы, которые, как отмечалось выше, сообщил верхотурский воевода Пашков. Данные эти в известной мере характеризуют динамику торговли Ирбитской ярмарки за 12 лет (см. табл. на стр. 302).

В 1723 г. Камер-коллегия и Берг-коллегия рассмотрели материалы, присланные из Тобольска, в частности упоминавшуюся «скаску» купцов.

Камер-коллегия твердо высказалась против перевода Ирбитской ярмарки на новое место, ибо эта мера приведет к «умалению» пошлинных сборов и вызовет недовольство купечества. Берг-коллегия отказалась от поддержки предложения Татищева о переводе Ирбитской ярмарки и в сентябре 1723 г. приняла решение просить Камер-коллегию позволить учредить ярмарку на Уктусском заводе, но только не в одно время с Ирбитской. Просьба была удовлетворена. 17 октября 1723 г. Камер-коллегия решила послать указы в Тобольскую губернскую канцелярию и в Главный магистрат, чтобы они объявили об этом всем торговым людям Сибирской губернии и «для государственной прибыли в пошлинном зборе... всякими мерами старались оную ярмарку завести». Поскольку расстояние между Ирбитом и Уктусом примерно 300 верст, Камер-коллегия считала, что никакого «помеша-

²⁴ Там же, лл. 165 об.— 166 об.

²⁵ Единственная специальная работа об Ирбитской ярмарке А. Хитрова, выпущенная 100 лет назад, значительно устарела, хотя и содержит некоторый фактический материал.

Сбор пошлин на Ирбитской ярмарке в 1711—1722 гг.

(в руб. — коп.) *

Год	«Таможенный сбор денег»	«Десятинный сбор товаров» на сумму	Всего пошлин	Кабацкий сбор
1711	1262—00	68—60	1330—60	227—51
1712	1720—91	188—26	1909—26	314—39
1713	1560—67	3729—82	5290—49	299—89
1714	1019—93	3864—60	4884—53	324—93
1715	1643—84	3900—66	5544—50	418—06
1716	1050—05	1693—12	2743—19	265—36
1717	3120—72	3972—80	7093—52	266—08
1718	1662—81	2320—98	3983—79	236—00
1719	1177—50	2600—31	3717—81	107—64
1720	1824—58	3921—11	5745—69	175—95
1721	1641—59	3266—21	4807—80	176—87
1722	1311—78	4201—76	5513—54	252—64

ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, лл. 167—169. В указанной работе Хитрова (А. Хитров. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки, стр. 35) приводятся сведения о таможенном и кабацком сборах за 1716—1718 гг., которые очень близки с данными настоящей таблицы. В конце 1730-х годов сбор пошлин на Ирбитской ярмарке в среднем остался на том же уровне. Так, в 1737 г. он составил 4115 руб., в 1738 г. — 4097, в 1739 г. — 2685 и в 1740 г. — 5126 руб. (М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965, стр. 54).

тельства» Ирбитской ярмарке от Уктусской не будет, тем более что торговля на них будет вестись в разное время²⁶.

Получив известие об этом решении, Берг-коллегия послала указ В. И. Геннину, который был назначен в 1722 г. вместо Татищева, чтобы он согласовал вопрос о начале и продолжительности Екатеринбургской ярмарки²⁷ с сибирским губернатором. Геннин предложил начинать ярмарку в Екатеринбурге спустя месяц после Ирбитской, т. е. 2 февраля каждого года, причем просил губернатора объявить купцам, что они могут торговать в Екатеринбурге до весны и что отсюда очень удобный водный путь: в Россию — Чусовой и Камой, в Тобольск — Исетью²⁸.

Однако ярмарка в Екатеринбурге ни в 20-х, ни в начале 30-х годов XVIII в., по-видимому, успеха не имела. Во всяком случае в 1734 г. во время второго назначения Татищева на Урал

²⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, лл. 175—176, 184—185 об.

²⁷ В 1723 г. Геннин начал строительство завода на Исети (на месте, выбранном и подготовленном Татищевым), которое положило основание Екатеринбург, ставшему впоследствии административным и экономическим центром горнозаводского Урала. Берг-коллегия предложила Геннину открыть ярмарку в Екатеринбурге, а не в Уктусе.

²⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, л. 545—545 об.

он вновь поставил вопрос об открытии ярмарки в Екатеринбурге. Представление Татищева было утверждено указом Сената от 28 марта 1734 г. В нем говорилось: «В Екатеринбурге учредить вновь ярмонку, кою начинать с 20 или 25 марта и продолжать оную две недели». По указу эта ярмарка учреждалась для того, чтобы купцы, которые опоздают на Ирбитскую ярмарку, не ждали ее целый год, а могли бы продавать свои товары в Екатеринбурге, а также вывозить их водным путем как в Россию, так и в Сибирь²⁹.

Несмотря на все усилия местной и центральной власти, а также на выгодное географическое положение Екатеринбурга (удобные водные пути, с 60-х годов XVIII в. через него проходил знаменитый Сибирский тракт, центр горнозаводского района), Екатеринбургская ярмарка и впоследствии не имела большого значения и не шла ни в какое сравнение с Ирбитской.

Итак, предложение Татищева о переводе Ирбитской ярмарки на новое место в течение нескольких лет обсуждалось центральными учреждениями и местными властями Сибирской губернии с участием представителей российского купечества. Вопрос этот подвергся обстоятельному рассмотрению не только из-за фискальных соображений, хотя при окончательном решении его они сыграли определяющую роль. Была другая, тоже очень важная сторона дела: проект Татищева, казалось, открывал перспективы быстрого развития горнозаводской промышленности Урала, в чем правительство было крайне заинтересовано. Реализация его могла послужить толчком для привлечения частных, в основном купеческих, капиталов в металлургию, что являлось одной из целей экономической политики Петра I, облегчить сбыт железа на внутреннем рынке и внешнем (через Архангельск) путем сокращения расходов на транспортировку. Именно поэтому Берг-коллегия, которая в первую очередь отвечала за подъем горнозаводской промышленности России, полностью поддержала предложение Татищева.

Однако Камер-коллегия отнеслась к нему осторожно и прежде всего потому, что не было никаких гарантий, что перенесение Ирбитской ярмарки на новое место не повлечет за собой сокращения таможенных доходов. Не располагая точными сведениями об условиях торговли и размерах таможенных сборов на Ирбитской ярмарке, Камер-коллегия не стала высказывать своего окончательного суждения, справедливо полагая, что вопрос с большим знанием дела может быть решен на месте (т. е. властями Сибирской губернии), чем в центре. Убедившись из показаний купечества и Главного магистрата, что перевод Ирбитской ярмарки на новое место приведет к сокращению таможенных сборов (которые ежегодно составляли несколько тысяч рублей) и нарушению традиционных торговых связей европейской части Рос-

²⁹ ПСЗ, т. IX, № 6563.

сии с Сибирью, Камер-коллегия поддержала сибирского губернатора, отвергнувшего по тем же причинам предложение Татищева.

Намерения Татищева, которыми он руководствовался, выдвигая свое предложение, вполне очевидны. Перевод такой крупной ярмарки, имевшей всероссийское значение, как Ирбитская в Екатеринбург (Уктус), способствовал бы, по его мнению, быстрому развитию и экономическому процветанию горнозаводской промышленности Урала и всего края в целом. Однако проект Татищева натолкнулся на сопротивление купечества, и это в конечном счете решило его судьбу. Дело, разумеется, не в жесткости купечества и не в силе традиций, хотя последнее обстоятельство нельзя сбрасывать со счета.

Купцы в упоминавшейся «скаске» подвергли критике проект Татищева по двум линиям. Они опровергли его свидетельство о неудобном местоположении Ирбитской ярмарки, о неблагоприятных условиях торговли на ней и о желании якобы российского и сибирского купечества перенести ее на новое место. Показания купцов, что Ирбитская ярмарка расположена *«в удобном и жилом месте»*, соответствовали действительности и подтверждаются документами.

Ирбитская слобода находилась в центре населенного земледельческого района, была выгодно расположена на границе европейской части России и Сибири. Эти и другие причины, отмеченные в литературе, обусловили превращение ее с середины XVII в. в место крупного торгового центра³⁰. Ирбитская ярмарка размещалась не в малой деревне, как писал Татищев, а в большой слободе. По данным переписных книг 1710 г., в Ирбитской слободе и приписанных к ней деревнях было 232 двора с населением 1831 человек. В самой слободе имелось 86 дворов, в том числе 20 — промышленных людей (103 чел.), 18 — бобылей и захребетников (75 чел.), 13 — оброчных крестьян (108 чел.), 11 — беломестных казаков, 10 дворов ямских охотников и т. д.³¹. К сожалению, не удалось обнаружить данных о начале 20-х годов XVIII в., но в начале следующего десятилетия в ней насчитывалось свыше 2 тыс. душ м. п. крестьянского населения. В это же время в слободе имелось довольно большое число торговых помещений. Так, в Большом деревянном гостином дворе было 149 лавок. Кроме того, во время ярмарки за пределами гостиного двора строилось много временных лавок для мелочной и продуктовой торговли³².

Не согласились купцы и со вторым тезисом Татищева о более выгодном географическом расположении Уктуса — Екатерин-

³⁰ Л. Е. Иофа. Города Урала, ч. 1. М., 1951, стр. 133, 135; М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 53—54 и др.

³¹ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 1539, лл. 328—353. Приношу благодарность А. А. Преображенскому, сообщившему мне шифр книги, где содержатся эти сведения.

³² М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 53—54.

бурга по сравнению с Ирбитской слободой. Не высказываясь прямо против этого положения, они выдвинули ряд причин, исходя из которых считали неприемлемым для себя и невыгодным для казны перенесение Ирбитской ярмарки на новое место. Все подписавшие «скаску» торговые люди сообщили, что не знают места более удобного для ярмарки, чем Ирбитская слобода.

Следует отметить, что и в 1723 г., и впоследствии Татищев не склонен был считать доводы купечества очень убедительными, но от своей идеи вынужден был отказаться. В донесении 14 марта 1734 г. Кабинету министров, вспоминая о проекте перевода Ирбитской ярмарки в Екатеринбург, Татищев писал, что об этом тогда и указ был послан в Сибирскую губернию³³, «токмо купечество просило, чтобы не переносить. Которое видится *хотя не сильныя причины имело*, однакож и я мню, что оную в той силе оставить» (т. е. не переводить)³⁴.

Впоследствии, во второй половине XVIII в. и в XIX в., пермские и сибирские губернаторы неоднократно предпринимали попытки перевести Ирбитскую ярмарку в Екатеринбург или Тюмень, но все эти попытки успеха не имели³⁵.

На основании изложенного можно сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, благоприятные географические условия того или иного пункта: расположение на удобных водных и сухопутных путях (конкретно речь идет об Екатеринбурге), взятые сами по себе, в отрыве от экономических и других факторов, далеко не всегда являются решающими для превращения этого пункта в крупный торговый центр. Во-вторых, и это главное, стремление административным путем решать сложные вопросы хозяйственного развития страны без учета конкретно-исторических условий, а также традиционных экономических связей неизбежно было обречено на провал.

II

В конце сентября 1721 г. Татищев обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить ему поездку зимой 1722 г. в Петербург для обсуждения «нужных дел», ибо письменно о всем доложить трудно. Готовясь к отъезду, он в январе 1722 г. написал два представления в Сибирское горное начальство³⁶, чтобы озна-

³³ Это не совсем точно. Указом Камер-коллегии решение вопроса о переводе Ирбитской ярмарки было предоставлено на усмотрение сибирского губернатора (см. стр. 299 настоящей статьи).

³⁴ А. Хитров. Указ. соч., стр. 27.

³⁵ Л. Е. Иофа. Указ. соч., ч. 1, стр. 135—136.

³⁶ Уральские заводы находились на территории Верхотурского и Тобольского уездов, входивших в состав Сибирской губернии, поэтому и горное начальство называлось Сибирским. Оно было создано осенью 1721 г. и размещалось на Уктусском заводе. В него входили Татищев, Блнер и Михаелис (после его назначения на Урал). В связи с отъездом Татищева

комить с делами нового члена берг-советника Михаелиса, посланного Берг-коллегией на Урал, а главное рассмотреть эти представления, принять коллективное решение и сообщить о нем в центр. Но узнав, что в Москве ожидается прибытие Петра I, и будучи уверен, что там же будет Брюс, Татищев, не дожидаясь указа Берг-коллегии, поехал туда, чтобы лично донести президенту о всех делах и попытаться решить важнейшие из них. В связи с отъездом Татищева Сибирское горное начальство, по видимому, не рассматривало его записки. Находясь в Москве, Татищев представил их в Берг-коллегию, в делах которой они и сохранились.

В первой записке от 11 января 1722 г.³⁷ Татищев наряду с другими делами сообщал, что он, помимо Исетского (будущего Екатеринбургского) завода, наметил еще ряд мест для строительства металлургических заводов, а именно: на реке Ревде, впадающей в Чусовую, и на реке Боевке, притоке Багаряка, где укладной мастер государственных Каменских заводов Михаил Воронин «вновь добрую железную руду обрел». Кроме богатых залежей руды, в этих местах много леса и реки удобные, писал Татищев.

Во второй записке от 18 января того же года³⁸, которая и будет рассматриваться здесь, Татищев предлагал также построить металлообрабатывающие предприятия и организовать на них производство стали, проволоки, жести, ножей и башенных часов («большого дела») с боем³⁹. Кроме того, он считал необходимым основать мануфактуры для изготовления стеклянной посуды и бумаги.

Татищев указывал, что перечисленные мануфактуры «пристойнее и прибыточнее» строить на Урале и в Сибири, нежели в других районах страны. Обоснованию этой мысли посвящена большая и, несомненно, самая интересная часть второй записки.

Металлообрабатывающие предприятия выгодно строить на Урале потому, отмечает Татищев, что здесь много добывается железа, оно дешевле олонецкого и превосходит его по качеству, нет недостатка в рабочих руках, причем рынок труда относи-

в состав горного начальства был включен берг-фохт И. Патрушев. Берг-коллегия обязала Михаелиса обсуждать все дела совместно с Блиером и Патрушевым.

³⁷ «Представление Сибирскому горному начальству о делах усмотрениям и разсуждениям решения требующих, яко на Кунгуре, тако и на Уктусе» (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 616, лл. 110—123 об.).

³⁸ «Напаметование в Сибирское горное начальство господину берг-советнику Михаелису с товарищи» (там же, лл. 134—138). Эта записка использована в работе М. П. Кузьминой «Экономические воззрения В. Н. Татищева» (Свердловск, 1966. Автореферат кандидатской диссертации).

³⁹ О необходимости развития металлообрабатывающей промышленности на Урале Татищев писал еще ранее в письме Брюсу от 6 февраля 1721 г. (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 618, л. 130, 130 об.). В «напаметовании» он более подробно развивает свое мнение.

тельно недорогой вследствие дешевизны «харчей и прочих потребностей». Значительно выгоднее вывозить отсюда готовые изделия, а не полуфабрикаты, к тому же потребуются меньше судов и работников. «Сталь добрую», тонкую проволоку, которые необходимы заводам и населению, приходится привозить из других стран, «отчего не только убыток, но и за недостатком оной [стали] разные помешательства заводам». Что касается ножей, то хотя их в России «довольно делается», но они уступают по качеству западноевропейским, поэтому из Англии и Голландии ежегодно привозится по несколько тысяч дюжин, что невыгодно для государства⁴⁰.

В своих прежних донесениях в Берг-коллегию Татищев неоднократно жаловался на недостаток «боевых» (т. е. с боем) часов на заводах, указывал, что их в Сибирской губернии купить невозможно, и просил прислать несколько штук, а еще лучше часового мастера, чтобы организовать их производство на месте. В названной записке он вновь подчеркивал, что при наличии хорошего мастера и необходимых инструментов можно быстро наладить выпуск не только башенных, но и столовых и стенных часов, поскольку в Уктусской школе, организованной им, обучается арифметике и геометрии несколько детей мастеровых, которых нетрудно будет обучить этому делу.

Стеклянной посуды в Сибири мало, стоит она дорого, ибо привозят ее издалека — с Украины и Архангельска. Не хватает также бумаги⁴¹, которую доставляют тоже из Архангельска, а расход ее растет из года в год. Между тем есть полная возможность для изготовления посуды и бумаги на месте.

Новые мануфактуры лучше всего, указывал Татищев, построить «при судоплавной реке и в людном месте, где б торжище всеседмичное и годовое было». На основании этих слов можно предполагать, что Татищев, по-видимому, хотел создать их в районе Исетского (Екатеринбургского) завода, куда, как мы знаем, он предлагал перевести и Ирбитскую ярмарку.

Продукцию этих мануфактур, писал Татищев, можно будет продавать не только в России, но и вывозить в Персию.

Указание Татищеву на Персию как возможный внешний рынок не случаен. Русские промышленные товары не могли конкурировать с западноевропейскими, так как уступали им по ка-

⁴⁰ Весной 1724 г. в докладных пунктах Сенату Татищев среди прочих дел вновь выдвинул вопрос о строительстве мануфактур для производства ножей, ножниц, бритв и других бытовых изделий из железа и о распространении этого промысла среди уральских и сибирских крестьян (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 4, л. 329—329 об.; ПСЗ, т. VII, № 4529).

⁴¹ В письме сибирскому губернатору А. М. Черкасскому от 14 марта 1723 г., находившемуся в это время в столице, Татищев, извиняясь, что пишет на «худой бумаге», сообщал, что в ней «здесь ныне такая нужда, что по 7 рублей стопу купят, чего никогда не бывало и достать невозможно, опасно, чтоб не принудило нас писать на бересте» (ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. 62, л. 1006).

честву. Закавказье же и Персия были источником сырья для русской легкой промышленности (шелк-сырец, хлопчатая бумага, красящие вещества) и рынком сбыта изделий мануфактурной промышленности, промыслов и ремесла. Русское купечество неоднократно указывало на огромное значение торговли с Закавказьем и Персией. Такого же мнения придерживалось и правительство⁴². Как известно, в основе персидского похода Петра I лежали не только внешнеполитические и стратегические, но также экономические причины. Впоследствии, когда Татищев был астраханским губернатором (1741—1745 гг.), он много сделал для развития восточной торговли России.

В духе времени, с позиций развитого меркантилизма Татищев в записке указывал на невыгодность привоза промышленных товаров из-за границы, на необходимость развития обрабатывающих отраслей промышленности с тем, чтобы «удовольствоваться» внутренним рынком и обеспечить экспорт не только сырья и полуфабрикатов, но и в первую очередь промышленных товаров. Результатом такой экономической политики будет «великий государственный прибыток». В заключении записки Татищев подчеркивал большое значение промышленного развития Урала и Сибири для экономического процветания страны.

Рассмотрев записку Татищева, Берг-коллегия приняла решение специально обсудить его предложение о строительстве металлообрабатывающих предприятий на Урале, а вопрос о развитии других отраслей промышленности (стекольной, бумажной и пр.) поставить перед Мануфактур-коллегией, поскольку это входит в ее компетенцию⁴³. Приняла ли Мануфактур-коллегия какие-либо меры в ответ на это представление Берг-коллегии, нам неизвестно. Что касается первой части предложения Татищева, то, как известно, в инструкции В. И. Геннину от апреля 1722 г. (подписанной Петром I), который сменил Татищева на Урале, имелся и пункт о производстве уклада, стали, жести, дощатого кровельного железа и об изготовлении машин для резания железа и проволочного дела⁴⁴.

Был ли включен этот пункт в инструкцию под влиянием предложения Татищева или независимо от него, не в этом суть. Главное заключается в том, что записка Татищева отражала назревшую потребность в развитии наряду с горнозаводской и металлообрабатывающей промышленностью на Урале.

К 1726 г. многочисленные «фабрики» Екатеринбургского завода, построенные Генниным, были пущены на полную мощность. Они выпускали уклад, разрезное железо, проволоку и другие предметы хозяйственного значения. Однако качество этих

⁴² А. И. Южт. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в.— «История СССР», 1961, № 1, стр. 131.

⁴³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 616, л. 152.

⁴⁴ Н. К. Чупин. Указ. соч., стр. 72.

изделий было низким, и они не выдерживали конкуренции с импортными товарами и продукцией мелкого товарного производства⁴⁵. Не в пример казенным частновладельческие предприятия были более тесно связаны с внутренним рынком и производили отвечающие запросам потребителей изделия самого различного типа для хозяйственного обихода.

III

Жалоба крупнейшего заводчика России Н. Демидова на злостные притеснения со стороны Татищева, вызвавшая гнев Петра I и послужившая причиной отстранения Татищева от управления уральскими заводами, оказалась неосновательной. Геннин, которому царь поручил разобрать это дело, полностью оправдал Татищева. Высший суд при Сенате, слушавший следственное дело между Демидовым и Татищевым в присутствии Петра I, признал невиновность Татищева и приговорил взыскать с заводчика большой штраф в пользу обиженного⁴⁶. Доброе имя Татищева в глазах царя было восстановлено. По приказу Петра I Татищев был оставлен на Урале и помогал Геннину в строительстве новых и реконструкции старых заводов.

В конце ноября 1723 г. Геннин послал Татищева в Петербург с различными донесениями и поручил ему добиваться в Сенате и Берг-коллегии решения ряда важных вопросов, связанных с развитием горнозаводской промышленности. О положении дел и нуждах уральской металлургии Татищев докладывал Петру I. Царь радушно встретил Татищева и взял его с собой в феврале 1724 г. в поездку на Олонецкие заводы и Марциальные Воды.

Во время бесед с Петром I Татищев, по-видимому, рассказал ему о богатых месторождениях медной руды на речке Полевой и в урочище Гумешках, расположенных в верховьях реки Чусовой. Царь высказал мысль об отдаче этих месторождений «охочим людям в компанию». Он поручил Татищеву «во оную призывать охотников число довольное», а также составить проект условий, на которых эти казенные рудники могли бы быть переданы в частные руки, причем разрешил ему «для лучшего произведе-

⁴⁵ Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 283—287.

⁴⁶ Н. А. Попов — автор книги «В. Н. Татищев и его время» (М., 1861), Н. К. Чупин и В. Рожков выражали сожаление, что им не удалось найти следственное дело между Демидовым и Татищевым. Геннин по окончании следствия послал в Петербург «Выписку обстоятельную из дела, что розыскивано между Демидовым и капитаном Татищевым и о всем деле Татищева в Сибири» в трех экземплярах (в Кабинет Петра I, Сенат и Берг-коллегию). Один из экземпляров этой выписки на 65 листах был обнаружен нами в фонде Берг-коллегии.

ния быть с прочими в той компании»⁴⁷. Татищев представил проект, и он был заслушан в Сенате 13 февраля 1724 г. в присутствии Петра I⁴⁸.

Добыча меди на казенных вододействующих заводах Урала в значительных размерах началась с середины 20-х годов XVIII в. Правительство было крайне заинтересовано в увеличении производства меди, которая в это время в основном шла на денежный передел. Однако в отличие от железодельательной промышленности частные предприниматели неохотно вкладывали свои капиталы в новую отрасль металлургии. Причина заключалась не столько в новизне дела, хотя и она имела определенное значение, сколько в том, что по Берг-привилегии 1719 г. владельцы медеплавильных заводов должны были сдавать всю получаемую медь казне. Правительство установило цену 6 руб. за пуд, которая была ниже рыночной на 1,5—2 руб.⁴⁹

В начале 20-х годов XVIII в. привилегии на строительство медеплавильных заводов были выданы всего нескольким частным владельцам, из них только двое основали сравнительно крупные заводы: Выйский завод Н. Демидова в Верхотурском уезде был пущен в ноябре 1722 г., Таманский баронов Строгановых в Соликамском уезде начал действовать в сентябре 1726 г. Два предпринимателя — И. Небогатов и Н. Тряпицын — владели мелкими мануфактурами, производительность которых была незначительна. Двое остальных — Т. Замойщиков и В. Аврамов, по-видимому, так и не построили заводы.

Таким образом, принудительные поставки меди в казну по низкой цене сдерживали приток частного капитала в медеплавильную промышленность⁵⁰. В этих условиях было естественным стремление Петра I привлечь предпринимателей к эксплуатации меднорудных богатств на Урале.

Проект Татищева состоит из 25 пунктов. Нет надобности подробно излагать его содержание, поскольку он публикуется в приложении к настоящей статье. Задача состоит в том, чтобы сопоставить и показать общие черты и отличие наиболее важных пунктов проекта с Берг-привилегией 1719 г. и другими законодательными актами, а также с существовавшей в то время практикой взаимоотношений казны с предпринимателями.

Во вступительной части, обосновывая необходимость составления проекта, Татищев пишет, что строительство медеплавильных заводов потребует больших затрат, да и дело это новое, к тому же Полевский и Гумешевский рудники расположены далеко, и о

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, л. 14 об.

⁴⁸ Там же, лл. 28—33 об.

⁴⁹ Подобная практика не была новой. Правительство придерживалось ее и в XVII в. (А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 239).

⁵⁰ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 287—290, 427—428, 443—448 и др.; *он же*. История металлургии в России XVIII в. М., 1962, стр. 47, 74, 274—276, 387—388.

них мало кто знает, а значит, и будущие члены компании не будут иметь представления о возможной прибыли, поэтому необходимо точно определить условия, на которых эти рудники будут отданы компании.

Прежде всего в проекте предлагалось точно определить: предоставить ли компании право только на добычу руды (по саксонскому образцу) с тем, чтобы потом переплавлять ее на казенных заводах, или разрешить компании строить и заводы⁵¹.

Полевский и Гумешевский рудники были расположены на границе с башкирскими землями. Башкиры не признавали, что по жалованной грамоте 1568 г. верховья реки Чусовой принадлежат Строгановым, а считали эти земли своей «отчиной». В 1718 г. они сожгли все строения на Полевском руднике и прогнали рабочих людей, добывавших руду. После длительных переговоров представителей казанского губернатора, уфимского воеводы и Сибирского горного начальства и послышки сенатской грамоты башкиры Челжеужской волости Уфимского уезда Чекур Ямагузин, Кызыл Чюкеев «с товарищи» заявили в августе 1723 г., что они медным заводам и рудникам на Полевой и Гумешках «впредь никакого помешательства чинить не будут, но разве вспоможение,... только б в той их волости не отняты были... хмелевые, звериные и протчия угодыя». Башкиры просили, чтобы во время заводской работы их угодыя не разоряли, а им самим не чинили обид, в случае же каких-либо притеснений их жалобы быстро разбирались. Однако представители башкир других волостей Уфимского уезда на эту грамоту Сената ответа не дали⁵².

Татищев, стремясь предупредить возможные столкновения и распри с башкирами, включил в проект пункт о размежевании владений компании с башкирскими землями.

Геннин, опасаясь новых набегов башкир и других кочевников, по согласованию с сибирским губернатором Черкасским предложил в 1723 г., помимо екатеринбургских укреплений, построить еще несколько крепостей: в верховьях рек Чусовой и Бисерти, а также на Ревде расстоянием не более 50 верст одна от другой. А по другую сторону Чусовой укрепить остроги, в том числе и в Багаряцкой слободе, и во всех этих крепостях и острогах, которые должны были охранять не только заводы, но и крестьянские слободы, поставить гарнизоны и артиллерию⁵³.

Реализацию этого предложения Геннина Татищев считал одним из обязательных условий успешной эксплуатации меднорудных богатств Урала, что и нашло отражение в третьем пункте его проекта.

⁵¹ Против этого пункта Петр I на полях написал: «Саксонский манир отставить». В дальнейших своих рассуждениях Татищев исходил из того обстоятельства, что компания будет заниматься и добычей, и переплавкой руды на собственных заводах.

⁵² ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 640, л. 668.

⁵³ Там же, лл. 386—388; см. также ПСЗ, т. VII, № 4518.

Большое место в записке занимали вопросы, связанные с оказанием материально-технической помощи и обеспечением заводов и рудников компании рабочей силой. Местные власти Сибирской губернии по первому требованию компании должны были предоставлять ей кредиты, причем представители администрации, нарушившие это требование, обязаны были возместить компании убыток, который мог произойти от этого (п. 12). Компания получала право покупки необходимых материалов на государственных заводах по местной цене с условием выплаты денег в течение года в Петербурге (п. 14). Она могла требовать командировки на свои заводы русских и иноземных специалистов, чтобы «с пользою начатое дело произвести» (без специального вознаграждения за это казне и с условием выплаты мастерам такого же жалования, какое они получали на прежнем месте работы), посылать своих людей для обучения на казенные и частновладельческие заводы (п. 7 и 8).

Отдавая в принципе предпочтение вольнонаемному труду по сравнению с трудом приписных крестьян⁵⁴, Татищев просил разрешить компании принимать на работу вольнонаемных, «понеже таких заводов без вольных работников содержать невозможно» (п. 5). В то же время Татищев считал, что без труда приписных крестьян невозможно будет обеспечить весь цикл заводских работ, особенно в условиях нехватки вольнонаемных людей, которую уже тогда стала испытывать промышленность всей страны, в том числе и Урала. Поэтому он предлагал приписать к компанейским заводам 500 крестьянских дворов «со всеми их владениями».

Проводившаяся подушная перепись, жестокое преследование беглых, законодательство 1721—1724 гг., предписывавшее также суровые меры против приема и держания беглых, ограничивали возможность отхода крестьян, резко сокращали приток рабочей силы из более населенных районов Европейской России на Урал⁵⁵. Местное же население весьма неохотно шло на заводы. Татищев как типичный представитель дворянства объяснял это «леностью» жителей⁵⁶. Однако Берг-коллегия, несомненно, более глубоко вскрыла причины этого явления. «В Сибири,— отмечала она,— вольных работников толикого числа, сколько на те заводы тре-

⁵⁴ Во-первых, приписные крестьяне, не будучи заинтересованы в работе, «спешат как могут, только бы урок сделать скорее... А вольных можно нанимать с уговором на урошное и смотреть прилежно, чтоб исправно делано было» (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 618, л. 128). Во-вторых, заводская работа отрывает крестьян от хозяйства и наносит ему ущерб, особенно в весеннюю и летнюю страду (там же, кн. 616, л. 114).

⁵⁵ Геннин в январе 1726 г. писал в Берг-коллегию, что «вольные работники по нынешним указам на заводы не принимаются и не приходят, как в прежние лета приходили» (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 750, л. 339 об.).

⁵⁶ Татищев писал: «Здесьшний народ так ленив, что, работав день, возьмет 4 или 5 копеек и лежит неделю, разве пропьет, проиграет, или ему сверх надлежащего на день копейку прибавят, то пойдет работать» (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 618, л. 77).

буют, мнится, сыскать невозможно, понеже по тамошнему, как известно, плодородию, крестьяне, видя себе довольство, в работу нанимаются весьма неохотно»⁵⁷.

Перечисленные пункты не выходили за рамки юридических норм того времени и практики взаимоотношений казны с заводчиками. То же самое можно сказать о некоторых других пунктах проекта: о невмешательстве губернских властей в дела компании; о подсудности членов компании и всех находящихся у нее на службе («кто какова звания или чина ни был») только Сибирскому горному начальству и Берг-коллегии, о полной власти компании над приписными крестьянами, «кроме принадлежащих до губернии дел, яко застав, таможен, питейных зборов, суда в розыскных делах над мужиками»; о том, что заводы, построенные членами компании, останутся «вечно за ними и их наследники»⁵⁸.

Проект предусматривал предоставление компании определенных привилегий. Наряду с обычными льготами (невзимание пошлин с денег, посылаемых из Петербургской конторы компании на заводы или полученных в кредит от казны, а также с меди, израсходованной на заводские нужды), дававшимися в то время предпринимателям, имелись и такие, которые выходили за рамки Берг-привилегии 1719 г.⁵⁹

Бесспорно, наиболее крупной из них было требование об освобождении компании от уплаты в казну десятины на 20 лет, «понеже,— объяснял Татищев,— на строение оных [медеплавильных] заводов изжидивение великое потребно, к тому же и страхи многие предлежат»⁶⁰. Между тем, согласно существовавшей тогда практике, срок освобождения от уплаты $\frac{1}{10}$ прибыли для владельцев медеплавильных заводов обычно не превышал 5 лет. Правда, иногда по просьбе владельцев, очутившихся в трудном положении, срок «увольнительных» лет увеличивался. Но, по видимому, это было исключением, а не правилом, особенно для более позднего времени, начиная с 40-х годов XVIII в., когда медеплавильная промышленность встала на ноги и обеспечивала страну минимально необходимым количеством меди⁶¹. Не случайно против этого пункта как крайне невыгодного для казны ре-

⁵⁷ *Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.*, стр. 216—217.

⁵⁸ ПСЗ, т. V, № 3464; т. VII, № 4378; *Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.*, стр. 173—175, 320—324.

⁵⁹ В частности, в записке говорилось (п. 16), что в период строительства компанейского завода примерно в течение трех лет должна быть разрешена беспошлинная торговля съестными припасами и другими «нужными» для работников товарами. Читатель помнит, что такую же меру Татищев предложил и в отношении казенного Исетского завода.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, л. 30 об.

⁶¹ *Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.*, стр. 324—326, 427—428.

шительно возражали Берг-коллегия и Геннин, которому был послан на отзыв проект Татищева.

Принципиальное значение имеют п. 18 и 19 записки. Первый требовал предоставления «промышленникам» права «повольной» продажи меди, «ежели в цене или в заплате денег учинится несогласие». Во втором говорилось, чтобы компании после уплаты десятины было разрешено медь переделывать в зеленую, доски, проволоку, котлы и другие изделия. Указанные пункты отражали интересы частных предпринимателей, тяготившихся принудительной поставкой меди в казну по заниженным ценам, и по существу были направлены против этой практики.

Татищев не был одинок в своем мнении. Геннин, независимо от него, в том же 1724 г. и позже настойчиво доказывал правительству, что следует отказаться от указных цен и обязательных поставок меди. Он предлагал казне покупать медь у заводчиков «по цене как выписывается и ставится из-за моря в казну или как сторонним людям они могут продавать»⁶².

Как следует из резолюции Петра I на п. 19 проекта («Делать одни деньги пока так умножатца, что копейки переведутца, тогда сие позволить»), он был намерен после завершения денежной реформы и, следовательно, уменьшения потребности казны в меди предоставить медепромышленникам свободу в реализации готовой продукции⁶³. С 1727 г. обязательные поставки меди в казну были отменены. В течение тех лет, пока действовал этот указ (до 1734 г.), Берг-коллегия выдала разрешения на строительство 9 вододействующих медеплавильных заводов. Такова была реакция частного капитала на отмену обязательных поставок⁶⁴.

В записке Татищева предусмотрены и вопросы организации компании.

О создании компании Татищев предлагал опубликовать «листы» на разных языках, в которых указать подробные сведения о рудниках: местоположение, состояние, процент меди в руде, предполагаемая годовая добыча, себестоимость пуда меди, расходы по доставке в Москву и Петербург. Это необходимо сделать для того, чтобы составить представление о доходах компании. В ней могли принять участие русские люди («как вышних, так и нижних чинов»), в том числе и представители горного ведомства, а также иностранцы. Строительство медеплавильных заводов потребует больших затрат, которые могут оказаться не под силу одному или даже нескольким богатым промышленникам (к тому же надо учитывать и разные случайности), поэтому число членов компании должно быть не менее 10. Не желая допустить чрез-

⁶² Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., стр. 444—445.

⁶³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, л. 32.

⁶⁴ Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., стр. 445.

мерного усиления кого-либо из членов, Татищев предлагал, чтобы никто не владел более чем 10 частями общего капитала компании. 100 руб.— такова сумма первоначального вступительного взноса. Компания должна была иметь две конторы: одну на заводах, другую в Петербурге, причем возложить последнюю, по словам Татищева, обещал адмирал Крюйс⁶⁵.

Как известно, Татищев во время своего пребывания на Урале организовал школы для подготовки кадров для металлургической промышленности. Характерно, что он предлагал устроить и на заводах компании школу, богадельню и предусмотрел средства, которые обеспечили бы их нормальное существование.

Каково было отношение Петра I к татищевскому проекту об условиях передачи компании в эксплуатацию Полевского и Гумешевского медных рудников? Татищев дважды, в 1724 и в 1726 гг., писал, что царь «принял за благо» его проект⁶⁶. Это свидетельство подтверждается делопроизводственной документацией 1720-х годов и более позднего времени⁶⁷. Царь в принципе одобрил записку и сделал, как сказано выше, два важных замечания. Но все конкретные вопросы, связанные с реализацией этого проекта, предложил обсудить Сенату, который в свою очередь прежде всего запросил мнение Берг-коллегии.

Н. К. Чупин не совсем точно охарактеризовал позицию Берг-коллегии. Она, «не говоря ничего против отдачи рудников,— писал он,— соглашалась не со всеми пунктами условий, составленных Татищевым»⁶⁸. Коллегия действительно уклонилась от прямого ответа на вопрос Сената — одобряет она или отвергает проект Татищева. Зная о положительном отношении к нему царя, она высказалась осторожно. Но ее замечания на наиболее важные пункты (11, 18 и др.) проекта, не соответствовавшие действующему законодательству («надлежит быть по привилегии [1719 г.] и по состоявшимся в горных делах указам»), по существу означали ее несогласие с условиями, выдвинутыми Татищевым. Она выступила также против передачи Полевского и Гумешевского рудников по двум причинам: во-первых, здесь «руда добывается зело прибыточная»⁶⁹, и она содержит большой процент меди; во-вторых, если отдать готовые шахты компании, то на казенных «новопостроенных заводах в рудах будет великое

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, л. 14 об.

⁶⁶ Там же; Кабинет Петра I, отд. II, кн. 81, л. 36 об.

⁶⁷ Так, в одном из документов 1732 г. сказано: «По намерению ...Петра Великого и по апробованному плакату 1724 г. было положено в Сибири медные заводы отдать партикулярным же людям в компании» (ПСЗ, т. VIII, № 6108, пункт 2).

⁶⁸ Н. К. Чупин. Указ. соч., стр. 86.

⁶⁹ Т. е. добыча руды обходится дешево. По данным Геннина, 94 человека в сутки добывали около 1000 пудов руды. На Уктусский и Екатеринбургский медеплавильные заводы к апрелю 1724 г. было доставлено около 100 тыс. пудов руды (ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, л. 35).

оскудение и убыток немалый». Компании можно предоставить иное место: либо здесь же, в верховьях Чусовой, либо в других районах страны (в Кунгуре, Верхотурье, Казани и т. д.), отмечала Коллегия в решении от 17 апреля 1725 г.⁷⁰

Спустя два месяца Берг-коллегия послала Геннину копии проекта Татищева и своего решения и просила его сообщить свое мнение. Геннин еще до получения этих бумаг из коллегии был осведомлен о проекте передачи компании медных рудников. В письме Петру I от 4 апреля 1724 г. он высказался против этого предложения, ибо оно невыгодно для казны по финансовым соображениям. «Нынешние медные заводы и такие хорошие места,— писал Геннин Петру I,— невеликий расход будет на твоём иждивении содержать, но велика прибыль будет тебе». Геннин полагал, что доходы от этих заводов могут сравнительно быстро покрыть все расходы казны на строительство уральских предприятий. После возмещения расходов медеплавильные заводы можно продать частным промышленникам с условием освобождения их от уплаты десятины на год, или на два, а не на 20 лет, как предлагалось в проекте⁷¹.

По словам Геннина, его мнение определило судьбу предложения Татищева. «И по тому моему представлению,— писал он впоследствии,— оных заводов отдача отложена была до времени»⁷². Точку зрения Геннина, что его представление царю приостановило отдачу заводов в частные руки, некритически восприняли Н. К. Чупин и М. Н. Мартынов⁷³.

В действительности же дело обстояло иначе, чем пишет Геннин. Проект Татищева и после того, как о нем отрицательно (по разным мотивам) высказались и Берг-коллегия, и Геннин, по-прежнему привлекал внимание высшего правительственного органа страны — Сената. Не будучи удовлетворен ответом Берг-коллегии, Сенат (по-видимому, по требованию Петра I) дважды — в октябре и ноябре 1724 г. — запрашивал у коллегии ряд конкретных сведений о состоянии казенных медеплавильных заводов в верховьях Чусовой. Так, 10 ноября 1724 г. Сенат обязал коллегия «подать обстоятельную ведомость о сибирских медных заводах на речках Полевой и Гумешках, которые заводы в компанию отдаются: в которых местех оные заводы, и в каком состоянии, и о пробе, и сколько меди в год можно сделать, и по чему станет, и что ис тех мест до Санктпитебурга и до Москвы

⁷⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, лл. 34—38; кн. 98, лл. 39—42. О своем решении Берг-коллегия сообщила в Сенат 27 апреля 1724 г.

⁷¹ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 66, л. 693; *В. Берг*. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина.— «Горный журнал», 1826, кн. V, стр. 113—114.

⁷² ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 750, л. 492 об.

⁷³ *Н. К. Чупин*. Указ. соч., стр. 89; *М. Н. Мартынов*. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948, стр. 100.

провоза за пуд платитца?»⁷⁴ Коллегия на следующий день сообщила требуемые сведения⁷⁵.

К этому вопросу Сенат вновь вернулся в начале января следующего года в связи с рассмотрением штатов казенных заводов, подведомственных Сибирскому горному начальству. Сенат сообщил Берг-коллегии, что когда казенные заводы «по воле ево государевой отдадутца в компанию и содержатца будут на компанейском коште», тогда на государственном содержании можно будет иметь лишь небольшое число мастеровых людей, необходимых для «обыскания вновь каких руд и учинения заводов»⁷⁶. Таким образом, факт передачи в частные руки казенных медеплавильных заводов Сенат считал вполне реальной перспективой и, исходя из этого, высказывал свои соображения о штатах.

Берг-коллегия, ознакомившись с мнением Сената, 12 января 1725 г. приняла развернутое решение, в котором на сей раз высказалась определенно против передачи компании медеплавильных заводов на Урале⁷⁷.

До кончины Петра I (конец января 1725 г.) Сенат не успел принять решения в отношении проекта Татищева, а позже правительство Екатерины I, убежденное доводами Берг-коллегии, пришло к выводу, что в ближайшие годы, пока новая отрасль металлургии не получит такого же развития, как железоделательная промышленность, казенные медеплавильные заводы не следует передавать частным владельцам. В этих условиях попытка Татищева после возвращения из Швеции вновь обратить внимание императрицы на свой проект успеха не имела⁷⁸.

Проект Татищева получил в литературе отрицательную оценку. Но если Н. К. Чупин ограничился глухой фразой о том, что, к счастью, передача Полевского и Гумешевского рудников в частные руки не состоялась⁷⁹, то М. Н. Мартынов усмотрел в этом проекте «серьезную опасность» для существования казенной металлургической промышленности на Урале. В драматическом тоне, в форме вопроса принца датского Гамлета автор заявил, что речь по существу шла о том, «быть или не быть казенным заводам на Урале». Естественно, что резкая критика

⁷⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, лл. 363—368.

⁷⁵ Т. е. вскоре после отъезда Татищева в Швецию, куда он был послан Петром I главным образом для изучения горнозаводской промышленности, найма мастеров и отдачи на шведские предприятия русских школьников для обучения.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 107, л. 11.

⁷⁷ Там же, лл. 11—15.

⁷⁸ Татищев напомнил Екатерине I о своем проекте в отчете о поездке в Швецию, датированном октябрём 1726 г. Он писал, что Петр I одобрил предложение о передаче медных рудников компании и поручил Сенату рассмотреть его, «но за скорым... его величества от нас в вечное преселение оное осталось тамо и дондес не слушано» (ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 81, л. 36 об.).

⁷⁹ Н. К. Чупин. Указ. соч., стр. 86.

Генниным проекта Татищева получила высокую оценку автора. «В доношении, сделанном в апреле 1724 г., — пишет Мартынов, — де-Геннин выступает как истинный представитель «ученой дружины» Петра, сумевший занять в этом вопросе позицию, достойную лучших людей петровской эпохи»⁸⁰. Нужно ли доказывать, что в этой фразе все вызывает по меньшей мере удивление.

Кстати сказать, и это отмечал сам Мартынов, Геннин отнюдь не был принципиальным противником передачи казенных заводов частным владельцам. Спустя полгода после апрельского письма Петру I, он в донесениях царю и Берг-коллегии от 11 ноября 1724 г. просил передать два медеплавильных Пыскорских завода компании, состоящей из баронов Строгановых, соликамского бургомистра М. Ф. Турчанинова и самого Геннина. Не возражал он теперь и против отдачи Полевского и Гумешевского рудников, но без особых льгот и пособий от казны⁸¹. В начале января 1726 г. он выдвинул еще более обширный план: передать компании все уральские казенные заводы⁸².

Мартынов высказывал сомнения относительно возможностей компаний, т. е. частного капитала, обеспечить по сравнению с казной более энергичное развитие промышленности на Урале. «Многие компании, — писал он, — были хилыми и дутыми предприятиями, созданными лишь для того, чтобы получать ссуды и привилегии»⁸³. Эти сомнения отчасти обоснованы. Но были ведь явления обратного порядка, о которых автор не упоминает. Частный капитал обладал большей предприимчивостью, инициативой и гибкостью, он не был скован различными инструкциями и бюрократической волокитой, ограничивавшими деятельность администрации казенных заводов. Достаточно указать на промышленную деятельность таких заводчиков, как Демидовы и Баташовы, Твердышев и Мясников, Яковлев и Походяшин и др. Известно, что правительство неоднократно ставило в пример заводы А. Демидова, которые по своей мощности и рентабельности превосходили государственные предприятия на Урале, хотя этот заводчик

⁸⁰ М. Н. Мартынов. Указ. соч., стр. 98.

⁸¹ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 66, л. 712; Н. К. Чупин. Указ. соч., стр. 89. Мартынов писал, что царь отверг предложение Геннина, ибо оно дошло до него тогда, когда он «решил отказаться от передачи медных казенных заводов частным лицам» (М. Н. Мартынов. Указ. соч., стр. 100). На чем основано это утверждение, сказать трудно (автор не дал ссылки на источник). Выше было показано, что Петр I не отказался от своего намерения.

⁸² ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 750, лл. 492—495. Коллегия не согласилась с предложением Геннина. Мотивировку решения Берг-коллегии от 7 апреля 1726 г. см. там же, лл. 496—500 об.; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в., стр. 180—181. Несмотря на это решение, Геннин, насколько известно, и впоследствии вплоть до конца своего пребывания на Урале (1733 г.) оставался сторонником передачи казенных заводов в частные руки.

⁸³ Н. М. Мартынов. Указ. соч., стр. 98.

не располагал такими огромными возможностями (финансы, обеспеченность рабочей силой и т. д.), как казна⁸⁴.

Н. И. Павленко показал, что не правы те исследователи (в том числе и Мартынов), которые полагали, что правительство в вопросе о передаче казенных металлургических заводов руководствовалось прежде всего фискальными интересами. Казне (отмечали эти исследователи) было невыгодно лишаться заводов, ибо прибыль, получаемая от них, была выше тех налоговых поступлений, которые государство могло бы получать с компанейщиков в случае передачи им предприятий. Конечно, при решении этого вопроса правительство учитывало финансовые соображения. Однако в основе промышленной политики государства и методов ее реализации лежали более глубокие мотивы⁸⁵. «В своем стремлении втянуть максимальное число купцов и дворян в промышленность,— пишет Павленко,— правительство сознательно шло на некоторые материальные жертвы. Это была проникнутая идеями меркантилизма политика поощрения развивавшейся промышленности»⁸⁶.

Идея передачи казенных заводов частным предпринимателям была провозглашена в Регламенте Мануфактур-коллегии в 1723 г.⁸⁷ В Берг-регламенте 1739 г. уже прямо говорилось о предпочтительности частного предпринимательства перед казенным⁸⁸, об отказе правительства от промышленного строительства и о его намерении отдать казенные металлургические заводы и «новообъисканые рудные места, на которых заводов еще не построено», разным компаниям или партикулярным лицам.

Если подходить к вопросу о передаче казенных заводов в частные руки не с узкофискальной точки зрения (т. е. имея в виду только доходы казны), а в более широком плане, то следует признать, что осуществление этой меры могло послужить стимулом для развития металлургической промышленности страны. По сравнению с Берг-привилегией 1719 г. Берг-регламент значительно расширил льготы, предоставляемые предпринимателям⁸⁹. Абсолютизм в целях укрепления экономического потенциала страны сделал еще один шаг в сторону удовлетворения интересов промышленников.

⁸⁴ Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., стр. 187.

⁸⁵ Там же, стр. 168—178.

⁸⁶ Там же, стр. 167—168.

⁸⁷ Так, в пункте 13 Регламента сказано: «Которыя мануфактуры и фабрики заведены и впредь заведутся казенным коштом, такие, приводя в доброе состояние, отдавать партикулярным людям» (ПСЗ, т. VII, № 4378).

⁸⁸ «Казенные заводы для многих околичностей и излишних иждивений не толь прибыточны и государству полезны, как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатца» (ПСЗ, т. X, № 7766).

⁸⁹ Оценку Берг-регламента 1739 г. и сравнительный анализ его с Берг-привилегией 1719 г. см.: Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., стр. 125—130.

Проект Татищева не означал провозглашения нового курса в промышленной политике, в целом он отвечал духу времени, основной линии правительства в этом вопросе. Отличие его заключалось лишь в том, что он в целях привлечения частного капитала в промышленность шел дальше в предоставлении компаниям льгот и привилегий по сравнению с существующим законодательством и практикой. Татищев считал, что неизбежные в этом случае материальные жертвы казны с течением времени будут сторицей возмещены экономическим процветанием страны, ростом ее богатства и могущества.

Хотя передача медных рудников компании на условиях, разработанных Татищевым, не состоялась, но некоторые из этих условий впоследствии вошли в практику взаимоотношений Берг-коллегии с заводчиками. Таков пункт 16 проекта Татищева о беспроцентной продаже на заводе съестных припасов и других товаров, нужных для работников⁹⁰. Другие пункты, очевидно, не применялись на практике, но были впоследствии включены в текст Берг-регламента или нашли в нем отражение. Татищев предлагал за медь, поставляемую заводчиками в казну, платить «настоящую», т. е. рыночную, цену (п. 18). В пункте 14 Берг-регламента говорится, что казна будет принимать медь у промышленников «по настоящей или ходячей цене»⁹¹. Берг-регламент устанавливал, что в случае приглашения в Россию (по просьбе промышленников) иностранных специалистов казна будет нести все расходы, связанные с их переездом (п. 11). Подобные же требования выдвигал Татищев (п. 7). Татищев предложил «для лучшего размножения и охоты другим ко вступлению во оную компанию» разрешить принимать в ней участие «горным начальникам» (п. 24). Согласно Берг-регламенту (п. 1), горные управители получили такое право.

Сказанное выше дает основание для предположения, что проект Татищева от февраля 1724 г. послужил одним из источников Берг-регламента 1739 г.

IV

Сухопутным и водным путям сообщения Татищев придавал огромное значение для развития промышленности, внутренней и внешней торговли. Как отмечалось выше, Татищев еще в начале 1721 г. добивался разрешения на устройство краткого и

⁹⁰ Этот пункт вошел в текст Берг-регламента (п. 10).

⁹¹ Согласно Берг-регламенту, заводчики обязаны были $\frac{2}{3}$ выплавленной меди сдавать казне, а $\frac{1}{3}$ могли «оставлять на употребление и продажу внутри государства». Таким образом, и в этом вопросе правительство пошло на уступку предпринимателям. Эта уступка стала возможной в связи с увеличением выплавки меди в стране. Правительство обещало заводчикам, что после сокращения потребности казны в меди оно разрешит им свободную продажу и вывоз меди в другие государства.

удобного пути из Европейской России в Сибирь и обратно. Тогда же он выдвинул идею прямого водного сообщения между Уктусом (Екатеринбургом) и Архангельском для вывоза за границу через этот порт уральского железа путем постройки канала Кама — Северная Двина через речки Кельтму — Зырянскую Кельтму — Вычегду. Постройка этого канала означала бы соединение Белого и Каспийского морей. Вновь к этим вопросам он вернулся в представлении Екатерине I, написанном после возвращения из Швеции.

Документ этот не датирован. П. П. Пекарский, опубликовавший его, высказал правильное предположение, что представление было написано Татищевым вскоре после приезда из Швеции⁹². Следует отметить, что в самом документе содержится указание, которое позволяет его датировать точнее. Задача эта облегчается также его расположением в архивном «деле».

Изложив свои соображения о мерах, которые следовало принять для улучшения сообщения между Европейской Россией и Сибирью, Татищев в заключении представления писал: «Токмо для сего дела надобно определить человека особного с добрыми помощники, дабы без обиды обывателей и надмерных расходов по надлежащему сделали»⁹³. Мне представляется, что Пекарский был прав, когда писал, что в данном случае Татищев имел в виду себя⁹⁴.

Почему Татищев предложил правительству свои услуги в этом предприятии?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо хотя бы кратко остановиться на том положении, в котором он очутился вскоре после своего приезда из заграничной командировки. Дело в том, что Татищев надеялся, что вместо Геннина (который рассматривал свое назначение на Урал как временное и добивался отзыва отсюда) руководителем горнозаводской промышленности на востоке страны будет назначен он. Но Геннин после сравнительно недолгого пребывания в Петербурге вновь был послан на Урал. Берг-коллегия, которая и ранее намечала отправить Татищева на Урал, спустя месяц после его возвращения из Швеции, в начале июня 1726 г. решила командировать его в Екатеринбург в распоряжение Геннина. Татищев отказался ехать туда, потому что Геннин был крупной фигурой, и Татищев понимал, что при нем он не сумеет действовать самостоятельно, будет на втором плане. Он просил «определить *его одного*» на другое место.

Берг-коллегия в отместку за упорство Татищева и отказ выполнить ее решение приговорила 31 октября 1726 г. послать Та-

⁹² П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, стр. 30—31. Подлинник представления см.: ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 81, лл. 38—39 об.

⁹³ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 81, л. 39 об.

⁹⁴ П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве, стр. 31.

тищева в Сибирь на Нерчинские серебряные заводы. Новое назначение слишком явно походило на ссылку, и Татищев принял все меры, чтобы добиться отмены решения Берг-коллегии⁹⁵.

Именно к этому времени, т. е. к ноябрю 1726 г., и относится составление Татищевым двух документов — челобитной Екатерине I и, по-видимому, интересующего нас представления. Челобитная содержит интересные биографические сведения, ибо в ней Татищев рассказывает об основных этапах своей служебной деятельности, начиная с 1704 г. Перечислив свои «услуги» государству, Татищев просил императрицу не посылать его на Нерчинские заводы, «а определить *к иному делу*» и пожаловать чином и жалованьем артиллерийского полковника, «понеже, — писал он, — я 8 лет в артиллерии служил и ныне полтретья годы имею ранг с подполковником артиллерийским»⁹⁶.

«Иное дело», к которому Татищев просил Екатерину I определить его, и было, очевидно, делом, связанным с осуществлением планов, намеченных им в названном представлении. Согласно правительству позволило бы Татищеву заняться работой, которой он придавал большое значение, и заодно выйти из подчинения Берг-коллегии и избавиться от нежелательного назначения на Нерчинские заводы.

Таким образом, представление было написано Татищевым вероятнее всего в ноябре 1726 г. Это предположение подтверждается также тем, что документ помещен в архивном «деле» сразу же за донесением Татищева императрице о результатах его поездки в Швецию, датированным 17 октября 1726 г.

В представлении Татищев прежде всего стремился обратить

⁹⁵ Татищев так и не поехал в Сибирь. Именным указом Екатерины I от 14 февраля 1727 г. он был определен в Московскую монетную контору (А. И. Юст. Поездка Татищева в Швецию (1724—1726 гг.). — «Исторические записки», т. 88, стр. 334).

⁹⁶ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 84, л. 198 об. Месяцем раньше с подобной же просьбой Татищев обращался к кабинет-секретарю И. А. Черкасову, с которым в течение всей своей жизни поддерживал дружеские отношения. Он писал ему, что рассчитывает на его всегдашнюю милость, и выражал надежду, что Черкасов исходатайствует ему у императрицы искомый чин (там же, кн. 81, л. 33). Из этих документов видно, что Н. А. Попов ошибался, когда писал, что Петр I в 1724 г. произвел Татищева в полковники (Н. А. Попов. В. Н. Татищев и его время, стр. 54). Ошибку Попова (которую позже повторил В. Рожков) отметил Чупин, указавший, что Татищева незачем было дважды производить в один и тот же чин, поскольку ранг коллежского советника соответствовал рангу полковника (Н. Г. Чупин. Указ. соч., стр. 88). Чупин не располагал упомянутыми документами. Между тем Татищев был заинтересован в чине артиллерийского полковника, ибо это повышало его в звании и давало возможность получать установленное жалованье полностью. Надо иметь в виду, что по указу 14 декабря 1724 г. коллежским чином платили только половину жалованья против армейских (ПСЗ, т. VII, № 4613). Просьба Татищева не была удовлетворена. Как видно из документов, он и в последующие годы, будучи коллежским, а с 30 марта 1728 г. статским советником, получал по Табели 1720 г. половину оклада (ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 819, лл. 254—257).

внимание правительства на огромные природные богатства Сибири, «а особливо провинции Даурской» — медные руды, «узорочные каменя» (яшма разных цветов, красные и белые сердолики, цветные агаты), колчедан, свинцовая руда и др., которые слабо разрабатываются («ныне тщетно лежат»). Одна из причин этого состояла в том, что дороги находились в «весьма худом состоянии» и тем более проложены не по наиболее краткому пути. В результате доставка товаров из Сибири в Россию обходилась очень дорого.

Татищев рекомендовал отказаться от существующего пути в Сибирь, который «вдвое или более» длиннее, нежели ему быть можно, а проложить новые и тем избавить ездящих от «превеликого и несносного труда». Он предложил устроить две дороги в Сибирь: первая — Москва — Владимир — Юрьевец — Вятка — Кунгур — Екатеринбург — Тобольск, вторая — от Москвы через Казань, Уфу, Царев Курган, Тару, Томск и, не захватывая Енисейска, в Даурию. Новые дороги намного сократят путь в Сибирь и принесут великую пользу «купечеству и всему государству». Однако мало проложить новые дороги, необходимо устроить на них «добрые» постоялые дворы (примерно через каждые 20 верст) и поселить к этим дорогам жителей. Татищев считал, что если будет дано разрешение, то жители «населятся самохотно в скорости, понеже оныя пустыя места для изрядных положеней многия сибирские места превосходят».

В представлении Татищева намечены также меры, направленные на улучшение транспортировки товаров по водным системам Сибири. На Байкале, через который перевозятся все товары, следующие в Китай и обратно, а также в Даурию, ходят дощаники и лодки, совершенно не приспособленные для плавания, что приводит к порче и гибели товаров. Необходимо послать на Байкал мастеров и матросов, построить несколько крепких судов и хорошие гостиницы на устьях Селенги и Ангары, в результате чего «купечеству и всем проезжающим великия трудности и убытки отымутся». Чтобы казна не несла убытки, за перевоз грузов и людей взимать плату, а гостиницы отдавать на откуп. По Оби, Иртышу и Кети также ходят дощаники, «которые за погодями... долговременно удержаны бывают». Здесь тоже следует построить «добрыя суда» — эверсы, способные обеспечить более «свободное и безопасное» плавание.

Вследствие множества порогов (из которых наиболее крупные Падун и Симанский) Ангара малосудоходна. С большим трудом удается проводить через пороги только порожние суда. Приходится товары выгружать на сушу и везти их берегом по плохой дороге. Все это задерживает доставку грузов и ведет к их порче. Татищев предлагает «из тех порогов вреднейшия каменя выбрать», с помощью их несколько выпрямить и сузить реку, сделать ее более глубоководной, построить по берегам «добрыя дороги» и гостиницы.

В представлении говорилось о плохом состоянии Маковского волока (от Енисейска до реки Кети). Дорога здесь такая, что «никакую телегою проехать не можно», и все товары возят вьюками на лошадях. В людях и лесе здесь нет недостатка, поэтому, отмечает Татищев, постройка удобной дороги «не в великую цену станет». Все расходы на постройку и содержание дороги в хорошем состоянии можно покрыть, установив определенный сбор с проезжающих, который «всяк с благодарением заплатит».

Таково вкратце содержание представления Татищева от ноября 1726 г.

Основная задача обширных для того времени планов Татищева заключалась в том, чтобы обеспечить хозяйственное освоение колоссальных природных богатств Сибири, укрепить экономические связи между Европейской Россией и Сибирью.

Отклик на данную записку обнаружить не удалось. Да и вряд ли они были. Скорее всего она не рассматривалась. Татищев выбрал (вынужденно!) явно неудачное время для подачи своего представления. Финансовое положение страны во второй половине 20-х годов XVIII в. было исключительно напряженным. Платежеспособность основных податных сословий была подорвана. Правительство Екатерины I, испытывая финансовые затруднения, изыскивало пути для сокращения расходной части бюджета и с этой целью приняло ряд экстраординарных мер⁹⁷. Ему было не до обширных планов Татищева, требовавших новых затрат. К тому же, как отмечалось выше, казна из фискальных соображений не намерена была легализовать другие пути в Сибирь, кроме Верхотурского⁹⁸.

* * *

Записки Татищева 20-х годов XVIII в., а также документы, непосредственно связанные с ними, характеризуют его ранние экономические и отчасти социальные взгляды и вместе с тем дают представление о нем как о государственном деятеле.

Проекты Татищева не носили умозрительный характер, они были связаны с практическими нуждами и в целом отвечали назревшим потребностям экономического развития России. Некоторые его предложения (например, о постройке канала, впоследствии Северо-Екатерининского) опережали время и были осуществлены значительно позже.

Татищева можно упрекнуть во многом, но только не в узости взглядов, односторонности при рассмотрении экономических явлений. Для него уже на раннем этапе административной деятель-

⁹⁷ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966, стр. 37—45, 130—134.

⁹⁸ Верхотурская таможня была ликвидирована указом Сената от 30 января 1761 г., т. е. после отмены внутренних пошлин в стране. Всем торговым людям разрешалось ездить из европейской части России в Сибирь и обратно «такими дорогами, какия они способнее сыскать могут» (ПСЗ, т. XIX, № 14129).

ности был характерен широкий государственный подход к проблемам промышленного развития страны. Эти проблемы он рассматривал не изолированно, а в комплексе с другими, имевшими народнохозяйственное значение. Проекты Татищева предусматривали развитие металлургической, металлообрабатывающей, а также легкой промышленности; внутренней и внешней торговли; водных и сухопутных путей сообщения и т. д. Татищев придавал большое значение эксплуатации природных богатств Урала и Сибири, подчеркивая, что развитие производительных сил этого обширного края принесет стране «великое богатство».

Записки Татищева 20-х годов XVIII в. содержат контуры программы экономического развития России, которую он впоследствии будет дополнять и развивать в своих официальных документах и различных трудах, а главное, пытаться осуществить практически на протяжении последующей административной деятельности.

Это была программа, направленная на ликвидацию отсталости России, превращение ее в экономически развитую страну, которая не уступала бы наиболее сильным промышленным государствам Западной Европы. Однако осуществление данной программы было невозможно в условиях сохранения крепостного права и самодержавия, укрепления господства дворянства в экономической и политической жизни страны. Но об ином пути Татищев не мыслил, и в этом заключалось основное противоречие выдвинутой им экономической программы. То обстоятельство, что в первой половине XVIII в. феодальный строй не исчерпал себя полностью и допускал возможность развития производительных сил, смягчало это противоречие.

Приложение

1724 г. не позднее 13 февраля. — Проект В. Н. Татищева
об условиях передачи компании Полевского
и Гумешевского казенных медных рудников

Всемиловейшему государю.

л. 28

Ваше императорское величество, яко всемиловейший отец отечества, прилежа о пользе того и всех верных ваших подданных, повелели мне, низжайшему рабу вашему, для размножения медных заводов в Сибири обретенныя медных руд места на речке Полевой и Гумешках отдать охочим людям в компанию. Но понеже оное дело новое и корысть мало кому известна, и о строение заводов иждивение потребно немалое, к тому ж место от таких людей, которым бы возможно в такую компанию вступить, о[т]долено, чрез что являются сомнения и неудобства. Того ради дерзаю

вашему величеству всепокорно и нижайше донести каких обстоятельств для сочинения оной компании и размножения заводов пристойно.

1. Объявить всенародно на разных языках, чтоб всяк ведал, какие в которых местех руды обретенны, в каком оные состояни и о положениях мест ланткарту, при том же и л. 28 об. учиненную // из оных пробу, колико в год можно зделать, по чему станет и что ис тех мест до Санкт-Петербурха и до Москвы провоза за пуд платитца, дабы видя о прибытках разсудить и охоту всякому воспрять удобнее было. И во оном объявлении позволить как вышних, так и нижних чинов руским и иноземцам свободное вступление.

2. Объявленных, яко главнейших местех на речке Полевой и Гумешках потребно вначале в распре з башкирцами решение учинить, чтоб оное по жалованной грамоте от царя Ивана Васильевича Строгановым¹ отмежевать, дабы тем подлежащей страх к разорению заводов пресечь, а без того компании собрать и заводов созидать небезопасно.

3. Понеже оное место на границе оного беспокойного народа, того ради для опасности надлежит по границе зделать от губернии в удобных местех крепости и снабдить пристойным гварнизонам, как о том от генерала-маэора Геннина губернатору князю Черкасскому представлено², и в том соглашенось. К тому же, ежели иным резам не противно, чтоб в Уфимском уезде поделатъ ближе к границе малые крепости и поставитъ камисаров или судей от той провинции, дабы те в произшедших враждах могли судить и обиженного удовольствовать, не впуская до дальших распрь, а без того быть трудно, ибо оная граница // от города Уфы разстоянием по пяти и по штисот верст, которое челобитчикам на обидителей суда искать превреждает, и от того происходят междоусобныя брани и многим вашего величества обоих тех провинцей подданным разорение.

Ежели в сем пункте что-либо неудобно или сумнительно покажется, могу о способах пространнее особно донести.

4. Ежели изволите тот промысел определить прикладом * саксонских или шведских горных учреждений, то надлежит компании токмо одно место рудное отдать, состоявшее в пристойной мере неколиких сажен по верхнюю мерю, а за тою мерою отдавать руду добывать в другие компании, то надлежит и заводам плавильным быть по тамошним определениям на иждивлении вашего величества, о котором особныя учреждения потребны. Ежели же изволите все оное место отдать в одну компанию и плавилни позволить им самим строить, то нужно последующее:

* Против п. 4 на полях написано: Его величества собственною рукою отмечено: «Саксонский манир отставить».

1. Отдать оные места совсем, кроме накопанных руд, во оную компанию со всеми угоды, к тому лесов от завода по границу башкирскую, а к сибирским слободам по 15 верст.

2. Для содержания оного крестьян 500 дворов, в то число новопоселянныя // для оных по реке Чюсовой, которые вы- л.29об.
ше деревни Половинной, да слободы Багаряцкую и Колчеданскую, да Арамильской слободы деревню Щелкун со всеми их владениями, и оные отмежевать, дабы впредь между компаниею и другими слободами вражды не происходили, как ныне от Демидова.

3. Ежели компания усмотрит удобное место в близости тех заводов в своих дачах для поселения крестьян, позволить им деревни переводить с ведома вышняго горного начальства, ибо оному надлежит надзирать, чтоб промышленники потребности границ не преступали и для содержания заводов нужных лесов под пашни и сенные покосы не пустошили.

4. Оныя деревни чтоб остались, кроме принадлежащих до губерний дел, яко застав, таможен, питейных зборов, суда в розыскных делах над мужиками, в полной власти тоя компании, яко и протчих как государственных, так и промышленничьих заводов. А чтоб компания излишними над указами зборами, надмеру тяжкими работами и умалением за работы платою крестьян не отягчали, оного должен надзирать земской того дистрикта комисар и доносить на них в горное начальство. Ежели же тамо рассмотрения учинено не будет, то доносить ему в губернию, которая будет по должности своей искать суда на то начальство, а губерния до компании чтоб дела не имела.//

5. Понеже таких заводов без вольных работников со- л. 30
держать невозможно, а вольных работников без отпусков принимать не велено, и хотя отпуски всяк являет, однакож бывают составныя, которых от правых разобрать трудно, и от того промышленникам, крестьяном и вольным работником великой вред нанесися может, о котором от меня подано в прошлых 1721-м и 722-м годах доношения со мнением в Берг-колегию³, оные повелите рассмотреть и решение учинить, чтоб в безопасности оставить.

6. Подати, которые по окладом с приписных к заводам слобод надлежит собирать, чтоб оных не требовать тамо, но в Санкт-Петербурхе от компанейской канторы, кому их губерния принять назначит.

7. Надлежит на те заводы дать мастеров иноземцов и русских довольство такое, чтоб компания могла с пользою начатое дело произвести, а государственным промыслам остановки не учинилось. И за оных мастеров, за иноземцов вывозных, а за русских учебных, денег не требовать, но должны токмо получать оные жалованье от компании как

им давано было, и когда оные мастера компании потребны не будут, то принять их паки в горное начальство.

л. 30об. 8. Ежели компания похочет от // своих людей отдать чему обучаться на государевы или других промышленников заводы, чтобы попустиено было по учиненному от меня и по подписанному рукою генерала-маэора Геннина наказу, каков дан заводскому камисару⁴.

9. Служителей русских и иноземцов во услуги компании принимать, оных судить на теле или денгами наказывать, из службы отпущать быть в воли компании, и оных без отпусков никуда не брать и ушедших прикладом [с] протчих манифактур возвращать. А ежели из подчиненных компания кому обиду чинит, оной должен, не отходя своевольного, просить суда в Горном начальстве.

10. Суд над всеми членами компании и протчими в том начальстве промышленниками, кто какова звания или чина ни был в делах горных, таже над их управители, прикащики, мастерами во всем, кроме розыскных дел, иметь Сибирскому вышнему горному начальству; и каждому быть пред судом самому, разве кто отдален или немощен, то может послать поверенного, а по вершении тамо недовольный может до исполнения приговора бить челом в Берг-коллегии.

л. 31 11. Понеже на строение оных заводов изживение великое потребно, к тому же и страхи многия предлежат, // потребно увольнить от платежа десятого 20 лет, а по прошествии оною времени имать десятое как и от других промышленников тамошних заводах.

12. Ежели той компании потребны будут деньги на заводы, то потребно чтоб губерния, имея поверение от всея компании, по требованиям отпущала не удерживая. А ежели не отпустит и учинит заводам вред, должен учинившей заплатить произшедшей компании убыток, разве извинится, что денег в зборе не было, которому всегда приходныя и расходныя книги имеют свидетельствовать, однакож ежели полного числа по требованию в зборе вдруг и не явится, то б отпущали готовое, а остатки, когда сколько соберется.

13. Как компания, так и та коллегия или кантора, которая возмет деньги наперед и даст вексель заплатить, а на показанной срок не заплатит, должны платить проценты или свершки, по чему в год со ста определено будет. Срок же пристойно, мнится, по показании векселя в месяц, дабы могли платежем исправляться.

л. 31об. 14. На строение оных заводов какия припасы потребны с заводов государственных будут, чтоб отпущать // оныя ценою надлежащею как на заводах продается, а деньги за оные принимать в Санкт-Петербурхе от канторы поданием векселя в год.

15. С денег, которые на те заводы повезутся, или чрез вексели от губернии возмутся, пошлин пропускных не брать, тож и с меди, которая в заводской расход употребится.

16. Доколе завод будет строится, по малой мере три годы, допустить на оные со всеми съестными и для работников нужными товары приезжать и продавать беспошленно.

17. Кобаки при заводе колико нужны, толико и прибыточны, однакож оныя надлежит содержать в таком определении, чтоб для малой прибыли в зборе великого вреда промыслу не нанесли и суще, чтоб в дни работные были заперты, а и в празники в долг никому не давать и платя в заклад ни от кого не принимать, чрез ночь быть никому не допускать, а особливо о том в наказе данном заводскому камисару пространно описано. //

18. Припасы, зделанные на заводах, принимать в казну,^{л. 32} ежели потребно будет, настоящею ценою, а деньги платить не удерживая; ежели в цене или в заплате денег учинится несогласие, чтоб повольно было промышленником продавать посторонним повольною ценою.

19.* Ежели компания, прилежа о пользе государственной и собственной, сыщет способы оную медь, от которой уже десятое заплачено, переделывать в зеленую, доски, проволоку, котлы и прочее, об оном потребно учреждения наперед учинить по чему с которой фабрики, с печи или молота заплаты в казну государственную имеет быть и колико вольных лет дается.

20. Пристани, где суды грузят, чтоб было по Чюсовой все государевы и всем промышленникам общия и строить анбары, где кто похочет, с позволения горного начальства, вольно, и за то с сажени по чему пристойно платить в казну каждогодно, как и в других местах, а собственных пристаней никому не допускать, и тем одному другаго не утеснять. Пильные мельницы и строение судов також позволить всем строить, где кому пристойно, а за места и леса положить каждогодную // заплату сносную и всем рав-^{л. 32об.} ную. А за те деньги должно будет горное начальство пристани содержать в добром порядке.

21. Понеже сие дело надобно чтоб сильною рукою произведено было, також и впредь для несчастливых случаев чтоб каждой член толикой же или паче сугубой капитал иметь мог, того ради хотя и богатых людей, однакож число персон чтоб было не меньши десяти и суще когда оная разделится на 113 частей, то больши десяти одному брать не допускать, а меньши вольно, хотя одному, токмо такому,

* На полях помета Петра I: «Делать одне деньги пока так умножатца, что копейки переведутца, тогда сие позволить».

чтоб дом свой в Санкт-Петербурхе имел, а иноземцом иметь поверных с нужными обнадеживании или ассекарациями, дабы к расположению денег известен был. И оных токмо в роскладку, что частей останетца компанейских, а протчие 10 в казну, одна на церковь, одна на школу, одна на лекарство и богадельню.

22. Оная части, ежели кому самому содержать охоты или возможности не будет, позволить продать охочему постороннему или и компанейщику, токмо такому чтоб его икупленными десяти частей не превосходило. //

л. 33 23. Оная компания имеет содержать две канторы, одну при заводах, а другую при Санкт-Петербурхе. И оную в чьем доме содержать, в том согласие компании оставить, токмо чтоб тот дом от постою уволен был, как и мануфактурных промыслеников.

24. Для лутчего размножения и охоты другим ко вступаению во оную компанию позволить горным начальникам участия иметь, яко и протчим посторонним охотником, как о том в протчих государствах позволено.

25. Обнадеживание той компании, что тот промысел вечно за ними и их наследники останетца весьма полезно, притом же и сие нужно, ежели коим-либо случаем выморотно или за вину участие чие придет в казну вашего величества, то б оная в казне не удерживать, но продать охочему, а ежели и купцов не будет, то отдать в компанию и брать с обретающегося того участия капитала, каков оной обретатца будет, с рубля по 5 или по 6 копеек в год, а прибыли не требовать.

Подлинной проэкт за рукою Василья Татищева. // л. 33 об. *Помета*: Императорское величество в присудствии своем в Сенате изволил слушать февраля 13 дня 1724-го.

ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1010, лл. 28—33 об. Копия.

Примечания

¹ Жалованную грамоту царя Ивана IV Якову Строганову от 25 марта 1568 г. на дополнительные дугстые земли вверх по Чусовой, на построение там городка и слобод см. в «Дополнениях к Актам Историческим» (т. I, № 119. СПб., 1846).

² См. настоящее издание, стр. 311.

³ Донесения В. Н. Татищева в Берг-коллегию от 1721 и 1722 гг., в которых он касался и вопроса об условиях найма вольных работников, см. в ЦГАДА (ф. Берг-коллегия, кн. 616, лл. 9—12, 113—114 об.; кн. 618, лл. 48—49, 128—129 и др.).

⁴ Имеется в виду обширный наказ комиссару (управителю) Екатеринбургского завода Неклюдову от 15 октября 1723 г. В основу его Татищев положил наказ комиссару Уктусского завода Бурцеву, написанный им в феврале 1721 г., который он значительно переработал и расширил с учетом опыта, приобретенного за эти годы. Все управители казенных заводов в своей деятельности руководствовались наказом 1723 г. вплоть до 1735 г., когда был составлен Горный устав.

ПУБЛИКАЦИИ

**М. К. ЛЕМКЕ
О СОБЫТИЯХ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.**

М. Г. Вандалковская

Известный историк русского освободительного движения Михаил Константинович Лемке (1876—1923 гг.) жил в сложное и бурное время трех русских революций начала XX в. В России в этот период возникали и оформлялись многочисленные партии, политические течения; широкие слои русского народа, в том числе и интеллигенции, включились в активную политическую жизнь. Эпоха революционных преобразований способствовала кристаллизации общественно-политических взглядов и позиций как целых партий, так и отдельных их представителей; нередко приводила к сложному переплетению различных тенденций и в программах политических организаций, и в мировоззрении участников и очевидцев событий.

Революцию 1905—1907 гг. Лемке встретил будучи офицером царской армии в чине штабс-капитана. Его оппозиционные, антиправительственные настроения проявлялись в начале 900-х годов. Возглавив редакцию екатеринославской газеты «Приднепровский край», Лемке, как известно, один из номеров этой газеты (от 29 марта 1902 г.) выпустил с большими белыми полосами, т. е. в том виде, в каком ее пропустила цензура. Газета была приостановлена, а Лемке приобрел репутацию «крамольного» редактора. Он принимал участие в выпуске либерально-оппозиционного сборника «Мелкая земская единица». В 1904 г. в связи с выходом его книги «Эпоха цензурных реформ» Главное управление по делам печати увидело в Лемке «прямолинейного либерала» в духе 60-х годов XIX в., последователя Чернышевского и Добролюбова. Контакты и симпатии Лемке были на стороне демократически настроенных представителей общественного движения предреволюционной эпохи.

Революция 1905—1907 гг. сыграла определяющую роль в становлении политического мировоззрения Лемке. С ходом революционных событий в его взглядах наметился определенный поворот в сторону социал-демократии. В дальнейшем это вело к пониманию и принятию программы большевистской партии. В 1917 г. Лемке приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, а в 1922 г. вступил в партию большевиков¹.

Свои впечатления и размышления о происходящих событиях Лемке заносил в дневник, который он вел с 1896 по 1915 г. В нем Лемке широко освещает общественно-политическую и идейную жизнь России конца XIX — начала XX в. Особое внимание в дневнике уделено революции 1905—1907 гг. В нем находят отражение самые различные аспекты происходящих событий: революционное движение, внутренняя политика, ее кризис, общественная и идейная жизнь, формирование различных политических направлений и партий². Дневник до сих пор не опубликован (хранится в Пушкинском доме в Ленинграде, ф. 661, оп. 1, д. 2—15) и ныне готовится к печати. Воспроизведение текста затруднено крайней неразборчивостью почерка автора, множеством сокращений, описок, поспешностью записей.

Предлагаемая вниманию читателей публикация содержит отрывки из дневника Лемке, относящиеся ко времени революции 1905—1907 гг. Эти дневниковые записи дают возможность понять процессы, происходящие в общественном сознании революционной эпохи, увидеть закономерности в мировоззрении, свойственные представителям различных политических направлений, в том числе беспартийной демократически настроенной интеллигенции, ярким представителем которой являлся Лемке. Отличительной чертой дневника является также и то, что он написан с позиции человека, испытывавшего в своих взглядах в ходе революции процесс полевления и демократизации.

Будучи исследователем русского освободительного движения и ко времени революции 1905—1907 гг. автором уже ряда книг и статей («Николай Михайлович Ядринцев», «Думы журналиста», «Эпоха цензурных реформ» и др), Лемке, естественно, воспринимал события революции, во многом пытаясь осмыслить их ассоциативную связь со временем общественного подъема 60-х годов XIX в., которому он отводил особое место в своих работах. Попытка увидеть в событиях революции преемственную связь с предшествующим временем является важным историографическим качеством публикуемого источника.

Все эти особенности дневника помогают пониманию многих вопросов, связанных с мировоззрением современников революционной эпохи 1905—1907 гг.

¹ М. Г. Вандалковская. М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972.

² Подробнее см.: М. Г. Вандалковская. Обзор материалов Дневника М. К. Лемке.— «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971.

3/III <...> Когда смотришь на все происходящее теперь в России, то прежде всего становится ясно, что мы вступили в полосу, когда совершенно ясно уже всеобщее неудовольствие. Ни один человек не выражает удовлетворения существующим. У каждого по своему, но ясно неудовлетворение. У каждого есть пункт, на котором он является ярким врагом существующего порядка. Люди, о которых все думали, как о людях, даже не имеющих никаких мнений, и те ясно обнаруживают недовольство. Я не скажу, что все это можно точно подразделить на группы и партии — нет, путаница в головах массы ужасная, но это уже то тестообразное состояние, которое не может обратиться в ничто, а может лишь дать из себя определенные сорта хлеба. Россия никогда не переживала ничего подобного, и настоящий момент имеет несомненно громадное, колоссальное историческое значение. Снова мы имеем то, что имели в 60-х годах, — общество добилось большей свободы печати, а не дало ее нам правительство, наоборот, оно, как и тогда, только карает, но уже не может зажать рот. Армия, которую я наблюдаю вот уже 4 месяца, конечно, пока еще на стороне правительства, но и она уже подает признаки пробуждения. Уже приходится слышать от офицеров самых обыкновенных такие вещи, о которых год тому назад они даже и подумать страшились. «Правительства нет», — вот общее мнение. И это констатируется всеми буквально. Все — вот секрет успеха движения этого времени. При свете этого факта ясны и 60-е годы — когда было то же самое, но в гораздо более* слабой степени. Теперь Россия встает и уже больше не заснет и не удовлетворится никакими частичными результатами. Общая коренная фундаментальная перестройка — вот общее убеждение. Сложное время, время, когда ужасно трудно что-либо предсказать, что-либо предложить...

<...> А правительство все еще думает, что Россию мутит «кучка» злоумышленников! Какая ужасная масса зла вырастает на этой почве! Господи, когда же они поймут, что теперь время *все* пересмотреть, что *все* недовольны, что *кучка* давно заменилась Россией.

<...> Офицеры часто говорят, что им совестно ходить по улицам, благодаря такому течению войны!... Это многозначительно. (ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 661, д. 9, лл. 116—118, 126).

22/VI <...> Все только и говорят, что о «Потемкине Таврическом»¹. Это событие колоссальное, это какая-то сказка, что-то чрезвычайно небывалое! Это, действительно, происшествие!

(д. 10, л. 315)

* В рукописи ошибочно: менее.

17/VII <...> Момент сейчас такой, что чувствуется как общество начинает разбираться в удельном весе гг. земцев и вообще буржуазии. Что было радикально два года назад, сейчас — постепенщина, освобожденство; что было очень либерально, сейчас — чуть ли не реакционно. Примеры: кн. С. Н. Трубецкой и М. А. Стахович². Это очень многозначительно.

(л. 427—428)

25/VII. Вчера был в наряде с ротой на Путиловском заводе (за Нарвской заставой). Из беседы с одним из полицейских офицеров оказалось, что 8 января градоначальник³ распорядился арестовать Гапона, жившего последние дни в № 42 по Петербургскому шоссе, потом раздумал и приказание свое отменил. Он ни за что не верил, что Гапон поведет за собой рабочих, решившихся предьявить и не только чисто экономические требования. Затем, когда утром 9-го выяснилось, что движение идет иного порядка, было распоряжение схватить Гапона. Для лучшего его выполнения приехал сам помощник начальника охранного отделения, несколько казаков и прекрасная пара, запряженная в карету. Казакам было приказано схватить Гапона и немедленно вадить в карету. Казаки исполнили бы это, если бы Гапон не надел на себя сверху штатское пальто. В толпе не видно было рысы, а по верху казаки не видели попа, ну и проехали мимо. Затем, когда толпа продолжала напирать, их оттеснили в сторону и так процессия из хоругвеносцев и образносцев впереди дошла до Нарвских ворот. Гапон был далеко не на первом плане, а позади очень многих. Когда начали стрелять со стороны ворот, то попадали хоругвеносцы и образносцы, а Гапон немедленно исчез. Он получал из Министерства 6000 руб. в год и сколько-то от градоначальства. Все указания полиции на беззвредность легальной организации рабочих в 11 отделах общества^{3а} пропускались мимо ушей. Гапону верили вполне. Тот же полицейский сказал, что 20 и 21 и 22 октября 1894, после смерти Александра III (20/X) полиция Петербурга ожидала, что гвардия не захочет присягать Николаю. Ждали форменной дворцовой революции. Этот факт заслуживает громадного внимания⁴.

(л. 431—433)

7/VIII. Вчера объявлено положение о Государственной Думе⁵ — первое ограничение русского самодержавия в истории России! Шаг громадной важности! Не надо только оценивать его выше меры — это первый шаг длинного еще пути и Дума, конечно, будет бюрократически-освобожденская, буржуйская.

(л. 453)

10/IX <...> Социал-демократы решили всячески активно бойкотировать Государственную Думу — мешать выборам, заставить

производить их под охраной войска и полиции, дискредитировать выборы и пр.⁶

Брошюры с подписью Плеханов, Ленин, пошли на днях в продажу? Какая разница настроения цензуры, потерявшей силу сдерживать! Точь в точь как в начале 1860-х годов! Полное бессилие.

(л. 509)

4/X <...> Злоба дня — митинги. Никто даже и не ожидал, что они будут так грандиозны. Это прекрасный путь сближения с рабочими и развития их. По несколько тысяч человек сидят часы за часами — выясняют текущую политику общества. Особенно удачно работают социал-демократы. Почти все митинги — дело их рук. Полиция им совершенно не мешает и откровенность устроителей доходит до того, что на дверях зала пишется: «социал-демократы» или «социалисты-революционеры», а [откровенность] ораторов — до полного исповедования своих личных политических убеждений. Митинги увлекают молодежь и дают ей возможность получать массу знаний путем живого обмена мыслей.

(л. 586—587)

<...> Говорят, что он [Струве. — М. В.] прекращает «Освобождение»⁸. Да, как изменилось отношение к «Освобождению». Года два тому назад, а особенно три — только и разговоров, что о нем, а теперь все поняли, что это за орган, что за партия. Я сначала тоже не понимал, но быстро стал критически относиться к земцам.

(л. 594)

12/X. Всероссийская железнодорожная забастовка⁹, наконец, пришла. Впечатление громадное. Сумятица в обществе и какие-то ожидания. Витте играет какую-то двойную игру и что-то готовится в правительстве в роде «диктатуры хитрости». Ждут и того и другого, и, конечно, не доверяют ничему. Была, например, опровергнута речь Витте в заседании Сольского¹⁰, а бывший там по особому приглашению Кюбеко¹¹ говорил Браудо¹², что сам слышал все либеральные и даже радикальные всхлипывания этого государственного мошенника.

(л. 621)

13/X. День очень тревожный. <...> В такие дни, когда нервы напряжены, события идут, особенно чувствуется, как наши газеты отстали от жизни. Читая их, не видишь того, что происходит. Сегодня вечером 5 митингов. Вчера на митинге на женских высших курсах прямой и открытый сбор — на сяде при входе: «На вооруженное восстание!» — так и гласило!!! Оружие раздается. Все приготовляются делать отпор войскам <...>

(л. 644)

16/X <...> Несмотря на извещение Трепова¹³, митинги вчера были везде. В университете окончилось рано. Вчера все высшие учебные заведения закрыты. Политехникум закрылся сам. Сегодня все они окружены войсками. Бергман и Совет подали в отставку¹⁴. Войска на улицах небольшими отрядами. Все спокойно. Можно бояться, что все схлынет на нет, таково наружное впечатление.

17/X <...> В Ревеле (это верно) губернатору поставлены были два требования: освобождение политических и увод войск в казармы. Так будет исполнено! Вчера в думу явилась депутация рабочих и требовала: 1) не отпускать деньги на войска и полицию, 2) предоставить помещение думы под митинги, 3) организовать помощь забастовщикам. Депутатов хотели арестовать, тогда начали говорить с Треповым. Те сказали, что если их тронут, они ручаются за порчу водопровода. Их оставили.

В Политехникуме Трепов приказал немедленно выслать всех студентов из общежития. Студенты заявили, что ни под каким видом сами того не сделают, и сидят ожидая, что будет.

Сегодня вечером бюро Союза союзов¹⁵ для выбора направляющего органа на эти дни.

У студентов и курсисток медиков весь город разбит на участки для подачи помощи в случае бойни. Кедрин внес в Думу¹⁶ доклад по этому вопросу, что поставили и депутаты рабочие, об образовании городской милиции.

(л. 11, л. 24)

18/X. Сегодня обещана конституция, но только *обещана*¹⁷. На улицах масса манифестаций с красными флагами, с пением «Марсельезы» и революционных песен. Народу на улицах больше, чем в любой праздник. На Мойке, где Дума, с 11 часов утра и до вечера, митинг для всех проходящих.

<...> Вчера уже вечером, в собрании бюро Союза союзов было известно о Манифесте. Ликования не было, но все-таки все поняли, что момент весьма важен. Особенно всех заботит милиция, которая бы заменила войска на улицах. Но вот сделалось известным, что невдалеке (заседание было на Забалканском, в здании Вольно-Экономического Общества) стреляют в Технологический институт. Там были блокированы еще с 15-го 83 студента и пущенную на улице бомбу вечером в 11 1/2 часов, прят[та]ли брошенной из Технологического института*. Немедленно офицер ближайшей засадочной команды распорядился огнем, и стали стрелять в здание. Переполошились ужасно в заседании. Присяжный поверенный Добровольский позвонил по телефону к Витте. Тот сказал, что он уже все знает, но распоряжений новых сделать не может, кроме уже сделанных, что Трепову он дал знать. Стрельба продолжается. Решают послать депутацию от бюро Союза союзов к Витте. Председательство-

* Так в тексте.

вавший в собрании Мякотин¹⁸ был в это время в соседней комнате с несколькими человеками для выработки резолюции и ничего не знал об этом. Теперь он очень жалеет, что не мог помешать отправке депутации. Она, конечно, есть ошибка, потому что 9 января ясно показано, что всякие депутации есть лишь унижение перед этой сволочью. Поехали Анненский, Богучарский, Грузенберг и Венцовский¹⁹. У Витте они были около 14 часов ночи. Его подняли с кровати. Витте был очень рад и был очень любезен и разговорчив. Ему сказали о Технологии, сказали о том, что Манифест ровно ничего не дает, а лишь все обещает, что необходимо *сейчас же*, теперь же, немедленно отменить военное положение, усиленную охра[н]у, смертную казнь, цензуру и пр. Он сказал, что со всем этим он согласен, но что его план иной — пусть соберется Государственная Дума нового образца и тогда он первый в первый же день заседания внесет все это в четырехчленную формулу выборов, что с бюрократией, конечно, ничего не сделать, что он уже разослал телеграммы лицам, приглашенным им на посты министров; но ответа нет. На это Анненский ему сказал, что до тех пор пока не будет действительно новое положение, никто из уважающих себя людей не пойдет в правительственную клику. Требовали отставки Трепова, на это Витте сказал, что напрасно его считают очень вредным, что последнее время Трепов очень либерально высказывался во всех комиссиях, что он вовсе не вреден и пр. Словом, ясно, что он бессилен в этом отношении. Он очень просил помочь ему приехавших восстановить порядок, говорил, что твердо [верит] в народ, но что проект сейчас *, чтобы пожалеть бедную Россию, не расшатать ее совершенно. Когда Богучарский спросил его о цензуре, то Витте сказал, что как и многое, юридически она будет отменена уже Государственной Думой, но что фактически должна считаться отмененной теперь же. «Пожалуйста, моим именем говорите, что свобода печати гарантирована!» Уехали от него в 2¹/₂ часа и поняли, что кроме слов, ничего. Вернулись и доложили все. Тогда была принята резолюция, которая вложена мною в особый конверт — «Октябрьские дни...»²⁰

<...> Сегодня утром масса, повторяю, ликовала свою победу. Войска прогуливались по улицам, но мирно. Офицеров, в толпе шедших, приветствовали аплодисментами.

Вечером в 11 часов грандиозная манифестация была у дома предварительного заключения на Шпалерной. Затем сегодня утром в 9¹/₂ часов начался митинг у подъезда Технологии, на котором значилась надпись: «83 студентов просят не беспокоиться о их здоровье и не входить в институт впредь до окончания предутреннего следствия, которое ведется с утра». Через полчаса отряд конногвардейцев (с гусарами и с усатыми кирасирами, они все эти дни усердно несли службу) начал разгонять митинг и

* Далее два слова не разобраны.

офицер показал пример — начал рубить шашкой. Одним из первых пострадавших был Тарле, пришедший посмотреть на митинг. Прорублена черепная коробка и задет мозг. В 3 часа была сделана операция в лечебнице общества врачей специалистов (угол Фонтанки и Чернышева пер.). Надежды на выздоровление слабы²¹. Кроме этого пострадавших около 10 человек.

<...> В 4 часа должны были придти все к тюрьмам и освободить заключенных политических. Что-то будет!? Сегодня вечером собрание бюро Союза союзов и бюро Союза писателей. Собирается, конечно, и союз рабочих, чтобы решить о забастовке. Наборщики заявили, что не пойдут в разрез с постановлением рабочих. Между тем сейчас крайне необходимо разъяснить, что ничего еще не дано, что всего надо добиваться неустанно <...>

<...> В 2 часа меня встретили на Владимирской двое рабочих молодых: «Позвольте, г. офицер, вас спросить: дали нам свободу? Как вы думаете?» — «Нет, еще ничего не дано, но многое обещано». — «Значит, просто по губке помазали?!» — «Конечно!» — «Ну, простите, до свидания» <...>

<...> Николай не хотел подписать Манифест без исправлений, и излагал его в исправленном виде Витте с флигель-адъютантом кн. Оболенским²². Витте просил сказать государю, что тогда он не возьмет на себя премьерство. Оболенский, вернувшись, сказал государю, что не считает возможным скрыть, что его жизни угрожает опасность и что его совет («а вы знаете, как мы преданы Вам») подписать все полностью. Тогда было подписано.

В толпе много офицеров, кто сочувствует заметно, кто молча, но все ведут себя прилично.

Я с удовольствием снимал шапку офицерскую перед красными знаменами. Вечером шествие к тюрьмам отменено, в ожидании завтрашнего освобождения политических волею администрации. В 9¹/₂ час. вечера была грандиозная манифестация в 10 000 человек у Академии художеств. Одна часть толпы прошла через Николаевский, другая из и от университета. Постояли, поговорили, попели и разошлись. Впечатление громадное. Затем мы с женой пошли мимо университета через дворцовый мост на Невский и по дороге осведомили студентов с положением Тарле. Сейчас же это сообщили митингам, и они отправили студентов в лечебницу. К вечеру его положение хуже.

На вооруженное сопротивление при тюрьмах шли очень неохотно. Приходилось слышать: «Господа, товарищи, пойдемте, не будет вооруженного сопротивления, только мирная манифестация, пойдемте!» — кричали те, которые еще не знали, что шествие экстренно отменено. Все-таки, оказывается, толпа в 2500 чел. с другого конца города пришла к Выборгской тюрьме («Кресты») и потеряла от казацких пуль 4 человек.

<...> В университете на вечернем митинге говорили много офицеров. Шли они и в толпе к Академии художеств.

Утром с балконов университета говорились речи и читались

телеграммы из России. Говорил Гессен. Вас. М.²³ С одного из балконов вывесили доску с надписями: «Долой Трепова» и т. д. Часа в 4 дня у Казанского собора была схватка с черносотенцами, небольшая. До поздней ночи ужасное движение продолжалось. Среди толпы масса матросов и солдат.

Кроме палок, красные флаги привязывались к офицерским шапкам. С Зимнего дворца сдирали и вешали красные или сдирали белую и синюю полосы. На митингах все еще призывают к вооруженному восстанию.

Вечером был расстрел толпы за Нарвскими воротами <...>

(д. 11, гл. 27—34)

19/X. Сегодня стрельба и рубка продолжается... Так, в университете часов в 12 собрались около 100 человек студентов. Пристав приказал им уйти, гарантируя целость. Они стали выходить по одиночке, а их при выходе ловили и били. Много жертв.

Я сам сегодня видел взвод конногвардейцев, которые были вооружены нагайками, которых им не полагается, но этого мало; нагайки вместо ремня были сплетены из проволоки!!

Тарле в 12¼ час. дня был жив. Видел его сестру в лечебнице и выразил ей свое сочувствие.

Вчера, оказывается, еще были депутации к Витте. Вторая состояла (первая в ночь с 17-го на 18-е) из Ходского, Ашешова, Воронцова и Овсяннико-Куликовского²⁴. Они пошли просить об амнистии политических. Витте сказал, что на днях все будет сделано, что надо все рассмотреть и пр. Просто Ашешову и другим захотелось повидать Витте и себя показать. Ашешов посоветовал ему телеграфировать в тюрьмы, чтобы пришедшим толпам (думали, что пойдут ко всем) сказать именем Витте, что амнистия будет. Витте признал целесообразность этого совета, но не мог ни до чего договориться. Затем из собрания союза союзов отправили третью депутацию часов в 7 вечера из * Фальборка, Пантелеева, Родичева и Явейна²⁵. Они отправились просить тоже об амнистии, ввиду шествия толпы к Михайловскому замку и просили Витте принять меры к сохранению целости толпы. Снова всевозможные обещания и уверения. Снова просьба поддержать и рассказ о том, как один видный общественный деятель, приглашенный Витте на министерский пост, приходил к нему и вчера убежал из его кабинета, схватившись за голову! Пантелеев в заключение сказал, что видит, что все это только слова и слова <...>

<...> Да, вчера в Университете был митинг военных; было свыше 125 офицеров и солдат с матросами. На резолюции подписались 122. Резолюция говорила о том, что они за демократическую республику и против самодержавия; шашки и сабли их — тоже самое. Им очень аплодировали.

* Одна фамилия не прочитана.

В собрании бюро Союза союзов был инцидент. Явился пристав и сообщил председателю Мякотину, что нало немедленно разойтись, так как это собрание незаконно; не было уведомления за 3 дня. Поднялся спор. Но не послушались. Тогда пристав ушел и вернулся через 1/2 часа сообщить, что градоначальник разрешил заседать, но впредь просит уведомлять. М. П. Миклашевский²⁶ говорил по телефону с Треповым и сказал ему, что вмешательство в собрания и войска на улице будут только поводом требовать удаления его с поста. Трепов не стал дальше слушать.

Да, Витте сказал третьей депутации, что военное положение не может быть нигде снято. Жаловался и на то, что за массой депутатий и визитов буквально не успевает прочесть ни одной из бумаг.

Сегодня дворцовая сволочь молилась за конституцию в соборе <...>

<...> Настроение сегодня удивительно упавшее; точно самый обыкновенный будний день. Даже на Невском не больше. После 2 часов на Казанской площади были расставлены жандармы. Все высшие учебные заведения, открытые лишь на 18-е, снова закрыты и двери охраняются парными часовыми. Студентов избивают. Обман самый ясный! Мерзавцы! Подлецы!

(л. 35—37)

20/X. Был в* училище. Собрание Петербургской группы союза российских писателей сначала было очень немногочисленно, а затем набралось человек 65—70. Видимо, этого было мало, да и повестки сильно опоздали, поэтому решено некоторых вопросов не заслушивать и не решать. Что же касается выборов двух делегатов во вновь образованную «управу» Союза союзов, то их поручено сделать нашему бюро Союза союзов, а в будущем собрании они будут утверждены, или смещены другими. Предполагается выбрать Семейского²⁷ и Мякотина. Сегодня вечером это первое заседание «управы».

Забастовочный комитет назначил 19-го открыть работы повсюду 21-го в 12 час. дня. Сделано это ввиду того ясного сознания, что в противном случае работы все равно начнутся, а престиж комитета в глазах администрации будет подорван. В Москве так и случилось. Наборщики заявили, что будут набирать лишь те издания, которые решат выходить без *всякой* цензуры.

В собрании прежде всего было заслушано предложение Н. Д. Соколова²⁸ поддержать резолюции адвокатов об амнистии, и немедленно послать свою тоже Витте, с особым человеком, который бы, однако, не вышел из роли почтальона. Нашу резолюцию²⁹ мы решили распространить и сказать в ней больше, чем адвокаты. У нас внесено сверх их вот что: и по церков-

* Одно слово не прочитано.

ным преступлениям, и изгнанников, и недоверие правительству, если этого сделано не будет, и освобождение, а не только осуждение, а не только осужденных, но и могущих быть осужденными. Резолюцию мы порешили выработать тут же от миссии из Мякотина, Соколова, Миклашевского, М. Энгельгардта, Якубовича и Прокоповича³⁰. Очень хорошая и решительная резолюция. Ее покрыли громом аплодисментов. Во время составления резолюции Анненский сообщил о разговоре Витте с редакторами политических изданий СПб. в 11 час. утра 18-го³¹. Предварительно газетные работники и издатели столковались, как держать себя у Витте, а журнальные не успели. Анненский поразился пестроте пришедшей к Витте публики: был какой-то генерал, какой-то господин с Анной на шее и т. д. Кроме того правая была весьма многочисленна. Наводила Анненского на невеселые размышления. Витте вышел и просил извинения, что принимает их стоя, мотивируя это неимением помещения. Конечно, это наглая ложь, потому что для 30—40 бывших человек места и стульев хватало бы. Речь Витте была приблизительно следующая: «Нет возможности вести дело без помощи прессы, этого общественного основания общественной жизни. Нужна помощь прессы правительству, которое, поверьте, настроено очень хорошо и намерения его и очень искренни и очень тверды. На законодательные акты нужно время, а особенно важно успокоение общества». Внести это успокоение и больше помочь не дано. Затем он предложил, чтобы присутствующие спросили его по интересующим их вопросам. Беседа длилась затем около $\frac{3}{4}$ часа. Анненский был поражен определенности и твердости тона всех говоривших. Даже самые правые элементы им открыто говорили, что без немедленного претворения в жизнь, в факты всех обещаний Манифеста немислимо никакое успокоение. Вера ни к чему не поведет. Векселям иначе никто уже не верит, даже подписанные самим Николаем. Мих. Суворин³² сказал об амнистии... * и, кроме того, сказал, что надо хоть теперь не опоздать и воплотить съезду в конкретность все обещанное.

Об отставке Трепова тоже много говорилось. Витте на все отвечал очень уклончиво, давал несколько раз честное слово, что правительство все сделает, но просил несколько недель на работу, жалуясь на одиночество, на отсутствие сотрудников. В общем все посещение оставило впечатление бессилия Витте и непонимания им разницы между требованием политическим и нормальным ходом дела. Войска убрать из СПб. нельзя потому, что иначе консервативная часть общества сочтет его сумасшедшим и не будет чувствовать поддержки своих опасений за целостность собственности.

Убрать казаков тоже нельзя, убрать их от водопровода, который желают охранять сами рабочие, — еще тяжелее. Когда кто-

* Далее одно слово не разобрано.

то в разговоре сказал о «Сыне Отечества»³³, «Нашей жизни»³⁴ и пр. газетах, воспрещенных в розничном издании, то Ходский просил не поднимать этого маленького вопроса. Что касается союза без цензуры, то Витте сказал, что все-таки послать их цензорам надо, пока юридически цензура не отменена. Смешно было слышать, как Витте просил собрание успокоить общество и ждать. Ему отвечали, что успокоить нельзя, что жизнь не ждет и т. д. Затем я сделал сообщение о том, 1) что Антоний³⁵ сказал на собрании священников 18-го числа, что 20—22 Синод будет обсуждать, именовать ли государя «самодержавнейшим» или нет, а пока именовать, 2) что офицеры говорят, что уже теперь всем довольно, даже более, чем нужно, дано в конституции, 3) что войска думают, что в университете склад бомб и оружия. Все эти сведения я получил сегодня в полку, получая жалованье <...>

<...> Масса более развитая считает необходимым, чтобы государь присягнул конституции. Этого мнения держатся очень многие <...>

(д. 11, лл. 38—43)

26/X <...> В воскресенье, 23, у баронесы Иксуль фон Гильдебрандт собирались человек 12—15 офицеров армейских и гвардейских, учащихся в академиях. Из строя непосредственно не было никого. Собрались Мякотин, Прокопович, Миклашевский, Н. Д. Соколов, Вейнберг, Батюшков, Кранихфельд, Агафонов³⁶ и пр. Человек было до 60. По-моему, было самоуслаждение и ораторов и баронессы. Председательствовал Винавер³⁷. Начал вечер М. М. Ковалевский³⁸ с тонкого юридического разбора положения о Думе и Манифеста 17/X. Анализ этот совершенно не отвечает настроению общества, что и отметил Мякотин, сразу сказав, что не анализом Манифеста надо заниматься. Его речь была очень горяча, но, по-моему, из пушки по воробьям.

Прокопович выразил новую мысль о том, что теперь, когда народное хозяйство стало на иную почву, на почву обмена, революция идет путем забастовок, против которых совершенно бессильна армия. Миклашевский говорил неважное, Соколов тоже. Офицеры были, по-видимому, очень довольны и один из них говорил хорошо. Он с ясностью разъяснил, что не может быть никаких вопросов, как быть, когда приказывают стрелять по толпе. Что честный человек стрелять не будет что бы ему ни грозило. Остальные до него из этого делали трудный вопрос <...>

(лл. 47—48)

28/X. Вчера была выпущена новая газета «Новая жизнь»³⁹ большинством социал-дем[ократической] партии. Номер сохранен.

На днях выходит «Начало»⁴⁰ — орган «меньшевистов» <...> <...> Трепов вчера уволен!

«Новая жизнь» дала при газете (№ 1) программу соц[иал-демократии] — это очень важно. Вчера этот номер был одно время арестован и потом газетчики продавали его по 30 и по 50 коп.

(л. 50)

6/XI <...> № 6 «Известия Совета рабочих депутатов»⁴¹ был арестован в наборе в типографии «Общественной пользы», где печатались, кажется, и предыдущие номера. К набору приставили 8 охранителей, а рабочие все-таки его унесли! Они печатали 100 000 (?) экз. «Наша жизнь» в большой претензии, что истрачена без спросу ее бумага на 400 руб. Писательская среда en masse * несомненно, как и всякая масса, освобожденцы или к[а]д[еты]. Да, утром эти господа выражали неудовольствие, что рабочие объявляют забастовку без союза интеллигентных профессий. Дураки! хотят сидеть дома и еще быть впереди движения!

Совет рабочих депутатов объяснил, что невыход газет во время забастовок есть просто результат еще недостаточной организованности и дискуссионной власти его; что может не выйти забастовка, если одной части рабочих печатного дела разрешить работу.

(лл. 54—55)

1906 год

13/I <...> С[оциал]-д[емократические] газеты все, по всей России закрыты, с[оциал]-р[еволюционные] — тоже. Словом, всю наслаждаешься свободой печати!! Великолепная свобода! Только лишь, что «Молва» («Русь»)⁴² и «Народное хозяйство»⁴³ («Наша жизнь»)! Прелесть! На днях выходит «Радикал»⁴⁴, но это такая мешанина французского с нижегородским, что ужас: там и к[а]д[еты], и радикалы, и прохвосты, и шантажисты, и безграмотные репортеры и т. д. и т. д. без конца.

(лл. 84—85)

4/II <...> Общественная жизнь замерла. Все ушло в подполье. Я думаю, что сколько-нибудь практический расчет срока переворота в России таков: без армии он невозможен. Армия должна след[овательно] оказать активную или пассивную помощь революции. Для этого она должна быть революционной. А стать революционной она может только при условии совершенного обновления, т. е. через 4 года, когда все 4 срока службы будут новые. Первый срок уже призван нынче осенью. Значит ожидать чего-нибудь вполне решительного нельзя раньше середины 1910 года. Это мое мнение, основанное на знании военной жизни и обстановки.

(л. 90)

* в массе (фр.).

18/II <...> Реакция осела плотно и крепко. Общество ушло в себя. Правительство скачет по безлюдным улицам и убивает всех попадающих под ноги... Продлится долго такое молчание не может.

(л. 93)

31/III <...> На одном из частных собраний слушал Луначарского⁴⁵. Говорит очень интересно и красиво. Производит симпатичное впечатление.

(л. 99)

30/IV <...> Дума собралась⁴⁶. Спб. правительство успело показать полное свое пренебрежение к этому рода народным учреждениям. Все работало и имело вполне будничныи вид, настолько, что даже не верилось. Кадеты очень растерялись после удара тарана в виде Основных законов 23/IV⁴⁷. Это их обезоружило, потому что сделало очень трудным путь так желательных для них компромиссов при сближении с правительством. Эти законы и назначение черного кабинета⁴⁸ ясно говорят за то, что правительство нисколько не намерено идти на какие бы то ни было уступки. Оно действует вполне прямолинейно <...>

(л. 107)

6/V <...> Встретил вчера случайно в конторе «Донской Речи»⁴⁹ Федора Дмитриевича Крюкова, автора рассказов из казачьей жизни⁵⁰, рассеянных в «Русском богатстве»⁵¹. Мы были немного знакомы в Орле, где он учительствовал. Теперь он член Государственной Думы от Донской области и вчера был свободен, потому что заседания не было. Пообедали с ним вместе в одном ресторане и поговорили. Он очень был рад моей мысли энергично повести дело с изданием его опусов и рассказов. Он говорит, что масса впечатлений в Думе не дает еще возможности во всем разобраться, но что можно сказать уже и теперь, что «Трудовая группа»⁵² знает цену кадетам. Муромцевым, как председателем⁵³, все довольны.

Вырезки из газет за эти дни мало что дают, потому что надо прямо обратиться к стенографическим отчетам заседаний. Я, кстати, сказал Крюкову, чтобы он внес предложение (и собрал 30 подписей), чтобы полные отчеты печатались для продажи, а не только для членов Думы.

Жизнь за это время ничего, кроме Думы, не дала, если не считать что вопреки всяким «свободам», произвол творится везде сказочный. Страна накануне громадных событий. Дума не знает, что будет в понедельник 8-го: будет ли она разогнана за подписание адреса — ответа на тронную речь⁵⁴ или будет заниматься дальше.

Относительно приема Муромцева в бюро тоже ничего неизвестно: могут сделать так, что его скоро и совсем не будет.

(лл. 108—109)

2/VI <...> Громадное значение имеют закрытые третьего дня «Известия»⁵⁵. Они у меня сберегаются. Это голос крестьянина и прекрасный. Теперь крестьянство заговорило и удивительно ясно и определенно. Очевидно этому органу, с сегодняшнего дня названному «Трудовая Россия», предстоит сыграть крупную роль в истории русской революции <...> Момент сейчас громадной важности. Вот-вот созреет революция острая — вооруженное восстание. Дурново⁵⁶ говорит, а Россия готовится к большой битве. Рабочие сильно проникают тенденцией с[оциал]-д[емократов]. Крестьянство и армия просыпаются. К[а]д[еты] все более и более теряют кредит.

(л. 110—111)

16/VI <...> Армия шагает гораздо быстрее, чем я рассчитывал. Даже такие части, как Преображенский и Гусарский полк, и те обнаружили свои буйственные идеи. Государь лично говорил с ними, но, разумеется, бесплодно.

Пресса задавлена. Вот-вот грянет бой в Думе, где уже 31 с[оциал]-д[емократ] <...>

3/VII. Время идет как на курьерских. Теперь основной вопрос для всех партий — где будет армия в момент революции? Он занимает все умы, способные воспринимать ясно положение вещей. И, отдать справедливость, армия, даже казаки и городовые сильно шагнули вперед; я не думал, что она может сделать такой громадный шаг! Я не надеялся на нее. Газеты полны известиями о новом этапе движений в армии и флоте. Словом, теперь можно сказать; близок час русского перерождения <...>

<...> Говорил как-то в складе с Н. И. Кареевым⁵⁷ по поводу возможной роли Государственной Думы. Я нахожу, что она может сыграть только роль тарана, которым революция начнет пробивать стены самодержавия и деспотизма, а затем и без нее обойдется; а Кареев говорил, что верит в роль ключа. Мое определение ему, вероятно, доставило материал для размышлений, потому что он говорил об этом дома у себя.

(л. 112, 113, 116)

9/VII <...> 4 часа дня. Только что узнал, что Дума распущена!!!⁵⁸ Так и есть! Теперь революция пойдет вовсю и именно отчасти потому, что Дума распущена на аграрном вопросе, на обращении своем к народу по поводу правительственного сообщения!!! Теперь Россия вступила с сегодняшнего дня в последний и самый решительный фазис революции, которая, я верю, грянет не позже начала августа.

(л. 116—117)

16/VII. Как я и думал, так и случилось: Дума поехала в Выборг. Там была 9, 10. 11-е. Но... гора родила мышь. Она

выпустила такое воззвание⁵⁹, что постыдиться надо. Это плохая, потому что слабая прокламация; и плохой потому, что водянистый и краткий манифест. Видно, что кадеты хорошо понимали, что без них трудовики и с[оциал]-д[емократы] не обойдутся и потому заупрямились и не сделали никаких существенных уступок. А те не хотели быть без кадет, чтобы не встретить несочувствия буржуазии.

⟨...⟩ Весь день 10-го провел у Усатого⁶⁰ в Политехникуме, получая всякие сведения о Выборге ⟨...⟩ Крюков мне рассказывал, что трудовики-крестьяне повернули в Выборге в сторону консерватизма.

⟨...⟩ Многие не понимают, как это мирно Россия приняла 9-е июля. Я убежден, что числа 25—28 мы уже будем иметь ряд крестьянских движений, за ними движение в армии и затем, затем всему старому конец. Я его ожидаю никак не позже 1 ноября ⟨...⟩

(л. 119—121)

25/VII ⟨...⟩ Всеобщая забастовка, начатая 22 июля совершенно не удалась. Разные лозунги (возврат Думы — учредительное собрание), несогласованность действий партий, крушение надежд в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле⁶¹ — все это минусы. У рабочих нет настроения. На днях она закончится.

(л. 122)

1907 год

15/II ⟨...⟩ Караваев⁶² избран в Думу от трудовиков. А как недавно он писал еще брошюру в защиту кадет! И, конечно, в Думе быстро его раскусят и увидят его. Надо это говорить и говорить. Не сомневаюсь, что первое время он будет играть некоторую роль в Думе. Относительно второй Думы, разумеется, мои надежды плохи: не в ней дело, а в партии, и осенью 1909 года, если не его весной, мы будем присутствовать при событиях, а до тех пор все это лишь пропаганда делом, а не дело самое. Разумеется, эту Думу тоже разгонят и тоже ничего на это страна страшного не ответит. Занятия этой Думы будут короче, чем 72 дня. В этом можно быть уверенным. Кадеты будут неоднократно присоединяться к правой, а левая — левая сорганизуется и окончательно подготовит третью Думу уже без сильного кадетского влияния.

(л. 29—30)

1/III. За три дня до открытия Думы⁶³, я был впервые у Вейдемюллера⁶⁴ и там мы вели разговор о ближайшем будущем России. К тому, что сказано мною раньше, я прибавил, что после разгона будут даны новые избирательные зако-

ны, при которых третья Дума будет уже наполовину правая, и она займется организационной работой, которую и прервут события 1909 года.

Дума на всех производит крайне удручающее впечатление. Многие боятся от ее хладнокровия, но ничего еще не сделали, чтобы с нею расстаться. Право, можно думать, что вся Дума точно как-то загнипнотизирована и обращена в спячку. Вместе с тем говорят все время, вот уже дней пять, что вот-вот ее разгонят. Сегодня я слышал от Иванова-Разумника⁶⁵, что М. М. Ковалевский беседовал на днях с Витте и узнал, что 80% против 20% шансов, что Думу разгонят на днях за ее левизну.

<...> Вообще сейчас, в момент реакционного безвременья заметны обычные признаки такой эпохи: увлечение мистицизмом, какое-то самолюбование молодыми, какое-то нелепое увлечение театром, не дающее ничего кроме чувственных впечатлений; молодежь ударилась во все тяжкие, во все, что может удовлетворить ее в момент честолюбия и самолюбования.

(л. 31)

29/IV <...> Караваев был у меня на днях. И что курьезно, он, первый в мире говорун, ополчается на говорунов в Думе, говорит о необходимости делать дело и пр. Любопытно, что крестьяне в Думе не знают, куда деваться от его болтовни в фракции трудовой группы в кулуарах, где его голос гремит неустанно.

(л. 37—38)

Примечания

- ¹ Речь идет о восстании на броненосце «Князь Потемкин Таврический» 14 июня 1905 г.
- ² С. Н. Трубецкой и М. А. Стахович — деятели либерально-буржуазного земского движения. С. Н. Трубецкой — сторонник введения умеренной конституции; в июне 1905 г. от лица депутации земских и городских деятелей обратился к Николаю II с верноподданнической речью. Будучи ректором Московского университета, боясь революционных выступлений, С. Н. Трубецкой в сентябре 1905 г. дал согласие на закрытие университета. М. А. Стахович — предводитель дворянства в Орловской губернии; После Манифеста 17 октября наряду с Д. Н. Шиповым вел переговоры с правительством о своем сотрудничестве с ним; примыкал к кадетской партии, затем к партии октябристов; член I и II Государственных дум.
- ³ Петербургским градоначальником в 1905—1906 г. был В. Ф. Лауниц.
- ^{3a} «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» — общество, организованное для отвлечения рабочих от политической борьбы.
- ⁴ См. дневник В. Н. Ламздорфа («Красный архив», 1931, № 3 (46), стр. 7—8).
- ⁵ 6 августа 1905 г. были опубликованы проект закона, положение о выборах и Манифест об учреждении совещательной Государственной думы.
- ⁶ Речь идет о бойкоте булыгинской Думы. Большевики, как известно, призывали рабочих и крестьян к активному бойкоту булыгинской Думы, сосредоточив всю агитационную кампанию вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Меньшевики считали возможным принять участие в выборах в Думу и выступали за сотрудничество с либеральной буржуазией.

- ⁷ Очевидно, речь идет о брошюре В. И. Ленина «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 95—268*), вышедшей в августе 1905 г. в Одессе в книгоиздательстве «Буревестник», и об издававшемся Г. В. Плехановым «Дневнике социал-демократа», № 2, вышедшем из печати в августе 1905 г.
- ⁸ П. Б. Струве редактировал журнал буржуазных либералов «Освобождение», издававшийся за границей в 1902—1905 гг. С января 1904 г. «Освобождение» стало органом либерально-монархического «Союза освобождения».
- ⁹ Всероссийская железнодорожная забастовка октября 1905 г. началась 6 октября забастовкой на Московско-Казанской железной дороге.
- ¹⁰ Очевидно, речь идет об одном из заседаний Государственного совета, председателем которого с августа 1905 г. по 1906 г. был Д. М. Сольский.
- ¹¹ Д. Ф. Кобеко — член Государственного совета, с 1902 г. директор Публичной библиотеки в Петербурге.
- ¹² А. И. Браудо — библиограф, сотрудник Публичной библиотеки в Петербурге.
- ¹³ Имеется в виду приказ петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова от 14 октября 1905 г., в котором говорилось, что всякая попытка к устройству беспорядков будет подавлена «самым решительным образом».
- ¹⁴ О событиях октября 1905 г. в Ленинградском политехническом институте см.: Г. Г. Кожузарь. Общественно-политическая жизнь института в 1902—1905 гг. — «Труды Ленинградского политехнического института», № 190, 1957.
- ¹⁵ «Союз союзов» — политическая организация либерально-буржуазной интеллигенции, оформилась в мае 1905 г. и существовала до конца 1906 г.
- ¹⁶ Речь идет о Петербургской городской думе. О Е. И. Кедрине см. Словарь «Гранат», т. 17, Приложения, столб. 8.
- ¹⁷ Имеется в виду Манифест 17 октября 1905 г.
- ¹⁸ В. А. Мякотин — историк и публицист, один из лидеров партии «народных социалистов» (энесов), в 1905—1906 гг. один из руководителей «Союза союзов».
- ¹⁹ В состав депутации входили Н. Ф. Анненский — публицист, сотрудник журнала «Русское богатство»; В. Я. Богучарский — историк и публицист, один из лидеров кадетского толка; О. О. Грузенберг — юрист и общественный деятель, член партии кадетов; А. И. Венцовский — либеральный деятель, инженер, один из организаторов съездов интеллигенции по профессиям в марте — апреле 1905 г. Об октябрьских днях 1905 г. в Технологическом институте см.: А. Л. Мильштейн. Технологический институт в 1905 г. Л., 1959.
- ²⁰ Речь идет, очевидно, о резолюции, составленной этой депутацией. Конверт под названием «Октябрьские дни», в который Лемке вкладывал вырезки из газетных статей и другие материалы, относящиеся к этому времени, в фонде Лемке (ИРЛИ, ф. 661) не обнаружен.
- ²¹ Лемке пишет о ранении историка Е. В. Тарле (*А. Ерусалимский. Евгений Викторович Тарле (1875—1955 гг.)*). — *Е. В. Тарле. Сочинения в двадцати томах, т. 1. М., 1957*).
- ²² Н. Д. Оболенский, князь, флигель-адъютант, управляющий Кабинетом царя при Николае II.
- ²³ В. М. Гессен — экстраординарный профессор по кафедре государства и права Санкт-Петербургского политехнического института.
- ²⁴ В состав депутации входили: Л. В. Ходский — экономист, либеральный деятель, сотрудник ряда изданий: «Наша жизнь», «Кредитные билеты» и др.; Н. П. Ашеров — критик и публицист, либеральный деятель; В. П. Воронцов — один из идеологов либерального народничества 80—90-х годов XIX в.; Д. Н. Овсяннико-Куликовский — литературовед, профессор Казанского, Харьковского, Петербургского и Новороссийского университетов.
- ²⁵ В депутацию входили: Г. А. Фальборк — деятель народного образования, член «Союза освобождения», один из организаторов съездов интеллиген-

- ции по профессиям в марте — апреле 1905 г.; Л. Ф. Пантелеев — участник революционного движения 60-х годов XIX в., впоследствии примыкал к кадетской партии; Ф. И. Родичев — юрист, член ЦК кадетской партии, депутат Государственной думы всех созывов; Л. Ю. Явейн — профессор Петербургского технологического института. В декабре 1905 г. в его квартире находилась явка боевой технической группы при ЦК РСДРП.
- ²⁶ М. П. Миклашевский — экономист, критик, сотрудничал в «Мире божьем», «Начале», «Нашей жизни» и других изданиях.
- ²⁷ В. И. Семевский — историк, сотрудник ряда журналов: «Русская старина», «Голос минувшего» и др.
- ²⁸ Н. Д. Соколов — либеральный деятель, один из активных участников «Союза союзов».
- ²⁹ Очевидно, имеется в виду резолюция петербургской группы Союза писателей, в состав которой входил Лемке.
- ³⁰ М. А. Энгельгардт — публицист, сотрудничал в «Русском богатстве», «Деле народа», «Мысли» и др.; П. Ф. Якубович — член редакции журнала «Русское богатство», участник народофильского движения; С. Н. Прокочевич — известный либеральный деятель кадетского толка, в 1906 г. один из основателей журнала «Без заглавия».
- ³¹ Речь идет о совещании 18 октября 1905 г., на которое Витте созвал более 30 представителей петербургских газет с целью «успокоить умы» (см. об этом «Русские ведомости», 1905 г., № 274).
- ³² М. А. Суворин — писатель, драматург и журналист, сотрудничал в «Новом времени», «Историческом вестнике» и других изданиях.
- ³³ «Сын Отечества» — газета либерального направления, издавалась в Петербурге с 1862 по 1900 г. и с 18 ноября (1 декабря) 1904 г. В газете сотрудничали освободженцы и народники. С 15 (28) ноября 1905 г. газета стала органом партии эсеров; 2 (15) декабря 1905 г. была закрыта. Редакторы С. П. Юрицын и Г. И. Шрейдер.
- ³⁴ «Наша жизнь» — газета, близкая к левому крылу кадетов; выходила с 6 (19) ноября 1904 г. по 11 (24) июля 1906 г. в Петербурге. Редакторы в разное время А. Н. Котельников и Л. В. Ходский, В. В. Водовозов, Д. А. Левин, К. И. Диксон.
- ³⁵ Антоний (А. В. Верховский) — с 1898 г. петербургский митрополит.
- ³⁶ П. И. Вейнберг — переводчик и поэт, в 900-е годы председатель Литературного фонда; Ф. Д. Батюшков — историк литературы и критик, профессор Петербургского университета, редактор журнала «Современный мир», сотрудник журнала «Вестник Европы»; В. П. Крайхфельд — критик, сотрудничал в «Мире божьем», «Современной мысли», «Русских ведомостях»; В. К. Агафонов — публицист, сотрудничал в «Мире божьем».
- ³⁷ М. М. Винавер — юрист, публицист и общественный деятель, кадет, депутат I Государственной думы, участвовал в составлении «Выборгского воззвания».
- ³⁸ М. М. Ковалевский — историк, социолог, в 1877—1878 гг. профессор Московского университета, с 1905 г. — Петербургского; член Государственного совета по выборам от академической курии. Основатель партии демократических реформ (1906 г.), член I Думы, издатель журналов «Вестник Европы», «Запросы жизни», газеты «Страна».
- ³⁹ Газета «Новая жизнь» — первая легальная большевистская газета, выходила с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря в Петербурге.
- ⁴⁰ «Начало» — легальная газета меньшевиков; выходила в Петербурге в ноябре — декабре 1905 г. Редактор Д. М. Герценштейн.
- ⁴¹ «Известия Совета рабочих депутатов» — орган Петербургского Совета рабочих депутатов; выходил с 17 (30) октября по 14 (27) декабря 1905 г.
- ⁴² «Молва» — ежедневная либерально-буржуазная газета, выходила в Петербурге с декабря 1903 г. по июнь 1908 г. с перерывами и под названиями: «Молва», «Русь», «Двадцатый век». Редакторы А. В. Зенгер, В. Д. Боряковский, А. А. Юрьев.
- ⁴³ «Народное хозяйство» — либеральная газета; выходила в 1905—1906 гг.

- с участием сотрудников приостановленной газеты «Наша жизнь». Редакторы: В. С. Голубев; с № 23 — В. В. Водовозов.
- ⁴⁴ «Радикал» — политическая, общественная и литературная газета, выходила в Петербурге с 15 января 1906 г. по 21 января 1906 г. Редактор-издатель М. С. Маргулис.
- ⁴⁵ А. В. Луначарский — известный партийный и государственный деятель.
- ⁴⁶ Открытие I Государственной думы состоялось 27 апреля 1906 г.
- ⁴⁷ Проект новых «Основных законов» накануне созыва Государственной думы был опубликован 24 апреля 1906 г.
- ⁴⁸ «Черным кабинетом» называли министерство И. Л. Горемыкина, сменившего С. Ю. Витте на посту министра внутренних дел.
- ⁴⁹ «Донская речь» — политико-общественная и литературная газета, издавалась с 1886 г. в Новочеркасске, с 1899 г. — в Ростове-на-Дону; в декабре 1905 г. была закрыта. Редакторы-издатели А. И. Шепкалов и М. И. Берберов.
- ⁵⁰ Ф. Д. Крюков — писатель; его рассказы «Из станичного быта», «На Тихом Дону», «Встреча» и другие публиковались в «Русском богатстве» с 1896 по 1910 г.; член I Государственной думы, кадет.
- ⁵¹ «Русское богатство» — журнал, выходивший в Петербурге с 1876 до середины 1918 г. С начала 90-х годов — журнал либеральных народников; с 1906 г. — орган полукadetской партии энесов. Редакторы до 1905 г. В. Г. Короленко и Н. К. Михайловский.
- ⁵² Трудовая группа (трудовики) — группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах России, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка; образовалась в апреле 1906 г.
- ⁵³ С. А. Муромцев — юрист, профессор Московского университета, один из лидеров партии кадетов, председатель I Государственной думы.
- ⁵⁴ Имеется в виду адрес-ответ на «тронную» речь Николая II, составленный кадетами.
- ⁵⁵ Имеется в виду газета «Известия крестьянских депутатов», орган Трудовой группы I Государственной думы, выходившая в Петербурге в мае 1906 г. Редактор С. И. Бондырев.
- ⁵⁶ П. Н. Дурново — товарищ министра (1900—1905 гг.), с октября 1905 г. по апрель 1906 г. — министр внутренних дел, член Государственного совета.
- ⁵⁷ Н. И. Кареев — историк и социолог, профессор Варшавского и Санкт-Петербургского университетов.
- ⁵⁸ I Государственная дума была распущена указом от 8 июля 1906 г., объявленным на следующий день, 9 июля.
- ⁵⁹ Имеется в виду обращение членов I Государственной думы, называемое «Выборгским воззванием», составленное после роспуска Думы.
- ⁶⁰ С. Н. Усатый — лаборант Санкт-Петербургского Политехнического института. В октябрьские дни 1905 г. солидаризировался с бастовавшими студентами и прогрессивной профессурой.
- ⁶¹ О восстании на Балтике летом 1906 г. см.: «Революция 1905—1907 гг. в России». Документы и материалы. Второй период революции, ч. II, май — сентябрь, кн. 1.
- ⁶² А. Л. Караваев — трудовик, член II Государственной думы.
- ⁶³ II Государственная дума была открыта 20 февраля 1907 г.
- ⁶⁴ Очевидно, речь идет о К. Л. Вейдемуллере — журналисте, сотрудничавшем в журналах «Книга», «Современный мир» и других изданиях.
- ⁶⁵ Р. В. Иванов-Разумник — историк русской общественной мысли.

**АКАДЕМИК С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ
И ОБРАЗ ИВАНА ГРОЗНОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

А. А. Зимин

Выдающийся исследователь Древней Руси академик Степан Борисович Веселовский (1876—1952 гг.) в течение многих лет занимался изучением социально-экономической и политической истории России времени Ивана Грозного. Его труды написаны на основе громадного фактического материала с тонким проникновением в самую гущу сложных социальных отношений периода напряженной политической борьбы опричных лет. Перед читателем раскрываются картины трудной жизни русского крестьянина в феодальной деревне XV—XVI вв. Узнает он и о вельможном боярстве, кичившемся своей родовитостью, но постепенно терявшем старинные права и привилегии.

В работах Веселовского удивительно гармонично сочетался ажурный анализ сложнейших источников с яркостью и темпераментностью изложения. Большой и сложный жизненный и научный путь прошел академик Веселовский. Его ошибки справедливо критиковались в нашей литературе. Но они не снимают огромного познавательного значения его капитальных трудов по истории России XVI в.

Как известно, в 40-х годах XX в. в работах ряда советских историков (Р. Ю. Виппера, С. В. Бахрушина и И. И. Смирнова) отчетливо проявилась идеализация деятельности Ивана Грозного. Его личным качествам приписывались важнейшие сдвиги в политической истории страны, теневые стороны его характера и деятельности всячески затушевывались, социальная сущность мероприятий правительства приглушалась. Царь Иван Грозный превращался в некоего исполина, который якобы пользовался полной поддержкой народа и ошибка которого состояла лишь в том, что он не довел до конца борьбу с боярами¹. Один за другим появлялись труды, безудержно восхвалявшие Грозного. И только как бы скороговоркой говорилось в них о неисчислимых бедствиях, обрушившихся на Русь в годы правления Ивана IV, об утверждении крепостничества и бесчинствах опричников. Появлявшиеся же работы Веселовского показывали кровавые по-

¹ Н. К. Черкасов. Записки советского актера. М., 1953 стр. 380—382.

следствия тирании Грозного, бессмысленность многих его начинаний. Ряд работ Веселовского увидел свет только в настоящее время².

Апология Ивана Грозного наложила особенно сильный отпечаток на роман В. Костылева «Иван Грозный», впервые напечатанный в 1942 г. на страницах журнала «Октябрь». Веселовский уже в 1943—1945 гг. выступил с резкой критикой антиисторического взгляда на время и действительность Ивана Грозного. Рецензия Веселовского не только дает много интересного для характеристики личности Ивана IV, но и раскрывают его понимание задачи художественного повествования.

Годы правления Ивана IV (1533—1584) были временем укрепления единого Русского государства и борьбы с феодальной децентрализацией. Эту борьбу нельзя объяснять только чисто династическими причинами или болезненной мнительностью царя. Вызванная коренными интересами широких кругов господствующего класса феодалов, она в какой-то мере отвечала потребностям горожан и крестьянства, страдавших от бесконечных распрей феодальной аристократии.

Противоречивой была и сама фигура царя Ивана Грозного. Выдающийся государственный деятель, он вместе с тем был жестоким и мстительным правителем, носившим личину смиренного грешника.

Читая отзыв Веселовского, надо иметь в виду, что перед нами только черновые наброски рецензии. Одним из существенных недочетов трактовки деятельности Ивана Грозного в рецензии Веселовского является недостаточно четкий анализ классовой сущности политики русского правительства в XVI в. (в том числе деятельности Земских соборов). Справедливо подчеркивая роль дворянства в правительственных мероприятиях середины века, Веселовский отмечает и серьезный недостаток романа В. Костылева, рисовавшего Ивана Грозного чуть ли не выразителем «народных чаяний»³. От такого знатока истории закрепощения крестьян, каким был Веселовский, можно было бы услышать больше об усилении крепостного гнета в годы правления Грозного и о беспощадном подавлении им народных движений. Можно согласиться далеко не со всеми конкретными замечаниями Веселовского в адрес В. Костылева, но главное — в гневном протесте ученого против идеализации Ивана Грозного.

Набросок рецензии Веселовского на книгу Костылева помечен им 7 августа 1943 г. Он написан в связи с полемикой, ко-

² С. В. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963; *он же*. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Е. Дорш. Книга о Грозном царе.— «Новый мир», 1964, № 4, стр. 260—263; С. М. Дубровский. Еще раз о «великом государе».— «Знамя», 1965, № 1, стр. 211—216.

³ С. Бородин. «Литература и искусство», 1943, № 20; В. Костылев. Письмо в редакцию.— «Октябрь», 1943, № 8—9, стр. 261—263.

торая проходила в это время на страницах «Октября» и газеты «Литература и искусство» между автором книги и писателем С. Бородиным. Последний упрекал Костылева, в частности, в том, что он якобы нарисовал царя Ивана как «одинокого в своих замыслах», но близкого к народу: «Незачем искажать действительность и опрощать Грозного, изображая его как печальника о повседневных, будничных благах народа». Но в главном — в том, что Иван IV был прозорливым и смелым «преобразователем жизни страны», сходились и автор романа, и его критик. Вот против этого-то основного тезиса и выступил Веселовский. Его рецензия интересна в двух планах. Прежде всего она содержит общие размышления историка о правлении Ивана Грозного. Веселовский не успел закончить свою книгу о России времени Ивана IV и написал только ряд разделов, собранных посмертно в сборнике по истории опричнины. Здесь же перед читателем нарисована просто и ярко общая картина того далекого от нас времени. Нет нужды сейчас подробно останавливаться на отдельных неточностях, допущенных автором. Вряд ли следовало бы в один ряд ставить такие разнородные явления «Смутного времени», как Крестьянская война и иноземная интервенция и т. п. Веселовский рисует крепостнический характер опричной политики Ивана IV, ее тяжелые последствия для страны. «Не в закрепощении ли крестьян можно видеть прозорливость Ивана?» — с горечью спрашивает историк. Вторая часть рецензии Веселовского о романе Костылева содержит его размышления о задачах, которыми должен руководствоваться автор художественных произведений на историческую тему. Последнее чрезвычайно важно для каждого, кто вздумал бы писать исторические романы и повести о русской старине.

Публикуемая нами рецензия Веселовского дается по авторизованному машинописному тексту (*Архив Академии наук СССР, ф. 620, д. 85*). В необходимых случаях нами даны указания на источники сведений, приводимых Веселовским.

По поводу трилогии тов. Костылева
и возникшей о ней полемики

С. Б. Веселовский

7 августа 1943 г.

Полемика Бородина и Костылева при участии проф. А. И. Яковлева с первых же шагов достигла такой степени оживленности, при которой спикер английской палаты общин надевает на голову цилиндр и удаляется. Молчаливый жест спикера означает, что заседание палаты закрывается и все дальнейшие прения ораторов являются их частной беседой, не имеющей никакого юридического значения.

Участники полемики не щадят самолюбия противника, употребляют выражения, которые принято считать «непарламентскими», отклоняясь далеко от существа вопроса, обвиняют друг друга в невежестве, самомнении, в недостатке патриотизма (!) и т. п. Полемика такого рода мне представляется бесплодной, и читатель будет прав, если по примеру английского спикера наденет на голову шляпу, отойдет в сторону и предоставит ораторам вести их частную беседу.

Умная французская поговорка говорит: «Нет в мире крепости, которую невозможно было бы взять...», за исключением воздушных замков». Яркая личность Грозного царя и историческая значительность событий его времени давно привлекали к себе внимание не только историков, но и романистов, драматургов, поэтов, композиторов, художников и даже скульпторов. Но трудно сказать, послужил ли на пользу дела этот повышенный интерес к Ивану Грозному и его времени. Уж очень много в огромной литературе по этому предмету настроено воздушных замков, которые, по французской поговорке, не поддаются разрушению. Ученые тратили силы на разрушение скороспелых и преждевременных концепций и, отвечая на запрос читателей, сами в свою очередь спешили дать свои общие характеристики и решения по таким вопросам, которые были еще не исследованы.

Историкам давно пора заняться черным трудом отыскания и разработки новых источников, а таковых еще много, и до времени отказаться от плохо продуманных концепций и смелого решения еще не исследованных вопросов. Но по-прежнему остаются в силе золотые слова гениального поэта: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», и черный труд исследователей не пользуется в широких слоях читателей ни признанием, ни должным уважением.

Решаясь дать отзыв о новопостроенных воздушных замках, я предвижу малую производительность этого занятия — оправданием мне служит только то, что дирекция Института истории

и редакция газеты «Литература и искусство» пожелали знать мое мнение.

В трилогии Костылева и в его полемике с Бородиным, равно как и в возражениях Костылева, мы находим смешение самых разнородных предметов и вопросов, существенных и малосущественных; а одновременно участники полемики — а Костылев и в своей трилогии — очень смело, походя, ставят и берутся разрешать ряд основных проблем эпохи Ивана Грозного, игнорируя достижения исторической науки и не считаясь с тем, что многие вопросы остаются пока спорными или совсем не исследованными, т. е. далеко выходят за пределы их компетенции как литераторов, а не ученых.

Бородин правильно отмечает сложность исторической обстановки, в которой пришлось жить и действовать Ивану, и декретировать такую общую установку: «Иван Грозный сумел организовать и правильно расставить силы народа так, что мощь России не только не пошатнулась, но значительно возросла в XVI веке». Бородин хвалит Костылева за то, что он «правильно подошел к главной своей задаче: в его трилогии Иван показан передовым государственным деятелем, преобразователем жизни страны, твердым в достижении цели, прозорливым и смелым». В дальнейшем изложении Бородин, переходя к частным вопросам, несколько противоречит себе — оказывается, что Костылеву не хватает весьма многого, чтобы справиться с поставленной себе задачей, да и в основной установке Костылев оказывается непоследовательным.

Сто лет тому назад известный в свое время историк-юрист Кавелин сравнивал Ивана с Петром Великим и писал, что оба они были «благороднейшими представителями государственного начала». Разница между ними была будто бы только в том, что Петр был натурой волевой и практической и умел подбирать сотрудников, не считаясь с их происхождением, и потому совершил много великих дел, а Иван обладал натурой неволевой, поэтической, был непрактичен и не умел разбираться в людях. Да и негде было Ивану найти помощников, так как окружавшая его среда состояла сплошь из невежественных, косных и своекорыстных людей. В бесплодной борьбе с этой средой Иван пал. «Растерзанный, измученный бесплодной борьбой, Иван мог только мстить за свои неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, все, что было в нем великого и благородного, и мстил страшно»¹.

Не следует удивляться фантастике Кавелина — сто лет тому назад подобные полеты и «философические» этюды, вроде Репетиловского «взгляда и нечто», были в моде. Но поистине удивительно, что, несмотря на прогресс науки, исправившей многие

¹ К. Д. Кавелин. Взгляд на юридический быт древней России. — К. Д. Кавелин. Соч., т. I. СПб., 1897, стр. 7, 9, 18, 47.

перегибы и ошибки сторонников и хулителей Ивана, несмотря на издание множества новых источников, не известных во времена Кавелина, полеты в стратосферу фантазии возобновляются, причем за это берутся в назидание историкам романисты и драматурги.

Бородин и Костылев не считаются ни с прочно установленными в науке фактами, ни с мнениями наших крупнейших историков. Позволю себе напомнить им взгляды М. П. Погодина, Н. И. Костомарова и В. О. Ключевского. Погодин был сыном крепостного крестьянина, а Ключевский вышел из среды сельского духовенства, так что ни тот, ни другой не могут быть признаны представителями дворянской историографии.

Сочинения Погодина давно стали библиографической редкостью. Поэтому я приведу вкратце его мнение о личности и государственной деятельности Ивана, напомнив, что Погодин, человек очень трезвого и острого ума, никогда не стеснялся в выборе сильных выражений для своих мыслей. Иван, получивший дурное воспитание, не приученный к труду и не занимавшийся в молодости делами, не мог в возрасте 17—20 лет стать вдруг просвещенным законодателем. Реформы середины века были проведены той боярской партией, которая группировалась вокруг Сильвестра и Адашева. Когда влияние Сильвестра и его друзей пало, то в последние 25 лет жизни Ивана нельзя указать никаких законов и распоряжений, вообще никаких действий, в которых проявлялся бы государственный ум Ивана,—ничего подобного реформам 1547—1556 гг. За все это время «нет ничего, кроме казней», пыток, оцал, действий разъяренного гнева, «необузданной страсти». Все поступки и действия Ивана этого времени говорят об отсутствии у него государственных взглядов и целей. «Что есть в них высокого, благородного, прозорливого, государственного? Злодей, зверь, говорун-начетчик с подьяческим умом и только. Надо же ведь, чтобы такое существо, потерявшее даже образ человеческий, не только высокий лик царский, нашло себе прославителей». По мнению Погодина, С. М. Соловьев в своей «Истории России» поставил Ивана «вверх ногами».

Н. И. Костомаров в противоположность Погодину подтверждает свои мнения тщательным анализом и подробным изложением первоисточников. Его анализ проблемы южного и западного фронтов до сих пор остается в нашей историографии непревзойденным. Анализ сочинений Ивана, его полемики с Курбским, посланий в Кириллов монастырь и духовного завещания сделан умно и написан увлекательно, но страдает избытком психологизма. Общая оценка личности и деятельности Ивана Костомарова оставляет далеко за собой суровую оценку и гневные выкрики Погодина².

Блестящая характеристика В. О. Ключевского всем известна

² М. П. Погодин. Историко-критические отрывки, т. I. М., 1846.

и памятна (во втором томе «Курса русской истории»). Заканчивая ее, Ключевский по свойственной ему любви к метафорам сравнивает Ивана с библейским слепым богатырем Самсоном, который в гневе на врагов так сослеп потряс основы здания, что обрушил его себе на голову и погубил и врагов, и себя³.

Мнение авторитетов не закон, но не считаться с ними и игнорировать [их], не имея никаких своих данных, недопустимо. Но оставим авторитеты и перейдем к достижениям нашей науки. Постараюсь быть объективным и буду говорить только о самых существенных и бесспорно установленных фактах и событиях.

Эпоха разносторонних и поистине великих реформ, еще небывалых в истории Московской Руси, 1547—1556 гг. была прервана ливонскими войнами, и многие реформы остались незавершенными. В истории Руси следующий период больших реформ приходится на время регентства, а затем царствования Бориса Годунова. В начале этой эпохи Иван был юношей и проводил большую часть времени в поездках на охоту и богомолья, а затем находился под опекой своих советников. Позже Иван с негодованием вспоминал в ответе Курбскому об этом времени и говорил, что бояре не давали ему ни в чем воли и оставили ему только честь председательства в боярском совете. По своему обыкновению все преувеличивать Иван, может быть, и в этом случае допустил некоторый перегиб. Но во всяком случае ему не приходило в голову приписывать себе честь указанных реформ, а про участие в казанском походе он прямо говорит, что бояре повезли его «аки пленника»⁴.

В общем мы не имеем никаких оснований приписывать реформы 1547—1556 гг. Ивану — они совершались его именем, с его одобрения, но ссылаться на них в доказательства мудрости и государственных талантов Ивана нет оснований. Ведь нам хорошо известно, что после 1560 г., когда Иван освободился от опеки непрошенных советников, и до последних лет его жизни сколько-нибудь значительных реформ не было. Все внимание правительства и все силы государства были направлены на тяжелую борьбу на три фронта.

В чем же проявилось умение Ивана организовать и правильно расставить силы народа? После удаления Сильвестра и Адашева воскурилось, по выражению Курбского, гонение великое, «пожар лютости... возгорелся»⁵. Сначала только бессудные опалы, а затем Иван, как он сам говорит, стал «жесточайше» за себя стоять, т. е. казнить. Конфликт Ивана со всем старым государевым двором, а не с одними боярами и княжатами стал быстро разгораться. Его «холопы» (а не граждане, так как в то время самого понятия гражданства не было, а все слуги Ивана

³ В. О. Ключевский. Соч., т. II. М., 1957, стр. 199.

⁴ «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 39.

⁵ РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 276.

были связаны с ним личной присягой) начинают в большом количестве разбегаться в разные стороны — в Польшу, Швецию, Литву и даже в «турки». Иван борется за побегами старыми средствами: крестоприводными записями за поручительством множества лиц, заложничеством и распространением опалы на родственников бежавшего, иногда весьма далеких, казнит «всеродне».

После побега в 1564 г. такого видного человека, как князь Курбский, Иван приходит к мысли, что ему больше оставаться в окружении старого двора становится небезопасным, и он решает устроить себе безопасный особый двор.

Покинув прадедовский дворец в Кремле, Иван строит новые дворцы на Воздвиженке и в Александрове слободе и учреждает особый, опричный двор, набрав в него людей преимущественно из состава старого двора. Александрова слобода превращена в укрепленный лагерь. Начинается эпоха массовых казней, побегов и заговоров и снова казней.

После больших казней 1569 г. заметна реакция, сначала личная, т. е. не против опричных порядков, а против опричников, и в ближайшие следующие годы были казнены или пропали в опалах почти все видные опричники.

Не касаясь пока сложного вопроса, что такое опричина, остановлю внимание Бородина на одном важном предмете. Для обеспечения опричного двора и предохранения их [опричников] от бытового срастания с земскими, т. е. как организационно-техническое средство, а не как самоцель, Иван выселяет из опричных уездов многие тысячи помещиков и вотчинников, безразлично крупных и мелких, титулованных и нетитулованных, и раздает их земли в поместья опричникам. От этих выселений крестьянство опричных уездов пострадало не меньше, чем их господа. Ниже я скажу несколько слов об обратных переселениях тех же помещиков и вотчинников на их старые пепелища, запустошенные опричниками.

В исследовании Синодика опальных царя Ивана я постарался выяснить социальное и служебное положение записанных в нем лиц. Приведу один из моих выводов. В Синодике мы находим не менее 25 дьяков и казначеев и несколько сотен приказных подьячих. Это составляет приблизительно $\frac{1}{4}$ лиц этого ранга и профессии служивших в это время⁶. Приходится признать, что профессия дьяка и подьячего в это время была не менее опасным для жизни занятием, чем чин боярина или титул князя.

Но оставим эту деталь семилетнего существования опричнины и перейдем к более существенному.

Весной 1571 г. в ожидании набега крымского хана Иван располагает опричные и земские полки, как обычно, в заокских го-

⁶ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 323—478.

родах и ставит во главе их опричных воевод. По первому разряду воевод главнокомандующим был назначен царский шурин, известный опричник князь М. Черкасский. На фронт отправляется и сам Иван. Тут происходит катастрофа, причины и обстоятельства которой во многом неясны. Девлет беспрепятственно, не встречая сопротивления, проходит мимо городов, в которых расположились полки. В самое неподходящее время Черкасский погибает — по одним известиям, он был посажен на кол, по другим — зарублен по приказанию Ивана стрельцами. Иван в панике, минуя Москву, скрывается в Ростов и в Ярославль. Девлет, встретив под стенами Кремля отпор, не может взять Москву, но сжигает московские посады, причем погибают тысячи людей, и опустошает окрестности Москвы, а затем с большой добычей беспрепятственно уходит в Крым. Из десяти земских воевод никто не был казнен, и только Мстиславский подвергся опале, а из шести опричных воевод по этому поводу казнены трое. Именно этот эпизод из жизни Ивана подал Курбскому повод назвать Ивана «бегуном и хоронякой».

Через год Москва в ожидании вторичного набега Девлета. Иван заранее удаляется в Новгород, захватывает с собой всю царскую казну и стягивает в Новгород из окрестных городов более десяти тысяч стрельцов и значительные силы опричников. Главнокомандующим он назначает земского боярина князя М. Воротынского, который за 5 лет перед тем был возвращен из ссылки на Белоозеро, а через несколько лет, после победы над Девлетом, казнен по обвинению в колдовстве (по словам Курбского)⁷. Опричные полки были смешаны с земскими, и воеводы их подчинены Воротынскому.

Воротынский решил не рисковать на открытый бой с многочисленными полчищами Девлета. Он перепустил татар через Оку и на Пахре, между речками Лопасной и Рожаем, устроил им мешок и подставил под убийственный огонь полевой артиллерии в гуляй-городах, что было для татар полной неожиданностью. После нескольких дней кровопролитного боя жалкие остатки полчищ Девлета бежали врассыпную в Крым. В чем далее выразилось умение Ивана расставлять людей? Разгром Девлета на Молодях произошел в июле 1572 г., а в августе Иван вернулся в Москву и неожиданно, по выражению Карамзина, для своих подданных «отставил» опричнину. Не буду говорить, в чем выразилась отставка опричнины, так как это завело бы меня далеко от возражений Бородину, и остановлюсь на одном вопросе, который впервые освещен в работах Садикова и в моей последней работе о «Монастырском землевладении во второй половине XVI в.»⁸.

⁷ РИБ, т. XXI, стлб. 287.

⁸ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950; С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.— «Исторические записки», т. 10, стр. 95—116.

После отставки опричнины помещики и вотчинники, выселенные в свое время из опричных уездов, получили разрешение вернуться в свои прежние запустошенные опричниками поместья и вотчины. Так, с 1572 г. началось обратное великое переселение служилых землевладельцев, от которых правительство требовало, несмотря ни на что, службы.

Побочным, но ближайшим следствием умения Ивана расставлять людей был катастрофический переход служилых земель (вотчин) в руки монастырей. Как смотрел на это Иван, мы не знаем, но известно, что он всю свою жизнь относился неизменно благосклонно к монашествующим и монастырям и до Соборного приговора 1580 г. не принимал никаких мер против обогащения их за счет служилых людей.

Последние 2—3 года жизни Ивана можно рассматривать как годы крушения всей его внешней и внутренней политики. Станным образом Бородин игнорирует тот общеизвестный и несомненный факт, что попытка царя Ивана «в Европу прорубить окно» окончилась после продолжительных войн, потребовавших от населения огромных жертв, неудачей. Неужели Бородину неизвестно, что Иван в конце концов был вынужден заключить мир со Швецией и Польско-Литовским государством на очень тяжелых для нас условиях? Неужели и в этом Бородин найдет свидетельство умения Ивана организовать и соразмерить силы народа с поставленными себе задачами?

Бородин утверждает, что «мощь России не только не пошатнулась, но значительно возросла в XVI в.». Да, если говорить о XVI в. в целом, то мощь России и международное значение возросли, но Иван в этом не виноват, так как годы его самостоятельного государственования — с 1560 г. и до смерти — были едва ли не самым темным и тяжелым периодом во всей истории Московского государства. По бедствиям, перенесенным народом в это время, этот период не уступит лихолетью Смутного времени с его дворцовыми переворотами, самозванщиной, гражданской войной и польской интервенцией.

Свидетельствами крушения внутренней политики Ивана, если вообще можно говорить о таковой, можно считать Соборный приговор 1580 г. о монастырских вотчинах и заповедный указ 1581 г., находящийся в прямой связи с приговором 1580 г., так как после этих двух мер произошел крутой поворот на тот путь, по которому пошла наша история в дальнейшем.

Соборный приговор 1580 г. засвидетельствовал конечное оскудение «воинского чина» и поставил это в связь с привилегированным положением монастырей в области финансов и с той земельной катастрофой, о которой было сказано выше. Приблизительно через полтора года после приговора Собора Иван издал первый заповедный указ, лишавший крестьян права отказа и выхода. Указ поначалу был временной мерой и после смерти Ивана заповедные годы перемежались с выходными, по после потря-

сений Смутного времени выходных лет уже не давали. Так можно сказать, что Иван указом 1581 г. положил основание закреплению крестьянства. Крестьяне были принесены в жертву оскудевшему от войн и прочих причин воинскому чину, главным образом служилой мелкоте, которая больше, чем монастыри и сильные экономические верхи служилого класса, нуждалась в лишении крестьян права выхода.

Лишение крестьян права выхода было неизбежным и вынужденным выходом из факта массового разброда населения от тяжелых военных налогов, двух чумных эпидемий, нескольких недородов и голодных лет, выселений и переселений служилых людей в опричнине, эксцессов опричнины и других бедствий времени. Крестьяне и посадские люди, как тогда говорили, «брели розно», на юг, на восток и за «Камень», т. е. в Сибирь. От разброда населения страдали не только землевладельцы, но и государева служба и тягло.

Дошедшие до нас и частью напечатанные [Калачевым] писцовые книги последних лет царствования Ивана и следующих лет дают потрясающую картину запустения главным образом западных и центральных уездов государства. Вопрос этот давно освещен в монографических исследованиях историков. Известно ли это Бородину? Если известно, то как у него хватает смелости утверждать, что мощь государства не пошатнулась? Ведь именно этим разрушением основ мощи страны объясняется то, что Иван должен был сложить оружие и отказаться от продолжения борьбы за выход к Балтийскому морю, от всех завоеваний в Ливонии.

Не в запоздалых ли мерах в пользу оскудевшего воинского чина и не в закреплении ли крестьян можно видеть прозорливость Ивана, его организаторские таланты и умение использовать народные силы? И не в кратковременном ли эпизоде с опричниной находит Бородин свидетельство умения Ивана «растанавливать» людей по своим местам?

Поставить одному Ивану в вину все бедствия, которые пришлось вынести стране в его царствование, было бы грубой ошибкой, переоценкой роли личности в истории вообще и, в частности, государственной деятельности и талантов Ивана. Но историк не имеет никакого права бросаться в противоположную крайность и, подобно Костылеву и Бородину, петь дифирамбы прозорливости и государственным талантам Ивана.

Бородин совершенно верно отметил одну очень слабую сторону трилогии Костылева — невыдержанность, пестроту и небрежность повествовательного языка Костылева. От исторического романиста мы требуем правдивого изображения живых людей, и не людей вообще, а людей того времени, со всеми особенностями их понятий, быта и нравов. А для этого необходимы соответствующий эпохе язык, начитанность в памятниках эпохи и знание истории вообще. Нельзя не признать, что Костылеву этих качеств не хватает.

Автор трилогии нередко употребляет вычурные и рискованные выражения, полагая, по-видимому, что это дает аромат эпохи. Иногда эти неудачные выражения грубо анахронистичны как с точки зрения истории языка, так и по несоответствию понятиям времени. Приведу несколько примеров. Вместо трафаретного в XVI в. выражения: чинить суд и управу Костылев пишет: чинить управство. Разговорное и былинное «зелено вино» становится почему-то «зеленчатым». Непонятно, откуда автор взял выражение «прямикое» слово вместо «прямое» слово. Если это взято у В. Даля, то разве не знает Костылев, что «Словарем» и «Пословицами» Даля надо пользоваться с толком. Анахронистичны такие слова, как азарт, бал (танцевальный вечер), вельможи-магнаты и т. п.

Особой пестротой страдает язык главного действующего лица. У Костылева царь Иван то говорит на языке книжника-интеллигента XIX в., то подделяется под церковно-славянский язык, то многословно невыразительным языком резонерствует как неопытный пропагандист. Иван говорит Курбскому: «А было время, когда мы понимали друг друга». В I главе: «В духе или не в духе Иван Васильевич?» При вести о больших победах на фронте Иван созывает бояр и спрашивает их: «Како мыслят о случившемся?»

Еще хуже обстоит дело с употреблением технических терминов. Костылев, видно, не прочь пощеголять этим, т. е. делает намеренно, а не по недосмотру, и обнаруживает одновременно и слабое знание истории, и языка времени.

Читателю, знакомому с историей эпохи, эти выражения будут резать, что называется, ухо, а у читателя, не знакомого с предметом, они будут порождать в понятиях путаницу. Например, слово «помещик» Костылев употребляет в том смысле, который оно имеет до наших дней, и не делает различия между поместьем и вотчиной. Между тем в XVI в. поместье было временным владением государевой землей, обусловленным службой, и только на время действительной службы. В руках московских государей, начиная с Ивана III, поместная система была основой земельной политики, мощным средством заставить бывших когда-то «вольных слуг» нести обязательную и нормированную правительством службу.

Вотчина — полная и наследственная собственность. В эпоху удельной раздробленности Руси вотчины были основой социальной и экономической силы княжат и крупных феодалов-бояр.

Если это мое указание покажется Костылеву мелочью, с которой романист может не считаться, то я предлагаю Костылеву просмотреть все места его романа, где он поминает поместья и вотчины, и он увидит, что это вовсе не пустяк.

На многих страницах Костылев говорит о дворянах, употребляя это слово в том смысле, в каком оно известно в XIX в. Позволю себе сделать небольшие разъяснения. «Государев двор»,

дворяне в том смысле, какое имело это понятие в XVI в., были прямыми наследниками старшей и младшей дружины князей XII—XIII вв. При Иване количество лиц, служивших в дворянах, было около 2700 человек. Это составляло приблизительно $\frac{1}{15}$ часть всего класса помещиков и вотчинников. Высшие чины, от боярина и до стряпчего, составляли приблизительно $\frac{1}{4}$ двора. В руках этой немногочисленной вершины социальной пирамиды были все центральное и местное правление и весь командный состав армии. Низшим чином дворянина был чин жильца. Их было немногим менее 2000 человек. Жильцы несли охрану царского двора, сменяясь по третям или четвертям, а в военное время составляли так называемый государев полк, т. е. были как бы гвардией московских князей. Вершину двора составляли советные, думные люди. При Иване их было человек 40 в боярах и человек 20 в других думных чинах.

Все прочие помещики и вотчинники служили в поездных организациях, служили «с городом», в городских детях боярских. Генеалогический состав государева двора был очень устойчив и до Ивана, и при нем. Реформы середины века приоткрыли для городских детей боярских доступ в государев двор, но переход из разрядов городских детей боярских в разряд дворян был возможен только для кучки отборных («выбора из городов») детей боярских, как особая милость царя. Замечу кстати, что излюбленный Костылевым Васюк Грязной вовсе не был худородным сыном боярским и происходил из старого ростовского рода Ильиных, представители которого уже в нескольких поколениях служили в дворах великих и удельных князей.

И эти мои замечания о государеве дворе — не мелочь. Во второй части трилогии пушкари болтают на досуге: «Рассказывал он и о том, как многие незнатные дворяне попадали в милость к царям (!?) за подвиги в прежних войнах. Их зачисляли в боярские дети, а были и такие, что получали княжеское звание». Волюнтаристам болтать на досуге всякие небылицы, но автору исторического романа надлежит быть лучше осведомленным о предметах, которые он берется обсуждать. Царь Иван в опалах нередко наказывал человека тем, что приказывал его разжаловать и из дворян записать в городские дети боярские, но до Ивана царей не было, а жаловать за боевые подвиги из попов в дьяконы было нелепо. Относительно пожалования княжеским званием могу заверить Костылева, что первым государем, который стал награждать титулами князя, графа и барона, был Петр Великий, а до него таких казусов не бывало.

Приблизительно такие же нелепости вкладывает автор в уста «дворянам» и даже самому царю, когда садится на излюбленного конька о так называемых «худородных» людях и о демократизме Ивана.

Неряшливое употребление технических терминов и недостаточное знание истории приводят Костылева иногда к большим

несообразностям. Приведу один пример грубого ляпсуса. Трилогия начинается рассказом о том, как Васюк Грязной был послан из Разряда (главного военного приказа) в вотчину Колычева и «стал расспрашивать о верстании: сколь и кого поимянно выставит боярин своих людей в войско, коли к кому нужда явится».

Первоначальное значение слова, «верстать» — сравнивать, приравнять. Отсюда слова «сверстник», «ровесник» и выражение «быть кому-либо в версту», т. е. вровень. Техническое значение слов «верстать» и «верстанье» таково. По наказу из Разряда нарочито назначенные боярин и 1—2 дьяка с несколькими подьячими производили смотр и верстание служилых людей, пересматривали старослужащих и верстали вновь в службу новиков (парней, достигших 15 лет). Приехавши в уезд, комиссия вызывала в город служилых и производила смотр. Под наблюдением комиссии выборные от уезда «окладчики», обыкновенно из заслуженных стариков, «разбирали» людей, давали показания о их прежней службе и о дальнейшей служебной годности и окладывали их, т. е. определяли оклады денежного и поместного жалованья в соответствии с его земельным обеспечением определяли его службу, в том числе количество (а не поименно) и вооружение как самого человека, так и его людей, которых он должен был вывести с собой в поход. Количество бойцов было нормировано (со 100 четей* земли — человек на коне, а в дальний поход — о двух конях). За каждого человека, выставленного сверх нормы, служилый человек получал добавочные подъемные деньги против его оклада, т. е. был заинтересован выставить больше людей.

В этом состояла суть верстания. Все сведения о верстании записывались в так называемые «десятни», которые хранились как мобилизационные списки в Разряде. Совершенно нелепо было бы со стороны Разряда посылать В. Грязного расспрашивать Колычева о верстании и узнать от него или от его людей, сколько и кого поимянно он выведет в поход.

Подобных ляпсусов в трилогии Костылева немало. На читателя, знакомого с делом, эти ляпсусы производят такое же впечатление, как известный рассказ иностранного путешественника по России о том, как он, сидя под развесистой клюквой, с аппетитом ел кусок спелого самовара.

Перейду к другому существенному недостатку трилогии Костылева — к смешению двух различных родов письменности: художественного исторического повествования и популяризации исторических знаний. От популяризатора мы требуем доступного неспециалистам рассказа о прошлом на основе последних достижений науки. Предоставляя художнику известную свободу творческого вымысла, мы требуем от него непротиворечия фактам и достижениям науки и никак не можем допустить вторжения в

* Четь — четверть, т. е. половина десятины.

область спорных и еще не исследованных вопросов. Костылев смешивает эти две задачи и не разрешает вследствие этого ни той, ни другой: художественная сторона трилогии оказывается испорченной тенденциозностью и неосведомленностью автора, и популяризация, игнорирующая достижения науки, получает характер неудачной пропаганды.

Старые романисты XVIII в. для обрисовки своих героев употребляли наивный прием — положительные персонажи награждались привлекательной наружностью и благозвучными именами, а отрицательные типы обрисовывались в самых непривлекательных внешних чертах и заранее клеймились некрасивыми фамилиями, вроде Скотинина, Ветрогона, Скалозуба и т. п. Классики нашей литературы давно оставили этот наивный и нехудожественный прием. Костылев возрождает эту старину.

Для обрисовки отрицательных типов, главным образом бояр, Костылев употребляет целый арсенал эпитетов, характеризующих человека главным образом по внешности. Бояре не говорят, а скорее рычат, произносят нечленораздельные звуки, несвоевременно икают, говорят хриплыми, простуженными голосами; они потные, носатые, косматые и лохматые; у них не окладистые бороды, а жиденькие бороденки и т. п. Боярин Кольчев, шаровидно-толстый, так труслив, что вздрагивает от вспорхнувших на дереве галок, и т. д. Эти внешние черты обрисовывают внутреннюю ничтожность боярства, косность, невежество, своекорыстие, умственную тупость и предательское подобоострастие перед царем.

Над этой средой ничтожного боярства Иван царит, как орел, и, естественно, что он одинок и встречает со стороны своих советников только прямое или молчаливое противодействие.

Костылев, возражая на упрёк Бородина относительно одиночества Ивана, говорит, что он вовсе не думал изобразить Ивана как человека «одинокого в своих замыслах», «в романе... подробно изображена усердная, преданная служба окружавших царя помощников». «Иван Грозный окружен массой верных, преданных ему людей, обеспечивших ему блестящие победы в Ливонии». Что в распоряжении Ивана всегда было много людей, готовых исполнять его приказания, это несомненно, но это не исключает идейного одиночества. А в этом-то все дело.

Читатель судит об авторе не по тому, что он думал сказать, а по тому, что он сказал в своем произведении. Приведу из романа Костылева одну достаточно убедительную цитату. Иван, получив известия о крупных победах на фронте и о выходе воевод к Балтийскому морю, «созвал ближних бояр, спросил: „Како мыслят о случившемся?“». Бояре не могли ответить коротко и ясно. Для них все еще оставалось непонятным: зачем море? Кланялись царю, крестились (так!), а потом говорили пространно, пугаясь в льстивых словах. «Толкового ответа не добился от них Иван Васильевич». На другой день Иван устраивает пир,

приглашает на него до невероятия разношерстную компанию и на пиру ведет пропаганду своих идей, говорит о вреде разногласий и о пользе согласия, «междоусобная распря и честолюбие расслабляют властителей, затемняют разум». «Ближние бояре внимательно слушали молодого царя, в раздумье мяли свои липкие волосы от вина бороды, не понимая и половины его слов».

Карикатурное изображение боярства у Костылева служит как бы контрастом мудрости и величия Ивана. Этот контраст проводится через весь роман. Выше, возражая Бородину, я указал на реформы середины века, указал, что нет оснований приписывать их Ивану, и поставил вопрос, кто же задумывал и проводил эти реформы? Куда делись эти реформаторы, когда в 1560 г. Иван взял власть в свои руки и удалил Сильвестра и других непрошенных советников? Все мои замечания и вопросы полностью могут быть адресованы Костылеву.

Надо отдать справедливость Костылеву, что и прежние апологеты-историки Ивана без стеснения приписывали ему не только то, что было сделано в его малолетство и в молодости, но даже и то, что было совершено его отцом и дедом. Не вдаваясь в подробности, выскажусь по двум вопросам — о Судебнике 1550 г. и о новой формации служилого класса.

В доказательство забот Ивана о правом и равном для всех суде Костылев несколько раз упоминает Судебник 1550 г. По-видимому, ему неизвестно, что этот Судебник был дополненным переизданием Судебника 1497 г., Иванова деда, великого князя Ивана III. По сравнению со старым Судебником Судебник 1550 г. дал очень мало нового. И, быть может главное то, что царский Судебник не поставил и не решил назревшего уже вопроса об участии в суде царя как высшей инстанции. В обоих Судебниках вопрос о так называемых царских опалах оставлен без решения.

Не следует представлять себе, что княжеская опала была бытовым явлением, вспышкой княжеского гнева. Нет, опала была юридическим актом княжеской власти и очень старым институтом Руси времен удельной раздробленности.

Суть этого института в следующем. Если дружинник нарушал в чем-либо свою присягу князю, то князь имел право нарушить свой договор с дружинником, обязывавший его оказывать дружиннику защиту и покровительство и не «бесчестить» его, т. е. не лишать без основания заслуженной им «чести» — известного положения на службе князю. На провинившегося слугу князь мог положить опалу, а в опале он, как говорят источники, был волен, т. е. мог наложить любое наказание, удалить со службы, разжаловать в низшую должность, лишить имущества или, наконец, казнить смертью. Обычай ограждал дружинника от произвола князя. Прежде чем положить опалу, князь должен был дать слуге «исправу», т. е. возможность оправдаться, сказать в свое оправдание все, что он имел. Поэтому кардинальным условием

правого княжеского суда был принцип недопустимости заочного суда и опалы.

По нашим понятиям о суде, князь не мог быть судьей в деле, в котором он был одновременно заинтересованной стороной. В действительности было не так, так как по старым же обычаям князь судил не единолично, а в присутствии своих дворян, именно тех, которые с XIV в. стали называться боярами введенными (в княжескую думу), а позже просто боярами.

Нет надобности много говорить, что для времени царя Ивана все эти обычаи о княжеском суде и опалах стали большим архаизмом. Великие князья Иван III и его сын Василий III нередко нарушали эти обычаи, но не злоупотребляли опалами и никогда принципиально не отрицали права своих слуг на исправу. Понимал ли Иван, что эти обычаи давно отжили свой век, что давно назрела потребность заменить их новыми формами царского правосудия, что огромное Московское государство не могло существовать совсем без суда? На эти вопросы может быть только один ответ — нет, не понимал. Он пользуется или вернее злоупотребляет опалами. В послании к Курбскому Иван в краткой и до предельности четкой форме выразил свою концепцию царской власти: «Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»⁹ — вот весь багаж государственной мудрости Ивана. Не случайно он называет холопами всех своих слуг, так как для него граждан и не существовало, а по тогдашнему праву раб был бесправен, и между рабом и господином не могло быть судьбы.

Курбский в своих гневных «епистолиях» царю Ивану нигде не отрицает права царя наказывать своих слуг. Он упрекает Ивана в неблагодарности и неосмотрительности, возмущается, как христианин, жестокостью казней, но главные его нападки направлены на несправедливость опал и казней, на их бессудность, на суд и опалы без «очевистого вещания», т. е. заочные. Что же делает Иван? Сильвестр удаляется сам, видя немилость царя. Адашев получает почетное назначение воеводой на Ливонский фронт. Через несколько месяцев царь налагает на них опалу. Напрасно опальные умоляют царя многочисленными челобитными дать им суд и исправу. Митрополит Макарий и часть бояр имели мужество сказать на Соборе, что Сильвестру и Адашеву должна быть дана возможность оправдаться. Враги опальных пугают царя тем, что Сильвестр и Адашев его околдуют, если он допустит «очевистое вещание». Иван по малодушию отказал опальным в суде. Да и рискованно ему было давать Сильвестру и Адашеву право оправдаться, так как из его же «Послания» к Курбскому видно, что никаких конкретных обвинений у него не было. Так Иван совершил первый ложный шаг, который оказался роковым.

⁹ «Послания Ивана Грозного», стр. 30.

Отказ спальным в суде был началом конфликта царя не только с боярами, но и со всем двором и даже со своей родней. Конфликт скоро, года через полтора, принял характер жестокой схватки. По логике вещей обе стороны покатались по наклонной плоскости, на которой не было возможности остановиться. Иван в поисках выхода из безвыходного положения в 1565 г. решает отказаться от власти и устроить себе опричный двор. Первым условием, которое Иван поставил духовенству, боярам и всем дворянам, соглашаясь не отказываться от власти, было требование не заступаться за людей, которых он будет по своему усмотрению наказывать. Это был прямой вызов общественному мнению двора и духовенства, которое раньше обуздывало опальчивых князей, и принципиальное отрицание старых обычаев правого княжеского суда. Неумные советники Ивана из среды того же дворянства столкнули Ивана на путь чистого произвола, и так начался кровавый хаос опал и казней. В 1569 г. Иван докатился на этом пути до дна. В 1570 г. происходит чудовищный погром Новгорода и Пскова, в котором погибли тысячи ни в чем неповинных людей из простонародья и произведены большие опустошения. Осенью 1572 г. Иван при обстоятельствах, о которых я рассказал выше, отставил опричнину. Правда, что после этого вспышки опал и казней не прекращаются, но количество их значительно уменьшается, а главное изменяется их характер. По поводу княжеской опалы вообще, в частности бессудных опал Ивана, укажу на очень интересный факт из истории нашего права. В Смутное время после сурового режима Бориса Годунова идея о правом царском суде возрождается. Избранному на царство Василию Шуйскому боярство ставит условие: без истинного суда не лишать никого чести и живота, т. е. имущества. То же условие бояре вносят в договор с Сигизмундом. При первых Романовых в течение всего XVII в. сфера применения царской опалы как панацеи от всех зол быстро сокращается. Михаил и Алексей применяют опалы очень редко, в мягкой форме. Преступления и вины, которые раньше разрешались опалами, теперь переходят в компетенцию приказного суда.

Конечно, было бы большой наивностью видеть причину конфликта Ивана со своими слугами в несогласии о заочном суде и нарушении старых обычаев. Истинная причина была гораздо глубже и серьезнее.

Ивану пришлось быть главой большого государства в ответственный период его истории — борьбы на три фронта. Политическое объединение Руси далеко опередило необходимое для большого государства переустройство старых органов и средств центрального и местного управления, финансов, ратных сил, всего аппарата власти. Начатые в середине века разносторонние реформы не могли быть доведены до конца, так как переустройство всего аппарата власти было начато и происходило в обстановке почти непрерывных войн.

Между тем Иван вырос в понятиях старины, когда князь смотрел на государство как на вотчину своего рода и его самого. Через церковную литературу он познакомился с византийским учением о божественном происхождении царской власти, но эти идеи не давали ему ничего для понимания условий русской жизни. Ключевский давно и совершенно верно указал, что в «многошумящем и широковещательном» «Послании» Ивана мы при всем желании не находим никакой политической программы: Иван пространно, на разные лады повторяет одно и то же: «Жаловати своих холопей вольны, а и казнити их вольны ж»¹⁰.

Непрерывная борьба на три фронта требовала огромного напряжения власти центральной и местных ее органов, требовала принесения всех частных интересов населения в жертву государственной безопасности. Это Иван понимал хорошо, но средства, которые он употреблял, показывают, что новых требований жизни он не понимал. Все его действия и поступки в частном и в целом, в большом и малом обличают в нем не прозорливого и передового государственного деятеля, а, наоборот, человека старых понятий, хозяина вотчины-удела доброго старого времени, волею судеб поставленного во главе огромного государства в очень тяжелый период его переустройства из вотчины московских князей в европейское государство. Вот в чем трагедия Ивана как правителя. Сюжет очень благодарный для художественного творчества и психологических характеристик. Костылев и его критик вывертывают всю действительность наизнанку и дают такую установку, которая не может не завести в дебри фантастики.

Костылев в романе и в ответе Бородину на разные лады развивает тезис, что наша история обязана Ивану как передовому и мудрому правителю тем, что он выдвинул на политическую сцену «новый класс», служилое дворянство, на смену старой формации княжат и крупных феодалов-бояр. На этом фоне Костылев усиленно разрабатывает мотив о демократизме Ивана и об его симпатиях к хуторным и совсем безродным низам населения. На этот ложный путь Костылева увлекли ошибочные представления некоторых старых историков, преимущественно из числа апологетов Ивана.

В действительности новая формация служилого класса была создана разумными и планомерными реформами деда и отца Ивана, так что Ивану в этом вопросе почти ничего не оставалось делать.

Великий князь Иван III твердой рукой без ненужных жестокостей и кровопролития произвел в несколько приемов конфискацию земель новгородских бояр, выселил их в восточные уезды государства, посадил на поместья и подчинил обязательной службе. На их место он посадил до 2000 помещиков из центральных частей государства. В числе помещиков было не

¹⁰ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 169.

менее 200 бывших послужильцев и холопей бояр и княжат. Так, в короткий срок было создано до 3000 рядовых служилых людей. Эта грандиозная реформа более чем на столетие становится основой и образцом земельной и военно-служебной политики московских государей. Во всех уездах, вновь присоединяемых к Москве, и в областях юга и востока, вновь заселяемых, правительство насаждает только помещиков и не дает земель в вотчину.

Успеху этой политики способствует старый обычай равного раздела вотчин между сонаследниками. Княжата и бояре, размножаясь с течением времени, дробят вотчины в семейных разделах и выделяют из своей среды множество безземельных или мало-земельных представителей, которые набрасываются на поместья и становятся, таким образом, в прямую зависимость от государя. Ко времени великих реформ середины XVI в. практика испомещений складывается в детально разработанную систему.

Большой смотр в Серпухове 1556 г., напечатанный Калачевым под названием «Боярской книги», показывает, что к этому времени подавляющее большинство служилых людей, даже верхов — дворянства, служило не с вотчин, а с поместий, многие дворяне, даже из князей, не имели вотчин совсем, другие владели столь небольшими вотчинами, что не могли нести службу без поместья. Словом, мечты Ивашки Пересветова по этому предмету в середине века были в сущности действительностью.

Так и в этом вопросе о новой формации Костылев приписывает Ивану такие заслуги, которых у него перед историей нет.

Перейду к основному вопросу трилогии Костылева — к вопросу, вокруг которого развертываются все события, к войне с ливонскими рыцарями, или, если говорить точнее, к войне с Швецией и Польско-Литовским государством из-за Ливонии и за свободный выход к Балтийскому морю. Ливония как государственное образование была в это время в состоянии полного разложения и никакой непосредственной опасности для Москвы не представляла.

Костылев, чтобы возвеличить Ивана, приписывает всю честь возобновления давнишней борьбы Руси за выходы к морю самому Ивану. Невежественные и ленивые бояре изображаются как противники великих замыслов Ивана. Что же говорят по этому вопросу источники?

От самого Ивана мы знаем имя только одного противника — попа Сильвестра. Далее в запальчивой полемике с Курбским Иван бросает ему и через его голову боярам упрек в том, что они постоянными непрошеными советами досаждали ему. По мнению Ивана, если бы не «злосбесное претыканье» бояр и воевод, то московские полки давно завоевали бы мало не всю Германию (!). Ни других имен, ни количества противников мы не знаем. Равным образом неизвестны нам ни количество, ни имена сторонников Ивана.

Между тем есть прямые указания иностранцев, которые предвидели, с тревогой ожидали, что московское правительство после завоевания Казани перенесет свое внимание и силы на Запад. Иностранные наблюдатели сообщают, что непосредственно после Казанского взятия в Московии начались большие приготовления к войне на Западе — чинят мосты, проводят дороги, строят ямские дворы, способные поместить большое количество лошадей и транспортных средств, устраивают склады боеприпасов. Иван в это время был в полном послушании у попа-невежды, как он позже говорил, и других лукавых советников.

В Москве, конечно, предвидели, что вторжение в Ливонию вызовет вмешательство соседей, во много раз более опасных, чем немецкие меченосцы, что Швеция и Польша тоже предъявят свои претензии на наследство выродившихся поработителей коренного населения Прибалтики. Между тем народы Среднего Поволжья далеко еще не были замирены. Затем возникла и обострилась после завоевания Казани опасность со стороны крымского хана. При таких условиях было о чем подумать, спорить и не братья за большое дело очертя голову.

Мне представляется, что в правящих верхах Москвы вопрос о войне с Ливонией вызвал большой раскол: часть верхов, быть может, значительная, была против войны, а другая часть, тоже несомненно значительная, была за войну. Неизбежность войны и необходимость пробиться к морю были понятны многим, весь вопрос был в выборе благоприятного момента и в соответствующей военной и дипломатической подготовке. Напомню здесь, кстати, факт, упущенный, кажется, из виду Костылевым, — почин вмешательства в дела разлагающейся Ливонии сделало Польско-Литовское государство приблизительно за полгода до объявления войны Москвой. Жребий был брошен, медлить и отступать было невозможно.

Напомню Костылеву, что в годы подготовки войны с Ливонией дипломатические переговоры с послами Ливонии вели такие умные дипломаты, как Алексей Адашев и дьяк Иван Висковатый. Они разоблачали пустые увертки послов и поставили им такие ультимативные требования, которых Ливония не могла принять и исполнить.

Нет никакого сомнения, что важность и ответственность принимаемого решения были ясны не одному Ивану, так как война с Ливонией ставила ребром проблему южного фронта: не защитив фланг, нельзя было обращать все силы на западный фронт.

У Костылева Иван представлен как одинокий в своем намерении начать войну с Ливонией человек. При всяком удобном и неудобном случае Иван ведет пропаганду своих идей — в беседе с Курбским, в интимном разговоре с женой, в зажигательной речи перед казаками и т. д. Аргументы за и против Иван набирает у наших старых историков — Карамзина, Соловьева и других.

На активную политику относительно Крыма Иван (не настоящий, а Костылева) смотрит, как на коварную выдумку бояр, которые пытаются отвлечь внимание царя от войны с Ливонией и спровоцировать его на войну с Турцией. При этом Костылев странным образом смешивает ногайский вопрос с крымским и, по-видимому, совершенно не подозревает, что политика южного и западного фронтов была в сущности неделима, была единой проблемой международной политики.

Польско-Литовское государство, пользуясь обострением отношений между Москвой и крымским ханом, подкупало его и травлило на Москву. Между тем народы Северного Кавказа, кабардинские князья и другие, и орды заволжских ногаев, постоянно враждовавшие между собой и с кабардинскими князьями, тотчас после падения Казанского царства потянулись в Москву — одни просили принять их на службу, другие — «под высокую руку» царя, т. е. в вассальную зависимость. Во главе московской дипломатии стоял в это время посольский дьяк И. М. Висковатый, умнейший самородок из низов населения. Московское правительство очень ловко использовало постоянную вражду ногаев между собой и с кабардинскими князьями и направило их силы против крымцев. По указке и при помощи Москвы ногаи стали наносить крымцам тяжелые удары.

Предпринимая войну с Ливонией, Москва одновременно произвела в 1557—1559 гг. диверсии против Крыма. Эти диверсии, произведенные с небольшими сравнительно силами, дали блестящие результаты и на много лет отбили у крымских татар охоту разорять южные окраины Руси.

Что же по этому вопросу мы находим у Костылева?

Иван, щадя здоровье жены, многое скрывал от нее, но однажды не стерпел и, «подозрительно оглядываясь кругом и плотно прикрыв двери, сказал: „...Вельможи упрекают меня в том, что я не советуюсь с ними, а сами о турецком султани и подумать не хотят. Великий Салиман золотыми буквами (!) грамоту мне пишет о дружбе, а я пойду разорять ханскую землю Крым? Не хотят понять они, что погибель в безводных степях ждет войско“».

Но ведь о походе на Крым через степи не было и речи, диверсии были произведены по Днепру и Дону. Аргумент о невозможности похода через безводные степи царь Иван по недосмотру заимствовал у историков, но не заметил, что он относится к неудачному Голицынского походу 1686 г. и не имеет никакого отношения к диверсиям Вишневецкого, Ржевского, Вешнякова и Даниила Адашева, произведенным по рекам.

В казнях 1569—1571 гг. погибли Висковатый и множество сотрульников Ивана, из земщины и из опричных, и недавние полезные союзники Москвы ногаи и кабардинские князья оказались нашими врагами и в 1571 и 1572 гг. приходили с ханом Девлетом громить Русь.

Перейду к последнему вопросу — к так наз[ываемой] «психологической правде» в изображении исторических лиц и событий. Психологические характеристики всегда в большей или меньшей степени субъективны и потому выходят, собственно говоря, за пределы компетенции ученого-историка. Психологическая правда, восполняющая молчание и скудость источников, есть специальная и очень благодарная область художественного творчества. Мы ждем от художника изображения живых людей далекого прошлого. Задача эта нелегкая, для воссоздания живых людей и обстановки их времени требуется особый дар творческой интуиции и хорошее знание памятников эпохи. Нельзя не признать, что природа скупо наделила Костылева первым свойством, а в недостаточном знакомстве с источниками виноват он сам.

Семейная и половая жизнь царя Ивана настолько неприглядна, даже по тогдашним нравам и понятиям на этот счет, что апологеты Ивана предпочитали о ней не распространяться или вовсе обходили этот скабрёзный вопрос. Но Костылев не останавливается ни перед чем, чтобы возвеличить своего героя. В обрисовке отношений Ивана к первой жене Костылев допускает такую модернизацию его личности, которая противоречит всем свидетельствам источников и лишена всякого правдоподобия.

Иван — прекрасный семьянин, трогательно нежный отец, держит себя с женой как равный, посвящает ее во все свои государственные замыслы, советуется с ней даже по таким вопросам, как назначение воевод, жалуется ей на непонимание со стороны окружающих и т. д. Правда, он не всегда встречает в ней понимание, а только нежную покорность и женскую ласку, но не унимается и продолжает в том же духе. Словом, ведет себя как герой какого-нибудь романа Шеллера-Михайлова, либеральный и чувствительный интеллигент, который под гнетом жизненных неудач или просто по слабости нервов чувствует по временам потребность склонить свою усталую голову на любящую грудь.

Трудно, быть может, даже невозможно предвидеть, что будет говорить Костылев о следующих шести браках Ивана и о его позднейшей половой распущенности. Рассмотрим пока то немногое, что нам известно о первом браке Ивана.

Иван вступил в брак, как это было в обычаях того времени, очень рано — ему было 17 лет, а его невесте — и того меньше. замечу, что невест выбирали царям не только по красоте, но и по здоровью, так что у нас нет оснований предполагать, что Анастасия Романовна была слабого здоровья. Иван прожил с Анастасией 13 с половиной лет. За это время она родила ему трех дочерей, умиравших в младенчестве или в раннем детстве, и трех сыновей: Дмитрия, Ивана и Федора.

Анастасия умерла в августе 1560 г. в возрасте не более 25 лет, т. е. в таком, когда женщина обыкновенно достигает полного расцвета сил молодости. Из официальной летописи из-

вестно, что Анастасия умерла, прохворав около двух лет. Чем она была больна, мы не знаем, видимо, она медленно угасала. Много лет спустя Иван, оправдываясь перед Курбским в своих опалах и казнях, обвинял Курбского и бояр, будто они сжили со света его «юницу» колдовством. Нам, не верующим в колдовство, правдоподобнее предположить, что причинами ранней смерти Анастасии были ранний брак, частые роды, истощившие ее организм, т. е. в значительной степени виноват был сам Иван.

Излюбленным развлечением Ивана в годы первого брака были поездки на «потехи», т. е. на псовую и соколиную охоту, по монастырям и святыням и на торжества освящения новых храмов. Обыкновенно два раза в год он посещал Троицкий Сергиев монастырь и в общем совершал по 5—9 поездок в год, проводя в них иногда недели. Всегда и неизменно он таскал с собой жену и детей, не считаясь ни с беременностью жены, ни с кормлением грудью новорожденных.

В официальной летописи мы имеем подробный рассказ об одной из таких поездок, окончившейся трагически. Дополнением к летописному рассказу служит несколько замечаний Курбского, который в начале пути был в свите царя. Это «кирилловский езд» царя в 1553 г. на Белоозеро. В конце 1552 г. у Ивана родился первенец, названный при крещении Дмитрием. Вскоре после этого Иван тяжело занемог, и у его постели, как известно, едва не загорелся сыр-бор из-за присяги новорожденному «целеночнику», как выразился один из бывших в то время при царе бояр. Во время болезни Иван дал обет поклониться мощам чудотворца Кирилла Белозерского и посетить другие святые места. Весной, еще не оправившись от болезни, Иван с женой, не окрепшей еще после родов, и с грудным ребенком отправился в далекий путь полными водами по Яхроме, Дубне, Волге и Шексне.

По словам Курбского, разумные люди отговаривали царя от его намерения, указывали, что надо пощадить жену и побережь ребенка. Старец Максим Грек будто бы прямо предсказывал царю гибель ребенка, если он не откажется от своей неразумной затеи. Царь на эти советы упрямо твердил одно: «Ехать, таки, да ехать». И поехал. На обратном пути при пересадке в другое судно Дмитрий по неосторожности мамки был обронен в Шексну, захлебнулся и погиб. Печально, с «тощими», т. е. с пустыми, руками вернулись царь и Анастасия в Москву, везя труп младенца для погребения его в Архангельском соборе.

Так Иван «своим безумьем», по выражению Курбского, погубил своего первенца. Нетрудно представить себе горе несчастной спутницы жизни Ивана. Об этом печальном эпизоде брачной жизни Ивана Костылев умалчивает, а вместо этого рисует психологически фальшивые сцены супружеской идиллии Ивана в духе героев Шеллера-Михайлова. Посмотрим, расскажет ли позже Костылев, как его герой трижды женил своего наследника престола, царевича Ивана, дважды разводил и постригал его жен в мона-

шество «за гнев еже па нь» (них) (!), как выражался эвфемистически дьяк Иван Тимофеев¹¹; как, наконец, в запальчивости Иван нанес своему сыну смертельный удар осном (посохом), когда тот попытался защитить свою третью жену, в то время на сносях, от похотливого снохача.

Не будем забегать вперед и вернемся к «многострадальной юнице». Карамзин и Соловьев, чтобы разукрасить и оживить свой рассказ, говорили о нежной любви Ивана и Анастасии и о ее благотворном влиянии на Ивана. Весьма возможно, что в этом есть доля истины, но во всяком случае источники не дают нам права сентиментальничать в этом вопросе. Официальный летописец рассказывает, что на похоронах Анастасии Иван имел вид человека, убитого горем, шел за гробом шатаясь, поддерживаемый под руки боярами. Толпы народа сопровождали гроб, и плач об усопшей был велик, так как она была «незлобива и ко всем милостива».

Едва прошла неделя со дня похорон «незлобивой юницы», как митрополит Макарий и бояре пришли к царю с челобитьем «отложить скорбь» и не медлить с новым браком, ибо он, государь, молод, «тех еще лет не дошел, чтобы ему мощно без супружества быти»¹². Один неизвестный летописец обронил краткое замечание, которое объясняет нам поспешность митрополита и бояр: он говорит, что со смертью царицы Анастасии «начал царь яр быти и прелюбодействен зело»¹³. А Курбский позже упрекал Ивана в том, что он и при жизни Анастасии не соблюдал супружеской верности, на что Иван откровенно и просто сказал — все мы люди, все человеки! «А будет молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмь человецы»¹⁴.

На следующий день после прихода с челобитьем митрополита и бояр Иван дал свое согласие и приказал немедленно отправить сватов к соседним государям, в Польшу, в Швецию и Кабарду смотреть и сватать царю невесту. Выбор второй жены Ивана был предрешен ловкими интригами его «шурьев», т. е. Романовых — родни первой жены. Ивану привезли дочь кабардинского князя Темрюка Айдаровича Кученей (в крещении — Мария), родную сестру князя Михаила Черкасского, уже служившего в Москве и женатого на дочери Василия Михайловича Юрьева, двоюродного брата царицы Анастасии.

Вовсе не в суд и в осуждение Ивана привел я эти справки из источников, а чтобы показать, на какой основе, исходя из каких данных может художник строить свои психологически правдивые образы Ивана и его царственной юницы. Сквозь сухие, краткие свидетельства источников мы угадываем типичный для

¹¹ «Временник Ивана Тимофеева». М. — Л., 1951, стр. 19.

¹² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина. СПб., 1906, стр. 329.

¹³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, ст III, т. IX, СПб., 1843, прим. 28.

¹⁴ «Послания Ивана Грозного», стр. 210.

того времени образ кроткой и доброй женщины, несчастной жертвы честолюбия и властолюбия родителей.

«В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». В первом браке Ивана на долю Анастасии выпала роль трепетной лани. А Иван был конем, да еще каким: при жизни Анастасии он был плохо обузданным конем, а после ее смерти и вовсе разнузданся. Какое же право при таких данных имеет художник сочинять идиллию брачной жизни Ивана, сентиментальничать и изображать Ивана как чувствительного передового интеллигента в духе героев Шеллера-Михайлоа и подобных ему романистов прошлого века.

Не дело историка давать оценку литературных достоинств и недостатков трилогии Костылева. Пусть этим делом займутся литературные критики. Если по тем или иным причинам они не исполнят своего долга, то читатель в конце концов справится сам и поступит так, как он обыкновенно делал и раньше, — предаст неудачное произведение забвению. За последнее время появилось в печати немало произведений на исторические темы, авторы которых, выходя за пределы своей компетенции, берутся за популяризацию исторических знаний и даже за пропаганду своих идей, не считаясь со всеми достижениями науки и заявляя претензию пересмотреть чуть не всю нашу историографию.

Подобные опустошительные набеги на науку свидетельствуют о нашей некультурности, о непонимании того, что недаром же многие сотни добросовестных работников более двухсот лет обогащали сокровищницу конкретных сведений о прошлом нашей Родины. Историки не могут и не должны оставлять без отпора подобные явления. Историк, как всякий ученый, должен быть отзывчивым к запросам современности, но одновременно идеалом всякого историка остается задача, которую поставил себе более двух тысяч лет тому назад величайший историк античного мира Фукидид, — писать так, чтобы его произведение было «приобретением навеки». Настоящие ученые так и работали по мере своих сил, и если они верят в свое призвание, то должны найти время и силы бороться с неуважением и некультурным отношением к их труду со стороны литераторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Академик

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ХВОСТОВ

(24 июня 1905 — 9 марта 1972)

Всего восемь лет тому назад в торжественной, дружеской обстановке историки поздравляли академика Владимира Михайловича Хвостова с 60-летием со дня его рождения. В связи с юбилеем В. М. Хвостова в 1966 г. во втором выпуске сборника «История и историки» были опубликованы библиография его трудов и очерк, посвященный жизни и научно-общественной деятельности одного из крупнейших советских историков. ...Прошло семь лет. Трудно поверить, что Владимира Михайловича уже нет среди нас. Ушел из жизни выдающийся ученый, педагог, организатор науки.

Редколлегия историографического ежегодника «История и историки» сочла своим долгом ознакомить читателей с библиографией исследовательских и публицистических работ, докладов и выступлений академика Хвостова, относящихся к последнему семилетию его жизни. Указанный период явился одним из самых насыщенных в столь богатой событиями жизни Владимира Михайловича. Именно в эти годы ему пришлось решать дела поистине государственной важности.

Первым из них по времени стала нива народного образования, просвещения народа. Когда в 1967 г. был утвержден состав действительных членов-учредителей Академии педагогических наук СССР, в их составе был и академик Хвостов, избранный 29 августа 1967 г. первым президентом вновь созданной Академии. Возглавив Академию педагогических наук СССР, Владимир Михайлович провел огромную работу, направленную на перестройку и необходимую реорганизацию различных научных подразделений Академии.

В дополнение к чисто организационным мероприятиям академик Хвостов считал совершенно необходимым развернуть широкую пропаганду педагогических знаний. Это стремление со всей

четкостью прозвучало в его «Слове к читателям», опубликованном в журнале «Политическое самообразование» (1971, № 1), призывавшем к всестороннему использованию педагогических принципов в пропагандистской работе.

Диапазон выступлений академика Хвостова был чрезвычайно широк, охватывал самые различные вопросы воспитания и обучения нового человека. Здесь и задачи, поставленные перед Академией педагогических наук СССР в свете решений XXIV съезда КПСС, и пути перестройки отдельных институтов Академии, и вместе с тем, такие аспекты, как определение места художественной литературы в военно-патриотическом воспитании школьников — одна из важнейших сторон общей системы воспитания советской молодежи.

В 1968 г. Владимир Михайлович выступил на Всесоюзном съезде учителей, а год спустя возглавил советскую делегацию на IV Международном педагогическом конгрессе.

Работа академика Хвостова в сфере народного образования получила самое широкое признание. Учебник для средней школы «Новая история», одним из руководителей авторского коллектива которого он был, после переработки в 1967—1969 гг. утверждается Министерством просвещения СССР в качестве стабильного. Вклад академика Хвостова в организацию и дальнейшее развитие советской педагогической науки в рассматриваемые нами годы весьма весом. Но им не ограничивается деятельность ученого.

Академик Хвостов неизменно верен основной линии своего научного творчества — история международных отношений в новое и новейшее время и история внешней политики СССР.

В серии статей, опубликованных в журналах «Коммунист», «Новая и новейшая история», «Международная жизнь», он рассматривает роль В. И. Ленина в определении принципов внешней политики Советского государства, показывает воздействие советской внешней политики на ход истории, анализирует содержание внешней политики СССР накануне Великой Отечественной войны, фиксирует основные аспекты внешнеполитической деятельности КПСС в период между XXIII и XXIV съездами партии и после исторического XXIV съезда КПСС. Академик Хвостов выступает также (совместно с Б. Н. Пономаревым и А. А. Громыко) в качестве автора и редактора коллективного труда «История внешней политики СССР», вышедшего в двух частях в 1971 г. Его перу принадлежат разделы в многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».

Специальное внимание академика Хвостова продолжает привлекать история русско-германских и советско-германских отношений. В качестве председателя советской секции Комиссии историков СССР и ГДР он способствовал дальнейшему укреплению научных и дружеских контактов между советскими историками и историками Германской Демократической Республики. Эти контакты были закреплены изданием «Ежегодника германской истории»,

главным редактором которого стал академик Хвостов. Сам Владимир Михайлович не раз выступал на страницах печати, рассматривая роль ГДР в международных делах, отмечая ее бесспорное право вступления в ООН.

Заслуги академика Хвостова в деле изучения истории немецкого народа были отмечены его избранием в 1966 г. членом Германской Академии наук в Берлине.

Звание ученого-патриота, решительного борца за коммунизм, мир и прогресс человечества академик Хвостов не раз отстаивал на различных международных конференциях и симпозиумах, участником которых ему довелось быть. В памяти многих советских и иностранных ученых надолго сохранился воспоминание о решительном отпоре, данном академиком Хвостовым на XIII Международном конгрессе историков (Москва, август 1970 г.) стремлениям некоторых буржуазных историков обелить фашизм. В подобных ситуациях для академика Хвостова не могло быть никаких компромиссов. И роль одного из хозяев конгресса ни в коей мере не избавляла его от выполнения задачи, неприменной для любого советского ученого, — непримиримой борьбы против всех вылазок проповедников враждебной нам идеологии, откуда бы они ни исходили.

В 1971 г. Владимир Михайлович Хвостов возвратился на основную работу в систему Академии наук СССР. Он избирается академиком-секретарем Отделения истории АН СССР и членом Президиума АН СССР, где становится заместителем председателя Секции общественных наук. С этого же времени он вступает в должность председателя Национального комитета историков Советского Союза.

Краткий период деятельности Владимира Михайловича на посту академика-секретаря Отделения истории (он скончался 9 марта 1972 г.) был предельно насыщен. Планы улучшения работы Отделения и академических исторических исследовательских институтов, необходимость укрепления контактов с высшими учебными заведениями, средней школой, многими тяготевшими к исторической науке учреждениями и организациями поглощали мысли и время академика Хвостова. Многие уже было в стадии решения. Но до практической реализации многих мероприятий Владимиру Михайловичу уже не пришлось дожить.

Истинное лицо большого ученого определяют его самоотверженный труд, огромная научно-организационная работа, многочисленные исследования, ученики, воспитанные им. И в ряду выдающихся представителей советской исторической науки имя ученого-коммуниста, делегата XXIV съезда КПСС, академика Владимира Михайловича Хвостова займет свое достойное место.

В. А. Дунаевский

СПИСОК * ТРУДОВ
АКАДЕМИКА В. М. ХВОСТОВА ЗА 1965—1972 ГГ.

1965 (дополнение)

- Член ред. колл.*: «Международные отношения после второй мировой войны». В 3-х т., т. 3. 1956—1964 гг. Ред. Д. Е. Мельников, Д. Г. Томашевский. М., 778 с.
- Член ред. колл.*: «Советская историческая энциклопедия», тт. 8—13. М., 1965—1971.
- Член ред. комис.*: «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Серия 1-я (1801—1815), тт. 4, 5, 7, 8. М., 1965—1972.

1966

- Вопрос, требующий положительного решения. [В связи с просьбой ГДР о принятии в члены ООН].— «Новое время», № 32, с. 1—2.
- [Выступления] — В кн.: «Проблемы советско-итальянской историографии». М., с. 168—170, 174, 235, 398—401.
- Год признаний — «Известия», 22 января; 21 января, Моск. веч. вып. [Год революции седьмой. К 50-летию Советской власти].
- Историческое значение Германской Демократической Республики. [Доклад на науч. сессии Комиссии историков Советского Союза и ГДР, проходившей в Москве 19—21 октября 1966 г.].— «Международная жизнь», № 12, с. 83—89.
- Европе не должна угрожать война.— «В защиту мира», № 6, с. 25—26.
- История учит и воспитывает. (К выходу в свет первого тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Беседа с дир. Ин-та истории Акад. наук СССР В. М. Хвостовым).— «Известия», 27 апреля; 26 апреля, Моск. веч. вып.
- Народы преградят путь реваншизму. (К опубликованию в печати ответной ноты Советского правительства на ноту ФРГ от 25 марта 1966 г.).— «Правда», 21 мая.
- L'activité scientifique de l'Institut d'histoire de l'Académie des sciences d'U. R. S. S.— «Revue historique», t. 236, № 479, p. 130—134.
- Член авт. и ред. колл.*: «История внешней политики СССР. 1917—1966 гг.», ч. 1 (История внешней политики СССР. 1917—1945 гг.). М., 478 с. *Перевод на франц. яз.* М., 1971, 695 р.
- Член авт. колл. и ред.*: «Новая история». Учебник для средн. школы. ч. 2. (Изд. 4). М., 287 с. *Перевод на англ. яз.* М., 1966. и яз. народов СССР.
- Член ред. колл.*: «Вестник Академии наук СССР», журн. М., 1966—1972.
- Член ред. колл.*: «Критика западногерманского «остфоршунга». М., 275 с.— Там же: Предисловие, с. 3—4.
- Член ред. колл.*: «Международная жизнь», журн. М., 1966—1972.
- Член ред. колл.*: «Новая и новейшая история», журн. М., 1966—1972.
- Член ред. колл.*: «Октябрь и гражданская война в СССР». Сб. статей к 70-летию акад. И. И. Минца. М., 526 с.
- Член ред. колл.*: Покровский М. Н. Избранные произведения. В 4-х кн., кн. 1. Русская история с древнейших времен (тт. 1 и 2). (Под ред. Л. В. Черепнина). М., 725 с.
- Член глав. ред. серии*: «Научно-популярные труды по истории Москвы». Сб. «Москва — фронту». М., 412 с.

* Составители списка Н. Я. Крайнева и П. В. Пронина. Библиографию трудов В. М. Хвостова за 1926—1965 гг. смотри в кн.: «История и историки. Историография всеобщей истории». Сб. статей. М., 1966, с. 363—374.

- Алексей Леонтьевич Нарочницкий [К 60-летию со дня рождения].— «Вопросы истории», № 5, с. 168—169. (Совместно с С. Д. Сказкиным и Н. Н. Болховитиновым).
- [Выступление на общегородском собрании Отделения истории АН СССР по вопросу периодизации истории].— «Вопросы истории», № 6, с. 162.
- Историческая наука и современность. Вопросы теории.— «Правда», 25 сентября.
- [Краткое изложение выступления на научной конференции в Москве, посвященной международному значению Великого Октября].— «Новая и новейшая история», № 5, с. 188—189.
- Могучее средство коммунистического воспитания. [Об изучении Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» в школе. Из доклада президента Акад. пед. наук СССР на собрании учителей истории и обществоведения и секретарей школьных парт. организаций Моск. обл.].— «Учительская газета», 12 октября.
- Педагогика — наука общественная. [Изложение доклада президента Акад. пед. наук СССР на заседании президиума Акад. пед. наук СССР].— «Учительская газета», 21 ноября.
- Советская внешняя политика и ее воздействие на ход истории.— «Коммунист», № 10, с. 79—90.
- Содружество братьев по классу. [К 10-летию комиссии историков СССР и ГДР].— «Правда», 17 марта. (Совместно с Л. Штерн).
- Der Einfluss der Oktoberrevolution auf die Entwicklung der Welt.— «Marxistische Blätter», Frankfurt a. M., Sept.—Okt, Jg. 5, S. 13—17.
- Un événement historique de portée mondiale.— «Monde diplomatique», Paris, nov., an. 14, N 164, p. 2.
- Fünfzig Jahre sowjetisch-deutsche Beziehungen.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, Jg. 9, N 6, S. 955—968.— То же.— «Spektrum», Berlin, № 11—12, S. 415—421.
- Die neueste Geschichte des deutschen Imperialismus in der westdeutschen historiographie.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, Jg. 15, № 4, S. 581—594.
- Der Sieg Rußland im Vaterländischen Krieg von 1812 als Voraussetzung für die Befreiung Europas von der napoleonischen Herrschaft.— В кн. «Der Befreiungskrieg 1813. Berlin, S. 107—124. (Совместно с Н. И. Казаковым).
- Рец.: Веление времени. (О кн.: «50 лет борьбы СССР за разоружение». Сб. документов. М., 1967).— «Гнижное обозрение», № 32, 5 августа, с. 1.
- Ред.: «50 лет борьбы СССР за разоружение. 1917—1967». Сб. документов. М., 692 с. (Совместно с К. В. Новиковым и Н. А. Таленским).
- Член авт. колл. и ред.: «Новая история». Учебник для сред. школы. Ч. 2. (Изд. 5-е). М., 287 с.
- Член ред. колл.: «История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период 1941—1965 гг.». М., 566 с.
- Член ред. колл.: Покровский М. Н. Избранные произведения в 4-х кн., кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. (Под ред. О. Д. Соколова). М., 671 с.; кн. 4. Лекции, статьи, речи. [Под ред. Л. Г. Бескровного и Л. М. Иванова]. М., 639 с.
- Член ред. комис.: «Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история». М., 618 с.
- Член ред. совета и ред. комис. II серии: «История СССР. С древнейших времен до наших дней». В 2-х сериях. В 12 тт., тт. 7—10. М., 1967—1972.

- Великая сила марксизма.— «Советская педагогика», № 8, с. 38—41.
- Внешняя политика России. (1878—1898 гг.).— В кн.: «История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. 5. М., с. 520—559.

- Выступление [в прениях по докладу «О состоянии и мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы»].— «Учительская газета», 4 июля.
- Еще раз о правовом «ликбезе». Я и закон.— «Комсомольская правда», 10 октября.
- Звонок — на физкультуру! [О физкультуре в школе. Бесед с презид. Акад. пед. наук СССР].— «Советский спорт», 31 августа.
- Мюнхенское предательство. Обращение Комиссии историков СССР и ГДР к историкам всех стран.— «Правда», 28 сентября. (Совместно с Л. Штерн).
- Накануне Великой Отечественной войны. Подготовка Советского Союза к отражению фашистской агрессии.— «Коммунист», № 12, с. 56—71. (Совместно с А. Грылевым).
- Научная основа просвещения. [Доклад «Основные направления научно-исследовательской работы в области пед. наук на современном этапе» на науч. сессии Акад. пед. наук, посвящ. соврем. состоянию и задачам пед. наук в СССР. Москва. Напеч. с сокр.].— «Учительская газета», 8 февраля.
- Основные итоги работы секции «Великая Октябрьская социалистическая революция и мировой революционный процесс».— В кн.: «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». М., с. 503—506.
- Основные направления научно-исследовательской работы в области педагогических наук.— «Советская педагогика», № 4, с. 10—20.
- Педагогические знания — родителям.— «Учительская газета», 22 октября.
- Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве и задачи АПН СССР. [Из доклада на засед. Презид. Акад. пед. наук СССР 15 ноября 1967 г.]».— «Советская педагогика», № 1, с. 3—8.
- Проблемы на марксистско-ленинската педагогика пред академията на педагогическите науки на СССР.— «Учителско дело», София, 5 ноември, № 78, с. 2—3.
- Советский Союз и проблема европейской безопасности.— «Международная жизнь», № 2, с. 3—9.
- Фундамент прогресса. (О разработке нового учебного плана и школьных программ).— «Книжное обозрение», 31 августа, № 35, с. 1—2.
- «Что сдерживает развитие педагогики». [Отклики на статью Х. Лийметса в газ. «Сов. Эстония», 1968, 14 марта].— «Сов. Эстония», 26 июля. (Там же — отклик В. Елютина).
- Школе, учителю. [О методической помощи АПН СССР].— «Учительская газета», 24 августа.
- Bilanz eines halben Jahrhunderts sowjetischer Aussenpolitik.— «Deutsche Aussenpolitik», Berlin, Jg. 13, Sonderheft 1, S. 29—37.
- [Il dibattito] — «Rassegna sovietica», Roma, quaderno 2, p. 249—254; 443—449; 499 (Atti del II Convegno degli storici italiani e sovietici. Roma, 28—30 maggio 1966).
- Член авт. колл. и ред.: «Новая история». Учебник для сред. школы, ч. 2 (Изд. 6-е). М., 287 с.
- Член ред. колл.: «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». М., 508 с.
- Член ред. колл.: «Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961—1965 гг.)». М., 687 с.
- Член ред. колл.: «Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора». (Сб. документов, т. 1. 1917—1918 гг.). М., XXII, 758 с., 1 л. карт.

1969

- Вместе со школой. Насущные вопросы развития педагогической науки.— «Известия», 27 июня; 26 июня, Моск. веч. вып.
- Горизонты исследований. [Беседа].— «Учительская газета», 27 марта.

- Граждане-патриоты, воины-интернационалисты.— «Московская правда», 12 июня; то же.— «Правда Востока», 17 сентября.
- Какой быть школе? [Интервью].— «Советский Союз», № 9, с. 8.
- Краснозвездная крепкая гвардия.— «Московский комсомолец», 4 июля.
- [Краткое изложение доклада «Международное значение ГДР», сделанного на науч. сессии, посвященной 20-летию образования ГДР].— «Вестник АН СССР», № 11, с. 115—116.
- В. И. Ленин о принципах внешней политики Советского государства.— «Коммунист», № 9, с. 79—89. *То же.*— В кн.: «Ленинская внешняя политика Советской страны. 1917—1924 гг.» М., с. 13—28. *Перевод* на англ. яз.— В кн.: «Leninism today». [A collection of Articles]. М., 1970, р. 230—240.
- Международное значение ГДР.— «Международная жизнь», № 7, с. 11—17. *Перевод* на нем. яз.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1969, Jg. 17, N 8, S. 947—953; «Osteuropa Archiv», Stuttgart, 1970, N 1, S. A-10-A-15.
- Образование: проблемы и перспективы. [Интервью].— «Советская Латвия», 2 сентября.
- Повышать уровень педагогических исследований.— «Советская педагогика», № 5, с. 3—13.
- Пятьдесят лет советско-германских отношений.— В кн.: «Ежегодник германской истории, 1968». [Сб. статей]. М., с. 209—222.
- Уроки войны. [Беседа с акад. В. М. Хвостовым].— «Советская Россия», 31 августа. Моск. вып.; 2 сент. Периферийный вып.
- Художественная литература и военно-патриотическое воспитание школьников.— «Преподавание истории в школе», № 3, с. 3—11.
- Школьный урок готовят ученые. [Беседа с президентом Акад. пед. наук СССР].— «Правда», 24 августа.
- Für die Zusammenarbeit der marxistischen Historiker aller Länder.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, Jg. 17, N 1—2, S. 9—10.
- Рец.*: «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». М., 1968.— «Правда», 6 февраля.
- Член авт. колл.*: «История Коммунистической партии Советского Союза». Изд. 3-е, доп. М., 736 с.
- Член авт. колл. и ред.*: «Новая история». Учебник для средн. школы, ч. 2. (Изд. 7-е) М., 318 с.
- Глав. ред.*: «Ежегодник германской истории. 1968». [Сб. статей]. М., 503 с.
- Член ред. колл.*: «За антифашистскую демократическую Германию». Сб. документов. 1945—1949 гг. М., 704 с.— От редакции, с. 24—25.

1970

- Важные вехи истории. [О значении Потсдамского соглашения для послевоенного политического устройства в Европе].— «Известия», 18 октября; 17 октября. Моск. веч. вып.
- Вечно живая тема. [Об изучении школьниками Ленина].— «Учительская газета», 1 сентября.
- Возникновение второй мировой войны.— «Новая и новейшая история», № 2, с. 98—108.
- Рец.*: «Преподавание истории в школе», 1970, № 5, с. 117.
- [Вступительное слово президента Акад. пед. наук СССР на Всесоюзных пед. чтениях. Ленинград. Напеч. с сокр.].— «Учительская газета», 24 марта.
- Знать, изучать Москву смолду! — «Вечерняя Москва», 17 апреля.
- На принципах великого Ленина. [О внешней политике Коммунистической партии СССР].— «За рубежом», № 16, 17—23 апреля, с. 11—12.
- [О значении заключенного соглашения о научном сотрудничестве между Академией пед. наук СССР и Центр. институтом педагогики Венгерской Народ. Республики. Ответ корреспонденту].— «Учительская газета», 22 декабря.

- Об основных направлениях деятельности АПН СССР.— «Школа и производство», № 1, с. 3—8.
- По ленинскому пути. [О развитии системы нар. образования]. Вступительное слово на юбилейной сессии Акад. пед. наук СССР, посвящ. 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 23 февр. 1970 г.— «Советская педагогика», № 4, с. 3—6.
- Политика, верная ленинским заветам. Историческая Лениниана. [О кн.: «В. И. Ленин и советская внешняя политика». М., 1969, 303 с.].— «История СССР», № 6, с. 129—132. (Совместно с В. И. Миллюковой).
- Школа подсажает — кем быть.— «Известия», 9 сентября; 8 сентября. Моск. веч. вып.
- Школа: пути совершенствования. [Ответы на вопросы корреспондента].— «Советская женщина», № 9, с. 2—3.
- Школа сегодня и завтра. [Беседа с президентом Акад. пед. наук СССР].— «Московский комсомолец», 18 августа.
- Die internationale Bedeutung des Sieges der Sowjetunion über den deutschen Faschismus.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, Jg. 12, N 4, S. 541—546.
- Член авт. колл. и ред.: «Новая история». Учебник для средней школы, ч. 2. (Изд. 8-е). М., 318 с.
- Член ред. колл.: «Ежегодник германской истории. 1969». М., 512 с.
- Член ред. колл.: «История Коммунистической партии Советского Союза». В 6-ти т., т. 4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР (1921—1937 гг.), кн. 1 (1921—1929 гг.) М., XII, 663 с.
- Член ред. колл.: «Октябрьская революция и пролетарский интернационализм». М., 511 с.
- Член ред. комис.: «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». Изд. 2-е, испр. и доп. М., 629 с.— От редакции, с. 7—8.

1971

- Вдохновенный труд [Доклад на расшир. заседании, посвящ. задачам Акад. пед. наук в свете решений XXIV съезда КПСС. Напеч. с сокр.].— «Учительская газета», 20 мая.
- Внешнеполитическая деятельность Коммунистической партии в годы войны.— В кн.: «Всемирно-историческая победа советского народа. 1941—1945». М., с. 407—415.
- Вступительное слово на научной конференции: «XXIV съезд КПСС и проблемы современных международных отношений».— «Международная жизнь», № 7, с. 3—5.
- Выдающийся ученый. [Об академике М. В. Нечкиной].— «Московская правда», 25 февраля.
- [Выступление на обсуждении в редакции журнала «Международная жизнь» по теме «Система европейской безопасности: содержание и пути обеспечения»] — «Международная жизнь», № 10, с. 98—100.
- XXIV съезд КПСС и задачи Академии педагогических наук СССР. [Доклад на расшир. заседании Президиума Акад. пед. наук СССР. Май 1971 г.].— «Советская педагогика», № 7, с. 3—15.
- Здравствуй, новый учебный! [Рассказ президента Акад. пед. наук СССР].— «Московский комсомолец», 1 сентября.
- Наш курс — борьба за мир.— «Советская Россия», 18 июля.
- Основные вопросы внешнеполитической деятельности КПСС между XXIII и XXIV съездами партии [Консультация к теме «Ленинская внешняя политика Советского государства — мощное оружие в борьбе за мир и коммунизм на современном этапе»].— «Вопросы истории КПСС», № 3, с. 17—28.
- Педагогика и требования жизни [Проблемы современного политехн. образования и трудового воспитания в школе].— «Учительская газета». 27 марта.

- Педагогика — школе.— «Известия», 18 марта; 17 марта, Моск. веч. вып.
- Профессор Сергей Александрович Никитин.— «Новая и новейшая история», № 6, с. 199—203 (Совместно с Ю. А. Писаревым, В. Г. Карасевым и др.). Слово к читателям.— «Политическое самообразование», № 1, с. 127—129 [Научно-педагогическая основа партийного образования].
- Сотрудничество КПСС и СЕПГ — воплощение принципов пролетарского интернационализма.— «Новая и новейшая история», № 5, с. 3—14. (Совместно с В. И. Цапановым). Перевод на нем. яз.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, 1971, N 4, S. 531—540.
- Школа, наука, жизнь.— «Ленинское знамя», 1 сентября.
- Предисл. в кн.: *Высоцкий В. Н.* Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений. М., с. 3—9.
- Член авт. и ред. колл.: «История внешней политики СССР». 1917—1970 гг., ч. 2-я. 1945—1970 гг. М., 519 с.
- Член авт. колл.: «История Коммунистической партии Советского Союза» (Изд. 4-е, доп.). М., 736 с.
- Глав. ред.: «Дипломатический словарь», т. 1—2. М., 611 с.; 591 с. (Совместно с А. А. Громыко и И. Н. Земсковым.)
- Член ред. колл.: «Ежегодник германской истории. 1970». М., 503 с.
- Член ред. колл.: «История Коммунистической партии Советского Союза» в 6-ти тт., т. 4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР (1921—1937 гг.). Кн. 2. (1929—1937 гг.). М., 607 с.
- Член ред. колл.: «Проблемы истории общественного движения и историографии». М., 472 с.
- Член ред. колл.: «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны» (сент. 1938 г.— авг. 1939 г.). Документы и материалы. М., 736 с.— Предисловие, с. 3—48.
- Член ред. колл.: «Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора» (Сб. документов, т. 2. 1919—1922 гг.). М., 596 с.

1972

- Воздействие внешней политики СССР на развитие современного мира.— В кн.: «Проблемы современного коммунистического движения». М., с. 70—81.
- Возникновение второй мировой войны.— В кн.: «Вторая мировая война и современность». М., с. 20—34.
- [XXIV съезд КПСС и задачи советской исторической науки. Доклад на совещании в Отделении истории АН СССР. 10—12 ноября 1971 г. Краткое изложение].— «История СССР», № 2, с. 178—181.
- Задачи социалистической педагогики в борьбе против буржуазных теорий обучения и воспитания [Доклад, подгот. сотрудниками Академии педагогических наук СССР под руководством В. М. Хвостова. Сокращенно].— «Советская педагогика», № 1, с. 23—38.
- К истории формирования русско-китайской границы.— «Международная жизнь», № 6, с. 14—29 (Совместно с Л. Г. Бескровным и др.).
- Конкретная, последовательная политика [Проблемы европейской безопасности].— «Известия», 2 февраля; 1 февраля, Моск. веч. вып.
- [Проблемы европейской безопасности — история и современность. Доклад на конференции «Современные проблемы европейской безопасности». Москва. 24—25 января 1972 г. Краткое изложение].— «Век XX и мир», № 3, с. 9—10.— То же — «Вестник АН СССР», № 5, с. 103—104.
- Профессор Сергей Александрович Никитин.— В кн.: «Славяне и Россия». К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., с. 3—11 (Совместно с Ю. А. Писаревым, В. Г. Карасевым и др.).
- Реальная возможность [Выступление в Советском комитете за европейскую безопасность. В сокращенном виде].— «Век XX и мир», № 2, с. 4—6. [О созыве Ассамблеи общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе].

Современные проблемы европейской безопасности.— В кн.: «Современные проблемы европейской безопасности». Научная конференция в Меске 24—25 января 1972 г. М., с. 7—24. То же на нем. яз. М., 1972, с. 10—30; на франц. яз. М., 1972, с. 10—26.

All union centre of pedagogical studies.— «Social sciences», N 1, p. 215—218.
Der proletarische Internationalismus-ideologische Grundlage des gemeinsamen Kampfes der internationalen Arbeiterklasse gegen den Imperialismus.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Jg. 14, N 6, S. 901—910.

Член ред. колл.: «Вторая мировая война и современность». М., 355 с.

1973

Международно-политическое значение победы Советского Союза над германским фашизмом.— В кн.: «Ежегодник германской истории. 1971». М., с. 264—270.

Член ред. колл.: «Ежегодник германской истории. 1971». М., 491 с.

ЛИТЕРАТУРА О В. М. ХВОСТОВЕ

Альтман В. В. Академик В. М. Хвостов (К 60-летию со дня рождения) — В кн.: «История и историки». М., 1966, с. 360—362.

[Сообщение об избрании президентом Акад. педагогических наук СССР. Краткая биографическая справка].— «Учительская газета», 1967, 31 августа.

[Сведения об избрании членом Сербской и членом-корреспондентом Германской Академии наук в Берлине].— В кн.: Корнеев С. Г. Советские ученые — почетные члены иностранных научных учреждений. М., 1973, с. 109.

[Биографический очерк].— В кн.: Гуржий И. О., Петренко В. С. Видатні радянські історики. Київ, 1969, с. 228—230.

Поспелов П. Н., Сказкин С. Д., Остоя-Овсяный И. Д. Академик Владимир Михайлович Хвостов.— «Новая и новейшая история», 1970, № 5, с. 235—241. [Из цикла «Творческий путь советских ученых».]

Владимир Михайлович Хвостов [Некролог].— «Правда», 1972, 11 марта; «Известия», 1972, 11 марта; 10 марта, Моск. веч. вып.

Академик Владимир Михайлович Хвостов [Некролог].— «Вестник АН СССР», 1972, № 5, с. 101—102.

Владимир Михайлович Хвостов [Некролог].— «Вопросы истории», 1972, № 4, с. 219—220.

Манфред А. З., Поляков Ю. А. Крупнейший советский историк Владимир Михайлович Хвостов [24 июня 1905 г.— 9 марта 1972 г.] — «История СССР», 1972, № 4, с. 239—250.

Владимир Михайлович Хвостов. [Некролог].— «Международная жизнь», 1972, № 4, с. 160.

Академик Владимир Михайлович Хвостов [Некролог].— «Новая и новейшая история», 1972, № 3, с. 218—222 с портр.

Владимир Михайлович Хвостов [Некролог].— «Преподавание истории в школе», 1972, № 3, с. 123. (Перепечатка из центральных газет).

В. М. Хвостов [Некролог] — «Советская педагогика», 1972, № 5, с. 158.

Stern L. V. M. Chwostow zum Gedenken.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1972, Jg. 20, N 6, S. 743—744.

Wladimir Michailowitsch Chwostow.— «Spiegel», Hamburg, 1972, N 13, S. 180.

ИВАН ИВАНОВИЧ СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

(8 марта 1870 — 8 октября 1928)

Иван Иванович Скворцов-Степанов (Степанов — литературный псевдоним, ставший частью его фамилии) родился 24 февраля (8 марта) 1870 г. в семье мелкого конторщика, служившего на одной из подмосковных фабрик. Отец зарабатывал мало, семья жила в бедности. После смерти отца материальное положение семьи еще более ухудшилось, но мать стремилась дать детям образование. Обученный ею читать и писать, Скворцов-Степанов поступил в училище в г. Богородске, которое окончил первым учеником в 1885 г. В 1890 г. он завершил учебу с золотой медалью в Московском учительском институте и с августа этого года стал преподавателем четырехклассного Арбатского училища г. Москвы.

Интерес к литературе по общественным вопросам пробудился у Скворцова-Степанова рано. Он много и увлеченно читал. А в институтские годы, по его словам, «ловил буквально всякую нелегальную литературу».

Голод 1891 г. и события, связанные с ним, послужили новым толчком к формированию революционного сознания Скворцова-Степанова. В эти годы он увлекается экономической литературой, изучает «Капитал» К. Маркса. С 1891 г. Скворцов-Степанов активно включился в революционное движение. Он, как и многие его товарищи по борьбе, в молодости испытал влияние народничества.

В 1896 г. Скворцов-Степанов стал членом партии.

В 1895 г. Скворцов-Степанов был арестован как «опасный элемент» и после шести месяцев тюрьмы выслан в Тулу под гласный надзор полиции на три года. Общение с ссыльными социал-демократами и пропагандистская работа в рабочих кружках Тулы помогли ему окончательно освободиться от народнических взглядов и стать убежденным марксистом. В 1901 г. Скворцов-Степанов был вновь арестован за попытку создания социал-демократической организации в Москве и после шестимесячного заключения в тюрьме сослан на три года в Восточную Сибирь, под г. Ачинск. В ссылке Скворцов-Степанов продолжал заниматься переводами с немецкого, писал рецензии, пробовал свои силы как публицист.

Вернувшись из ссылки к концу 1904 г., Скворцов-Степанов стал активнейшим деятелем московской социал-демократической организации. Он был одним из организаторов и руководителей «Литературно-лекторской группы» при МК РСДРП. Скворцов-Степанов, блестящий пропагандист, часто выступал на собраниях и митингах, находился в ряду самых популярных лекторов. В качестве редак-

тора и публициста он принимал участие во всех легальных и нелегальных московских партийных изданиях — «Борьба», «Истина», «Вопросы дня», «Голос труда», «Рабочее Знамя» и др. Подписывал свои материалы: «И. С.», «И. Панов», «С. Иванов», «И. С. Панов».

В марте 1906 г. состоялась первая встреча Скворцова-Степанова с В. И. Лениным. В дальнейшем ему часто приходилось встречаться и работать с Лениным. Скворцов-Степанов принимал активное участие в издании книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин внимательно следил за деятельностью Скворцова-Степанова, переписывался с ним, критиковал его отдельные ошибки и заблуждения.

Влияние ленинской критики, его товарищеские советы сыграли решающую роль в преодолении Скворцовым-Степановым идейных сомнений и колебаний.

Скворцов-Степанов был в 1906 г. делегатом IV (Объединительного) съезда РСДРП от Московской организации (псевдоним — «Федоров»). В 1907 и 1911 гг. он выдвигался кандидатом от большевиков на выборах в Государственную думу. Полиция, чтобы избавиться от нежелательного кандидата, арестовала его в марте 1911 г. и выслала в Астраханскую губ. на три года.

В 1906 г. Скворцов-Степанов начал ответственнейшую работу — перевод на русский язык произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Первым переводом было «Собрание исторических работ К. Маркса» (1906 г.). В 1907—1909 гг. Скворцовым-Степановым вместе с другими авторами был осуществлен полный перевод на русский язык трех томов «Капитала» К. Маркса. Позже, в 20-е годы XX в., Скворцов-Степанов его значительно переработал, и до настоящего времени он остается основой всех советских изданий «Капитала».

После возвращения из астраханской ссылки Скворцов-Степанов со всей присущей ему энергией отдается революционной борьбе. В 1913—1914 гг. он сотрудничает в большевистском журнале «Просвещение», в московском большевистском еженедельнике «Рабочий труд», в еженедельной большевистской газете «Наш путь».

После победы Февральской революции 1917 г. Скворцов-Степанов был членом Московского комитета партии, редактором газеты «Известия Московского Совета рабочих депутатов», членом редколлегии газеты «Социал-демократ». Его статьи (их было написано в 1917 г. более ста) являлись откликом на каждый важный момент политики партии и имели огромное агитационное значение. Московский и Петроградский комитеты партии переиздавали их отдельными тематическими сборниками. От Московской городской организации Скворцов-Степанов был избран делегатом на Апрельскую конференцию РСДРП.

Октябрьскими вооруженными боями в Москве руководил Военно-Революционный Комитет. Скворцов-Степанов был назначен редактором «Известий Московского Военно-Революционного Комитета». Участники октябрьских событий в Москве отмечали его увле-

ченность революционной борьбой, непреклонную волю к победе революции, умение воздействовать на массы.

После победы Великой Октябрьской революции, Скворцов-Степанов стал одним из виднейших деятелей Советского государства.

В январе 1918 г. Скворцов-Степанов — делегат большевистской фракции в Учредительном собрании. Основное место в его творчестве в этот период занимает социалистическое переустройство в экономике страны.

После переезда Советского правительства в Москву Скворцов-Степанов часто встречается с Лениным, бывает у него дома. Общение с Лениным, его советы и товарищеские замечания были для Скворцова-Степанова огромным стимулом в работе.

В 1919—1925 гг. Скворцов-Степанов работал в руководящих органах рабочей кооперации и Центросоюза, был заместителем председателя редколлегий Госиздата.

С 1925 г. Иван Иванович был ответственным редактором газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». За три года под руководством Скворцова-Степанова «Известия» стали одной из наиболее популярных газет Москвы. С 1927 г. Скворцов-Степанов — заместитель ответственного редактора газеты «Правда» и одновременно (с 1926 г.) — директор Института им. В. И. Ленина при ЦК ВКП(б).

В эти годы Скворцов-Степанов редактировал второе издание Сочинений В. И. Ленина и «Ленинские сборники».

Решением XIV съезда ВКП(б) Скворцов-Степанов был назначен (с декабря 1925 г.) редактором газеты «Ленинградская правда». Он вел активную работу по разъяснению решений съезда и линии партии, разоблачению «новой оппозиции».

В 1926—1928 гг. И. И. Скворцов-Степанов был членом Президиума Коммунистической Академии, членом редакции журнала «Под знаменем марксизма», одним из редакторов 1-го издания «Большой Советской Энциклопедии».

С X по XIII съезд партии Скворцов-Степанов избирался членом Центральной ревизионной комиссии РКП(б), с XIV съезда — членом ЦК ВКП(б). Он избирался также членом ВЦИК и ЦИК СССР 1—3-го созывов.

С 1922 г. по поручению Ленина Скворцов-Степанов написал книгу «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». В предисловии к этой книге Ленин дал ей высокую оценку и подчеркнул, что автору удалось популярно изложить труднейшие и важнейшие вопросы (см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 51). Экземпляр книги с дарственной надписью автора хранится в кремлевской библиотеке Ленина.

К оригинальным работам исторического плана относится его книга «Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики пролетарской революции» (1924 г.). Эта книга — одна из первых в марксистской историографии о Парижской Коммуне.

Проблемы истории и теории религии и атеизма занимают значительное место в пропагандистской, литературной и научной дея-

тельности И. И. Скворцова-Степанова. Первые его рукописи, посвященные проблемам религии, относятся к 1899 г., а пропагандой атеизма он начал заниматься с 1917 г. Его замечательные работы «Религия и общественный строй», «Очерк развития религиозных верований», «Происхождение нашего бога», «Мысли о религии», рассказы на антирелигиозные темы вошли в золотой фонд советской атеистической литературы.

И. И. Скворцов-Степанов умер 8 октября 1928 г. и похоронен в Москве, на Красной площади.

Г. М. Амешина

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ И. И. СКВОРЦОВА-СТЕПАНОВА *

1899

Рец. на кн.: Паульсен Ф. Немецкие университеты и их историческое развитие. Пер. с нем. М., 1898. 131 стр.— «Жизнь», № 10, стр. 361—364.

1900

Рец. на кн.: Сперанский Н. Очерк истории средней школы в Германии. М., 1898. 240 стр.— «Жизнь», № 2, стр. 308—315.

1901

Общественные отношения во Франции XVII и XVIII веков.— «Образование», № 7—8, стр. 174—192; № 9, стр. 82—113; № 10, стр. 94—112; № 11, стр. 69—81.

Рец. на кн.: Вебб С. и Б. Теория и практика английского тред-юнионизма, т. 2. Пер. с англ. СПб., стр. 369—768.— «Образование», № 12, стр. 84—86.

Рец. на кн.: Павлов Ф. За десять лет практики. М., 1901, 174 стр.— «Образование», № 11, стр. 80—81.

Рец. на кн.: Тарле Е. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб., 1901. 225, 127 стр.— «Образование», № 11, стр. 81—84.

Рец. на кн.: Туган-Барановский М. Промышленные кризисы. Очерки из социальной истории Англии. 2-е изд. СПб., 1900. 335 стр.— «Образование», № 2, стр. 87—92.

---

* Составитель Г. М. Амешина. Настоящая библиография не является исчерпывающей. Она включает книги, журнальные статьи, рецензии И. И. Скворцова-Степанова и труды, вышедшие под его редакцией. Выборочно включены газетные статьи, написанные до октября 1917 года.

При выявлении литературы использовались каталоги Всесоюзной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной публичной исторической библиотеки, Всесоюзной книжной палаты.

Вся ученная литература просмотрена составителем «de visu».

Переводы книг и брошюр, написанных И. И. Скворцовым-Степановым, на языки народов СССР указаны по данным Всесоюзной книжной палаты.

Рец. на кн.: Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. Пер. с нем. СПб., 1901. 506 стр.— «Образование», № 9, стр. 84—86.

Пер. и предисл.: Кулеман В. Профессиональное движение. (С прилож. лекции В. Зомбарта: «Во что бы то ни стало!»). Из теории и истории профессионального движения.) СПб., 557 стр. (совместно с Б. Явилковым и В. Базаровым).

Пер.: «Общественные движения в средние века и в эпоху Реформации». Сост. по Лозерту, Келлеру, Циммерману, Каутскому и др. СПб., 557 стр. (совместно с В. Базаровым).

1902

Вопросы торговой политики. (Из истории международной торговли).— «Образование», № 7—8, стр. 201—219; № 9, стр. 19—38; № 10, стр. 61—81.

Рец. на кн.: Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. СПб., 400 стр.— «Образование», № 3, стр. 125—128.

Рец. на кн.: Булгакова Е. Из жизни средневекового ремесленника. М., 177 стр.— «Образование», № 7—8, стр. 128.

Рец. на кн.: фон-дер Гольц Т. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пер. с нем. СПб., 342 стр.— «Образование», № 5—6, стр. 125—127.

Рец. на кн.: «Земледелие и сельское хозяйство». СПб., 1901. 388 стр.— «Образование», № 7—8, стр. 134—135.

Рец. на кн.: Зомбарт В. Очерки промышленного развития Германии. СПб., 320 стр.— «Образование», № 7—8, стр. 131—134.

Рец. на кн.: Зомбарт В. I. Социализм и социальное движение. II. «А все-таки!» СПб., 328 стр.— «Образование», № 7—8, стр. 128—131.

Рец. на кн.: Пеллутье Ф. и М. Жизнь рабочих во Франции. Пер. с франц. СПб., 1901. 312 стр.— «Образование», № 3, стр. 123—124.

Пер.: «Общественное движение во Франции XVII и XVIII веков». Сост. по Боннемеру, Зеверту, Ковалевскому, Гуго и др. СПб., 2150 стр. (совместно с В. Базаровым).

Пер.: Шинпель М. Современная бедность и современное перенаселение. СПб., 403 стр.

1903

«Современный капитализм».— «Образование», № 6, стр. 55—78.

Рец. на кн.: David. E. Sozialismus und Landwirtschaft I. Band. Die Betreibstage. Verlag der Sozialistischen Monatshefte. 703 s.— «Образование», № 6, стр. 114—117.

Рец. на кн.: Железнов В. Я. Очерки политической экономии. М., 1902. 28, 806 стр.— «Образование», № 4, стр. 133—136.

Рец. на кн.: Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902. 370 стр.— «Образование», № 3, стр. 113.

Рец. на кн.: Нибур Г. Рабство как система хозяйства. Пер. с англ. М., 1902. 431 стр.— «Образование», № 5, стр. 132—134.

Рец. на кн.: Прокопович С. П. Кооперативное движение в России. СПб., 234 стр.— «Образование», № 1, стр. 89—92.

Рец. на кн.: Ромм Р. Страхование рабочих в Германии. М., 1902.— «Образование», № 1, стр. 94.

Рец. на кн.: Тогомианц В. Ф. Монополизация промышленных предприятий. М., 1902. 174 стр.— «Образование», № 1, стр. 92—94.

Рец. на кн.: Уэллс Г. Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль. Пер. с англ. М., [б. г.]. 291 стр.— «Образование», № 6, стр. 112—114.

Пер.: Гоффдинг Г. Философия религии. СПб., 403 стр. (совместно с В. Базаровым).

- Рец. на кн.: Bringmann A. Geschichte der deutschen. Zimmerer-Bewegung.* Stuttgart, 1903. 400 с.— «Образование», № 11, стр. 136—139.
- Рец. на кн.: Вандервельде Э.* Бегство из деревни и возвращение к полям. Пер. с франц. М., 321 стр.— «Образование», № 4, стр. 102—105.
- Рец. на кн.: Вебер А.* Рост городов в 19 столетии. Пер. с англ. СПб., 1903. 464 стр.— «Образование», № 1, стр. 152—154.
- Рец. на кн.: «Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Сев.-Амер. Соединенных Штатах», т. 1.* СПб., [б. г.]. 322 стр.— «Образование», № 9, стр. 142—147.
- Рец.: Здравый смысл на службе идеализма (Туган-Барановский. Очерки из истории новейшей политической экономии.* СПб., 1903.) — «Правда», № 2, стр. 226—261.
- Рец. на кн.: Sombart W. Die deutsche Volkswirtschaft im Neunzehnten Jahrhundert.* Berlin, 1903. 647 с.— «Образование», № 1, стр. 154—159.
- Рец. на кн.: Иоллос Г. Б.* Письма из Берлина. СПб., 496 стр.— «Образование», № 11, стр. 134—136.
- Рец. на кн.: Мотен А.* Аграрный и рабочий вопрос в Австралии и Новой Зеландии. М., 1903. 439 стр.— «Образование», № 2, стр. 127—130.
- Рец. на кн.: «Развитие государственного и общественного строя Англии.»* М., 181 стр.— «Образование», № 9, стр. 147—148.
- Рец. на кн.: Тарле Е. В.* Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке. СПб., 1903. 367 стр.— «Образование», № 7, стр. 111—117.

1905

- Из истории феодального класса.— «Новая жизнь», 17 ноября, № 15; 29 ноября, № 24.
- Против хозяйственной дезорганизации.— «Новая жизнь», 18 ноября, № 16.
- Пер. и предисл.: Зомбарт В.* Современный капитализм, тт. 1—2. М., 1904—1905 (Пер. совместно с В. Базаровым).
- Пер.: «Очерки по истории Германии в XIX веке», т. 1.* СПб., 2, IV, 594 стр. (Совместно с В. Базаровым).

1906

- Из текущей жизни.— Германские социалисты в России, французские социалисты в Германии.— В кн.: «Вопросы дня». М., стр. 1—26.
- Издалека.— В кн.: «Текущий момент». М., 23 стр.
- Конфискация или выкуп.— В кн.: «Вопросы дня». М., стр. 7—26.
- О новом повороте Плеханова.— «Вопросы дня», 2 декабря, № 4, стр. 11—12.
- О свободе конкуренции.— В кн.: «Текущий момент». М., 16 стр.
- Остановиться или развивать движение? — «Вопросы дня», 18 ноября, № 2, стр. 4—5.
- Самим бороться или уповать на либеральных буржуа? (К вопросу о соглашениях).— «Вопросы дня», 11 ноября, № 1, стр. 5—11.
- Пер. и примеч.: Маркс К.* Собрание исторических работ. СПб., 4, 456 стр. (Совместно с В. Базаровым).
- Пер.: Бах М.* Австрия в первую половину XIX в. Вып. 1—2. СПб., 670 стр. (Совместно с В. Базаровым).
- Пер.: «Очерки по истории Германии в XIX в.», т. 1.* 2-е изд. СПб., 568 стр. (Совместно с В. Базаровым).

1907

- Вторая дума.— «Истина», 22 февраля, № 4.
- Выборы депутатов в Москве.— «Истина», 10 февраля, № 4.
- Декларация социал-демократической партии — «Истина», 14 марта, № 5.

- Деятельность второй Государственной думы. Сб. статей, вып. 1. М., 124 стр. (Совместно с К. Никитиным).
- К вопросу о блоках и соглашениях.— В кн.: Очередные вопросы». СПб., стр. 61—82.
- Конституционно-демократическая партия перед второй Государственной думой.— «Истина», 25 января, № 2.
- Либеральный обыватель и избирательное право.— В кн.: «Зарницы», вып. 1. СПб., стр. 123—127.
- Московские выборы в фракционном освещении.— «Истина», 10 февраля, № 3.
- Первые заседания Государственной думы (Передовая) — «Истина», 14 марта, № 5.
- По поводу выборов в германский рейхстаг.— «Истина», 25 января, № 2.
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, т. 2, кн. 2. Полный пер. с 3-го, подгот. Ф. Энгельсом нем. изд. М., XXIV, 494 стр. (Совместно с В. Базаровым).
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, т. 3, ч. 1, кн. 3. Полный пер. со 2-го, подгот. Ф. Энгельсом нем. изд. М., XXVI, 436 стр. (Совместно с В. Базаровым).

1908

- За границей.— «Рабочее Знамя», август, № 4.
- Итоги третьей думы.— «Рабочее Знамя», август, № 4.
- К Юзовской катастрофе.— «Рабочее Знамя», август, № 4.
- Карл Маркс. (1 марта 1883—1 марта 1908).— «Рабочее Знамя», март, № 1.
- Крестьяне и правительство.— «Рабочее Знамя», июль, № 3.
- Либеральный обыватель и всеобщее избирательное право.— В кн.: «Текущая жизнь». СПб., стр. 78—86.
- Письмо партийного работника.— «Рабочее Знамя», декабрь, № 7.
- Социал Демократическая фракция в III Государственной думе.— «Рабочее Знамя», июль, № 3.
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, т. 3, ч. 2, кн. 3. Полный пер. с 2-го, проверенного Ф. Энгельсом нем. изд. М., 415 стр. (совместно с В. Базаровым).

1909

- Капитал и газеты.— «Вестник труда», декабрь, № 2.
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, т. 1, кн. 1. Полный пер. с 5-го, проверенного Ф. Энгельсом нем. изд. М., XXXIX, 755 стр. (совместно с В. Базаровым).

1910

- Курс политической экономии, т. 1. СПб., 404 стр. (совместно с В. Богдановым).
- Лев Николаевич Толстой. (Передовая) — «Наш путь», 28 ноября, № 7.
- Сергей Андреевич Муромцев.— «Наш путь», 24 октября, № 6.

1912

- Пер. и примеч.: Маркс К.* Мысли и взгляды о жизни XX века. Перспективы прошлого, настоящего и будущего. СПб., 456 стр. (совместно с В. Базаровым).
- Пер.: Геффдинг Г.* Философия религии. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 386 стр.
- Пер. со вступит. статей: Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М., XXIX, 576 стр.

1913

- Империализм.— «Просвещение», № 9, стр. 36—45; № 10, стр. 28—41.
 Очерки новейшего капитализма.— «Наш путь», 30, 31 августа, № 5, 6.
Рец. на кн.: «Internationales Jahrbuch für Politik und Arbeiterbewegung».
 Jahrgang, 1912. Berlin, XVI, 858 s.— «Просвещение», № 7—8, с. 110—112.
Рец. на кн.: Otto Bauer. Der Balkankrieg und die deutsche Weltpolitik. Berlin,
 52 s.— «Просвещение», № 6, стр. 111.
Рец. на кн.: Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, тт. 1—
 4 (кн. I—VI).— «Просвещение», № 11, стр. 98—101.
Пер.: Лиэр М. (Мюллер-Лиэр). Формы брака, семьи и родства. М., IV, 93 стр.

1914

- Наши задачи.— «Рабочий труд», 14 июня, № 1.
 О единстве и «Единство».— «Рабочий труд», 21 июня, № 2.
 Один из крупных вопросов стачечной тактики.— «Рабочий труд», 28 июня,
 № 3.
 Экономика и политика в рабочем движении.— «Просвещение», № 3, стр. 43—
 62.

1916

- О парламентском блоке.— В кн.: «Под старым знаменем». Саратов, стр. 34—
 47; 2-е изд.: Пг., 1917, стр. 62—82.

1917

- Бумажные деньги и дороговизна.— «Известия Московского Совета рабочих
 депутатов», 13 (26) мая, № 58.
 В деревню! — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 23 марта,
 № 18.
 Вероисповедание и школьные вопросы.— «Известия Московского Совета ра-
 бочих депутатов», 24 марта, № 20.
 «Восьмичасовой рабочий день и почему нет хлеба, одежды и обуви». Сб. статей
 из «Известий Московского Совета рабочих депутатов». М., 16 стр.
 Временное правительство в целях войны.— «Известия Московского Совета
 рабочих депутатов», 29 марта, № 22.
 Где правда? — «Спартак», № 3, стр. 12—22.
 Деревенские вопросы.— «Известия Московского Совета рабочих депутатов»,
 8 апреля, № 29.
 Жан-Поль Марат (1743—13 июля 1793 г.).— «Известия Московского Совета
 рабочих депутатов», 2 апреля, № 26; 26 апреля (10 мая), № 45; 28 ап-
 реля (11 мая), № 46; 30 апреля (13 мая), № 48.
 Жан-Поль Марат и его борьба с контрреволюцией (1743 г.— 13 июля 1793 г.).
 М., 32 стр.; 2-е, испр. изд. М., 31 стр.
 Займы и общая финансовая система.— «Известия Московского Совета рабо-
 чих депутатов», 24 мая (6 июня), № 67.
 Земельный вопрос в деревне и вопрос продовольственный.— «Известия Мос-
 ковского Совета рабочих депутатов», 10 апреля, № 31.
 Избирательные обманы.— «Социал-демократ», 15 (28) октября.
 К московским городским выборам и задачи революционной социал-демокра-
 тии.— «Спартак», № 4, стр. 18—26.
 Как народ возвратит себе землю и что сделает с нею. М., 48 стр.
 Карательная экспедиция против местного самоуправления.— «Социал-демо-
 крат», 20 октября (2 ноября).
 Кооперация в земледелии и в промышленности. М., 31 стр.
 Крестьянский съезд.— «Известия Московского Совета рабочих депутатов»,
 30 апреля (13 мая), № 48.
 Кто богатеет и кто разоряется от войны? Бумажные деньги и займы. М.,
 32 стр.

- Кто вносит разложение в армию? — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 28 апреля (11 мая), № 46.
- На фронте и в тылу. — «Социал-демократ», 19 (31) июля, № 50.
- «Народ и война». Сб. статей из «Известий Московского Совета рабочих депутатов». М., 64 стр.
- Народ и торгово-промышленный класс. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 22 марта, № 17.
- О московском совещании. — «Спартак», № 6, стр. 7—13.
- Оздоровление армии. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 13 (26) октября, № 186.
- Откуда шло раздвоение власти. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 9 (22) мая, № 55.
- Политика и кооперация. — «Социал-демократ», 10 (23) октября.
- Поменьше доверчивости. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 18 марта, № 14.
- Потребительные общества и рабочий класс. М., 35 стр.
- Потребительные общества и рабочий класс. Изд 2-е. М., 52 стр.
- Профессиональные союзы и современная экономическая борьба. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 25 октября (7 ноября), № 196.
- Рабочий Интернационал об отношении пролетариата к войне. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 2 апреля, № 26.
- Н. Суханов о наших направлениях. — В кн.: «Сборник». М., стр. 41—65.
- Так ли это? Экономика и политика, хозяйство и право, экономический базис и идеологическая надстройка. — «Спартак», № 1, стр. 6—8.
- «Утру России» приходится требовать отставки г-на Миллюкова. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 30 марта, № 23.
- Финансовый развал в земствах и городах. — «Спартак», № 8, стр. 11—15.
- Что такое мир без захватов. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 13 апреля, № 33.
- Что такое наш восьмичасовой рабочий день. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 18 апреля (1 мая), № 38.
- Экономическая борьба рабочего класса. — «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 21 октября (3 ноября), № 193.

1918

- Жан-Поль Марат и его борьба с контрреволюцией (1743—13 июля 1793 г.). Пг., 31 стр.
- Жан-Поль Марат и его борьба с контрреволюцией (1743—13 июля 1793 г.). К 125-летию смерти Марата. 3-е вновь пересмотренное изд. М., 32 стр.
- Кто богатеет и кто разоряется от войны? Бумажные деньги и займы. Пг. 30 стр.
- Курс политической экономии, т. 1. 2-е изд. М., XV, 351 стр. (совместно с А. Богдановым).
- От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. Пг., 143 стр.
- От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. 2-е и доп. изд. М., 155 стр.
- Потребительные общества и рабочий класс. 3-е перераб. изд. М., 80 стр.
- Религия, духовенство, его доходы, его проклятия и благословения. М.— Пг., 112 стр.
- Религия, духовенство, его доходы, его проклятия и благословения. Изд. 2-е. М.— Пг., 112 стр.
- Рец.: [Б. а.] — «Бюллетень книги», 1922, № 7—8, стр. 17.
- Пер. и примеч.: Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. 2-е, испр. изд. Пг., 553 стр.
- Пер. и предисл.: Кунов Г. Борьба классов и партий в Великой французской революции, вып. 1—4. М.

Благословение. Тверь, 16 стр.

Вера и знание, святая вода и микроскоп, молитва и погода. Тверь, 8 стр.

Жан-Поль Марат. 4-е испр. и доп. изд. М., 40 стр.

Рец. Сомов Н.— «Народное просвещение», 1920, № 16—17, стр. 81; [б. а.]— «Бюллетень книги», 1922, № 3—4, стр. 33; [б. а.]— Там же, 1922, № 7—8, стр. 3—4.

Курс политической экономии, т. 2, вып. 2. М., 212 стр. (совместно с А. Богдановым).

Курс политической экономии, т. 2, вып. 4. М., 208 стр. (совместно с А. Богдановым).

От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. Тифлис, 99 стр.

Потребительные общества и рабочий класс. Изд. 4-е, переработанное. М., 95 стр.

Происхождение нашего бога (по Г. Кунову). М., 125 стр.

Пер. на укр. яз.: Киев, 1959.

Религия, духовенство, его проклятия и благословения. Харьков, 86 стр.

Экономическое развитие и диктатура пролетариата.— В кн.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., стр. 52—60.

Пер. и предисл.: Горгер Г. Исторический материализм. М.— Пг., 140 стр.

Пер. и предисл.: Каутский К. Предшественники новейшего социализма. 2-е (единственно полное) изд., переработанное по 3-му немецкому изд., т. 1—2. М., (на обл.: 1920).

Пер. и предисл.: Каутский К. Предшественники новейшего социализма, ч. 1. М.— Пг., XI, 439 стр.

Пер. и предисл.: Кунов Г. Борьба классов и партий в Великой французской революции. 2-е изд., пересмотренное и расширенное по новому немецкому изд. М.— Пг., XVI, 544 стр.

Пер. и предисл.: Кунов Г. Возникновение религии и веры в бога. М.— Пг., 162 стр.

1920

Беседы о вере. 3-е изм. изд. Тверь, 70 стр.

Рец.: [Б. а.] — «Бюллетень книги», 1922, № 1—2, стр. 28.

Пер. на морд. яз.: Саранск, 1933.

Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. М., 150 стр.

Рец.: [Б. а.] — «Бюллетень книги», 1922, № 1—2, стр. 28; [Б. а.] — Там же, 1922, № 7—8, стр. 8.

Пер. на арм. яз.: Ереван, 1959; на морд. яз.: Саранск, 1933; на укр. яз.: Киев, 1958, на эст. яз.: Таллин, 1961.

Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия.— «Книга и революция», № 6, стр. 4—9.

Кооперации в земледелии и в промышленности. 2-е изд. М., 31 стр.

Рец.: *Кий.*— «Книга и революция», 1921, № 10—11, стр. 50—51.

Кооперация и прекращение торговой блокады.— «Союз потребителей», № 1, стр. 2—10.

Курс политической экономии, т. 1. Изд. 3-е. М., 373 стр. (совместно с А. Богдановым).

Курс политической экономии, т. 2, вып. 1. М., 218 стр. (совместно с А. Богдановым).

О концессиях. [Б. м.], 20 стр.

О правой и неправой вере. М., [б. г.], 15 стр.

Рец.: *Спандарян О.*— «Вестник агитации и пропаганды», 1921, № 24, стр. 29—30.

Пер. на азерб. яз.: Баку, 1938; на лат. яз.: Рига, 1954; на морд. яз.: Саранск, 1939; на тат. яз.: Казань, 1938; на укр. яз.: Киев, 1938.

- Об иностранных концессиях. М., 42 стр.
Рец.: Книжник Ив. — «Книга и революция», 1921, № 10—11, стр. 24—25.
- Об иностранных концессиях. — «Коммунистический Интернационал», № 16, стб. 3515—3522.
- Парижская Коммуна и русская революция. — «Коммунистический Интернационал», № 16, стб. 3673—3680.
- Потребительные общества и рабочий класс. Изд. 5-е с доп. о новой кооперации. М., 56 стр.
- Почему падает вера и нарастает безверие? М., 8 стр.
Рец.: [Б. а.] — «Бюллетень книги», 1922, № 7—8, стр. 4.
- Религия и общественный строй. — «Революция и церковь», № 9—12, стр. 14—20.
- С Красной Армией на панскую Польшу. Впечатления и наблюдения. М., 102 стр.
- Центросоюз и торговые сношения с Западом. — «Союз потребителей», № 2, стр. 12—21.
- Через панскую Польшу. — «Союз потребителей», № 3, стр. 1—8.
Пер. и предисл.: Гортер Г. Империализм, мировая война и социал-демократия. М., 2, VIII, 3—152 стр.
- Рец. на кн.: Шарль де Костер.* Легенда об Уленшигеле и Ламме Гудзаке. Пер. А. Г. Горнфельда, тт. 1—2. Пг., 1919—1920. — «Книга и революция», № 6, стр. 41—43.

1921

- Благочестивые размышления. 2-е испр. и доп. изд. М., 148 стр.
Рец.: Спандарян О. — «Вестник агитации и пропаганды», № 24, стр. 29.
- Государственное издательство и ведомства, художественная литература и советские меценаты. — «Книга и революция», № 7, стр. 1—6.
- Жан-Поль Марат. 5-е, испр. изд. М., 40 стр.
Рец.: Ольшеский А. — «Книга и революция», 1922, № 3 (15), стр. 65; *Смолин В.* — «Казанский библиофил», № 2, стр. 117—118.
- Лисица-Кознодей. — «Книга и революция», № 7, стр. 78.
- О пользе и вреде скромности. — «Печать и революция», № 2, стр. 94—98.
- О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах. М., 15 стр.
Рец.: Крупская Н. — «Коммунистическое просвещение», 1922, № 3, стр. 104; *Спандарян О.* — «Вестник агитации и пропаганды», № 24, стр. 29;
- О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах. М., 16 стр.
- О таинстве святого причащения. М., 31 стр.
Рец.: Крупская Н. — «Коммунистическое просвещение», 1922, № 3, стр. 104; *Спандарян О.* — «Вестник агитации и пропаганды», № 24, стр. 29; [Б. а.] — «Бюллетень книги», 1922, № 1—2, стр. 27; [Б. а.] — Там же, 1922, № 7—8, стр. 8.
- Пер.* на морд. яз.: Саранск, 1939; на укр. яз., Киев, 1938; на эст. яз.: Таллин, 1930.
- Очерк развития религиозных верований. Пособие для преподавателей партийных и советских школ. М. 40 стр.
Рец.: Спандарян О. — «Вестник агитации и пропаганды», № 24, стр. 29—30.
- Пер.* на укр. яз.: Киев, 1924.
- Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики и пролетарской революции. М., 248 стр.
Рец.: Нюрнберг И. — «Вестник труда», 1922, № 2 (17), стр. 133; [Б. а.] — «Бюллетень книги», 1922, № 1—2, стр. 15.
- Пер.* на укр. яз.: Киев, 1935.
- Положение и задачи Госиздата. Тезисы к съезду Губово. — «Печать и революция», № 2, стр. 102—104.
- Происхождение нашего бога (по Г. Кунову). Вятка, 91 стр.
Рец. на кн.: Быстрянский В. Очерки по истории Парижской Коммуны (18 марта — 22 мая 1871 г.). Пг., — «Печать и революция», № 2, стр. 148—150.

- Рец. на кн.: Диккенс Ч.* Повесть о двух городах. Пер. Е. Бекетовой. Пг., 1920.— «Печать и революция», № 1, стр. 153—155.
- Рец. на кн.: «Книга».* [Изречения о значении книги]. Пг., 1920, 4 стр.— «Печать и революция», № 1, стр. 127.
- Рец.: Мимо и дальше от Маркса* (О 1-м томе книги Кунова «Марксова теория истории общества и государства. Основные черты социологии Маркса»).— «Красная новь», № 3, стр. 177—200.
- Рец. на кн.: Мишле Жюль.* Кордильеры и Дантон. Пер. Т. А. Быковой. Пг., 1920.— «Печать и революция», № 1, стр. 116—117.
- Рец. на кн.: Невский В. А.* Культура повседневной жизни. Кострома.— «Печать и революция», № 2, стр. 161—164.
- Рец. на кн.: Так писал Фридрих Энгельс* (К столетию со дня его рождения). Пг., 1920, 13 стр.— «Печать и революция»,— № 1, стр. 73.
- Рец. на кн.: Форфоровский С. и Кочергин И.* История труда. Казань, 1920. 116 стр.— «Книга и революция», № 7, стр. 34—36.
- Рец. на кн.: Форфоровский С. и Кочергин И.* Социология. Курс-справочник. Казань, 1920. 104 стр.— Там же, № 7, стр. 34—36.

1922

- Благочестивые размышления. Об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. Вятка, 72 стр.
- Мысли о религии. М., 28 стр.
- Рец.: Адоратский В.*— «Известия», № 184; *Флеровский И.*— «Коммунистическая революция», № 11—12, стр. 202—203; [Б. а.]— «Бюллетень книги», № 7—8, стр. 15.
- Пер. на арм. яз.: Ереван, 1954; на груз. яз.: Тбилиси, 1955; на казах. яз.: Алма-Ата, 1955; на лат. яз.: Рига, 1954; на молд. яз.: Кишинев, 1954; на тат. яз.: Казань, 1955; на укр. яз.: Киев, 1957; на эст. яз.: Таллин, 1955.*
- О душе, о загробной жизни, о боге и о бессмертии (Из истории современных религиозных верований). М., 40 стр.
- Рец.: [Б. а.]*— «Бюллетень книги», 1923, № 9—10, стр. 94.
- «О живой церкви». М., 39 стр.
- Рец.: [Б. а.]*— «Бюллетень книги», № 7—8, стр. 15; *Львов Вл.*— «Книга и революция», 1923, № 4 (28), стр. 36.
- О загробной жизни, о боге и о бессмертии.— «Молодая гвардия», № 4—5, стр. 96—121.
- О «смене вех» в церкви и о наших задачах.— «Коммунистическая революция», № 9—10 (33—34), стр. 3—12.
- О тайнстве святого причащения. Курск, 24 стр.
- Очерк развития религиозных верований. Ростов-на-Дону, 23 стр.
- Рец.: [Б. а.]*— «Бюллетень книги», № 7—8, стр. 4; [Б. а.]— Там же, 1923, № 9—10, стр. 93—94.
- Пора перестать быть книжниками (О программах марксистского образования).— «Коммунистическая революция», № 13—14 (37—38), стр. 120—131.
- Религия и общественный строй.— В кн.: «Коммунизм и религия». вып. 1. М., стр. 54—64.
- Страх смерти против исторического материализма (Ответ т. М. Покровскому).— «Под знаменем марксизма», № 11—12, стр. 83—113.
- Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. Предисл. В. И. Ленина и Г. М. Кржижановского. М., XVI, 392 стр.
- Рец.: В. И. Ленин* [подпись *Ленин Н.*]— «Вопросы электрификации», № 1—2, стр. 197—198; *Виноградов А.*— «Коммунистическое просвещение», № 3, стр. 120—122; *Кремлев С.*— «Вестник труда», № 8—9, стр. 176—177; *Кржижановский Г.*— «Вопросы электрификации», № 1—2, стр. 198—200; *Немоловский П.*— «Путь просвещения», № 1, стр. 341—343; [Б. а.]— «Бюллетень книги», № 3—4, стр. 47—48; [Б. а.]— «Народное просвещение», № 103, стр. 11—12.

- Пер.: Маркс К.* Наемный труд и капитал. Новое изд. под ред. и с предисл. К. Каутского. М., 72 стр.
- Пер. и предисл.: Маркс К. и Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии. М., XXIV, 109 стр.
- Пер.: Блос В.* Германская революция. История движения 1848—1849 года в Германии. М., XIV, 528 стр. (совместно с В. Базаровым).
- Пер.: Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Новое, пересмотренное изд. М., XX, 460 стр.
- Пер. и предисл.: Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Новое, пересмотренное изд. М., XX, 438 стр.
- Пер. и предисл.: Кунов Г.* Возникновение религии и веры в бога. 2-е испр. изд. М., 183 стр.
- Рец.: Маркс К. и Энгельс Ф.* Коммунистический Манифест. Пер. с нем. под ред. Д. Рязанова. М., 240 стр.— «Печать и революция», № 6, стр. 163—165.
- Рец.: Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства. Пер. с нем. Пг., 1921.— «Печать и революция», № 1, стр. 246—247.
- Рец.: Андреев Н. Н.* Разные люди — разная вера. Пг., 1921. 76 стр.— «Печать и революция», № 3 (6), стр. 234.
- Рец.: Бризон П.* История труда и трудящихся. Пер. с франц. Пг.— «Печать и революция», № 7, стр. 217—218.
- Рец.: Барга Е.* Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. Пер. с нем. М.— «Печать и революция», № 3 (6), стр. 178—180.
- Рец.: Никольский Н. М.* Древний Израиль. 2-е изд. М.— «Печать и революция», № 6, стр. 234—237.
- Рец.: Норман А.* Версальский мир и экономический хаос в Европе. Пг., 112 стр.— «Красная новь», № 3, стр. 280—282.

1923

- Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М., 37 стр.
- Рец.: Богомазов З.*— «Коммунистическое просвещение», № 2, стр. 142—143; *Львов Вл.*— «Книга и революция», № 4 (28), стр. 36.
- Итоги нашей антирелигиозной борьбы и ее современные задачи.— «Коммунистическая революция», № 4 (43), стр. 17—33.
- Курс политической экономии, т. 1, вып. 4. 2-е изд. М., 306 стр. (совместно с А. Богдановым).
- Курс политической экономии, т. 1, вып. 4. 3-е изд. М., 306 стр. (совместно с А. Богдановым).
- Мысли о религии. 2-е изд. М., 32 стр.
- Рец.: Львов Вл.*— «Книга и революция», № 4 (28), стр. 35.
- Мысли о религии. Екатеринбург, 38 стр.
- О «живой церкви». М., 39 стр.
- Рец.: Львов Вл.*— «Книга и революция», № 4 (28), стр. 36.
- О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах. 2-е изд. М., 16 стр.
- Рец.: Львов Вл.*— «Книга и революция», № 4 (28), стр. 34—35; [Б. а.] — «Бюллетень книги», № 7—8, стр. 4.
- О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах. 3-е изд. М., 16 стр.
- О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах. Курск, 16 стр.
- О таинстве святого причащения. 2-е изд. М., 32 стр.
- О таинстве святого причащения. Екатеринбург, 21 стр.
- О таинстве святого причащения. 3-е изд. (на обл.: 2-е изд.). М., 27 стр.
- Рец.: [Б. а.]* — «Вестник книги», 1924, № 4—5, стр. 110.
- Об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению (благочестивые размышления). Екатеринбург, 13 стр.
- Пер. на укр. яз.: Киев, 1938.*
- Очерк развития религиозных верований. 2-е перераб. и доп. изд. М., 55 стр.
- Очерк развития религиозных верований. Екатеринбург, 35 стр.
- Парижская Коммуна 1871 года. 2-е изд. М., 292 стр.

- Рец.*: [Б. а.] — «Бюллетень книги», № 7—8, стр. 96.
 Почему падает вера и нарастает безверие? Харьков, 48 стр.
 Религия в школе.— «На путях к новой школе», № 2, стр. 29—41.
 Смерть страха смерти, как итог моей полемики с тов. Покровским.— «Под знаменем марксизма», № 2—3, стр. 192—202.
 Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. М.— Пг., XIV, 352 стр.
Рец.: [Б. а.] — «Бюллетень книги», кн. IV, стр. 103—104.
Пер. и примеч.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Харьков, 86 стр. (Совместно с В. Базаровым).
Пер. и предисл.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 1—3, ч. 1—2. М.— Пг., (Совместно с В. Базаровым).
Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 1—2. Харьков.
Пер. и предисл.: Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. 2-е изд. М., 153 стр.
Пер. и предисл.: Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. Харьков, XXV, 120 стр.
Пер.: Бах М. История австрийской революции 1848 г. 2-е изд. М.— Пг., 576 стр. (Совместно с В. Базаровым).
Пер. и предисл.: Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. 3-е изд. М.— Пг., XX, 460 стр.
Пер.: Каутский К. Собрание сочинений, тт. 3—4. М.— Пг. (Совместно с Д. Рязановым).
Пер.: Каутский К. Собрание сочинений, тт. 10, 12. Изд. испр. и доп. М.— Пг. (Совместно с Д. Рязановым).
Пер. и предисл.: Кунов Г. Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг. 3-е, вновь пересмотренное изд. М.— Пг., XVI, 340 стр.
Пер. и предисл.: Кунов Г. Возникновение религии и веры в бога. 3-е изд. М., 181 стр.
Пер. и предисл.: Кунов Г. Возникновение религии и веры в бога. Курск, 132 стр.
Пер. и предисл.: Меринг Ф. История Германии с конца средних веков. М., 266 стр.

1924

- Вера и суеверие, ереси и чародейство.— «Молодая гвардия», № 5, стр. 96—115.
 Беседы о вере. 4-е изд. М., 79 стр.
 Благочестивые размышления об аде и рае.— 3-е изд. М., 110 стр.
 Жан-Поль Марат и его борьба с контрреволюцией. 1743—1793. 6-е изд. М., 40 стр.
Рец.: Кривцов Ст.— «Вестник книги», № XI—X, стр. 101.
 Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. 2-е изд., доп. статьей «Религия в школе». М., 58 стр.
 Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм.— В кн.: Гортер Г. Исторический материализм. Пер. и предисл. И. Степанова. 2-е изд. М., стр. 131—170.
 Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм. Очерки современного мировоззрения. М., 84 стр.
Рец.: Вишневский А.— «Под знаменем марксизма», № 12, стр. 307—314; Семашко Н. А.— «Известия ЦИК СССР», № 284; [Б. а.] — «Книгоноша», № 48—49, стр. 24.
 Кооперация в переходную эпоху.— «Большевик», № 3—4, стр. 60—71.
 Может ли ВСНХ делать погоду? — «Большевик», № 2, стр. 28—36.
 Мысли о религии. 3-е доп. изд. М., 38 стр.
 О вере в бога и вере в дьявола. М., 61 стр.
Пер. на арм. яз.: Ереван. 1939.

- О душе, о загробной жизни, о боге и о бессмертии. Из истории современных религиозных верований. 2-е изд. М., 38 стр.
- О моих ошибках, «открытых и исправленных» тов. Стэнном.— «Большевик», № 14, стр. 82—90.
- О Парижской Коммуне (Тезисы для доклада). М., 28 стр.
- О правой и неправой вере.— Одесса, 16 стр.
- О таинстве святого причащения. Баку, 31 стр.
- Очерк развития религиозных верований. Пособие для партийных и советских школ. 3-е изд. М.—Л., 57 стр.
- Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики в пролетарской революции. 2-е изд. М., 180 стр.
- Парижская Коммуна 1871 года. 3-е изд. М., 290 стр.
Рец.: А. К.— «Вестник книги», № 9—10, стр. 58.
- Помоглочка. Рассказ. М., 16 стр.
- Происхождение нашего бога. (По Г. Кунову). 2-е перераб. изд. М., 151 стр.
- Религия в школе.— В кн.: И. Степанов. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М., стр. 41—58.
- Торбеевский царь. Рассказ. М., 16 стр.
- Пер.: Маркс К. Наемный труд и капитал. Под ред. и с предисл. К. Каутского. 2-е изд. М., 68 стр.
- Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, чч. 1—2. 2-е стереотипное издание. М.—Пг. (Совместно с А. Богдановым).
- Пер. и предисл.: Гильфердинг Г. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. 4-е изд. (стереотипное). М., XX, 460 стр.
- Пер. и предисл.: Горгер Г. Исторический материализм. 2-е испр. изд. М., 170 стр.
- Пер.: Каутский К. Предшественники новейшего социализма, т. 1. 4-е изд. М., XVI, 244 стр.
- Пер. и предисл.: Меринг Ф. История Германии с конца средних веков. 3-е изд. М., 282 стр.
- Рец. на кн.: А. В. Луначарский. Христианство и марксизм. М., 1923, 33 стр.— «Большевик», № 1, стр. 48—55.

1925

- Беседы о вере. 5-е изд. Л., 71 стр.
- Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. 4-е изд. Л., 143 стр.
- Диалектическое понимание природы — механическое понимание.— «Под знаменем марксизма», № 3, стр. 205—238.
- Задачи и методы антирелигиозной пропаганды.— Религия в школе. 3-е изд., перер. и доп. М.—Л., 72 стр.
- Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм. Очерки современного мировоззрения. М., 34 стр.
- Курс политической экономии, т. 1. 4-е доп. и испр. изд. М.—Л., XXXII, 345 стр.
- Мысли о религии. 4-е изд. М., 38 стр.; 5-е изд. М.—Л., 37 стр.
- О вере в бога и вере в дьявола. М., 61 стр.
Рец.: Шваб М.— «Вестник книги № 4, стр. 53—54.
- О душе, о загробной жизни, о боге и о бессмертии. М., 31 стр.
- О душе, о загробной жизни, о боге и бессмертии. Из истории современных религиозных верований. 3-е изд. М.—Л., 38 стр.
- О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах. 4-е изд. М., 16 стр.
- О таинстве святого причащения. 4-е изд. Л.—М., 26 стр.
- Основные течения в антирелигиозной пропаганде. М., 31 стр.
- От поражения к победе. К 20-летию революции пятого года.— «Новый мир», № 11, стр. 72—82.
- «От революции к революции». Сборник статей 1905—1915 гг. М.—Л., 318 стр.
Рец.: Слепков А.— «Большевик», № 15, стр. 78—82.

- Очерк развития религиозных верований. 4-е изд. М.—Л., 56 стр.
 Помоголочка. Рассказ. 2-е изд. М.—Л., 16 стр.
 Происхождение нашего бога. (По Г. Кунову). 3-е изд. М.—Л., 140 стр.
Рец.: Капелюш Ф.— «Под знаменем марксизма», 1926. № 9—10, стр. 153—177.
 Религия в школе.— В кн.: *Степанов И.* Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. 3-е изд. М.—Л., стр. 55—72.
 Святой черт (Истинное происшествие). Пьеса в 1 действии. М., 15 стр.
 Торбеевский царь. Рассказ. М.—Л., 16 стр.
 Что такое политическая экономия. Доклад, прочитанный 31.1.1925 г. в Коммунистической Академии.— «Вестник Коммунистической Академии», № 11, стр. 257—292; то же — «Под знаменем марксизма», № 1—2, стр. 157—190.
 Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. 3-е изд. М.—Л., 276 стр.
 Энгельс и механическое понимание природы (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II).— «Под знаменем марксизма», № 8—9, стр. 44—72.
 Это было... Рассказы о божественном. М.—Л., 29 стр.
Пер. на коми яз.: Сыктывкар, 1938; на укр. яз.: Киев, 1938.
Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 1. 3-е изд. М., LVII, 767 стр.
Пер. и предисл.: Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. Харьков, XXV, 120 стр.
Пер. и предисл.: Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. 5-е, стереотипное изд. М.—Л., XX, 460 стр.
Пер.: Каутский К. Предшественники новейшего социализма, т. 2. М.—Л., 215 стр. (Совместно с В. Базаровым).
Пер. и предисл.: Кунов Г. Возникновение религии и веры в бога. 4-е испр. изд. М.—Л., 167 стр.
Ред.: «Ленин о революции 1905 г.» Пер. с нем. В. Юрица. М.—Л., 22 стр.
Ред.: «Ленин о революции 1905 г.» Пер. с нем. В. Юрица. М., 31 стр.

1926

- Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм. Очерки современного мировоззрения. 2-е, пересм. и доп. изд. М.—Л., 78 стр.
Рец.: Омский И.— «Антирелигиозник», № 1, стр. 72—73.
 Курс политической экономии, т. 2, вып. 1. 2-е изд. пересм. М.—Л., 188 стр.
 Моя первая встреча с В. И. Лениным.— «Ленинградская правда», 25 января.
 О вере в бога и вере в дьявола. 2-е перераб. изд. М.—Л., 48 стр.
 Святой черт (Истинное происшествие). Пьеса в 1 действии. М., 12 стр.

1927

- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, тт. I—II. 3-е изд. М.—Л.
Ред.: В. И. Ленин. Сочинения, т. IV. 2-е изд., испр. и доп. М.—Л., XXVIII, 662 стр.
Ред.: «Ленинский сборник», VI. М.—Л., 360 стр.
Ред.: «Записки Института Ленина», тт. 1—2. М.

1928

- Диалектический материализм и дебординская школа. М.—Л., 160 стр.
Рец.: [Б. а.] — «Летописи марксизма», 1929, IX—X, стр. 124—126.
 О работе Института имени Ленина. Доклад на первой всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.— «Вестник Коммунистической Академии», № 27 (3), стр. 298—302.

- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, т. 3, ч. 1—2, 3-е изд. М.—Л.
- Ред.: В. И. Ленин.* Сочинения, т. V 2-е изд. испр. и доп. М.—Л., VIII, 444 стр.
- Ред.: В. И. Ленин.* Сочинения, т. VII. 2-е изд. испр. и доп. М.—Л., VIII, 528 стр.
- Ред.: В. И. Ленин.* Сочинения, т. XIII. 2-е изд. испр. и доп. М.—Л., VIII, 387 стр.
- Ред.: В. И. Ленин.* Сочинения, т. XX. 2-е изд., испр. и доп. М.—Л., 5, II, 719 стр.
- Ред.: В. И. Ленин.* Сочинения, т. XXI, 2-е изд. испр. и доп. М.—Л., 8, 585 стр.
- Ред.* «Ленинский сборник», VII. М.—Л., 397 стр.
- Ред.* «Ленинский сборник», VIII. М.—Л., 368 стр.
- Ред.* «Ленин о Чернышевском». М.—Л., 130 стр.
- Ред.* «Записки Института Ленина», т. 3. М., 152 стр.

1929

- О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах. 5-е изд. (посмертное). М., 16 стр.
- Рец.:* [Б. а.] — «Антирелигиозник», № 11, стр. 124.
- О таинстве святого причащения. 5-е изд. (посмертное). М., 32 стр.
- Рец.:* [Б. а.] — «Антирелигиозник», № 11, стр. 121.
- Парижская Коммуна 1871 г. и вопросы тактики в пролетарской революции. 3-е изд. М.—Л., 184 стр.
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, ч. 1—2, 4-е изд. М.—Л.

1930

- Беседы о вере. 6-е изд. (посмертное сокращенное). М., 48 стр.
- Беседы о вере. 7-е изд. (посмертное сокращенное). М., 44 стр.
- Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. 5-е посмерт. изд. М., 151 стр.
- Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. 6-е изд. М., 111 стр.
- Избранные произведения, тт. 1—2. М., 1930—1931.
- Мысли о религии. 6-е изд. (посмертное). М., 30 стр.
- Очерк развития религиозных верований. Пособие для партийных и советских школ. 5-е изд. (посмертное). М., 45 стр.
- «Скворцов-Степанов — политический борец». Сб. статей И. И. Скворцова-Степанова за 1925—1928 гг. М.—Л., 243 стр.
- Это было. Рассказы о божественном. 2-е изд. (посмертное). М., 32 стр.; 3-е изд. (посмертное). М., 31 стр.
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, т. 1. 7-е изд. М.—Л., XVIII, 688 стр.
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, ч. 1—2, 5-е изд. М.—Л.
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, ч. 1—2, 6-е изд. М.—Л.
- Ред.: Ленин В. И.* Сочинения, т. IX. 2-е изд. М.—Л., VIII, 616 стр.

1931

- Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики в пролетарской революции. 4-е изд. М.—Л., 268 стр.
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, тт. 2—3, ч. 1—2. М.—Л.

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—2, 8-е изд. М.—Л.

Пер.: Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. 6-е стереотипное изд. М.—Л., XI, 460 стр.

1932

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, ч. 1—2, 8-е изд. М.

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 2, 9-е изд. М., XXIII, 384 стр.

1933

О правой и неправой вере. 3-е изд. М., 12 стр.

О социалистическом строительстве. Сборник статей. М., 112 стр.

О таинстве святого причащения. 6-е изд. М., 20 стр.

Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики пролетарской революции. 5-е изд. М., 202 стр.

Это было. Рассказы о божественном. 3-е изд. М., 28 стр.

1934

Мысли о религии. 7-е изд. М., 32 стр.

Рец.: Ярославский Ем.— В кн.: *Ем. Ярославский.* О религии. М., 1938,

О правой и неправой вере. 4-е изд. М., 14 стр.

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 1. М., VI, 943 стр.

1935

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, ч. 1—2, 8-е изд. М.

1936

Беседы о вере. О правой и неправой вере. О таинстве святого причастия. М., 40 стр.

Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. М., 114 стр.

Мысли о религии. Избранные антирелигиозные произведения. М., 344 стр.

Рец.: Ярославский Ем.— В кн.: *Ем. Ярославский.* О религии. М., 1938, стр. 314; *П. Федосеев.*— «Книга и пролетарская революция», № 10, стр. 55—58.

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 1—3. 8-е изд. М.

1937

Беседы о вере. О правой и неправой вере, о таинстве святого причащения. Иркутск, 44 стр.

О бесах и бесовских искушениях. М., 28 стр.

Рец.: Олещук Ф.— «Книга и пролетарская революция», 1938, № 1, стр. 159—160.

Пер. на укр. яз.: Киев, 1938.

О вере в бога и вере в дьявола. М., 34 стр.

Рец.: А. С.— «Книга и пролетарская революция», № 10, стр. 154—155.

О правой и неправой вере. М., 11 стр.

Рец.: А. П.— «Книга и пролетарская революция», № 11, стр. 166—167.

- О правой и неправой вере. О происхождении и классовой сущности религии. Новосибирск, 8 стр.
- О таинстве святого причащения. М., 16 стр.
Рец.: Олещук Ф.— «Что читать», № 12, стр. 31—32; *он же.* «Книга и пролетарская революция», 1938, № 1, стр. 159—160.
- Об аде и рае. Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. Изд. 10-е. М., 110 стр.
Рец.: Олещук Ф.— «Книга и пролетарская революция», 1938, № 1, стр. 159—160.
- Об аде и рае. Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. Перенеч. с 10-го изд. Иркутск, 82 стр.
- Об аде и рае и их обитателях. М., 31 стр.
- Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики пролетарской революции. 6-е изд. М., 302 стр.
- Это было. Антирелигиозные рассказы. М., 22 стр.
Рец.: А. П.— «Книга и пролетарская революция», № 11, 166—167.
- Это было. 3 антирелигиозных рассказа. Новосибирск, 20 стр.
Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 1. М., VIII, 864 стр.
- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, т. 1. М., VII, 770 стр.

1938

- Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики пролетарской революции. 7-е изд. М., 180 стр.
Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, тт. 2—3, ч. 1—2. 8-е изд. М.

1940

- Об аде и рае. Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках в праведниках и о путях ко спасению. М., 79 стр.

1941

- Об аде и рае. Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. 11-е испр. изд. М., 120 стр.
- Это было. Антирелигиозные рассказы. 5-е изд. М., 32 стр.

1949

- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, ч. 1—2. М.

1950

- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, ч. 1—2.

1951

- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, ч. 1—2. М.

1952

- Пер.: Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—2. М.

1953

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—2. М.

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 3, ч. 1—2. М., III, 932 стр.

1954

Мысли о религии. М., 38 стр.

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 3, ч. 1—2. М., III, 932 стр.

1955

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—3, ч. 1—2. М.

1958

Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. М., 110 стр.

Мысли о религии. М., 32 стр.

Происхождение нашего бога (по Г. Кунову). М., 135 стр.

1959

Благочестивые размышления об аде и рае, бесах и ангелах, грешниках и праведниках и о путях ко спасению. М., 110 стр.

Избранные атеистические произведения. М., 568 стр.

Рец.: Олещук Ф.— «Наука и религия», № 4, стр. 93—94; *Крыжелев И. А.*— «Вестник АН СССР», 1960, № 6, стр. 150—152.

Мысли о религии. М., 32 стр.

О таинстве святого причащения. М., 30 стр.

Это было. М., 35 стр.

Пер.: Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М., 491 стр.

1960

Беседы о вере. М., 40 стр.

Из истории русской православной церкви.— «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», № 4, стр. 263—285.

Моя первая встреча с В. И. Лениным.— В кн.: «Они встречались с Ильичем». М., стр. 12—19.

1961

О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах. М., 14 стр.

1963

Торбеевский идол. Рассказ для младшего школьного возраста. М., 15 стр.

Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 1. М., VIII, 907 стр.

1968

Основные течения в антирелигиозной пропаганде.— В кн.: «Деятели Октября о религии и церкви». М., стр. 184—195.

Моя первая встреча с В. И. Лениным.— *В кн.*: «Наш Ильич». Москвичи о Ленине. Воспоминания. Письма. Приветствия. М., стр. 91—98.
Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, тт. 1—2. М.

Избранное. М., 254 стр.
Пер.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. 3, ч. 1—2. М., IV, 1084 стр.

ЛИТЕРАТУРА О И. И. СКВОРЦОВЕ-СТЕПАНОВЕ

- Ленин В. И.* Победа кадетов и задачи рабочей партии.— Полн. собр. соч., т. 12, стр. 271—352.
- Ленин В. И.* Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, стр. 43—93.
- Ленин В. И.* Люди с того света.— Полн. собр. соч., т. 35, стр. 229—231.
- Ленин В. И.* Собрание актива московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. 1. Доклад о концессиях. 2. Заключительное слово по докладу о концессиях.— Полн. собр. соч., т. 42, стр. 55—83.
- Ленин В. И.* Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства».— Полн. собр. соч., т. 45, стр. 51—52.
- Ленин В. И.* Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 2 декабря 1909 г.— Полн. собр. соч., т. 47, стр. 223—225.
- Ленин В. И.* Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 г.— Полн. собр. соч., т. 47, стр. 226—232.
- Ленин В. И.* Письмо А. М. Горькому. Позднее 25 января 1913 г.— Полн. собр. соч., т. 48, стр. 152—155.
- Ленин В. И.* Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 24 марта 1914 г. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 275—276.
- Ленин В. И.* Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 19 марта 1922 г.— Полн. собр. соч., т. 54, стр. 209—210.
- Ленин В. И.* Письма к родным 1893—1922 гг.— Полн. собр. соч., т. 55.
- «Ленинский сборник», XIX, стр. 466—468.
- «Ленинский сборник», XX, стр. 221, 354.
- «Ленинский сборник», XXI, стр. 260—261.
- «Ленинский сборник», XXIII, стр. 12, 205—206.
- «Ленинский сборник», XXIV, стр. 102.
- «Ленинский сборник», XXXV, стр. 158.
- «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 487.
- Два письма В. И. Ленина И. И. Скворцову-Степанову.— «Пролетарская революция», 1929, № 10, стр. 122—126.
- Ответ В. И. Ленина на письмо И. И. Скворцова-Степанова (март 1914 г.). С приложением факсимиле письма В. И. Ленина и письма И. И. Скворцова-Степанова В. И. Ленину. Публикация Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под ред. Володарской А. М. и Степанова А. В. Примечания А. М. Володарской.— «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 11—18.
- Амиантов Ю. Н.* И. И. Скворцов-Степанов (к 95-летию со дня рождения).— «Вопросы истории КПСС», 1965, № 3, стр. 69—73.
- Амиантов Ю. Н.* и *Устинов В. М.* Верный сын партии. М., 1960, 32 стр.
- Аросев А.* Институт Ленина.— «Пролетарская революция» 1923, № 11, стр. 269—270.
- Аросев А.* Мужик и барин.— *В кн.*: «Октябрьские рассказы». М., 1925, стр. 14.
- Аросев А.* Об институте Ленина.— «Под знаменем марксизма», 1923, № 10, стр. 252—255.

- Бешкин Г. И. И. Степанов как историк-публицист.*— «Новый мир», 1929, № 8-9, стр. 180—194.
- Бонч-Бруевич В. И. И. Скворцов-Степанов.*— «Пролетарская революция», 1928, № 11-12, стр. 286—295.
- Бонч-Бруевич В.* Неизменно преданный делу революции.— «Смена» (Ленинград), 10 октября 1928 г.
- Булкина В. П.* До 100-річчя від дня народження І. І. Скворцова-Степанова.— «Укр. Історичний журнал», 1970, № 3, стр. 122—124.
- Василенко В.* Кроме того, редактор.— «Журналист», 1928, № 11, стр. 4.
- Васильев-Южин М.* В огне первой революции.— «Пролетарская революция», 1926, № 7, стр. 144.
- Вересаев В. В.* Сочинение, т. 4. М., 1948, стр. 444—445.
- Волин Б.* На смерть И. И. Скворцова-Степанова. Большевик — литератор — газетчик — ученый.— «Журналист», 1928, № 11, стр. 2—3.
- Волковичер И.* История журнала «Рабочий труд».— «Пролетарская революция», 1923, № 8, стр. 67—78; № 9, стр. 168—181.
- «Герои Октября». М., 1967, стр. 9, 26, 47, 56 и мн. др.
- Гладков Ф.* О человеке.— «Известия», 14 октября 1928 г.
- Гладков Ф. И. И. Скворцов-Степанов.*— В кн.: *Гладков Ф.* О литературе. М., 1955, стр. 169—181.
- Горев М.* Безбожник-большевик.— «Новый мир», 1928, № 11, стр. 193—205.
- Горький М. И. И. Скворцов.*— «Известия», 10 октября 1928 г.
- Горький М. И. И. Скворцов.*— Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 17. М., 1952, стр. 109—110.
- Дауге П. Г.* Мои воспоминания.— «Пролетарская революция», 1928, № 11—12, стр. 193—219.
- Димитров Г.* Памяти Скворцова-Степанова.— «Известия», 20 октября 1928 г.
- Енукидзе А.* Памяти соратника и друга.— «Правда», 9 октября 1928 г.
- Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966, стр. 4, 32, 82, 91, 92 и мн. др.
- Ефимов Б.* «Смотр» двадцать седьмого года.— «Неделя», 1967, № 11.
- Зингер М.* Мелкие штрихи.— «Красная нива», 1928, № 43, стр. 14.
- Зыбковец В. Ф.* Очерк жизни и литературно-атеистической деятельности.— В кн.: *И. И. Скворцов-Степанов.* Избранные атеистические произведения. М., 1959, стр. 5—42.
- Зыбковец В. Ф.* Проблема происхождения религии в советской науке.— В кн.: «Вопросы истории религии и атеизма», № 6. М., 1958, стр. 341—347.
- Иван Иванович Скворцов-Степанов.* [О деятельности в области критики религии].— «Наука и религия», 1967, № 11, стр. 28—29.
- Игнатов Е.* Государственное совещание в Москве.— «Пролетарская революция», 1927, № 8—9, стр. 100, 102.
- Из литературных архивов. (Из истории издания журнала «Новый мир». Публикация писем авторов и сотрудников журнала редактору В. П. Полонскому и соредктору И. И. Скворцову-Степанову).— «Новый мир», 1964, № 10, стр. 192—206.
- Климов И. М. И. И. Скворцов-Степанов* — историк-большевик (1870—1928).— «Труды Воронежского университета», т. 85, 1969, стр. 24—59.
- Кривоц С. И. И. Скворцов-Степанов.*— «Вестник Коммунистической Академии», 1928, кн. XXX (6), стр. 7—16.
- Кривоц С. И. И. Скворцов-Степанов.*— «Под знаменем марксизма», 1928, № 11, стр. 123—129.
- Леви Е.* «Большевики Москвы. 1905». М.— Л., 1925, стр. 31—32.
- «Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1955, стр. 129—130.
- Лопаткин С.* 10 лет Коммунистической Академии.— «Революция и культура», 1928, № 21, стр. 40.
- Лукачевский А. И. И. Скворцов-Степанов* как автор массовой антирелигиозной книжки.— «Антирелигиозник», 1929, № 11, стр. 8—14.
- Лукачевский А.* 13 лет Октября и антирелигиозная пропаганда.— «Антирелигиозник», 1930, № 10, стр. 3—4.

- Луначарский А. В. И. И. Скворцов-Степанов.— В кн.: Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968, стр. 248—253.
- Лядов М. Как зародилась московская рабочая организация.— В кн.: «На заре рабочего движения в Москве». М., 1932, стр. 81.
- Малинин Д. Из воспоминаний о кружке семинаристов-марксистов.— В кн.: «Из партийного прошлого», вып. 1. Калуга, 1921, стр. 103.
- Меницкий И. Революционное движение военных годов. М., 1925, стр. 171, 172, 228, 290, 294 и мн. др.
- Мещераков Н. Биографический очерк.— В кн.: Скворцов-Степанов И. И. Мысли о религии. М., 1936, стр. 10—21.
- Мещераков Н. Из воспоминаний.— «Известия», 10 октября 1928 г.
- Мещераков Н. Просветитель пролетариата.— «Новый мир», 1928, № 12, стр. 176—182.
- Мицкевич С. И. Лекторская группа при Московском комитете партии в 1905—1907 гг.— «Пролетарская революция», 1925, № 9, стр. 49—61.
- Мицкевич С. И. Революционная Москва 1888—1905 гг. М., 1940, стр. 358, 372—375, 380—381, 385 и мн. др.
- Московская дума после Октября.— «Красный Архив», 1928, № 2 (27), стр. 66.
- Московский Военно-Революционный Комитет.— «Красный Архив», 1927, № 4 (23), стр. 91, 124—125.
- Неский В. И. И. И. Скворцов-Степанов.— «Печать и революция», 1928, № 8, стр. 9—15.
- Неминов Е. И. Воспоминания старого рабочего.— В кн.: «На заре рабочего движения». М., 1932, стр. 170.
- Орешкин В. В. Аграрный вопрос в трудах соратников В. И. Ленина. М., 1970, стр. 16—20, 125, 128—130 и мн. др.
- Орешкин В. В. Вопросы империализма в работах большевиков-ленинцев. М., 1968, стр. 6, 43, 56—59, 63—67, 95—113.
- Орешкин В. В. Ученый-революционер (специалист в области политэкономии).— «Экономическая газета», 10 мая 1967 г.
- Орешкин В. В. Ученый-экономист ленинской школы (к 100-летию со дня рождения И. И. Скворцова-Степанова).— «Известия АН СССР. Серия экономическая», 1970, № 2, стр. 116—123.
- Памяти революционера и ученого.— «Коммунистическая революция», 1928, № 19, стр. 3—4.
- Памяти И. И. Скворцова-Степанова.— «Каторга и ссылка», 1928, № 11, стр. 138—139.
- Памяти старейшего антирелигиозника.— «Антирелигиозник», 1928, № 10, стр. 5—9.
- Первый вечер воспоминаний участников Окружной организации 4 января 1923 г.— В кн.: «Путь к Октябрю», вып. 2. М., 1923, стр. 81.
- Подвигина Е. История одной дарственной надписи. (О надписи, сделанной И. И. Скворцовым-Степановым на экземпляре своей брошюры «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», подаренном В. И. Ленину).— «Новый мир», 1960, № 4, стр. 210—213.
- Покровский М. Н. Иван Иванович Скворцов-Степанов.— «Вестник Коммунистической Академии», 1928, кн. XXX (6), стр. 3—6.
- Покровский М. Н. Литературная группа МК в 1905 году.— «Известия», 25 декабря 1925 г.
- Покровский М. Н. [Ответное слово на торжественном заседании, посвященном 60-летию М. Н. Покровского].— В кн.: «На боевом посту марксизма». М., 1929, стр. 54.
- Покровский М. Н. Штабной старой гвардии.— «Известия», 16 октября 1928 г.
- Полидоров С. Памяти философа-безбожника.— «Безбожник у станка», 1928, № 11, стр. 3.
- Полторацкий В. Для трудящихся.— В кн.: «Партия шагает в революцию». М., 1969, стр. 328—336.
- Пудов С. Я. И. И. Скворцов-Степанов. (Мои воспоминания).— «Каторга и ссылка», 1928, № 12, стр. 144—146.

- Разломалин Д. В.* Первые шаги партийной организации в Калуге.— В кн.: «Из партийного прошлого». Калуга, 1921, стр. 41—46.
- Рожков Н. А.* Автобиография.— «Каторга и ссылка», 1927, № 3, стр. 162—163.
- Рожков Н. А., Соколов А.* О 1905 годе. Воспоминания. М., 1925, стр. 5—22.
- Рожков Н. А.* 1906-й год. Воспоминания.— «Каторга и ссылка», 1925, № 19, стр. 54.
- Рыклин Г.* Иван Иванович Скворцов-Степанов.— «Советская печать», 1957, № 6, стр. 36—38.
- Рыклин Г.* Мой главный редактор.— В кн.: *Рыклин Г.* Вот какие дела! М., 1963, стр. 191—201.
- Рыклин Г.* Перо и сердце большевика. М., 1968, 46 стр.
- Рыклин Г.* Речь пойдет о друге и товарище. Страницы воспоминаний.— «Литературная Россия», 27 мая 1966 г.
- Рыклин Г.* У вас темы нет, что ли? (О стиле работы редактора газеты «Известия») И. И. Скворцова-Степанова с фельетонистами. Из воспоминаний.— «Советская печать», 1964, № 2, стр. 51—52.
- Рязанов А. И.* Воспоминания.— В кн.: «На заре рабочего движения». М., 1932, стр. 138—139.
- Савельев М.* Один из старой гвардии.— «Правда», 9 октября 1928 г.
- Савельев М.* Памяти старого большевика.— «Пролетарская революция», 1928, № 11—12, стр. 295—300.
- Савельев М.* Прошел год.— «Известия», 8 октября 1929 г.
- Савельев М.* Работа Института Ленина.— «Пролетарская революция», 1929, № 1, стр. 266—272.
- Савельев М.* И. И. Скворцов-Степанов.— «Революция и культура», 1928, № 19, стр. 48—51.
- Саралиева З. Х.* Об изданиях «Капитала» К. Маркса в России.— «История СССР», 1970, № 5, стр. 121—124.
- Соловьев В.* В Московском Совете и районах.— «Пролетарская революция», 1924, № 10, стр. 75, 81.
- Те, чьё дело мы продолжаем. (И. И. Скворцов-Степанов).— «Наука и религия», 1967, № 11, стр. 28—29.
- Тихомиров Б.* Иван Иванович Скворцов-Степанов.— В кн.: *И. И. Скворцов-Степанов.* Избранные произведения, т. 1. М., 1930, стр. III—XXXV.
- Толстой А. Н.* Письмо И. И. Скворцову-Степанову.— «Новый мир», 1964, № 10, стр. 203.
- Ученый-публицист И. И. Скворцов-Степанов.— В кн.: «Герои Октября». М., 1967, стр. 17—19.
- Филимонов Э. Г.* И. И. Скворцов-Степанов о религии.— «Наука и жизнь», 1959, № 4, стр. 50—52.
- Халатов А.* Жизнь, которая служит примером.— «Известия», 8 октября 1929 г.
- Ходоровский И.* Некоторые моменты из жизни московской партийной организации в 1907 году.— «Пролетарская революция», 1925, № 2, стр. 192.
- Чаадаева О.* К характеристике развития калужской партийной организации.— В кн.: «Из партийного прошлого», вып. 1. Калуга, 1921, стр. 18—19.
- Черномордик Д.* Боец-революционер.— «Правда», 8 октября 1929 г.
- Черномордик Д.* И. И. Скворцов-Степанов. Один из немногих.— «Красная пива», 1928, № 43, стр. 12—14.
- Черномордик Д.* Три поколения.— «Известия», 8 октября 1929 г.
- Чужак Н.* Рожков в ссылке.— «Каторга и ссылка», 1927, № 3, стр. 174, 177.
- Шагнович М.* «Патриарх безбожников».— «Наука и религия», 1963, № 4, стр. 44—47.
- Шаранов Ю. П.* Революционер, редактор, ученый. (К 100-летию со дня рождения И. И. Скворцова-Степанова).— «Известия», 7 марта 1970 г. (веч. вып.).
- Шаров В. В.* Иван Иванович Скворцов-Степанов. М., 1972, 119 стр.
- Шаров В. В.* Особенности публицистического мастерства И. И. Скворцова-Степанова.— «Вестник МГУ». Серия «Филология. Журналистика», 1963, № 5, стр. 19—32.

- Шаров В. В.* Революционер, ученый, публицист (К 100-летию со дня рождения И. И. Скворцова-Степанова).— «Правда», 8 марта 1970 г.
- Шаров В. В.* И. И. Скворцов-Степанов — редактор «Известий».— «Вестник МГУ». Серия «Филология, Журналистика», 1963, № 3, стр. 21—34.
- Шейнман М. М.* И. И. Скворцов-Степанов (Об атеистических работах. К 100-летию со дня рождения).— «Вопросы научного атеизма», 1970, вып. 10, стр. 253—269.
- Ярославский Ем.* Можно ли сотрудничать в антирелигиозной пропаганде с механистами.— «Антирелигиозник», 1930, № 5, стр. 68—71.
- Ярославский Ем.* Памяти славного безбожника.— «Безбожник», 1 октября 1938 г.
- Ярославский Ем.* Памяти славного безбожника.— В кн.: *Ем. Ярославский.* О религии. М., 1957, стр. 311—315.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке (20-е — начало 30-х годов XX в.) Г. Д. Алексеева	5
Великая Отечественная война и железнодорожный транспорт СССР (Историография проблемы) Г. А. Куманев	26
Журнал «Историк-марксист» — орган Общества историков-марксистов и Института истории Комкадемии А. И. Алаторцева	45
Трудовая группа в период первой русской революции в освещении советской историографии Д. А. Колесниченко	91
Проблема периодизации русской историографии в трудах буржуазных историков середины XIX — начала XX в. Р. А. Киреева	105

II. ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ЕЕ КРИТИКА

Французская историография антигитлеровской коалиции В. С. Рыкалов	138
Современная буржуазная историография Запада об антисоветской интервенции Антанты в 1917—1920 гг. О. Ф. Соловьев	162
Исторические взгляды Джона Фиске И. П. Дементьев	189
Об одной концепции происхождения свободного крестьянства в средние века М. А. Барг	202

III. ИСТОРИКИ. ИХ ТРУДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Основные вехи творческого пути А. А. Губера (1902—1971)	
Г. И. Левинсон	226
Научные труды и педагогическая деятельность П. П. Щеголева (1903—1936)	
А. И. Молок	237
А. Л. Попов — историк внешней политики России и международных отношений	
В. И. Мендельсон	252
Первый том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в оценке современников	
А. Н. Цамутали (Ленинград)	274
Проекты В. Н. Татищева 1721—1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и в Сибири	
А. И. Юхт	293

IV. ПУБЛИКАЦИИ

М. К. Лемке о событиях революции 1905—1907 гг.	
М. Г. Вандалковская	331
Академик С. Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе	
А. А. Зимин	351

V. БИБЛИОГРАФИЯ

Академик Владимир Михайлович Хвостов	
(24 июня 1905 — 9 марта 1972)	
В. А. Дунаевский	377
Список трудов академика В. М. Хвостова за 1965—1972 гг.	
Составители Н. Я. Крайнева и П. В. Пронина	380
Иван Иванович Скворцов-Степанов (8 марта 1870—8 октября 1928)	
Г. М. Амешина	787
Библиография трудов И. И. Скворцова-Степанова	
Составитель Г. М. Амешина	390

История и историки.
Исторический ежегодник. 1971 г.

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. М. Медведев*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*
Художник *Л. С. Эрман*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 26/I-1973 г.
Подписано к печати 27/VI-1973 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 26.
Уч.-изд. л. 30,7. Тираж 2000 экз.
Т-07478. Тип. зак. 1672

Цена 2 р. 08 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука», 121099,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
138	5 сн.	Н. И. Иноземцева	Н. Н. Иноземцева
162	14 сн.	Коутсов	Коутсов
176	4 сн.	1900	1960
391	2 сн.	Гоффдинг	Геффдинг
393	5 сн.	В. Базаров	А. Базаров

История и историки

